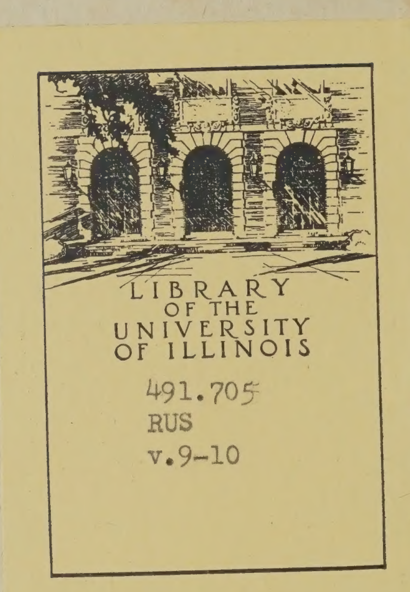
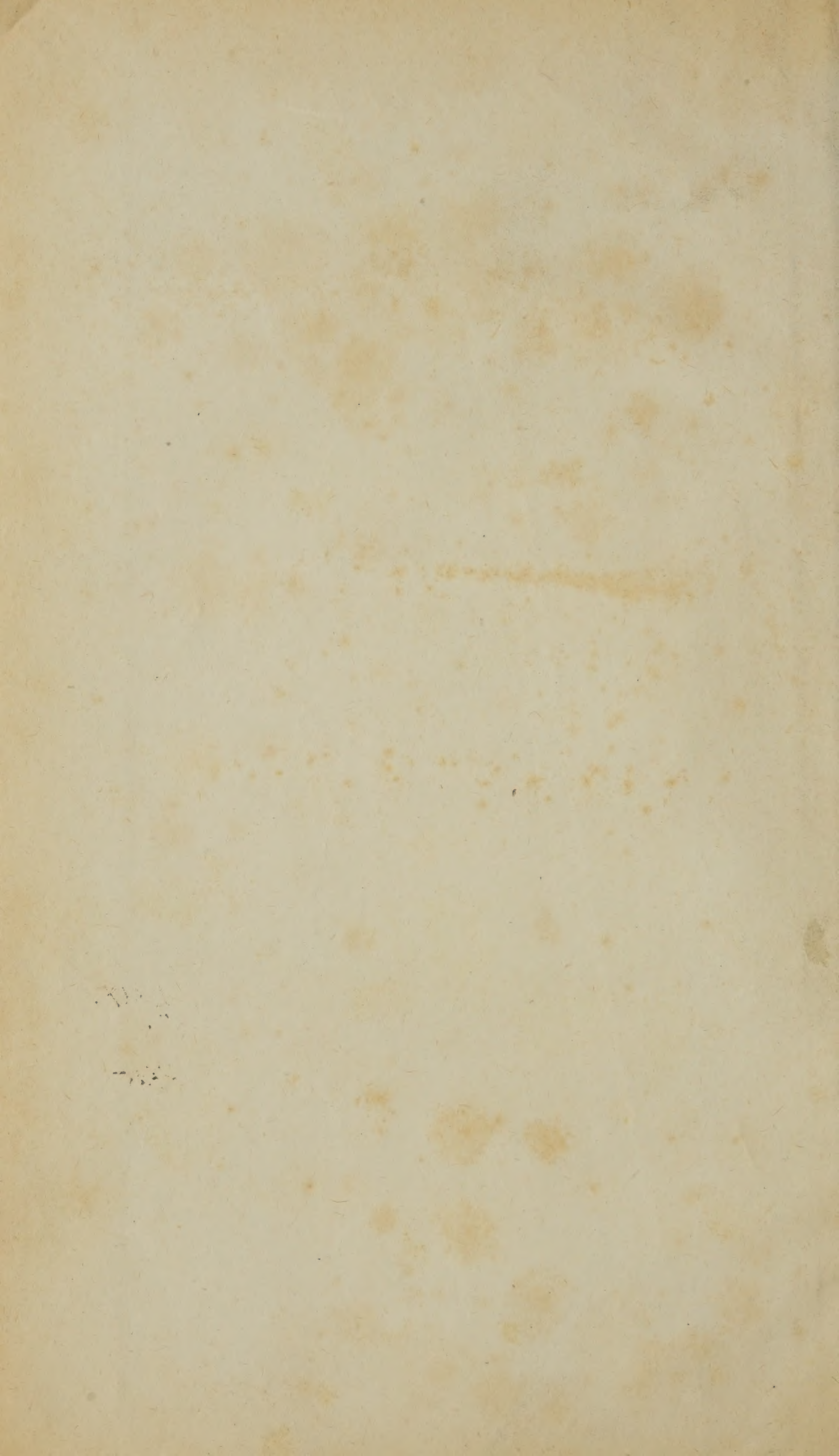

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
RUS
v.9-10

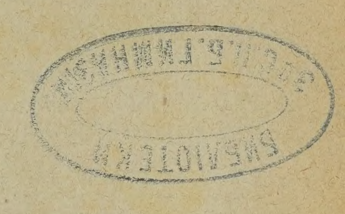

CoLibrì
COVER SYSTEM
Made in Italy

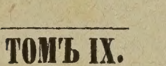

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. СМИРНОВА.

ТОМЪ IX.

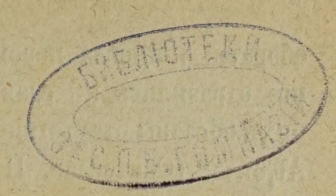
(Годъ 5-ый).

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго
Краковское-Предмѣстье N. 415 (15).

1883.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 5 Апрѣля 1883 г.

Греко-славянскіе этюды.

При изученіи греческихъ словъ, вошедшихъ въ письменность древнихъ Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду то, что Славяне-переводчики передавали ихъ на своемъ языкѣ не всегда такъ, какъ они писались погречески, а часто такъ, какъ они произносились въ современной имъ живой греческой рѣчи. Такъ, въ церковно-славянскихъ памятникахъ мы находимъ написанія *ангелъ*, *фарисеи*, *икона*, передающія не правописаніе Грековъ византійскаго періода ἄγγελος, φαρισαῖος, εἰκών, а ихъ произношеніе áŋγelos, fariséos, ikón. Точно такъ же въ церковно-слав. памятникахъ мы находимъ написанія *амбонъ*, *змюрна*, *презвютеръ*, передающія опять таки не средне-греч. правописаніе ἄμβων, σμύρνα, πρεσβύτερος, а средне-греч. произношеніе ámbon, zmýrna, prezvýteros. Вслѣдствіе этого фонетику греческихъ словъ, вошедшихъ въ древнюю славянскую письменность, часто слѣдуетъ объяснять при помощи фонетики средне-греческаго языка, насколько она намъ извѣстна по памятникамъ и насколько мы можемъ о ней судить по даннымъ современныхъ ново-греческихъ говоровъ. Мы не имѣемъ намѣренія говорить о фонетикѣ этихъ словъ вообще, а имѣемъ въ виду коснуться лишь немногихъ частныхъ вопросовъ.

1.

Средне-греческій языкъ, между прочими отличіями отъ древне-греческаго [1]), имѣлъ то, что γ въ немъ переходила часто въ j (явленіе обычное въ ново-греческомъ яз.) и, на

---

[1]) Ср. G. Meyer, Griechische Grammatik, § 220.

оборотъ, j иногда переходилъ въ мягкую γ. Оба эти явленія отразились въ славянскихъ памятникахъ. Первому изъ нихъ обязаны отсутствіемъ *г* слова: др.-русск. *Ѥгипть*, *Ѥюпть* Αἴγυπτος (Святослав. Изборникъ 1073 г., Сборникъ XIII в. Имп. Публ. Б. Q. I. 18, л. 28, Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 986 г. и друг.), *Ѥории* Γεώργιος (Слова Григорія Богослова XIV в., Описаніе Синодальн. Б., 2, II, 86), *Юрии*, *Юргии*, *Юргь* id., современн. русск. *ирмолой* εἱρμολόγιον, *налой* ἀναλόγιον. Второму явленію обязаны своимъ *г* и ђ слова: ц.-слав. и др.-русск. *генварь*, *генъварь* ἰανουάριος, *алилуги*, *алилугия* ἀλληλούϊα, ср.-болг. и др.-рус. *гета* ἰῶτα (изъ *гёта*, какъ *Иѥрданъ* изъ **Иjорданъ*, *Иѥсифъ* изъ *Иjосифъ*; Дечанское Ев., Срезневскій, Пам. юс. п., 385; Галицкое Ев. 1143 г., л. 9; Ев. Моск. Типогр. Б. XII в. N 1, л. 8 об.; Холмское Ев. XIII в. М. Румянц. Муз., л. 159 об.), др.-сербск. *ђюстина* Ἰουστίνη Justina (изъ **Гюстина*; ср. *ђемонъ* изъ *гемонъ* ἡγεμών; Ев. XII в., Срезневскій, Свѣд. и Зам. XLVI).

2.

Въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ мы находимъ нѣсколько греческихъ словъ съ вставкою неорганическаго *г*: *Евга* Εὔα, *Левги* Λευΐ, *левгитъ* λευΐτης *Ниневгии* Νινευή, *Севгиръ* Σευῆρος Severus, *параскевги* παρασκευή, *алгуи* ἀλόη [1]). Обыкновенно думаютъ, что *г* этихъ словъ явилось на славянской почвѣ, но такое мнѣніе совершенно безосновательно. Не смотря на то, что въ ново-греческомъ языкѣ древняя γ очень часто (передъ ι и ε постоянно) звучитъ какъ j или совсѣмъ не произносится, въ этомъ языкѣ сохранились еще слѣды неорганической γ: νγάλλω изъ *ἐκβγάλλω = ἐκβάλλω [2]) и т. п. Ихъ особенно

---

[1]) Къ этимъ словамъ, можно, кажется, присоединить также ново-болг. *маргаз* μαρασμός (Dozon, Блъгарск. нар. п., 30).

[2]) Существуетъ мнѣніе, что νγάλλω образовалось изъ ἐκβάλλω черезъ отпаденіе начальнаго ε и перестановку κ и β

много въ кипрскомъ говорѣ ново-греческаго яз., въ которомъ γ нерѣдко замѣняется черезъ κ (γεώρκιον вмѣсто γεώργιον, κεφαλαλκά изъ κεφαλαλγία), вслѣдствіе чего древняя неорганическая γ является въ немъ въ видѣ δεμάτκιον = δεμάτιον, δκιέτης = διέτης, δκιακλύζω = διακλύζω, δόντκιον = ὀδόντιον и друг. (Kuhn's Zeitschrift, XV, 182 слѣд.). Въ средне-греческомъ яз. вставка неорганической γ была, вѣроятно, довольно обычнымъ явленіемъ и ей-то обязано своимъ происхожденіемъ *г* въ слав. *Евга* и друг.

3.

Уже въ I вѣкѣ по Р. Х. древне-греч. слова на ιος и ιον въ произношеніи Грековъ имѣли стяженныя окончанія, звучавшія ις и ιν (Curtius' Studien, III, 169 слѣд.). Славяне передавали ихъ черезъ *ѣ* и *ь* (сравни передачу окончанія ης черезъ *ъ*: *Іоаннъ* Ἰωάννης, *Діомидъ* Διομήδης), вслѣдствіе чего въ церковно-слав. и древне-русск. памятникахъ мы находимъ: *генварь* ἰανουάριος, *февраръ* φεβρουάριος, *мартъ* μάρτιος, *априль* ἀπρίλιος, *іюнь* ἰούνιος, *іюль* ἰούλιος, *септѧбрь* σεπτέμβριος, *ноѩбрь* νοέμβριος, *декѧбрь* δεκέμβριος, *пономарь* παραμονάριος, *Авьтухъ*, *Еутухъ* Εὐτύχιος, (Саввина Кн., Остромир. Ев.), *Григоръ*, *Григорь* Γρηγόριος (Савв. Кн., Супрасл. рук., Ассеман. Ев., Остромир. Ев.), *Антонъ* Ἀντώνιος, *Зиновъ* Ζηνόβιος (Ассеман. Ев.), *Евлампъ* Εὐλάμπιος, *Дометъ* Δομέτιος, *Димитръ* Δημήτριος, *Порфуръ* Πορφύρειος (Остромир. Ев.), *Анастасъ* Ἀναστάσιος (Архангельск. Ев., Стихирарь 1157 г.) и друг.; *манастырь* μοναστήριον, *псалтырь* ψαλτήριον [1]), *тропарь*, *трепарь* τροπάριον, *кондакъ* κοντάκιον, *кондакарь* κοντακάριον, *тріодь* τριῴδιον, *ѥпетрахиль* ἐπιτραχήλιον, *потиръ*, *потирь* ποτήριον и друг.

(Curtius' Studien, IV, 239), но съ нимъ нельзя согласиться уже въ виду того, что черезъ перестановку κ и β должно получиться не νγάllo, а νκάllo.

[1]) Окончаніе *ырь*, вмѣсто *иръ*, *ирь*, явилось подъ вліяніемъ слав. словъ на *ырь*: *пузырь*, *пустырь*, *пластырь*.

Рядомъ со словами на *ъ*, *ь*, передающими средне-греческое произношеніе, мы очень часто встрѣчаемъ слова на *іи*, *еи*, *ію*, *ью*: *Григоріи*, *Григореи*, *лентии* λέντιον (Супрасл. рук.), *евангеліѥ*, *евангелью* εὐαγγέλιον; эти послѣднія передаютъ средне-греческое правописаніе.

Греческія слова на ογιον, вслѣдствіе произношенія γ какъ j, въ русскихъ памятникахъ передаются съ окончаніемъ *ой*: *ирмолой* εἱρμολόγιον, *налой* ἀναλόγιον и друг. Сравни ново-греч. Іоғόі = ὡρολόγιον (Curtius' Studien, V, 366).

4.

Вмѣсто современныхъ *Николай*, *Ермолай* въ памятникахъ древне-русскаго языка мы находимъ постоянно *Никола* [1]) и часто *Ермола*: стго **Ѥ***рмолы* (Ев. 1358 г. М. Синод. Б. N 69, л. 208), оца **Ѥ***рмолы* (Ев. XIV в. Срезневскій, Св. и Зам. LXXIX, 556), мчк **Ѥ***рмолы* (Псалтырь XIV в. М. Синод. Б. N 325, л. 189), *Ермола* Тимоѳеевъ, брату своему *Ермолѣ* Микифорову (Юридич. акты XIV в., Буслаевъ, Ист. Хрест., 558, 559) и друг. *Никола* встрѣчается постоянно въ церковно-славянскихъ, средне-болгарскихъ и древне-сербскихъ памятникахъ (между прочимъ въ Саввиной Книгѣ и Ассеман. Ев.); оно остается въ употребленіи и въ современныхъ русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ языкахъ. *Ермола* (откуда фамилія *Ермолинъ*) употребляется теперь только въ русскомъ яз., и то очень рѣдко. Оба эти имени произошли не прямо изъ Νικόλαος, Ἑρμόλαος, а черезъ посредство средне-греческихъ сокращен-

---

[1]) Исключая зват. п., который всегда пишется *Николаѥ*. Употребительная въ нынѣшнихъ церковныхъ книгахъ форма *Николай* явилась впервые при патріархѣ Никонѣ и вызвала протестъ со стороны извѣстнаго протопопа Аввакума, который писалъ: „Николѣ чудотворцу дали имя нѣмецкое: Николай. Въ Нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а при апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая". Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, V, 293.

ныхъ Νικόλας, Ἑρμόλας; сравни съ одной стороны др.-греч. Σθενέλας при Σθενέλαος, Λαδάμας при Λαοδάμας (G. Meyer, Griech. Gramm. § 131), съ другой — слав. *Андрея* Ἀνδρέας, *Θома* Θωμᾶς и т. п.

5.

Греческое μοναστήριον въ церковно-слав. Супрасльской рукописи и древне-русскихъ памятникахъ передается постоянно не черезъ *монастырь*, какъ бы слѣдовало ожидать, а черезъ *манастырь*. Къ этой послѣдней формѣ восходятъ сѣв.-в.-русск. *манастырь* (Гильфердингъ, Онежск. Был., 292, 303 и др.), малорусск. *манастирь*, *манастиръ*, ново-болг. *манастир*, *мънастир*, сербск. *намастир*. Греческое μονομάχος въ новгородской Кормчей XIII вѣка передается черезъ *манамахъ* (Извѣстія Ак. Н., X, 628, bis); въ болѣе позднихъ памятникахъ, кромѣ *мономахъ*, оно передается также черезъ *манамахъ* (Дубенскій Сборникъ XVI в., Срезневскій, Св. и Зам., LVII, 319), *маномахъ* (Хронографъ XVII в.; Поповъ, Обзоръ хронографовъ, II, 252). Очевидно, что Славяне не замѣняли въ этихъ словахъ греческаго *о* своимъ *а* (они, какъ извѣстно, очень часто поступали на оборотъ и замѣняли греч. *а* своимъ *о*), а перенесли ихъ въ свой языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашли ихъ въ произношеніи Грековъ византійскаго періода, и что нѣкоторая часть этихъ послѣднихъ, вмѣсто μόνος, говорила μάνος [1]). Наше заключеніе подтверждается тѣмъ

---

[1]) Съ *а* въ *манастырь*, *манамахъ* и предполагаемомъ ср.-греч. μάνος сравни *а* въ др.-русскихъ словахъ: *Соломанъ* Σολομῶν (Минея XIII—XIV в. М. Публич. М. N 1205, л. 10 об.; Лаврент. сп. лѣтоп., passim), *араматы*, *арамаѳы* ἀρώματα (Добрилово Ев., л. 14; Ев. Георгія сына попа Лотыша, л. 8 об.; Ев. XIII в. Имп. Публ. Б. F. I. 6, л. 9 об., и др.), *сукомарія* συκομορία (Ев. XIII—XIV в. М. Румянц. М. N 107, л. 63; Ев. XIV в. того же М. N 109, л. 92), *арганъ* ὄργανον (Минея XIII—XIV в. М. Публ. М. N 1205, л. 14; Параклитъ 1369 г. М. Синод. Б., л. 36), а также *а* въ ново-болг. *мари* μωρή (при *море* μωρέ).

обстоятельствомъ, что Ново-греки, живущіе на островѣ Кипрѣ, вмѣсто μοναχός, обыкновенно говорятъ μανηχός (Kuhn's Z., XV, 180) [1].

А. Соболевскій.

[1]) Кипрское μανηχός наводитъ насъ на мысль, что ц.-слав., др.-русск. и др.-сербск. *мнихъ* вовсе не происходитъ отъ др.-в.-нѣм. munich, какъ обыкновенно предполагаютъ, а восходитъ къ средне-греч. *μονηχός, *μανηχός, произносившемуся иногда съ выпускомъ гласнаго послѣ μ (сравни др.-русск. *пармия* παροιμία въ Уставѣ церк. XII в. М. Синод. Б., лл. 24, 25, 32 об. и др., *споксарь* συναξάριον въ томъ же памятникѣ, лл. 48 об., 66 об. и др., а также Curtius' Studien, IV, 272). Слова *монахъ* и производныхъ отъ него не встрѣчается въ памятникахъ ни церковно-славянскихъ, ни древне-русскихъ.

ВВЕДЕНІЕ
В ИЗУЧЕНІЕ РУССКАГО ВОКАЛИЗМА.

(Окончаніе).

Обратимся к *сравненію* русскаго вокализма с вокализмом других языков, указывая при этом *сходство* и *различіе*. Это значит, что мы желаем расширить *классификацію* явленій вокализма, разсматривая эти явленія не в одном только языкѣ, но в разных языках, родственных и неродственных, и если бы было возможно — то во всѣх языках земнаго шара. При этом нужно помнить, что задача лингвиста, как естествоиспытателя, не просто собирательная, а исчерпывающая; какова бы ни была та область, в которую он погружается, он должен стремиться к исчерпывающей полнотѣ; слѣдовательно, главное наслажденіе лингвиста-естествоиспытателя должно состоять в достиженіи этой полноты. Он должен изучить классификацію и ведущій к ней метод.

Обратимся к **латинскому** вокализму [1]).

---

[1]) Краткое изложеніе относящихся сюда явленій можно также найти, между прочим, в:

Schleicher Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen (1876)[4] §§ 51—57; тоже (1866)[2].

Schweizer-Sidler Elementar- und Formenlehre der Lateinischen Spache für Schulen (1869) §§ 9, 12.

Здѣсь я должен упомянуть, что что я слушал у проф. Бодуэна-де-Куртенэ строго-научный курс сравнительной грамматики латинскаго языка, что облегчило мнѣ изложеніе явленій латинскаго вокализма.

1. В латинском языкѣ нѣт такого разнообразія в ударенiи, какое мы видим в русском языкѣ. Удареніе в латинских многосложных словах может стоять только или на втором, или на третьем слогѣ от конца. Оно стоит на втором слогѣ от конца, если он долог, напр.

amáre (любить);

если же второй слог краток, то удареніе стоит на третьем слогѣ отъ конца, напр.

légĕre (читать).

2. Сравним нѣкоторыя формы латинскаго глагола *legere* и родственнаго греческаго λέγειν (говорить):

λέγε (говори) ‡ lége[1]) (читай)

λεγέτω (пусть он говорит) ‡ légĭto (пусть он читает).

При сравненiи в нашем умѣ возникает мысль, не измѣнилось ли в латинском языкѣ краткое **е** послѣ ударенія внутри слова в ĭ?

Для рѣшенія этого вопроса мы собираем другіе однородные факты, напр.

λέγετε (говорите) ‡ légĭte (читайте).

Этот новый примѣр подтверждает наше предположеніе.

Другіе примѣры:

légo (собираю, читаю) || cóllĭgo (собираю)

délĭgo, élĭgo (выбираю, избираю)

régo (управляю) || árrĭgo (кверху поднимаю)

córrĭgo (выпрямляю)

dírĭgo (направляю)

---

[1]) Второй слог от конца краток и мы ожидаем, что удареніе должно быть на третьем слогѣ от конца, а между тѣм оно имѣется на втором слогѣ; это—по необходимости, так как третьяго слога в нашем словѣ нѣт. — Знак ‡ служит для обозначенія соотвѣтствій или отношеній в другом языкѣ, нарѣчiи или говорѣ; знак же || (или :) служит для обозначенія соотвѣтствій или отношеній в одном и том же языкѣ, нарѣчiи или говорѣ. Знаки эти введены проф. Бодуэном-де-Куртенэ.

ĕ́mo (покупаю) || dírĭmo (раздѣляю)
éxĭmo (вынимаю)
intérĭmo (уничтожаю, убиваю)
rédĭmo (выкупаю)
и т. п.

Мы брали простые глаголы, в которых имѣется краткое **ĕ** с удареніем. Если эти глаголы сложены с предлогом, то удареніе падает на предлог, и мы видим в этих глаголах краткое **ĭ**. Значит, всѣ эти примѣры подтверждают нашу мысль.

Неударенное **ă** в том же положеніи в латинском языкѣ измѣнилось также в **ĭ**, напр.

cắdo (падаю) || cécĭdi (я упал)
áccĭdo (припадаю)
cóncĭdo (обрушиваюсь)
décĭdo (спадаю)
éxcĭdo (выпадаю)
íncĭdo (падаю на что-нибудь или во что-нибудь)
и т. п.

Такіе примѣры, как
légŭnt (читают) из légŏnt
íllŭd (то) из íllŏd,
указывают на измѣненіе краткаго **ŏ** без ударенія в **ŭ** в латинском языкѣ.

3. Наше разсмотрѣніе латинскаго вокализма привело нас к нѣкоторым заключеніям. Теперь мы приложим эти заключенія к объясненію относящихся сюда затруднительных случаев, напр.:

sĕ́deo (сижу) || assĭ́deo (сижу при)
insĭ́deo (сижу на)
obsĭ́deo (осаждаю)
cắpio (беру) || accĭ́pio (получаю)
concĭ́pio (собираю)
decĭ́pio (обманываю)
excĭ́pio (вынимаю)
incĭ́pio (начинаю)

legúnto (пусть они читают)

и т. п.

В этих примѣрах мы видим рядом с ĕ́ и ŏ́ ударенные ĭ и ŭ. Для объясненія этого явленія мы предполагаем, что удареніе раньше было в этих случаях болѣе удалено от конца, именно на предлогѣ: ássĭdeo, áccĭpio, légŭnto. Значит, гласные ĕ и ŏ измѣнились в ĭ и ŭ до утвержденія однообразнаго ударенія в латинском языкѣ *(хронологическій вывод)*. Кромѣ того, мы приходим к заключенію, что однообразію латинскаго ударенія предшествовало разнообразіе, подобное напр. разнообразію ударенія русскаго.

4. Но мы встрѣчаем явленія, несогласныя с выведенными нами заключеніями. Так, рядом с

cắdo || cécĭdi

мы имѣем

pắrio (рождаю) || pépĕri (я родил).

Между тѣм мы ожидали бы *pépĭri. Как объяснить эту особенность? Оба слова cecidi и peperi—представляют одну и ту же форму, именно форму прошедшаго совершеннаго времени; в родственных им словах при удареніи мы одинаково встрѣчаем ă — cado, pario. При этих равных условіях нам однако бросается в глаза одно несходство: сравниваемый гласный в обоих словах находится между разными согласными; мы приходим таким образом к предположенію, не зависит ли разсматриваемое различіе неударенных гласных от различія сосѣдних согласных?

Посмотрим теперь, подтверждают ли факты это предположеніе? Если подтверждают, то каково именно вліяніе согласных?

régĕris (тобою управляют) || régĭtur (им управляют)
régĭmur (нами управляют)

míttĕris (тебя посылают) || míttĭtur (его посылают)
míttĭmur (нас посылают)

laédĕris (тебя оскорбляют) || laédĭtur (его оскорбляют)
laédĭmur (нас оскорбляют)

arávĕram (я пахал)
légĕram (я читал)
réxĕram (я управлял)
и т. п.

Легко замѣтить, что такія особенности, как pépĕri, régĕris, зависят от вліянія слѣдующаго **r** [1]).

Подобным же способом мы выводим заключеніе об особенном вліяніи нѣкоторых других согласных, напр. **l; p, b**:

sálsus (соленый) || insúlsus (несоленый) из ínsalsus
cápio (беру) || óccŭpo (занимаю, овладѣваю)
aúcŭpor (ловлю птиц)
tăberna (хижина) || contŭbernium (общій шатер, общая палатка).

В этих примѣрах мы видим измѣненіе неударенного краткаго **a** в **ŭ**.

И так, наше разсмотрѣніе показало, что в развитіи латинскаго вокализма оказывали вліяніе ударенie, сосѣдніе согласные.

5. Как объяснить различное развитіе неударенного **ă** в таких случаях, как:

sálio (прыгаю) || assílio (наскакиваю)
assúltus (наскакиваніе).

Мы видим, что в одном случаѣ за гласным слѣдует мягкій слог, в другом же твердый. Подобное же соотношеніе:

cápio || accípio
óccŭpo.

Ср. в русском языкѣ такія соотвѣтствія, как
чэ́р'т'ї || чо́рт.

6. Сравним
perfício (совершаю) || perféctus (совершенный).

---

[1]) В деревнѣ Бѣлой я слышал произношеніе „фатэ́ра" (т. е. квартира); не возникло ли в этом словѣ произношеніе э вм. і благодаря слѣдующему р? В другом примѣрѣ „зап'эра́йут" имѣется э вм. і в слогѣ непосредственно предшествующем ударенному; но этот случай возможно и иначе объяснить: аналогіей к „зап'эрэ́т'".

Оба сравниваемыя слова родственны между собою (по корню); в обоих случаях удареніе было раньше на предлогѣ и разсматриваемые неударяемые гласные развились из ă (ср. соотвѣтствующія формы простаго глагола — fácio дѣлаю || fáctus сдѣланный); в обоих случаях наши гласные окружены одинаковыми согласными. При всѣх этих равных условіях мы замѣчаем то несходство, что в одном случаѣ наш гласный находится в открытом слогѣ (per|fi|ci|o), а в другом случаѣ — в закрытом (per|fec|tus). Не обусловливается ли этим несходством различіе сравниваемых нами неударяемых гласных? Мы обращаемся к другим однородным фактам, которые, оказывается, оправдывают такое толкованіе; напр.:

accĭpio || accéptus (полученный) [1]
concĭpio || concéptus (собранный) [1]
cóllĭgo || colléctus (собранный) [2]
córrĭgo || corréctus (выпрямленный) [2]
éxĭmo || exémptus (вынутый) [2]
aŭceps (птицелов)
. . . .

И так, при развитіи латинскаго вокализма оказывало вліяніе еще нахожденіе гласнаго в открытом, или же закрытом слогѣ. В русском языкѣ мы не видим столь замѣтнаго вліянія открытости и закрытости слога, ср.

пáхы̆р’ || пáхы̆р’ă
сýды̆р’ || сýды̆р’ă
вы́гы̆т || вы́гы̆дă
рăд’іт’ı̆л’ || рăд’іт’ı̆л’ă

---

[1]) Можно напомнить читателю, что удареніе здѣсь вторичное; раньше удареніем сопровождался предлог, напр. *áccipio* и т. д.

[2]) Здѣсь неударенным ĭ || ĕ при удареніи соотвѣтствует не ắ, но ĕ, напр. *lĕgo*; ĕ я назвал в этих примѣрах неударенным, имѣя в виду удареніе первичное, падавшее на предлог, напр. *cóllectus*.

картóф'ĭл' || картóф'ĭл'ă

. . . .

Кромѣ того, мы уже встрѣчали и другія особенности латинск. вокализма сравнительно с русским, напр.: нѣт первичной подвижности ударенія; нѣт измѣненія неударенных; гласных в ы (ср. напр., cádo || cécĭdi, fácio || perfĭcio...) неударенный гласный ŏ развивается не в ă, но в ŭ (напр. légunt, legúnto); характерное вліяніе нѣкоторых согласных, как напр. в словах óccŭpo, contŭbérnium, insúlsus.

Однако наше предположеніе о вліяніи открытости и закрытости слога не объясняет соотвѣтствія (отношенія)

tángo (трогаю, касаюсь) || contíngo (id.).

Сравнивая этот факт с другими однородными:

frángo (разбиваю) || confríngo (id.)

. . . .

мы приходим к мысли, что эта особенность неудареннаго гласнаго в закрытом слогѣ зависит от ng.

Теперь читатель пусть попробует сам доискаться до различія условій, обусловившаго различіе в развитіи неударенных гласных в словах:

nómen (имя) || nómĭnis (имени)
pécten (гребень) || péctĭnis (гребня)

. . . .

7. Как объяснить такое отношеніе, как:

décem (десять) || quattuórdecim (четырнадцать).

В словѣ quattuórdecim неударяемый гласный стоит за удареніем далѣе нежели соотвѣтствующій гласный слова *décem*. Ср. в русском языкѣ перед удареніем такія отношенія, как:

тасóфка || тысăвал
стар'ік || стыр'іку́
п'аták || п'ĭтачóк
п'ат'і || п'ĭт'эр'ік
тăпóр || тыпăры́
гăр'у́й || гыр'эвáл
д'элá || д'ĭл'ăвóй
н'эв'іжу || н'ĭв'ідáл

духо́ф || дўхȧво́й
рул'а́ || рўл'эво́й
л'убо́ф' || л'ўбȧвалсӑ
чу́д'эс || чўд'эса́
в'і́ны || в'ı̆нȧва́т

. . . . .

8. Обратим теперь свое вниманіе на такія отношенія, как:

légĕ || légĭte
régĕ || régĭte
míttĕ || míttĭte
laédĕ || laédĭte

. . . .

При прочих равных условіях, мы замѣчаем то несходство, что в одних случаях за гласным не слѣдует никакого звука (другими словами — гласный находится в концѣ слова), в других же случаях за соотвѣтствующим гласным слѣдует согласный дальнѣйшаго слога. Русскій язык представляет аналогичное явленіе, ср.:

мо́йт'э̆ || мо́йт'ı̆с' [1])
ро́йт'э̆ || ро́йт'ı̆с'.

9. Как объяснить такія различія, как
vérĭtas (истина) || píĕtas (благочестіе)
ebríĕtas (опьяненіе)
mílĭtis (воина) || abíĕtis (ели)
équĭtis (всадника) || aríĕtis (барана)
paríĕtis (стѣны).

Легко замѣтить, что в таких случаях, как píĕtas abíĕtis, так сказать, избѣгается встрѣча двух одинаковых гласных, именно двух i; тут имѣет мѣсто так называемое р а с п о-

---

[1]) Хотя здѣсь за гласным слѣдует согласный того же слога, но мы уже видѣли, что открытость или закрытость слога для русскаго языка не существенна; стало быть, для русскаго языка важно только, слѣдует ли за гласным, стоящим послѣ ударенія, согласный (все равно — того же, или слѣдующаго слога), или же не слѣдует никакого звука.

добленіе или диссимиляція. В разсмотрѣнных же нами раньше случаях вліянія согласных на гласные можно видѣть явленія уподобленія или ассимиляціи; в самом дѣлѣ, возьмем напр. слово о́ссўро, развившееся из о́ссăро: согласный **р**, между прочим, — губной; вот этим своим свойством (которое можно назвать *губностью)* он и оказал вліяніе на предшествующій неударенный гласный ă.

10. Теперь перейдем к случаям зарожденія гласнаго между согласными. Для примѣра возьмем слѣдующія слова, заимствованныя в латинскій язык из греческаго:

dráchŭma (δραχμή)
téchĭna (τέχνη)
. . . . [1]).

Мы видим зарожденіе гласнаго ŭ между **ch** и **m**, гласнаго ĭ между **ch** и **n**. Можно подмѣтить при этом, что гласный зарождается сообразно с природою слѣдующаго согласнаго, другими словами—гласный, физіологически сродный со слѣдующим согласным, имѣющій с ним болѣе общих свойств (одинаковых мышечных работ), чѣм прочіе гласные. Подобный закон имѣет мѣсто и в русском вокализмѣ.

11. Латинскій вокализм представляет, между прочим, ту особенность сравнительно с современным русским вокализмом, что в нем имѣется различіе гласных кратких и долгих. До сих пор мы имѣли дѣло только с гласными краткими.

amábăm (я любил)	monébăm (я напоминал)
amábās (ты любил)	monébās (ты напоминал)
amábăt (он любил)	monébăt (он напоминал)
amabā́mus (мы любили)	monebā́mus (мы напоминали)
amabā́tis (вы любили)	monebā́tis (вы напоминали)
amábant (они любили)	monébant (они напоминали).

Обратим вниманіе в приведенных примѣрах на гласный звук, стоящій послѣ согласнаго **b**. Этот гласный звук

---

[1]) Сюда же относятся такія слова, как perícŭlum (опасность), pócŭlum (бокал), гдѣ суффикс -cŭlum развился из -clum.

в нѣкоторых формах сопровождается удареніем, в других же произносится без ударенія. При удареніи он сохраняет свою долготу; без ударенія же в нѣкоторых случаях сохраняет долготу, а в нѣкоторых стал кратким: перед слѣдующим **s** долгота сохраняется, перед слѣдующим же **m** или **t** долгій гласный сократился. Слѣдует замѣтить, что вообще в языках долгіе гласные во времени сокращаются [1]). Сокращеніе это происходит неравномѣрно: устойчивѣе долгіе гласные являются при удареніи; без ударенія же они менѣе устойчивы. Далѣе, и в области неударяемых гласных мы видим неравномѣрность этого процесса.

В русском языкѣ различіе долгих и кратких гласных утратилось. Возьмем для примѣра слова̀:

ѣли || ели.

Буква *ѣ* первоначально обозначала долгое е, а буква *е* — краткое е. В настоящее время в том и другом словѣ произносится совершенно одинаковый гласный. И по совпаденіи сокращеніе продолжается с неравномѣрной скоростью в разных положеніях относительно ударенія. Таким образом рождается новое отношеніе продолжительности произношенія гласных: гласный произносится дольше в слогѣ ударяемом; в слогѣ непосредственно предшествующем ударенному он произносится короче; еще короче он произносится во втором слогѣ перед удареніем и в слогах за удареніем. Кромѣ того, мы видѣли, что степень продолжительности неударяемых гласных может быть неодинаковой в одном и том же положеніи относительно ударяемаго слога, но между разными согласными.

Возвратимся к латинскому вокализму. В классической латыни мы видим, что долгіе ударяемые гласные сохраняют свое качество, количество же сократилось, но не повсемѣстно, смотря по тому, в каких условіях они находи-

---

[1]) Графически это можно представить слѣдующим образом: $\bar{\Gamma} \geqq \breve{\Gamma}$.

лись; краткіе же неударяемые гласные подверглись уже и качественным измѣненіям (при удареніи краткіе гласные сохраняют свое качество). Благодаря этим качественным измѣненіям, они представляют меньшее разнообразіе, чѣм какое имѣется при удареніи (ср. cắdo, lĕ́go || cécĭdi, cóllĭgo). Подобное же явленіе мы видѣли и в области русскаго вокализма: при удареніи встрѣчаются всѣ гласные (жэна́, умно́, жен'э́, жэну́, жэпы́, пл'эл'і́); в слогѣ, непосредственно предшествующем ударенному—всѣ гласные кромѣ о (мала́, ба̊ба́ или баба́, б'эру́, л'убо́ф', были́, в'іна́), тоже в концѣ слова послѣ ударенія (р'э́пă, с'л'э́пă, ла́п'ə̆, р'э́пў, р'э́пы̆, мы́л'ĭ); послѣ ударенія внутри слова и в слогѣ втором перед удареніем встрѣчаются только ы̆, ĭ, ў (пр'і́сты̆ф, о́сты̆ф, бра́т'ĭц, со́гнўт, о́пы̆т; ты̆са̊вал, ты̆па̊ры́, д'ĭла̊во́й, дўха̊во́й, вы̆давал, в'ĭна̊ват).

12. Краткіе гласные в нѣкоторых случаях исчезли в классической латыни. Примѣром может служить слово válde (очень, весьма), развившееся из válĭde. В этом словѣ исчез гласный ĭ между согласными **l** и **d**, т. е. между согласными, уложенія которых весьма близки между собою. Далѣе, разсматриваемое нами слово—частица; в соотвѣтствующем же прилагательном гласный сохраняется: válĭdus (здоровый, сильный). Ср. также:

súpra (вверху) || súpĕrus (верхній)
ínfra (внизу) || ínfĕrus (нижній)
éxtra (внѣ) || éxtĕrus (внѣшній)
íntra (внутри) || intĕrior (внутренній).

Эта неравномѣрность в развитіи частиц и соотвѣтствующих форм флексійных имѣет мѣсто и в русском языкѣ.

Примѣром исчезновенія краткаго гласнаго перед гласным может служить слово nullus (никакой), развившееся из ne-ullus (nĕ = не, ullus = какой-нибудь).

Мы видѣли, что в латинск. краткое неударенное **o** может измѣниться в **ŭ** (напр. legunt), долгое же **o** сохраняется.

В греч., наоборот, долгое **o** измѣняется в **u** (дор. βωλᾱ̆ || атт. βουλή, δᾱ́μω || δήμου, τώς || τούς), краткое же сохраняется.

В славянских языках долгое **o** измѣняется в **a** (οἶκω || влъка) [1]), краткое же сохраняется. В литовском краткое **o** измѣнилось в ă, долгое же сохраняется.

Направленіе измѣненія **o** в латинском и греческом, обращая вниманіе на работу губ, мы можем охарактеризовать как *губное* (ширина раствора рта уменьшается, но съуженіе губ сохраняется), а в языках славянских и литовском — как *пассивное* (ширина раствора рта не уменьшается, съуженіе же губ мало по малу теряется и губы переходят в спокойное или индифферентное положеніе и не принимают активнаго участія при произношеніи нашего гласнаго).

Сопоставим разсмотрѣнное явленіе с отраженіем первоначальнаго **k**² в аріо-европейских языках. В латинском языкѣ развивается при **q** еще лябіальный (губной) гласный **u**, т. е. **qu**, напр. quis; в греческом имѣется согласный губной взрывной, напр. πῶς, πότερος; вообще, в лат. и греч. имѣется, как выражаются, лябіализація. В языках славянских и литовском не имѣется лябіализаціи, является просто **k**. Ср. также нѣмецкій и другіе аріо-европейскіе языки.

Далѣе, разсматриваемое явленіе мы можем сопоставить в лат. с тѣми случаями, в которых неударенное **ă** измѣняется в **ŭ** (occupo, contŭbernium, insulsus), или также с зарожденіем **ŭ** (drachuma, periculum); такого направленія в измѣненіи неударенных гласных в русском языкѣ мы не встрѣчаем, а равно и случаев такого зарожденія **у**. Ср. также в лат. такіе случаи, как fumus (θυμός) . . .

В греческом можно сопоставить такіе случаи „слитія“, как ᾰ̓ο ⩸ ω, ὀᾰ̆ ⩸ ω, гдѣ перевѣс берет губной

---

[1]) Если принять перестановку в ст.-сл. в случаях, соотвѣтствующих русскому „полногласію“, то ŏrC ⩸ rōC ⩸ rāC ŏlC ⩸ lōC ⩸ lāC.

гласный. Переходя из древне-греческаго в ново-греческій, мы видим, как ō, далеко не во всѣх случаях измѣнившееся в ū в древне-греческом, в ново-греческом уже измѣняется в губном же направленіи и в этих остальных случаях. Здѣсь мы видим, как извѣстное направленіе измѣненія выдерживается в теченіе цѣлых вѣков.

Подобным же образом в русском языкѣ выдерживается пассивное направленіе в измѣненіи неударенного о (годово́й ⟹ гадово́й . . .).

Теперь я перейду к разсмотрѣнію *палятальнаго* направленія в измѣненіи вокализма [1]). Примѣром средняго палятальнаго направленія могут служить такіе случаи, как áccĭdo... Латинскіе согласные (кромѣ r и нѣкоторых других, о которых мы уже говорили) легче всего сочетаются с гласным i; в связи с этим и находится указанное направленіе измѣненія. Аналогичныя явленія: греч. υ (u) ⟹ ü, η (ē) ⟹ новогр. i; возникновеніе во французском произношенія ö, ü; санскр. pitā́...

В русском языкѣ мы встрѣчаем также палятальное направленіе, но *болѣе заднее* (ср. измѣненіе неударенного а в нѣкоторых случаях в ы̆). Это направленіе находится в связи с разсмотрѣнным нами пассивным. Подобно тому, как в измѣненіи о мы видѣли переход губ в индифферентное положеніе, такое же направленіе мы встрѣчаем и в измѣненіи у (ср. tū || ты...). Гласный ы всего легче сочетается с твердыми согласными, и вот послѣ таких согласных мы встрѣчаем заднее палятальное направленіе в измѣненіи неударенного а, если только оно не стоит в абсолютном концѣ слова. Впрочем, послѣ мягких согласных в таких случаях измѣненіе происходит в *среднем* палятальном направленіи, т. е. по направленію к i (п'ĭтачо́к).

Мы уже видѣли, что в греческом υ ⟹ ü; затѣм, губное съуженіе мало по малу теряется и возникает произно-

---

[1]) Это направленіе состоит в постепенно бо́льшем приближеніи языка (или средней части языка, или же болѣе задней) к небу.

шеніе **і**. В славянских языках такой же результат достигается, но только другим путем: сначала теряется губное съуженіе, а затѣм уже дѣйствіе задней части языка переходит в дѣйствіе средней части. Интересен чешскій язык, гдѣ уже из **ы** развилось **і**, и в нем мы видим развитіе палятальнаго направленія: moře ‡ **мори**, **ju** ⇛ **ji**...

Все сказанное приводит нас к мысли, что в развитіи звуковой стороны рѣчи существует нѣкоторая гармонія или стройность, имѣется тѣсная связь между развитіем вокализма и консонантизма. В самом дѣлѣ, вѣдь наш орган рѣчи не устроен так, чтобы в нем однѣ мышцы служили исключительно при произнесеніи гласных, а другія при произнесеніи согласных. Таким образом самым устройством органа рѣчи обусловливается нѣкоторая соотвѣтственность в развитіи звуков языка.

Прибавленіе 1.

АКУСТИЧЕСКАЯ СТОРОНА РѢЧИ.

Если бы мы могли видѣть воздух, по которому проходит звук пріятнаго голоса, то мы увидѣли бы в этом воздухѣ, как и в какой формѣ совершаются движенія и всѣ условія, от которых зависит пріятность голоса. Сказанныя слова нѣкоторое время, пока они идут от говорящаго до нас, суть не что иное, как чисто *механическое* состояніе промежуточнаго воздуха. Я думаю, что можно стремиться перевести описаніе языков в их разнообразных говорах на чисто **акустическій язык**. И так, я перехожу к изложенію *физическаго* ученія о звукѣ примѣнительно к рѣчи, заимствуя изложеніе главным образом из превосходнаго сочиненія Тиндаля:

Звук. Восемь лекцій читанных в Королевском Институтѣ Великобританіи. Переводс англ. (1870).

Когда мы говорим, то происходит движеніе воздуха. Движеніе, сообщенное слуховому нерву, дойдя до мозга, становится звуком.

Каким же образом распространяется звуковое движеніе? Быть может, во время нашего произношенія воздушныя частицы, получив толчек от органов рѣчи, летят и ударяют в слуховой нерв, подобно тому как выстрѣл из ружья дает полет пулѣ, ударяющей в цѣль? Конечно, вблизи органов произношенія было нѣкоторое передвиженіе воздушных частичек; но воздух, двигаясь через воздух,

скоро приходит в покой, и ни одна частичка воздуха из сосѣдства органов произношенія не доходит до уха слушающих. А мы слышим и против вѣтра: неужели частички воздуха летят против вѣтра?

Для объясненія процесса распространенія звуковаго движенія вообразим ряд воздушных частичек в состояніи покоя:

$$a\ b\ c \ldots\ldots\ldots o \ldots x$$

Так как между частичками дѣйствует сила упругости, то если одна из них будет сдвинута с своего положенія покоя, движеніе это передастся через весь ряд. Предположим теперь, что частичка *a* толкнута по направленію к *x*. В тот момент, когда начинается движеніе *a*, это движеніе передается *b*; *b* передает движеніе *c* и т. д. Таким образом, в то время как *a* совершает свое движеніе вперед, движеніе это распространится до какой-нибудь точки *o*. Весь ряд частичек до точки *o* находится теперь в состояніи *сгущенія*. И так, частичка *a* выталкивается из своего положенія покоя к сосѣдней частичкѣ и движется в самом началѣ скорѣе, а далѣе ея движеніе постепенно замедляется. Силѣ, которая толкает ее вперед, противодѣйствует сила упругости воздуха, которая наконец останавливает движеніе частички и заставляет ее идти назад. И вот, в то время как *o* передает толчек слѣдующей частичкѣ, частичка *a* двигается назад и увлекает за собою *b* и другія частички до точки *o*, производя таким образом *разрѣженіе*. Между тѣм как здѣсь происходит разрѣженіе, вправо от точки *o* происходит сгущеніе, и т. д. Наконец частички воздуха, наполняющія наружную полость уха, толкают барабанную перепонку. Эта перепонка, закрывающая так называемую барабанную полость уха, приходит в сотрясеніе, ея движеніе сообщается концам слуховаго нерва и потом по нерву идет к мозгу, гдѣ сотрясенія превращаются в *ощущеніе звука*. Каким образом это движеніе нервной матеріи может возбудить ощущеніе звука,—это тайна, которую мы не можем постигнуть.

И так, звук распространяется по воздуху, как *волна*.

Звуковую волну составляют сгущеніе с сопровождающим его разрѣженіем. В водѣ длина волны считается от вершины одной волны до вершины другой; в звуковой волнѣ *длина волны* опредѣляется разстояніем между двумя слѣдующими одно за другим сгущеніями (или также — от разрѣженія до разрѣженія). В самом дѣлѣ, сгущеніе звуковой волны соотвѣтствует вершинѣ, между тѣм как разрѣженіе ея соотвѣтствует углубленію водяной волны.

Движеніе звуковой волны не должно быть смѣшиваемо с движеніем частичек. Во время прохожденія волны, каждая частичка, участвующая в ея передачѣ, совершает только небольшое движеніе вперед и назад, и это движеніе частички может быть не больше маленькой части дюйма, между тѣм как разстояніе, на которое может распространиться движеніе в то время как частичка совершит свой небольшой путь, может составлять нѣсколько футов и болѣе.

Важно замѣтить, что когда говорится о колебаніи или вибраціи частички, то разумѣются *полныя вибраціи;* и когда говорится о звуковой волнѣ, то разумѣются сгущеніе и слѣдующее за ним разрѣженіе. Таким образом в вибрацію включается колебаніе *вперед и назад.* Волна, произведенная такою вибраціею, толкает барабанную перепонку сначала внутрь, а затѣм наружу. Напротив, во Франціи принимается, что вибрація состоит в колебаніи *только в одном направленіи*—или вперед, или назад. Поэтому французскія вибраціи составляют только половину наших, и мы на этом основаніи называем их полувибраціями. Вездѣ в послѣдующем, гдѣ употребляется слово вибрація (качаніе, колебаніе), оно означает полную вибрацію.

Я не сомнѣваюсь теперь, что читатель имѣет ясное представленіе о распространеніи звука от органа рѣчи через окружающій воздух. Звуковая волна распространяется во всѣ стороны, и движеніе сообщается постоянно увеличивающейся массѣ воздуха. Очевидно, что это не может происходить без ослабленія движенія. Вообразите себѣ воздушную скорлупу извѣстной плотности с радіусом в 1 фут, считая от центра. Воздушная скорлупа такой же плотно-

сти, но вдвое с большим радіусом, будет содержать в себѣ вчетверо большее количество матеріи. Если ея радіус будет в 3 фута, то в ней будет содержаться в 9 раз больше матеріи; если радіус будет в 4 фута, то в ней будет в 16 раз больше матеріи и т. д. Таким образом количество матеріи, приводимой в движеніе, увеличивается пропорціонально квадрату разстоянія от центра. *Сила* или громкость звука ослабѣвает в такой же пропорціи. Мы выражаем этот закон, говоря, что сила звука измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія [1]).

Скорость распространенія звука в воздухѣ была опредѣлена посредством опытов. Звук исходил одновременно из двух отдаленных станцій. Было измѣрено разстояніе между станціями, а также время, требуемое звуком на прохожденіе от одной станціи к другой. Разстояніе выраженное в футах и раздѣленное на время, выраженное в секундах, дало *1090 футов в секунду* для скорости звука в воздухѣ *при температурѣ* 0^0 *Ц.*

Мы разсмотрѣли распространеніе по воздуху одной звуковой волны. Но вѣдь может проходить по воздуху ряд таких волн, что в одном случаѣ производит ощущеніе *музыкальнаго тона* или *музыкальнаго звука* (musikalischer K l a n g) [2]), а в другом — ощущеніе *шума* (Geräusch).

Ощущеніе музыкальнаго звука получается от быстрых періодических движеній звучащих тѣл, а ощущеніе шума происходит от движеній непеоріодических. Періодическое движеніе есть такое движеніе, которое одинаково повторяется в совершенно одинаковые промежутки времени. Напр.,

[1]) При ослабленіи звука *амплитуда* колебаній частиц воздуха уменьшается. Амплитудой (от латинскаго слова *amplus* — обширный) или шириной качанія называется разстояніе, по которому воздушная частичка движется вперед и взад, когда по ней проходит звуковая волна.

[2]) Термин *Schall* обозначает звук (вообще), а термин *Klang* примѣняется к музыкальным звукам.

движеніе обыкновеннаго маятника есть періодическое: качаясь по воздуху, он производит волны или толчки, которые слѣдуют друг за другом с совершенною правильностью. Однако эти волны слишком медленны для того, чтобы возбудить слуховой нерв. Для того, чтобы произвести музыкальный тон, мы должны взять тѣло, которое качается с неуклонною правильностью маятника, но которое может сообщить воздуху болѣе частые толчки.

Вообразим себѣ прежде всего ряд толчков, которые слѣдуют один за другим через правильные промежутки, ударяют барабанную перепонку и приводят ее в движеніе. Движеніе барабанной перепонки сообщается слуховому нерву. Если движеніе, сообщенное слуховому нерву каждым отдѣльным толчком нашего ряда, продолжается в мозгу до тѣх пор, пока дойдет слѣдующій за ним толчек, то звук не будет прекращаться. Дѣйствіе каждаго толчка будет возобновляться паежде чѣм оно успѣет прекратиться, и повторяющіяся движенія будут сливаться вмѣстѣ и произведут ощущеніе музыкальнаго звука.

Толчки, производящіе шум, повторяются неправильно и с неправильной силой.

Музыкальные тоны походят на поэзію с плавным и совершенным ритмом, а шум походит на жосткую и шероховатую прозу. Но как слова прозы, при надлежащей их разстановкѣ, могут быть доведены до поэзіи, так мы могли бы уличный шум превратить в музыку оркестра, сдѣлавши періодическими составляющія его части. *Гласные звуки — музыкальные звуки, согласные же характеризуются шумом.*

Музыкальные звуки можно производить при помощи прибора, называемаго *сиреной*. При болѣе простом и дешевом устройствѣ, сирена состоит из картоннаго кружка, в котором сдѣланы диры на равном разстояніи одна от другой кругом близь его краев. Кружок может быть прикрѣплен к центробѣжной машинѣ и приведен в быстрое вращеніе. Непосредственно над этим кружком помѣщена

стеклянная трубка, сообщающаяся с акустическими мѣхами. В настоящую минуту кружок не движется, и нижнiй конец стеклянной трубки стоит как раз над одною из дир на кружкѣ. Поэтому, если мѣхи станут дѣйствовать, то дуновенiе воздуха из стеклянной трубки пройдет через дыру вниз. Но если немного повернуть кружок, тогда цѣльная, не продиравленная часть его подойдет под трубку и таким образом прервет ток воздуха. Когда я медленно вращаю кружок, то этим послѣдовательно подвожу дыры под трубку, и всякiй раз при этом через дыру проходит воздушный толчек. Но вот вращенiе становится быстрым и толчки слѣдуют друг за другом весьма быстро, производя в воздухѣ сотрясенiя, сливающiяся в нашемъ ощущенiи в непрерывный музыкальный тон. Теперь мы можем произвести различные важные опыты. Когда центробѣжная машина вращается быстро, то является высокiй звук; когда же ея движенiе замедляется, высота звука сейчас же понижается. Слѣдовательно, *высота тона зависит от быстроты колебанiя* [1]). Еслибы вмѣсто одной трубки мы взяли двѣ, стоящiя одна от другой на таком разстоянiи, какое находится между дырами, так что когда одна трубка стоит над одной дырой, другая в это же время будет стоять над слѣдующей дырой, то ясно, что, заставляя дѣйствовать мѣхи и вращая с прежнею скоростью кружок, мы будем получать толчек через двѣ дыры в одно время. *Сила* или напряженность звука от этого увеличится, но высота его останется неизмѣнною. Два толчка, выходящiе в одно мгновенiе, будут дѣйствовать вмѣстѣ и произведут на слух большее дѣйствiе, чѣм произвел бы один. Если бы мы одновременно дѣйствовали не через двѣ дыры, а помѣстили бы по трубкѣ над каждой дырой в кружкѣ, тогда всѣ толч-

---

[1]) Длину равных промежутков времени, проходящих между двумя послѣдовательными повторенiями перiодическаго движенiя, называют также продолжительностью или перiодом колебанiя. И так, высота тона зависит от продолжительности или перiода колебанiя.

ки выходили бы из всѣх отверстій и прерывались бы в одно и то же время. Эти толчки произвели бы тон гораздо большей силы, чѣм тот, который получался попеременным выхожденіем и прерываніем воздуха из одной трубки.

Можно употреблять еще другіе различные способы для приведенія воздуха в періодическое движеніе. Натянутая струна, если ее потянуть в сторону и потом сейчас же пустить, сообщает воздуху вибраціи, слѣдующія друг за другом через совершенно правильные промежутки.

Камертон дѣлает то же самое. Если посмотрѣть на звучащій камертон вблизи, то можно увидѣть его колебанія; глухой, если бы поднес руку достаточно близко, мог бы почувствовать дрожаніе воздуха. Когда я заставляю камертон звучать, то звук его сначала имѣет наибольшую силу и потом постепенно становится слабѣе по мѣрѣ того, чѣм дольше продолжается колебаніе камертона. Вблизи камертона можно замѣтить, что пространство, на которое раскачивается камертон, или *амплитуда* становится постепенно все меньше и меньше, а вмѣстѣ с тѣм мы замѣчаем постепенное ослабленіе силы звука; наконец камертон смолкает, и то, что мы называем молчаніем, выражает только отсутствіе движенія, — амплитуда теперь равняется нулю, и звук, зависѣвшій от нея, прекратился. И так, *сила звука зависит от амплитуды колебанія* [1]). Однако самое опытное ухо при нашем опытѣ не могло бы замѣтить ни малѣйшей разницы в высотѣ тона. Таким образом ослабленіе силы тона не влечет за собою пониженія его высоты. И дѣйствительно, хотя ширина или амплитуда качаній здѣсь измѣпяет-

---

[1]) Звук может быть усилен посредством резонирующих поверхностей и ящиков. Если мы поставим звучащій камертон на такую поверхность или ящик, то замѣтим усиленіе звука; это происходит от того, что сотрясенія камертона сообщаются поверхности, или же ящику и воздуху находящемуся внутри ящика, которые таким образом становятся звучащими тѣлами. Точно также при произношеніи вибраціи голосовых связок сообщаются другим частям, напр. хрящевому остову гортани.

ся, но скорость их остается неизмѣнною. Высота и сила звука должны быть строго различаемы; сила зависит только от амплитуды, а высота только от скорости вибрацій.

Когда два тона, исходящіе из двух различных источников, имѣют одинаковую высоту, то значит скорость их вибрацій одинакова. Если напр. струна издает такой же тон по высотѣ, как камертон, то это потому, что они вибрируют с одинаковой скоростью. То же самое справедливо и относительно человѣческаго голоса. Если струна и голос издают одинаковый тон, то это значит, что голосовыя связки колеблются с такою же быстротою, как и струна. Если голосовыя связки колеблются 256 раз в секунду, то онѣ издают тон c'. Если же мы возьмем тон *октавой* выше (т. е. c''), то это значит, что голосовыя связки вибрируют вдвое скорѣе, слѣдовательно 512 раз в секунду.

Произнесем звук а, не измѣняя высоты тона, начавши громким голосом и постепенно стихая *(diminuendo)*. Это значит, что быстрота вибрацій голосовых связок сохраняется одна и та же, а амплитуда качанія их, вначалѣ бо́льшая, потом постепенно уменьшается. Если мы теперь будем произносить звук а в одном и том же тонѣ, постепенно усиливая голос *(crescendo)*, то это значит, что при одной и той же быстротѣ вибрацій голосовых связок ширина их колебанія постепенно увеличивается.

Описанная нами сирена Зебека, состоящая из картоннаго кружка, есть только дешевый суррогат болѣе совершеннаго аппарата. Сирена, усовершенствованная Дове, заключает в себѣ механизм, который стрѣлками показывает число сдѣланных оборотов в данное время. *При помощи сирены мы можем опредѣлить число вибрацій, соотвѣтствующих данному музыкальному тону.* Предположим, я пою гласный звук а нѣкоторой высоты и желаю узнать число вибрацій голосовых связок для этого тона. Сирена приводится в быстрое движеніе, и в тоже время мы произносим наш звук. И сирена и голос звучат вмѣстѣ, но голос издает болѣе высокій тон. Однако и тон сирены по-

степенно повышается; наконец оба тона сливаются вмѣстѣ. Унисон между ними совершенный, и регулируя давленіе мѣхов, я постараюсь продолжить его. В тот момент, когда секундная стрѣлка моих часов станет на 60, я привожу в дѣйствіе аппарат, показывающій число сдѣланных оборотов. Я даю кругу продолжать свое движеніе в теченіи минуты и при этом время от времени издаю наш тон, чтобы убѣдиться в том, что унисон продолжается. Вот секундная стрѣлка снова пришла к 60: быстро останавливаю колеса циферблата. Стрѣлки точно показывают число оборотов круга, сдѣланных в минуту. Это число есть 960. Ряд дыр, бывших открытыми во время опыта, состоял из 16; это значит, что во время каждаго оборота круга произошло послѣдовательно 16 толчков. А всѣх оборотов в минуту было 960; поэтому помножая 960 на 16, получим 15360, число вибрацій голосовых связок в минуту при пѣніи нашего тона. Раздѣлив это число на 60, мы получим число колебаній в секунду, 256.

Опредѣливши быстроту вибрацій, весьма легко можно уже найти длину соотвѣтствующих звуковых волн. При 0° звук проходит 1090 футов в секунду. При всякой низшей температурѣ скорость звука меньше этой, а при всякой высшей больше. При повышеніи температуры скорость звука на каждый градус стоградуснаго термометра увеличивается почти на 2 фута. Положим, мы имѣем температуру 15° Ц.; слѣдовательно звук проходит в секунду 1120 футов. В это время произойдет 256 звуковых волн и самая первая образовавшаяся волна пройдет разстояніе 1120 футов; а так как на этом пространствѣ помѣщается 256 волн, то раздѣляя 1120 на 256, мы находим, что длина каждой волны составляет около 4 футов и 4 дюймов. Теперь не трудно видѣть, что чѣм быстрѣе вибраціи, тѣм короче должны быть волны.

Буду продолжать изложеніе о высотѣ тона: покажу на струнах вліяніе цѣлаго ряда факторов, от которых зависит

быстрота вибрацій струн или высота их тона. Я перехожу таким образом к *законам вибрацій струн.*

Я беру натянутую струну за ея средину, оттягиваю нѣсколько в сторону и затѣм вдруг пускаю ее. Это дѣйствіе называют удареніем в струну. Когда я ударю в струну и тѣм оттяну ее в сторону, тогда она возвращается назад в свое прежнее положеніе, переходит за него и снова возвращается и таким образом нѣкоторое время вибрирует сюда и туда около линіи своего равновѣсія. Звук, слышимый при этом, есть *основной* или *низшій тон* струны, для произведенія котораго она колеблется как цѣлое сюда и туда. Помѣщая подвижную кобылку под середину струны и натянувши струну на кобылку, я раздѣляю этим струну на двѣ равныя части. Ударяя в ту или в другую из этих частей в их срединѣ, я получаю музыкальный тон, в котором признаю октаву основнаго тона. Октава же какого-нибудь тона производится вдвое бо́льшим числом качаній против этого тона, в чем мы можем убѣдиться при поможи сирены. Таким же образом может быть доказано, что четверть струны вибрирует с быстротою вчетверо большею, производя вторую высшую октаву, чѣм вся струна. Треть струны вибрирует с быстротою втрое большею, чѣм цѣля струна, производя квинту выше первой октавы (другими словами—дуодециму основнаго тона). Вообще, *число вибрацій обратно пропорціонально длинѣ струны* (1).

Чѣм сильнѣе натянута струна, тѣм быстрѣе бывают ея вибраціи. Числа вибрацій, совершающихся в единицу времени, находятся в опредѣленном отношеніи к натягивающей силѣ. Прикрѣпляя к концу струны различныя тяжести, будем опредѣлять в каждом случаѣ число вибрацій, совершающихся в единицу времени. Мы находим, что струна, натянутая тяжестью в 1 фунт, совершает извѣстное число вибрацій в секунду; если мы натянем ее тяжестью в 4 фунта, то только удваиваем число вибрацій; если возьмем тяжесть в 9 фунтов, то число колебаній утраивается и т. д. Слѣдовательно, *числа вибрацій пропорціональны квадратным корням натягивающих тяжестей* (2).

Если из двух струн из одинаковаго матеріала, одинаковой длины и одинаково натянутых, одна имѣет діаметр вдвое большій чѣм другая, то болѣе тонкая будет совершать в равное время вдвое большее число вибрацій, чѣм толстая. Если одна струна втрое толще, чѣм другая, то послѣдняя будет совершать втрое большее число вибрацій и т. д. Слѣдовательно, при прочих равных условіях, *число вибрацій бывает обратно пропорціонально толщинѣ струны* (3).

Наконец вибраціи струны зависят от плотности матеріала, из котораго она сдѣлана. Струна, имѣющая плотность вчетверо меньшую, чѣм другая струна такой же длины, напряженія и толщины, будет совершать свои вибраціи вдвое скорѣе; если плотность ея в девять раз меньше, то она будет вибрировать втрое скорѣе и т. д. Слѣдовательно, при прочих равных условіях, *число вибрацій обратно пропорціонально квадратному корню плотности струны* (4). Соединяя два послѣдніе закона вмѣстѣ, мы можем выразить их так: *числа вибрацій обратно пропорціональны квадратному корню вѣса струны.*

Разсмотрѣнные нами факторы, от которых зависит высота тона струн, имѣют примѣненіе и к голосовым связкам. Голосовыя связки имѣют различную длину у дѣтей и взрослых, у мущин и женщин. Голосовыя связки женщины короче, нежели голосовыя связки мущины, а потому женская гортань производит болѣе высокіе тоны. Самыя короткія связки у дѣтей; они и имѣют наиболѣе высокій голос. Далѣе, у одного и того же индивидуума чрез измѣненіе натяженія голосовых связок темп колебаній измѣняется, а с ним и высота тона: чѣм больше натянуты голосовыя связки, тѣм выше их тон. И т. д.

Весьма разнообразными опытами доказывается, что натянутая струна вибрируя, как одно цѣлое, в то же время дѣлится на большее или меньшее число равных частей, из которых каждая вибрирует как самостоятельная стру-

на [1]). Иначе сказать, к вибраціям всей струны всегда присоединяются в большей или меньшей степени вибраціи ся аликвотных частей. Эти послѣднія вибраціи производят, разумѣется, высшіе тоны в сравненіи с тоном цѣлой струны или основным. Высшіе тоны, производимые колебаніями частей струны, называются *обертонами* или *верхними тонами*, а также *гармоническими тонами* [2]). Верхніе тоны смѣшиваются с основным тоном и это соединеніе производит то, что называют *тембром* или *звуковым оттѣнком*, по которому мы можем отличать один музыкальный инструмент от другаго. В самом дѣлѣ, кларнет и скрипка напр., хотя бы они были настроены по одинаковому основному тону, различаются между собою по качеству звука: придаточные тоны скрипки отличны от придаточных тонов кларнета, и эти тоны, соединяясь с основным тоном, уничтожают тожество звука. Это есть случай прибавленія к равным величинам неравных; суммы также получаются неравныя.

Я держу звучащій камертон, дѣлающій 256 колебаній в секунду, над отверстіем стекляннаго сосуда, глубина котораго равняется 16 дюймам. Звук камертона едва слышится. Продолжая держать его в том же положеніи, я осторожно, стараясь произвести как можно менѣе шума, лью воду в стеклянный сосуд. Через это столб воздуха, находящійся под камертоном, в сосудѣ укорачивается. Звук теперь усиливается и достигает значительной силы по мѣрѣ

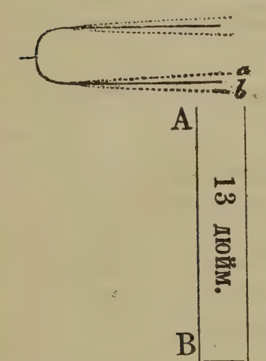
---

[1]) Самостоятельно вибрирующія части струны раздѣляются между собою *узлами* или точками, не имѣющими движенія.

[2]) И так, сложный музыкальный звук состоит из ряда заключающихся в нем простых тонов, которые называются *частными тонами*. Первый из этих частных тонов есть *основной тон* звука, остальные же суть его *верхніе гармоническіе тоны*. Число по порядку каждаго частнаго тона показывает, во сколько раз число его колебаній больше, чѣм в основном тонѣ. Слѣдовательно, второй частный тон дѣлает вдвое болѣе колебаній, третій — втрое болѣе и т. д. (См. выше первый закон вибрацій струн).

возвышенія водянаго столба. Я подливаю еще воды; звук ослабѣвает и наконец исчезает совершенно. Выливая осторожно воду из сосуда обратно, я заставляю звук снова появляться и усиливаться. Подобные опыты убѣждают, что звук камертона достигает своей наибольшей силы только при извѣстной высотѣ воздушнаго столба. Это усиленіе называется *резонансом.* Повторяя тот же опыт с разными камертонами, я нахожу, что каждому соотвѣтствует своя особая высота воздушнаго столба, при которой звук его слышен всего сильнѣе.

Спрашивается, какая же это высота? Для камертона, дѣлающаго в секунду 256 колебаній, эта высота = 13 дюймам. Так как длина звуковой волны, производимой нашим камертоном, равняется, как мы видѣли, 52 дюймам (4 ф. 4 д.), то, слѣдовательно: *высота воздушнаго столба, при которой резонанс наибольшій, равна $^1/_4$ длины звуковой волны, посылаемой камертоном.*

Представим себѣ ножку камертона, колеблющуюся между a и b и под нею сосуд AB. В то время, как эта ножка проходит разстояніе от a до b, происходит первая половина волны, именно — сгущеніе. Если длина цѣлой волны = 52 дюймам, то длина половины = 26 дюймам. Уплотненіе или сгущеніе воздуха, прошедши 13 дюймов, достигает дна сосуда, отражается от него и проходит 13 дюймов назад, всего 26 дюймов. Отраженная волна встрѣчает ножку камертона в тот момент, когда послѣдняя готова двигаться от b к a. Вмѣстѣ с этим движеніем ножки начинается вторая половина волны, соотвѣтствующая разрѣженію воздуха. Это разрѣженіе точно также доходит до дна сосуда, возвращается назад и встрѣчает ножку в тот момент, когда она достигает точки a. Отсюда очевидно, что движеніе камертона вполнѣ совпадает (гармонирует) с движеніем воздушнаго столба AB; отсюда и происходит наибольшая сила звука.

И так, разсматриваемая нами воздушная полость соотвѣтствует камертону, дѣлающему 256 колебаній в секунду, т. е. тону *c'*. Это есть вмѣстѣ с тѣм и *основной тон* нашей полости. Чѣм менѣе соотвѣтствует издающійся тон настройкѣ воздушной полости, тѣм менѣе он будет усиливаем полостью.

Теперь читатель без труда уяснит себѣ *различіе гласных звуков*. При произношеніи разных гласных полость рта имѣет различную величину и форму. Это различіе должно сопровождаться различіем резонанса. И дѣйствительно, в этих случаях соединяются основной тон и обертоны голосовых связок различной силы. И такія различныя сочетанія производят различіе гласных звуков, которое таким образом сводится к различію тембра. Теорія гласных звуков весьма полно обработана Гельмгольцем в его превосходном сочиненіи:

Ученіе о слуховых ощущеніях как физіологическая основа для теоріи музыки. Перевод с третьяго нѣм. изданія (1875)

особенно стр. 145—160; кромѣ того, и в других мѣстах его сочиненія встрѣчаются замѣчанія о звуках человѣческой рѣчи. Послѣдующее изложеніе основывается на этом сочиненіи.

Для уясненія происхожденія различія гласных мы должны обратить вниманіе 1) на голосовыя связки, которыя, вибрируя как цѣлыя и своими частями, издают основной тон, соединяющійся с верхними гармоническими тонами, и 2) на полости, лежащія над гортанью и служащія для резонанса частных тонов, издаваемых вибрирующими голосовыми связками.

Можно подумать, что различіе гласных происходит от того, что воздушныя полости, лежащія над гортанью, принимая разныя положенія при произнесеніи разных гласных, различно настраивают вибрирующія голосовыя связки. Такое предположеніе не правильно, так как эти воздушныя полости имѣют слишком мягкія (неупругія) стѣнки для

того, чтобы в них могли образоваться достаточно сильныя колебанія, которыя бы могли сообщить період колебанія, не согласующійся с періодом, требуемым голосовыми связками.

Если мы произносим разные гласные в одном и том же тонѣ и с одинаковою силой, то голосовыя связки в этих случаях совершенно одинаково вибрируют как цѣлыя и своими частями. Откуда же происходит различіе гласных? Припомним, что при произнесеніи разных гласных полость рта имѣет разное уложеніе, а вслѣдствіе этого и разную настройку. Отсюда, она усиливает всѣ тѣ верхніе тоны голосовых связок, которые совпадают с одним из ея собственных тонов, или же прилегают к нему довольно близко; остальные же верхніе тоны голосовых связок болѣе или менѣе заглушаются (ослабляются). Заглушеніе неусиленных тонов гортани бывает тѣм замѣтнѣе, чѣм болѣе сомкнута полость рта или между губами, как при у, или между языком и небом, как при і. Таким образом было бы ошибочно думать, что верхніе тоны голосовых связок постепенно слабѣют в силѣ с возрастаніем их высоты. В гласных звуках сила верхних тонов зависит не от их числа по порядку, а от их абсолютной высоты: каждый гласный звук характеризуется опредѣленными одним или двумя верхними тонами, которые соотвѣтствуют настройкѣ полости рта и потому усиливаются ею; остальные же верхніе тоны, как я уже сказал, болѣе или менѣе заглушаются.

Теперь возникает вопрос, каким способом находить тѣ тоны, в которых настроена воздушная масса полостей лежащих над гортанью, при различных гласных? Тѣм же способом, которым опредѣляют настройку и других воздушных сред; а именно, берут камертоны различной высоты тона, ударяют их и подносят к отверстію воздушной среды, в нашем случаѣ к открытому рту; при этом тон того камертона, который соотвѣтствует основному тону воздушной среды, будет имѣть наибольшій резонанс.

Обратимся теперь к разсмотрѣнію отдѣльных гласных звуков.

При гласных звуках **o** и **u** полость рта съуживается посредством губ. Высота тона такой вмѣстимости будет тѣм ниже, чѣм отверстіе ея уже. При гласном **u** ртовое отверстіе наиболѣе съужено, а кромѣ того выдвигается вперед, чрез что надставная труба удлинняется, так что изо всѣх гласных разсматриваемый гласный имѣет наиболѣе длинную надставную трубу. При таких условіях резонанс при **u** самый низкій, а именно соотвѣтствует, по Гельмгольцу, безчертному *f*. Полость рта дѣтей слишком мала, чтобы имѣть такую низкую настройку; но чего недостает в размѣрах полостей у дѣтей, то дѣти вознаграждают бо́льшим съуживаніем ртоваго отверстія. Если постепенно перейти от **u** к **o**, то и резонанс постепенно повышается, так что при **o** полость рта будет настроена, по Гельмоглыцу, почти на дуодециму выше, чѣм при **u**. В самом дѣлѣ, при произнесеніи **o** губное отверстіе менѣе съужено и менѣе выдвигается вперед, нежели при **u** [1]).

Переводя постепенно полость рта из уложенія o через o̊ и å в уложеніе a мы сообразно этому повысим постепенно и резонанс, по Гельмгольцу—на одну октаву.

При гласных **e** и **i** губы уже не образуют съуженія; съуженіе образуется между средней частью языка и небом. Этим съуженіем надставная труба раздѣляется на двѣ — переднюю и заднюю; поэтому для этих гласных находят два тона, из которых один может быть разсматриваем как собственный тон задней (большей) полости, а другой как таковой же передней (меньшей) полости. Сообразно этому **e** и **i** имѣют болѣе высокій и болѣе низкій тон резонанса. Болѣе высокіе тоны составляют продолженіе восходящаго ряда собственных тонов **u**, **o**, **a**. Так, при **e** собственный тон передней полости, по Гельмгольцу, вы-

---

[1]) Звук m, произносимый с замкнутыми губами, имѣет звуковой оттѣнок сходный с гласным u, но только звук m еще бѣднѣе обертонами и они болѣе заглушены.

ше, нежели при **а**, а при **i** еще выше. Нижайшіе собственные тоны, которые принадлежат задней полости, при постепенном переходѣ к **i** постепенно понижаются (нисходят), так что для **i**, по Гельмгольцу, такой тон приблизительно так же низок, как и для **u**, т. е. *f*, для **е** выше [1]).

Настройка полости рта уже довольно значительно измѣняется при малых измѣненіях в оттѣнкѣ гласнаго звука, как это, например, встрѣчается в разных нарѣчіях и говорах одного и того же языка. Поэтому Гельмгольц *совѣтует лингвистам, желающим опредѣлить гласные различных языков, опредѣлить* высоту тона сильнѣйшаго резонанса *для уложеній полости рта, свойственных гласным даннаго говора.*

Факт, что полость рта настроена при различных гласных в различныя высоты тонов, был впервые найден Дондерсом, и при этом не посредством камертонов, а посредством шума, который образует струя воздуха в полости рта при шептаніи. При этом шум может дойти до полнаго тона; но это бывает только при **ӥ** и **u**, когда начинают свистать.

Собственные тоны полости рта, по наблюденію Гельмгольца, почти независимы от возраста и от пола. Гельмгольц вообще находил тѣ же резонансы у мущин, женщин и дѣтей. Ср. произношеніе дѣтьми гласнаго **u**: малый размѣр их полости рта вознаграждается бо́льшим съуживаніем губнаго отверстія.

Резонанс полостей, лежащих над гортанью, для различных гласных Гельмгольц выразил нотами; см. его ук. соч. стр. 154.

Изложенная теорія гласных подтверждается посред-

---

1) Звук **n**, при котором полость резонанса значительно меньше, чѣм при **m**, имѣет болѣе высокіе обертоны и они заглушены менѣе, чѣм при **m**. Но ясное различіе этим согласным придается сопровождающим шумом затвора или взрыва.

ствомъ опытов с искусственными язычковыми трубками, к которым приспособляют соотвѣтственныя надставныя трубки. Это впервые было сдѣлано **Уиллисом**, который соединял язычковыя трубки с цилиндрическими надставными трубками измѣняющейся длины и извлекал различные звуки посредством удлиненія надставной трубки. Самыя короткія трубки давали ему **i**, затѣм болѣе длинныя **e**, **a**, **o** и наконец **u**, которому соотвѣтствовала трубка в четверть длины волны. При дальнѣйшем удлиненіи, гласные являлись снова в обратном порядкѣ [1].

Мы видѣли, что гласные имѣют один или два характерных верхних тона, соотвѣтствующих настройкѣ воздушной массы и потому наиболѣе усиливаемых ею; остальные же верхніе тоны болѣе или менѣе заглушены. Посредством *резонаторов* довольно явственно воспринимаются первые шесть или восемь верхних тонов, но в весьма разнообразной силѣ, смотря по различным уложеніям полости рта, так что они то сильно поражают ухо, то едва слышимы.

Резонаторы — это стеклянные или металлическіе пустые шары или трубки с двумя отверстіями. Одним отверстіем они вставляются в ухо. Ухо слышит тон, попадающій в резонатор всего сильнѣе в том случаѣ, когда он соотвѣтствует основному тону шара (нижайшему из собственных тонов шара). Сила же всѣх остальных тонов тѣм незначительнѣе, чѣм их высота болѣе отклоняется от собственнаго тона резонатора. В приведенном свойствѣ резонатора можно легко удостовѣриться посредством опыта. Приставим один из таких резонаторов к уху и пусть будет исполнена на каком-либо музыкальном инструментѣ пьеса, в которую бы часто входил собственный тон резо-

---

[1]) Гельмгольц приставлял к язычковой трубкѣ настроенные стеклянные шары-резонаторы, и гласные получались лучше. Для произведенія звуков ė и i в наружное отверстіе шара вставлялась стеклянная трубка для того, чтобы при этих гласных воспроизвести двойной резонанс полости рта.

натора; каждый раз, как этот тон будет произведен, ухо, вооруженное резонатором, услышит его рѣзко выдѣляющимся из всѣх других тонов аккорда. Вслѣдствіе этого всякій, даже с музыкально неразвитым или тугим ухом, в состояніи разслышать в значительном числѣ других тонов даже довольно слабый тон, попадающій в резонатор, если только это есть собственный тон резонатора; с другой стороны, и привычному музыкальному уху, подкрѣпленному резонатором, удается продолжить анализ массы тонов гораздо далѣе, чѣм без резонатора. По этой причинѣ ряд таких опредѣленной настройки резонаторов есть важное средство, позволяющее производить множество изслѣдованій, при которых требуется, чтобы ясно замѣтить отдѣльные слабые тоны рядом с другими болѣе сильными, напр. верхніе гармоническіе тоны. Так, посредством резонаторов слышат явственно верхніе тоны человѣческаго голоса, которые имѣют разную силу в различных гласных. Даже замѣчают, что тон резонатора выдѣляется в шумѣ вѣтра, в шумѣ колес ѣдущаго экипажа, в плескѣ воды и т. п.

Различія согласных звуков поддаются анализу гораздо труднѣе, нежели тембр гласных. В самом дѣлѣ, возьмем *мгновенные* согласные б, д, г и п, т, к. Эти звуки происходят вслѣдствіе быстраго выхожденія напирающаго воздуха через отверстіе, бывшее до того закрытым. Звуки б и п производятся таким способом губами, д и т — языком прижимающимся к задней поверхности верхних зубов и к их деснам, г и к — заднею частью языка и небом. Ряд *звонких* согласных отличается от *глухих* тѣм, что при первых голосовая щель достаточно съужена для звучанія, тогда как при глухих голосовая щель расширена и звучать не может. Слѣдовательно звонкіе согласные — *тоно-шумы*, а глухіе — *шумы*. При звонких согласных вслѣдствіе съуженія голосовой щели втеченіе воздуха умѣреннѣе, чѣм при глухих, которые произносятся при открытой голосовой щели, так что из легких может разом выходить большое количество воздуха. В рѣчи кромѣ отрывистых шумов встрѣчаются шумы *длительные* или продол-

жающіеся: **в**, **ф**; **з**, **с**; **ж**, **ш**; **γ**, **х**. При **р** теченіе воздуха прерывается совершенно періодично дрожаніем мягкаго неба или конца языка, которое мы противопоставляем току воздуха, вслѣдствіе чего струя воздуха не иначе может себѣ проложить путь как отдѣльными толчками, и потому сопровождающій ее голосовой тон то вдруг проявляется, то вдруг пресѣкается; особое трескучее свойство этого согласнаго производится именно чрез эту прерывность. При **л** ток воздуха выходит по бокам языка, и тут образуется шум, соединяющійся с голосовым тоном. Но *если мы таким образом и можем указать, как производятся согласные звуки, то все-таки мы еще не в состояніи точно опредѣлить, какія вслѣдствіе этого происходят различія в движеніи воздуха.*

Гласные звуки хотя и ближе подходят к музыкальным, однако же не совершенно свободны от шума, — и гласные звуки сопровождаются маленькими неправильностями воздушнаго движенія. Болѣе сильный шум образуется при узких гласных **i** и **u**; через простое усиленіе шума гласный **i** переходит в **j**, а гласный **u** в англійское **w**.

Рядом с *физическою акустикою* существует *физіологическая,* которая имѣет цѣлью изслѣдовать процессы в самом ухѣ. Таким образом мы перейдем теперь к *физіологіи слуха.*

Предварительно я скажу нѣсколько слов о вліяніи *созвучія* или *соколебанія.* Возьмем два камертона, прикрѣпленных к резонансовым ящикам; оба колеблются одно и то же число раз в секунду. Проведем смычком по одному из камертонов. Чрез это мы заставляем камертон звучать. Прикоснувшись к нему, мы останавливаем его колебанія; но звук все еще продолжается. Это происходит потому, что вибраціи нашего камертона через воздух сообщились другому, и звук, который теперь слышится, принадлежит уже этому другому камертону. Но если прикрѣпить кусо-

чек воску к одному из камертонов, то этим мы весьма замѣтно ослабим соколебаніе, или даже совершенно уничтожим его. Передача колебанія происходит даже тогда, когда камертоны удалены один от другаго на нѣсколько футов. Это один из поразительнѣйших случаев соколебанія, если сравнить приведенную в движеніе тяжелую массу стали с легкою, уступчивою массою воздуха, которая производит эти дѣйствія.

„Орган слуха [1]) можно раздѣлить для простоты на три камеры или отдѣла: наружную, среднюю и внутреннюю".

„*Наружная* камера начинается в наружном хрящевом ухѣ и идет отсюда внутрь, в кость, в видѣ канала, который запирается в концѣ на-глухо тоненькою довольно туго натянутою перепонкою, которой издавна присвоено названіе *барабанной перепонки*".

„По ту сторону перепонки находится в кости вторая камера, которая зовется обыкновенно *барабанною полостью*. Она представляет неправильное пространство, выполненное воздухом, который может сообщаться с атмосферным воздухом чрез узкій канал, ведущій из барабанной полости в глотку".

„Почти насупротив барабанной перепонки полость имѣет два так называемых *окна*, затянутых тонкими перепонками и обращенных в третью камеру".

„К верхнему из этих окон или *овальному* тянется от барабанной перепонки, как мостик, через всю полость, цѣпочка слуховых косточек, которыя, по наружному сходству формы и отнюдь не по характеру дѣятельности, получили

---

[1]) Приношу искреннюю благодарность проф. Н. О. Ковалевскому, который позволил мнѣ воспользоваться для изложенія физіологіи слуха своею публичною лекціею (не напечатанною) „Органы чувств человѣка" (1870), что сдѣлало этот отдѣл общедоступным для пониманія. Заимствованное мною из указаннаго сочиненія я поставил в кавычках.

названіе молотка, наковальни и стремени. Всѣ онѣ связаны друг с другом в суставы так, что могут сгибаться друг около друга“.

„Первая из косточек—молоток, вросла своею рукояткою в барабанную перепонку. Головка молотка сочленена с наковальнею, а наковальня посредством одной из своих ножек опирается на стремя, вросшее своею подошвою в перепонку овальнаго окна“.

„Каждое движеніе барабанной перепонки, каждое дрожаніе ея, сдвинет непремѣнно за ручку молоток, молотком наковальню, а наковальнею стремя, и таким образом приведет в движеніе перепонку овальнаго окна“.

„Глубже, за обоими окнами, овальным и круглым, лежит третья и послѣдняя камера слуховаго органа, называемая по многочисленности различных ходов в ней *лабиринтом*. Она наполнена вся жидкостью и содержит в себѣ окончанія слуховаго нерва“.

„Средняя часть лабиринта, наиболѣе просторная, составляет *преддверіе*, из котораго в одну сторону идут три дугообразных хода, возвращающихся опять сюда же, а в другую идет постепенно съуживающійся канал, завитой как улитка спиралью, у верхушки которой он открывается маленьким отверстіем в нижній совершенно такой же канал, спускающійся спиралью под верхним прямо к наглухо затянутому перепонкою второму или *круглому* окну барабанной полости. Улитка, стало быть, состоит из двухэтажнаго хода“.

„В преддверіи и трех дугообразных его ходах плавает в жидкости перепончатый мѣшок, наполненный также жидкостью, котораго форма составляет почти вѣрную копію всей полости, в которой он плавает“.

„Слуховой нерв, состоящій из нѣскольких тысяч микроскопических нитей, идет к лабиринту и, подходя к нему, распадается на двѣ вѣтви. Одна из них вступает в нѣскольких мѣстах в перепончатый мѣшок и его дугообразные ходы и здѣсь почти тотчас же оканчивается, тогда как другая вѣтвь поднимается в улитку“.

„В мѣшкѣ по близости нервных окончаній лежит цѣлая масса мелких кристалликов углекислой извѣсти; в его дугообразных ходах лежит здѣсь цѣлая щетка упругих волосков".

Мы уже знаем, что полость улитки дѣлится тонкою спирально вьющеюся костяною пластинкою на два этажа или лѣстницы. Впрочем, костяная спиральная пластинка не совершенно перегораживает ход улитки, она достигает только до средины хода; полное же раздѣленіе обѣих лѣстниц образует перепончатая спиральная пластинка, которая состоит из двух листиков; оба листочка берут начало от края костяной спиральной пластинки; расходясь, они достигают до противоположной стѣнки улиткового хода и заключают между собою канал, в котором помѣщается концевой аппарат нерва улитки. „В улиткѣ концы нервов с массою клѣток лежат между рядом дугообразно-изогнутых упругих пластинок, расположенных друг около друга, как клавиши фортепьяно, на нижнем листочкѣ перепончатой спиральной пластинки, называемом *Membrana basilaris.* Число этих пластинок до 3000".

„Чтобы составить себѣ понятіе о том, как подобное устройство органа слуха приспособлено к возбужденію слуховых нервов звуками, припомним прежде всего, что звуки, которые мы слышим, состоят из невидимых нам колебаній или дрожаній частиц воздуха, вызванных каким-нибудь сотрясеніем".

„Смотря по величинѣ этих колебаній воздуха, звук может быть сильнѣе или слабѣе, а смотря по тому, правильно ли періодически слѣдуют они друг за другом или нѣт—вызывается ощущеніе музыкальных тонов или шума; наконец, смотря по тому, чаще они слѣдуют друг за другом или медленнѣе—является ощущеніе высоких или низких тонов".

„Чтобы мы услышали звук, надо, чтобы воздушныя волны дошли до нашего уха, вступили в наружный слуховой канал, ударились о барабанную перепонку, двинули бы ряд косточек, а с тѣм вмѣстѣ и перепонку овальнаго

окна, толкнули бы жидкости лабиринта в каналы и ходы его и на этом пути вызвали бы раздраженіе концев нерва. Ощущеніе неправильных шумов может быть объяснено тѣм, что движеніе жидкости в лабиринтѣ вызывает сотрясеніе мелких кристалликов в мѣшкѣ преддверія или упругих волосков в дугообразных ходах его, а кристаллики и волоски в свою очередь механически раздражают лежащіе по близости нервные концы".

„Другое дѣло — масса тѣх музыкальных тонов, которые так ясно и отчетливо отличает чуткое ухо в цѣлом океанѣ звуковых волн. Для этого надо искать в ухѣ опредѣленнаго приспособленія".

„Один простой опыт наводит на мысль, гдѣ искать этого приспособленія".

„Если вы откроете крышку фортепьяно, придавите педаль и сильно возьмете вашим голосом любую ноту, вам тотчас же отвѣтит нѣсколько струн, настроенных именно на тѣ тоны, которые заключались в вашем голосѣ. Перемѣните ноту, — перемѣнились и отвѣчающія вам струны, тогда как вся остальная масса струн, настроенных на другіе тоны, молчит. Это одно из явленій так называемаго *созвучія*".

„Нѣчто подобное по значенію ряду струн фортепьяно мы имѣем в системѣ дугообразно-изогнутых упругих пластинок улитки в ухѣ, постепенно измѣняющих свою длину по мѣрѣ восхожденія в улиткѣ, а слѣдовательно различной настройки, и расположенных около нервных окончаній".

И так, можно думать, что наше ухо приспособлено для воспріятія как шумов, так и музыкальных тонов и что это основывается на существованіи разнородных концевых аппаратов.

Но если орган, помѣщенный в улиткѣ и открытый Корти, должен служить для различенія тонов разной высоты, то необходимо, чтобы упругія пластинки в улиткѣ, расположенныя около нервных окончаній, имѣли различную настройку и чтобы их собственные тоны представля-

ли правильную послѣдовательность ступеней на всем протяженіи музыкальной скалы. По новѣйшим анатомическим изслѣдованіям дѣлается вѣроятным, что эта настройка основывается на разницѣ в ширинѣ Membrana basilaris улитки. В самом дѣлѣ, названная перепонка в своем началѣ относительно узка и все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, как приближается к куполу улитки; Кортіевы дуги или пластинки обнаруживают также приращеніе длины по направленію к куполу улитки. Число дуг (по 400 дуг приходится на каждую октаву и по $33^1/_3$ — на каждые полтона) вполнѣ достаточно, чтобы объяснить то, что при непрерывно увеличивающейся или уменьшающейся скорости звуковаго колебанія, наше ощущеніе также непрерывно измѣняется, не перескакивая со ступени на ступень.

Если издается тон, высота котораго не соотвѣтствует ни одной из Кортіевых дуг, то он приведет в соколебаніе двѣ сосѣднія дуги между высотою тона которых он заключается, и ту из них сильнѣе, которая ближе к нему по высотѣ; всѣ же другія дуги будут возбуждены слабо или совершенно не возбуждены. Тоны различной высоты будут возбуждать различныя упругія пластинки и слѣдовательно различныя нервныя волокна. При воспріятіи сложнаго звука или аккорда возбуждаются всѣ тѣ упругія пластинки, высота тона которых соотвѣтствует различным простым тонам, содержащимся в этой звуковой массѣ, и при должно направленном вниманіи музыкально развитое ухо всѣ отдѣльныя ощущенія простых тонов может воспринять в отдѣльности: аккорд будет разложен на свои отдѣльные звуки, звук на свои отдѣльные гармоническіе тоны.

Представленныя воззрѣнія относительно передачи звуков нервам, раздѣляющіяся главными авторитетами, — не доказанныя, а только вѣроятныя. Они представляют явленія связно и в понятной формѣ и если бы когда-либо замѣнились другой теоріей болѣе вѣрной и болѣе полной, то и в таком случаѣ чудесность самаго явленія чрез это по всей вѣроятности нисколько бы не умалилась.

„Глубокое положеніе слуховаго аппарата предохраняет слуховой нерв от других способов возбужденія; но этот нерв способен возбуждаться и ими и давать мозгу все-таки ощущенія звука. Это видно из того, что всякое прикосновеніе к барабанной перепонкѣ, или, за отсутствіем ея у больных, к перепонкѣ овальнаго окна, вызывает ощущеніе шума. Болѣзненно-измѣненное кровообращеніе в ухѣ, а может быть и раздраженіе нервнаго аппарата нѣкоторыми лѣкарственными веществами и пр., способны служить также причиною различных шумов, звона в ушах и т. д.“

„Ухо человѣка способно ощущать, как тон, тѣ колебанія, которыя повторяются от 16 до 38000 раз в 1″ (слѣд. 11 октав), хотя собственно как чисто музыкальные тоны только тѣ, которых число колебаній находится в границах между 40 и 4000 раз в 1″ (7 октав)“. Впрочем, нужно замѣтить, что границы слуха у различных лиц различны. Тиндаль приводит случай малых границ слуха, видѣнный им, когда он с одним другом переходил через Венгерн Альп. Луга по обѣим сторонам дороги были полны насѣкомыми, которыя для слуха Тиндаля наполняли воздух своим рѣзким жужжаніем. Но его друг ничего этого не слышал; музыка насѣкомых лежала внѣ границ его слуха.

Кромѣ акустической стороны слѣдует еще обратить вниманіе на *психологическую* часть ученія о звукѣ, т. е. на наши *ощущенія* при произношеніи — слуховыя и мускульно осязательныя.

Прибавленіе 2.

АНАТОМО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА РѢЧИ.

Разсматривая физіологію звуков русскаго языка, мы пришли к раздѣленію человѣческаго органа рѣчи на три части:

А. Дыхательный аппарат.

Б. Гортань.

В. Полости, лежащія над гортанью—глотка, полость рта и полость носа.

А. Дыхательный аппарат [1]).

Специальную часть дыхательнаго аппарата составляют *легкія.* В легких мы различаем двѣ части: одну—трубчатую и другую — пузырчатую, переходящія друг в друга. Трубчатая часть легких начинается внѣ легких, от гортани, посредством *дыхательнаго горла* (трахея), которое расходится в свои первичныя (бронхи) и вторичныя (бронхіальныя вѣтви) развѣтвленія. Вступив в ткань легкаго, бронхіальныя трубки продолжают дѣлиться все дальше и дальше, становясь все мельче и мельче, и переходят в пузырчатую часть.

Трубчатая часть дыхательнаго органа не принимает участія в перемѣнах при различных фазах дыханія и служит лишь проводником воздуха во вторую часть дыхательнаго органа — пузырчатую, которая мѣняет свои размѣры при каждом вдыханіи и выдыханіи.

---

[1]) Изложеніе этого отдѣла представляет заимствованія из лекцій (литографированных) по физіологіи, читанных проф. Н. О. Ковалевским.

Акт *вдыханія* вызывается увеличеніем объема грудной полости во всѣх трех измѣреніях — сверху вниз, сзади наперед, вправо и влѣво.

Увеличеніе грудной полости *сверху вниз* достигается сокращеніем *грудо-брюшной преграды*, так как этот сводообразный мускул становится вслѣдствіе сокращенія болѣе плоским, и таким образом грудная полость в вертикальном размѣрѣ увеличивается на счет брюшной полости.

Увеличеніе грудной полости *сзади наперед* достигается поднятіем *ребер* с *грудиною* кверху. Чтобы выяснить это, надо выдѣлить из грудной клѣтки часть позвоночника с прикрѣпленною к нему парою ребер, оставленною в связи со своими хрящами и с соотвѣтствующим отрѣзком грудины, связывающей эти хрящи. Если укрѣпить такое „реберное кольцо" за позвонки в нормальном его положеніи, т. е. с косвенно опущенными вниз ребрами, то передне-задній діаметр груди будет выражен на этом кольцѣ перпендикуляром, опущенным от остатка грудины на линію, составляющую продолженіе позвоночника вниз; но если поднять к верху спущенные концы ребер и поставить послѣднія вертикально к линіи позвоночника, как передне-задній діаметр груди или кратчайшее разстояніе от грудины до позвонков, очевидно, увеличится против прежняго.

Увеличеніе грудной полости *вправо и влѣво* достигается тѣм же поднятіем ребер, так как это поднятіе никогда не обходится без расхожденія ребер в стороны.

Какими же мышцами производится вдыхательное поднятіе ребер, влекущее за собою увеличеніе как передне-задняго, так и боковаго размѣра груди? К этой работѣ, собственно говоря, приспособлены всѣ мышцы, нисходящія от позвоночника, головы и плеча (в случаѣ фиксированнаго, т. е. укрѣпленнаго, положенія послѣдняго) к грудной клѣткѣ, а кромѣ того — мышцы межреберныя. Но не всѣ онѣ дѣятельны при всяком дыханіи. Чѣм покойнѣе и поверхностнѣе дыханіе, тѣм меньшее число мускулов дѣятельно при вдыханіи, и наоборот—чѣм энергичнѣе и глубже дыханіе, тѣм большее число мышц принимает участіе.

Приподнятіе ребер при вдыханіи имѣет мѣсто не на всѣх ребрах в одно и то же время. Первое ребро прежде всего поднимают шейно-реберныя мышцы, потом первыя межреберныя мышцы приподнимают второе ребро к первому, и т. д. вниз через всѣ межреберные промежутки до послѣдняго.

Гутчинсон замѣтил разницу в дыханіи по полам, по крайней мѣрѣ в случаѣ покойнаго дыханія. Покойное дыханіе мущины он называет брюшным, а покойное дыханіе женщины—грудным. Это потому, что покойное вдыханіе у мущин совершается по преимуществу сокращеніем грудобрюшной преграды, а у женщин по преимуществу дѣятельностью шейно-реберных и межреберных мышц. Но при глубоком и усиленном вдыханіи разница в мужском и женском типѣ дыханія исчезает, всѣ мышцы вдыхательныя одинаково усиленно работают и у того и у другаго пола.

Фаза вдыханія в дыхательном процессѣ смѣняется фазою *выдыханія.* При вдыханіи части груди и брюха для расширенія грудной полости насильственно выводятся мышцами из положенія упругаго равновѣсія. Поэтому понятно, что лишь только мышечная работа, производившая вдыханіе, прекратится, как должно тотчас же наступить возвращеніе частей, выведенных ею из положенія упругаго равновѣсія, к этому послѣднему, а слѣдовательно должна наступить обратная вдыханію фаза — уменьшеніе грудной вмѣстимости или выдыханіе, для произведенія котораго никаких особых сил, кромѣ упругости частей, не нужно. Но при дыханіи глубоком и напряженном даже выдыханіе дѣлается активным и к дѣйствію упругих сил присоединяются силы мышечныя, направленныя к возможно большему уменьшенію грудной полости.

Герметическое положеніе легких в грудной полости составляет причину, что легкія всегда в точности слѣдят за всѣми перемѣнами объема грудной клѣтки, и при вдыханіи расширяются, образуя внутри себя разрѣженное пространство и присасывая в себя наружный воздух через

отверстіе носа и рта, а при выдыханіи спадаются, образуя внутри себя увеличенное сжатіе воздуха и вытѣсняя соотвѣтственную часть его наружу.

Обратимся теперь к опредѣленію того нервнаго аппарата, который производит дыхательную ритмику. Изслѣдованія показали, что нервный центр, вызывающій дыхательныя движенія, помѣщается в *продолговатом мозгу*. Теперь посмотрим, какими импульсами приводится он в дѣйствіе. Каждый знает, что мы можем по произволу сдѣлать вдыханіе, выдыханіе, или паузу. Но из этого еще не слѣдует, что дыханіе есть акт произвольный. Что, вообще, не волевые импульсы со стороны головнаго мозга вызывают обычныя дыхательныя движенія, в этом легко убѣдиться, испытывая дѣйствіе воли, останавливающее дыхательныя движенія. Оказывается, что как бы сильна ни была воля у человѣка, но она не в состояніи противостоять потребности к дыханію, которая в концѣ концов возьмет перевѣс и заставит сдѣлать вдыханіе. Все дѣйствіе воли сводится лишь к измѣненію существующаго дыханія. Вообще, дыхательный центр работает самобытно, автоматически. Но и для автоматической дѣятельности нужны импульсы; только приложеніе их совершается непосредственно в центрѣ. На основаніи производившихся изслѣдованій надо полагать, что возбужденіе дыхательнаго центра к дѣятельности производится извѣстным составом крови, протекающей по продолговатому мозгу, составом, вырабатывающимся в промежуткѣ между двумя дыханіями. Извѣстно, что когда дыханіе совершилось и кровь насытилась кислородом и освободилась от углекислоты, такая кровь с каждым оборотом по тѣлу становится вновь бѣднѣе кислородом и богаче углекислотою, или, как говорят, все болѣе и болѣе венозною. И вот, достигнув извѣстной степени венозности, кровь эта, протекая по продолговатому мозгу, начинает его раздражать, вѣроятно—химически, и вызывает дыханіе.

В рѣчи в теченіе одного выдыханія может быть произнесено нѣсколько слов; затѣм происходит пауза, во время кото-

рой мы вдыхаем; с новым выдыханіем мы опять можем произнести нѣсколько слов и т. д.

Б. Гортань [1]).

Гортань лежит между дыхательным горлом и подъязычною костью. Она состоит из слѣдующих хрящей:

Щитовидный хрящ, состоит из двух четырехугольных пластинок, которыя сходятся кпереди под болѣе или менѣе прямым углом, образуя таким образом грань, которую легко ощупать. Ведя пальцем по этой грани вверх, мы ощупываем вырѣзку на серединѣ верхняго края нашего хряща [2]). Мы уже знаем, что обѣ пластинки щитовиднаго хряща расходятся назад; задніе края этих пластинок продолжаются кверху и книзу отростками, которые представляют как бы рога и потому названы *рожками* щитовиднаго хряща. Верхними своими рогами щитовидный хрящ приближается к *подъязычной кости*, имѣющей вид подковы, отверстіе которой, как и щитовиднаго хряща, обращено назад. Подъязычная кость уже не принадлежит гортани, а служит для нея верхним основаніем.

Перстневидный хрящ находится под щитовидным хрящем. Он имѣет вид горизонтально лежащаго перстня, кольцо котораго обращено вперед, а площадка или печать назад. Кольцо перстневиднаго хряща легко ощупывается, как валик, пониже щитовиднаго хряща. Мы уже

---

[1]) При изложеніи этого отдѣла и слѣдующаго за ним пособіями мнѣ служили:

Гиртль Руководство к анатоміи человѣческаго тѣла. Перевод с нѣм. *Баллода* и *Фаминцына* (1869), в особ. §§ 280—283, 256—257, 243—245.

Grützner Physiologie der Stimme und Sprache стр. 38—71, 121—122.

Брюкке Учебник физіологіи. Перев. с нѣм. I (1876) стр. 261—271.

и др.

[2]) Передняя верхняя часть щитовиднаго хряща образует так называемое Адамово яблоко или кадык.

говорили, что пластинки щитовиднаго хряща расходятся назад; онѣ расходятся настолько, что между ними, именно — между нижними рожками щитовиднаго хряща, помѣщается печать перстневиднаго хряща. Для сочлененія с нижними рожками щитовиднаго хряща перстневидный хрящ имѣет с обѣих наружных сторон по маленькой суставной поверхности. При этом не лишне замѣтить, что сочлененіем называют вообще соединеніе костей, которыя касаются посредством покрытых хрящом поверхностей и удерживаются посредством связок таким образом, чтобы относительное положеніе их могло измѣняться, т. е. чтобы они могли двигаться (в данном случаѣ имѣется сочлененіе хрящей). Нижній край перстневиднаго хряща соединяется посредством *перстне-горловой связки* с первым хрящом дыхательнаго горла; таким образом перстневидный хрящ составляет нижнее основаніе гортани.

Черпаловидные или *пирамидальные хрящи*, представляют трехугольныя пирамиды, которых основанія лежат на суставных поверхностях верхняго края пластинки перстневиднаго хряща, а верхушки нѣсколько изогнуты кзади. Каждый черпаловидный хрящ, представляя треугольную пирамиду, имѣет три поверхности, не считая основанія: *внутреннюю*, *наружную* и *заднюю*. Внутренняя поверхность, ровная и прямая, обращена к такой же поверхности другаго хряща; наружная, волнообразная и выпуклая, обращена кпереди и кнаружи, а задняя, вогнутая, — к позвоночному столбу; от соединенія этих трех поверхностей происходят три края: передній, задній наружный и задній внутренній. Передній угол основанія вытягивается в *голосовой отросток*, а наружный, утолщенный и направленный нѣсколько кзади, — в *мышечный отросток*. (На верхушкѣ каждаго черпаловиднаго хряща находится прикрѣпленный посредством сухожильных волокон пирамидальный *Санториніев хрящ*).

Надгортанный хрящ, — эластическая пластинка, нижній узкій конец которой прикрѣпляется посредством *щитонадгортанной связки* к внутренней поверхности щитовид-

наго хряща, к его верхней вырѣзкѣ, а верхняя часть, свободная, широкая и округленная, представляет изгиб кверху и торчит *над гортанью.*

Перехожу к *связкам гортанных хрящей,* которыя служат или *а)* для соединенія гортани с выше и ниже лежащими частями, или *б)* для соединенія отдѣльных хрящей между собою.

а)

Щито-подъязычныя связки: одна *средняя* и двѣ *боковыя.* Средняя, широкая, наполняет промежуток между верхним краем щитовиднаго хряща и подъязычною костью; обѣ боковыя соединяют верхніе рожки щитовиднаго хряща с большими рожками подъязычной кости.

Перстне-горловая связка.

б)

Перстне-щитовидныя боковыя связки, сумочныя связки, соединяющія нижніе рожки щитовиднаго хряща с боками перстневиднаго хряща.

Перстне-щитовидная средняя связка, соединяет нижній край щитовиднаго хряща с верхним краем кольца перстневиднаго хряща.

Перстне-черпаловидныя связки, сумочныя связки, служащія к подвижному соединенію основаній черпаловидных хрящей с суставными поверхностями, находящимися на верхнем краю печати перстневиднаго хряща.

Щито-надгортанная связка.

Всѣ эти связки содержат в себѣ упругія (эластическія) волокна.

Обратимся к разсмотрѣнію *голосовых связок.* Так называются двѣ пары связок, находящихся внутри гортани и идущих спереди назад. Онѣ лежат одна под другою, берут начало от внутренней поверхности ребра щитовиднаго хряща, прикрѣпляются к черпаловидным хрящам, почему называются также *щито-черпаловидными связками.* Каждая

связка верхней пары прикрѣпляется к переднему краю соотвѣтствующаго черпаловиднаго хряща; связки нижней пары прикрѣпляются к соотвѣтствующим „голосовым отросткам“.

Верхняя пара связок выдается менѣе, а нижняя болѣе; отверстіе между связками для верхних мало выдающихся связок должно быть шире, а для нижних широких—уже.

Это отверстіе для верхних связок называется *ложною*, а для нижних—*истинною голосовою щелью* [1]). Самыя связки вмѣсто длиннаго названія: *связки щито-черпаловидныя верхнія и нижнія*, показывающаго их начало и конец, могут просто называться *ложными* и *истинными голосовыми связками*. Между ложными и истинными голосовыми связками с каждой стороны находится по полости—*желудочки Морганьи*.

Ложныя голосовыя связки получили это названіе по внѣшнему сходству их с истинными голосовыми связками, хотя, сколько извѣстно, онѣ не принимают участія в произведеніи голосоваго тона. Ложныя голосовыя связки суть складки слизистой оболочки, выстилающей внутреннюю поверхность гортани, истинныя же голосовыя связки—настоящія упругія связки.

Теперь мы можем обратиться к разсмотрѣнію *мускулов* (мышц) *гортани*. Сюда относятся: *а*) мускулы, приводящіе в движеніе (поднимающіе и осаждающіе) всю гортань, или, что̀ необходимо при произведеніи всякаго тона, фиксирующіе ее; *б*) мускулы, двигающіе отдѣльными хрящами гортани, а вслѣдствіе этого сближающіе или удаляющіе края голосовых связок, а также измѣняющіе их на-

---

[1]) В истинной голосовой щели различают два отдѣленія: *межсвязочная щель* или собственно голосовая щель, т. е. часть между передним прикрѣпленіем голосовых связок и голосовыми отростками, и *межхрящевая щель*, т. е. пространство между внутренними поверхностями черпаловидных хрящей.

тяженіе. Всѣ эти мускулы парные (кромѣ одного, именно — черпаловиднаго поперечнаго) и, так как голосовыя связки прикрѣпляются одним концом к щитовидному хрящу, а другим — к черпаловидному, сами могут прикрѣпляться только к этим хрящам.

a)

Если мы будем наблюдать положеніе гортани при произношеніи или при пѣніи, то замѣтим, что при повышеніи тона гортань поднимается соотвѣтственно выше, с пониженіем же голоса она соотвѣтственно опускается. Таким образом при повышеніи или пониженіи тона происходит не только соотвѣтственное натяженіе или ослабленіе голосовых связок, но вмѣстѣ с тѣм подниманіе или осажденіе гортани.

Мускул грудино-щитовидный, начинается от задней поверхности рукоятки грудины, прикрѣпляется к наружной поверхности пластинки щитовиднаго хряща по направленію линіи нисходящей косвенно спереди кзади; осаждает гортань, а кромѣ того, так как многія его волокна прикрѣпляются к самым задним частям щитовиднаго хряща позади перстне-щитовиднаго сочлененія, может поднимать этот хрящ в его передних частях и ослаблять голосовыя связки (Меркель).

Мускул подъязычно-щитовидный, антагонист [1]) предъидущаго; начинается от нижняго края основанія и от больших рожков подъязычной кости, прикрѣпляется там, гдѣ оканчивается грудино-щитовидный мускул; поднимает всю гортань и может, при фиксированном положеніи подъязычной кости, своими волокнами, прикрѣпляющимися к щитовид-

---

[1]) Мышцы, дѣятельности которых противоположны, называются *антагонистами,* напр. мышцы подымающія и осаждающія, поворачивающія наружу и внутрь, сгибающія и разгибающія. Мышцы, имѣющія одну и ту же дѣятельность или помогающія друг другу в достиженіи извѣстнаго результата, называются *коадъюторами.* Случается, что антагонисты становятся коадъюторами.

ному хрящу перед точкой вращенія его, опрокидывать кзади этот хрящ, а также натягивать голосовыя связки, но это только, как кажется, благодаря тому, что вмѣстѣ с ним всегда одновременно сокращаются подниматели подъязычной кости (мускул подбородочно-подъязычный и пр.), при чем перстневидный хрящ предполагается фиксированным.

Мускул гортанно-глоточный, начинается от связки, соединяющей большой рожок подъязычной кости с верхним рожком щитовиднаго хряща, от задней части наружной поверхности щитовиднаго храща и от наружной поверхности перстневиднаго хряща; всѣ эти пучки соединяются с противоположными, образуя среднюю линію задней стѣнки глотки. Мускул этот может приближать пластинки щитовиднаго хряща одну к другой, а чрез это сближать и натягивать голосовыя связки (так как при дѣйствіи этого мускула передній пункт прикрѣпленія голосовых связок должен подвигаться вперед) и, слѣдовательно, способствовать образованію голоса.

И так, разсмотрѣнные нами три мускула являются не только аппаратами для фиксаціи гортани и ея отдѣльных больших хрящей, но кромѣ того болѣе грубыми механизмами, которые могут производить натяженіе и сближеніе голосовых связок для образованія голоса. Болѣе же тонкими механизмами для этих работ служат собственно мускулы гортани, к разсмотрѣнію которых мы и перейдем. Кромѣ того, на движеніе гортани оказывают вліяніе, всѣ мускулы, прикрѣпляющіеся к подъязычной кости.

б)

Мускул перстне-щитовидный, начинается по обѣим сторонам перстневиднаго хряща и идет косвенно вверх и назад к нижнему краю щитовиднаго хряща. Он двигает щитовидный хрящ вперед и вниз вокруг оси, проходящей через нижніе его рожки; чрез это угол щитовиднаго хряща удаляется от черпаловидных хрящей, слѣдовательно— разстояніе между точками прикрѣпленія голосовых связок увеличивается, и связки напрягаются. И так, в ы с о т а т о н а

зависит главным образом от дѣйствія мускула перстне-щитовиднаго.

Мускул перстне-черпаловидный задній, начинается от *задней* поверхности пластинки перстневиднаго хряща и прикрѣпляется, сходящимися кверху и кнаружи волокнами, к заднему краю мышечнаго отростка черпаловиднаго. Он поворачивает черпаловидный хрящ так, что голосовой отросток двигается кнаружи и кверху, отчего голосовая щель расширяется, а вмѣстѣ с тѣм, вслѣдствіе расхожденія внутренних поверхностей черпаловидных хрящей, расширяется и межхрящевая щели. Так как этот мускул есть главнѣйшій расширитель голосовой щели, для дыханія же щель должна быть открытой, то он является необыкновенно важным при дыханіи: от нормальной его дѣятельности нерѣдко зависит жизнь человѣка; его паралич или недѣятельность имѣет послѣдствіем, вслѣдствіе перевѣса его антагониста, к которому мы сейчас перейдем, в высшей степени затрудненное дыханіе. При обыкновенном, спокойном дыханіи этот мускул имѣет половинное напряженіе; при глубоком же вдыханіи имѣет полное напряженіе [1]).

Мускул перстне-черпаловидный боковой, начинается на верхнем краю *боковой* поверхности перстневиднаго хряща, покрывается боковою пластинкою щитовиднаго хряща (которую должно снять, чтобы видѣть мышцу), восходя косвенно назад и вверх и прикрѣпляется к мышечному отростку черпаловиднаго хряща пред предъидущим мускулом. Он поворачивает черпаловидный хрящ около приблизительно вертикальной оси таким образом, что голосовой отросток движется внутрь, сближаясь или даже сходясь с отростком противоположной стороны. Когда же этот мускул дѣйствует одновременно с своим антагонистом, то он является не съуживателем, но расширителем голосовой щели, которая чрез общее дѣйствіе обоих мускулов увеличи-

---

[1]) Merkel Antropophonik стр. 134. Ниже мы увидим, что антагонист этого мускула, при совмѣстном дѣйствіи обоих мускулов, становится коадъютором.

вается. В самом дѣлѣ, дѣйствіе каждаго из этих мускулов составляется из горизонтальной и вертикальной слагающихся; горизонтальныя, производящія вращенія черпаловидных хрящей, дѣйствуют в разныя стороны и потому, при совмѣстном сокращеніи обоих мускулов, должны взаимно уничтожаться, если онѣ равной силы; вертикальныя — тянут черпаловидный хрящ вниз, и как онѣ дѣйствуют в одном и том же направленіи, то дѣйствіе их проявляется и при совмѣстном сокращеніи обоих мускулов: черпаловидные хрящи оттягиваются вниз и наружу по наклонному краю перстневиднаго хряща и таким образом отодвигаются один от другаго. Вмѣстѣ с тѣм происходит и нѣкоторое вращеніе голосоваго отростка наружу, так как мускул черпаловидный задній сильнѣе, чѣм боковой, а этим достигается возможно полное расширеніе гортанной щели. Описанное дѣйствіе возможно только при одновременном разслабленіи черпаловидных мускулов, которые мы и разсмотрим.

Мускул черпаловидный поперечный, лежит на задней вогнутой поверхности обоих черпаловидных хрящей, идя от наружнаго края одного к такому же краю другаго; сокращеніе его сближает оба черпаловидные хряща так, что его внутреннія поверхности, в особенности их заднія нижнія части, совершенно прикасаются.

Мускулы черпаловидные косвенные, идут от мышечнаго отростка одного черпаловиднаго хряща к верхушкѣ другаго, так что крестообразно пересѣкаются на задней поверхности мускула черпаловиднаго поперечнаго. Они имѣют такое же дѣйствіе, как и предъидущій мускул; особенность дѣйствія их состоит в том, что они могут сближать верхніе концы черпаловидных хрящей с сидящими на них Санториніевыми хрящами; в этом случаѣ они дѣйствуют так же, как верхняя часть мускула черпаловиднаго поперечнаго.

Мускул щито-черпаловидный внутренній или голосовой, начинается на внутренней поверхности пластинки щитовиднаго хряща, близь его угла, тотчас кнаружи от мѣста

прикрѣпленія голосовой связки, идет назад по направленію голосовой связки, вростает в нее и прикрѣпляется к голосовому отростку и к наружной поверхности черпаловиднаго хряща.

Мускул щито-черпаловидный наружный, начинается тоже на внутренней поверхности пластинки щитовиднаго хряща, прикрѣпляется к боковому краю и передней верхней части мышечнаго отростка; его волокна соприкасаются отчасти с боковою стороною щито-черпаловиднаго внутренняго. Дѣйствіе обоих этих мускулов болѣе или менѣе сходное и потому я буду говорить о дѣйствіи этих мускулов не в отдѣльности, а вмѣстѣ. И так, мускул щито-черпаловидный (наружный и внутренній) во первых, разслабляет голосовыя связки, сближая пункты прикрѣпленія их; во вторых, поворачивает голосовые отростки внутрь и съуживает голосовую щель; в третьих, вплетаясь нѣкоторыми волокнами в голосовую связку, он своим сжатіем подает голосовую связку к серединѣ гортанной щели, так что голосовая связка расширяется и обостряется, что̀ должно вліять на період колебанія ея.

Мускул черпало-надгортанный: часть волокон мускула черпаловиднаго косвеннаго от верхняго прикрѣпленія его продолжается в связкѣ черпало-надгортанной [1]) к надгортанному хрящу в видѣ тонкаго мышечнаго пучка, сокращеніе котораго должно опускать надгортанник на черпаловидные хрящи. Оба мускула черпало-надгортанные вмѣстѣ с мускулами черпаловидными косвенными образуют род петли, захватывающей надгортанный хрящ и оба черпаловидные. При сокращеніи эта петля закрывает гортань: она сближает оба черпаловидные хряща и опускает на них

---

[1]) Слизистая оболочка надгортаннаго хряща, переходя от боковых его краев к верхушкам черпаловидных хрящей, образует *черпало-надгортанныя связки.* Слѣдовательно, связки эти — не настоящія, а только складки слизистой оболочки, подобно ложным голосовым связкам.

надгортанный; таким образом она составляет род сфинкера гортани.

Мускул щито-надгортанный: между обѣими пластинками черпало-надгортанной связки находится тонкій, но широкій мышечный слой, в котором различают два отдѣленія; одно из них есть мускул черпало-надгортанный, а другое—разсматриваемый нами мускул. Мускул щито-надгортанный начинается на внутренней поверхности щитовиднаго хряща, снаружи и сверху мускула щито-черпаловиднаго, прикрѣпляется у надгортаннаго хряща так, что расширяет верхнее отверстіе гортани, растягивая его в стороны.

Послѣ всего сказаннаго пусть читатель припомнит: 1) измѣненія положенія, к которым способны отдѣльные хрящи гортани, 2) мускулы гортани: а) между перстневидным и щитовидным хрящем, б) между перстневидным и черпаловидными, в) между черпаловидными, г) между щитовидным и черпаловидными, д) между надгортанным и другими хрящами, — дѣйствіе всѣх этих мускулов, 3) мускулатуру, которая обусловливает движеніе цѣлой гортани, хотя вмѣстѣ с тѣм вліяет и на положеніе голосовых связок.

Перейдем теперь к разсмотрѣнію нѣкоторых *комбинированных дѣйствій мускулов гортани,* которыя обусловливают разное положеніе хрящей гортани относительно друг друга и положеніе голосовых связок.

1) *Голосовая щель при глубоком и энергичном дыханіи* широко открыта, будучи нѣсколько похожею на пятиугольник; обѣ боковыя стороны начинаются впереди у щитовиднаго хряща, сильно дивергируют (расходятся) кзади, потом у голосоваго отростка под тупым углом поворачивают кнутри и сзади под тупым округленным углом переходят друг в друга. Для происхожденія такой формы гортанной щели должны быть раздвинуты черпаловидные хрящи, что̀ производится совмѣстным сокращеніем обоих мускулов перстне-черпаловидных (задняго и боковаго), само собою разумѣется, что при этом должны быть разслаблены

всѣ тѣ мускулы, которые производят съуженіе или затвор голосовой щели — щито-черпаловидный наружный и внутренній, черпаловидные косвенные и поперечный; также натягиватель голосовых связок (перстне-щитовидный мускул) не должен имѣть сильнаго дѣйствія.

2) *Голосовая щель при обыкновенном спокойном дыханіи* гораздо менѣе открыта, представляя равнобедренный треугольник. Уже *a priori* можно ожидать, что такое уложеніе гортани происходит при возможно малой мускульной дѣятельности.

3) *Голосовая щель съуженная для звучанія.* Для того, чтобы звучала двухъязычная перепончатая трубка (в данном случаѣ человѣческая гортань), нужно, чтобы оба языка были достаточно натянуты и приближены один к другому до соприкосновенія или почти до соприкосновенія; звучаніе производптся тѣм легче, чѣм тоньше края языков. Эти условія выполняются таким образом, что приводятся в дѣйствіе натягиватель, т. е. перстне-щитовидный мускул, а кромѣ того — всѣ тѣ мускулы, которые приближают голосовыя связки одну к другой (см. выше—уложеніе 1). При этом участвуют также антагонисты—перстне-черпаловидный задній и боковой; их дѣятельность, мнѣ кажется, способствует фиксаціи черпаловидных хрящей, а кромѣ того—одновременное сокращеніе черпаловидных мускулов препятствует отодвигать черпаловидные хрящи один от другаго и позволяет перстне-черпаловидному боковому поворачивать внутрь голосовые отростки. При этом не требуется, чтобы межхрящевая часть гортанной щели имѣла совершенный затвор. Заостреніе края и внутреннее натяженіе всей связки производят исключительно щито-черпаловидный наружный и внутренній. Таким образом щель, съуженная для звучанія, производится дѣйствіем всѣх собственно мускулов гортани.

Если разсматривать голосовыя связки на трупѣ или на гипсовом снимкѣ внутренней поверхности гортани и обратить вниманіе на их толстые, округленные края, то с трудом вѣрится, чтобы они могли быть приведены в ко-

лебанія относительно слабым током воздуха, выходящим из легких. Совсѣм в ином свѣтѣ представляется дѣло, если наблюдать гортанную щель у живаго во время происхожденія голоса; этим способом можно убѣдиться, что когда происходит звук голоса, то на краю каждой связки появляется тонкая полоска, онѣ обѣ сближаются; ток воздуха приводит их в колебанія, замѣтныя при помощи гортаннаго зеркала. Если таким образом наблюдать голосовыя связки посредством ларингоскопа в то время, как онѣ издают звук, то нас поражает точность, с которою онѣ закрывают голосовую щель при колебаніях.

4) *Голосовая щель при шепотѣ.* Голосовыя связки приближаются, часть межхрящевая гортанной щели открыта. Воздух, проходящій чрез это съуженіе, производит болѣе сильный или болѣе тихій шум. Чѣм болѣе голосовые отростки приближаются один к другому, так что наконец остается открытою только щель межхрящевая, тѣм сильнѣе и сиповатѣе становится шум, который по Брюкке похож на тот, который слышно, если нагрѣвать воду в небольшом металлическом сосудѣ до кипѣнія.

B. **Полости, лежащія над гортанью.**

Глотка лежит сзади от полости носа и рта и имѣет вид воронки, обращенной основаніем вверх. Глотка граничит сверху с основаніем черепа, сзади с шейною частью позвоночнаго столба; самая нижняя часть глотки, лежащая сзади от гортани, быстро съуживается и переходит в канал пищепріемника; в передней стѣнкѣ ея находятся отверствія: для носовой полости (так называемыя хоаны), для полости рта (так называемый зѣв) и для гортани.

Полость глотки представляет мѣсто скрещиванія пути вдыхаемаго воздуха и проглатываемой пищи. Вдыхаемый воздух проходит через нее в гортань, а проглатывае-

мая пища — в пищепріемник. Над вдохом в гортань торчит надгортанник; несправедливо обыкновенно говорят, что опускающійся вниз надгортанник служит пищѣ мостом, по которому она скатывается в нижнюю часть глотки и затѣм далѣе в пищепріемник. Надгортанник собственно совершенно не приходит в соприкосновеніе с пищею и не придавливается ею вниз; дѣло в том, что при глотаніи гортань поднимается, а язык отводится назад; таким образом надгортанник придавливается вниз основаніем языка, к которому он прижимается при поднятіи гортани во время глотанія.

На боковых стѣнках глотки, именно — в верхней их части позади носовых отверстій, находится глоточное устье Евстахіевых труб.

Обратимся теперь к мускулам глотки. Сюда относятся, во первых, *мускулы стягивающіе глотку*; они образуют боковыя и заднюю стѣнки глотки и сходятся с обѣих сторон к средней линіи задней стѣнки; их считают три пары, снизу отчасти покрывающія друг друга и раздѣляющіяся на *сжиматель глотки верхній, средній и нижній;* так как верхній сжиматель берет начало от черепа, средній от подъязычной кости (именно — от ея большаго и малаго рожков), а нижній от гортани, то они называются также: *черепно-глоточный, подъязычно-глоточный* и *гортанно-глоточный.* Так как волокна этих мускулов имѣют главным образом горизонтальное направленіе, то сокращеніе их съуживает глотку не измѣняя существенно ея длины. Далѣе, к мышцам глотки относятся *подниматели глотки,* волокна которых идут сверху вниз, — *мускул шило-глоточный* и *небно-глоточный,* которые сообразно с своим анатомическим положеніем могут поднимать всю глотку и чрез это сокращать ее. Разсмотрѣнное нами сокращеніе и съуженіе глотки не оказывает однако такого замѣтнаго вліянія при образованіи звуков, как прочія части надставной трубы.

Если мягкое небо прилегает к задней стѣнкѣ глотки, то послѣдняя дѣлится вслѣдствіе этого на двѣ одна над

другою лежащія полости, из которых верхняя заключает заднія отверстія носовой полости и называется *полость глоточно-носовая*, а нижняя бо́льшая, заключающая зѣв и вход в полость гортани, называется *полость глоточно-гортанная.* Это дѣленіе полости глотки на двѣ происходит при каждом актѣ глотанія, а также при произношеніи „ртовом“.

Прежде чѣм приступить к разсмотрѣнію полости рта, скажу нѣсколько слов о полости носа.

Полость носа лежит над полостью рта, вокруг ограничена твердыми стѣнками, а потому и является однообразным резонатором. От полости рта она отдѣляется твердым и мягким небом; послѣднее, смотря по своему положенію, допускает или же не допускает сообщенія между обѣими полостями.

В нижней части головы, между челюстями, лежит полость рта. При открытом ртѣ эта полость огриничена с боков щеками, сверху небом, снизу мышцами, идущими от нижней челюсти к подъязычной кости, спереди открыта. Переднее отверстіе образуется губами — *отверстіе рта.* На краю губ наружный покров или кожа переходит в слизистую оболочку, выстилающую внутреннюю поверхность надставной трубы. Каждая губа посредством складки слизистой оболочки *(уздечка верхней и нижней губы)* прикрѣпляется к находящейся сзади ея деснѣ и обладает такою степенью подвижности, что отверстіе рта может принимать разнообразныя формы. Слизистая оболочка покрывает между прочим и *уздечку языка,* состоящую преимущественно из упругих волокон, и затѣм обхватывает всю свободную поверхность языка.

Ощупывая пальцем верхнюю стѣнку полости рта начиная от внутренней поверхности верхних зубов, мы достигаем прежде всего до маленькой выпуклости, называющейся *алвеолами* верхних зубов. За алвеолами слѣдует вогнутое *твердое небо,* которое назад простирается на столь-

ко же, на сколько оба ряда верхних зубов. Как только палец передвинулся за эту границу, мы чувствуем, как вмѣсто твердаго неба начинается мягкая, уступающая давленію поверхность. Это — *мягкое небо* или *небная занавѣска.* Разсматривая внутренность раскрытаго рта, мы видим, как назади мягкое небо с каждой стороны переходит в двѣ *дуги*: *небно-глоточную*, перед которой находится *небно-язычная.* Между обѣими небными дугами с каждой стороны имѣется съуживающійся кверху триугольный промежуток, в котором лежит покрытая слизистой оболочкой миндалевидная железа. Мягкое небо по серединѣ продолжается в так называемый *язычек.* Остающійся между задним краем мягкаго неба и основаніем языка промежуток составляет заднее отверстіе полости рта, ведущее в полость глотки и потому называемое *входом глотки* или *зѣвом.* Разсматривая внутренность рта, мы видим чрез это отверстіе заднюю стѣнку глотки.

Здѣсь я останавливаю свое изложеніе, надѣясь впослѣдствіи довести его до конца. Сдѣлаю только нѣкоторыя примѣчанія к моей классификаціи звуков (представленной в самом началѣ работы). Данная мною таблица представляет анатомо-физіологическую классификацію. Но в нее вторгнулись нѣкоторые термины посторонніе; напр. глухіе и звонкіе звуки; дѣленіе по надставным трубам. Впрочем, вообще имѣющіяся классификаціи звуков страдают смѣшеніем разных точек зрѣнія. По моему мнѣнію, должно быть нѣсколько классификацій звуков:

1) **анатомо-физіологическая;**
2) **акустическая;**
3) основывающаяся на **слуховых ощущеніях;**
4) основывающаяся на **ощущеніях мускульно-осязательных.**

Таблица классификаціи анатомо-физіологической могла бы быть расположена слѣдующим образом: в вертикальном ряду дѣлается перечень звуков, а в горизонтальном перечень всѣх мышц, работающих при произношеніи; тогда можно

будет против каждаго звука отмѣчать, какія из этих мышц участвуют и какія не участвуют, степень напряженія работающих мышц и т. п. В таблицѣ, представляющей акустическую классификацію звуков, будут фигурировать тѣ или другіе частные тоны и т. д.

(Окончаніе будет).

В. Богородицкій.

О значеніи словъ „казньць (казнац)“, „властиѣь“ и „посадьникь“ въ старосербскомъ языкѣ.

Слово „*казньць*“ или по сербскому выговору „*казнац*“, встрѣчающееся въ грамотахъ XIII и XIV вѣковъ, покойный Ю. Даничичь толковалъ словами: *cubiaclarius*, εὐνοῦχος, собственно *castratus*, очевидно, сближая съ словами: *казнити*, punire, и *казнь*, poena (Рјечник из књижевних старина српских I, 429); но грамоты (въ другихъ старыхъ сербскихъ памятникахъ, на сколько знаю, это слово не встрѣчается) не даютъ никакого повода къ такому толкованію. Значеніе „*казньца*“ въ древней Сербіи уясняется *Статутомъ города Будвы* (Budua), въ южной Далмаціи. Этотъ Статутъ сохранился въ итальянской редакціи; но первоначально былъ писанъ, подобно инымъ далматинскимъ статутамъ, также на славянскомъ языкѣ, именно на сербскомъ нарѣчіи, какъ видно изъ встрѣчающихся въ немъ сербскихъ словъ. Списокъ этого Статута съ рукописи XVI вѣка Библіотеки Св. Марка въ Венеціи (Ital. Cl. II, Cod. 37) имѣется у меня. По этому списку я буду дѣлать всѣ указанія.

Статутъ Будвы начинается словами: „Queste sono le usanze et li Statuti della città di Budua dati et confermati perpetuamente per la Signoria (di Venezia), secondo che contiene (sic!) nelli Privilegij delli nostri Signori“.

Какъ видно изъ Введенія и нѣкоторыхъ главъ, Статутъ Будвы былъ составленъ при царѣ Степанѣ Душанѣ

Сильномъ [1]); но въ дошедшей до насъ редакціи есть позднѣйшія дополненія (времени венеціанскаго господства,

[1]) Душанъ называется „*lo Messer Imperatore*“. Отношенія къ нему Будвинской общины выражены въ слѣдующихъ постановленіяхъ:

„In primamente quando lo Messer Imperatore venisse alla nostra città, la terra sia tenuta *di darli tre manzari* (Когда царь прибудетъ въ нашъ городъ, община должна *кормить* его три дня)“ ...

„Item devemo dar ogni anno alla festa di San Zuane a Messer Imperator perperi cento manco dinari quattro (Также должны мы ежегодно въ праздникъ Св. Іоанна Крестителя (патрона Будвы) дать царю сто перперовъ безъ 4-хъ динаровъ)“ ...

„Ancora sia tenuta la terra nostra a far hoste de huomini coiquanta fin a Scutari, fin a Zenta et fin a Cattaro, quando Messer Imperador andasse personalmente ... et se la nostra hoste facesse alcuna preda, lo Messer Imperator debbia laver ha decima parte della preda ... (Если царь лично отправится въ походъ въ Скадаръ, Зету или Которъ, то наша община обязана дать ему вспомогательный отрядъ въ 50 человѣкъ ... и если нашъ отрядъ возьметъ какую-нибудь добычу, то десятую часть ея долженъ имѣть царь)“ ...

„Item la nostra città non sia tenuta di dar al Messer Imperador e se ello lo cercase ancora, che nissun cittadino o forestier possa esser preso nella città senza razon, et il cittadino, che è colpevole, stia in casa et paghi a termine, et se non haverà de che pagar, volemo che sia in potestà de Messer lo Imperador (Также нашъ городъ не обязанъ выдавать царю, если бы онъ этого требовалъ, ни нашего гражданина, ни иностранца, живущаго въ нашемъ городѣ, безъ суда; обвиненный арестуется въ домѣ и въ срокъ долженъ заплатить пеню; если же не имѣетъ чѣмъ заплатить, то выдается царю)“. Всѣ эти постановленія заключаются въ Введеніи.

Въ I-ой главѣ Статута гарантируется свободное пребываніе въ Которѣ людей царя и его властелей (huomo del Imperator ò de alcuno suo Baron). По II-ой главѣ, суду царя подлежатъ дѣла о государственной измѣнѣ, убійствѣ и рабахъ (servo). Въ пользу царя шли нѣкоторыя судебныя пени (глобы), какъ видно изъ разныхъ главъ Статута. Царь назначалъ князя (Conte) Будвы.

1420—1479 г.). Всего въ этомъ Статутѣ 304 главъ. Безъ всякой системы, даже въ страшномъ безпорядкѣ, изложены въ немъ государственное, гражданское, уголовное и полицейское право, а также судопроизводство. Онъ представляетъ смѣшеніе славянскаго (сербскаго) права [1]) съ итальянскимъ (венеціанскимъ).

О *казньцѣ* говорится нѣсколько разъ въ Статутѣ Будвы. Въ Введеніи читаемъ слѣдующія постановленія о *казньцѣ*:

„Il Conte non possa lassiar visconte nisum nostro cittadino se non li guidici, et similmente il *casnezzo* non possa in loco suo lassiar altro che li guidici, et se alcun cittadino recevesse alcun delli detti officij, paghi per pena perperi cinquanta (Князь не можетъ назначать своимъ Намѣстникомъ никого изъ нашихъ гражданъ, кромѣ Судей, и точно также *казньць* не можетъ назначать на свое мѣсто никого иного, кромѣ Судей, и если какой-нибудь гражданинъ приметъ одну изъ сказанныхъ должностей, то долженъ заплатить 50 перперовъ [2]) пени.

---

[1]) Въ статутѣ Будвы сохранились остатки старыхъ славянскихъ и спеціально сербскихъ установленій и обычаевъ. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ. По 218 главѣ, тяжбы между иностранцами и гражданами Будвы рѣшались *поротнимъ судомъ* (porota), на который не допускалась аппеляція. По главѣ 106, въ тяжбахъ гражданъ Будвы съ Далматинцами (Schiavi) и Албанцами (Albanesi) число поротниковъ должно быть одинаково съ обѣихъ сторонъ. По 123 главѣ, отецъ могъ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей *обручить* съ кѣмъ хотѣлъ, получить приданое невѣсты и распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію; если сынъ, прійдя въ возрастъ не хотѣлъ жениться на той, съ которою былъ обрученъ въ малолѣтствѣ, то отецъ могъ прогнать его изъ своего дома. Постановленія этой главы напоминаютъ существующій до сихъ поръ въ Черногоріи и нѣкоторыхъ иныхъ югославянскихъ земляхъ обычай *вѣрити* (обручать) малолѣтнихъ дѣтей. — Въ главѣ 133 находимъ прелюбопытное постановленіе о *тризнахъ*, которыя должны были совершать ежегодно вдовцы надъ могилою своихъ женъ, а вдовы надъ могилою своихъ мужей (de far un pranzo ogni anno ove giace il morto ò la morta).

[2]) *Перьперь*, ὑπέρπυρον, серебряная монета, бывшая въ у-

Изъ этого постановленія вѣдно, что *казньць* былъ важнымъ общиннымъ чиновникомъ, замѣнять котораго, точно также, какъ и князя, могли только Судьи (ихъ было 3), стоявшіе во главѣ Общиннаго управленія.

2. „Ancora sia tenuta la città a dar al *Casnezzo dell' Imperator* perperi dieci, quando si racoglie lo acrostico, et sia tenuta la città a darli tre fiade a manzar la presenta volta, che viene in la terra (Еще обязанъ городъ дать *царскому казньцу* десять перперовъ во время сбора акростика (?), а также обязанъ городъ три раза кормить его, когда онъ прибудетъ въ нашу землю)“.

Нѣсколько выше въ томъ-же Введеніи говорится, что община обязана *три раза кормить царскаго посланника или посла* (se alcun Nuntio over Ambasciator fosse mandato per Messer Imperatore alla nostra città, la città sia tenuta di darli tre manzari).

Итакъ *царскій казньць* уравнивается съ *царскимъ посломъ или посланникомъ*.

Объ *общинныхъ казньцахъ* въ Статутѣ Будвы находимъ еще слѣдующія два постановленія:

1) „Ordinemo, che nella nostra terra non debbano esser più *officiali*, se non questi (che) contien il presente capitolo: in prima devono esser li Guidici, li Conseglieri, il Nodaro, li Avocati, li *Casneci*, il Cancellier, li Spenditori, lo Senicio et Vataco; volemo, che nisun nostro cittadino possa ricever alcun altro officio fora delli sopra scriti in pena di perperi cento a chi ricevesse il detto officio, quanto a chi lo desse (Постановляемъ, что въ нашей общинѣ не должно быть другихъ чиновниковъ, кромѣ перечисленныхъ въ этой главѣ, а именно: (во первыхъ) Судей, Вѣчниковъ, Нотаріуса, Адвокатовъ, *Казньцевъ*, Секретаря, Финансовыхъ чиновниковъ и Судебныхъ приставовъ, и хотимъ, чтобы никто изъ нашихъ гражданъ

потребленіи въ Сербіи, Дубровникѣ и Бокѣ Которской; цѣнность ея въ разное время была различна. См. *Даничића* Рјечник II, 285—297.

не смѣлъ принимать никакой иной должности, кромѣ выписанныхъ: иначе платитъ пени сто перперовъ какъ тотъ, который принялъ должность, такъ тотъ, который ее далъ, Гл. 83)".

Изъ этой главы видно, что *казньцы* принадлежали къ обычнымъ общиннымъ чиновникамъ, которые, по 68 главѣ, избирались ежегодно Большимъ Вѣчемъ (Majus Consilium) въ праздникъ Евангелиста Марка (во время венеціанскаго владычества, а прежде, по всей вѣроятности, въ праздникъ патрона Будвы, Св. Іоанна Крестителя).

2. *Che li Casneci non possano vender l'herbe del Comun. 1455, 25 Aprilis.* „Ordinemo, che da mo avanti li *nostri Casneci* non debbano, ne possano vender over per altro modo alienar l'herbe del Comun a quelli Gernoi de Mercoi over ad altre ville sotto la via sotto pena di a cadaun *Casnezzo* de perperi 50, delli quali la terza parte debbi andar alla Camera della nostra Signoria, la terza parte al podestà et l'ultima terza parte all' accusator, et li detti *Casneci* siano privi in perpetuo di quel officio. (Гл. 265. Постановляемъ, что впредь *наши казньцы* не должны и не могутъ продавать или инымъ способомъ отчуждать общинныя пастбища Черно-Марковичамъ (?) или инымъ селеніямъ по дорогѣ подъ страхомъ пени въ 50 перперовъ съ *каждаго казньца,* изъ коихъ 1/3 должна поступить въ венеціанскую казну, 1/3 въ пользу городскаго головы и послѣдняя 1/3 въ пользу обвинителя; а помянутые *казньцы* на всегда лишаются своей должности)".

Изъ этого постановленія видно, что *казньцевъ* было *нѣсколько* и что они *завѣдывали общинными имуществами.* По всей вѣроятности, они были также *сборщиками податей и пошлинъ,* такъ какъ, по статутамъ иныхъ далматинскихъ общинъ, чиновники, завѣдывавшіе общинными имуществами, занимались также собираніемъ податей и пошлинъ. Если это такъ, то ясна роль *царскаго казньца* въ Будвинской общинѣ. Сербскій царь получалъ отъ нея

ежегодно въ праздникъ Св. Іоанна Крестителя дань въ сто перперовъ безъ 4-хъ динаровъ и въ извѣстныхъ случаяхъ *глобу* т. е. судебныя пени; за полученіемъ этихъ денегъ онъ отправлялъ въ Будву своего *казньца*.

Если сравнимъ все, что говорится въ Будвинскомъ Статутѣ о *казньцахъ*, то прійдемъ къ слѣдующему заключенію:

1) *казньцы* были какъ *при дворѣ сербскаго царя*, такъ и *въ будвинской общинѣ*;

2) *казньцевъ* было *нѣсколько* и

3) они *завѣдывали государственными и общинными имуществами* и собирали подати и пошлины.

Такое заключеніе подтверждается и сербскими грамотами. Въ нихъ *казньцы* приводятся въ числѣ свидѣтелей, но только въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о торговыхъ пошлинахъ или объ отчужденіи государственныхъ имуществъ. Въ первый разъ о *казньцахъ* упоминается въ договорѣ боснійскаго бана Матвѣя Степана съ Дубровчанами въ 1249 году: въ немъ между прочимъ дубровницкіе купцы *освобождаются отъ всякихъ пошлинъ*: „и по земле и по владание наше да си ходите свободьно и пространо бесь вьсакѣ десещине и бесь никерѣ иньне дание“; договоръ скрѣпленъ присягою, въ числѣ иныхъ лицъ, *трехъ казньцевъ*: „казньць Грьдомиль . . . казньць Семиюнь . . . казньць Бѣльхань“. (*Miklosich*, Monum. Serb. p. 33). Въ грамотѣ королевы Елены, матери Милутина, 1289 года, которою подтверждается за Дубровчанами *право владѣнія виноградниками, пожалованными имъ ея сыномъ*, въ числѣ свидѣтелей приводится „*казньць Мрьнань* (ibid. 56)“. Въ грамотѣ 1305 года, которою краль Милутинъ подтверждаетъ за церковью Пресв. Богородицы Рьтечьской (на полуостровѣ Пѣлешцѣ или Sabioncello) *право владѣнія селеніями, пожалованными ей матерью его королевою Еленою*, упоминается въ числѣ свидѣтелей „*казньць Мирославь* (ib. 69)“. Въ 1333 г. король Степанъ Дечанскій *пожаловалъ Дубровчанамъ* „Рать Стонски“, Прѣвлаку, Приморье отъ Прѣвлаки до Дубровника и островъ Посредницу, обязавъ

ихъ *платить* ему за эти земли *ежегодную дань въ 500 перперовъ*: въ грамотѣ, данной по этому случаю, приводится въ числѣ свидѣтелей „*казнацъ Бальдѡвинъ* (ib. 104)“. Другою грамотою того же короля (1321—1336 г.) подтверждается за церковью Святителя Николая на островѣ Враньинѣ (на Скадарскомъ озерѣ) *право владѣнія селомъ Брьчели въ Чрьмьницѣ* (нын. црмничская нахія въ Черногоріи), *завѣщаннымъ* ей *властелиномъ, казньцемъ Димитріемъ:* „и видѣ кралевьство ми правовѣрноѥ поработаниѥ *властелина кралевьства ми, казньца Дьмитра* ... и испроси оу кралевьства ми село своѥ Брьчеле приложити светому Николѣ .... (ibid. 112)“. Въ третьей грамотѣ тотъ-же краль уже отъ своего имени жалуетъ той-же церкви тоже самое село Брьчели, которымъ владѣлъ *казньць Дьмитрь*: „кралевьство ми припадаѥ кь милосрьдью светаго Николи иже оу Вранынѣ, ѥгда бѣхь немощьнь оу Прищинѣ, и *дахь село оу Чрьмьници* именемь *Брьчели* .... *ьто* ѥ *дрьжаль казньць Дьмитрь* (ibid. 113)“. Въ послѣдній разъ упоминается *казньць Санькь*, отецъ воеводы Радича, въ грамотѣ данной имъ въ 1391 г. Дубровчанамъ на *право свободной торговли* въ его земляхъ (ibid. 220). *Даничичъ* предполагаетъ, что съ тѣхъ поръ слово *казньць* исчезло изъ употребленія и замѣнилось словомъ *дворьскьи* (од то доба као да казанца замијени *дворьскьи*, 1. с. 430); но его предположеніе оказывается не вѣрнымъ, такъ какъ въ Будвинскомъ статутѣ *казньць* упоминается еще подъ 1455 годомъ (см. выше).

Казньцы были *членами земскаго собора* въ Сербіи, какъ видно изъ грамоты короля Степана Дечанскаго (1330 г.) на основаніе Дечанскаго монастыря: „сьбрахь зьборь срьбьскыѥ земьлѥ арьхиѥпискоупа и ѥпискоупии и игоумени и *казньце* и тепьчиѥ и воѥводы и слоугы и ставильце (Mon. Serb. 99). Присутствіе *казньцевъ* на соборѣ было необходимо, такъ какъ соборъ утверждалъ пожалованіе государственныхъ имуществъ, которыми они завѣдывали.

Что должность *казньца* была важною и почетною вид-

но изъ того, что отецъ воеводы Радича, Санко, былъ *казньцемъ*, вѣроятно, боснійскаго короля.

Сравнивъ показанія грамотъ съ показаніями Будвинскаго статута, прихожу къ заключенію, что *казньць* тожественъ съ виндольскимъ и кръчскимъ *дворникомъ* и съ боснійскимъ *дворьскимъ* и перевожу это слово полатыни: *praefectus aulae, comes palatii, palatinus, camerarius.* Изъ Виндольскаго Законника 1288 года видно, что *дворникъ* былъ важнымъ княжескимъ чиновникомъ и что его обязанностью было собирать въ пользу князя подати и сохранять въ цѣлости княжеское имущество, и что онъ былъ представителемъ матеріальныхъ интересовъ княжескаго рода. Такой же *дворникъ* былъ и на островѣ Кръкѣ, какъ видно изъ Статута этого острова 1388 г. Такое самое значеніе имѣлъ *дворьскыи* въ боснійскомъ королевствѣ (у *Даничича* толкуется полатыни словами *praefectus aulae, comes palatinus*). Въ первый разъ *дворьскыи* упоминается въ грамотѣ 1378 г. У Хорватовъ онъ назывался первоначально *дворскій жупанъ* (Palatii jupanus, 892), а позже (въ XI вѣкѣ) „Curialis comes“ или „comes curiae Regiae“. *Казньць* Будвинской общины тожественъ съ *camerarius*'омъ иныхъ далматинскихъ общинъ.

Въ томъ-же статутѣ Будвы встрѣчается еще одно любопытное и до сихъ поръ неизвѣстное слово—*властиѣь*.

Въ 161 главѣ „*De comprar herbe* (о покупкѣ пастбищъ)“ читаемъ: „Ordinemo, che li Giudici nel suo anno siano tenuti di comprar tutte l'herbe, dove non habbiano li *vlastachi*, per quel precio, che furono comprate inanti; se non li volessero comprar, cadauno delli Giudici paghi per pena perperi 20 al Comun, et se alcuno facesse il contrario, paghi per pena perperi 8 al Comun (Постановляемъ, что Судьи въ теченіи ихъ года (службы) должны купить всѣ пастбища, на которыхъ не имѣется *властиѣей*, по прежней цѣнѣ; если они не захотятъ купить ихъ, то каждый Судья долженъ заплатить общинѣ 20 перперовъ пени; если-же кто изъ нихъ поступитъ про-

тивъ этого постановленія, то платитъ Общинѣ 8 перперовъ пени)“.

Значеніе слова *властиѣь* объясняется изъ *Статута Которской общины* (Privilegia et Statuta Civitatis Cathari, ркп. XIV вѣка въ Библіотекѣ св. Марка въ Венеціи. Lat. Cl. V, Cod. XXXII; списокъ съ этой рукописи имѣется у меня). Изъ грамоты, помѣщенной въ концѣ этого Статута (она напечатана по моему списку г. *В. Дьячаномъ* въ приложеніи къ его диссертаціи п. з. „Участіе народа въ верховной власти въ слав. государствахъ“, Варшава, 1882 г., стр. 189—192) видно, что онъ составленъ при сербскомъ царѣ Степанѣ Душанѣ Сильномъ и утвержденъ имъ около 1350 года. Въ него вошло 20 главъ изъ прежняго Статута (1301—1334 г.). Есть въ немъ также позднѣйшія дополненія — второй половины XIV и начала XV вѣка. Всего 436 главъ. Въ немъ въ безпорядкѣ изложено государственное, международное, гражданское, уголовное и полицейское право, а также судопроизводство и судоустройство.

Въ 125 главѣ *(De vlasticis et linea servorum, qui mittunt manus in nobiles)* читаемъ слѣдующее: „Constituimus, quod nullus de *vllasticis vel linea servorum* audeat vel presumat manum mittere in nobiles viros vel mulieres civitatis vel injuriare eos. Et si aliquis vel aliqua eorum presumerit mittere manum aut injuriare eos, et probari poterit, ille injuriatus vel percussus habeat potestatem verberandi eum vel eam per se et per alios ad suam voluntatem et non habeat vindictam. Et si de verberatione illa *ancilla vel servus* verberatus lamentationem fecerit, solvat ipse verberatus ypperperos decem, que pena perveniat ad cameram nostre comunitatis, et huic statuto subjaceant omnes spurii et spurie (Постановляемъ, чтобы никто изъ *властичей или людей рабскаго происхожденія* не осмѣливался и не дерзалъ поднять руки на благороднаго или благородную нашего города или оскорбить ихъ. Если же кто изъ нихъ дерзнетъ поднять на нихъ руку или оскорбить ихъ, и это будетъ доказано, то

оскорбленный и прибитый имѣетъ власть, по своему усмотрѣнію и при томъ безнаказанно, наказать розгами его или ее собственноручно или черезъ другихъ. И если наказанные тѣлесно рабыня или рабъ пожалуются на то, что ее или его наказали розгами, то наказанный платитъ пени десять перперовъ въ казну нашей общины. Этому постановленію подлежатъ также всѣ незаконнорожденные и незаконнорожденныя)“.

Изъ этого постановленія не слѣдуетъ заключать, что *властиѣь* былъ *рабъ*: онъ только подводится *подъ одну категорію съ рабомъ* (linea servorum). Происхожденіе этого слова объяснить не трудно: оно происходитъ отъ *власть*; *иѣ* — суффиксъ уничижительный, какъ въ нашемъ *дѣтичь*. Древняя Болгарія раздѣлялась на округи, которые назывались *власти, comitatus*; такое же значеніе это слово имѣло въ старину и у другихъ Славянъ: у Сербовъ *власть* значило *provincia* (Даничиѣ); у Русскихъ *волость* — округъ (*волостель* — окружной начальникъ; *волости* были *княжескія* и *городскія*); у Чеховъ *vlast* обозначало между прочимъ округъ и общину, Gau; у Поляковъ *włość*—область, округъ и обширное панское имѣніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ деревень, eine Herrschaft. Какъ отъ чешскаго *vlast* происходитъ *vlastenin, vlastenka,* отъ польскаго *włość* —*włościanin,* такъ отъ сербскаго *власть* происходитъ *властиѣь*. Изъ вышеприведенной мною 161 главы Будвинскаго статута можно догадываться, что у Сербовъ *власти* были не только государевы, но и общинныя, какъ у насъ *волости*; а въ такомъ случаѣ *властиѣь* обозначало человѣка, сидящаго на государевой или общинной землѣ, безземельнаго крестьянина, *крѣпостнаго* (colonus glebae adstrictus, слѣдовательно тоже, что *парикъ*, слово заимствованное Болгарами и Сербами у Грековъ). Что *властиѣь не былъ рабъ*, а только *приравнивался къ рабу*, видно изъ 119 главы Которскаго статута (De servis vel ancillis mittentibus manus in dominos suos vel dominas):

„Si quis *servus vel ancilla injecerit manum in suum proprium dominum aut patronam*, et probatum fuerit, *in-*

cidatur manus ejus; si aliquem nobilem virum vel mulierem percusserit, in ambabus faucibus bulletur et frustigetur per totam terram; et si aliquem hominem vel feminam de mediocribus, videlicet de bono populo, percusserit, frustigetur tantum, *et si percusserit aliquem de vlasticis vel similibus sibi, solvat ypperperos tres*, quorum predictorum ypperperorum unus sit injuriati et reliqui ypperperi duo sint nostre comunitatis; et si quos ypperperos nolet solvere ille servus vel ancilla, frustigetur (*Если какой рабъ или рабыня подниметъ руку на своего собственнаго госпндина или госпожу*, и это будетъ доказано, то *отрубается ему рука*; *если онъ ударитъ благороднаго или благородную, то клеймится по обѣимъ щекамъ и его прогоняютъ сквозь строй*; если онъ ударитъ мѣщанина или мѣщанку, то только прогоняется сквозь строй; *если же ударитъ властиѣа или себѣ подобнаго*, то платитъ три перпера, изъ коихъ одинъ отдается оскорбленному, а остальные два поступаютъ въ общинную казну; если этихъ перперовъ не хочетъ заплатить этотъ *рабъ или рабыня*, то прогоняется сквозь строй)“. Въ этомъ постановленіи *властиѣь* отличается отъ *раба*: онъ ему только *уподобляется*. Изъ сравненія же 125 главы съ 119 ясно, что между ними была значительная разница: если *рабъ* поднималъ руку на *благороднаго*, то его *клеймили* и *прогоняли сквозь строй*; *властиѣь* же за тоже самое преступленіе только *наказывался розгами*. Различіе между *властиѣами* и *рабами* еще яснѣе видно изъ слѣдующихъ главъ Которскаго статута.

По главѣ 218, если *рабъ* (servus) женился на *свободной* (francha), безъ разрѣшенія своего господина или своей госпожи (domini vel domine sue), то дѣти, рожденные отъ этого брака, считались его или ея *рабами*, и кромѣ того, рабовладѣлецъ могъ отнять у своего раба все его движимое имущество; если-же *рабъ* женился на *свободной* съ согласія своего господина, то его дѣти становились *свободными*.

Властиѣи переводятся въ Которскомъ статутѣ *villani* и сопоставляются съ *possanici*.

По 234 главѣ (10 мая 1359 г.), помѣщикъ (patronus) имѣлъ право вытребовать къ себѣ въ теченіи одного мѣсяца своего крѣпостнаго (villanus aut possanicus), сбѣжавшаго въ городъ, но, если онъ пропускалъ этотъ срокъ, то *villanus* или *possanicus* становился *свободнымъ гражданиномъ (liber civis)*. Это постановленіе, черезъ десять дней, было измѣнено слѣдующимъ образомъ: всякій *villanus seu possanicus*, поселившійся въ городѣ, если пріобрѣлъ недвижимую собственность и отбывалъ всѣ городскія повинности (angariae), становился *свободнымъ гражданиномъ*, и помѣщикъ лишался всѣхъ правъ на него; если-же онъ не имѣлъ никакой недвижимой собственности въ городѣ и не отбывалъ городскихъ повинностей, то помѣщикъ имѣлъ право вытребовать его къ себѣ въ теченіи шести мѣсяцевъ; по истеченіи-же этого сроба *villanus* становился *свободнымъ гражданиномъ*. Какъ въ этой (229) главѣ, такъ и въ 234 *possanicus* сопоставляется съ *villanus*. Что-же значитъ слово *possanicus*? Очевидно, оно—славянскаго происхожденія. Мнѣ кажется, что это—итальянизированное сербское слово (также до сихъ поръ неизвѣстное): *посадьникь* (possanicus = possadnicus) и обозначаетъ поселенца, пришлаго изъ чужой земли (colonus); срв. польск. *posadnik* отъ *posada*, *posad*, поселеніе внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, пригородъ, какъ древне-русское *посадъ*. Такое предположеніе дѣлаю на основаніи слѣдующихъ выраженій грамоты св. Саввы монастырю св. Николая на островѣ Враньинѣ 1233 года: „и коѥ *чловѣке тѹзи посаде на моль месте*, коѥ мѹ сьмь азь даль, да неима надь ними ѡбласть ни вельможа, ни архиепискѹпь, ни ѥгѡвь ѡтрокь, ни инь кьто ни маль ни велик (Mon. Serb. 18)“. И дѣйствительно, въ *жупѣ Грьбли* (zoppa di Gerbli), принадлежавшей которской общинѣ, жили *далматинскіе и албанскіе поселенцы* (Sclavi et Albanenses) *на правахъ крѣпостныхъ*. Они обязывались нести всѣ повинности и платить всѣ подати, подобно которскимъ крѣпостнымъ; въ против-

номъ-же случаѣ ихъ заключали въ тюрьму и изгоняли изъ Грблей. За гражданскія преступленія совершенныя ими, отвѣчалъ ихъ помѣщикъ (гл. 411, 1339 г.). За оскорбленіе, нанесенное ими свободному гражданину Котора, они подвергались тѣлесному наказанію, подобно *властиѣамъ*; но если кто наказалъ тѣлесно безъ причины далматинскаго или албанскаго поселенца, то платилъ пени три перпера, изъ коихъ одинъ получалъ наказанный, а остальные два поступали въ казну общины (гл. 117). Въ искахъ о землевладѣніи *посадьници* не допускались въ свидѣтели (135). Для характеристики нравовъ любопытна глава 228, которою воспрещается похищать *горожанъ* и обращать ихъ въ *крѣпостныхъ* (trahere aliquem hominem de civitate ad ponendum in villa seu in *sello*) подъ страхомъ пени въ 25 перперовъ.

Нашедши въ Которскомъ статутѣ объясненіе слова *властиѣь*, возвращаюсь къ Статуту Будвы. Я уже привелъ постановленіе, по которому Судьи должны были скупать по прежней цѣнѣ пастбища, не отданные *властиѣамъ* т. е. крѣпостнымъ (общины — въ данномъ случаѣ). Если въ Которскомъ статутѣ *властиѣь* переводится словомъ *villanus*, то и въ Статутѣ Будвы подъ *villani*, *homini delle ville* слѣдуетъ понимать тѣхъ-же *властиѣей*. Это подтверждается слѣдующимъ постановленіем (стр. 51): „Volemo che nisun *homo delle ville non possa comprar possession nel destretto* di Budua, et il Notaro, che facesse carta, paghi tutto quello, che vale la possession al Comun, et la carta non vaglia, ne tenga tanto di *vendita*, quanto de *donation* (Ни одинъ *селянинъ не можетъ покупать недвижимыя имущества* въ округѣ Будвы, и Нотаріусъ, который совершилъ купчую крѣпость, долженъ заплатить Общинѣ стоимость проданнаго имущества, а совершенный имъ актъ не имѣетъ никакой силы относительно какъ *продажи*, такъ и *даренія)*". Если же *homini delle ville* не могли пріобрѣтать недвижимой собственности ни посредствомъ купли, ни постредствомъ даренія, то они были *беземельными* крестьянами. Статутъ Будвы воспрещаетъ

отдавать въ аренду пашни *иностраннымъ селянамъ* (dar a lavorar nisun campo o terra alli homini delle ville, li quali habitano fora del nostro destretto) подъ страхомъ конфискаціи и пени въ 50 перперовъ, изъ коихъ половину получалъ царь, а другая половина поступала въ кассу Общины. Воспрещалось также *иностраннымъ селянамъ* пасти скотъ на пастбищахъ будвинской Общины подъ страхомъ пени въ 50 перперовъ въ пользу царя (стр. 52 по моей копіи). Слѣдовательно въ Будвѣ не допускались *посадьници*. Иностранцамъ дозволялось жить только въ городѣ, и иностранецъ, поселившійся въ городѣ и сдѣлавшійся гражданиномъ Будвы, освобождался на цѣлый годъ отъ всѣхъ повинностей: ни *его господинъ*, все равно Итальянецъ или Славянинъ, ни кто иной не смѣлъ требовать его выдачи; Община обязана была защищать его, и онъ подлежалъ только суду Общинныхъ судей; ни кто изъ гражданъ не смѣлъ его *закрѣпостить, какъ своего человѣка* (Ordinemo, che se alcun huomo forestier venisse habitar nella nostra città et farsi cittadino, sia libero de ogni angaria per spatio d'un anno, et se *il padron lo cercasse*, ò Schiavo o Latino, ò qualche altra persona, il nostro Comun sia tenuto deffenderlo, et nissun nostro cittadin lo debbia giudicar, se non li Giudici, (ò) *per suo huomo approprіar;* chi facesse il contrario, paghi per pena perperi 50, la mittà al conte et la mittà al Comun, стр. 42). Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь объ иностранныхъ *крѣпостныхъ*, которые *получали свободу*, какъ только поселились въ Будвѣ и стали ея гражданами. Если Статутъ воспрещаетъ своимъ гражданамъ *закрѣпощать* такихъ людей, то значитъ, что въ Будвѣ существовали *крѣпостные:* новое подтвержденіе моего мнѣнія, что подъ *villani* слѣдуетъ понимать *властичей*.

Какъ въ Которскомъ, такъ и въ Будвинскомъ статутѣ отъ *властичей* или *крѣпостныхъ* отличаются *рабы (servi et ancillae)*. О нихъ имѣются слѣдующія постановленія: 1) если *рабъ или рабыня* укралъ или украла какую нибудь вещь въ домѣ своего господина (in casa del suo signor) и свободный

человѣкъ купилъ ее, то долженъ былъ заплатить пени 12 денаровъ и возвратить украденную вещь рабовладѣльцу; 2) если *свободный человѣкъ* (alcuno libero) помогалъ въ кражѣ рабу, то долженъ былъ заплатить стоимость украденной вещи, а Общинѣ пеню въ 2 перпера (если кража была совершена ночью, то вдвое болѣе, т. е. 4 перпера); и 3) если кто *похитилъ чужаго раба или чужую рабыню* или содѣйствовалъ ихъ *бѣгству*, то долженъ былъ заплатить 8 перперовъ пени Общинѣ и вознаградить рабовладѣльца за убытки, понесенные имъ отъ утраты раба или рабыни; если-же рабъ или рабыня попадались въ руки ихъ господина, то онъ могъ *безъ суда связать ихъ и посадить въ тюрьму* (il Signor li possa legar et incarcerar senza questione, стр. 40—41).

Итакъ мы видимъ, что между *властиђами* и *рабами* было большое различіе: первые пользовались личною свободою, послѣдніе были ея лишены; но какъ тѣ, такъ и другіе сидѣли на землѣ помѣщика или общины, а своей собственной не имѣли. Не только во всей Далмаціи, но и въ Хорватіи и Сербіи земля принадлежала государю, общинѣ, властелямъ или племичамъ и наконецъ церквамъ и монастырямъ: низшее сословіе было безземельное; оно состояло изъ *крѣпостныхъ* и *рабовъ*. Въ Винодолѣ и на островѣ Кръкѣ *кметы* были *крѣпостными князя*. Въ Полицѣ (по Статуту 1400 года) *кметиђи* сидѣли на *господской землѣ*; *кметиђь* былъ *човикь* своего *господина*; *господинъ* былъ его *судьею*. На островѣ Корчулѣ (по Статуту 1214 г.) были *крѣпостные* (rustici) и *рабы* (servi); рабовъ привозили Каталонцы и Сициліанцы; въ 1426 г. была запрещена торговля рабами. Въ Сплѣтѣ (по Статуту 1312 г.) *крѣпостные* (coloni, laboratores) сидѣли на землѣ помѣщика (dominus terrae), *рабы* привозились изъ чужихъ краевъ (servi conducti). Въ Скрадинѣ (по Статуту XIV вѣка) были свободные (liberi), но *безземельные крестьяне* и *рабы* (servi). Въ Задаръ (Статутъ XV—XVI в.) *рабы* привозились съ Востока (servi et servae Saraceni). Въ Шибеникѣ (Статутъ XIV вѣка) были *безземельные крестьяне* (villani, rus-

stici, liberti, laboratores), которые могли покинуть своего помѣщика (dominus), предварительно расчитавшись съ нимъ, и *рабы* (servi et ancillae). Въ Хорватіи во время владычества народной династіи были *крѣпостные* (homines glebae adstricti), прикрѣпленные къ землѣ королевской, племичской, церковной и монастырской, и *рабы* (servi et ancillae). Наконецъ въ древней Сербіи (по грамотамъ и Законнику Душана) низшее сословіе *(Себры)* состояло изъ *крѣпостныхъ (неропьхъ*, colonus globae adstrictus), сидѣвшихъ на землѣ государевой, властельской, церковной и монастырской, и *рабовъ (отьрокь*, servus), которые составляли наслѣдственную собственность своихъ господъ и подлежали ихъ суду.

Викентій Макушевъ.

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,

Лекціи профессора В. И. Григоровича,

читанныя въ Новороссійскомъ Университетѣ.

II. Болгарскій языкъ.

Земли, гдѣ господствуетъ языкъ болгарскій, заключаются въ слѣдующихъ границахъ: съ востока Болгаре примыкаютъ къ Черному морю, гдѣ они живутъ смѣшанно съ Татарами и русскими бѣглецами, такъ называемыми Некрасовцами; съ сѣвера ихъ земли омываются Дунаемъ, который отдѣляетъ ихъ отъ Валаховъ; къ западу границы ихъ поселенія простираются до земель Сербскихъ, отдѣленныхъ отъ нихъ рѣкою Тимокомъ, впадающею въ Дунай; простираясь далѣе на западъ, достигаютъ рѣки Моравы, огибаютъ эту рѣку и граничатъ съ Шарскими горами (древ. Scardus); далѣе доходятъ до Албаніи, отъ которой отдѣляются бассейномъ рѣкъ Дрины и Черной; къ югу предѣлы болгарскаго языка простираются до Ѳессаліи и горы Пинда; здѣсь граница очень неопредѣленна: поселенія болгарскія то выдаются впередъ, то, въ свою очередь, чуждыя поселенія входятъ въ болгарскія земли, но можно принять вообще границею черту, идущую отъ Костура, чрезъ Солунь, чрезъ Адріанополь до самаго Актеополя на Черномъ морѣ. Итакъ мы начали съ Чернаго моря и опять пришли къ нему. Но сверхъ того Болгаре живутъ колоніями и въ другихъ мѣстахъ, а именно, Кагульскій уѣздъ почти весь населенъ Болгарами, у которыхъ есть свой городъ Болградъ; въ губ. Херсонской, въ Тирасполѣ и Одессѣ; сверхъ того въ Молдавіи и Валахіи, и даже есть колоніи въ Трансильваніи.

Но неужели Болгаре составляютъ сплошную массу? Разсматривая ближе этнографическую карту, мы находимъ мѣстами (σποράδην) поселенія другихъ племенъ и націй; такъ мы говорили о Татарахъ и русскихъ бѣглецахъ; сверхъ того по городамъ живутъ Турки, Греки и Албанцы, и кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ живутъ Валахи. — Всѣхъ Болгаръ, населяющихъ это огромное пространство, разсмотрѣнное нами, считаютъ отъ $4^1/_2$ до 5 миліоновъ (такъ по крайней мѣрѣ считаютъ себя сами Болгаре). Изъ этого географическаго описанія мы видимъ, что Болгаре занимаютъ всю древнюю Македонію, большую половину Ѳракіи, почти всю Moesiam inferiorem и часть Эпира. Нѣкогда предѣлы ихъ простирались еще далѣе: они доходили до Адріатическаго моря, даже до Греческихъ областей. Замѣчательно, что средоточіе политическое было большею частію не въ центрѣ Болгаріи, какъ можно было бы предполагать, но на окраинахъ. Древніе города: Охрида (Ohris, Лихнидусъ), гдѣ нѣкогда жили цари и архіепископы болгарскіе (въ настоящее время архіепископъ охридскій именуется архіепископомъ всей Болгаріи); Водена — древняя столица македонскихъ царей; во Ѳракіи — Филиппополь (Пловдивъ); въ Мизіи — Сардика (болгар. Срѣдецъ, нын. Софія); Трѣново (также нѣкогда столица Болгаріи). Менѣе всего народонаселенія было по Балканскимъ и Доспатскимъ горамъ. Преобладающая религія — православіе, но есть и другія вѣроисповѣданія, какъ то: католическое, произведенное трудами католическихъ миссіонеровъ; Некрасовцы — раскольники; Турки и Татаре, отдѣлившіеся сначала отъ Сарая, перешедшіе потомъ въ Крымъ, а оттуда въ Бессарабію и, наконецъ, въ болгарскія земли, — магометане; есть даже магометане изъ самихъ Болгаръ, принявшіе исламизмъ изъ корыстныхъ расчетовъ или по принужденію турецкаго правительства; ренегатовъ здѣсь называютъ Помаци (отъ слова **помъкнжтиса** — пошатнуться въ вѣрѣ); кромѣ того есть еще остатки прежней довольно сильной секты Богумиловъ; но

всѣхъ иновѣрцевъ неболѣе $1/8$ части всего народонаселенія, и то едва ли.

Два раза возникало и два раза падало цвѣтущее болгарское царство. Болгаре собственно возникли изъ смѣшенія двухъ народовъ. Болгаре, которые жили на Волгѣ (верстахъ въ стахъ съ небольшимъ отъ Казани), пришли на Дунай и заняли тамъ земли, подчинивъ себѣ туземныхъ Словянъ. Много бѣдствій претерпѣли Болгаре; отовсюду ихъ тревожили, сначала Греки (Василій болгароубійца), потомъ, во время крестовыхъ походовъ, Латинцы, завоевавъ Константинополь, обратили свое вниманіе и на Болгаръ; но отъ Турокъ всего болѣе пострадала Болгарія. Все это и въ особенности примѣсь языковъ греческаго, турецкаго и албанскаго, имѣло пагубное вліяніе на языкъ болгарскій, который въ своемъ строѣ совершенно, такъ сказать, разложился. Копитаръ замѣчаетъ, что языкъ болгарскій подходитъ къ языкамъ романскимъ (французск., итальянск. и др.); доказательствомъ этого служатъ болгарскіе члены склоненія: въ нихъ слова не измѣняются, а только прибавляется предлогъ. Это свойство языка болгарскаго такъ странно, что уже всѣми силами старались отыскать настоящую причину его; одни предполагали, что старинныя романскія колоніи могли быть причиною порчи болгарскаго языка; другіе главною причиною ставятъ вліяніе Албанцевъ.

Болг. яз. имѣетъ два главныя нарѣчія: западное въ Македоніи и восточное, которымъ говорятъ между Балканами и Дунаемъ и потомъ между Балканами и Филиппополемъ. Въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ весьма замѣтно вліяніе сосѣдей: на западѣ, находясь въ соприкосновеніи съ Сербами, Болгаре подчинились вліянію сербскаго языка; напротивъ, по Балканамъ они подверглись вліянію Валаховъ, однакоже удержали свои самостоятельные звуки роднаго языка.

Чтобы показать отличительную характеристику болгарскаго языка, нужно сначала указать на особенности въ

произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. Начнемъ съ тѣхъ же звуковъ и знаковъ, которые мы замѣтили въ ц.-славянскомъ языкѣ, ъ и ь. Эти два знака у Болгаръ остаются большею частію тамъ же, гдѣ и въ ц.-слав. языкѣ; напр. вълкъ, дъмъ, и произносятся какъ глухіе. Оба они могутъ вокализироваться, т. е. переходить въ ă, ĭ, ŭ; такъ какъ самое слово „болгаринъ" пишется българинъ, а произносится бăгаринъ; т. е. эти два звука, если дѣлаются гласными, остаются короткими, почти глухими. Оба эти знака остались и въ концѣ словъ, но здѣсь они часто смѣшиваются; такъ Болгаре пишутъ и произносятъ: радостъ, однимъ словомъ ъ и ь безразличны для Болгаръ и могутъ оба перейти въ краткое ă; напр. мъртъвъ — мртăвь, пръвъ — прăвъ и т. п.

Звукъ ѫ потерялъ свое носовое значеніе и произносится совершенно иначе. Въ болгарскомъ языкѣ звукъ этотъ имѣетъ два произношенія; въ восточномъ болгарскомъ нарѣчіи онъ выговаривается глухо, такъ что Болгаре въ своемъ письмѣ не могутъ дать ему особеннаго знака; большею частію въ ихъ книгахъ, вмѣсто этого знака, пишутъ ă. Но кажется, лучше всего употреблять такой знакъ: ъ̄. Поэтому слова: рѫка, мѫка, лучше писать: ръ̄ка, мъ̄ка, чѣмъ рăка, мăка. Орѳографія со знакомъ ă, впрочемъ примѣнима къ западно-болгарскому нарѣчію. При всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (близь Эпира) звукъ ѫ выговаривается съ ринезмомъ: мѫдръ (мондръ), бѫдешь (бондешь). Близь Солуня въ народномъ говорѣ это ѫ странымъ образомъ переходитъ въ о (это не лишне замѣтить, потому что переходъ ѫ въ о служитъ отличіемъ хорутанскаго языка).

Что касается до звука ѧ, то произношеніе его если не глухое — ъ̆, то болѣе приближается къ произношенію звука — є, такъ: срѧшта (счастіе) у Болгаръ — срĕшта, рѧдъ — рĕдъ, свѧтъ — свĕтъ.

Ѣ. Въ этомъ звукѣ замѣтна особенная шаткость въ выговорѣ; у Болгаръ (особенно на востокѣ) онъ произносится какъ *я*. Впрочемъ нѣкоторые путешественники говорятъ

что слышали (особенно на западѣ) въ этомъ звукѣ стеченіе двухъ гласныхъ *е* и *е͡а* (**ѣ**—**єа**); у Болгаръ же албанскихъ *я* замѣняется долгимъ *е̄*; **бѣлъ**, вост.-болг. билъ; зап.-болг. беалъ; зап.-болг. бе̄лъ. Звука **ы** у Болгаръ совсѣмъ нѣтъ; у нихъ онъ замѣняется мягкимъ *и*: **былъ** — билъ.

Переходимъ къ согласнымъ.

щ выговаривается какъ въ восточномъ, такъ и западномъ нарѣчіи за *шт*: **хощѫ** (старо-сл. **хъштѫ**) — хоштъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ весьма рѣдко, *шт* переходитъ въ *ш*. Въ Македоніи и Албаніи, звукъ *шт* постепенно смягчается, дѣлается гортаннымъ и переходитъ въ кј(к): хоштъ̄—хокъ̄. Звукъ **жд** очень обыкновенный у Болгаръ и составляетъ особенность этого нарѣчія—болгаризмъ. Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ этого звука нѣтъ, если же и встрѣчается, то все таки какъ заимствованный изъ болгарскаго или ц.-слав. языка. Исключеніе составляютъ нѣкоторыя коренныя слова: напр. въ нашемъ языкѣ глаголъ—жду.

л въ болгарскомъ языкѣ выговаривается особеннымъ образомъ: это что-то среднее между твердымъ *л* и мягкимъ *l*, какъ будто это мягкое *l* удвояется: *сллава, ссладко* и т. п. Нужно замѣтить, что въ западномъ нарѣчіи буква *л* бываетъ совершенно не слышна: неволя—*невоя*.

лъ и **ръ** очень употребительны и имѣютъ такое же значеніе, какъ и въ ц.-славянскомъ языкѣ; буква **ъ** можетъ ставиться и впереди **л** и **р**, *вълкъ, твърдъ.*

Ѕ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно около Балканъ, произносится какъ dz (dzвѣзда); но это впрочемъ не общій признакъ болгарскаго произношенія.

Прочіе звуки болѣе или менѣе сходны по произношеніи съ соотвѣтствующими ц.-славянскими; правда, есть исключенія и очень значительныя, но всѣ они произошли вслѣдствіе сильной деорганизаціи языка. Бываетъ такъ, что въ одномъ словѣ извѣстный звукъ удерживается, между тѣмъ какъ въ другомъ, происходящемъ отъ того же корня, этотъ звукъ измѣняется или выпускается.

Укажемъ на нѣкоторыя частности:

χ произносится глуше, чѣмъ въ ц.-слав. языкѣ и даже переходитъ въ **г** (орѣгъ—хъ). Если за *χ* слѣдуетъ **в**, то эта комбинація, особенно въ западномъ діалектѣ, превращается всегда въ **ф**: *фаштъ* (хвачу). Особенно часто видимъ переходъ *х* въ *ф* въ прош. несов. на *хъ*: имафъ (имахъ) и т. п.

в превращается въ **м**: *рамни* (равный).

т очень часто пропускается: *крьс* (крестъ).

Обозрѣвъ такимъ образомъ фонетику болгарскаго языка, перейдемъ теперь къ грамматикѣ. Разстройство внутренняго организма болгарскаго языка особенно отозвалось на именахъ существительныхъ. Благодаря различнымъ метаморфозамъ звуковъ, Болгаре не нуждаются въ падежахъ: *столъ* и *стола* будетъ одинъ и тотъ же падежъ для Болгарина, но къ чему же онъ употребляетъ эту гласную на концѣ слова, повидимому безъ всякой нужды? *Павскій* говоритъ, что это есть затаенное мѣстоименіе; но это не правда: совершенно потерявъ сочувствіе къ падежамъ, Болгаринъ съ извѣстной гласной сталъ соединять понятіе опредѣленности и неопредѣленности. Эти гласные суть: *а* (ѫ) и *о* (е) и служатъ первымъ способомъ опредѣленія; а вторымъ способомъ опредѣленія, служатъ мѣстоименія: *тъ, та, то.* Такая потребность выражать большую или меньшую опредѣленность гласными (которыя суть разрѣшившіяся **ъ** и **ь**), можетъ назваться первымъ признакомъ, первой попыткою введенія въ болгарскій языкъ свойствъ языковъ романскихъ; такъ *стол* для Болгарина тоже, что для Француза *une* table, для Нѣмца — *ein* Tisch, для Грека — τράπεζα, *стола* — la table, der Tisch, ἡ τράπεζα. Такъ въ нѣкоторомъ болгарскомъ памятникѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ толкуется Евангеліе Матѳея и гдѣ говорится о томъ, что когда ученкки Іоанна Крестителя спрашивали его, не онъ ли обѣтованный пророкъ, предтеча отвѣчаетъ, что онъ пророкъ, но не тотъ, о которомъ они спрашивали; этотъ отвѣтъ выраженъ слѣдующими словами: *аз съм пророк, ма*

не аз съм пророко. Слѣдовательно слово *пророк*, употребленное здѣсь въ первомъ случаѣ, имѣетъ какое-то общее, неопредѣленное значенie, между тѣмъ какъ *пророко* выражаетъ понятie извѣстное, опредѣленное (это *о* какъ бы замѣняетъ слова: тотъ, о которомъ вы меня спрашиваете).

Кромѣ того у Болгаръ есть еще членъ, прибавляемый обыкновенно въ концѣ словъ; этимъ членомъ служитъ мѣстоименie *тъ, та, то* (въ валашскомъ языкѣ онъ ставится впереди: от-уль | ille).

Склоненie слѣдующее:

Ед. ч.	Им.	вода-та	Мн. ч.	Им.	води-те
	Род.	на вода-та		Род.	на води-те
	Дат.	на вода-та		Дат.	на води-те
	Тв.	съсъ вода-та		Тв.	съсъ води-те.

NB. Однако есть еще нѣкоторое сочувствie и къ падежамъ; такъ вин. п. ед. ч. отъ *вода* будетъ иногда *водъ*.

Мы замѣтили, что для большей опредѣленности понятiя Болгаре къ корню слова прибавляютъ мѣстоименie *тъ*: *на хлъм-о-тъ*; подобное выраженie есть и у Нестора: **на хлъмъ-тъ**. Только въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчается это *тъ*, похожее на падежныя формы, но окончанiя произносятся тихо и невнятно. Итакъ, вѣроятно, что въ древнемъ славянск. языкѣ окончанiя ъ и ь были неисправны. У *Павскаго* объ этомъ предметѣ самыя сбивчивыя идеи; онъ дѣлитъ имена существительныя на членныя и безчленныя и полагаетъ, что ъ — членъ; для болгарскаго языка это еще справедливо, но онъ сильно ошибся по отношенiи къ языку ц.-славянскому. Склоненie существительнаго съ членомъ (тъ) слѣдующее:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	пророко-тъ	Им.	пророци-те(ти)
Род.	на пророко(а)-тъ	Род.	на пророци-те(ти)
Дат.	на пророко(а)-тъ	Дат.	на пророци-те(ти)
Тв.	съсъ пророко(а)-тъ	Тв.	съсъ пророци-те(ти).

Слѣдовательно во мн. ч. удержалось еще нѣкоторое падежное измѣненie: *к* перешло въ *ц*. Падежная форма сохранилась еще въ зват. падежѣ, который (какъ и въ ц.-сла-

вянскомъ) принимаетъ *е*, измѣняя согласную, *пророче*. — Это склоненіе обще для всѣхъ именъ существительныхъ; только имена собственныя нѣсколько иначе измѣняются отъ прочихъ.

Итакъ, склоненіе болгарское представляетъ намъ чрезвычайное однообразіе. Встрѣчаются однакоже случаи, гдѣ видимъ остатокъ нѣкогда, вѣроятно, существовавшихъ падежей: такъ Болгаринъ говоритъ *вода* въ им. пад.; когда же онъ употребляетъ вин., то говоритъ *водъ̄*, а иногда *водо* (не есть ли это отголосокъ ц.-славянск.—**водж**?).

Перейдемъ теперь къ прилагательнымъ. Въ прилагательныхъ какъ въ существительныхъ замѣтна опредѣленность и неопредѣленность понятій; есть слѣдовательно и членъ. Такъ склоненіе прилагательнаго — *свет, света, свето* съ членомъ будетъ такого вида: имен. *свет-ӑ-тъ, свет-а-та, свет-о-то*; род. п. *на свет-а-тъ, на свет-а-та, на свет-о-то* и т. д. Мн. ч. *свети-те* и т. д. (нѣкоторые безъ всякаго основанія пишутъ **ѣ**).

Степени сравненія въ болгарскомъ языкѣ образуются иначе, чѣмъ у насъ. Что въ ц.-слав. языкѣ и у насъ есть случайность, то въ болгарскомъ есть необходимость, правило: у насъ нѣкоторыя сравнительныя степени образуются чрезъ прибавленіе частицы *по* къ сравнительной степени (лучше — получше, моложе — помоложе и т. п.); эта частица *по* ослабляетъ нѣсколько значеніе степени. У Болгаръ *по* прибавляютъ къ степени положительной: *млад — помлад, свет — посвет*. Это *по* въ болгарскомъ языкѣ прибавляется и къ существительнымъ для усиленія ихъ значенія; напр. *юнак — поюнак*; он е юнак, този поюнак (онъ молодецъ, а тотъ богатырь).

Что касается мѣстоименій, то они удержали нѣсколько старинныхъ формъ, но онѣ измѣняются до такой степени (благодаря множеству приставокъ), что это измѣненіе должно считать за признакъ дѣйствительнаго разстройства языка. Мѣстоименія личныя суть: 1 л. *аз* и *ѭз* (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышится ѭ); 2 л. — *ти*; 3 л. — *он*. Склоненіе ихъ мало разнится отъ ц.-славянскаго.

Ед. ч.	Мн. ч.
Им. аз(ѭз), ти он	Им. ми, ви, они(и)
Род. мéне, тéбе, éго	Род. пас, вас, их
Дат. мéни, тéбѣ, éму (му)	Дат. нам, вам, им.

NB. Двойственнаго числа болгарскій языкъ не имѣетъ.

Ни одинъ языкъ не имѣетъ столько приставокъ при мѣстоименіяхъ личныхъ, какъ болгарскій; къ 1-му лицу Болгаре прибавляютъ: *и, зи, ка, икана* : *ази, азка, азикана*; ко 2-му л. — *зи: тизи*; къ 3-му — *га: онга*. Отъ ц.-сл. иже сохранились только падежи им. и вин.: *и*, а иногда съ придыханіемъ — *іи*. *Той* соединяется съ *зи* — *този*. Замѣчательно, что мѣстоименіями *му, ми, ви* Болгаре замѣняютъ мѣстоименія притяжательныя; напр. книга его — *книга-та-му*; книга моя — *книга-та-ми* (какъ и въ греч. языкѣ — ὁ ἀδελφὸς σοῦ — братъ твой), особенно это замѣтно въ титулахъ: *свѣтина ти*, господство ти (Ваше благородіе).

Вопросит. мѣстоименія: *кой, той* (иногда *туй*); род. *кого-то* или *на кого-то* и т. д.

Мѣстоим. возв. *сѧ* по болгарски — *са*, или *с҃ъ*.

Приступаемъ наконецъ къ глаголамъ. Если имена существительныя представляютъ большой недостатокъ въ склоненіи, то въ спряженіи глаголовъ недостатокъ еще ощутительнѣе. Подобно Грекамъ, Албанцамъ и Валахамъ, Болгаре не въ состояніи образовать неопредѣл. наклоненія; при встрѣчѣ съ этимъ наклоненіемъ, они всячески стараются замѣнить его какой либо другой формой, дать другой обо-

ротъ своему выраженію, такъ фразу: „я хочу говорить“ Болгаринъ передаетъ такъ: *аз штъ да дума.*

Причастій, кромѣ кончащихся на *лъ* и *нъ* почти нѣтъ. При обозрѣніи болгарскихъ глаголовъ, всего лучше было бы представить таблицу ихъ спряженія, но это рѣшительно невозможно, потому что 1) глаголы эти допускаютъ странные и непонятные переходы изъ одной категоріи въ другую; 2) самый языкъ любитъ глаголы производные, нѣкоторые формы которыхъ, по свойству перехода одной гласной въ другую, затруднительны и сбивчивы до невѣроятности. Мы постараемся однакоже раздѣлить всѣ болгарскіе глаголы, держась аналогіи съ ц.-слав. языкомъ, на 6 отдѣловъ:

I. Сюда принадлежатъ тѣ глаголы, у которыхъ къ корню прибавляется въ 1-мъ лицѣ praesentis—ъ; это большею частію глаголы простые, болѣе всего употребительные: *идъ, пишъ, плетъ, ходъ, несъ.*

II отдѣлъ отличается окончаніемъ 1-го л. praesentis ед. ч.—*амъ* (со вставкой *н*) *свирнамъ.*

III отдѣлъ и IV будутъ составлять такіе глаголы, которые 1 л. ед. ч. praesentis имѣютъ на *имъ* (т. е. тѣ, которые въ ц.-слав. языкѣ имѣютъ вставку *ѣ* и *и*), напр. *фалимъ* (**хвалю, хвалити** и т. п.).

V отдѣла глаголы принимаютъ въ 1 л. praes. окончаніе — *амъ* или **ѧ***мъ* и соотвѣтствуютъ ц.-славянскимъ, принимающимъ эвтон. **а** или **ѧ**.

VI отдѣлъ состоитъ изъ глаголовъ, имѣющихъ предъ окончаніемъ *амъ* вставку *в* или *ова*; сюда принадлежатъ глаголы, производимые отъ именъ существительныхъ.

Что же касается до окончанія лицъ, то въ этомъ отношеніи болгарскій языкъ мало отступаетъ отъ языка ц.-славянскаго; 1-е л. praesentis оканчивается на глухой звукъ ъ̄ или ŏ (въ ц.-сл. **ж** или **ѭ**), напр. *идъ̄* или *идŏ* (**идж**), *бѣгъ̄* или *бѣгŏ* (**бѣгъ**). Исключаются отсюда глаголы производные и сложные, которые оканчиваются на *амъ, емъ, имъ*: это исключеніе есть по преимуществу свойство западнаго говора, происшедшаго, вѣроятно, вслѣдствіе влія-

нія сербскаго языка. Окончаніе praesent. этихъ глаголовъ слѣдующее:

ед. ч. 1 л. думам(ъ)	мн. ч. 1 л. думаме
2 — думаш	2 — думате
3 — думат	3 — думѫт

Есть *imperfectum* и *аористъ*. Imperfectum: *думáх, думáше, думáше, думахме, думахте, думахѫ* (и *думаше*).

Аористъ: *дýмах, дýма, дýма, думахме, думахте, думаше*. Эта разница въ удареніяхъ существуетъ только въ единств. ч., а во множ. ея нѣтъ.

Imperfectum и аористъ синтаксически употребляются смѣшанно.

Прочія времена перифрастическія и употребляются рѣдко.

Будущее время образуется помощью глагола — *штѫ* (**хъштъ**); спряженіе будущаго времени производится трояким образомъ:

1) или спрягается *штѫ*, а глаголъ остается неизмѣняемымъ: *штъ дума, штеш дума, ште дума* и т. д.

2) или спрягается самый глаголъ, а *штѫ* остается неизмѣняемымъ: *штъ думъ, штъ думаш* и т. д.

3) или, наконецъ не спрягается никакой изъ нихъ, а только въ срединѣ между ними вставляется частица *да*: *штъ да думъ* и т. д.

Это *штъ* переходитъ въ различныя окончанія: *кѫ* (въ западномъ говорѣ), *ше* (за Балканами). Подобное спряженіе встрѣчается и въ ново-греческомъ языкѣ — θέλω — сокращается въ ϑω или ϑα. Кромѣ *штъ* въ болг. языкѣ есть еще два вспомогательныхъ глагола: *сѫм* и *имам*. Спряженіе ихъ слѣдующее:

Praesens	*Imperf. и аористъ*	Другая форма *аориста*
Ед. 1 — съм — имам	бихъ — имах (имаф)	бѣ, бѣсте
2 — си — имаш	бише — имаше	. . . . .
3 — je — имат	бише — имаше	*Futurum*:
Мн. 1 — сме — имаме	бихме — имахме	штѫ съм.
2 — сте — имате	бихте — имахте	
3 — сѫт (съ, со) — имат	бихѫ — имахѫ	

Македонскіе Болгаре для образованія прошедшаго времени глаголовъ соединяютъ *имам* съ причастіемъ на *н, но*: *имамъ шетано*. Для выраженія сослагательнаго наклоненія употребляются частицы: *ахо, дано, да*.

Для примѣра приведемъ двѣ болгарскія пѣсни:

Молѣтъ [1]) мя мамо молѣтъ	Запрашиваютъ меня, матушка запрашиваютъ
Съ [2]) три моми [3]), мам [4]), хубави [5])	За трехъ невѣстъ красавицъ,
И три те попски [6]) дъщтери [7]):	За трехъ поповскихъ дочерей:
Пръва та [8]), мале Влахынка,	Первая (изъ нихъ) Валашенка,
Втора та руса Грѣчинка,	Вторая русая Гречанка,
Третя та била Българка;	Третья бѣлая Болгарка;
Влахынка каже [9]), мале ле [10]):	Валашенка говоритъ:
Я [11]) земи [12]) мене, Стояне,	Вотъ возьми-ка меня, Стоянъ,
Прикія [13]) да ти донесѣ [14])	И я принесу тебѣ въ приданое:
До триста чавгаръ [15]) биволи [16]),	До трехъ сотъ паръ буйволовъ,
Пять стотенъ крави [17]) ялови [18]),	Пять сотенъ коровъ яловыхъ (телицъ),
Шесть стотенъ и оште [19]) съ телцы,	Шесть сотенъ да еще съ телятами,

---

[1]) Запрашиваютъ; [2]) за; [3]) *мома* — дѣвушка, невѣста; *момак* — молодецъ; [4]) матушка; [5]) *хубав* — хорошій, красавецъ; какъ болгарское слово — *хубавъ*, такъ и русское *хорошій* заимствованы изъ персидскаго языка, какимъ путемъ — неизвѣстно; [6]) поповскія; [7]) дочери; [8]) первая; [9]) говоритъ; [10]) см. [4]); [11]) ну вотъ; это *я* сохранилось въ языкѣ малороссійскомъ; [12]) возьми; [13]) приданое; слово *прикія* взято съ греч. προιξ; [14]) принесу; [15]) *чавар* отъ греческаго слова ζευγάριον, которое въ ц.-слав. языкѣ переводилось словомъ **сжпржгъ** въ значеніи — пары; [16]) буйволы; [17]) и [18]) *коровы яловыя* — не телившіяся ни разу — телки; [19]) еще.

Хилядо [20]) овни [21]) Корм-[ски;	Тысячу барановъ крымскихъ
На Стамбулъ новѣ салханъ [22])	Въ Стамбулъ для новой бой-[ни
Младо джилебче [23]) да ста-[нешь,	Сдѣлаешься ты молодымъ по-[ставщикомъ скота,
Хора та [24]) да ти захвалятъ.	Народъ тебя будетъ хвалить.
Грѣкинка каже, мале ле:	А Гречанка сказала, матуш-[ка:
Я земи мене, Стояне,	Вотъ возьми-ка меня Стоянъ
Прикія да ти донесѣ:	И я принесу тебѣ въ при-[даное:
Девять кантаря [25]) копри-[на [26]),	Девять пудовъ шелку
И оште да ти донесѣ:	И еще принесу тебѣ
Пять стотепъ кара грошо-[ве [27]),	Пять сотъ рублей,
Хилядо жѣлти жѣлтицы [28]),	Тысячу золотыхъ червонцевъ;
Младо тѣрговче да станешь,	Станешь ты молодымъ тор-[говцемъ,

---

[20]) *хилядо* — тысяча, отъ греческаго χιλιάς, -αδος. Наше слово **тысашта** напоминаетъ нѣмецкое tausend; [21]) бараны; **ованъ**; [22]) бойня; [23]) торговецъ — скотомъ, гуртовщикъ; [24]) народъ. Болгаре употребляютъ также слово *село*; по всему замѣтно, что *хората* происходитъ отъ греческаго *χώρα*—земля, населеніе, житети. [25]) *Контаръ*—старая мѣра византійская, распространившаяся по южнымъ славянскимъ землямъ, равняется почти пуду; [26]) шелкъ. Болгаре также употребляютъ въ этомъ значеніи слово *свила*. [27]) Цѣлковые; турецкое слово *кара* значитъ — *черный* (оттуда карій). У Турокъ нѣтъ собственныхъ названій денегъ; испанскіе талеры, ходящіе у нихъ и имѣющіе изображеніе столба, они называютъ *дирекліи* — столбовые; *грошъ, грушъ, рупд*, вѣроятно, *рубль, арелanъ — левъ*, въ подражаніе венеціанской монетѣ, гдѣ изображается левъ. Русскіе рублевики называются *кара-грушъ*. [28]) Жолтые, золотые, нѣмецк. gold — желтый; наше слово *червонецъ* происходитъ отъ слав. *червонный* — оранжево-красный. Названіе червонца *дукат*, вѣроятно, произошло отъ слова *дук* — герцогъ.

Та на хаджалыкъ [29]) да и-
[дешь,
Што ти прилича [30]), Стояне,
Съ млади хаджiи [31]) да хо-
[дешь
И ази съ млади хадженкы [32]).

Българка каже, мале ле:

Я земи мене, Стояне,
Макаръ [33]) съ̄мъ гола и боса,
Ала [34]) съ̄мъ баримъ [35]) ху-
[бава
Бѣло ми лице — прикiя,
Тъ̄нкы [36]) ми [37]) вежды сер-
[мiя [38]);
Презъ [39]) горъ̄ [40]) мя приве-
[дешь,
Сухо ште дръ̄въ листъ пу-
[стнъ̄ [41]),
А сураво [42]) ште повенъ̄ [43]),
Въ церковъ̄ да мя заведешь,

Попове штъ̄тъ̄ ми онѣмѣ,
А икони те продума.
Майка [44]) Стояну думаше:
Синко, Стояне, Стояне,
Земи си билъ̄ Бѣлгаркъ̄,

И на богомолье пойдешь, —
Тебѣ и прилично, Стоянъ,
Идти съ молодыми богомоль-
цами,
А мнѣ съ молодыми бого-
[молками.

Болгарка же, матушка, ска-
[зала:

Возьми-ка меня, Стоянъ,
Хотя я гола и боса,
Да за то, по крайней мѣрѣ,
[красавица,
Бѣлое лице мое — приданое,
Тонкiя вежды — мой капи-
[талъ,
Поведешь ли ты меня лѣ-
[сомъ,
Сухое дерево листъ пуститъ,

А сырое завянетъ;
Въ церковь ли меня приве-
[дешь,
Попы отъ меня онѣмѣютъ,
А иконы заговорятъ.
Мать Стояну сказала:
Сынокъ, Стоянъ, Стоянъ,
Возьми себѣ бѣлую Болгарку,

---

[29]) Путешествiе ко святымъ мѣстамъ, богомолье. Богомольцы и Богомолки въ большомъ почетѣ у жителей Турцiи; слово *каджалык*—турецкое; [30]) прилично; [31]) богомольцы; [32]) богомолки; [33]) *макаръ* — хотя; происхожденiе этого слова трудно опредѣлить; [34]) и [35]) но по крайней мѣрѣ; *ала* сравни польское *ale*, греч. ἀλλὰ; [36]) тонкiя; [37]) ми — у меня; [38]) *капиталъ* — сокровище, драгоцѣнность; [39]) *чрезъ* у Поляковъ *przez* [40]) роща, ущелье, лѣсъ; гора же наз. *бърда, кънишъ*, цѣпь горъ — планина; [41]) выпустятъ; [42]) сырая; [43]) увянутъ; [44]) мать.

Хара та не штъ̄тъ да рекъ̄тъ,
Че ви е хубава булка та [45]).
Въ церковъ да я заведъ̄
При нея штъ̄тъ са съберъ̄тъ,
Та штъ̄тъ булкъ̄ тъ да гле-
[датъ [46]),
На свадбъ̄ да я поведъ̄,
Кой отъ гдѣ ште са обърне
Та ште булкъ̄ тъ да гладъ̄
И ште рече, Стояне,
Каква е хубава булка!

Народъ только и будетъ го-
[ворить,
Чья это красавица — моло-
[дица.
Я приведу ее въ церковь,
При ней соберутся,
То и будутъ глядѣть на мо-
[лодицу,
Когда поведу я ее на свадь-
[бу,
Каждый вездѣ будетъ обора-
[чиваться,
Будетъ гладѣть на молодицу,
Будетъ говорить, Стоянъ,
Какая красотка молодица!

2.

Радо, бяла Радо, юнаци [47])
[дойдохъ̄
Та брата ти хвапахъ̄
И твое пръ̄во либе [48]), пръ̄во
[либе,
Какво [49]) зá брата си даваш?
Какво за пръ̄во либе?
Аз зá брата ми давам и не
[давам,
А за мое пръ̄во либе, пръво
[либе
Давам вита моя гривна, моя
[гривна.
И оште придавам моя коса
[плитка [50]);
Че кага-то бяша размирна [51])
[година [52]),

Рада, бѣлая Рада, гайдуки
[пришли
И брата твоего схватили
И твоего перваго любезнаго,
Что ты за брата своего дашь?
Что за перваго любезнаго?
Я за брата моего даю и не
[даю,
А за моего перваго любез-
[наго
Даю витую мою гривну,
И еще придаю мою косу;
Ибо когда было немирное
[время,

---

[45]) Дѣвушка, молодица; [46]) глядятъ; [47]) *юнак* — молодецъ, гайдукъ; [48]) любезный; [49]) сколько, что; [50]) коса; [51]) немирная; [52]) время.

Невѣрна дружина въ наше [село,—	Невѣрная дружина (была) въ [нашемъ селѣ,—
Братъ ми мъ̄ поведе и мъ̄ [заведе	Братъ меня повелъ и меня [завелъ
На пъ̄тъ [53]) на кръстопъ̄т [54]), [та ми рече:	На дорогу, на прекрестокъ и [сказалъ:
Иди сега [55]) сестро, иди се-[стро,	Иди теперь сестра, иди се-[стра,
Иди въ кой-то пъ̄т ти е най-[драг,	Иди по какой дорогѣ тебѣ [лучше.
А мой пръво либе мъ̄ поведе,	А мой первый любезный по-[велъ меня,
Мъ̄ поведе та чу мъ̄ заведе	Меня повелъ и привелъ
У тѣ скрытни—те къ̄шти [56]).	Въ тѣ потаенные дома.

[53]) Путь, дорога (**пѫть**); [54]) перекрестокъ; [55]) теперь; [56]) къ̄шта (**кѫшта**, куща) — домъ, жилище.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя п.

(*Продолженіе*).

5. Вербовая дощечка.

Из предыдущаго можно вывести, что когда мр. весенняя игра изображает дѣвицу идущею через кладку, то это ближайшим образом означает переход к браку от той весны жизни, которой гордость, радости и заботы составляют главное содержаніе веснянок. Можно ожидать также, что в основаніи этого значенія будет лежать другое, болѣе древнее, миѳологическое.

Дѣвицы становятся в два ряда, лицем друг к другу, берут своих супротивных за руки, так что из рук выходит „дощечка", по которой пускают ходить дѣвушку, „Настечку". Из пѣсни видно, что она изображает собою „дівку", невѣсту, а не ребенка или „піддівочу" (Чуб. III, 81). В Галиціи сходная пѣсня поется при „кривом танку"; размѣр точно такой, с повтореніем послѣдняго трехсложнаго слова, как выше (132 и выше):

А. Вербовая дощечка, дощечка [1]),
Ходит по ній Настечка,
На всі боки *леліє*,
Вітки милий поїде (v. надїде)
Що ж Настечці привезе?
Жовтенькиї чобітки,
Золотиї підківки.
[Будут чобітки скрипіти],

---

[1]) Такое повтореніе во всей пѣснѣ. „Вербовая д." ср. с „Кладку я кладу через муравку вербову", купальская, Чуб., III, 209.

А підківки звеніти.

Вм. [будут], нарушающаго размѣр, могло стоять „ймут“. Мѣстами к этому присоединяется:

Покочу я золото, золото,
А ви, хлопці, в болото, в болото;
Покочу я перстенец, перстенец,
А ви, дівки, у танец, у танец.

Или: Де сь, Настечко, бувала, бувала,
Як дуброва палала и пр.

Мотив, о коем см. ниже (Гол., IV, 160; II, 191, 684). В первом варіантѣ *леліє,* собственно, сіяет и отсюда—смотрит. Ср. „світит сонце, 2, на хату *леліє*“, Гол., II, 394; „ясний соколонько... далеко *сяє* (= смотрит) и видає“ (Ант. и Драг., И. п., I, 182); „ясен соколонько... на чорнеє море *сяє* далеко поглядає (ib. 192). Думаю, что слово *леліє* употреблено здѣсь двумысленно (свѣтит и смотрит) не случайно, а по связи этой пѣсни с веснянкою, которая в подобное положеніе ставит *солнце = вербу* [1]) что в свою очередь объясняет, почему в приведенной веснянкѣ именно „вербовая“ дощечка.

Солнце сверху смотрит и видит далеко и широко, почему в свад. болг. п. молодая обращается к нему с вопросом, невидало ли оно ея отца, матери, роду (Милад., 486 и ib. 489, N 582, гдѣ пѣвица, обращающаяся к солнцу, находится в положеніи Ярославны в Сл. о П. Иг.). Извѣстно и широко распространено представленіе солнца колесом [2]). Говоря о *кроковом* (т. е. желтом, шафранном; мр. *крокіс,* carthamus tinctorius, гр. *κρόκος*; поль. krokosz, чеш. krokot, color croceus, *κροκωτός*, Matzenauer, Cizi slova) колесѣ, пѣсня неоставляет сомнѣнія, что она разумѣет солнце:

---

[1]) Уже упомянутая лотышская п. прямо говорит: „Солнце (Сауле, жен. р.) плетет вѣночек, сидя *на вербѣ* (вîтола̀, мѣстный п.), Спрог., 311. Ср. также: „Каждое утро вспрыгивает солнце на красное деревцо...“ Трейл. в Сб. Дашк., II, N 66.

[2]) Аѳ. П. В., I, 207—8, 211 сл.; Чуб. IV, 150; 155 („колує“=колесом иде).

Кроковое ко́лесо
Вище тину стояло,
Много дива видало.
Чи бачило, колесо,
Куди милий поїхав?
—За ним трава зелена
И діброва весела
Ст. 8—11 = 1—4
12 Куди нелюб поїхав?
—За ним трава полягла
И діброва загула.

(Записано мною от близкой моей родственницы. Для меня достовѣрно, что именно так пѣлась эта п. в селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., в первой четверти нашего вѣкка; м. б. и теперь так поется. Параллелизм здѣсь полный, т. к. „весела“ противоположно с „загула“: *густи* в производном значеніи = лот. *gausti*, печально пѣть, причитать по мертвом, *gaudús* печальный).

В Галицкой Руси сходная по началу пѣсня сопровождает хоровод, в родѣ „кривого танка“ (Чуб., III, 32—3):

Вербовеє колесо, колесо
Коло гостинця (м. б. при гостинцю?) стоя-
[ло, стояло [1])
Троє дива видало:
Єдно диво на діди,
Другоє диво на баби,
Третьє диво на дівки . . .

(Слѣд. 6 стих внѣ видимой связи с этим. Зоря Галиц. 1860, 511).

Другим весняночным размѣром, в этом случаѣ, б. м., болѣе новым, чѣм предыдущій, сложена веснянка:

Ой ве́рбо, ве́рбо, вербице!
[Ти] на роспуттячку стояла,
[Ти] далеко чула, бачила;
Куда мій нелюб[ий] поїхав?

---

[1]) Послѣдніе три слога повторяются. Вѣроятно так и в моем варіантѣ.

Ой туди трава полегла,
И клен-дерево завьяло,
И моє серденько застряло.
8—10=1=3,
Куди мій мил[еньк]ий поїхав?
Ой туди трава [вже] шовкова,
И клен дерево зелено,
Й моє серденько весело (Метл., 303—4; Чуб., III, 117). В скобки [ ] взяты слоги, нарушающіе строгость размѣра. Та черта, что „вербовеє колесо“ или „верба“ стоит „*коло гостинця*“ или „*на роспуттячку*“, в соединеніи с подразумѣваемым желаніем, чтобы это всевидящее существо сказало ту радость, что по пути ѣдет милый, а не нелюб, могла повести к перенесенію роли этого существа на раст. *трепутник, бабку*, т. е. *припутник*, придорожник, подорожник (leontodon taraxacum, мр. *ку́ль-баба*, по цвѣтку котораго, выдергивая лепестки, гадают: „любит—нелюбит?“, или plantago, нѣм. wegerich). В Бр., на канунѣ Ивана (23 Іюня), дѣвки выкапывают это растеніе, приговаривая: „Ты бабачка, ты галубачка! Ты при дарозе сядзіш, ты ўсё чуїш і відзіш: скажи мнє праўду, за каго я замуж пайду?“ и кладут на ночь под головы. Кто приснится, тот будет муж (Шейн, Бр. п., 142).

Как бы ни объяснялось представленіе солнца деревом, между прочим именно вербою, а лучей его—вѣтвями, оно неподлежит сомнѣнію: загадка о солнцѣ: „стоїт верба посеред села, розпустила гільє на усе поділье“ (Вѣнок Русинам на Обжин., 280) = „стоїть дерево серед села, а в каждій хатці по гіллячци“ (Вѣн. ib., Номис, Приказ., 291; Ном. 290). Весьма распространенная загадка, представляющая год деревом (дубом, явором, см. Аѳ. П. В. I, 517; можно прибавить ссылку на Вѣнок и пр. 294; Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, N 191—4; Schleicher, Litauisch. Leseb., 61) есть перенесеніе дневного теченія солнца на годовое. Серб. вар. этой загадки говорит именно о ракитѣ: „*кита-ракита* (т. е. киђена, разукрашеная, как „кита и сватови“ = киђени сватови), и у њој дван'ест ступо-

ва; на сваком ступу има четири гнезда, у сваком гнезду има седмеро пилића (= птенцев), свако пиле има своје име", Ст. Новаковић, Спр. загонет. 31. Соединеніе и смѣшеніе этого представленія с представленіем солнечнаго пути мостом и кладкою дает загадки с одной стороны для года („лежит брус во всю Русь, и на том брусу 12 гнѣзд" и пр.; „лежит колода, по ней дорога, 50 сучков да триста листья", Худяк., Вр. заг., Этн. Сб., VI, 45), а с другой — для великого поста и свѣтлого праздника: „сім миль (v. верст) мосту, а на кінці (v. на край мосту) явор на весь світ славен (v. *червона калина* [1]), v. квіточка зацвіла, v. дивина́ (verbascum), на тій дивині цвіт на весь світ), Номис, Прик., 290; Худяк. ib. и 95). Сам Великдень, сколько извѣстно, вербою непредставляется, так что нѣт основаній думать, что представленіе его деревом возникло через посредство Вербной недѣли (мр. вербниця, болг. врьбница, мр. и бр. вербич) и вербы как замѣны пальмы в недѣлю ваій. Как бы ни было, слѣдующая болг. п. Лазарская (на Лазарево воскресенье, когда дѣвочки, убранныя цвѣтами, ходят по домам и поют величальныя п., *лазар'ват*, а взрослыя дѣвицы — *ладуват*, от припѣва *ладо*) или вербная, во всяком случаѣ по времени и содержанію — веснянка, представляет замѣчательный примѣр ассоціяціи представленій солнца вербой и дѣвицей (солнце = „крас-

[1]) Калина в той же роли, как выше всевидящее кроковеє (вербовеє) колесо и верба, — в веснянкѣ:

Ти калино червона!
Ти при лузі стояла,
Ти чувала, видала,
Що у Києви дзвонють,
А на ринку говорють:
Парубоцькая краса
У дёгтю пуринаε,
А дівоцькая краса
В молоці пуринає
У меду виринає.

(Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VIII, 12; ср. выше стр. 120—2, 128—9, т. VIII).

ная дѣвушка по небу ходит“, Худяк. I. с. 111), дѣвицы невѣсты солнцем и вербой.

У Недини слънце грѣє;
Върбо ле, върбо, върбице ле!
То небило ясно слънце,
А є била сама Неда.
Израсла є тънка върба
У Недини равни двори;
То небила тънка върба,
А є била сама Неда.
Събрале са юргене-те,
Да си крьшат тънки върбе...
(Каравелов, Пам. нар. быта Болг., I, 207).

Припѣв „върбо-ле“ и пр., повторяющійся послѣ каждаго стиха, первоначально принадлежит ко 2-му мотиву этой пѣсни („Израсла є..“). Присоединяясь и к 1-му („У Недини“ = в домѣ Неды) он и внѣшним образом указывает на однозначность его со 2-м. Послѣдніе 2 стиха („Собрались молодцы — женихи, чтоб ломать тонкія вѣтки“...) сближают эту пѣсню с обширным кругом пѣсень о міровом деревѣ, который составит предмет особаго изслѣдованія. Между прочим это дерево отождествляется с невѣстой; к нему слетаются соколы (= женихи, сваты). Болѣе тѣсное родство по содержанію и размѣру (4+4) имѣет эта п. со слѣдующими свадебными:

Над рѣкою, над быстрóю
Ладо, ладо!
Стоит верба семь сот вѣток,
Семь сот вѣток и четыре,
А пятая *золотая*.
Тут ѣхало семь сот бояр,
Семь сот бояр и четыре;
Всѣ сломили по вѣточкѣ,
Всѣ сломили по вербовой,
Ивану-свѣт (= жениху) вѣтки нѣту.
Ему вѣтка золотая,
Золотая вѣковая,

То Настасья молодая.
(То же поется о дружкѣ и свашкѣ. Коханов., Нѣск. бояр. п., 98, Рус. Бес. 1871, II). Этот вар. Ст.-Осколь. у. Кур. г., б. м., есть лишь переложеніе на вр. звуки малорусскаго варіянта, по припѣву и упоминанію золотой вѣтки (намек на миѳологическое значеніе образа) болѣе архаичнаго, чѣм слѣдующій, снабженный запѣвом „птица с высоты видит сцену дѣйствія“.

Ой луговая зузуленько, 2
Рано, рано!
Чи всі луги облинула,
Да ранесенько!
Не так луги, як лужечки?
Нестій вербо над водою, 2
Да звий собі сім сот квіток,
Сім сот квіток и чотирі.
Да їхали мимо тебе . . .
. . . Сім сот бояр и чотирі
Всім боярам по квіточці,
Иванкові квітки нема[є]:
Иванкові квітка — 2
Да Маръечка дівка. (Чуб., IV, 199).

В другіе вар. (Чуб., ib., 118, 173, 268) введен мотив:

Да нестій, вербо, *розвивайся,*

(срб. листај) т. е. выходи замуж [1]). Это представленіе под

---

[1]) *Розвивайся*, см. выше, стр. 55—6 т. VIII, а также слѣдующее: Ой вербо, вербо, вербице!
Час тобі, вербице розвиться;
Час тобі, Иванку, жениться.
—Ой ще нечас, непора:
Ще-ж моя дівчина (=верба) молода . . .
Чуб., III, 214.
Стоїт верба над водою, роспустила гілья;
Уберайся, дівчинонько; днесь твое весілья,
Гол., II, 784.
Ой шуміла ліщинонька, як ся розвивала;

вліяніем ассоціяціи „лист (как шумящій=говорящій), слово, разум, мысль" [1]) ведет к сочетанію:

Нестій, вербино, *роскидайся*;
Несиди, Марусю, *розмишляйся;*

Ой плакала дівчинонька, як ся оддавала,
Гол., II, 783.
Розвивайся, лозо, борзо а в чотире листи;
Як до тебе, моя мила, річку перебристи?
ib., 617.

Тополя, Гол., III, 255.

Нерозвивайся, сухий дубе... неженися, Чуб., V, 968; ср. ib., 158; Гол., III, 137; I, 243, 261; II, 755. По связи женидьбы со смертью „розвився бучок... загиб N", Г., I, 55.

„Розвивайся луже"=сватай, Чуб., V, 115; противоположеніе „розвивайся... несподівайся", ib., 429.

Сходно с этим „нехрестися барвіночку... неженися", Гол. II, 434 (=нестелися, хрещатий барвінку).

[1]) К сказанному об этом сочетаніи в моей статьѣ О связи нѣкотор. представл., Фил. Зап. 1864, прибавлю еще слѣдующее. Сравненіе „*листя рясні — слова красні*" (Гол., II, 763) предполагает сравненіе „*ряса́—краса*", с коим сродно „*широкій лист — красота*" („Широкий лист на калині (дѣвица), А ще ширший на дубочку"; „Широк листок на калині, Еще ширѣй на яворі", Чуб., V, 218; Гол., II, 535), „*широкій лист — любовь и страданія от нея*", Гол., II, 774; 365 („листочок широкий... люблять молодиці");

Висока верба, висока верба
Широкий лист пускає;
Велика любов, тяжка розлука
Серденько зриває
(Гол., II, 255; ср. ib., 267).

Отсюда „лист опадає — милий покидає" (гибнет любовь), „листочок ся стелит — милий ся женит" (Гол., II, 349, 773[2]). Ср. Цвіт опадає, Гол., I, 266, 281. Молодыя лѣта пропадают как опадает цвѣт (Гол. III, 337), как опавшія осенью, уносимыя вѣтром кленовыя листья (Чуб., IV, 410=Метл., 222; Лотышскія п. у Спрогиса, 298, 1, и; Трейланд в Сб. Дашк., II, N 492, 594; Лермонтова „Дубовый листок..."; „літа завилися в кленовий лист", Гол., II, 301; ср. ib., 781—2).

Лист—хивт, Чуб., V, 9, 196; *лист—розум*, Гол., II, 832. *листоньки—мислоньки*, Чуб., IV, 118 (N 142).

Чим свого свекорка називать будеш?
(Метл., 159; Чуб., IV, 207).

Сочетаніе „дѣвица = верба, дѣвица = солнце, солнце=верба“, данное в вышеприведенной лот. п. (стр. 100 примѣч.) и усматриваемое мною в болгарской (стр. 104) и сродных, мнѣ кажется заключено и в слѣдующей Пинской веснянкѣ, по началу примыкающей к пѣснѣ на стр. 105, прим.

Ой верба, верба, вербі*ста (-ца?)*,
Чого на море навісла? 2.
Под тую вербу сцежечка,
Туды (мі ?) ішла дівочка,
Да несла *золото* в приполі,
Да *розсыпала на мори.*
Кліче бацюхна з комори:
„Ходзі, бацюхно, зо мною,
„Зберим золото з тобою
„На шолкову ніточку,
„На серебрану йголочку!“
—Да немогу, дзецятко, немогу:
(І)з жалю ручок нездойму,
За слюзонькамі небачу! (Zieńk. 136—8).

Чтобы понять эту изящную пѣсню, нужно освоиться с традиціонным ходом мысли и способом выраженія. Так, чтобы понять, что запѣв этой пѣсни (ст. 1—3) есть не изображеніе обстановки, а символ, находящійся в болѣе внутренней связи с дальнѣйшим, нужно знать о существованіи поэтическаго пріема, состоящаго в превращеніи символа лица (его образа) в его обстановку (в миѳологіи образа в аттрибут, ср. стр. 212 т. VII). Приведу примѣр этого, которым прійдется воспользоваться и ниже. Скрип хаты—горе хозяина:

Ой чого ти поскрипуєш, смерекова хато?
Нема добра в нашім селі, бо панів багато.
(W. z Ol., 188; Гол., II, 294).

Кто замѣтил, какое впечатлѣніе производит в вѣтер скрип

дерева, на пр. когда оно трется о другое, тот поймет естественность сравненія:

Заскрипіло деревцо йа у лугу стоячи;
Заплакала юдова свого сина годуючи,
Гильтебр., Пам. н. тв., 53.

Но в слѣдующем пѣсня *как бы* несравнивает плачущей дѣвицы и скрипящей липы, а сажает дѣвицу под эту липу

Скрипіла липонька, скрипіла,
Під нев Марисенька сиділа,
Просилася в матінки и в вітця:
„Недайте мене за вдівця!"
(Гол., IV, 294).

Так и в приведенной веснянкѣ *верба*, под которою идет дѣвица, есть образ этой послѣдней. Значеніе этого образа здѣсь — формальное, служебное: он относит дальнѣйшее к болѣе общей категоріи поэтических образов, установляет связь частнаго и общаго, именно относит дальнѣйшій образ к категоріи веснянок, т. е. приурочивает его к положенію дѣвицы, у которой замужество еще в будущем, а не невѣсты, как ниже.

Главное содержаніе пѣсни относит ее к обширному и представляющему много подраздѣленій семейству славянских (русс., серб., болг. и др.) пѣсень на тему „милый лучше отца, матери, роду — племени". Одно из подраздѣленій — „не отец и пр. спасет от опасности, выручит из бѣды, *поможет в трудной работѣ*, а милый", т. е. не с отцом жить, а с милым. Одна из таких работ — *собиранье разсыпаннаго золота, бисера* и пр. Так в свад. п.:

Іде Маруся од вінця,
Сіє золото з рукавця,
За нею батенько ступою,
Збирає золото рукою.
„Мій ти батеньку, незбереш,
„А свої слёзоньки розуллєш

(Чуб., IV, 286; тоже к матери, ib., 298—9) [1]), т. е. не-

---

[1]) В бр. Єхала Агатка да венца,

собереш, а еще болѣе разсыплешь, ибо *это золото — слёзы* (которыя утрет только милый):

„Ой матінко та голубочко!
Приснився мені сон дивненький:
З раю пташки вилітали,
Чорний шовк поснували,
Дрібне золото порозсипали!“
— З раю пташки, то — твої дружки,
Чорний шовк, то — твої кіски,
Дрібне золото, то — твої слёзки.
(Чуб., IV, 255).

„З суботонькі на недзіленьку
„Снівся мені (невѣстѣ) сон дівненькі:
„Сівы голубы даналепулі
„Білы жемчуг (вм. żemczur) розвернулі,
„Жыве золото розсыпалі.
— Да мое ж дзіцятко родне!
Малоумны розум маєш,
Що сёго сну незгадаєш.
Сівы голубы — сваты твое,
Білы жемчуг — коскі твое,
Жыве золото — слёзкі твое.
(Zieńkiew., Pios. gm. ludu Pinsk., 58).

Это — относительно-позднѣйшее примѣненіе образа первоначально неимѣвшаго никакого отношенія к слезам [1]),

---

Сыпала золата з рукавца.
Хто эта золата наберець,
Той мяне на вянец павядзець.
Пабярець золата меньши брат,
Павядзець на вянец больши сват
(Этн. Сб., III, 260).

[1]) Сравненія золота и слез еще нѣт в бр. свад.:
За варатамі трава мурава золатам насыпана:
Агатка ішла золата нясла, золата разсыпала,
За слёзкамі, за дробнымі, золата несабрала,
За жаласцяй, за вялікай, мамачкі непазнала.
Этн. Сб., III, 260.

как и сѣянье дѣвицей жемчуга и драгоцѣнных камней в болг. Лазарской п., примыкающей, подобно многим другим Лазарским, по размѣру 4+3 к первому разряду разсматриваемых здѣсь веснянок:

Шетала є мома-та,
Къдѣ-то є шетала,
Бѣли поли вѣяла,
Ран босилек сѣяла.
Не ся роди босилек,
Нъ ся роди маргарит
И безцѣно камене.
Надо'дохȁ златаре
Да си цѣнȁт камене;
Нѐ цѣнихȁ камене,
Нъ цѣнихȁ мома-та.
(Чолаков, Бълг. нар. сборник, 35).

Черты, коими изображена дѣвица здѣсь и выше, разсыпанье золота *на морѣ*, сѣянье жемчуга, уже встрѣчались выше: „Слала китайку (т. е. червону) [1]) по морю" (стр. 210 сл., т. VIII), „сiяла поле дрiбнов жемчугов" (стр. 208, т. VIII). Подобными чертами лот. пѣсня изображает солнце:

„Солнце заходит вечером, бросая (или „катая") золотое яблоко; с утра, восходя оно (ж. р.) сѣет чистое серебро", Трейланд в Сб. Дашк., II, N 85.

„Солнце сѣяло серебро на пнистом срубѣ (розчисти); посѣй, солнышко, и мою долю (часть этого серебра), хоть на краешкѣ пня" (ib. N 67), как в другой п. (Спр. 311)

---

1) Ср. червоная корогов, стр. 56, т. VIII. *Чѐрвецъ,* символ дѣвства невѣсты, которая

Черчиком обсипана,
Калиною обтикана (свад.; ср. Чуб., IV, 449, 452).

В воскресенье вечером поют:

...Коробочку миши проïли,
Посипався черчик до долу;
Час вам приданки до́ дому!
Ми будем черчик збiрати,
Та до свiта будем гуляти, ib. 455.

дѣвица просит, чтобы солнце вьющее вѣнки, сидя на ивѣ, дало и ей вѣночек, ибо ей нужно ити замуж.

В мр. и болг. п. (стр. 107—10) образ солнца — дѣвицы, сѣющей золото, перенесен на дѣвицу — невѣсту, в чем и состоит, конечно, теперь утратившее смысл величанье послѣдней. Но и солнечная дѣва представляется, как мы видѣли, и вербою (между прочим вербою с золотою вѣткою или квіткою); поэтому можно бы ожидать встрѣтить представленіе солнца, или другого свѣтового явленія, деревом роняющим золото, жемчуг и т. п. Такое представленіе дѣйствительно есть и играет весьма важную роль в колядках. Во избѣжаніе новых и многочисленных отступленій, я до времени оставляю его в сторонѣ, возвращаясь к мотиву веснянок:

Собирать разсыпанное с милым.

В русальной п., послѣ запѣва (ст. 1—4: „Проводили русалочки . . .“), указывающаго на время, когда поется п. (на Зеленой недѣлѣ, когда „завивают вѣнки“, „прогоняют русалок“, т. е. ходят в лѣс и готовят там яичницу и др. кушанья):

. . . Перед варатьми далина,
Ой рана, рана, далина!
А в той далині калина,
Ой там Ганначка гуляла,
Жемчуг—намисты абарвала.
Ой туды їхав нелюбый,
(Ой) став з коника злезати,
Жемчуг—намисты збирати.
„Незседай нелюбый з коника
Не з табою (я) гуляла,
(Жемчуг) намисты парвала.
11—4 = 1—4; 15 = 5 . . . миленький; 16—7 = 6—7; 18 = 8 Збирай (нужно бы „Ой зседай“); 19—20 = 9—10 З табою.

(Юриновка, Новг. сѣв. у. Черн. г., Черн. Губ. Вѣд. 1855, N 22 = (с украинской фонетикой) Чуб., III, 189). Отноше-

ніе калины к дѣвицѣ такое же, как выше (стр. 107) вербы. Общій план пѣсни (нелюб — милый), как выше стр. 210 сл. т. VIII, 101. К этой веснянкѣ примыкает по размѣру сербо-хорв.:

Зелена мила дубрава,
По кој се љубе два драга;
Љубећ јих најде шкура ноћ.
Ај почне се драга плакати,
Ај како ће мајка лагати.
Почне ју јунак тишити:
„Лахко ћеш мајки лагати,
„Да ти се ј' бисер потресал,
„Да си га брала летни дан.

(Mikuličić, N. pripov. i pjes. iz Hrv. primor., 153—4).

Вр. (Архангельск. г,):

Во теремѣ дѣвица сидит,
Ожерельице жемчужное садит.
Разсыпала ожерельице
По всему высоку терему.
Несобрать, несобрать жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, бѣлым лебедям;
Соберет, соберет жемчуг
Удалый добрый молодец,
Со душой красной дѣвицей.

(П. Якушкин, Р. п., 177—8).

Соединеніе подобнаго мотива, заключавшаго в себѣ, вѣроятно, упоминаніе моря или озера (ср. выше „розсипала золото на морі“) с другим, „перевоз через воду — брак“ (дѣвицы неперевезет ни отец, ни мать . . . но милый) — в слѣд. сербской хороводной („у колу“):

Бисер Мара по језеру брала,
Према себе свога бабу звала:
„Дођи, бабо, и довези лађу
Да возимо бисер из језера!“

Но неотзывается отец, ни мать, брат, сестра; на конец

Дође драги и довезе лађу
И извезе из језера Мару, Кар., П., I, 201.

Слѣдующая, кромѣ общаго сходства мотива (разсыпанье жемчуга), и по размѣру (4+3) примыкает к болгар. „Шетала є (стр. 110). Дѣвица говорит:

. . . Дођ' довече, драгане!
Ја сам бисер просула,
Да поможеш купити
(v. Помози ми низати
И у киту китити).

Дальнѣйшіе стихи доказывают, что рѣчь о любви (Кар., П., I, 179—80; Пјес. из Херцег., 228). За позднѣйшее видоизмѣненіе считаю то, что в хорв. п. того же размѣра помогает собирать жемчуг подруга:

Спале, спале лубе две,
Прва ми се преспала,
Била јако жалостна.
„Луба, кај си жалостна?"
—Как би неб'ла жалостна?
Гјунгјек сем ресипала.—
„Ниш небуди жалостна:
Бомо га скуп зебрале
На жнорицу низале,
Ж јим си надра кинчале
Пак јунаке лубиле.
(Plohl-Herdv., Hrv. n. p., 55).

Слѣд. болгарская представляет дѣвицу сидящею за обтерненной оградой, которой и птица неперелетит; черта, приближающая нас опять к мотиву: сокол похищает „дівоцькую красу" (стр. 122 сл., т. VIII).

. . . Седнàла є малка мома . . .
. . . Дробен бисер (да) си нижи . . .
. . . Там поминà лудо младо . . .
„Мила момо, църнооко!
Бог да биєт твой-те брате,
Што викнàхà майсторе-то
Та зидахà дворове-то;

Не им стига [1]), што зидаха̀:
От горе трнӧ кладоха̀
Да не пиле си пролете,
А не човек да помине.
Чин ми прелиз да помина̀;
Яз при тебе да си дойдам,
Две те гердан [2]) да нижиме,
Дробен бисер и флорини.
(Миладин., 410—11).

Милый и разсыпает жемчуг.

Серб., размѣра 4+3 (см. выше):
Јунак мами дјевојку...
...Развија јој жут кавад [3])
И везену кошуљу,
Просу бисер на грлу.
Стаде злато плакати,
Млад је јунак тјешити:
...Ја ћу бисер низати
С тобом, душо, и са мном

(Кар., П., I, 439; ср. Верковић, Н. п. Макед. Буг., 220). Эта „шкода" и утѣшенье соотвѣтствует русс. свад. пѣснѣ, разсмотрѣнной в одном отношеніи выше (стр. 211, VII), а еще болѣе слѣдующей:

Сокол просыпает жемчуг.

Свадебная. Как сидѣла я во платьѣ теремѣ
И низала-ли жемчужинки
(v. Я низала себѣ шапочку
Я по алому бархату)...
Не отколь взялся ясен сокол,
Он взмахнул правым крылышком,
Он задѣл им за тарелочку,
За тарелочку серебряну,
Он просыпал всѣ жемчужинки.
Как расплакалася дѣвица
Стоючи перед батюшкой...

---

[1]) Мало им того, что... [2]) Ожерелье. [3]) Платок.

„Ты неплачь-ко мое дитятко:
Созову я князей бояр,
Подберут твои жемчужинки
До единого зернышка.

(Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 12; Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 139).

Сокол похищает разсыпанный жемчуг.

Если вышеприведенная болг. п. (стр. 113—4) о дѣвицѣ в обтерненной оградѣ, которой и птицѣ неперелетѣть, и о молодцѣ, который просит сдѣлать ему перелаз, этими чертами напоминала мр. и поль. свадебную

U nasy pani (невѣсты) gęsty sad,
Nie przeleci tam zoden ptak,
Tylko jeden . . . (жених)
(Kozł., Lud, 38—9; Гол., IV, 303, 398),

то слѣдующая сербская и по размѣру тождественна с этою свадебною:

Скочила скоком јабука,
Удрила граду у врата,
Просу се бисер из града.
Сави се [1]) тица соколе,
Покупи бисер под перја,
Стаде ми леђет' узгора [2]).
Виђоше младе ђевојке,
Фатише сивог' сокола,
Отеше бисер из перја.
Прокле их сиви соколе:
„ђевојке, срећe немале!
„Доцна [3]) се ви поудале!
„Ни једна момка нестекла,
„Но стара, али удовца!"

(Кар., П. из Херцег., 260).

Подробное отнесеніе всего этого к тому или другому явленію природы, скорѣе всего к восходу или закату солнца, считаю затруднительным; но думаю, что только миѳологическое преданіе могло повести к столь странному сочета-

---

[1]) Слетѣл. [2]) = ӱзгори, вверх. [3]) Поздно.

нію черт. Катящееся яблоко, ударом раскрывающее ворота города, из коего разсыпается жемчуг, по видимому, может быть только солнце [1]). Что бы ни изображал собою сокол—молодец, во всяком случаѣ здѣсь такое же примѣненіе миѳа к весняночному антагонизму дѣвиц и молодцов, как в вышеразсмотрѣнной веснянкѣ

Дівки . . . терем будовали
Ой щоб невилітав сивий соколонько,
Ой щоб невиносив дівоцької краси.

Погоню за соколом мы видѣли выше в Индійском и Скандинавском миѳѣ; но „дѣвья красота" здѣсь не мед—роса, а свѣт. На сколько глубоко в древность идет внѣ почвы славянскаго преданія это видоизмѣненіе миѳа, пусть остается вопросом; в славянских пѣснях мы еще встрѣтимся с таким же или подобным.

Здѣсь пополню пропуск. Сочетаніе „отворять ворота" (болг. „отвори порти" и жемчуг, стр. 62, 54—9, VIII), Сокол и дѣвья красота (стр. 128 и 208, VIII) встрѣчается в Ю. Италіи. В Glambattista Basile, Pentamenoul, übertr. v. F. Liebrecht, I, 152, упомянута слѣдующая игра (ib. 402). Играющіе взявшись за руки образуют круг, внутри коего один, „сокол" (farcone) поет:

Aprite, aprite porte
A povero farcone,
или
Apere le porte
Ca farcone vole 'ntrare.

При этом пляшущіе кругом поднимают руки (дѣлают ворота) и поют:

Le porte stanno aperte,
Si farcone vole entrare

---

[1]) См. выше стр. 64—7, VIII, а также слѣд. веснянку:
Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам дівочки з гуляння до дому
(Чуб., III, 131).

(Ворота отворены,
Сокол может войти).

„Сокол“ старается проскочить в „ворота“. Если ему это неудалось, он остается в кругу и игра начинается снова. „Entrare“ войти, а не „uscire“ выйти, показывает, что первоначально сокол находился внѣ круга, за воротами. С этим ср. в сказкѣ (ib. 136) обращеніе к (мнимой) красавицѣ; по началу сходное с дѣтской пѣсней в дождь (ib. II, 253): „выйди, выйди, солнце! обогрѣй меня, царица, покажи свои прелести... отвори двери бѣдному соколу“. В ск. (ib. II, 197=la belle au bois dormant, Dornrose, ib. I, XV) сокол садится на окно замка спящей красавицы Таліи, вслѣд за ним проникает его господин и „срывает там плоды любви“.

Возвращаюсь к веснянкѣ „вербовая дощечка“ (стр. 99). Ассоціяція этого мотива с

Покочу я золото, золото,
А ви, хлопці, в болото и пр.

есть внѣшняя, необразующая художественнаго единства. Кромѣ тождества размѣра, она основана на том, что как ходящая по дощечкѣ, так и катящая золотой перстень, есть солнце (стр. 74 сл., VIII) и вмѣстѣ дѣвица. В „Покочу я и пр.“ она еще смотрит с презрѣніем на всѣх хлопцев без разбора; но могла быть веснянка того же размѣра, в которой катящая золотой перстень могла быть представлена так, как верба в „Ой вербо...“ (стр. 101), именно различающею между милым и нелюбом. Как бы ни было, сходный образ есть в веснянках двух других размѣров, кромѣ тѣх (4+3; 5+3), на которые до сих пор приходилось обращать вниманіе:

а) Чуб., III, 141—2; ср. Zieńkiew., 202. Размѣр $^{2}[^{2}(6)+^{2}(6$ до 8-и$)]$.

1 Ой неpости, кропе, 2. високо та й у городі; 2.
Ой неходи, старий 2. коло моїй хати, 2.

Ой нетопчи старий кудрявої мъяти.
Я того старого од роду нелюбила,
По его слідочку каменем да покотила:
Ой як тяжко-важко каменю да покотитися,
А ще тяжче-важче старому да женитися.

8=1 ... порости; 9=2 походи молоденький; 10 =3 ... потопчи м.; 11=4 ... молодого ... полюбила; 12=5 ... *персником* (v. *яблочком*).

Ой як легесенько перснику да котитися,
А ще й легше, легше молодому да женитися.

Укроп, раз посѣянный на огородѣ, сам сѣется и почти уже не выводится и заполонил бы все, если бы его не выпалывать. Отсюда это образ немилаго, надоѣдливаго. В этом смыслѣ, как ироническое изображеніе, как насмѣшка, он пара ромену (дикой ромашкѣ, мой Разб. П. Головац. 31) в веснянкѣ (или купальской?):

Окріп та ромен; Петречко умер!
Біжіте, дзвоніте, Настеньці скажіте.
Настенька біжить, серденько болить:
„Петречку серденько; невмірай раненько!"

(В. Пасек, Оч. Росс., I, 98; ср. также Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VI, 35).

Камінь, т. е. млиновий, мельничный жернов, как представленіе горя, несчастнаго супружества—Гол. III 241.

б) Ой високо клен-дерево мае...

(Метл., 115). При помощи опущеній легко возстановляется строгій размѣр 4+6. Что это веснянка, видно нетолько из содержанія, сходнаго с а), но и из того, что пѣсня с таким же началом у В. Пасека, Оч. Р., 178, названа веснянкой.

---

6. **Горѣть, горю-дуб** и пр.

Нѣкоторые вар. вышеразсмотрѣнной п. „Вербовая дощечка“ говорят о пылающей дубровѣ и ея гашеньѣ, что вызывает слѣдующее отступленіе, направленное к объясненію этого и других сродных весняночных мотивов.

Огонь — любовь. Н. И. Костомаров говорит: „общее в поэзіи других народов сравненіе любовнаго чувства с жаром, пламенем, почти чуждо малорусской поэзіи, если из области ея выбросить пѣсни недавно заимствованныя“, почти, т. к. исключеніе составляет только игра в „горюдуба“ (Истор. знач. ю.-р. пѣс. творч., Бес. 1872, IV, 64). Я же и теперь, как прежде (мое соч. О нѣкотор. симв., Харьк. 1860, 24), думаю, что малорусс. н. поэзія в этом отношеніи несоставляет исключенія.

Как вр. пословица „любовь не пожар, а загорится, непотушить“, которой нѣт повода считать заимствованной, так и мр.

Ти не пожар, 2. а я не билина;
Незводь мене из розума, бо я сиротина

(Максимович, Собр. соч., II, 511), предполагает положительное сравненіе: „любовь — пожар“. Ср. вр. „пожар неярко горит=муж (нелюбит и потому) небьет:

Ах, что этот за пожар? Он неярко горит,
Он неярко горит, только смахивает [1]);
Ах, что это за муж? молоду жену небьет . . .
(Терещ., IV, 324).

Коли палиш сіни й хату, пали й обороги;
Коли идеш до дівчини, непитай дороги.
Коли палиш сіни й хату, пали-ж и оденки;
Коли идеш до дівчини, непитайся неньки

(Гол., III, 362), т. е. „коли любиш, люби дуже“. Невполнѣ ясно, хотя несомнѣнно относится сюда же, слѣд.:

Запалю я крайну хату на всі штирі кути;
Сам незнаю, куди маю конём повернути.
Навернув бим горі селом, та немаю д'кому;

---

[1]) Т. е. *всмахивает*=вспахивает, мр. поломня *паше*.

Та неверну долі селом д'закоханю мому.
(Гол., IV, 448).

Горит (кипит) = *болит* сердце по ком; *жар* = *жаль* (от любви и вообще).

Вр. Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво серце,
Не по батюшкѣ, не ио матушкѣ,
А кипит-горит по красной дѣвушкѣ,
(Терещ., IV, 325).

Коломию запалили, Коломия горит;
Тако й мене за миленьков головонька болит.
Вигоріла Коломия, лишилися ильми;
Ой любко ма солоденька, то-ж за тобов жиль ми
(Žeg., P., II, 195; ср. Гол., II, 248, 776; IV, 463).
Вигоріла Коломия, вигоріли Кути;
Ой ми би се *по*женили (sic, вм. *не*-) коби не рекрути,

а при этом зачѣм и любовь и брак?

На що мені женитися, на що мені долі,
Коли мені в Коломиї карабин на столі?
(Гол., II, 378; ср. ib., 379).

На представленіи любви (желанья) огнем основаны нѣкоторые заговоры („присушки") и любовныя чары (мои соч. О нѣкр. симв., 32—3; Мр. п. по сп. XVI в., 21). Кипѣнье горшка [1]) с чарами производит в привораживаемом тревогу („Ой став корінь кипіти, став ся милий журити . . ." см. в моем Разб. п. Голов., 18 сл.), жар, жажду, несет его по воздуху, при чем он кричит *пить, пить* (Квітки, Конотопська відьма; Rulikowski, Opis pow. wasylkow., 165; Кулиш, З. о Ю. Р., II, 39). Отсюда видно, что представленія любви огнем и жаждою сродны. Отсюда связь между „подай пити" и „горе" (см. *канючить* в моем соч. К ист. зв., III, 19—20). Орел кричит „*пить*",

---

[1]) Сходное представленіе горя в серб.: „жена мужа коротује (=жали) колико ври земљана пињата (=глиняный горшок), кад се с огња дигне", Кар., Посл., 80.

а потому и с опущеніем этой черты его полет—образ горя (см. ib.). Тоже без объективных основаній перенесено на ворона в слѣдующей некрасивой, но довольно сложной по происхожденію пѣснѣ:

Летит ворон з чужих сторон, та крильцями фай, фай!
Як піду я з сего села, комусь буде жаль, жаль.
Летит ворон з чужих сторон, а він *неголоден*;
Ой тот буде жаловати, хто мене негоден.

(Гол., II, 358). *Фай=жаль* предполагает нижеприводимую ассоціацію *жаль=жар*; но кромѣ этого „неголоден" предполагает, что и в первом двустишіи подавлена мысль о чем-то подобном, именно я думаю, смутное воспоминаніе о „подай море пити".

Кто подает пить, утолит любовное страданье, утѣшит

Ой вийду я на улицю — солома горить;
Сюди гляну, туди гляну, — дівчина біжить.
Нехай біжить, хоть небіжить, я *води недам*:
Иди собі, дівчинонько, під зелений гай

(Чуб., III, 153). Относительно „солома" ср.:

Ой поїхав мій миленький до Львова, до Львова,
Та згоріло серце моє, як житна солома
(Гол., II, 345).

Ой учера из вечера солома горіла,
Прийди, прийди, мій миленький, бо-м ся розболіла,
А на яку розболочку? та на головочку;
Прийди, прийди, мій миленький, хоть на годиночку
(Гол., II, 322).

Сеї ночи о півночи солома горіла;
Як єм любку поціловав, аж ся розболіла
(ib., 282).

Солома палає—дивчина вмирає, Чуб., III, 134, 138.
Полонина горіла—N ся розболіла, Г., II, 437.

Ой татуню мій миленький, татуню соколе!
Недай мене в темні гори, дай мня в чисте поле:
Волію я в чистім полі соломов палити,
А ніж маю в темних горах світонька незріти

(Гол., II, 777[2]; *палити*—топить в печи, как образ печали

(см. ниже)? или же, м. б. *палати*, или стар. *політи* = ц.-сл. ст.-русс. *полѣти*, пылать как солома=горевать?).
Словац.: Videla som v lese ohňom sosnu horeť;
Može teba za mnom srdce boleť
(Sbor. Mat. Slov., II, 75).

„*Негорить—нелюбить*“, в связи с чѣм „*курить—дурить*“:
Зеленая ліщинонька негорит, ай курит;
Молодая дівчинонька нелюбит, ай дурит
(Гол., II, 809; люльку курит — дурит, Гол., I, 123).
Зеленая ліщинонька, лиш ся припалила;
Наша любов непропала, лиш ся притаïла
(ib., 810).

Это послѣднее, под вліяніем сочетанія, в родѣ „калина неспіє=козак любить, заняти несміє“, видоизмѣняется так:
Ще калина непристигла, лише попаліла;
Наша любва непропала, лиш ся притаïла
(Гол., II, 322).—
Єщем *в печі ненаклала*, а уже *ся курно;*
Я нікого *нелюбила*, люде *брешут дурно*,
(Гол., II, 820) =
Єще-м огня ненаклала, тріски ся имили;
Єще-м любка нелюбила, сусідки вчинили,
т. е. оклеветали (Гол., II, 417; III, 378).

Жар — жаль, откуда *куриться — журиться*, *димно — дивно* (в смыслѣ „печально“), мое соч. О нѣкр. симв., 24—5, 58; Гол., II, 283, 358; IV, 464). „Ватерка ся курит — дівчина ся журит“, Гол., II, 361. „Гора куриться, дівка журиться“, Гол., III, 399.

Сырыя дрова—горькій дым=горе:
Ой *закурила*, затопила сирими дровами;
Нема-ж мого Абазина з чорними бровами;
(Гол., I, 12; ср. ib., IV, 468), т. е. горе—от отсутствія милаго.

Сирові дирва—гіркий дим;
Оженив бим ся, нема с ким
(Гол., II, 235; IV, 518) =
=Сирова дрва, жугак дим;

Спала би, рожа, нймам с ким,

(Kurelac Jačke, 7).

Нѣт дыму — нѣт горя, именно там, гдѣ живет милый:

Горове, горове! то по вас дымове,

Лем там дыму нес, де мой милый жіє

(Гол., IѴ, 519),

в том смыслѣ как в вост. мр.

„Тілки мені веселенько, де моє серденько!"

Дуброва горит. Здѣсь встрѣчаются двѣ различныя точки зрѣнія.

Во 1-х, „куриться=журиться" противополагается горѣнью, при чем *горѣть—жить* (в счастьи, в добрѣ), быть засватанной, быть замужем, работать:

Осичино-березино, чом *негориш,* тільки *куришся?*
Молодая дівчинонько, чом *неживеш,* тільки *журишся?*
—Коли б же я підпалена, то-б горіла, некурилася;
Коли б мені добра мати, то-б я жила, нежурилася

(Чуб., Ѵ, 548; „добра мати": м. б. добро́ мати; = Шейн Бр., 257, гдѣ ст. 1=1 Зелёная дубровонька; 2=2 . . . удовонька; 4=4 . ., *добро было).* В моем вар. ст. 4:

—Коли б же я *засватана,* неплакала б и пр.

Ой зелена дубровонько, чом негориш, але куришся?
Ой молода дівчинонько, чом неробиш, але журишся?
Ой як би я *суха була,* горіла бим, некурилася;
Ой як би я мужа мала, робила бим, нежурилася

(Гол., I, 278).

Таким образом „діброва (суха) підпалена=дівка засватана".

Во 2-х, упомянутаго противоположенія *еще* нѣт, а *горѣть*—болѣть за кѣм, как у Островскаго:

Бастрюков. Тужить недумал, довелось тужить.
Дубровин. За что, про что сыр бор горит?
Бастр. За дѣвку.

Согласно с этим в моем соч. О нѣкотор. симв. 10—11 и у Н. И. Костом. Истор. зн. и пр. Бес. 1872, IѴ, 64, объясняется весенняя игра *„в горѣлки",* пск. *огарыши,* мр. в *горю-дуба* (Терещ., Б. Р. н., IѴ, 28, 316; Максимович, Собр. соч., II, 510; Чуб., III, 93, 101; Костом. l. c.).

В мр. игрѣ горящая, изображающая паробка, говорит: „горю, *горю* дуб (v. пень)!“ —*чого-ж* ти гориш? „красної *панни*“ и пр. В этом выраженіи („горю дуб“) именительный *дуб* может разсматриваться как предикативный, входящій в состав сказуемаго (мое соч. Из запис. по русс. грам., II, 73). Сочетаніе такого падежа с глаголами, кромѣ означающих вещественное и идеальное возникновеніе, чрезвычайно архаично [1]). Отсюда, как сложное имя—„в *горюдуба* гратись“. Этой послѣдней формы неслѣдует смѣшивать с родительным образа дѣйствія в поль. *stać dęba*, мр. „*горічерева* плисти“, „най я ся вхоплю (за сани), *гайдука* стану“ (коляд.). Родительный дополненія „красної панни“ показывает, что *горю* по значенію отнесено ко глаголам желанія, как хотіти, бажати и т. п. Игра предполагает горящій дуб (стар. *дуб* дерево вообще) как образ любви, желанія. В сродном значеніи печали или заботы и в примѣненіи к дѣвицѣ мы встрѣтили этот образ в веснянкѣ (стр. 211, VIII):

Ой горе, горе сухий дубе,
Паше полобня через води,

гдѣ подлежащее—в формѣ звательнаго, а *горе* не сущ. ср. р., а 3-е лицо настоящ. вр., как в поль. „ogień gore“; „gwałtu! gore!“ и пр. (Linde, gorzeć). Такое толкованіе согласно и с началом вар. этой веснянки, записаннаго мною от женщины из с. Рубіжні Волочан. у.:

Ой сухий дубе, гориш дуже,
Паше поломъя через воду, 2
Ой через воду на слободу, 2
Де Катерина біль білила, 2
А біль білила, шиття шила 2
Й а к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття моє, білесеньке! 2

---

[1]) Примѣров мало: „старцем (дат. мн.)... *лежю притъча* къ наказанію“, Калайд., Пам. р. слов. XII в., 46; Неубойтесь, вы родители: Не *огонь иду*, не о́божгу, Не *змъя плыву*, нео́клюю, Барс., Прич., 56.

„Ой як я пійду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаєчку, 2
„Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку". 2

Ст. 13—8 = 1—6.

19 „Ой шиття моє тонке біле! 2
„Ой як я пійду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„Висушу тебе у димнищі 2
„Та скачаю тебе на землищі, 2
„Сховаю тебе у боднищі" [1]).

Этот горящій сухой дуб, кромѣ ближайшаго символическаго значенія, может быть сближен с обрядным „дубом", т. е. высокою жердью с прикрѣпленным на верху колесом (=солнце), которая мѣстами называется именно *сухим дубом* (Максимович, Собр. соч., II, 507).

Гасить — утѣшать.

Вр. „Уж как *жарко* в теремѣ *свѣчи горят.*
Уж как *горько плачет* свѣт Аннушка,
Унимает её родной батюшка

(Сах., Ск. Р. н., ч. 3, 143).

Т. о. свѣча горит—страдает. В силу такого представленія, в серб. о свѣчѣ горѣвшей на „крсно име", вм. *угаси*, говорится *уђеши, обесели* свиjећу [2]), как и в вр. *засмирить* (и закротить) свѣчу перед образом — потушить. Сходно с этим в болг. п. головня гаснет = горе забывается. Мать на вопрос сына, попавшаго в неволю, жалѣет ли она его, отвѣчает (разм. 5 + 3):

Жалим те, сину, нежаля́,
Яз ке те скоро прижаля́:
Кога ке гламня [от вогень] изгасне,
Тогай ке те яз прижаля́

(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 239).

---

[1]) *Бо́дня*, липовка.
[2]) Ср. серб. „загасити ране", Кар., П., II, 218.

Так как „горка горицъ калінка = жалка плачицъ N (дѣвица, Этн. Сб., III, 186), то гасить калину = утѣшать дѣвицу. Бр. *свадеб.*, того же весняночнаго размѣра 5 + 3:

За(v. раз)гарелася калінка,
(Ды) в цёмным лузє стоячи,
Дробныє іскаркі ронючи.
(Да) гасів (v. тушыв) ветрик, нівгасів,
Па полі іскаркі разнасів.
„Ой гари, калінка, нігари,
„(Я) болєй гасіць нябуду.
„Я ж цябє, калінка, нівтушу,
„[Толька] болєй іскаркі разнашу;
„Угасіць цябе дробный дощ,
С под цёмной хмары ідучи.

—

Расплакалася дзєвачка,
Піряд татулькам стаючи.
Унімав татулька, ніуняв,
Болєй жаласці єй задав.
(Ой) плач, дзєвачка, (чи) ніплач,
Болєй унімаці нябуду.
Унімя цябє чужына,
Ўся малайцова радзіна:
З лєвага боку татарин,
С правага боку татарка;
З лєвага боку малойчик,
С правага боку сваціца
(Ды) малайцова сястрица

(Гильтебр., 274—5; Этн. Сб., 226—7; мною приведено с небольшими поправками). Сравненіе невполнѣ выдержано, т. к. луг = батько (как в мр. „темного лугу калина = доброго батька дитина) но он же и вѣтер.

В силу уже упомянутаго выше (стр. 108) пріёма (субстанціяціи образа, его обособленія, отдѣленія от обозначаемаго, представленія его обстановкой обозначаемаго), можно бы ожидать перехода образа, заключеннаго в этой пѣснѣ, в такой: под горящею калиной сидит дѣвица и

плачет. Именно такого образа ненахожу, но есть сходный в извѣстной п. „Ой вийду я на шпилёчок = Ой зійду я на могилу“.

Долина глибока, а *калина* висока,
Аж до землі *віти гнуться*.
А під тою калиною . . .
Стояла *дівчина, плакала—ридала*,
Аж по личку слёзи ллються.

Эти соображенія объясняют ближайшій символическій смысл слѣдующей пѣсни, широко распространенной и обыкновенно, не без основанія, считаемой весьма древнею (разм. 5 + 3):

А. *Хорватская* (Kurelac, Jake, 295).

Зелена липа горила,
Под њом je мила сидила,
Искре су на њу падале,
Да су все птице плакале.

Из стихов, идущих в слѣд за этими, видно, что рѣчь— о невѣстѣ, которая плачет, п. ч. ее отдают далеко замуж:

Кад су се по њу возили (т. е. сваты),
Зуз пут су туће (=дуње) садили;
Кад су се назад возили,
Зреле су туће тргали,

ибо из такой далекой стороны были сваты (см. стр. 20—1). Далѣе:

Невиста се je плакала,
А залва jу je толила:
„Неплачи се ти, невиста!
„Три крат сам даље пељана,
„Још се нис' тако плакала“.

Очевидно, „липа = невиста“, „горила=плакала“, при чем можно бы ожидать „толила“ (=утѣшала)=гасила.

Б. *Чешск., морав., словен.* (Suš., Mor. p., 641; Erb., P., 476):

Hořela lipa, hořela,
Panenka pod ňo seděla,
Jiskerky na ňu padaly,

Mládenci o ňu plakali,
Jenom ten jeden neplakal,
Co jí prstenky posmekal.

„Mládenci", т. е. холостые; кто поснимал прстни, тот жених, о коем в другом вар.: ... neplakal,

Kery jiskerky polapal,

т. е. охранял, утѣшал.

B. *Польская*:

Gorzała lipka, gorzała,
Dziewcyna pod nią lezała,
Iskierki na ňie padały,
Bez kośulke je parzały.
Jasiowi (=жениху) je było zal,
Az je chustecką przyodział

(Kolberg, Lud, I, Sandomir., 128; Roger, Pieś. l. w Górn. Szląsku, 90, гдѣ и вар.:

Zgorzała lipka i korzeń;
Tyś mnie, syneczku, niegodzien...
Moja szateczka ze złota,
Toś (ty-ś?) mi ją (w)deptał do błota.

„Syneczek"—молодец, жених. Противоположеніе „золото—болото" (дѣвство — замужество) см. выше (100) в веснянкѣ.

Pod borem sośnia stajała
A pod nium panna gorzała
Iskry na nią padały,
Suknia na niej gorzała
(Или: Stoi panna pod brzozą,
Skwirki na nium padają
Sukni na nium gorzeją)
Przyjechał do niej młody pan,
Zarzuciul na nią swój zupan:
Siadaj, panno, koń gotowy...

(Kozłowski, Lud, 59—9). Самим поющим было понятно, что спаситель есть и увозчик. Поэтому к этому мотиву присоединен свадебный того же размѣра (в ст. 1—2) и значенія:

U nasy pani gęsty sod,

Nieprzeleci tom zoden ptok,
Tylko jeden malusieńki
Do nasy-to Kasiuleńki
na obiod,

о котором выше, стр. 126, VIII.

В другом вар. к дѣвицѣ под горящею сосною приѣхал „stary pon,
I rzucił na nium swój zupon.

Это означало сватовство, или предложеніе любви, ибо дѣвица отвѣчала:

Niedom ci wionyszka,
Bo-m młoda dziweczka,
ty-ś stary.
Przyjechał do ni młodzieniec
I prosił ci jom o wieniec.
—Wisi ich hajno sześć,
Wybieraj że, chtórny chcesz,
boś młody

(Kolb., Lud, III, Kujawy, 277; ср. 294—5).

Г. Из мр. веснянок ближе всѣх к предыдущим угорско-русская, по видимому, предполагающая сходную словенскую.

Червена ружа горіла, горіла,
Пôд нев біла діва сиділа, сиділа,
В решеті воду носила, носила
[И] червену ружу гасила, гасила.
Кôлько в решеті водиці, водиці
Тôлько в милої правдиці, правдиці
(Гол., IV, 187.

Повтореніе послѣдняго трехсложнаго метра считаю здѣсь и в других случаях болѣе первообразным, чѣм размѣр 5 + 3 без такого повторенія [1]).

---

[1]) Горіло поле, горіло,
А я ж молода тушила, 2.
Решетом воду носила.
Скилько в решеті водиці

Ближайшее значеніе этого образа, именно, что „в милої“ „не вся щира правда“, видно из сочетанія сходнаго образа с другим: горе милаго, взятаго в рекруты, изображено разливом; а равнодушіе милой тѣм, что она при этом стоит на берегу и заботится о своей безопасности; непосредственно вслѣд за этим мотив другого размѣра:

„Де ти тогди, мила, стояла,
„Коли дубровонька палала?
—Я в решеті воду носила
И нёв дубровоньку гасила

(Гол., III, 390; мой Разб. пѣс. Головац., 86—8). Эти стихи взяты из веснянки размѣра 5+3 и присоединены к пѣснѣ размѣра 4+4 („Де ти мила пробувала“ или „Десь ти мила пробывала, Коли вода луги брала“) только по сходству значенія образов разлива и пожара. Слѣд размѣра 5+3+3 виден и в слѣдующей коломыйкѣ (разм. 8+6) такого же значенія:

„Бо що же ти дівчинонько гадала, гадала,
„Та як тота Коломыя палала, палала?
—Я гадала, мій миленький, гасити, гасити,
Та немогла я що найти, щоб воду носити
(Гол., II, 248).

Как в одном семействѣ пѣсень (мр., бр., серб., болг. и др.) молодец ставится в извѣстное положеніе (его убивает стрѣла, камень и т. п.), чтобы показать превосходство материнской любви над любовью сестры и жены, или—силу любви милой [1]); так в веснянкѣ (=купальской) ставятся

Стилько в дівчаток правдиці;
Скилько в решеті дірочок,
Стилько хлопцям болячок (Чуб., III, 162).

[1]) В комическом свѣтѣ изображается отношеніе дѣвицы к молодцу в слѣдующей купальской п., пародіи неизвѣстнаго первообраза:

Летіло полело (?) через наше село,
Стало спочивати на Йванковій хаті.
Иванова хата запалилася,
Йванові голова засмалилася,

в опасное положеніе отец, мать и будущіе свекор и свекровь, чтобы показать как различно относится к ним дѣвица:

(Да) загоревся щиры бор,
А у том бару татка мой
Мы пайдзём бор тушиці,
Ушатам ваду насіці.

Далѣе для матери носят кадками, но для свекра рѣшетом, для свекрови чепцом (Шейн, Бр. п., 165, N 256; пѣвица соединила в одну пѣсню двѣ различныя, по сходству образов). Болѣе древнее значеніе образа (горящая дуброва, калина, липа, сосна, поле = дѣвица), выше затемненное примѣненіем к отцу (бор, как мр. луг = отец), а еще болѣе к матери и свекрови, находим в слѣдующих веснянках:

А. „Де ви, парубоньки, бували, бували,
„Як сі (v. ті) дубрівоньки *палали*? 2.
— Ой, а ми диброви *гасили*, 2.
Решетом воду *носили*, 2.
(„Кілько в решеті *водиці*, 2.
„Тілько в парубках *правдиці* 2.)

7—9 = 1—3 ... паняночки ...; 10 = 4, Цебрами (коновками); 11 = 5 ... в цебрику ...; 12 = 6 ... в панянках (сводный варіант из Голов., II, 179—80, 183 и нижеуказанных).

В этом видѣ пѣсня дает тот смысл, что к горю дѣвиц (или, м. б., к их любви) лишь сами они относятся искренно, а паробки — равнодушно. Я думаю, что этим противоположеніем исчерпывалась болѣе древняя пѣсня и что за позднѣйшую амплификацію, предполагающую забвеніе основного значенія образа, слѣдует считать то, что в вар. у Гол. II 180 старыя бабы тушат дуброву чепцами, дѣды - капелюхами (sic вм. рѣшетами).

Б. Ішла дівонька *через бур* 2.
На юй суконька *в девять пул*, 2.

А Павлинка з радощами
Носить воду пригорщами (Чуб., III, 205).

Стала суконька *сяяти*, 2.
(v. сіяти, маяти, шастіти, бр. шамреці)
Стала дуброва *палати*. 2.
(v. горіти, бр. гареці).

Такое начало, разумѣется, кромѣ звуковых измѣненій, можно считать общим для нѣскольких варіантов. Мн. ч. „ішли дівоньки ... на них суконьки“, в виду предполагаемой миѳической основы образа, считаю позднѣйшим. Здѣсь, как и во многих других случаях, — раздвоеніе одного и того же явленія на дѣвицу, зажигающую дуброву сіяніем своей одежды, и на зажигаемую дуброву.

За тѣм нѣкоторые вар. продолжают сходно с вар. А:

Іділ, парубки, *гасити*, 2.
Решетом воду *носити*, 2.
Скільки в решеті и пр.
... Іділ. дівочки, гасити,
Кубочком и пр.

(Костомар., Истор. Зн. и пр., Бес. 1872, IV, 65; Чуб., III, 36—7; свадебная ib. IV, 425; Шейн, Бр., 165, N 256, гдѣ амплификація: „жоночки ... чепцами“).

В одном вар. слѣдуют стихи:

Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носитн.
Як *у віночку роса* єсть,
Так у дівоньки правда єсть

(Ю. Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 132, Чт. в Об. Ист. и Древ. 1873, IV). Этот вар. возвращает нас к вышеразсмотрѣнпой (стр. 117 сл., VIII) ассоціаціи *роса—дѣвичья краса*, с тою разницею, что вмѣсто косы здѣсь вѣнок, принадлежность дѣвицы и представляемой дѣвицею богини (зори? восходящаго, заходящаго солнца? ср. стр. 115, VIII). Этот мр. вар. подтверждается словенскою (Шариш. комит.?) купальскою п., которую я могу привести с незначительными поправками лишь по испорченной транскрипціи, Терещ., Б. р. н., V, 62:

Червены погар гори
С червеными ягодами.

А кто же го гасицѣ будзе,
Кедь там паробков небудзе?
Красне дѣвочки го гася,
В вѣночках воду нося:
Кело в тым вѣночку воды,
Тело в дѣвочце цноты

9—11=1—3; 12=4 . . . дѣвочек . . .

Красни паробци го гася,
В покретках воду нося:
Кело в тей покретце воды,
Тело в паробках свободы.

Выше (стр. 100) упомянуто, что мотив

Вербовая дощечка, дощечка,
Ходит по ней *Настечка*, 2
На всі боки леліє и пр.

сочетается с мотивом „дуброва горит", так что продолженіем только что указанной пѣсни служит

Гдесь, Настечко, *бувала* 2.
Як дуброва *палала*? 2.
Решетом воду *носила*, 2.
Дубровочку *гасила*. 2.
Кілько в решеті *водиці*, 2.
Тілько в хлопців *правдиці*; 2.
Кілько в ситі *дірочок*, 2.
Тілько в хлопців *болячок* 2.

(Гол., IV, 160).

Здѣсь в 3-м и 5-м стихѣ „решетом", „в решеті" нарушает размѣр 4+3+3. При том, если дѣвица решетом воду носила, то, значит, она нехотѣла гасить дубровы (см. стр. 129), в ней, а не в хлопцах, нѣт правды. Это противорѣчіе и в вар. у Голов. II, 684. Болѣе первообразным кажется вар. у Шейковскаго, Быт Подолян, I, 15 (=Чуб., III, 81; ср. Метл., 297—8).

[А] вербовая *дощечка*, 2.
Там ходила *Настечка*, 2.
[Та] цебром воду *носила*, 2.
Діброноньку *гасила*. 2.

Кілько в цебрі *водиці*, 2.
Тілько дівкам *правдиці*; 2.

(т. е. много)

Кілько в цебрі *дзюрочок*,
Тілько дівкам *болячок*, 2.

(т. е. нисколько). Послѣ этого вставлен мотив, в болѣе первообразном и понятном видѣ, напечатанный у Гол., II, 684 „Що вступлю...“ („дівочкам—каша з маслом, с гусячою лапкою). Затѣм ст. 9—12 = 1—4 ...*решетом*... (ситом?).

13 Кілько в решеті (ситі?) водиці,
Тілько парубкам (хлопцям?) правдиці;
Кілько в решеті (ситі?) дзюрочок,
Тілько парубкам (хлопцям?) болячок.

Далѣе вставной мотив „Що вступлю...“ (парубкам каша з червяками, з жабячою лапкою).

Относительно встрѣчаемаго здѣсь и выше сближенія вода=правда, объясняемаго посредством сравненій вода=рѣчь, рѣчь (слово)=правда, см. мой Разб. пѣс. Головацк. 64 слѣд. [1]). Этот ряд сравненій сходен с другим: лист древесный (как шумящій)=слово=правда или ложь (О связи нѣкотор. представленій, 18, сл, Фил. Зап. 1864).

В одном из приведенных уже (стр. 131—2) вар. дано сочетаніе „горящая дуброва — вѣнок („дѣвичья краса“)— роса — правда“.

---

[1]) Приведенное l. c. сравненіе
„В тебе тілько уцтивости, як в каміню води“
(Гол., II, 753), сродно со слѣдующим:
Разыгравсе Юрьяв конік,
Разбів камень капыцейком.
В том камені ядзерка нет,
У [наших] дзецюков правданькі нѣт.
5=1, 6=2 ...*арех*...
В том ареху ядзерка єсць,
У [наших] дзевачак правда єсць
(Весеньняя или петровочная, Шейн Бр. п. 125.

...Стала диброва горіти,
Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носити:
Як *у віночку роса* єсть,
Так у дівоньки *правда* єсть.

Еще раньше было разсмотрѣно сочетаніе „сокол выносит красу—росу“ (стр. 122, 227 VII), при чем встрѣтилось выраженіе: Парубоцька краса в огні погорає.

Нижеслѣдующія серб. п., тожественныя по размѣру 6+6 с мр. семейством веснянок, к коему принадлежит это выраженіе, указывают, б. м., на связь этих сочетаній. Они, б. м., дают основаніе думать, что в польской пѣснѣ к образу „горящая дѣвица“ присоединен образ сокола перелетающаго через ограду сада (стр. 128) не только по сходству значеній этих образов, по отношенію их к браку; но и по болѣе древней связи черт, их составляющих. В серб. п. сокол гасит горящій лѣс и горит сам:

Вишња затрепета, залелија гране,
А сокô бесједи: „нетрепеђи вишњо,
„Нетрепеђи, вишњо, нелелијај гране! [1])
„Брзо ђу одлетит у гору зелену,
„У гору зелену, на јелово грање“.
Сокô гору гаси, крила му се пале,
Сокô крила гаси, очи му се пале,
Сокô очи гаси, а дјевојку [2]) куне:
„Ој дјевојко војко! [3]) дуго дјевовала,
„Дуго дјевовала, па се неудала,
„И кад га удала, сређе неимала,
„Сређе неимала, чеда неродила,
„И кад га родила, све црно носила.
(Vienac Kačiću Miošiću, 157).
Соко гнездо вије у јеловој гори,

---

[1]) Ср. „Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко...
[2]) Виновница горя.
[3]) =воћка, плодовое дерево.

У јеловој гори, на јеловој грани;
Соколу долазе из горе гусари [1]):
„Издај нам, соколе, Јанину планину,
„А ми ћемо тебе из села девојку“.
Ал' је то зачула из села девојка,
Брже је скочила, гору запалила.
Горела је гора три дни и три ноћи,
Док је догорела соколу до гнезда.
Соко гнездо гаси, а девојку куне:
„Ој дево, девојко! млого девовала,
„Млого девовала, мало невовала,
„И што невовала, и то боловала!“

(Кар., Пјес., I, 487).

А. Потебня.

(Окончаніе будет).

---

1) Ст.-серб. *гуса*=ср. лат. cursa, incursio, *гусар*, cursarius (откуда корсар), praedo.

В. В. Макушевъ.

Недавно Варшавскій Университетъ и Славянская наука понесли тяжелую утрату: 2-го марта сего 1883 года скончался въ Варшавѣ на 46 году отъ рожденія ординарный профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ литературъ, докторъ славянской филологіи, Викентій Васильевичъ Макушевъ; онъ былъ также членомъ-корреспондентомъ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, членомъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Общества, Болгарскаго Литературнаго Общества и Сербскаго Ученаго Общества.

В. В. Макушевъ родился въ Брестѣ-Литовскомъ 10 ноября 1837 г. Отецъ его, тогда инженерный чиновникъ 12 класса, состоялъ въ особой комиссіи для постройки Брестъ-Литовской крѣпости. Мать В. В. была полька и происходила изъ виднаго шляхетскаго рода Михаловскихъ, она была дочерью начальника Люблинскаго воеводства. Въ первомъ бракѣ она была за гвардейскимъ капитаномъ бывшихъ польскихъ войскъ Домбровскимъ, который былъ убитъ въ началѣ возстанія 1830 г. Послѣ этого она бѣжала изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскъ къ своему родственнику, коменданту Брестъ-Литовской крѣпости, генералъ-лейтенанту Ляховичу, гдѣ и познакомился съ ней отецъ Макушева. По словамъ покойнаго, она имѣла характеръ добрый и уступчивый, а отецъ, лишь въ семействѣ проявлявшій свой деспотичный нравъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ достопочтенный, — большой труженикъ и знатокъ своего дѣла, безкорыстный, русскій патріотъ, добрый и снисходительный къ товарищамъ и знакомымъ. Прекрасныя душевныя качества родителей отра-

зились и на сынѣ. В. В. всю свою жизнь отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, патріотизмомъ, сердечною добротою, ласковостью въ обхожденіи и привѣтливостію.

Сознательное дѣтство М. провелъ въ Варшавѣ, куда отецъ его посланъ былъ для постройки Александровской цитадели. Въ цитадели сверстники В. В., польскіе мальчики, издѣвались надъ его именемъ, что очень раздражало впечатлительнаго мальчика. Въ послѣднее время онъ часто вспоминалъ объ этомъ и разсказывалъ для смѣха. Въ Варшавѣ М. пробылъ до 1846 г. Скоро онъ остался круглымъ сиротой: въ 1847 г. умеръ отецъ его въ Петербургѣ, а въ 1848 г. тамъ же скончалась и мать. По случаю холеры и происшедшей отъ того сумятицы въ городѣ, М. не могъ скоро выправить свидѣтельство для погребенія матери на католическомъ кладбищѣ и принужденъ былъ похоронить ее на православномъ. Это была первая крупная непріятность въ самостоятельной жизни покойнаго. Послѣ онъ нѣсколько лѣтъ тревожился, чтобы не вышло за то новыхъ непріятностей.

Оставшись сиротою, М. принятъ былъ пансіонеромъ въ Ларинскую (IV) гимназію. Въ пансіонѣ онъ скоро обнаружилъ особенную любовь къ занятіямъ науками и нерасположеніе къ искусствамъ — чистописанію, гимнастикѣ рисованію и танцамъ. За небрежное отношеніе къ послѣднимъ онъ выносилъ щелчки и пинки преподавателей, а иногда выставлялся и на общее осмѣяніе. Такъ, во время вечернихъ танцевъ, обыкновенно становился онъ позади всѣхъ къ лампѣ и, когда другіе дѣлали разные па, читалъ книгу. Если учитель замѣчалъ это, то выводилъ М. на средину залы и заставлялъ одного продѣлать разныя движенія ко смѣху всего класса. Такое отношеніе еще болѣе не располагало М. къ не любимымъ занятіямъ, и онъ все болѣе и болѣе предавался книгамъ, въ особенности же онъ любилъ заниматься исторіею Россіи и русской литературой. Рвеніе къ занятіямъ науками въ это время нашло еще поддержку въ похвалѣ, которой онъ удостоился отъ Государя Николая Павловича, въ присутствіи

котораго М. читалъ въ классѣ наизусть какіе то стихи. Въ высшихъ классахъ гимназіи, подъ вліяніемъ учителя русской словесности Карелкина, ученика Срезневскаго, М. началъ заниматься изученіемъ Славянъ. Въ гимназической библіотекѣ онъ нашелъ большой запасъ книгъ по этому предмету на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и прочиталъ все, такъ что на первыхъ курсахъ въ университетѣ не слыхалъ почти ничего для себя новаго.

Изъ гимназіи М. вышелъ съ солиднымъ запасомъ знаній по предметамъ гимназическаго курса; свободно читалъ по латыни, по французки и по нѣмецки, учился также англійскому и итальянскому языкамъ. Знаніе новыхъ языковъ онъ пріобрѣлъ помимо классныхъ занятій, которыя шли плохо, по незнанію преподавателями русскаго языка; М. изучилъ ихъ по разнымъ самоучителямъ.

Въ университетѣ М. обучался на историко-филологическомъ факультетѣ и спеціально занимался славянской филологіей подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго, вліяніе котораго отразилось на всей послѣдующей ученой и литературной дѣятельности покойнаго; Ср., по словамъ М., удержалъ его отъ славянофильскихъ увлеченій и пріучилъ къ серьезнымъ занятіямъ по источникамъ, къ провѣркѣ чужихъ изслѣдованій собственными изысканіями. По предложенію Срезневскаго, Макушевъ сначала занялся изученіемъ народной словесности Славянъ, а потомъ изученіемъ Славянскихъ древностей. Особенно онъ увлекался этнографической частію Славянскихъ древностей, не написанною Шафарикомъ, и прочемъ всѣ сказанія иностранцевъ VI—XII в. (Византійцевъ, Латинскихъ лѣтописцевъ и Арабовъ) о бытѣ и нравахъ Славянъ. Этими свѣдѣніями онъ воспользовался для диссертаціи на золотую медаль „Сказанія иностранцевъ VI—X в. о бытѣ и нравахъ Славянъ“, (медаль получилъ въ 1860 году, при окончаніи университетскаго курса). Диссертація напечатана была въ 1861 году и, какъ трудъ оригинальный и талантливый, быстро разошлась, такъ что уже давно составляетъ библіографическую рѣдкость. Другой университетскій трудъ М.

напечатанъ былъ раньше перваго, въ Сборникѣ, издаваемомъ студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета (вып. II, 1860 г.) подъ заглавіемъ: Филологическій разборъ числительныхъ именъ. Изслѣдованіе П. I. Шафарика. Переводъ съ чешскаго съ предисловіемъ переводчика объ изслѣдованіяхъ по тому же предмету Нѣмецкихъ и Русскихъ ученыхъ.

Изъ университета Макушевъ вышелъ съ обширными знаніями по славянству. Кромѣ трудолюбія покойнаго было и еще обстоятельство, содѣйствовавшее успѣшности занятій. Не смотря на свое сиротство и необезпеченность, М. не имѣлъ нужды тратить время и силы на дешевые уроки,—во время студенчества онъ жилъ домашнимъ учителемъ въ домѣ князя М. В. Кочубея на всемъ на готовомъ. Съ Кочубеемъ же М., тотчасъ по окончаніи курса, отправился и за границу, гдѣ пробылъ годъ, живя въ Берлинѣ, въ прирейнскихъ городахъ и въ Парижѣ. Привольная жизнь въ домѣ Кочубея, давши М. возможность посвятить все время научнымъ занятіямъ, имѣла и дурныя для него послѣдствія, отъ которыхъ онъ не могъ избавиться до конца жизни.

Проживши нѣсколько лѣтъ въ роскоши и усвоивши барскія привычки, М. сталъ искать такого общественнаго положенія, въ которомъ легче можно бы удовлетворить нажитыя привычки. Для этого онъ избралъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. При избраніи такой карьеры, по всей вѣроятности, играло нѣкоторую роль и честолюбіе покойнаго, которое, какъ казалось ему, здѣсь всего скорѣе могло быть удовлетворено. Макушевъ въ 1861 г. поступилъ въ Департаментъ сначала канцелярскимъ чиновникомъ, а потомъ столоначальникомъ въ Турецкомъ отдѣленіи по Славянскому отдѣлу. Начальникомъ Турецкаго отдѣленія былъ тогда извѣстный славистъ А. Ѳ. Гильфердингъ, которому М. и приписывалъ инициативу избранія дипломатической карьеры. Но къ дипломатической службѣ М. не имѣлъ ни призванія, ни даже какой либо подготовки. Проживши сначала семь лѣтъ въ пансіонѣ, потомъ пять лѣтъ у Кочубея,

М. совершенно не зналъ дѣйствительной жизни, ея тревоненій и мелочей, въ которыхъ никакъ не могъ разобраться и отличить важное отъ не важнаго. Кромѣ того и характеръ покойнаго — прямой, не умѣвшій ничего скрывать и держать въ тайнѣ, напротивъ все и всегда выкладывавшій наружу, вовсе не согласовался съ званіемъ дипломата. Онъ могъ быть только усидчивымъ работникомъ, какимъ и заявилъ себя сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Дубровникѣ, куда онъ посланъ былъ въ началѣ 1862 г. секретаремъ консульства и гдѣ въ отсутствіе консула два раза управлялъ консульствомъ. По словамъ покойнаго, въ Дубровникъ послали его на исправленіе, предупредивъ консула, что ѣдетъ къ нему безпокойный, даже страшный человѣкъ. Консулъ встревожился, но, увидѣвъ въ пріѣзжемъ маленькаго, щедушнаго человѣка, совершенно успокоился. Въ Дубровникѣ М. пробылъ до конца 1865 г.: при натянутыхъ отношеніяхъ къ одному значительному чиновнику Министерства, М. потерялъ надежду на скорое повышеніе и поправленіе своихъ денежныхъ дѣлъ, а потому, возвратившись въ Петербургъ, въ началѣ 1866 г. онъ вышелъ въ отставку.

Поселившись съ 1866 г. въ Петербургѣ, М. всецѣло посвятилъ себя учено-литературной дѣятельности, къ которой только и былъ подготовленъ своимъ воспитаніемъ и которой не оставлялъ и въ Дубровникѣ. Тамъ онъ составилъ „Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Дубровницкою республикою“ и напечаталъ въ Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Ун. (1865 г., кн. 3), подъ заглавіемъ: Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою (Дубровницкою) республикою. Историческій очеркъ съ приложеніемъ матеріаловъ и двухъ плановъ. Вошедшіе сюда матеріалы М. извлекъ изъ рукописей Францисканской библіотеки, изъ Архива консульства со временъ Екатерины II и изъ частныхъ рукописныхъ собраній, находящихся въ Рагузѣ.

Первыми литературными трудами М. въ 1866 г. бы-

ли статьи о югославянскихъ земляхъ, печатавшіяся тогда въ Русскомъ Вѣстникѣ и Литературной Библіотекѣ, статьи, надѣлавшія много шуму и раздражившія затронутыхъ въ нихъ лицъ. Въ это же время М. готовился къ магистерскому экзамену и писалъ магистерскую диссертацію. Диссертація напечатана была въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника", и впослѣдствіи удостоена была Уваровской преміи. Какъ эта работа, отличающаяся самостоятельностью, такъ и предшествовавшіе труды М. не могли не обратить на него вниманія знатоковъ дѣла. Тогда же бывшій профессоръ Одесскаго Университета, извѣстный славистъ В. И. Григоровичъ съ восторгомъ отзывался о „возникающемъ ученомъ" и сдѣлалъ М. предложеніе занять свою каѳедру въ Одессѣ, но дѣло почему то не уладилось. Въ послѣдствіи (въ 1871 г.), Григоровичъ опять предлагалъ Макушеву ординатуру въ Одесскомъ Университетѣ и для этого обѣщалъ дипломъ почетнаго доктора, но это предложеніе дошло до М., когда онъ уже сдѣлался профессоромъ въ Варшавѣ.

Послѣ защиты магистерской диссертаціи (16 октября 1867 г.), М. съ 22 февр. 1868 г. командированъ былъ за границу на два года для приготовленія къ профессорскому званію; но въ командировкѣ онъ пробылъ дольше, именно до 1 марта 1871 года. Отправившись въ Италію чрезъ Кенигсбергъ, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ Византинологомъ, профессоромъ Гопфомъ, и пріобрѣсть необходимыя свѣдѣнія объ Итальянскихъ архивахъ и публичныхъ библіотекахъ, М. скоро черезъ Бреславль, Вѣну и Загребъ прибылъ въ Венецію, гдѣ въ теченіи 10 мѣсяцевъ работалъ ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 пополудни въ большомъ Архивѣ, Библіотекѣ св. Марка и Музеѣ Коррера, спеціализируя свои занятія на исторіи Дубровника. Собирая памятники преимущественно по Дубровницкой исторіи, М. въ тоже время не пропускалъ матеріаловъ и для древнѣйшей исторіи Южныхъ Славянъ, для исторіи Россіи и Польши.

Оставивъ Венецію, М. ѣздилъ въ Миланъ, въ Туринъ, въ Геную, во Флоренцію, въ Неаполь, въ Палермо, въ славянскія колоніи въ графствѣ Молизскомъ, въ Бари, въ Анкону, въ Мантую, въ Болонью. Во всѣхъ этихъ городахъ и мѣстностяхъ М. работалъ въ архивахъ и библіотекахъ, разыскивая и извлекая матеріалы, преимущественно по исторіи Дубровника, по которой не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшаго памятника, но вмѣстѣ съ этимъ онъ не обходилъ матеріаловъ по исторіи Болгаръ и другихъ южныхъ славянъ. Возвратившись въ Венецію М. работалъ еще 8 мѣсяцевъ, занимаясь спеціально исторіею Албаніи, для чего собралъ большой матеріалъ; собралъ также не мало матеріала и для исторіи Грековъ, Турковъ и Мадьяръ. Въ эти три слишкомъ года, М. собралъ до 20,000 документовъ, начиная съ XII в., которые въ печати могли бы умѣститься не менѣе какъ въ 10 томахъ, по 400—500 стр. въ каждомъ. Эти матеріалы большею частію на языкахъ латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ и испанскомъ; на славянскихъ же нарѣчіяхъ—русскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и польскомъ самое незначительное число. Изъ всего этого громаднаго матеріала, М. успѣлъ напечатать только два тома, остальное осталось не изданнымъ.

Занимаясь собираніемъ матеріаловъ, М. не оставлялъ и литературной дѣятельности. Онъ или давалъ отчеты о своихъ архивныхъ работахъ, указывая на значеніе собираемаго матеріала (Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для Славянской исторіи въ Зап. И. А. Н. 1870 г. и Прилож. къ XIX т. З. А. Н. N 3 и 4 1871 г.) или же на основаніи ихъ составлялъ статьи, которыя печатались въ Русск. Вѣст., Ж. М. Нар. Пр. и Зап. Ак. Н.; изъ нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе обширная монографія, подъ заглавіемъ „Самозванецъ Степанъ Малый“ (выдавшій себя въ Черногоріи за Импер. Петра III и воевавшій съ Турками), составленная на основаніи богатаго собранія источниковъ, найденныхъ въ Венеціанскихъ архивахъ и библіотекахъ.

Справедливо цѣня такіе труды, многіе наши университеты считали за честь имѣть въ своихъ корпораціяхъ такого знатока славянства, какимъ заявилъ себя въ это время Макушевъ. Сначала сдѣлалъ ему предложеніе Харьковскій Университетъ на мѣсто П. А. Лавровскаго, назначеннаго тогда ректоромъ Варшавскаго Университета, потомъ Григоровичъ звалъ его въ Одессу, за симъ П. А. Лавровскій въ Варшаву, послѣ этого было опять приглашеніе въ Одессу и въ Казань, но Макушевъ остановился на Варшавѣ и болѣе не принималъ никакихъ приглашеній.

Послѣ назначенія въ Варшавскій Университетъ (экстраординарнымъ профессоромъ съ 1 марта 1871 г., ординарнымъ сдѣлался въ 1872 г.) М. скоро приступилъ къ чтенію лекцій. Обыкновенно онъ въ теченіи двухъ лѣтъ прочитывалъ полный курсъ Исторіи славянскихъ литературъ въ связи съ исторіею народа и языка, въ этотъ курсъ входила и славянская діалектологія и частію даже славянскія древности. Такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ студенты III и IV курсовъ пріобрѣтали отъ него энциклопедическія познанія въ области славянства. Но, считая необходимымъ познакомить своихъ слушателей съ своею наукою въ полномъ ея объемѣ, М. въ тоже время пріучалъ ихъ и къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, излагая ежегодно извѣстную часть курса подробно, съ критическою оцѣнкою источниковъ и пособій. При этомъ онъ поступалъ такъ: что прежде читалъ подробно, то позже излагалъ кратко, и наоборотъ; о чемъ печаталъ, о томъ только упоминалъ, исправляя и дополняя въ случаѣ нужды. Такимъ образомъ у него соединялся общій курсъ съ спеціальнымъ, и притомъ каждый годъ былъ особый курсъ, отличный отъ курсовъ предыдущихъ годовъ.

При чтеніи тѣхъ и другихъ курсовъ М. не полагался на авторитеты и каждую лекцію обработывалъ самостоятельно, о каждомъ вопросѣ имѣлъ свои собственныя мнѣнія. Отъ того лекціи стоили ему большаго труда, на обработку ихъ онъ тратилъ почти все свое время. Эти

лекціи излагались сжато, точно и ясно, безъ всякихъ риторическихъ украшеній, и отъ того онѣ были иногда скучны, утомительны, но зато въ каждой изъ нихъ можно было найти или новое свѣдѣніе, никому еще неизвѣстное, или новый взглядъ, новое мнѣніе. Какъ выдержки изъ университетскихъ чтеній, представляютъ слѣдующія напечатанныя имъ въ разныхъ изданіяхъ статьи: Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в. (1872 г.); Болгарія подъ Турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ (1872); О проніи въ древней Сербіи (1874 г.); Восточный вопросъ въ XVI и XVII ст. (1876); Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка (1876); Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность (1876); Чтенія изъ старочешской письменности (1878 г.); Станиславъ Трембецкій (1878); Забытый польскій поэтъ (1878); Андрей Товіанскій (1878 и 1882 г.); Чтенія о старо-польской письменности (1881 г.). Что именно каждый годъ читалось имъ въ Университетѣ—видно изъ программъ, которыя ежегодно печатались въ Университетскихъ Извѣстіяхъ.

Смотря на студентовъ какъ на своихъ младшихъ братьевъ по наукѣ, М. обращался съ ними по-братски и старался услужить имъ и помочь совѣтами, указаніями, книгами. Для пріученія къ самостоятельнымъ трудамъ, онъ велъ съ ними практическія занятія и обязывалъ каждаго изъ нихъ представить въ теченіи года письменную работу на одну изъ задаваемыхъ тэмъ. Въ числѣ представленныхъ работъ попадались иногда очень замѣчательныя и выдающіяся, которыя наполняли искреннею радостію сердце учителя. Такъ восхищали его работы Вержбовскаго (Критическій разборъ сказаній Видукинда и Титмара о современной имъ Польшѣ), Качановскаго (Паденіе Сербіи по сказаніямъ иностранцевъ), Гацкевича (Досиѳей Обрадовичъ), Недзвѣдскаго, Маркевича, Каля, Ящуржинскаго и Лагодовскаго. Такимъ образомъ изъ школы Макушева въ 12 лѣтъ вышло восемь выдающихся учениковъ. Изъ нихъ многіе уже пріобрѣли своими трудами извѣстность въ нашей литературѣ.

Посвятивъ себя всецѣло профессорской дѣятельности, влагая, такъ сказать, всю свою душу въ университетскія чтенія, Макушевъ въ послѣдніе 12 лѣтъ не написалъ особенно капитальнаго труда, хотя и могъ бы это сдѣлать, могъ бы, какъ говорилъ онъ, „прославить себя“, обладая огромной эрудиціей, богатымъ собраніемъ матеріаловъ по нѣкоторымъ вопросамъ и силой воли, если бы представилась возможность приняться за дѣло. Но не смотря на профессорскія обязанности, которыя стояли у него на первомъ планѣ, и частыя болѣзни, онъ все таки напечаталъ за это время болѣе сорока изслѣдованій и видныхъ статей, и кромѣ того множество рецензій и газетныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

По совокупности всѣхъ своихъ научно-литературныхъ трудовъ М. занималъ весьма видное мѣсто среди современныхъ ему славистовъ—русскихъ и заграничныхъ. Особенно много онъ сдѣлалъ для разъясненія темныхъ вопросовъ въ исторіи южнаго славянства, и потому слово его весьма цѣнилось у нихъ, преимущественно у Сербовъ. Здѣсь мы приведемъ только перечень извѣстныхъ намъ изданій, изслѣдованій и статей, распредѣливъ ихъ по группамъ. Изъ громаднаго собраннаго имъ матеріала (на 10 т.) онъ напечаталъ только двѣ книги:

1) Историческіе памятники южныхъ Славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ. Часть I. Меньшіе архивы и нѣкоторыя библіотеки. Книга 1. Анкона, Болонья, Флоренція (Варшава 1874 г.).

2) Monuments historiques des slaves meridionaux et des leurs voisins, tirés des archives et des bibliothèques d'Italie (Belgrade 1882 г. и въ Гласникѣ Сербскаго Уч. Общ.)

Сочиненія и статьи по исторіи и литературѣ.

а) *Южные Славяне* (Сербо-Хорваты, Словенцы и Болгары):

1) Матеріалы для дипломатическихъ сношеній Россіи

съ Рагузскою (Дубровницкою) республикою. Историческій очеркъ съ приложеніемъ матеріаловъ и двухъ плановъ (Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московскомъ Унив. 1865 г., кн. 3).

2) Поѣздка въ Черногорію въ сентябрѣ 1865 г. (Русскій Вѣстн. 1866 г. мартъ).

3) Очерки Дубровника (Литературная Библіотека 1866).

4) Воззрѣнія Черногорцевъ на Россію и Русскихъ. По личнымъ наблюденіямъ и народнымъ пѣснямъ. (Лит. Б. 1866 г.).

5) Воспоминанія о Лукѣ Вукаловичѣ и послѣднемъ Герцеговинскомъ возстаніи (Лит. Библ. 1866 г.).

6) Задунайскіе Славяне (Лит. Б. 1866 г.).

7) Древности города Новаго (Castel Nuovo) въ Бокѣ Которской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г.).

8) Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. Очерки статистическіе, этнографическіе и историческіе. СПб. 1867 г.

9) Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (Приложеніе къ XI т. Записокъ Импер. Ак. Н., N 5 и отдѣльно. СПб. 1867 г.).

10) Nekoliko novih izvora za historiju Južnih Slovena. (Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. V. 1868. Zagreb. Эти матеріалы М. нашелъ у кенигсбергскаго профессора Гопфа).

11) Письма о литературномъ и политическомъ состояніи Хорватскаго королевства (Журн. Мин. Н. Пр. 1868).

12) Самозванецъ Степанъ Малый. По неизданнымъ памятникамъ Венеціанскаго архива (Русск. В. 1869 г.).

13) О Славянахъ Молизскаго графства въ южной Италіи (Зап. Имп. Ак. Н. 1870 г.).

14) Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для Славянской исторіи. I. Флорентинскій государственный архивъ (Зап. Имп. Ак. Н. 1870 г. II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари, Анкона (Прилож. къ XIX т. Зап. Ак. Н. NN 3 и 4. 1871 г.).

15) Князь Медо Пуцичь Загорскій, современный Дубровницкій поэтъ (Варшавскій Дневникъ 1871 г. N 137, 142 и 150).

16) О Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Вступительная лекція (Варш. Унив. Изв. 1873 г. N 3).

17) Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Докторская диссертація (Варшава 1871 г.).

18) Прилози к српској историји XIV и XV в. (Гласник Српског Ученог Дружтва 1871 г., кн. XXXII. Београд).

19) О проніи въ древней Сербіи, по неизданнымъ памятникамъ Венеціанскаго архива (Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 г. ч. 175).

20) Documenta historiae chroaticae periodum antiquum illustrantia collegit, digessit, explicuit Dr. Fr. Rački, Academiae socius ordinarius. Zagrebiae 1877 (Рус. Фил. В. 1879 г. N 1).

21) Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akad. znan. i umjetn. Obraduje Gj. Daničič (Р. Ф. В. 1879 г. N 1).

22) Ђуро Даничић или филологија и књижевни језик српски 1847—77. Написао Ст. Новаковић (Рус. Фил. В. 1879 г. N 1).

23) Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Р. Фил. В. 1881 г. N 2).

24) Разборъ сочиненія Березина: Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница (Журн. М. Н. Пр. 1881 г. Январь).

25) О нѣкоторыхъ рукописяхъ Народной библіотеки въ Бѣлградѣ. II. Рукописи сербскаго письма (Рус. Ф. В. 1882 г. N 1).

26) Три магистерскія диссертаціи по славянской филологіи: 1) Кулаковскаго — Вукъ Караджичъ; 2) Грота — Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X в. и 3) Флоринскаго — Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. (Рус. Фил. В. 1882 г. N 1).

27) Князь Медо Пуцичь (Рус. Фил. В. 1882 г. N 4).

28) Отчетъ пр. Макушева о научныхъ занятіяхъ за границею въ 1881 г. (Варш. Унив. Изв. 1882 г. N 4).

29) Юрій Даничичъ (Некрологъ. Р. Фил. В. 1883 г. N 1).

30) Разборъ диссертаціи В. Качановскаго—А. М. Глеговичъ (Журн. Мин. Н. Пр. 1883 г. май).

31) О значеніи словъ: казньць, властиѣь и посадьникь въ старо-сербскомъ языкѣ (Рус. Ф. В. 1883 г. N 1).

32) Словенцы. Изъ Путевыхъ воспоминаній (Русск. Вѣст. 1872 г. т. 116).

33) По поводу восточнаго вопроса (Литер. Библ. 1866 г.).

34) Албанскія преданія о св. Кириллѣ и изобрѣтенной имъ азбукѣ (Варш. Днев. 1871 г. N 100).

35) Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в. (Лекціи. Варшав. Унив. Изв. 1872 г. N 3).

36) Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и въ XVI в. (Лекціи. Журн. М. Н. Пр. 1872 г. ч. 163).

37) Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ (Двѣ публич. лекціи. Рус. Вѣст. 1876 г., т. 123).

38) Восточный вопросъ въ XVI и XVII ст. по неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ (Слав. Сбор. т. III, 1876 г.).

39) Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречекъ (Ж. М. Н. Пр. 1878 мартъ и апрѣль).

40) Болгарское учено-литературное общество (Рус. Ф. В. 1882 г. N 3).

41) Периодическо списание на Блъгарското книжовно дружество въ Срѣдецъ. 1882 кн. III (Рус. Фил. В. 1883, N 2).

42) О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ. I. Рукописи болгарскаго письма (Рус. Фил. В. 1881 г. N 4).

б. *Западные Славяне* (Чехи, Поляки и др.):

1) Чехи (Голосъ 1873 г. N 211 и слѣд.).

2) Словаки (Гол. 1873 г. NN 231 и слѣд.).

3) Отвѣтъ Палацкому (Гол. 1873 г. N 178).

4) Изъ чтеній о старо-чешской письменности. I. Введеніе. Пражскіе глагольскіе отрывки (Фил. Зап. 1877 г. в. IV). II. Згорѣльскіе отрывки Евангелія отъ Іоанна (вып. V—VI). III. Такъ называемая Зеленогорская рукопись (Ф. З. 1878 г. в. III). IV. Чешскія глоссы въ словарѣ „Mater verborum“ (вып. VI). Дополненія къ чтеніямъ о Римско-католическомъ миссалѣ, писанномъ глаголицею въ Чехіи (Ф. З. 1878 г., в. III). Старочешская пѣсня XIII в., недавно открытая А. О. Патерою (вып. IV). Мнѣніе И. И. Срезневскаго о т. н. Зеленогорской рукописи (вып. VI).

5) Über die weichen e — Silben in Alt-böhmischen. Von Gebauer (Рус. Фил. В. 1879 г. N 1).

6) České glossy v Mater verborum. Podava Ad. Patera (Р. Ф. В. 1879 г. N 1).

7) Piseň staro-česka ze XIII stoliti. Ad. Patera (Р. Ф. В. 1879 г. N 1).

8) Das Buch der Prager Malerzeche. Herausgegeben von Ad. Patera und F. Tadra (Р. Ф. В. 1879 N 1).

9) Libušin soud, domnéla nejstarši pamatka řeči česke jest podvrzen, též zlomek Evangelium sv. Jana. Čehož dukazy podáva A. V. Šembera (Р. Ф. В. 1879 г. N 2).

10) О трудахъ по славянской филологіи, помѣщенныхъ въ Časopisu Českého Museum и въ Listach filologických a paedagogických за 1878 г. (Р. Ф. В. 1879 г. N 3).

11) Письмо и записка проф. Шемберы по поводу разбора его книги о Любушиномъ Судѣ. Переводъ съ чешскаго съ возраженіями переводчика (Р. Ф. В. 1879, N 3).

12) О нѣкоторыхъ памятникахъ старо-чешской письменности, открытыхъ А. О. Патерою (Р. Ф. В. 1882 г. N 4 и 1883 N 1).

13) Отчетъ проф. Макушева о командировкѣ за границу (Варш. Унив. Изв. 1881 г. N 4).

14) Россія и Польша въ XVIII в. По неизданнымъ

реляціямъ Венеціанца Даніила Дольфина и Генуэзца Стефана Риваролы (Рус. Вѣст. 1869 г.).

15) Разборъ диссертаціи проф. Павинскаго „Полабскіе Славяне“ (Варш. Дн. 1871 г. NN 124 и 125).

16) О современномъ положеніи сѣверо-западныхъ Славянъ (Голосъ 1872 г.).

17) Польскіе славянофилы (Голосъ 1873 г.).

18) Поляки въ Австріи со времени перваго раздѣла (Гол. 1873).

19) Поляки въ Пруссіи съ того же времени (Гол. 1873 г. N 143).

20) Поляки въ Россіи съ того же времени (Голосъ 1873 г. NN 160, 171, 172).

21) Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в. (Славян. Сб., т. III, 1876 г.).

22) Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность (Слав. Сб. 1876 г.).

23) Станиславъ Трембецкій, замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII в. (Древн. и Новая Россія 1878 г. N 8).

24) Забытый польскій поэтъ (Славян. ежегодн. 1878).

25) Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи. По новымъ источникамъ (Рус. Вѣстн. 1879 г.; окончаніе въ Слав. Ежегодн., вып. V. 1881 г.).

26) Чтенія о старопольской письменности. I. Извѣстія о памятникахъ польскаго языка, до насъ недошедшихъ (до половины XIV в.). II. Памятники польскаго языка и письма второй половины XIV в. 1. Флоріанскій псалтырь (Рус. Ф. В. 1879 г. N 1). 2. Роты 1386—1399. (Р. Ф. В. 1879 г. N 2.

27) Новая польская книга о гегемоніи Россіи въ славянскомъ мірѣ (Берегъ 1880 г. N 183).

28) Г. Петрашевскій и основанное имъ патріотическое общество, религіозно панславянское (Б. 184).

29) Возможно ли объединеніе Славянъ подъ гегемоніею Россіи (Бер. N 197 и 200).

30) О нѣкоторыхъ трудахъ историческаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ (Журн. Мин. Н. Пр. 1881 г. мартъ).

31) О трудахъ филологическаго отдѣленія той же Академіи съ ея основанія по 1881 г. (Ж. М. Н. Пр. 1881 май).

32) Новый польскій учено-литературный журналъ Muzeum (Русск. Мысль 1881 г. сент.).

33) Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный Дубровскимъ (Р. Фил. В. 1879 г. N 1).

в. *Изслѣдованія и статьи разнаго содержанія*:

1) Филологическій разборъ числительныхъ именъ. Изслѣдованіе П. I. Шафарика. Переводъ съ чешскаго съ предисловіемъ переводчика объ изслѣдованіяхъ по тому же предмету нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ (Сборн. издав. студ. СПб. Унив., вып. II, 1860 г.).

2) Сказанія иностранцевъ VI—X в. о бытѣ и правахъ Славянъ (удост. золот. медали. СПб. 1861 г.).

3) На прощаніи съ славянскими гостями (Лит. Библ. 1866 г.).

4) Слово о полку Игоревѣ, изданіе Тихонравова (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. февр.).

5) Карлъ Гопфъ, новѣйшій историкъ средневѣковой Греціи (Вѣст. Евр. 1868 г. іюль).

6) Замѣтки (путевыя) о современной Италіи (Рус. В. 1869 г.).

7) Анжуйскіе памятники Неаполитанскаго архива, издаваемые г. Дель-Джудиче (Ж. М. Н. Пр. окт. 1870 г.).

9) Общеславянская азбука Гильфердинга (Варшав. Дн. 1871 г. N 114).

10) Критическій обзоръ сочиненій объ Албанцахъ (Варш. Унив. Изв. 1871 г. N 4).

11) Рѣчь при открытіи русскаго этнографическаго музея Ѳ. И. Езберы (Варш. Дн. 1874 г. іюнь).

12) О происхожденіи слова Дажь-Богъ (Филол. Зап. 1878 г. в. III).

13) Разборъ первыхъ четырехъ книжекъ журнала Revue Slave (Голосъ 1878 г. NN 278 и 300).

14) О важнѣйшихъ трудахъ И. И. Срезневскаго по славянской филологіи. По случаю пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности (Рус. Фил. В. 1879 г. N 3).

15) Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ. Составилъ Ржига (Р. Фил. В. 1879 N 1).

16) Мнѣніе слависта о происхожденіи Румынъ (Россія 1880 г. N 72).

17) Письма о Галиціи (Русь 1881 г.).

18) Южно-русскія сказанія XVI в. въ рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Ж. М. Н. Пр. 1881 г. сентябрь).

19) Вл. Ивацевичъ. Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ (Рус. Фил. В. 1882 г. N 4).

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь изслѣдованій и статей М. написалъ еще много мелкихъ статей, большею частію анонимныхъ, въ газетахъ: С.-Петербургскія Вѣдомости (ред. Краевскій), Сѣверная Пчела (ред. Усовъ), Русскій Инвалидъ (ред. Писаревскій), Голосъ (ред. Краевскій), Варшавскій Дневникъ (ред. Вейнбергъ) и въ журналѣ „Литературная библіотека“ (ред. Богушевичъ).

За четыре дня до смерти М. принялся было за составленіе статьи на основаніи матеріаловъ, только что изданныхъ ученикомъ его Ѳ. Вержбовскимъ, подъ заглавіемъ: Christophori Varsevicii opuscula inedita, ad illustres viros epistolae et cet, и написалъ лишь нѣсколько строкъ. Это былъ послѣдній литературный трудъ покойнаго.

Завѣтною мечтою М. было, по окончаніи службы и выслугѣ пенсіи (въ слѣдующемъ учебномъ году), переселиться въ лучшій климатъ, въ лучшія условія жизни и тамъ всецѣло предаться научнымъ занятіямъ, чтобы оставить болѣе прочную память о себѣ. Онъ предполагалъ жить частію въ Парижѣ, частію въ Прагѣ, или же между южными Славянами, къ которымъ звалъ его вмѣстѣ съ собою Гаттала. Прежде всего, М. намѣревался написать

и издать въ Парижѣ Исторію славянскихъ литературъ на французскомъ языкѣ вмѣстѣ съ Леже, содѣйствіе котораго онъ считалъ необходимымъ при обработкѣ книги со стороны языка. Слѣдующимъ трудомъ должна была быть Исторія Далмаціи и Дубровника, для которой у него былъ громадный матеріалъ, совершенно почти обработанный въ спеціальныхъ университетскихъ чтеніяхъ. Въ послѣдній годъ онъ въ своихъ чтеніяхъ сводилъ всѣ свои частныя изслѣдованія въ окончательную систему и довелъ Исторію до конца XIV в., пополняя прежде обслѣдованное разработкою разныхъ статутовъ. За симъ онъ предполагалъ заняться и Исторіей Скандербега, о которомъ у него было собрано около 2000 документовъ; по мѣрѣ возможности, предполагалъ издавать и самые матеріалы. Покойный хотѣлъ также издать особо, на русскомъ языкѣ, Исторію Польской литературы, въ видѣ учебника. Для этого онъ предполагалъ сократить свои чтенія и изложить ихъ болѣе популярно. Послѣдній трудъ былъ бы не только весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу, но, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ бы и болѣе широкое значеніе и распространеніе. Навѣрное, этотъ трудъ вышелъ бы образцовымъ, такъ какъ авторъ при всестороннемъ знаніи и глубокомъ пониманіи предмета, а также и искренней любви к нему, совершенно свободенъ былъ отъ всякихъ увлеченій...

Но замысламъ покойнаго не суждено было сбыться. Съ нетерпѣніемъ ожидая окончанія, службы М. уже два года жилъ, такъ сказать, на бивуакахъ, ничѣмъ не обзаводясь послѣ возвращенія изъ за границы въ 1881 г. Слабое, разстроенное постоянными усиленными умственными работами здоровье не вынесло неудобствъ походной, непокойной, одинокой жизни, и онъ угасъ неожиданно, не слегая окончательно въ постель и въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты своей жизни.

Какъ человѣкъ, покойный, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своего характера, не свободенъ былъ и отъ нѣкоторыхъ слабостей. Иногда, особенно въ молодости, закрадывалось въ душу его честолюбіе, даже тщеславіе,

въ чемъ онъ самъ сознавался и раскаивался; не чуждый эгоизма, онъ, быть можетъ, не всегда справедливо относился къ другимъ, былъ подчасъ вспыльчивъ и рѣзокъ, хоть и безъ малѣйшаго злопамятства. Но всѣ эти недостатки совершенно искупаются его многоплодною профессорскою и научно-литературною дѣятельностію, тяжкими трудами, подъятыми на благо своей родины, своего народа, который онъ искренно любилъ и интересы котораго ставилъ выше всего, защищая и твердо отстаивая ихъ „по мѣрѣ своего разумѣнія, по долгу гражданина Русскаго государства", какъ самъ выражался.

А. Смирновъ.

Надгробное слово

ВИКЕНТІЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ МАКУШЕВУ

(† 2 марта 1883 года).

Еще одна свѣжая могила! Еще одна убыль въ рѣдѣющихъ рядахъ дѣятелей славянской науки! Еще одна пробитая брешь въ живой стѣнѣ мирныхъ ратниковъ этого крайняго западнаго бастіона Россіи!

Передъ нами гробъ, въ который сложены бренные останки человѣка недюжиннаго, въ которомъ свернуты тлѣнные покровы чувства живаго и дѣятельнаго, воли рѣшительной и настойчивой, ума трезваго и самостоятельнаго.

Это чувство, при всей своей сосредоточенности и подчасъ замкнутости, никогда не вмѣщалось въ узкихъ рамкахъ личнаго самолюбія; наоборотъ, оно всегда было открыто для чужихъ радостей и страданій, воспріимчиво къ впечатлѣніямъ жизни общественной, отзывчиво на голоса историческаго хора большихъ и малыхъ народовъ.

Эта—своенравная нерѣдко—воля достигала высокихъ степеней напряженія и притомъ не случайнаго лишь и мгновеннаго, но послѣдовательнаго, продолжительнаго, почти непрерывнаго. Правда, въ полѣ ея дѣйствія были мертвыя точки, гдѣ ея сила какъ будто была парализована то порывами страсти, то инерціей навыковъ; но это отражалось болѣе на частной, чѣмъ на общественной жизни покойнаго и достаточно искуплено столь преждевременнымъ и трагическимъ исходомъ его жизненной борьбы.

Этотъ умъ никогда не ограничивался горизонтами знанія уже пріотрѣтеннаго или выводами чужихъ наблюденій и опытовъ; нѣтъ, то былъ умъ пытливый и крити-

ческій, ясный и методическій, — словомъ, умъ настоящаго ученаго, хотя и не поэта, не философа. Ему не доставало фантазіи, которая даетъ поэтическую окраску и философскій полетъ сухимъ научнымъ построеніямъ; но благодаря тому онъ свободенъ былъ и отъ опасностей приложенія дедукціи и широкихъ обобщеній въ научной области.

Таковъ былъ строй основныхъ психическихъ силъ, данныхъ въ распоряженіе покойнаго. Силы эти достаточно развиты были школою и жизнью, закалены раннимъ сиротствомъ, испытаны приложеніемъ къ занятіямъ столь разнороднымъ, какъ служба дипломатическая въ первомъ періодѣ и учено-педагогическая — во второмъ.

Подъ какимъ же знаменемъ служили и къ какой цѣли направлены были эти силы и способности?

Прежде и больше всего — наукѣ и притомъ наукѣ чистой, безпримѣсной, объективной, насколько можно говорить объ объективности человѣка живаго и писателя-историка.

Наукѣ посвящены были уже студенческіе годы покойнаго, какъ свидѣтельствуетъ его замѣчательный медальный трудъ по славянскимъ древностямъ; наука была любимымъ предметомъ его занятій и въ тѣ годы, когда онъ служилъ на дипломатическомъ поприщѣ въ Дубровникѣ, гдѣ собраны были матеріалы для магистерской диссертаціи по исторіи этого города; научныя цѣли преслѣдовалъ онъ и въ своемъ трехъ-лѣтнемъ странствованіи по Италіи, въ древлехранилищахъ которой нашелъ и списалъ до 20,000 документовъ, относящихся къ старинной исторіи восточной Европы, особенно же Балканскаго полуострова; научнымъ работамъ и цѣлямъ посвящено было и 12-лѣтнее его служеніе въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, составляющее главное событіе и его общественной дѣятельности.

Не умѣстно было бы здѣсь исчислять итоги и опредѣлять значеніе научныхъ разысканій покойнаго; скажу только, что они ставятъ его въ рядъ съ лучшими европейскими изслѣдователями историческихъ судебъ Балкан-

скаго полуострова и смежныхъ областей южнаго и западнаго Славянства.

Но не наука сама по себѣ, не одинъ процессъ научныхъ изслѣдованій привлекалъ и вдохновлялъ покойнаго. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ космополитовъ, для которыхъ безразличенъ объектъ историческихъ разысканій и которые предпочитаютъ даже въ этомъ отношеніи чужое своему, хотя бы съ рискомъ ношенія дровъ въ лѣсъ. Нѣтъ, В. В. съ юныхъ лѣтъ написалъ на своемъ научномъ знамени девизъ: Славянство!

Быть можетъ, самое происхожденіе покойнаго отъ русскаго отца и польской матери уже предрасполагало его къ такой точкѣ зрѣнія, при которой исчезаютъ узкія рамки діалектовъ и народностей и Всеславянство является примирительнымъ терминомъ для всѣхъ этнологическихъ и историческихъ контрастовъ и разновидностей нашего великаго племени. Это племенное наше единство, по взглядамъ покойнаго, должно прежде всего отражаться въ наукѣ, въ сравнительномъ изученіи языка, исторіи, литературы, права и т. д. всѣхъ вѣтвей Славянства, за всѣ періоды ихъ развитія. Такимъ характеромъ дѣйствительно запечатлѣны были всѣ его сочиненія и статьи по славяновѣдѣнію. Даже въ тѣхъ трудахъ, гдѣ объектомъ изученія являются инородцы восточной Европы, напр. Албанцы, Греки, Турки, Румыны, Мадьяры и т. п., мы явственно замѣчаемъ движенія того же всеславянскаго чувства, объясняемыя его крѣпкимъ убѣжденіемъ въ принадлежности и этихъ инородцевъ къ нашему историческому міру.

Понималъ впрочемъ покойный и то, что Славянство было бы предметомъ скорѣе археологическаго, чѣмъ историческаго изученія, — скорѣе теоретическаго и сентиментальнаго, чѣмъ практическаго и политическаго интереса, если бы рядомъ съ дробными вѣтвями западнаго и южнаго Славянства не существовала Россія, дающая имъ общій стволъ, центръ тяготѣнія и незыблемую опорную точку. Потому то съ такой любовью выслѣживалъ онъ въ исторіи и жизни всѣ нити взаимодѣйствія между Россіею

съ одной стороны, а южными и западными Славянами съ другой.

То же убѣжденіе въ срединномъ положеніи и объединительномъ призваніи Россіи въ средѣ Славянъ красной нитью тянется черезъ всѣ періоды его общественнаго служенія сначала въ южной, а потомъ въ западной окраинѣ Славянства.

Но могъ ли иначе и смотрѣть на это дѣло человѣкъ, который посвятилъ 25 лѣтъ упорнаго труда изученію страдальческихъ судебъ нашего разрозненнаго племени въ прошломъ и его все еще далеко не обезпеченнаго положенія въ настоящемъ? Могъ ли онъ тутъ жить и не замѣчать, что лишь непрерывный приливъ свѣжихъ силъ съ востока можетъ защищать еще нѣкоторое время этотъ полуподмытый берегъ отъ неустаннаго и возрастающаго прибоя западныхъ волнъ, пока не побѣгутъ онѣ, дастъ Богъ, съ обратнымъ шумомъ съ востока на западъ.

Умирая неожиданно, какъ солдатъ сраженный пулей, покойный не могъ, конечно, указать мѣсто, гдѣ желалъ бы сложить кости; но если бы ему предоставленъ былъ въ этомъ отношеніи выборъ, то едва ли онъ не остановился бы на той самой землѣ, гдѣ вырыта теперь эта могила, землѣ польской, какъ его мать, но и русской, какъ отецъ,— землѣ, все яснѣе и яснѣе осѣняемой объединяющимъ сводомъ славянскаго неба!

Да почіетъ же тутъ въ мирѣ его тлѣнный прахъ, тогда какъ душа уносится въ неизвѣстные намъ предѣлы, оставляя по себѣ ясный и глубокій слѣдъ въ памяти не только насъ, современниковъ, но—надѣюсь—и отдаленнаго потомства.

5 марта 1883.

А. Будиловичъ.

КРИТИКА, БИБЛІОГРАФІЯ, РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ И УКАЗАТЕЛЬ.

О нѣкоторыхъ памятникахъ старо-чешской письменности, открытыхъ А. О. Патерою.

II. [1])

Ко второй половинѣ XIII вѣка г. Патера относитъ открытый имъ *гимнъ о Божьемъ тѣлѣ* (Staročeská píseň o božím těle ze XIII století: Časopis Česk. Muz. 1882.

Этотъ гимнъ находится въ пергаменной рукописи на латинскомъ языкѣ, принадлежащій Пражской университетской библіотекѣ. На передпей доскѣ этой рукописи есть слѣдующия запись: „Iste liber pertinet ad dominam abbatisam de Sancto Georgio Cunegundem, filiam Ottacari regis Boemie". Кунгута, дочь чешскаго короля, Прѣмысла Отакара II, ставъ игуменьею монастыря Св. Юрія въ Прагѣ въ 1302 году, заботилась о снабженіи своего монастыря рукописями аскетическаго содержанія. Много такихъ рукописей, купленныхъ ею или переписанныхъ по ея приказанію, хранится въ Пражской университетской библіотекѣ, куда онѣ поступили по закрытіи монастыря Св. Юрія. Г. Патера полагаетъ, что рукопись, въ которой онъ нашелъ гимнъ о Божьемъ тѣлѣ, была писана *раньше*, чѣмъ Кунгута стала игуменьею монастыря Св. Юрія. Свое предположеніе г. Патера основываетъ на латинской молитвѣ „pro amicis", записанной въ этой рукописи вслѣдъ за гимномъ о Божьемъ тѣлѣ. Она начинается словами: „In presentia sanctissimi corporis et sanguinis tui domine Jhesu Christi. Commendo tibi famulos et famulas tuas *Wencezlaum, Agnetem, Premiszlium, Ghunnegundim* et om-

---

[1]) Въ 1-й ст. О нѣкр. п. въ Р. Ф. В. 1882 г. N 4 вкралась важная опечатка: тамъ на 1-й стр. на 6-й строкѣ снизу нужно читать не Зеленогорскій отрывокъ, а „Згорѣльскій".

nes michi consanguinitate propinquos et fraternitate coniunctos *vivos* et *defunctos*". Г. Патера полагаетъ, что братъ Кунгуты, Вячеславъ († 1305 г.) и сестра ея, Агнеса († 1296 г.), были еще *inter vivos*, а отецъ ея, Прѣмыслъ Отакаръ II († 1278 г.), и мать ея, Кунгута († 1285 г.), были уже умершими, а потому рукопись относилась къ 1285—1296 г., но это только одно предположеніе, основанное на томъ, что былъ обычай молиться *сначала за живыхъ*, а *потомъ за мертвыхъ*. По моему мнѣнію, всѣ упомянутые лица были уже *inter defunctos*, и потому рукопись писана послѣ 1305 года: въ пользу моего мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что Кунгута, которой принадлежала эта рукопись, была игуменьею монастыря св. Юрія съ 1302 года, какъ было уже выше сказано. При томъ-же самъ г. Патера относитъ рукопись, по палеографическимъ признакамъ, къ концу XIII или *началу XIV вѣка*. Правописаніе и языкъ указываютъ также на это время.

Въ *правописаніи* важны только слѣдующія черты:

— *G* встрѣчается только одинъ разъ, и при томъ въ иностранномъ словѣ: auguſtin; постоянно-же его замѣняетъ *h*: uuſemohuci, uuſeho, horie, toho, hrieſne и т. д. Это — черта новая: въ Капитульныхъ глоссахъ употребляется еще древнѣе *g*; въ Цизіоянѣ Мниховскомъ оно уже чередуется съ *h*; устанавливается *h въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка*, хотя *g* встрѣчается еще въ Пассіоналѣ XIV вѣка: Dragomirz, Spytigneus.

— Звукъ *х* обозначается сочетаніемъ *ch*: uue uſiech myestiech, hreſnich, mirtuich и т. д. Написаніе звука *х* черезъ *ch* одновременно съ употребленіемъ *h* вм. *g*. *H* для обозначенія *х* встрѣчаемъ еще въ Гомиліарѣ Опатовецкомъ (1250—1260), въ Цизіоянѣ Мниховскомъ и въ гимнѣ „Slovo do světa stvořenie".

— Глухой звукъ при *л* пишется черезъ *li*: naplineno, plinie. Такое обозначеніе *лъ* существовало *въ XIII и началѣ XIV вѣка*.

— Глухой при *р* обозначенъ 5 разъ сочетаніемъ *ir*—*yr* (mirtuue, nakyrmiti, ſirdcem, z mirtuich), столько-же

разъ сочетаніемъ *ri* (krimie, krimitelu, priuniemu, ſridce, ſridcem) и два раза простымъ *r* (krmie, ocruuauenie). Второй способъ написанія — болѣе древній — существовалъ *до конца XIII вѣка*; первый и третій — употребительны еще *въ началѣ XIV вѣка* и наконецъ третій исключительно господствуетъ съ половины XIV вѣка.

Языкъ гимна, подобно правописанію, указываетъ *на послѣдніе годы XIII или на первые XIV вѣка.*

— На это время указываетъ господство *h* вм. *g*.

— *Ř* встрѣчается только 5 разъ (horſke, prſiuodis, uierzi, przetelu, przichodis); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ употребляется *r*. Чередованіе *r* и *ř* встрѣчается въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка; *ř* устанавливается только въ половинѣ XIV.

— Перегласованія *ю* въ *и* еще нѣтъ (cralu, stuoritelu, miluiuci, caiucich, dauaiuci и т. д.); но въ концѣ XIII вѣка оно еще не встрѣчается и даже въ первой половинѣ XIV-го составляетъ рѣдкость.

Остальныя черты языка не имѣютъ значенія при опредѣленіи времени памятника. Отмѣчу еще только одну черту — *діалектическую*: это — употребленіе *щ* вм. *шт*: ſchedreho, ſcedre, ſcedroſti, nauſchieuuges. Извѣстно, что *щ* употребляется въ моравскомъ нарѣчіи (ščípát, otoniště) и въ говорахъ домажлицкомъ (ščesti и chčesti, došč и dešč) и доудлебскомъ (ščestí, ščasnej) чешскаго. Судя по этой чертѣ, полагаю, что писецъ гимна былъ или Мораванинъ или-же Чехъ изъ домажлицкаго или доудлебскаго края; вѣроятнѣе, онъ былъ *Доудлебанинъ*.

Гимнъ изданъ г. Патерою старымъ и новымъ правописаніемъ съ раздѣленіемъ на стихи и строфы, а для сравненія приведенъ текстъ того-же гимна по рукописи конца XIV вѣка. Съ чтеніемъ г. Патеры въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могу согласиться, а именно:

1) онъ читаетъ *r* тамъ, гдѣ въ рукописи *ř*, исключая одного слова: *hořké*; подобно этому слову, слѣдуетъ читать *ř* и въ слѣдующихъ: přetelu, přivodiš, přichodiš и věří;

2) въ мѣстоименіи *весь* и производныхъ едва-ли вѣрно читать *с* (vsech, vsĕmohuci и т. д.): въ этихъ случаяхъ *с* перешло въ *ш* уже въ половинѣ XIII вѣка, а потому читаю: všech, všemohuci и т. д.;

3) *dens* есть описка: слѣдуетъ быть *dnes*, какъ другой разъ писецъ и написалъ [1]);

4) въ словахъ: potr*i*bneho и uuzcr*i*ſene *i* есть діалектическое перегласованіе *ѣ* и *е*, существующее въ восточномъ (mlíko, chlíb, líto, sidmej, píro, nist) и сѣверномъ или крконошскомъ (čila = včela, cira = dcera, dvíře = dvéře, díšt' = déšt', jm'eno = jmeno) говорахъ чешскаго нарѣчія, а потому слѣдуетъ удержать его въ чтеніи: potribného, vzkrišenie;

5) *uumale chaſti(m)*=v malé *části*, а не *částky*; и

6) *Tacoſcoli*=*Takož* koli, а не *kakož* koli.

III.

Въ одной рукописи капитульной библіотеки въ Прагѣ г. Патера нашелъ въ 1870 г. *отрывки чешской легенды о св, Юріѣ,* писанные, по его мнѣнію, въ началѣ XIV вѣка.

Другой отрывокъ легенды о св. Юріѣ былъ найденъ въ Вратиславѣ и пожертвованъ въ Чешскій Музей: онъ относится къ первой половинѣ XIV вѣка. Первое извѣстіе о немъ было сообщено Ганкою въ 1857 г. и напечатано въ 1859 г. въ Abhandlungen der k. böhm. Geselt. d. Wiss. Folge V, Bd. 10 s. 65. Въ томъ-же году профессоръ Воцель познакомилъ съ содержаніемъ этого отрывка и напечаталъ начало его въ изслѣдованіи „Die Wandgemälde der St. Georgs-Legende in der Bnrg zu Neuhaus (Denkschrift. d. philologisch-histor. Cl. d. k. Akad. d. Wiss.

---

[1]) На стр. 122 г. Патера оправдываетъ свое чтеніе *dens* тѣмъ, что Сербы-Лужичане говорятъ до сихъ поръ *dźens*; но такая форма въ чешскомъ языкѣ не извѣстна.

Wien, 1879, X Bd.). Весь отрывокъ былъ напечатанъ только въ 1878 г. въ „Ukázkách staročeských textů rukopisných (Listy filolog. a paedag. ročník V)“, но съ ошибками.

Третій отрывокъ той-же легенды (28 стиховъ) нашелъ г. Патера въ 188 . г. въ университетской библіотекѣ въ Прагѣ: онъ писанъ въ концѣ XIV столѣтія. Всѣ три отрывка напечатаны имъ съ дипломатической точностью въ Чешскомъ Музейникѣ за 1881 г., стр. 271—285 (Zbytky staročeských legend o sv. Jiří ze XIV století). Г. Патера представилъ характеристику правописанія отрывковъ капитульнаго и вратиславскаго и сравнилъ ихъ съ латинскою легендою, изданною профессоромъ Zarncke въ 1875 г. въ Berichte über die Verhandlungen der k. Sächs. Gesell. d. Wiss. zu Leipzig, Philol.-hist. Cl., Bd. 27, ss. 256—277, какъ найболѣе близкою къ чешской легендѣ. Болѣе подходящаго латинскаго текста г. Патера не могъ найти. Изданные г. Патерою отрывки доказываютъ, что Чехамъ была извѣстна апокрифическая легенда о св. Юріѣ, запрещенная уже папою Гелазіемъ I на римскомъ соборѣ 494 года. Эта легенда была вытѣснена изъ употребленія только въ XIV столѣтіи сокращенною и передѣланною легендою, вошедшею въ сборникъ Якова a Voragine († 1298) „Legenda aurea“. Чешскій переводъ легенды Якова a Voragine вошелъ въ чешскіе пасіоналы (Výbor z liter. české I, 300—306).

Изданные г. Патерою отрывки находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ латинской легендѣ: изъ первыхъ двухъ главъ сохранилось только по нѣскольку строкъ въ капитульномъ отрывкѣ; изъ главы 4—11 ничего не сохранилось; конецъ 12-ой главы, вся 13 и начало 14-ой вполнѣ сохранились въ вратиславскомъ отрывкѣ; изъ 15, 16 и 17 главъ сохранилось шесть кусковъ въ капитульномъ отрывкѣ; конца 17-ой главы и 18—21 главъ вовсе нѣтъ. Что касается университетскаго отрывка, то въ немъ сохранился переводъ 13-ой главы [1]), но только изъ иной рецен-

[1]) Г. Патера ошибочно напечаталъ XV-ой (стр. 284).

зіи, чѣмъ въ вратиславскомъ отрывкѣ. Г. Патера полагаетъ, что это списокъ съ болѣе древней рукописи. Переписчикъ не понималъ уже слова *навь* и вмѣсто *do nawy* написалъ *donagy*:

Opyet geho kral otaza:
Kolyk let yak ſy ſwyeta (=s'swyeta) ſſel?
Dwyeſtye let yakz ſem *donagy* (=do nawy) ſſel.

Въ вратиславскомъ спискѣ этого слова нѣтъ. Въ немъ мы читаемъ: „Powiez my: kolyko geſt let iagz ſy byl *vmrziel?* Juz geſt tomu dwieſtye let“.

Университетскій отрывокъ писанъ весьма небрежно: въ немъ иногда встрѣчаются лишнія буквы, иногда пропущена буква, иногда написана не та буква, какую слѣдовало написать.

Въ правописаніи и языкѣ капитульнаго и вратиславскаго отрывковъ нѣтъ такихъ отличій, которыя позволяли-бы предположить между ними разницу на полъстолѣтія: мнѣ кажется, что вѣрнѣе было-бы отнести капитульный отрывокъ *къ концу XIII вѣка* (prineſty, pohrſebu, prſigide), а вратиславскій *къ началу XIV-го* (rz); на это время указываетъ господство въ обоихъ отрывкахъ еще неперегласованнаго *ю* (ju): исключеній очень мало. Что же касается университетскаго отрывка, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ моложе ихъ по крайности на полъстолѣтія (полнѣйшее господство перегласованія *ju* въ *i*) т. е. относится *ко второй половинѣ или даже къ концу XIV в.*, какъ полагаетъ г. Патера на основаніи палеографическихъ признаковъ.

В. Макушевъ.

Варлаам и Јоасаф. Прилог к познавању упоредне литерарне историје и хришћанске средњевековне белетристике у Срба, Бугара и Руса. Од Ст. Новаковића. У Београду. 1881.

Г. Новаковичъ поставилъ своею задачею познакомить сербскихъ читателей съ содержаніемъ извѣстной повѣсти о Варлаамѣ и Јоасафѣ индійскихъ и съ тѣмъ, что объ ней было писано какъ въ западно-европейскихъ, такъ по преимуществу въ русской литературѣ.

Въ первой изъ четырехъ главъ, на которыя дѣлится его трудъ, онъ касается вопроса о томъ, кѣмъ написанъ греческій оригиналъ повѣсти и къ какому времени можетъ быть относимо появленіе его въ свѣтъ, и при этомъ излагаетъ мнѣнія старыхъ католическихъ писателей, Бекендорфа и г. Кирпичникова (Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Јоасафѣ. Харьковъ. 1876). Соглашаясь съ г. Кирпичниковымъ въ томъ, что окончательная редакція „Варлаама и Јоасафа“ можетъ относиться не ранѣе, какъ ко второй половинѣ VIII вѣка, онъ расходится съ нимъ и съ Бекендорфомъ во мнѣніи объ авторѣ повѣсти и вмѣстѣ со старыми католическими писателями утверждаетъ, что въ Іоаннѣ монахѣ (такъ называется во многихъ рукописяхъ греческихъ и славянскихъ составитель „Варлаама и Јоасафа“) не слѣдуетъ видѣть св. Іоанна Дамаскина.

Вторая глава посвящена вопросу объ источникахъ повѣсти. Г. Новаковичъ признаетъ неудачною попытку г. Кирпичникова доказать, что Варлаамъ и Јоасафъ — произведеніе оригинальной греческой литературы, и присоединяется вполнѣ къ мнѣнію Либрехта и А. Н. Веселовскаго (Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Јоасафъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г., N 7), что въ основаніе этой повѣсти легла индійская легенда о Буддѣ; при этомъ онъ приводитъ тѣ индійскіе разсказы о Буддѣ, Ясадѣ или Ясодѣ, которые были указаны названными учеными. Вопросъ о томъ, какъ

проникла въ греческій міръ индійская легенда, книжнымъ или устнымъ путемъ, онъ считаетъ пока неразрѣшимымъ.

Въ третьей главѣ говорится объ изданіяхъ греческаго текста и объ его передѣлкахъ на Западѣ и у Славянъ. Здѣсь мы находимъ небезъинтересною замѣтку, что извѣстныя г. Новаковичу сербскія рукописи „Варлаама и Іоасафа" не имѣютъ никакихъ существенныхъ отличій отъ большей части русскихъ рукописей этого произведенія, насколько послѣднія извѣстны сербскому ученому изъ трудовъ гг. Пыпина (Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ. СПб. 1858) и Кирпичникова. Сверхъ того, здѣсь затрогиваются два вопроса о мѣстѣ и о времени перевода повѣсти на славянскій языкъ. Первый, со словъ г. Пыпина, рѣшается въ томъ смыслѣ, что „Варлаамъ и Іоасафъ" былъ переведенъ у южныхъ Славянъ, отъ которыхъ перешелъ въ Россію въ XIV или, быть можетъ, въ XIII вѣкѣ; на второй г. Новаковичъ даетъ свой собственный отвѣтъ и, вопреки г. Пыпину, считающему несомнѣнно большую древность славянскаго перевода, высказываетъ мнѣніе, что этотъ переводъ могъ быть сдѣланъ даже въ началѣ XIV вѣка.

Четвертая глава содержитъ въ себѣ изложеніе повѣсти и выдержки изъ нея по сербской рукописи, писанной на Аѳонѣ въ 1518 году и теперь принадлежащей Шишатовацкому монастырю.

Въ заключеніе замѣтимъ, что книга г. Новаковича— отдѣльный оттискъ изъ 50-й книги „Гласника српског ученог друштва", 1881 года.

А. Соболевскій.

О такъ называемыхъ casus absoluti въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени. К. А. Деллена. Харьковъ. 1881.

Авторъ начинаетъ съ того, что ставитъ вопросъ: „что разумѣется подъ casus absoluti?“ и затѣмъ даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: „Обыкновенно причастіе зависитъ отъ одного изъ именъ существительныхъ, принадлежащихъ къ глаголу главнаго предложенія, и стоитъ поэтому съ этимъ именемъ существительнымъ въ одномъ и томъ же падежѣ. Когда же придаточное предложеніе имѣетъ свое особенное подлежащее, то послѣднее согласуется съ причастіемъ въ падежѣ, который не зависитъ отъ глагола главнаго предложенія, и подобную конструкцію принято называть casus absoluti“ (стр. 1—2). Приведенныя слова мы не совсѣмъ понимаемъ: мы не знаемъ, какъ могутъ имена существительныя „принадлежать къ глаголу“ и какой смыслъ заключается въ этомъ выраженіи; мы не въ состояніи постичь, почему подлежащее, хотя бы придаточнаго предложенія, должно согласоваться съ какимъ-то причастіемъ, а не причастіе съ подлежащимъ. Для насъ вполнѣ ясно лишь одно: г. Деллену неизвѣстна общеизвѣстная истина, что подлежащее можетъ стоять только въ именит. п. и что никакіе casus absoluti съ причастіями и безъ причастій не составляютъ предложеній. Послѣ выписаннаго выше опредѣленія casus absoluti авторъ ставитъ новый вопросъ: вѣрно, или невѣрно ихъ названіе? и, заявивъ, что его „трудно рѣшить“, скромно умалчиваетъ о своемъ личномъ мнѣніи и предлагаетъ читателю послушать, что говорятъ Кюнеръ, Буттманнъ, Маттіэ, Штальбаумъ, Классенъ, г. Потебня. Изъ этихъ „ученыхъ грамматиковъ“ первые четверо писали еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и потому ихъ мнѣнія о casus absoluti теперь не имѣютъ ни малѣйшей цѣны; Классенъ занимается нѣкоторыми частностями гомеровскаго словоупотребленія и не касается вопросовъ общаго характера, такъ что только у одного г. Потебни можно бы найти достаточно научный

отвѣтъ, но г. Делленъ его не нашелъ! По этой причинѣ осталось совершенно не разъясненнымъ, справедливо ли называетъ авторъ тѣ падежи, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь, absoluti, или не справедливо. Ни мало не смущаясь этимъ, онъ ставитъ третій вопросъ: „когда произошли casus absoluti, при возникновеніи языка, или въ болѣе поздній періодъ его развитія", т. е. употребляли ли ихъ Адамъ съ Евой, или они появились уже у ихъ потомковъ? Хотя этотъ вопросъ, какъ оказывается, тоже „трудно рѣшить", однако г. Делленъ беретъ смѣлость высказать свое сужденіе и замѣчтетъ: „изъ той цѣли, для которой употребляются такого рода конструкціи, а именно изъ цѣли выражаться по возможности кратко, можно заключить, что casus absoluti возникли уже въ болѣе поздній періодъ языка" (стр. 12). Затѣмъ, оставляя читателя въ недоумѣніи, почему первые люди должны были говорить непремѣнно длинными періодами и не могли „выражаться по возможности кратко", авторъ переходитъ къ частностямъ, и тутъ-то становится яснымъ, что подъ casus absoluti онъ разумѣетъ самостоятельные пад.: мѣстный въ санскритскомъ яз., родит. въ греческомъ, творительный въ латинскомъ, дательный и именительный въ славянскомъ. Четыре первыхъ (особенно родит. и творит.) такъ хорошо всѣмъ извѣстны, что нѣтъ ни малѣйшей надобности въ тѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ ихъ, которыми г. Делленъ занялъ большую часть своей брошюрки; пятый, слав. именительный самостоятельный, мало извѣстенъ и потому даже его примѣры (хотя ихъ привелъ не мало г. Потебня) имѣли бѣ нѣкоторую цѣну, если бы авторъ понималъ, что это за падежъ. Но онъ или совсѣмъ не понимаетъ этого, или понимаетъ очень плохо; по крайней мѣрѣ въ числѣ выписанныхъ имъ примѣровъ есть такіе, въ которыхъ именит. самостоятельнаго (чтобы ни разумѣть подъ этимъ названіемъ) нѣтъ, наприм.: Игорь, дошедъ Дуная, созва дружину; они, слышавше, свезоша меды и т. п.

Вообще, брошюрка г. Деллена, не смотря на то, что

затрогиваетъ довольно интересный вопросъ, не имѣетъ рѣшительно никакого научнаго значенія.

А. Соболевскій.

„Кіевская Старина“ 1882 г., NN 5—12.

Въ исторической жизни Малороссіи были періоды чрезвычайно интересные и еще мало изслѣдованные, и потому неудивительно, что матеріалы, сообщаемыя „Кіевской Стариной“ по исторіи этой области, имѣютъ большую цѣну для просвѣщенныхъ изслѣдователей дѣяній и судебъ обширнаго нашего отечества. Такъ какъ южноруссы представляютъ собою особый этнографическій типъ, то памятники ихъ быта и умственной жизни имѣютъ важное значеніе для исторіи прошлой и современной нашей литературы. „Кіевская Старина“ поставила себѣ двойную задачу— сообщать памятники и матеріалы по исторіи и этнографіи Южной Россіи. Въ разбираемыхъ номерахъ К. Ст. обращаютъ наше вниманіе слѣдующія статьи: „Записки Кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о Московской осадѣ 1612 г.“ Здѣсь очевидецъ рисуетъ ужасную картину голода, который должны были терпѣть поляки, засѣвшіе въ Кремлѣ. Они откапывали трупы умершихъ и ѣли ихъ, снимали съ висѣлицы казненныхъ повѣшенныхъ и употребляли въ пищу, а также схватывали живыхъ людей, убивали и питались ими. Вотъ до чего дошелъ этотъ страшный голодъ: „Сынъ мытника Петриковскаго зъ нами увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопятъ безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже найшли килка кадокъ мяса человѣческого солоного; одну кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той же Жуковскій за четвертую часть стегна человѣческого далъ 5 золотыхъ, кварта горѣлки въ той часъ была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинскій далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову человѣческую куповали по 3 золотыхъ; за ногу человѣческую,

одно по кости, дано гайдуку два золотыхъ и полъ фунта пороху — и не далъ за тое; всѣхъ людей болше двохъ сотъ пѣхоты и товаришовъ поѣли". (Іюль, 104).

Въ Іюньской книгѣ Ст. находится статья Костомарова подъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Бѣлую Церковь". Здѣсь ученый историкъ описываетъ судьбу этого города (нынѣ мѣстечка) и ту роль, которую онъ игралъ, особенно въ эпоху козацкихъ войнъ при Хмѣльницкомъ и Паліѣ. Въ этой же книжкѣ помѣщена интимная переписка Ѳеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ. Это по большей части приписки къ письмамъ Ѳ. Прокоповича. Оказывается, что письма Прокоповича были изданы безъ этихъ приписокъ. Біографическаго матеріала здѣсь очень мало.

Кобзарь Остапъ Вересай представляетъ интересное явленіе въ духовной жизни малорусскаго народа. Это слѣпой пѣвецъ, живущій нынѣ въ с. Сокиринцахъ Полтавской губ. Прилуцкаго уѣзда, удостоившійся даже пѣть въ Петербургѣ предъ Великими князьями—Сергіемъ и Павломъ Александровичами и въ разныхъ ученыхъ обществахъ и концертахъ. Въ Кіевской Ст. за Августъ мѣсяцъ сообщена краткая его біографія и приведено нѣсколько его думъ, которыя являются варіантами къ прежнимъ его думамъ, уже извѣстнымъ въ печати, а также здѣсь помѣщена замѣтка о музыкѣ его думъ. (Авг. стр. 283—287).

Въ Декабрьской книжкѣ К. Ст. сообщены девять думъ другого баидуриста Ивана Крюковскаго, который живетъ въ г. Лохвицѣ Полтавской губ. Между его думами весьма замѣчательна одна про Тараса Бульбу. Къ сожалѣнію, самой думы Крюковскій не припомнилъ, а только пересказалъ ее. Весьма вѣроятно, что Гоголь слыхалъ эту думу. (Дек. 481—518).

О малорусскомъ поэтѣ Тарасѣ Шевченкѣ напечатали свои воспоминанія П. Л-въ и Н. Бѣлозерскій (Сентябрь и Октябрь). Замѣтка П. Л-ва имѣетъ цѣлью бросить нѣкоторую тѣнь на личность поэта. Такъ, г. Л-въ говоритъ, что Шевченко напрасно рисуетъ дьячка П. Богорскаго отчаяннымъ пьяницей. „Какимъ нибудь горькимъ пьяницей

онъ не былъ, хотя на требахъ и въ обществѣ не отставалъ въ випивкѣ отъ своихъ прихожанъ“. (Сентябрь 562). Въ томъ и дѣло, что эти требы очень часто случаются въ крестьянскомъ быту. Г. Л. извиняетъ частые побои, которые щедрою рукою сыпались на Шевченка, духомъ эпохи; да легче ли отъ того было самому Шевченку, и могъ ли онъ объ этомъ вспоминать съ благодарностью? Далѣе, г. Л. сообщаетъ изъ своихъ воспоминаній, что онъ ѣздилъ на той самой буланой кобылѣ, которую Шевченко погонялъ; но кобылу онъ помнитъ, а Шевченка не замѣтилъ.—Какая честь для кобылы, и какое несчастіе для нашего поэта!

Г. Бѣлозерскій передаетъ свои воспоминанія о Шевченкѣ не на основаніи личнаго знакомства съ поэтомъ, а по разсказамъ Кулиша и другихъ друзей Шевченка; здѣсь сообщаются нѣкоторыя небезинтересныя данныя для біографіи поэта. (Октябрь, стр. 66—77).

Г. Стояновъ сдѣлалъ слишкомъ смѣлое заключеніе и притомъ лишенное всякой исторической и литературной критики, относя пѣсню о взятіи Азова къ событію XI в., ко взятію города Торческа (Іюль). На это справедливо возразилъ Костомаровъ (Авг.), Новицкій (Сент.) и М. Т-въ въ статьѣ: „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности“ (Ноябрь).

Статья Гр. П. Галагана подробно передаетъ всѣ вирши и пѣсни, какія пѣлись при представленіи малорусскаго вертепа (Окт.). Въ концѣ этой книжки приложены ноты, по которымъ пѣлись вирши, а также рисунокъ малорусскаго вертепа.

О томъ же самомъ предметѣ Н. Петровъ помѣстилъ историко-литературное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Старинный южно-русскій театръ и въ частности вертепъ“. Изслѣдованіе г. Петрова представляетъ возникновеніе и развитіе Рождественской драмы въ западной Европѣ, въ Польшѣ и въ Малороссіи. (Декабрь, стр. 438—480).

Рѣчь П. И. Житецкаго: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, показываетъ, какъ грамотные люди, справщики и составители грамматикъ смотрѣли

на грамматическую обработку русскаго языка. Нѣкоторыя мнѣнія не лишены курьеза, какъ напр. мнѣніе Вишенскаго XVI в., который возстаетъ противъ грамматикъ. Онъ пишетъ: „Словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго... есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводити“ (Ноябрь, стр. 284—285). Житецкій приходитъ къ тому заключенію, что „идея русскаго языка въ XVI в. сознана была южно-русскими писателями?! (Ноябрь, 284).

Болѣе интересные матеріалы слѣдующіе: „Сулиминскій фамильный архивъ—Ал. Лазаревскаго“ (Ноябрь); „Матеріалы для исторіи Коліивщины, сообщаемые Костомаровымъ, и матеріалы для исторіи Запорожья“ (Авг.).

Между памятниками письменной и народной словесности находимъ здѣсь: „Дополненіе разговора Великороссіи съ Малороссіей“ (Іюль); дополненіе „Пасхальной Вирши“, помѣщенной въ Апрѣльской книжкѣ К. Ст. Оно имѣетъ этнографическій интересъ; (Сент.) „Вирша на Рождество Христово“, сообщенная С. И. Пономаревымъ; (Дек.) Коліивщина въ пѣсняхъ; Задунайскія народныя преданія про Палія та Мазепу, – про Антона Головатого, Оноприя Шпака и царицю Катерину (Сент.); пѣсня Запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи; пѣсня Черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила (Іюнь); „Курта“ — пастушеская идиллія, интересное созданіе народное (Авг.); Украинскій Геліосъ (Октябрь); наконецъ, пѣсня — Жартъ (Іюнь) про обманутаго солдата — ничѣмъ не замѣчательна и излишне красуется на страницахъ серьезнаго журнала. Точно также находимъ странное, чтобъ не сказать—курьезное — разсужденіе О. Л. о графскомъ окровавленномъ кондонѣ. Всего комичнѣе здѣсь то, что О. Л. примѣнилъ ученый методъ изслѣдованія къ пустяку, имѣющему зна-

ченіе сальнаго анекдота. Любопытныхъ отсылаемъ къ соотвѣтствующему мѣсту въ „Кіевской Старинѣ“ (Октябрь, стр. 83).

Х. Ящуржинскій.

Юрій Даничичъ (Некрологъ).

4 Ноября 1882 года скончался скоропостижно въ Загребѣ Д-ръ Юрій Даничичь, оказавшій незабвенныя услуги сербской и хорватской литературѣ.

Онъ родился въ Новомъ Садѣ 4 апрѣля 1825 года. Въ малолѣтствѣ онъ лишился отца, бывшаго православнымъ священникомъ, и остался на попеченіи матери, которая содержала и воспитывала его трудами своихъ рукъ. Первоначальное образованіе получилъ на родинѣ, потомъ учился въ Парижѣ и Пештѣ и напослѣдокъ окончилъ курсъ наукъ въ Вѣнѣ. Осенью 1845 года онъ поступилъ на юридическій факультетъ вѣнскаго университета, но черезъ годъ по вліянію Вука Караджича и Миклошича перешелъ на филологическій факультетъ. Тогда онъ особенно сблизился съ Вукомъ, и помогалъ ему при изданіи Сербскаго словаря, произведеній сербскаго народнаго творчества и перевода Новаго Завѣта. Въ 1847 г. въ Будѣ онъ напечаталъ первый самостоятельный трудъ — *Рат за српски језик и правопис*, въ которомъ защищалъ языкъ и правописаніе Вука. Замѣчательно, что вѣнская цензура запретила эту брошюру „по высшимъ политическимъ соображеніямъ“. Этотъ первый ученый опытъ Даничича обратилъ на него вниманіе только что тогда основаннаго Общества сербской словесности, и оно поспѣшило избрать его въ свои члены. Враги направленія Вука напали на Даничича за его „Рат“, но ему пришлось вести съ ними полемику въ газетахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ. Находясь еще въ Вѣнѣ, онъ издалъ *Малу српску граматику* (она выдержала 7 изданій) и *Приповетке из Старог и Новог Завета* на всѣхъ трехъ сербскихъ говорахъ, кирилицею и латиницею (2 изд. въ Бѣлградѣ въ 1865 г.). Въ обо-

ихъ этихъ трудахъ Даничичъ показалъ себя знатокомъ сербскаго языка.

Въ 1852 г. Даничичъ прибылъ въ Сербію, но черезъ годъ, по приглашенію князя Михаила, возвратился въ Вѣну, гдѣ занялся обученіемъ сербскому языку княгини Юліи.

Въ 1856 г. Даничичъ былъ назначенъ библіотекаремъ Народной Библіотеки въ Бѣлградѣ. Тогда же онъ былъ избранъ въ секретари Общества Сербской Словесности, и въ этой должности оставался до 1861 года: за все это время онъ издалъ 6 книгъ Гласника (VIII—XIII). Въ томъ же году онъ получилъ мѣсто профессора въ лицеѣ, впослѣдствіи преобразованномъ въ Великую школу: тамъ до 1866 г. онъ преподавалъ славянскую филологію, исторію всеобщей литературы и эстетику. Въ это время Даничичъ издалъ рядъ замѣчательныхъ трудовъ: въ 1858 — *Српску синтаксу*, трудъ обширный и ученый, нѣсколько позже— *Облици српскога језика*, въ 1862—1864 — *Рјечник из книжевних старина српских* (въ 3 томахъ) т. е. Историческій словарь сербскаго языка,—трудъ громадный, составляющій необходимое пособіе для всякаго, занимающагося старосербскою письменностью и внутреннею исторіею древней Сербіи, хотя въ немъ есть пропуски и не всегда вѣрныя и точныя толкованія. Въ это-же время Даничичъ напечаталъ свой переводъ Исторіи сербскаго языка въ связи съ исторіею народа А. А. Майкова и 5 книгъ Моисеевыхъ (1866 г.) и критически издалъ слѣдующіе памятники старо-сербской письменности: *Живот св. Саве од Доментијана* (ошибочно приписано Доментіану) въ 1860 г., *Никольско Јеванђеље*—1864 г., *Живот св. Симеуна и св. Саве* (трудъ Доментіана) — 1865 и *Животи српских краљева и архиепископа* (трудъ архіеп. Даніила и его продолжателей)—1866 г.

Въ 1866 г. Даничичъ былъ приглашенъ епископомъ Штросмайеромъ въ Загребѣ для занятія мѣста секретаря въ созданной имъ Юго-славянской Академіи Наукъ, и въ 1-ой же книжкѣ ея „Rad" напечаталъ изслѣдованіе, имѣ-

ющее общеславянское значеніе,—*ћ і ђ u istoriji slovenskih jezika*: принявъ въ основаніе теорію Шлейхера (Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣв.-восточнаго отдѣла индо-герм. языковъ въ Прилож. N 2 къ VIII т. Зап. Ак. Наукъ, 1865) о сочетаніяхъ *tj* и *dj* въ славянскихъ нарѣчіяхъ, Даничичъ раздѣлилъ ихъ на три группы (I — хорватскій *или* сербскій языкъ *древнѣйшій* (?!) изъ славянскихъ языковъ, II— западно-славянская: чешскій, польскій и оба лужицкіе и III — русскій, старо-славянскій и болгарскій яз.), вмѣсто 4-хъ, принятыхъ Шлейхеромъ (I — болгарская, II — сербо-словенская, III—русская и IV — западно-славянская), чѣмъ сдѣлалъ шагъ назадъ, а не впередъ въ наукѣ. Позже (въ 1874 г.) этотъ трудъ Даничича появился въ Бѣлградѣ подъ заглавіемъ: *Диоба словенских језика*.

Даничичъ оставался въ Загребѣ до 1873 года, когда по приглашенію Министра Народнаго Просвѣщенія г. Ст. Новаковича возвратился въ Бѣлградъ на прежнюю свою каѳедру. Помимо исполненія своихъ преподавательскихъ обязанностей въ Великой Школѣ, Даничичъ занимался также обученіемъ сербскому языку княгини, а нынѣ королевы, Наталіи. Въ 1879 году онъ возвратился въ Загребъ и принялъ на себя редакцію обширнаго Академическаго словаря „Хорватскаго *или* сербскаго языка".

Съ самаго основанія Юго-славянской Академіи до своей смерти Даничичъ принималъ дѣятельное участіе въ ея трудахъ. Изъ изслѣдованій и статей, напечатанныхъ имъ въ Radѣ и „Starinach", самое замѣчательное появилось въ 1874 г. (въ XXVI кн. „Rada": два отрывка изъ исторической грамматики сербскаго языка). Отдѣльно онъ издалъ въ послѣднее время слѣдующіе труды: „*Историја облика српскога или хрватскога језика но свршетка XVIII вијека* (Бѣлградъ 1874)", *Основе српскога или хрватскога језика* (1876) и *Korijeni u hrvatskom ili srpskom jeziku* (1877).

Даничичъ, безъ сомнѣнія, былъ первый филологъ между Сербами и Хорватами. Потеря его не вознаградима — особенно для Юго-славянской Академіи: никто не можетъ

замѣнить его въ редактированіи Академическаго Словаря.

Тѣло Даничича было перевезено изъ Загреба въ Бѣлградъ и тамъ погребено. Надъ его гробомъ сказалъ похвальное слово профессоръ Великой Школы, г. Јованъ Бошковичъ.

Викентій Макушевъ.

Академикъ Гейтлеръ издалъ недавно (въ 1882 г.) въ Загребѣ рукопись Синайскаго глаголическаго молитвослова, или требника подъ заглавіемъ: „Evchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda". Текстъ изданъ кирилловскими буквами. Въ предисловіи издатель говоритъ о характерѣ письма, о правописаніи и о содержаніи рукописи. О времени написанія рукописи издатель высказываетъ мнѣніе, что она относится къ концу X в.

По поводу недавняго столѣтняго юбилея В. А. Жуковскаго (26 янв. 1883 г.) появились въ нашей литературѣ слѣдующія изданія, сочиненія и рѣчи.

1. *Загаринъ.* В. А. Жуковскій и его произведенія (1783—1883 г.). Съ приложеніемъ фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Москва 1883 г. Ц. 10 р.

2. *Зейдлицъ.* Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. 1773—1852 г. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ. СПб. 1883 г. Ц. 2 р.

3. *Буличъ* Н. В. А. Жуковскій (1783—1883 г.). Казань 1883 г.

4. *Жуковскій.* Столѣтняя годовщина его рожденія 1783—1883 г. Письма поэта. Сообщилъ К. К. Зейдлицъ, П. А. Висковатовъ и Я. К. Гротъ (Русская Стар. Февр. 1883 г.).

5. *Миллеръ О. Ѳ.* В. А. Жуковскій, какъ человѣкъ и какъ наставникъ Императора Александра II (Русь 1883 г. N 4).

6. Воспоминанія о первыхъ годахъ дѣтства В. А.

Жуковскаго. Письма А. П. Зонтагъ къ князю П. А. Вяземскому (Русск. Мысль 1883 г. Февр.).

7. Къ юбилею Жуковскаго. С. Ш. (Историч. Вѣст. Февр. 1883 г.).

8. Висковатый. О В. А. Жуковскомъ. Съ приложеніемъ двухъ писемъ Жуковскаго къ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Соллогубъ, рожденной Віельгорской (Ж. М. Нар. Пр. 1883 г. Мартъ).

9. Письма Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. Часть первая 1832—1839 г. Съ предисловіемъ и поясненіями (Рус. Арх. 1883 г. кн. 1).

10. Къ біографіи Жуковскаго. Письма его матери и родныхъ (Р. Арх. 1883 г. кн. 1).

11. Къ біографіи Жуковскаго. а) Его переписки о бракѣ съ М. А. Протасовой; б) Разсказъ П. А. Зонтагъ о Жуковскомъ; в) Письма Жуковскаго къ Прокоповичу—Антонскому; г) Письмо Жуковскаго къ Сперанскому о воспитаніи Государя Александра Николаевича; д) Письма и шуточныя записочки Жуковскаго къ А. О. Смирновой; е) Письма Жуковскаго къ графу Дм. Ник. Шереметеву объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости родныхъ профессора Никитенко.

12. *Сумцовъ.* Жуковскій. Чтенія для народа. Харьковъ 1883 г. Ц. 5 к.

13. Жуковскій В. А. Пожаръ зимняго дворца (въ 1837 г.). СПб. 1883 г. Изданіе 2-го Отдѣл. Имп. Ак. Н.

14. *Невзоровъ.* В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ и его воспитательное значеніе для Русскаго Общества. Казань 1883 г. Ц. 20 к.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 2. Тифлисъ 1882 г. ц. 2 р.

Куликовскій. Разборъ Вѣдійскаго миѳа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы, въ связи съ концепціей рѣчи и экстаза. Москва 1882 г.

Срезневскій И. Древніе памятники русскаго письма и языка. СПб. 1882 г. 2-е изданіе.

Бычковъ. Описаніе ц.-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорск. публичной библіотеки. Часть 1. СПб. ц. 3 р.

Черневскій. Указатель матеріаловъ для сѣверо-западнаго края въ археологическо-этнографическомъ отношеніи СПб. ц. 40 к.

Арсеньевъ. Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп. Казанскаго университета. Изданіе Археогр. Комиссіи. СПб. 1882 г.

Голубинскій. Разборъ сочиненія Жмакина „Митрополитъ Даніилъ. СПб. 1882 г.

Барсовъ Е. Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ А. С. Пушкина. Москва 1883 г. ц. 50 к.

Макарій — митрополитъ московскій. Исторія русской церкви. Томъ 12-й. ц. 3 р.

Прозоровскій. Разборъ сочиненія графа Толстаго „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. СПб. 1883 г.

Яхонтовъ. Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ Поморскаго края. Казань. ц. 2 р.

Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. Казань.

Поминки по профессорѣ *В. В. Макушевѣ.* Варшава 1883 г. ц. 30 к.

Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. IV. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава 1883 г.

Халанскій М. О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Косовскаго цикла. Варшава 1883 г. ц. 50 к.

Кояловичъ М. Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности. СПб. 1883 г. ц. 25 к.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

1-е прибавленіе къ IX тому 1883 года.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ
О НЫНѢШНЕЙ ПОСТАНОВКѢ ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ
по рускому языку
въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ всего, что до сихъ поръ напечатано по вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ, слѣдуетъ только одинъ безспорный выводъ: что трудъ преподавателя по исправленію ученическихъ упражненій, преимущественно первоначальныхъ, почти равенъ труду ученика по составленію этихъ упражненій. Возможны незначительныя колебанія въ ту или другую сторону, зависящія отъ случайныхъ причинъ: если учитель—изъ числа начинающихъ, то перевѣсъ труда на его сторонѣ; если же учитель уже набилъ руку въ искуствѣ исправленія, то перевѣсъ можетъ склоняться на сторону ученика. Но въ общей суммѣ можно считать, что трудъ и учителя, и ученика почти одинаковъ. Нормально ли такое положеніе дѣла?

Мнѣ скажутъ: „что же дается безъ труда? Жалѣть труда нечего, былъ бы успѣхъ.“ Но опытъ показываетъ, что польза, приносимая ученикамъ исправленіемъ ихъ письменныхъ работъ, очень мала. Нѣсколько лѣтъ сряду я велъ подробную статистику ученическихъ ошибокъ, т. е., записывалъ въ особую тетрадку ошибки каждаго ученика

и въ концѣ года подводилъ итоги. Ежегодно получались одни и тѣже результаты съ поразительною правильностію. Не повторялись въ дальнѣйшихъ упражненіяхъ только тѣ изъ исправленныхъ мною погрѣшностей, которыя по ходу изложенія не могли встрѣтиться въ другихъ упражненіяхъ. Даже объ орѳографическихъ ошибкахъ не могу сказатъ, чтобъ онѣ переводились въ ученическихъ писаніяхъ вслѣдствіе моихъ исправленій. Бывало и такъ, что передъ самымъ упражненіемъ я нерѣдко напоминалъ нѣкоторымъ ученикамъ ошибки, сдѣланныя ими въ прежнихъ упражненіяхъ, — и не смотря на предупрежденіе, они дѣлали тоже самое.

Но вѣдь были же какіе нибудь успѣхи? — Конечно, были. Съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ ученики писали все лучше и лучше, а въ концѣ курса получались результаты нерѣдко даже блистательные... Чтобъ поставить причину успѣховъ внѣ всякихъ сомнѣній, я провелъ одинъ комплектъ учащихся черезъ нѣсколько классовъ безъ всякаго исправленія ихъ упражненій, поддерживая интересъ къ сочиненіямъ однѣми отмѣтками, и результатъ получился совершенно такой же, какъ и при самыхъ старательныхъ исправленіахъ, т. е., успѣхи улучшались въ одинаковой мѣрѣ. Самоучки выучиваются писать точно такъ же: читая книги и грамотныя писанія и постоянно упражняясь въ сочинительствѣ, они постепенно улучшаютъ и свой слогъ, и свою грамотность и наконецъ пишутъ нерѣдко лучше многихъ, учившихся въ школахъ.

Послѣ такихъ опытовъ естественно было усомниться въ правильности самой постановки у насъ письменныхъ упражненій. Въ самомъ дѣлѣ, учимъ ли мы дѣтей письменно излагать свои мысли? По совѣсти—нѣтъ. Мы даже не присутствуемъ при ихъ ученьи, а только издали понукаемъ ихъ, чтобъ они учились *сами*. Нѣтъ никакой возможности доискаться, кто собственно даетъ ученикамъ первые уроки письменнаго изложенія: учитель грамоты, учитель приготовительнаго класса, или преподаватель гимназіи. Говорятъ, что всѣ они будто бы учатъ, каждый въ

предѣлахъ своей программы, но только съ весьма большою постепенностію. А постепенность эта до того неизмѣрима, что первые шаги дѣтей на поприщѣ авторства, раздробляясь, совершенно теряются въ лабиринтѣ безчисленныхъ родовъ и видовъ письменныхъ упражненій, каковы: списыванье съ книги, диктовка, составленіе примѣровъ на грамматическія правила, переложенія, сокращенія, извлеченія и мн. др. Обученія письменному изложенію мыслей здѣсь нѣтъ. Предполагается, что дѣти умѣютъ уже излагать свои мысли, но только не умѣютъ составлять переложеній, извлеченій и т. п., и вотъ учитель начинаетъ учить ихъ всѣмъ этимъ премудростямъ.

Пересмотрѣвъ всѣ роды письменныхъ упражненій, начиная съ писанія примѣровъ на правила грамматики и кончая разсужденіемъ на данную тему, нельзя не прійти къ заключенію, что во всѣхъ ихъ *данное*—форма, а *искомое* — содержаніе. Одно „изложеніе прочитаннаго *своими словами*" составляетъ, повидимому, исключеніе, но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности и это упражненіе имѣетъ большею частію чисто формальный характеръ перевода съ русскаго языка на русскій. „Опишите пріятности весны," „подтвердите примѣромъ изъ жизни вѣрность пословицы *ложь ходитъ на гнилыхъ ногахъ*," „составьте краткое извлеченіе изъ такой-то статьи," „напиште разсужденіе на тему *нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья*"—во всѣхъ этихъ задачахъ ученику извѣстна только *форма* того школьнаго словеснаго произведенія, какое должно выйти изъ его сочиненія, *содержаніе* же, т. е., мысли и расположеніе ихъ онъ долженъ пріискать самъ. Иногда преподаватель старается наложить свою руку и на содержаніе, и предлагаетъ ученикамъ подробный планъ сочиненія, т. е., общую рамку еще дѣлитъ на мелкія клѣтки, которыя должны наполнить ученики. Но такая регламентація только подробнѣе и точнѣе опредѣляетъ все ту же форму. Такимъ образомъ во всѣхъ письменныхъ работахъ учениковъ на первомъ планѣ—форма. Она опредѣляетъ и предрѣшаетъ содержаніе, тогда какъ въ есте-

ственномъ процессѣ письменнаго изложенія мыслей бываетъ какъ разъ наоборотъ: содержаніе безусловно предшествуетъ формѣ и опредѣляетъ ее. Каждый пишущій знаетъ это по собственному опыту.

Мы, стало быть, учимъ учениковъ не *излагать* свои мысли, выражая ихъ въ той или другой, соотвѣтствующей имъ формѣ, а *пріискивать* подходящія мысли для наполненія готовой, напередъ данной формы. А такъ какъ въ головѣ ученика часто не оказывается на лицо подходящихъ къ данной формѣ мыслей, то г. Гавриловъ предлагаетъ особый способъ *изобрѣтать мысли*. Ясно, что мы учимъ *сочинять*, принимая это слово отчасти въ томъ значеніи, какое придаетъ ему Ноздревъ. Дѣйствительныя знанія, дѣйствительныя мысли самихъ учениковъ здѣсь какъ бы стушовываются; здѣсь требуются *изобрѣтенныя* мысли. Отсюда полнѣйшая безсодержательность ученическихъ сочиненій. Цѣль нашего обученія—придать мыслямъ ученика такую гибкость, чтобъ онъ могъ писать о чемъ угодно, что угодно и сколько угодно. Это будто бы значитъ—всесторонне развить даръ слова. Мнѣ же кажется, что такое развитіе нужно бываетъ для людей только извѣстныхъ, весьма немногочисленныхъ, впрочемъ, профессій: священнику—нужно произнести похвальное надгробное слово, застольному оратору—сказать спичъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ требуется нестолько содержаніе, сколько наивозможно приличная форма. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ если въ жизни и возможно бываетъ, что называется, братъ фразой, то это уже будетъ явленіе нежелательное. Если обученіе сочиненіямъ считать предметомъ гимназическаго преподаванія, то оказывается, что въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи одинъ только этотъ предметъ имѣетъ исключительно профессіональный характеръ.

При такой постановкѣ у насъ письменныхъ упражненій, когда приходится учить *сочинять*, т. е., строго говоря, благовидно и фразисто лгать, — обученіе письменному изложенію не можетъ имѣть мѣста, какъ не можетъ имѣть мѣста и вообще дѣятельное вмѣшательство преподавателя

въ ученіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, учить лгать? Въ иныхъ случаяхъ ученикъ сумѣетъ сдѣлать это лучше самого учителя, и г. Бѣлявскій въ своей ст: „Методъ веденія сочиненій (Ж. М. Н. Пр. 1880 г. Апрѣль) указываетъ случай, гдѣ упражненіе обставлено такими условіями, что самъ преподаватель никакъ бы его не написалъ, а между учениками—смотри—и найдутся такіе, что какъ то такъ и напишутъ, и даже недурно напишутъ. Понятно, тутъ учитъ нельзя. А вотъ поправить, если ученикъ негладко солжетъ, — это можно. Поэтому вопросъ о письменныхъ упражненіяхъ у насъ сводится къ вопросу объ исправленіи этихъ упражненій. *Исправленіе упражненій есть единственный общепризнанный способъ обученія сочиненіямъ.* Такъ выходитъ по существу дѣла, такъ признаетъ и дѣйствующій Уставъ гимназій.

Въ методикѣ учебныхъ предметовъ можно встрѣтить немало престранныхъ способовъ и пріемовъ обученія, но этотъ способъ является рѣшительно ни съ чѣмъ несообразнымъ. Каждый мастеръ, принимая на выучку мальчика, довольствуется, обыкновенно, словеснымъ показаніемъ его, что того-то и того-то онъ дѣлать не умѣетъ. Въ обученіи сочиненіямъ — не такъ. Здѣсь учитель даже не спрашиваетъ учениковъ, умѣютъ ли они писать, потому, что самъ отлично знаетъ напередъ, что не умѣютъ, — и все — таки прикидывается, что этого не знаетъ, и требуетъ, чтобъ ученики доказали ему свое неумѣнье *на самомъ дѣлѣ.*

— „Умѣете писать сочиненія?“

— Нѣтъ, не умѣемъ.

— „Ну, такъ напишите переложеніе сейчасъ прочитаннаго стихотворенія. Только, — слышите? — непремѣнно своими словами.“

— Да мы не умѣемъ....

— „Чего же вы собственно не умѣете?“

— Вотъ—какъ нужно писать....

— „Сочиненіе необходимо писать сначала на-черно, „и только послѣ тщательнаго и обдуманнаго исправленія

„по нѣскольку даже разъ можно приступать къ переписы-„ванію на-бѣло.“

— Да мы не знаемъ, какъ писать, — какъ же мы исправлять-то будемъ?

— Слушайте дальше. „Каждую мысль слѣдуетъ вы-„ражать такъ, чтобы непремѣнно выходило предложеніе, „состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, если это пред-„ложеніе личное, и изъ сказуемаго, если оно безличное. „При подлежащемъ, само собой, могутъ быть опредѣли-„тельныя слова, а при сказуемомъ — дополнительныя и обстоятельственныя.“ Поняли?

— „Поняли!“—Одинъ ученикъ поднимается.—„Сколько составить распространенныхъ предложеній личныхъ, и сколько—безличныхъ?“

— „Это—какъ у кого придется. У одного можетъ быть больше, у другого—меньше.“

Опять поднимается нѣсколько учениковъ.

— „Каждый долженъ составить *свои* предложенія, или можно выписать изъ книги?“

— „Изъ книги вы должны заимствовать только *мысли*, а выраженія должны быть ваши собственныя. Слушайте дальше. „Нужно тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы „слова въ предложеніи разставлены были какъ можно пра-„вильнѣе и благозвучнѣе, а для этото полезно по нѣсколь-„ку разъ прочитывать извѣстное предложеніе и наблюдать, легко ли оно читается.“ И т. д. [1]).

Ученики все таки не знаютъ, что имъ дѣлать, съ чего начинать и какъ продолжать. Если въ головахъ ихъ и осталось содержаніе прочитаннаго стихотворенія, то не въ формѣ отдѣльныхъ мыслей, а въ видѣ единаго, цѣльнаго образа, для разложенія котораго на отдѣльныя черты и требуется то именно умѣнье, котораго имъ недостаетъ. „Мы

---

[1]) „Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ по русскому языку.“ И. Бѣлоруссова.

совсѣмъ не умѣемъ этого дѣлать“, говорятъ ученики.— „А вотъ вы напишите, отвѣчаетъ учитель: я посмотрю, *какъ* вы неумѣете, и стану васъ поправлять.“—Приходится ученикамъ поневолѣ обратиться къ помощи репетиторовъ, а учитель сердится. Но здѣсь уже онъ положительно неправъ. Зачѣмъ же онъ оцѣниваетъ отмѣтками такія упражненія, которыя пишутся въ видѣ опыта единственно *для доказательства неумѣнья?*

Ученики написали, какъ и слѣдовало ожидать, плохо. Учитель старательно исправляетъ, показываетъ каждому, что именно у него нехорошо и почему, и какъ слѣдуетъ измѣнить, чтобъ вышло лучше. Гдѣ же тутъ обученіе сочиненію? По настоящему здѣсь учителъ учитъ только *исправлять* плохо написаное, и такое обученіе совершенно безполезно въ отношеніи къ лицу, которое само дурно пишетъ или и совсѣмъ еще не умѣетъ писать. Впрочемъ въ данномъ случаѣ абсолютной безполезности быть не можетъ. Бываетъ же такъ, что учишь одному, а ученикъ выучивается совсѣмъ другому. Мы учимъ его *исправлять* сочиненія, а онъ—смотри—и научится *писать* сочиненія. Но это скорѣе доказываетъ неизслѣдованную еще даровитость человѣческой породы, а отнюдь не цѣлесообразность способа обученія.

Съ внѣшней стороны способъ этотъ является какимъ-то архаизмомъ. Даже въ начальныхъ школахъ учитель занимается уже не съ каждымъ ученикомъ въ одиночку, а всегда съ цѣлой группой одновременно. Система одиночнаго обученія исключаетъ самую надобность въ школѣ, какъ въ особомъ благоустроенномъ учрежденіи, равно какъ и благоустроенная школа исключаетъ возможность одиночнаго обученія. Между тѣмъ обученіе сочиненіямъ посредствомъ исправленія упражненій учителемъ принадлежитъ именно къ этой анти-школьной одиночной системѣ. Здѣсь учитель учитъ каждаго ученика порознь, и хотя не тратитъ на это ученье класснаго времени, но отъ этого ему не легче. Не легче отъ того и ученикамъ, потому что

ихъ учатъ *заочно*. Трудно понять, какимъ образомъ до сихъ поръ могъ удержаться способъ *одиночнаго* и притомъ *заочнаго* обученія. И—нужно замѣтить—*такъ* учатъ предмету высокой, первостепенной важности, предмету, значеніе котораго въ кругу школьныхъ знаній не можетъ быть преувеличено.

Какъ бы то ни было, къ концу *восьмилѣтняго* гимназическаго курса ученики—такъ или иначе—выучиваются сочинять, т. е., на любую отвлеченную тему, въ родѣ „знаніе есть сила,“ „festina lente“ и т. п. они умѣютъ написать цѣлую кучу общихъ мѣстъ и безсодержательныхъ фразъ. Достигнута ли цѣль? Говорятъ, достигнута: ученики пишутъ гладко, грамотно, легкимъ слогомъ, однимъ словомъ, владѣютъ перомъ. Но владѣютъ ли они въ равной мѣрѣ и мыслями, — въ этомъ позволительно сомнѣваться. Недавно гдѣ-то въ печати заявлена была жалоба, что студенты университета, снабженные изъ гимназій аттестатами зрѣлости, вовсе не умѣютъ пользоваться книгами какъ источникомъ свѣдѣній, самаго нехитраго научнаго вопроса не умѣютъ изучить по источникамъ и изложить толково, просто, безъ преувеличеній и риторическихъ прикрасъ. И это весьма естественно. До поступленія въ университетъ они занимались исключительно воздѣлываніемъ легкаго стиля, погоней за общими мѣстами и фразами и все время находились, такъ сказать, въ состояніи полнаго разобщенія между словомъ, языкомъ и мыслію, знаніемъ. Они привыкли *выдумывать* свои сочиненія, т. е., накоплять общія мѣста и фразы, идущія къ данной темѣ, и затѣмъ писать только то, что ими самими выдумано. А такъ какъ фактическихъ знаній нельзя выдумать, то понятно, что ни накопить нужныхъ свѣдѣній по данному вопросу, ни изложить ихъ съ фактическою вѣрностію они не въ состояніи. Эта работа для нихъ совершенно новая, и не только новая, но и весьма трудная. Каждый пишущій по собственному опыту, вѣроятно, знаетъ, сколько ему пришлось работать надъ собою, чтобъ дисциплинировать слово, т. е.,

подчинить его видамъ мысли, и устранить привычное стремленіе фразы возобладать надъ мыслію и спутать ее.

Говорятъ, обыкновенно, что гимназическое обученіе сочиненіямъ имѣетъ въ виду формальную цѣль—обогатить учащихся достаточнымъ запасомъ словесныхъ оборотовъ и разнообразныхъ комбинацій ихъ съ тѣмъ, чтобы они—не то чтобы на всю жизнь имѣли уже готовыя формы для всякаго рода мыслей, а—не затруднялись впослѣдствіи въ пріисканіи выраженій для письменнаго изложенія какого угодно содержанія. По моему мнѣнію, это—величайшая ошибка. Языкъ (разумѣю—индивидуальный) не есть самостоятельный организмъ, могущій развиваться самъ собою, независимо отъ того содержанія, для котораго онъ служитъ только формой. Въ естественномъ состояніи развитіе его совершается, или по крайней мѣрѣ, должно бы совершаться, всегда *параллельно* содержанію, и если удается искуственно нарушить эту параллельность въ пользу языка, то такое нарушеніе непремѣнно поведетъ къ ущербу содержанія, мысли. Что Богъ соединилъ, того нельзя раздѣлять безнаказанно. Природа тяжко караетъ за нарушеніе ея уставовъ, и несчастные ученики, сидящіе, не разгибая спины, по 6—8 часовъ, чтобъ вымучить изъ себя двѣ—три странички фразъ на тему „призракъ счастья движетъ страсти“ (Гавриловъ) несутъ совсѣмъ незаслуженную кару. Гораздо справедливѣе наказаніе преподавателей, которые обязаны изучать этотъ безсознательный, но уже притязательно-фразистый ученическій лепетъ и искать въ немъ микроскопическихъ крупинокъ мысли, расплывшейся въ обильныхъ водахъ словоизверженій.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ и въ естественномъ состояніи строго соблюдалась параллельность развитія между языкомъ и мыслію. Мысль до облеченія ея въ форму слова таится гдѣ то въ глубинѣ души, за порогомъ нашего сознанія, она предстаетъ нашему сознанію не иначе, какъ въ словесномъ облаченіи и уясняется для насъ самихъ по мѣрѣ того, какъ мы ее выражаемъ словами. Такимъ образомъ въ порядкѣ возникновенія мысль безусловно предше-

ствуетъ словамъ. Но мы замѣчаемъ часто, что наша собственная мысль въ нашемъ собственномъ выраженіи нерѣдко является не тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности. Способность говорить именно то и такъ, что и какъ думаетъ, пріобрѣтается довольно продолжительнымъ навыкомъ. Очевидно само собой, что этотъ навыкъ можно пріобрѣсти частымъ упражненіемъ въ изложеніи дѣйствительныхъ мыслей — своихъ, или чужыхъ, но вполнѣ усвоенныхъ — это все равно; выработать же его отдѣльно для содержанія, или же посредствомъ одной формы независимо отъ содержанія — нельзя. Поэтому умѣнье сочинять въ гимназическомъ смыслѣ будетъ совсѣмъ особымъ школьнымъ навыкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ умѣньемъ излагать свои мысли. Онъ и нуженъ исключительно для школьнаго обихода, такъ какъ умѣнье написать пять листовъ на тему „природа нѣма для холоднаго равнодушія" внѣ школы не имѣетъ никакой цѣны. Для изложенія же фактическихъ знаній и мыслей требуется совсѣмъ другой навыкъ, въ выработкѣ котораго за точку отправленія должна быть принята мысль, содержаніе, а не форма, языкъ. И нужно сознаться, что школьный навыкъ не только не подготовляетъ усвоеніе этого другого навыка, но напротивъ сильно затрудняетъ его. Разучиваться всегда труднѣе, чѣмъ учиться.

Мало сказать, что нынѣшнее обученіе сочиненіямъ безполезно: оно, должно быть, положительно вредно, хотя доказать вредъ его гораздо труднѣе, потому что отношеніе и взаимодѣйствіе между мыслію и словомъ невполнѣ разъяснены еще въ психологіи. Что слово не служитъ механическимъ орудіемъ мысли, а въ свою очередь оказываетъ на нее воздѣйствіе,—противъ этого едва ли кто станетъ спорить. До извѣстной степени воздѣйствіе это необходимо и благотворно. Мысль наша движется несравненно быстрѣе нашей рѣчи и для того, чтобъ задержать мысль на то время, пока она будетъ выражена, служитъ почти безсознательное непрерывное сличеніе мысли съ соотвѣтствующей ей словесной формой Такимъ образомъ слово явля-

ется единствнниною опорою мысли. Но оно же первое и соблазняетъ ее постоянно на другіе пути. При отсутствіи регулирующихъ навыковъ съ человѣкомъ можетъ случиться, что въ первой половинѣ его фразы слова идутъ еще параллельно мысли, а во второй половинѣ тойже самой фразы мысль уже увлечена на путь словесныхъ комбинацій и соскочила съ своей параллели. Такихъ людей, съ которыми это часто случается, обыкновенно называютъ фразёрами, а въ общежитіи—безполковыми. Безтолковщины, говорятъ, довольно много даже въ печатныхъ книжкахъ, но безъ сомнѣнія ея гораздо больше въ людскихъ рѣчахъ и поступкахъ. Значительный процентъ всей суммы людской безтолковости я склоненъ отнести на счетъ такого воспитанія мышленія, при которомъ слово является не опорою только, но руководителемъ мысли.

„Нынѣшній методъ обученія сочиненіямъ имѣетъ за собою вѣковую, чуть не тысячелѣтнюю давность. Онъ принятъ въ цѣлой Европѣ, „далеко опередившей насъ на поприщѣ пультуры и просвѣщенія", и даже въ „педагогической Германіи," какъ показываютъ Всемірныя выставки, нѣтъ другого метода; онъ — единственный въ цѣломъ свѣтѣ. Въ наши школы онъ пересаженъ недавно и еще не успѣлъ достаточно установиться. Не рано ли произноситъ о немъ столь рѣшительныя сужденія и думать уже о какихъ то коренныхъ измѣненіяхъ? Да и въ чемъ могутъ состоять эти измѣненія, и у кого ихъ заимствовать?"

Такъ, безъ сомнѣнія, подумаютъ читатели.

Отвѣчать на всѣ подобные вопросы я не берусь, но могу сказать вотъ что. Въ „педагогическую Германію" ѣхать намъ не зачѣмъ, а нужно потрудиться самимъ. Дѣло, правда, не легкое, но не невозможное. Въ этомъ отношеніи для насъ могутъ быть весьма поучительны скромныя работы нашихъ начальныхъ учителей, которые не имѣютъ въ своемъ распоряженіи восьмилѣтняго курса, а въ три—четыре года ухитряются научить и грамотѣ, и грамматикѣ, и ариѳметикѣ, и письменному изложенію мыслей.

Мнѣ случилось разсматривать упражненія учениковъ начальнаго училища, которымъ учитель успѣлъ пока дать только 10 уроковъ письменнаго изложенія. Вотъ самостоятельное *сочиненіе* одного изъ нихъ—описаніе дѣйствительнаго происшествія:

Пожаръ въ Скемпе.

27 октября, сего года, въ 8 часовъ вечера, я сидѣлъ за столомъ и приготовлялъ уроки къ слѣдующему дню. Вдругъ на улицѣ раздался крикъ: горе! горе! [1]) *Боже мой, какъ мы испугались! Мы опасались, что наша деревня Юзефково загорѣлась. Всѣ подпрыгнули и поблѣднѣли. Кто на улицу, кто къ окну, всѣ торопились узнать, что горитъ. Отецъ мой, выбѣжавъ на улицу, узналъ (,) что горитъ въ Скемпе. Всѣ сосѣди, кто съ шприцомъ, кто съ ведромъ, другіе съ крюками, бросились въ Скемпе, и отецъ съ ними. Въ полночь отецъ возвратился и разсказалъ намъ, что сгорѣль сарай. На другой день, когда я былъ въ школѣ, узналъ, что это строеніе принадлежало отцу моего товарища Ольковскому.*

Это точная копія упражненія ученика Фабисинскаго. Учителемъ отмѣчена только одна ошибка: послѣ слова *узналъ* въ первомъ случаѣ не было запятой. Здѣсь нѣтъ ни „величественнаго зарева въ полнеба“, ни „огненныхъ зловѣщихъ языковъ, старающихся лизнуть сосѣднюю кровлю“, ни „раздирающихъ душу криковъ матери, не успѣвшей спасти свое дитя,“ ни тому подобныхъ риторическихъ прикрасъ. Но за то какая изящная соразмѣрность между мыслію и чувствомъ мальчика и его рѣчью! Первый испугъ и суету въ деревнѣ и въ домѣ онъ описываетъ подробно; очевидно, это были сильныя впечатлѣнія, которыя и остались поэтому въ его памяти. Но затѣмъ подробности самаго пожара вовсе не занимаютъ его мысль, потому что самъ онъ на пожарѣ не былъ. Изъ разсказовъ отца онъ отмѣчаетъ только одну важную подробность: что сго-

[1]) Горе! горе!—мѣстное выраженіе; пожаръ! пожаръ!

рѣлъ не домъ, а сарай. Въ концѣ онъ весьма добросовѣстно указываетъ источникъ, откуда онъ узналъ, чей былъ сгорѣвшій сарай.

Но это, по мнѣнію учителя Я. М. Келлера, — лучшій ученикъ, сразу обнаружившій даръ изложенія. А вотъ упражненіе посредственнаго ученика того же училища съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи и пунктуаціи подлинника.

Первый урокъ чистописанія.

21-го Ноября я слышалъ, что на четвертый урокъ господинъ Масловъ будетъ насъ учить чистописанію. Этому я очень радовался и съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого урока. Г. Масловъ объяснялъ: что такое чистописаніе?— Чистописаніе это есть наука, которая учитъ насъ чисто, скоро и красиво писать. Г. Масловъ говорилъ намъ, какъ нужно держать ручку пера. Ручку пера держится такъ, чтобы кончикъ ручки былъ у третьяго состава. Сидѣть нужно такъ: корпусъ долженъ быть прямо, а правый бокъ долженъ примыкать къ столу. Ноги надо держать такъ: лѣвую ногу нужно выпрямить, а правую подогнуть. Пальцы называются такъ: большой, указательный, средній, безъименный и мезинецъ. Части руки называются такъ: кисть, кулакъ и плечо. Г. Масловъ велѣлъ сдѣлать тетради въ такой формѣ, какъ имѣетъ Шаловскій.

Господинъ Масловъ меня спрашивалъ: что находится надъ корпусомъ? что находится съ боковъ и что находится снизу?

Я отвѣчалъ: надъ корпусомъ находится голова. Съ боковъ находятся руки, а снизу—ноги. Мы тотчасъ услышали звонокъ, и господинъ Масловъ пошелъ въ свою покойную комнатку.

Осипъ Руминскій.

Безыскуственность рѣчи напоминаетъ стиль лѣтописей и старинныхъ актовъ. Это-то и есть дѣтскій слогъ, котораго гимназисты наши не знаютъ, такъ какъ различными переложеніями, извлеченіями и т. п. ихъ сразу пріучаютъ не быть самими собою. Дѣло, впрочемъ, не въ сти-

лѣ, а въ необычайно отчетливой техникѣ: постройка предложеній и разстановка знаковъ препинанія почти безукоризненны. И нужно замѣтить—это пишутъ мальчики, которые два—три года тому назадъ были вовсе неграмотны и не знали по русски ни слова. Методъ и пріемы, посредствомъ которыхъ достигаются такіе результаты въ столь короткое время, заслуживаютъ нашего полнаго вниманія.

И. Соломоновскій.

Д. Вымыслинъ, 3 декабря 1882 г.

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВЕЧЕРАХЪ.

Литературные вечера должны быть тѣсно связаны съ преподаваніемъ русской литературы въ высшихъ классахъ и — русскаго языка въ низшихъ, такъ какъ ученики и преподаватели не располагаютъ достаточно свободнымъ временемъ для подготовки и, главное, разработки для литературныхъ вечеровъ матеріала, не имѣющаго близкаго и непосредственнаго отношенія къ учебному курсу. Если допустить послѣднее, то тогда ученики могутъ обращать бóльшее вниманіе на этотъ матеріалъ, хотя онъ и является второстепеннымъ по отношенію къ гимназическому курсу, и поэтому не будутъ въ силахъ вполнѣ сосредоточить своего вниманія на гимназическомъ курсѣ, что, безъ сомнѣнія, повредитъ успѣшному преподаванію русскаго языка и другихъ предметовъ и пріучитъ учениковъ относиться къ класснымъ занятіямъ и приготовленію уроковъ не съ должнымъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Тѣмъ болѣе это должно сказать, если назначать литературные вечера еженедѣльно.

Въ виду этого литературные вечера должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) *собственно литературные вечера*; 2) *литературные вечера—бесѣды.*

1. *Собственно литературные вечера* предназначаются для первыхъ пяти классовъ гимназій. Цѣль ихъ таже, какъ и объяснительнаго чтенія: выработка декламаціи и выразительнаго чтенія, сознательное отношеніе къ читаемому или декламируемому. Ученики, нпр., низшихъ классовъ разучиваютъ басни. Вотъ и слѣдуетъ избрать для литературнаго вечера нѣсколько басенъ, особенно имѣющихъ одну и туже мысль. При этомъ нужно стараться избирать басни такія, въ которыхъ бы было нѣсколько

дѣйствующихъ лицъ, чтобы можно было прочитать каждую басню, для большей оживленности, въ одно и тоже время нѣсколькимъ ученикамъ. Объяснить же содержаніе избранныхъ басенъ, выяснить на основаніи ихъ, что такое басня, показать значеніе составныхъ ея частей и ихъ мѣсто, показать ея развитіе, остановившись главнымъ образомъ на характерныхъ чертахъ басенъ Крылова—долженъ ученикъ V кл. Конечно, это должно быть раздроблено на нѣсколько вечеровъ; ко всему этому ученики должны заранѣе подготовиться подъ руководствомъ преподавателя: чтеніе басенъ должно быть по меньшей мѣрѣ достойно самихъ басенъ, а объясненіе ихъ, такъ какъ оно дѣлается для учениковъ низшихъ классовъ, должно отличаться простотою и удобопонятностью.

Ученикамъ III и IV кл. можно дать, нпр., разучить „Кочубей въ темницѣ", заканчивая словами „Палачъ вошелъ..." „О ночь мученій!" Читать этотъ отрывокъ могутъ три ученика, изъ которыхъ одинъ будетъ изображать Орлика, другой—Кочубея. Для объясненія же этого отрывка назначается особый ученикъ. Такъ какъ содержаніе этого діалога историческое и такъ какъ подобнаго рода произведенія очень часто встрѣчаются въ нашей литературѣ, то не мѣшало бы привлечь къ участію въ литературныхъ вечерахъ и преподавателей исторіи, которые пусть возьмутъ на себя руководство ученикомъ при составленіи имъ объясненія подобнаго рода произведенія.

Что же касается прозаическихъ статей, то съ успѣхомъ можетъ идти здѣсь на ряду съ другими произведеніями и ознакомленіе съ миѳами древнихъ Грековъ и Римлянъ.

Хотя при этомъ ученики, особенно V кл., и будутъ читать на вечерахъ свои сочиненія, хотя эти сочиненія, при такой постановкѣ дѣла, и будутъ простой компиляціей, впрочемъ очень полезной, но можно дать ученикамъ составить свое сочиненіе на основаніи назначенныхъ для вечера статей. Такъ, можно дать ученикамъ разучить „Казачью колыбельную пѣсню" Лермонтова и отрывокъ изъ Тараса Бульбы

„Материнская любовь“, на основаніи которыхъ можно сравнить казачку-мать Лермонтова съ казачкою-матерью Гоголя или дать тему: „Разлука матери съ сыномъ, отправляющимся на войну противъ враговъ отечества“.

На вечера такого характера ученики будутъ смотрѣть какъ на продолженіе классныхъ занятій, а чтеніе статей, хорошо разученныхъ, послужитъ образцомъ для другихъ учениковъ. Такія занятія интересуютъ учениковъ. Они еще съ большимъ вниманіемъ и стараніемъ приготовляются къ вечеру, если знаютъ, что ихъ родители будутъ на вечерѣ и будутъ сами слушать ихъ, такъ сказать, неклассный отвѣтъ. Присутствіе же родителей на такихъ вечерахъ знакомитъ ихъ со школою, даетъ имъ возможность познакомиться съ требованіями преподавателей и служитъ, т. о., самымъ лучшимъ средствомъ сближенія школы съ семьей.

Для того же, чтобы вечера не были черезчуръ однообразны и утомительны, можно и слѣдуетъ допустить пѣніе пѣсенъ. Желательно, чтобы пѣлись пѣсни, имѣющія близкое отношеніе къ нашей исторіи и къ исторіи Славянъ, нпр.: „Въ шапкѣ золота литаго“, „Ахъ ты, воля, моя воля“, „Мы дружно на враговъ“ и др. При этомъ не слѣдуетъ забывать и того, что подобная постановка дѣла можетъ служить къ возбужденію и укрѣпленію въ ученикахъ чувства патріотизма, такъ какъ для литературнаго вечера можно избирать произведенія нашей литературы, имѣющія связь съ нашей исторіей. Особенно такія событія, какъ освобожденіе крестьянъ, славянъ и пр., даютъ для этого неисчерпаемый источникъ.

Если почему либо учениковъ этихъ классовъ невозможно собирать вечеромъ, и всѣхъ, то можно назначить „литературное утро“, а собирать не всѣхъ, по группамъ.

2. *Литературные вечера — бесѣды* предназначаются для трехъ старшихъ классовъ и должны идти въ томъ же направленіи, какъ и классныя занятія, отличаясь отъ сихъ послѣднихъ бо́льшею обстоятельностью. Предметомъ ихъ можетъ служить все, имѣющее отношеніе къ нашей лите-

ратурѣ. На нихъ читаются литературныя произведенія и сочиненія учениковъ. Литературныя произведенія должны быть избираемы, по возможности, небольшаго объема и особенно выдающіяся по своему значенію. Съ произведеніями же большаго объема ученики должны познакомиться дома такъ, чтобы на бесѣдѣ сообщено было только ихъ содержаніе.

Бесѣда ведется такимъ образомъ. Назначается, положимъ, *Горе отъ ума*. На бесѣдѣ первоначально разсказывается содержаніе комедіи, характеристика лицъ, высказывается значеніе ея въ нашей литературѣ и въ исторіи, отношеніе ея къ жизни автора. Затѣмъ, ученики знакомятся съ „Мизантропомъ“ Мольера, имѣющимъ близкое отношеніе къ этой комедіи. Въ этомъ уже мы начинаемъ относиться критически къ разбираемой комедіи, а по сему не мѣшаетъ указать напередъ ученикамъ болѣе выдающіяся критическія статьи; затѣмъ, на бесѣдѣ разобрать ихъ и составить сообща опредѣленный взглядъ на произведеніе.

Сочиненія же учениковъ разбираются на бесѣдѣ тѣ, которыя выдаются одностороннимъ направленіемъ. Могутъ быть задаваемы сочиненія спеціально для бесѣды. Эти сочиненія могутъ быть соединены съ курсомъ, нпр. развитіе характера Чичикова, Скупой—у Пушкина и Гоголя,—при этомъ не мѣшало бы коснуться произведеній иностранной литературы и древняго міра по тому же вопросу, но болѣе желательно, чтобы эти сочиненія, соединенныя съ бесѣдами, имѣли въ виду развитіе въ ученикахъ патріотизма и нравственности.

Николаевъ.

Ив. Муретовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ СЪ УЧЕНИКАМИ.

Литературныя бесѣды дѣло новое: корреспонденція изъ Одессы, напечатанная въ Педагогической Хроникѣ (1883 г. NN 1 и 2), прямо проситъ указанія, какъ вести эти бесѣды. Я веду чтенія—бесѣды только 2-ой годъ и потому далекъ отъ мысли дѣлать указанія другимъ: цѣль этой замѣтки изъ сопоставленія указанной корреспонденціи со статьею г. Истомина—„Къ вопросу о практ. упражненіяхъ по русскому языку“ (Р. Ф. Вѣстникъ 1883 г. N. 3) уяснить сколько-нибудь дѣло, прежде всего лично для себя; личный опытъ, хотя небольшой, даетъ мнѣ возможность взглянуть на указанныя статьи практически.

По словамъ корресп. изъ Одессы, учитель-руководитель г. Б-скій при открытіи бесѣды пытается выяснить задачу „гимназической литературной бесѣды“. Онъ называетъ бесѣду *литературною* „не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, чтобы предметомъ ея необходимо долженъ служить какой-либо фактъ литературы отечественной или иностранной, но въ смыслѣ упражненія учащихся вообще въ устномъ *литературномъ* изложеніи ихъ мыслей и знаніи относительно извѣстнаго вопроса, взятаго изъ того или другаго предмета гимназическаго курса“.

Что же это за литературное изложеніе? не особенный-ли это стиль? Поставленная такимъ образомъ, бесѣда дѣлается литературною въ самомъ узкомъ смыслѣ, только по формѣ; это значитъ сказать ученикамъ: на этихъ бесѣдахъ вы не должны говорить обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, должны заботиться не столько о содержаніи, сколько о формѣ. Дѣйствительно-ли г. Б-скій желаетъ этого?

„Уважая бесѣду, говоритъ онъ: какъ бесѣду литературную, должно стараться сдерживать себя всякій разъ, когда, при желаніи заявить свое мнѣніе, чувствуешь въ себѣ неполную зрѣлость, опредѣленность, выясненность мысли, которую хочешь высказать въ бесѣдѣ, или же недостаточно сложившуюся точную форму выраженія вопросовъ или ихъ рѣшеній". При такой усиленной заботѣ о выраженіяхъ, о языкѣ, на которомъ ученики должны изъясняться, думаю, бесѣда не достигнетъ надлежащей цѣли. Ученики не смѣлые, сравнительно слабые, осуждены на вѣчное молчаніе; будутъ говорить только умѣющіе говорить, т. е. тѣ, которые нуждаются въ бесѣдахъ только для того, чтобы порисоваться умѣньемъ бойко говорить обо всемъ. Бесѣда должна быть литературною не по внѣшней формѣ, а въ ней должны выдвигаться литературные вопросы, связанные съ литературнымъ произведеніемъ какого-нибудь автора, или съ произведеніемъ ученика. Самъ г. Б-скій устраняетъ съ бесѣды „разработку, прогрессивное развитіе науки", такъ какъ это дѣло высшихъ учебныхъ заведеній; устранивъ и литературные вопросы, мы сдѣлаемъ бесѣду безсодержательною. Нужно позаботиться прежде всего о содержаніи; что же касается до выраженій учениковъ, то лучше всего, если они будутъ высказывать смѣло всякую незрѣлую мысль; эта мысль будетъ зрѣть и формулироваться въ бесѣдѣ.

„Нерѣдко, говоритъ г. Б-скій, окончательный успѣхъ университетскаго образованія зависитъ отъ умѣнья на, такъ называемыхъ, диспутахъ, при защитѣ диссертацій, изустно отстоять свое мнѣніе о томъ или другомъ научномъ вопросѣ. Ясно поэтому, что гимназія совершенно (?) должна позаботиться о воспитаніи и развитіи этого важнаго и полезнаго умѣнья". Что же это за рѣшеніе научнаго вопроса, нуждающееся въ помощи такого умѣнья? Диссертація должна говорить сама за себя, стоять на своихъ ногахъ, а не держаться на такихъ тонкихъ подпорахъ. Если мы будемъ преслѣдовать подобныя цѣли, то придется бесѣды обратить въ школы софистики. Да и рано забо-

титься о диспутахъ, когда ученики еще не выдержали выпускнаго экзамена. Бесѣда должна давать *развивающимъ* путемъ *знаніе*, а гдѣ знаніе и развитіе найдутъ приложеніе—это не наше дѣло.

Темы въ Одессѣ предложены слѣдующія: 1) къ мнѣнію литературной критики о значеніи Чацкаго въ комедіи „Горе отъ ума"; 2) Педагогическія идеи И. А. Крылова; 3) Трагизмъ въ драмѣ; сущность трагизма: эстетическое и нравственное дѣйствіе его на душу человѣка; 4) Опытъ разработки народной пословицы: „всякъ молодецъ своего счастія кузнецъ" сравнительно съ (пословицами выражающими вѣру въ судьбу). Читалось сочиненіе ученика Д. на первую тему; другіе ученики, ознакомившись раньше съ сочиненіемъ, возражали; четыре учителя принимали участіе въ преніяхъ. Ученикъ Д. оспаривалъ мнѣнія Бѣлинскаго и Гончарова о Чацкомъ и ставилъ свое. Для насъ странно, когда ученикъ становится лицомъ къ лицу съ Бѣлинскимъ. Мы допускаемъ, что ученикъ можетъ, изучивъ данную комедію, составить свое мнѣніе о ней, но не допускаемъ полемики съ такими крупными авторитетами. Г-нъ Б-скій предъ бесѣдою говорилъ: „можно-ли намъ разработку, прогрессивное развитіе науки признать за ту руководящую цѣль, куда мы должны направлять наши литературныя собесѣдованія? Вопросъ безъ колебанія разрѣшится въ отрицательномъ смыслѣ". Положенія, выработанныя критикою, тоже научныя положенія; отвергая мнѣнія, высказанныя критикою и ставя свои, ученикъ занимается разработкою науки. Мы думаемъ, что ученикъ въ этомъ случаѣ подвергается опасности впасть въ „критиканство", а это противорѣчитъ *разумному* требованію учебныхъ плановъ. Изучая сочиненіе, ученикъ долженъ дѣлать выводы только изъ даннаго произведенія; другіе ученики должны замѣчать неправильность выводовъ; наконецъ руководитель долженъ привести учениковъ къ окончательнымъ правильнымъ выводамъ; послѣ этого уже могутъ приводиться учителемъ и читаться учениками разнорѣчивыя мнѣнія критики. Прочитавъ критическую статью послѣ изученія сочиненія, уче-

никъ не полемизируетъ, а только болѣе вдумается въ свое мнѣніе и болѣе уяснитъ разобраннаго автора: Мнѣнія, добытыя самостоятельно, имѣютъ несравненно болѣе цѣны: они способствуютъ выработкѣ характера, самостоятельности въ ученикѣ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ темъ мы находимъ вполнѣ цѣлесообразною тему—Педаг. идеи Крылова; здѣсь ученикъ можетъ работать, взявъ въ руки только сочиненія Крылова.

Послѣ прочтенія корресп. изъ Одессы, намъ представляется вопросъ: при такой постановкѣ дѣла можетъ-ли учитель быть увѣренъ, что *всѣ* ученики изучили данное сочиенніе? Мы думаемъ, что на такихъ бесѣдахъ можно легко высказывать сужденія, вычитанныя въ учебникахъ и критическихъ статьяхъ; между тѣмъ главная забота преподавателя литературы должна состоять не въ томъ, чтобы учащіеся усвоили себѣ тотъ или другой взглядъ на данный литературный фактъ (для этого достаточно „выучить" учебникъ); а въ томъ, чтобы, усвоивая правильные взгляды на изучаемые литературные факты, учились въ то же время смотрѣть своими глазами, анализировать любое сочиненіе, правильно понимать его и оцѣнивать по достоинству (не автора, а взгляды его), или, какъ говоритъ г. Истоминъ, „сознательно относиться къ читаемому произведенію", чтобы сочиненіе могло „оказать вліяніе на нравственное воспитаніе учащихся, развивая въ нихъ въ то-же время художественный, эстетическій вкусъ".

Такая же цѣль и классныхъ занятій литературою, слѣдовательно литературныя бесѣды должны служить (по крайней мѣрѣ—первоначально) только подспорьемъ къ урокамъ: не имѣя возможности прочитать и разобрать на урокахъ все, что нужно, преподаватель устраиваетъ чтенія и бесѣды помимо уроковъ; такимъ образомъ эти занятія должны стоять въ самой тѣсной связи съ уроками словесности. Учитель можетъ пойти далѣе, выступить изъ министерской программы лишь тогда, когда учащіеся усвоили все необходимое. Методъ веденія бесѣдъ поэтому долженъ

быть тотъ же, какой употребляется при преподаванiи въ классѣ; мы разумѣемъ здѣсь тотъ методъ, который считаемъ единственно рацiональнымъ при преподаванiи литературы, основанный на разборѣ литературныхъ образцовъ.

„Руководителемъ учениковъ, говоритъ г. Истоминъ: естественно, скорѣе всего можетъ быть преподаватель русскаго языка". Противъ этого, конечно, нельзя спорить; но на практикѣ представляется затрудненiе: изъ всѣхъ учителей преподаватель русскаго языка болѣе всѣхъ обремененъ поправкою тетрадей; возложить на него еще что-нибудь нѣтъ возможности; иное дѣло, если онъ самъ жертвуетъ частью одного свободнаго дня въ недѣлю.

Планъ веденiя бесѣдъ опредѣляется характеромъ читаемаго сочиненiя, но г. Истоминъ приводитъ тѣ виды упражненiй, которые могутъ быть даны при разборѣ всякаго сочиненiя: извлеченiя, планъ сочиненiй, отношенiе частей, изложенiе содержанiя, характеристика, опредѣленiе идеи. Все это необходимо, но въ остальномъ трудно согласиться. „Если такимъ образомъ, говоритъ г. Истоминъ: разобрано драматическое произведенiе, то ученикамъ назначаются роли для прочтенiя". Такимъ образомъ придется обратить чтенiя въ спектакли. Потомъ у г. Истомина предполагается давать ученикамъ сравненiя содержанiя характеровъ, идей. Мы согласны—это одинъ изъ прiемовъ преподаванiя литературы: при помощи его постоянно возстановляется въ памяти учениковъ уже усвоенное ими, много уясняется; но сравненiе дѣлается въ одномъ—двухъ пунктахъ, а заставлять учениковъ проводить полную параллель, кажется, не практично; ученики всегда дѣлаютъ это съ большими натяжками: они одинаково проведутъ параллель между Онѣгинымъ и Печоринымъ, Александромъ Македонскимъ и Акакiемъ Акакiевичемъ. Главный же вредъ въ томъ, что это даетъ поводъ увильнутъ отъ прямаго отвѣта, скрыть пустоту сочиненiя.

Методъ г. Истомина отличается отъ метода одесскаго учителя; у г. Б-скаго ученики прежде пишутъ, а потомъ бесѣдуютъ; у г. Истомина—прежде бесѣдуютъ, потомъ пи-

шутъ. У г. Б-скаго ученики читаютъ и работаютъ за глазами учителя, работы трудныя, безъ помощи пособій не выполнимыя; у г. Истомина ученики работаютъ на глазахъ учителя; работы посильны: разборъ одного произведенія раздѣляется между многими учениками; „всѣ они вмѣстѣ представляютъ всесторонній разборъ прочитаннаго и объясненнаго.“

Соглашаясь во многомъ съ г. Истоминымъ, мы находимъ, что его планъ веденія работъ носитъ характеръ элементарности: извлеченіе, изложеніе и проч.—и это для изученія каждаго произведенія. Конечно, для неопытныхъ и такіе совѣты полезны, но намъ кажется, что для каждаго произведенія необходимы вопросы, приноровленные только къ данному произведенію.

Если принять, высказанное выше, положеніе: *литературные бесѣды должны служить подспорьемъ къ урокамъ литературы*, то выборъ сочиненій для чтенія значительно облегчается. Здѣсь мы будемъ говорить только о реальныхъ училищахъ, гдѣ изученіе литературы начинается Ломоносовымъ.

Всѣ сочиненія Ломоносова и Державина, положенныя по программѣ, могутъ быть прочитаны на урокахъ, а на бесѣдахъ можетъ быть начато чтеніе и разборъ Фонвизина. Чтеніе, думаю, должно вестись подъ руководствомъ учителя. Обязательно прочесть Недоресля. Предъ началомъ чтенія слѣдуетъ предупредить учениковъ кое о чемъ, напр., въ такомъ родѣ: въ этой комедіи есть личности злонравныя и есть добрыя; замѣчайте, въ чемъ злонравіе однихъ, въ какомъ они отношеніи между собою, и какія добрыя качества другихъ; злонравные въ борьбѣ съ добрыми: нужно замѣтить, какими силами обладаютъ тѣ и другіе. Прочитавъ комедію, напр., до появленія Скотинина, учитель останавливаетъ чтеца и спрашиваетъ всѣхъ: нѣтъ-ли въ прочитанномъ отвѣтовъ на заданные вопросы? Отвѣчаетъ то тотъ, то другой ученикъ. Когда все содержаніе будетъ исчерпано и ясно формулировано по частямъ, тогда одинъ изъ учениковъ долженъ изложить устно все прочитанное.

Потомъ, по прочтеніи комедіи можно предложить тему для устнаго изложенія содержанія комедіи, напр: „Вотъ злонравія достойные плоды!“ При помощи учителя ученики опредѣляютъ, что нужно во 1-хъ сказать о злонравіи Простаковой и ея пособниковъ, въ 2-хъ о плодахъ т. е. наказаніи и орудіяхъ наказанія.

Изучая Фонвизина, нужно прочитать и ком. „Бригадиръ“. Здѣсь ставятся вопросы, подобные слѣдующимъ: какія лица относятся къ старому поколѣнію и какія — къ новому? Всѣ-ли лица новаго поколѣнія нравственны? Какія черты у лицъ стараго поколѣнія общія съ чертами лицъ, выведенныхъ въ Недорослѣ? Читается эта комедія, какъ и предыдущая, по частямъ. Потомъ всѣ лица той и другой комедіи дѣлятся на группы. Ставятся вопросы: какіе интересы лицъ каждой группы? въ чемъ они ставятъ достоинство, счастіе человѣка? Далѣе можно предложить тему для устнаго изложенія содержанія обѣихъ комедій: „Идеальныя стремленія Фонвизина и дѣйтвительность“.

Не думаю, чтобы въ реальномъ училищѣ возможно было прочитать еще другія сочиненія, относящіяся къ Екатеринскому періоду.

Изъ *Карамзина* по программѣ положено прочитать три письма; Стоюнинъ совѣтуетъ прочитать всѣ; конечно, это хорошо, если по разсчету учителя достанетъ времени; но нужнѣе прочитать хотя одну повѣсть Карамзина, напр., Бѣдная Лиза. При чтеніи Карамзина можно предварительно не ставить вопросы, а ограничиться пересказомъ писемъ, и выводомъ, при помощи наводящихъ вопросовъ, идеи повѣсти „Бѣдная Лиза“. Очень полезно бы было заняться также сравненіемъ лѣтописи съ исторіей Карамзина такъ, какъ дѣлаетъ это Стоюнинъ.

Басни *Крылова* ученики могутъ сами изучать по группамъ.

Изъ *Жуковскаго* по программѣ положено: Свѣтлана и Ивиковы журавли или Торжество побѣдителей. Этого ма-

ло—нужно пополнить, по крайней мѣрѣ, слѣдующими: Сельское кладбище, Теонъ и Эсхинъ, Эолова арфа, Кубокъ, Графъ Габсбургскій, Перчатка, Сраженіе съ змѣемъ. Всѣ эти произведенія легко прочитать на урокахъ.

Изъ произведеній *Пушкина* могутъ на урокахъ читаться только мелкія стихотворенія, а такія, какъ Борисъ Годуновъ, Евгеній Онѣгинъ, Полтава — должны быть прочитаны на бесѣдахъ; то же самое нужно сказать о всѣхъ сочиненіяхъ Гоголя, Лермонтева, о „Горе отъ ума“ Грибоѣдова.

Всѣ эти сочиненія требуютъ основательнаго изученія: если мы дадимъ ихъ ученикамъ читать на дому, то пользы мало—все существенное ускользнетъ отъ ихъ вниманія. Такъ какъ каждымъ изъ этихъ сочиненій вызывается масса вопросовъ, то, чтобы основательно изучить такое произведеніе, необходимо въ каждой части произведенія предлагать вопросы отдѣльно, отвѣтовъ на которые ученики должны искать въ сочиненіи; напр: предъ чтеніемъ 1-го дѣйствія комедіи „Горе отъ ума“ предлагается ученикамъ замѣтить романтическія черты Софьи, взглядъ Фамусова на воспитаніе, отношенія Лизы къ Софьѣ, къ Фамусову, къ Молчалину, недостатки, осмѣиваемые Чацкимъ. Передъ каждымъ дѣйствіемъ вопросы — особые, а потомъ общіе для всей комедіи. Только тогда и могутъ ученики основательно изучить сочиненіе, когда они заранѣе знаютъ, чего искать въ данномъ произведеніи; даже хорошо, если ученики запишутъ вопросы и будутъ имѣтъ ихъ предъ глазами. Читать безъ предварительныхъ вопросовъ ученики могутъ позднѣе, когда пріобрѣтутъ навыкъ останавливаться на существенномъ. Этотъ навыкъ, думаемъ, пріобрѣтется не ранѣе прочтенія всѣхъ авторовъ до Гоголя (включительно), на что нужно не менѣе года; въ 2-ой годъ можетъ быть начато чтеніе позднѣйшихъ авторовъ безъ предварительныхъ вопросовъ.

Письменныя работы мы отодвигаемъ на второй планъ: уже и теперь слышатся жалобы на обремененіе учени-

ковъ; ученики будутъ обремены въ высшей степени, если обязать ихъ представлять работы и къ бесѣдамъ; обременительно—будутъ-ли работы исполняться такъ, какъ исполняются у г. Б-скаго, или какъ рекомендуетъ г. Истоминъ.

Темиръ-Ханъ-Шура. 10 Февраля 1883 г.

А. Барсовъ.

Гдѣ пишешся ѣ и гдѣ не пишется. Справочная карманная книжка. Составилъ Н. Стремленовъ. Второе изданіе. Либава 1883 in. 32⁰ стр. 35.

Брошюра эта составлена очень дѣльно; доказательством этому служит то, что она в короткое время имѣла два изданія. При этом нельзя не обратить вниманія на слѣдующую странность: первое изданіе стоило 15 к. с пересылкою, а второе, напечатанное без всяких измѣненій, стоит 15 к. без пересылки. У нас всегда так бывает, что если учебник или учебное пособіе пойдет в ход, то послѣдующія изданія стоят дороже, нежели предыдущія. Впрочем розсматриваемое изданіе напечатано очень опрятно, на хорошей бумагѣ, но оно съ пересылкою могло бы продаваться по 10 к., особенно, если дать простенькую обертку.

Так-как брошюра эта издана преимущественно для учащихся, то желательно, чтобы в ней не было неточностей, несообрвзностей и пропусков. Первый § брошюры (стр. 5) начинается крупною несообразностію: „долгота буквы *ѣ* доказывается 1) соотвѣтствіем ея буквѣ **ж** в церковно-славянском языкѣ, напр. жсти—ѣсть“ и т. д. приводится еще два слова того же корня с **ж**. Желательно-бы знать, в каких памятниках г. Стремленов открыл глагол **исти** и производныя от него с **ж**.

На стр. 8 говорится, что в иностранных словах *ѣ* не пишется, за исключеніемъ означенных в выноскѣ; между которыми находится слово Вѣна. Смѣем увѣрить г. Стремленова, что Вѣна слово не иностранное, а славянское, корень котораго вѣд, что доказывается польским Wie-

deń и малорусским Видень, напр. в пословицѣ: „и у Видьни є люды бидьни“.

Если попало в справочную книжку слово Вѣна, то неизвѣсто почему нѣт таких слов, как Нѣман, Кѣльцы, Оргѣев, Сѣвск, Сѣдлец, Нѣжин и др. Впрочем, можетъ быть, послѣднее слово не вошло потому, что в нем совершенно неосновательно пишется *ѣ*; хотя это нисколько не кажется нам странным. Не странно-ли было-бы, еслибы кто-нибудь написал: Нѣжній Новгород, а между тѣм Нижень по производству значит город, построенный на низменномъ мѣстѣ.

На стр. 33 употреблен крайне неудачный термин— *личныя* прилагательныя на *ов, ев, ин, цын*. Почему они названы *личными*? Впрочем из тѣх примѣров, которыя там приведены; „в селѣ Ивановѣ, в городѣ Ананьевѣ; при Бородинѣ, в Царицынѣ“, видно будто термин этот удачен. Но можно представить массу подобных слов, гдѣ г. Стремленов не найдет никакого намека на лицо, напр. в Азовѣ, в Лоевѣ, в Черниговѣ в Литинѣ, в Летичевѣ, в Почаевѣ, в Могилевѣ и т. п. Г. Стремленов может возратить, что это имена существительныя, а что же также приведенныя им слова? Но чтобы окончательно успокоить Г. Стремленова относительно неудачно употребленнаго им термина, приведем другаго рода прилагательныя, которыя едвали согласятся считать личными: „одобрили ослы *ослово* красно-хитросплетенно слово“, ласточкино гнѣздо, птичкино перо, маков цвѣт и т. п. Почему *ослов, ласточкин, птичкин, маков* и т. п. нужно считать *личными* прилагательными?

Надѣемся, что Г. Стремленов при дальнѣйшихъ изданіях устранит замѣченныя неточности, потому что их не должно быть въ изданіях, предназначаемых для учащихся.

Мензелинск. 14 Января 1883 г. *К. Шейковскій.*

А. Преображенскій. Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ краткой грамматики ц.-славянскаго языка. Часть первая. Этимологія. Москва 1883 г. ц. 75 к.

Книга эта можетъ быть весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ, такъ какъ въ нее введены важнѣйшіе результаты современной науки о языкѣ. Но она такою можетъ быть, по нашему мнѣнію, только при весьма опытномъ преподавателѣ, который съумѣетъ разобраться въ предложенномъ матеріалѣ, распредѣлить его по классамъ, сообразно потребностямъ и понятіямъ учащихся. Выдѣленіе церковно-славянской грамматики изъ русской, особенно въ низшихъ четырехъ классахъ, по нашему, весьма необходимо для лучшаго усвоенія какъ той, такъ и другой. Педагогическая практика убѣдила насъ, что при совмѣстномъ преподаваніи факты стараго языка и новаго путаются въ головахъ учениковъ, и лишь рѣдкіе изъ нихъ выносятъ вполнѣ ясныя представленія о тѣхъ и другихъ. Но столь краткое изложеніе церковно-славянской грамматики, какъ въ разсматриваемой книгѣ, не достаточно. По нашему мнѣнію, авторъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы расширилъ ее на счетъ того, что вошло въ 1-й отдѣлъ, т. е. въ русскую грамматику, которая, по его словамъ (стр. 9), не есть курсъ высшей русской грамматики; на самомъ же дѣлѣ она скорѣе подходитъ къ послѣднему, чѣмъ къ элементарной грамматикѣ русскаго языка.

Богдановъ. Этимологія русскаго языка. Повторительный курсъ въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Часть 1, изданіе второе. Кіевъ 1883 г. ц. 60 к.

Хотя по программѣ Мин. Нар. Пр. изученіе русскаго языка должно проходить черезъ весь гимназическій курсъ, но на практикѣ это рѣдко выполняется. Обыкновенно изученіе грамматики русскаго языка заканчивается въ четвертомъ классѣ гимназіи, въ слѣдующихъ же классахъ поло-

женнаго по программѣ времени едва хватаетъ на изученіе литературы. Отъ этого происходитъ, что большинство выходящихъ изъ гимназій не отличается у насъ основательными познаніями въ русскомъ языкѣ и даже не всѣ бываютъ безъукоризненны въ орѳографіи. Лучшіе преподаватели, сознавая эту ненормальность, давно уже добиваются увеличенія количества уроковъ по русскому языку; они заявляли о необходимости этого и на съѣздахъ, и въ литературѣ. Но пока вопросъ объ увеличеніи уроковъ разрѣшается, нѣкоторые изъ преподавателей стараются помочь горю или сверхклассными занятіями съ учениками, или разными письменными работами, задаваемыми ученикамъ, или же составленіемъ руководствъ, которыя пополнили бы пробѣлы класснаго преподаванія. Къ числу послѣднихъ относится и разсматриваемая нами книга. Авторъ предлагаетъ здѣсь довольно полный систематическій курсъ этимологіи русскаго языка. Данныя русскаго языка здѣсь разсмотрѣны въ большинствѣ случаевъ согласно съ новѣйшими изслѣдованіями въ области общаго и русскаго языковѣдѣнія. Не мало мѣста занимаютъ въ ней и разные перечни словъ и таблицы, столь необходимыя для утвержденія учениковъ въ правописаніи. Изложеніе отличается опредѣленностью и ясностью, и потому книга смѣло можетъ быть дана въ руки ученикамъ старшихъ классовъ, какъ весьма полезное руководство, для утвержденія въ правописаніи и въ сознательномъ отношеніи къ особенностямъ русскаго языка.

Острогорскій. Русскіе писатели какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Вып. I. Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ. СПб. 1883. ц. 2 р.

Пономарева. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Москва. 1882. ц. 15 к.

Полевой. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Часть II. Новый и новѣйшій періоды: Отъ Кантемира и до нашего времени. 4 изданіе. СПб. 1883. ц. 3 р. 50 к.

Толубѣевъ. Опытъ русской грамматики для первыхъ трехъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Житомиръ 1883 г. ц. 45 к.

Невзоровъ. Руководящіе типы и воспитательный элементъ въ произведеніяхъ русской литературы послѣ Гоголя. Казань. ц. 150 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

LUŽICA.

Съ 1-го Января 1883 г. въ Будишенѣ, подъ редакціей док. фил. Муки, стало выходить періодическое изданіе „Лужицз". Это единственный, опредѣленно выходящій, Лужицко-Сербскій ежемѣсячникъ, общій органъ всѣхъ сербскихъ обществъ, который отзывается на всесторонніе потребности Сербовъ, передаетъ всѣ важныя явленія сербской жизни и литературы, а также произведенія лучшихъ сербскихъ писателей.

Годичная цѣна 2 рубля. Адресъ: Literal Scholze in Bautzen Königreich Sachsen.

ваетъ матеріальное ея благосостояніе и вноситъ въ ея жизнь избытокъ, довольство и счастіе.

Масса практическихъ, систематически расположенныхъ совѣтовъ, наставленій, свѣдѣній, указаній, замѣтокъ, рецептовъ, секретовъ, открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ женскаго хозяйства и домоводства, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, составляющихъ цѣль и суть женской жизни и дѣятельности.

Полное изданіе „Школы женщинъ", составитъ огромный томъ, въ большую 8-ю долю листа, около 1000 страницъ обыкновеннаго журнальнаго формата, отпечатанныхъ на сатинированной бумагѣ, красивымъ шрифтомъ.

Подписная цѣна изданію 6 руб. сер. съ пересылкой 7 руб. сер. Первый выпускъ выйдетъ въ мѣсяцѣ Февралѣ.

Подписка принимается въ отдѣленіи конторы редакціи при книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ графа Мусина-Пушкина, въ книжномъ магазинѣ А. М. Земскаго, на Никольской, въ зданіи Славянскаго базара.

Съ требованіями просимъ гг. иногородныхъ обращаться исключительно: въ Москву, въ контору редакціи иллюстрированнаго изданія „Школа женщинъ" на Казанской улицѣ (Сущево), д. Лоховой.

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ
НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя п.
(Окончаніе).

7. Дѣвица тонет.

а) *Колядка дѣвицѣ.* Она тонет, подает ей руку не отец, мать и пр., а лишь милый:

Плила дівойка долов Дунаём,
Дунаю, гей, Дунаю море,
Ганусю [1]) зоре!
Біжит коло ней татцейко єї:
„Подай мі, татцю, свою ручейку,
„Най я нетону в Дунаїчейку!“
—Я ті неподам, бо я сам впаду.

Тоже повторяется с измѣненіями

Там тади біжит матінка, сестричка и пр.

Наконец

Милейкий подав, дівойку дістав.
Ліпший милейкий, як брат рідненкий.
(Гол., II, 80; ср. ib., 726).

б) *Щедровки того же размѣра ей же.* Дѣвица сама неподает руки (или подает, но неприплывает к берегу) отцу, матери и пр., но подает милому (Гол., II, 161; IV, 88—9; 141—2). Припѣв такой же: „Дунаю, Дунаю море! Ганусю (или имр.) зоре серденько!“ Он может служить указаніем с одной стороны на связь пѣсни с нѣкоторыми другими из тѣх, в коих встрѣчается „Дунай море“ и то-

---

[1]) Имя величаемой.

нущая в нем, с другой („зоре“)—на миѳологическія основанія образа.

Послѣдній стих вар. а) „Ліпший милейкий...“ относит пѣсню к обширному разряду колядок и других пѣсень русс., южно-слав. и нѣмецких [1]) на тему „милый лучше роду—племени“. Он указывает на то послѣднее, не миѳологическое, а житейское значеніе образа, на то примѣненіе его к величаемой отецкой дочери — невѣстѣ, ради котораго образ незабывается. Колядка или щедровка пророчит дѣвицѣ скорый выход замуж (см. ниже свадебныя сходнаго содержанія).

На вопрос, что-же величальнаго, кромѣ отношенія к предстоящему браку, может заключаться в образѣ тонущей дѣвицы, уже дан косвенный отвѣт выше (стр. 115 VIII), гдѣ приведены лотыш. пѣсни, говорящія, что ночью солнце бредет по морю; что солнцева дочь купается в излучинѣ за ивовым кустом, а божій сын подсматривает; что она бредет по морю и тонет, так что виднѣется только ея вѣночек, а божьи сыновья должны спѣшить к ней на помощь в лодкѣ. Этот послѣдній мотив, именно спасеніе утопающей небесной дѣвицы (солнца,) в примѣненіи к земному браку находим в мр. свадебной п. (когда невѣсту везут к вѣнцу):

А в неділеньку рано
Море се розиграло.
Не море то играло,
Але *сонце се купало*,
А Марічка (невѣста) зазирала,
Та й у море упала.
„На-ж тобі, татку, ручку,
„На-ж тобі, татку, й обі,
„Вийми-ж ти мене д' собі!“

---

[1]) Uhland, Alte volkslieder, I, N 117: дѣвица—в челнокѣ, лодочник хочет ее утопить. Она просит, чтобы отец, брат ее выкупили, но тѣ нехотят для этого продать своих кафтанов. Только милый ради ея готов продать душу и тѣло.

—Не моя-ж то, синку [1]), воля
Виймити тя з моря.

Тоже повторяется с измѣненіем:

„На-ж тобі, мамко... Васильку...

Послѣдній отвѣчает:

Моя, Марийчко, воля
Взяти тебе д' собі

(Гол., IV, 361).

Бр. У нядзельку раненько...
Совненько купалося,
N воду брала,
Совненько ратовала,
Ратуючи сама впала.
Кліча-покліча матачку:
...Да ратуй мяне с моря
Да с велікаго горя!“
—N мая дачушка!
Я цябе невратую
Ніхай цябе Бог ратуя.
Нісама туды увайшла,
Цябе долечка унясла

Сб. свз. кр., 267;

другіе вар. без упоминанія солнца: Гол., IV, 316; Метл., 128; Чуб., IV, 138—9. Бр. свадебн., с первыми стихами другого, весняночнаго размѣра:

Зыбнула мора, зыбнула,
Там наша Агатка [ў]танула...

(Этн. Сб., III, 240).

Вр. (Туль), свад., по началу похожа на перевод с мр.:

---

[1]) *Сынку*, обращаясь к дочери. Ср. Гол., II, 394:

Сидит донька у кріселці в віконце вглядає,
Та й на своїх білих ручках синці обзирає.
[Мать:] „А що-ж тобі, *мій синоньку*, синці під очима...?

В свад. п. (зап. часть Подоль. г.):

...Там молода гуляла.
Прийшов батенько:
„Час тобі вже, сину, до посаженьку!“

Так и в сербск. п. мать говорит дочери:

„Залуду се удавала синко!“

(Кар., Пјес., II, 13; впрочем ib. 14 — в обращеніи к Огняной Маріи):

„Шћери моја, мој милостан сине

(Петрановић, Срб. н. п., 339).

Наоборот, у Куявян, ласкательное слово даже мужчинѣ: „Jantku, bież-no tam, *dziewczko*“. Kolberg, Lud, IV, 270.

Рано в воскресенье
Синее море играло,
Авдотья потопала,
Ручки подавала:
„Да кто-ж меня вынет
„Из синяго моря,
„Из великаго горя?
Кидался, бросался
Старый старичище—
Сѣдая бородища.
„На дно моря тону,
„За тебя замуж нейду!“
.. Кидался, бросался
Андреян с поѣздом...
„Со дна моря выду,
„За тебя замуж пойду
(Шейн, Р. н. п., 415).

Ср. также Кохановская, Нѣск. русс. пѣс., 94—5; Сах., Сказ., кн. 3, 120 (N 48): не отец, а жених снимает дѣвку с камня среди воды = не отец утѣшает, а милый, ib. 142.]

В приведенной мр. свад. п.

...Сонце се купало,
А N зазирала
Та и в море упала

средній стих есть позднѣйшая раціоналистическая вставка, для объясненія связи между купаньем солнца и потопаньем дѣвицы. Болѣе первоначальная связь, именно сравненіе, — в слѣд. вар., гдѣ относительно-ново м. б. перенесеніе того же положенія на жениха:

А в неділю рано
Море се розиграло;
А не море то-то грає,
Але *сонце се купає;*
То не сонце се купає,
Молодий потопає,
Та на молоду покрикає:
„Молодечко, голубечко,
„Ратуй мене з моря!“
—Та не моя то-то воля
Ратовати тебе з моря:
Ані човна, ані весла,
Все бура віднесла.

(Wacł. z Ol., 31 = Гол., IV, 336). Эта версія может имѣть цѣлью выставить скромность, повиновеніе невѣсты:

„немоя воля (т. е. замуж), а батькова". Архаично в ней, как и в нѣкоторых из вышеупомянутых, отсутствіе отца, матери и пр., введенных лишь в угоду болѣе общему, ассимилирующему мотиву: „милый лучше роду". Отрицательное сравненіе „То не сонце..." еще непроизнесенное, а существующее лишь как воспоминаніе, повліяло (подобно регрессивной звуковой ассимиляціи) на превращеніе в такое же сравненіе предыдущих стихов

А не море... грає
Сонце ся купає.

Первоначальное отношеніе здѣсь одновременность (когда купается солнце, то море играет) или причинная зависимость, ср.:

У понеділок рано
Соненько ся купало, 2
Вон море виливало, 2
Зільєчко покропляло,
Зільєчко барвіночок
Марьці (невѣстѣ) на віночок...
(Свадеб., Гол., IV, 423).

Слѣдующая болг. (м. б. весенняя?), выводит разсматриваемый мотив за тѣсно-племенныя предѣлы. Пѣсня эте а) начальной чертой „дѣвица на рѣкѣ бѣль бѣлила" связывает этот мотив с другим мотивом колядок, о котором ниже; б) по размѣру (3+5 или 5+3) и по главному мотиву примыкает к приведенной выше (стр. 79 VIII) серб. п. о тонущей дѣвицѣ „бјелила Маре дарове", а через эту — к приведенным там же бр., вр., лотышск.

Да́финка рано рани́ла
На Ду́нава платна́ да бѣли;
Лѐнени платна́ бѣли́ла,
С златна буха́лка [1]) бухала.
Ду́нав си мътен проте́че,
Лѐнени платна́ повле́че,
Тѐнка Да́фина поднесе.
Ма́ма ѝ по край [2]) ходила

---

[1]) Пральник. [2]) по берегу.

И на Да́фина думаше [1]):
„Я пла́вай, пла́вай, Да́финке,
„Да но [2]) си на край испла́ваш,
„Ма́ма-ти да те изва́ди.
—Немо́жж, мамо, немо́жж,
Че [3]) ми се коса́ запле́ла
У рѣкитово ко́рене.
Иди́ ми те́тя повикай!—
Тетё и не се наєма.
От гдѣ є зачул Никола,
С дрѣхи-те [4]) скокнж у Ду́нав,
Да́финка с душа [5]) извади,
Нейно-то драго либенце. Dozon, 98—9.

Спасителем утопающей является милый, подобно тому, как в разсмотрѣнных выше пѣснях (стр. 124, 126—7) он же тушит горящую калину=утѣшает невѣсту или спасает дѣвицу изпод горящей липы. Это сближеніе может быть одним из поводов отыскивать болѣе глубокое сходство между образами горящей калины v. липы и тонущей дѣвицы, поводом, тѣм болѣе заслуживающим вниманія, что образ тонущей дѣвицы, подчиненный болѣе общей схемѣ „милий вірнійший батька", в купальской пѣснѣ имѣет и такой вид:

Ой на річці на Дунаї
Там *липонька потопає*,
Та поверх гілочка випливає,
Вона дубочка прикликає:
„Та подай, дубочку, хоть гілочку!"
—Та нехай тобі кленок дає,
Що він з тобою вірно живе.

(Костомар., Ист. зн. ю.-р. пѣсен. тв., Бес. 1872, VIII, 33). Дуб = батько, клён = милый.

---

[1]) Говорила. [2]) чтобы если. [3]) потому что. [4]) в платьи. [5]) живую.

Явное отношеніе разсматриваемаго образа к браку и в поль. свадебной п. Молодая, когда приступают к „очепинам“ (покрываныю) „widząc, że przynoszą świeczki, które kupiła do oczepin starsza druchna, a które wkrótce mają być zapalone“, поет:

Żegluję płynę,
Moja Basiu, ratuj mnie,
bo zginę.
Старшая дружка: Zapal świecę, albo dwie,
Молодая: Oj ratuj siebie, albo mnie.
Ст. др.: Jak że ja cie mam ratować,
Kiedy niemogę zgruntować
(Kolberg, Lud, VI, Krakowskie, 51).

Может быть и в самом дѣлѣ, как говорит издатель, при очепинах зажигают свѣчи, купленныя для этого дружками, и может быть именно это ближайшим образом разумѣет пѣсня; но „zapal świecę“ находится в связи с подобною чертою в мр. пѣснях, неимѣющею отношенія к обряду очепин и неможет быть выведено из него:

Ой засвіти, мила, свічку, най перейду річку,
Ой засвіти, мила, обі, най перейду д' тобі
(Голов., II, 276, 358, 839, с чѣм ср. ib. 291:
Ой засвіти, місяченьку, хоть годину в нічку,
Най перейду, най перейду до дівчини річку.)
Ой засвіти, мати, свічку, постав по-над річку,
Най я перейду, най переплину до милоï на всю нічку
(ib. III, 296; Метл., 40), гдѣ „мати“, кажется, позднѣйшим видоизмѣненіем, вм. „мила“.

„Ой засвіти, дівчинонько, восковую свічку,
„Нехай же я перебреду сюю бистру річку“.
— Ой рада-б' я, козаченьку и дві засвітити,
Боюсь тебе, молодого, в воді утопити.—
Втонув, втонув козаченько, лиш хусточка плавле...
(Чуб., V, 309).
Прибудь, прибудь, мій миленький, з украïн далеких...
Засвічу я ясну свічку, да й пущу на річку,
Буде мойму миленькому видно на всю нічку.

Непоможе милий Боже и воскова свічка:
Розольеться тихий Дунай быстренькая річка
(Метл., 39).

Вездѣ, кромѣ случая, гдѣ „мати", милая свѣтит милому. Отношеніе этого образа к ожиданію свиданія, любви, может объяснить, как он без видимой связи и цѣли попал в таночную (весеннюю) пѣсню:

Поставлю я хижку там на виріжку [1]).
Виступцем тихо йду,
А вода по каменю, а вода по білому
Ище й тихше.
Засвічу я свічку, піду через річку,
Виступцем и пр. (Метл., 294).

То, что здѣсь та-же бредет, что и свѣтит, находит соотвѣтствіе в пѣснях у Метл., 26, 113. Вышеприведенная польская свад. п. смѣшала два мотива, первоначально несвязанные между собою, именно, туземный „спасеніе утопающей" („ratuj . . .") и другой, м. б. заимствованный, который в мр. „засвіти свічку . . . най перейду річку", переходит в малопонятный намек, предполагающій разсказ о парѣ любящихся, раздѣленных глубокою водою. Печальная судьба этой пары стала содержаніем множества пѣсень и разсказов распространенных от Индіи до Греціи (Геро и Леандр), Италіи (у Страпаролы), Прованса и Франціи, Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи. В Германіи пѣсня этого содержанія, извѣстная народу до нынѣ, документально восходит к XIV в. (Osk. Schade, Volkslieder aus Thüringen, в Weimar. Jahrbuch für Deutsche Sprache etc., III, 1855, 269—75).

В Вестфальском вар.

Et wassen twe künigeskinner,
de hadden enanner so lef,
de konnen to nanner nich kummen
dat water was vil to bred.

---

[1]) Читай „на моріжку". *Моріг*, мурава; вр. *мурог, муруг*, род моху; бр. *мурог*, род мѣлкаго сѣна.

Она зажигает в окнѣ своей спальни *двѣ свѣчи*, чтобы милый мог переплыть к ней. Завистливая монахиня (по другому вар. — старая горничная) гасит свѣт, милый тонет, милая идет к морскому берегу, *просит рыбака закинуть* сѣть и вытянуть милаго, дарит ему за это свой золотой вѣнец и алмазный перстень, и обняв утопленника вмѣстѣ с ним бросается в волны (Uhland Alte... Volkslieder I, N 91; ср. ib. N 45—6). Мр. вышеупомянутая п. тоже представляет соединеніе черт „двѣ свѣчи" и

„Ой нате-ж вам, рибалочки та по золотому;

Та витягніть козаченька и пр. (Чуб., V, 309; ср. Метл., 18; Голов., I, 228; III, 133). Тоже и в морав. Sušil. 187, N 185, ср. ib. 186. Вѣроятно от нѣмецкой пошла мадярская (Die zwei königskinder, Ungarische volks dichtungen, übers. v. Ludv. Aigner. Pest 1873, 159).

Мысль о сомнѣніях и колебаніях невѣсты перед трудным и опасным шагом ея жизни и о том, что возможное счастье в замужествѣ сопряжено с утратою радостей дѣвства, выражено свадебною пѣснью так:

Ой думай, Марусю, та недумай, —
Пливти тобі дві річеньки, третій Дунай.
За Дунаєм черешенька з' ягідками,
А все-ж тобі негуляти з дівоньками.
„Обламаю черешеньку, та не всю;
„Погуляю неділеньку хоть одну".
(На заручинах. Чуб., IV, 73—4).

Раз мы знаем, что мысль о предстоящем замужествѣ — одна из основных в дѣвичьих пѣснях весенних, Петровочных, Купальских; нам будет понятно, что слѣдующая купальская говорит о различных отношеніях мачехи и родной матери к дочерьнему замужеству:

1 Ишли дівочки в ліс по ягідочки,
Коло Володимеря купала!
Играло сонечко на Йвана!
Та припало дівкам та Дунай пливсти,

Та Дунай-море пливсти, три річеньки брести.
Та всі дівочки в цлахтах шовківках,
Дівка Оленка [1]) в плахті чернітці.
Та всі дівочки Дунай перепливли,
Дунай перепливли, річки перебрели,
Дівка Оленка в Дунаї втонула.
(В Дунаї втонула, кісонька (v. плахта) зрипула) [3])
Як прийшли слихи та до мачухи:
„Ой не жаль мені дівки Оленки,
„Ой та жаль мені плахти чернітки!“
ст. 12—14=1—3; ст. 15=4 . . . чернітках,
Дівка Явдошка [2]) в плахті шовківці.
Як прийшли слихи та до матінки:
„Ой не жаль мені плахти шовківки,
„Ой та жаль мені дочки Явдошки!“
(Записано мною. Волч. у.).

Мачеха, „утопивши головоньку“ дочери „у чужую сторононьку“, жалѣет только того, что за нею отдано, а мать—только дочери. С этим ср. бр. свадебн.:

З недзэлі на понедзелак
Васильку беда стала:
Прапала скрыня малявана,
Дачухна кахана.
„Я таю скрыню за дзень призабуду,
„Сваей дачушкі па век незабуду!“
(Этн. Сб., III, 265).

Мр. колыбельная:

Ой поломалася колисонька новая,
Ой забилася дітинка малая.
„Не так же ми жаль колисоньки нової,
„Ой як же ми жаль дітинки малої!
„Я колисоньку за день за два збудую,
„А дітиноньки за рік невигодую!“
(Гол., III, 460 и 457).

---

[1]) [2]) Оленка—сирота. Явдошка—материна дочь из дѣвиц участвующих в игрѣ: „се сироті й рідної матері дочці присвівують“, прим. пѣвицы. [3]) Стих вставлен мною. Ср. Чуб., III, 195 и ниже приведенный варіант.

В подобной пѣснѣ могла быть рѣчь и не о ребенкѣ и колыбели, как здѣсь, а о дѣвицѣ и обрядных весенних и лѣтних релях (мр. колисках, т. е. качелях), которыя до нынѣ в обычаѣ у Руси и у Болгар, и как многія игры, имѣют отношеніе к браку [1]).

---

[1]) В Болгаріи (Панагюриште), в Юрьев день молодец качает дѣвицу, за которою ухаживает, и на оборот. Присутствующія дѣвицы припѣвают им:

Люлчице-ле полюлявка, ове, ове!
Та кой бѣше на люлкѫ-тѫ? ове, ове!
Ганчо бѣше на люлкѫ-тѫ.
Та кой Ганчо залюлява,
Залюлява, отлюлява?
Петка Ганчо залюлява и пр.

(Чолаков, Бълг. нар. сб., 38).

В болг. п. о женидьбѣ солнца (мужчины) (Миладин., 16—7; Верковиѣ, Н. п. Макед. Буг., I, 5—8; Дринов в Періодич. спис. XI—XII, 153; Dozon, 13 сл. 17, см. выше стр. 92—3 VIII), по послѣдним двум вар. солнце влюбляется в Грозданку, нехочет свѣтить по прежнему, если Бог непозволит жениться на ней. По совѣту своей матери оно на Юрьев день опускает с неба на двор Грозданки золотыя качели (вар. „спуснѫ люлила... на крива *врбâ*“; ср. о вербѣ стр. 100—4). Малое и великое сбѣжалося туда „за здравє да се люлѣє“. Когда мать раскачала на этих качелях Грозданку, темныя мглы покрыли их и Гр. была унесена на небо. Мать успѣла ей лишь посовѣтовать: „да *говѣйш*“ столько то времени. (Говѣніе в смыслѣ сохраненія стыдливости и уваженія к мужу и роду понимается как молчаніе. И теперь, по Дозону и др., „новодоведена“ молчит мѣсяц и болѣе). Гроздана сохраняет молчаніе слишком долго. Солнце принимает ее за нѣмую и собирается жениться на другой (Дена Деница v. „Дзвезда деница, бъргозборница“ — скороговорящая) и пр. Молчаніе молодой роднит эту пѣсню с пѣснями у Кар., Пјес. из Херц., 24; Kukuljević, Dela, IV, 154. См. также Сумцов, О свад. обр., 203.

В русс. пѣснях жених с качели хочет увидать невѣсту невѣста—свекров двор:

Мр. весенняя (уличная):

Ой на дубку (v. у борку?), на дубку, колисочка на шнурку,
Ивашечко вихавсь, Ивашечко вихавсь.

Литовская п.: „Что ты, милый князь (kunįgeli) так долго спал? Когда ты спал, изрубили (твоих) воинов, разграбили припасы. Чего тебѣ, князь, больше жаль?“

Он (Как Владимир, „сребромь и златомь неимамь налѣсти дружины“, под 996 г.) отвѣчает:

„Не так мнѣ жаль припасов, как мнѣ жаль воинов.

„Повихайте мене, братця, *в гору високо*, 2
„Нехай же я та побачу *та далеко*, 2
„Ой де моя дівчинонька *та гуляє*, 2
„Чохлатими рукавами *та махає*. 2
„Ой перестань, дівчинонько, *чохлами махать*, 2
„Ой тоді-ж я перестану *важенько здихать!*“
„Ой поти я махатиму, поки подеру!
„Ой поти я здихатиму, поки тебе в'зьму!“

(Запис. мною, в Ромен. у. Ср. купальскую у Чуб., III, 221).

Вр. свадебная, величальная, на дѣвичникѣ (основн. разм. 5+3?):

Как у нас в бору на клену
Висит колыбель на шелку...
...Во той колыбели Алексѣй (жених) спит,
Спать неспит, только так лежит.
„Размахните меня братцы...
„...Прямо к Марьюшкѣ в горницу:
„Что моя Марьюшка дѣлает?
„Под окном сидит, чванится,
„Мною молодцом хвалится“.

(Шейн, Р. н. п., I, 450).

У ворот орѣшина
У ворот зеленая,
Ля али, али, али
Али ля, али, али!
А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена.
Во той колыбели
Качался боярскій сын 2
Михаил Федорович.
„Вы братцы родные,
„Ступите поближе, 2
„Смахните повыше, 2
„Чтоб видно было далече!“
В зеленом садочку
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночек свивала,
На голову вздѣвала,
Себя украшала.

(ib., 423—4).

Жених приказывает слугам:

„Качайте колыбель позыбчѣй,
„Чтоб увидить ей (невѣстѣ) свекров двор
„И свекровушки терем... ib. 492.

Я припасы соберу (pilelę supilsiu) в два, в три года, а воинов невоспитаю (невырощу) и в десять лѣт...“

...„Что ты, матушка, долго спала? Когда ты спала наѣхало гостей (= сватов), увезли дочь и ея приданое. Чего тебѣ, м., больше жаль?“ — Не так мнѣ жаль приданаго, как мнѣ жаль дочери. Я приданое соберу в два, в три года, а дочери невырощу и в десять лѣт“ (Юшкевичь, Лит. н. п., 10—11. Сб. статей читанных в Отд. Русс. яз. II).

Варіанты вышеприведенной купальской вносят еще нѣкоторыя черты:

...Усі дівки перебрели,
Одна дівка потонула,
Дороги шати помочила,
Серебрані ключі упустила.

(Мачеха говорит:)

„Рибаки-ж мої. риболовнички!
„Неловіть-же ви моїй падчерки,
„А вловіте мині дорогі шати,
„Перейміте мині срібрані ключі!“
(Метл., 311).

Устранив подчиняющій, позднѣе наслоившійся мотив („мачехѣ жаль шат и пр.), при котором ключи получают вещественное значеніе, за этим значеніем можно усмотрѣть символическое: ключи—сама дѣвица:

Ой брязнули *срібні ключі* (=) в морі потопаючи;
Заплакала (=) *дівчинонька* (та) та милого виглядаючи
(Костом. в Бес. 1872, V, 100).

За тѣм перевѣс получают первые элементы сравненія (брязг=плачь), соотвѣтствіе между ключами и дѣвицей теряется из виду:

Зазвонили срібні ключі по над море бъючи;
Ой заплакав Василенько від дівчини йдучи.

Пѣсня с этим началом в одном из вар. (Гол., I, 228) представляла, повидимому, сочетаніе образа „срібні ключі“ с другим мотивом, о котором выше (стр. 188).

Утопився Василечко (тілки хустка плавле).
Ходить дівка по бережку, білі руки ламле:
„Нежаль мені хустиночки, що я вишивала,
„А жаль мені Василечка, що я сподобала.
... Закидайте, рибалочки, трёма неводами,
Да витягнить Василечка з чорними бровами и пр.

Возвращаясь к первообразному мотиву: дѣвица = ключи, утонуть (= выйти замуж) = упустить ключи в море. Такой символизм нисколько немѣшает предположенію, что образ тонущей дѣвицы с ключами имѣет миѳологическое основаніе (123—7). Подобное мнѣніе высказал уже Н. И. Костомаров (Ист. знач. и пр. Бес. 1872, V, 100), сблизив ключи разсматриваемой здѣсь купальской с тѣми, „которыми в веснянкѣ отпирается небо. Как бы ни трудно ити в правленіи дальше, до явленія природы, лежащаго в осноэтом навѣ миѳа, необходимо так или иначе отнестись к тому направленію, которое принимает мысль упомянутаго ученаго под вліяніем варіантов разсматриваемой пѣсни, в коих тонущая названа „Маринка“, „Моренка“:

... Прийшлось дівці Маринці перед вести
... на Дунай плисти ...
... Ой ненько, ненько, Моренка втонула ...
Моренка втонула, плахта зринула ...

Иди:

Ой наша Моренка гуляла
З високого терему в воду скакала ...

Или:

Утонула Мареночка, утонула,
Та срібниї ключі упустила.
„Ой рибалки, рибалочки,
„Неловіть мені Мареночки,
„Уловить мені срібні ключі (l. с. 100).

Н. И. Костомаров (l. с. 99) говорит: „В купальской пѣснѣ поется о Моренѣ *или Морянѣ*, которая была вѣроятно не что иное, как олицетворенная вода, море, — богиня вод и вмѣстѣ, как показывают чешскіе памятники, богиня

смерти, т. к. и в самом языкѣ названія смерти и моря, по видимому, сродны“... „В нѣкоторых мѣстах дѣлают чучело, называемое Мареною, украшают его вѣнком из черноклена с разными полевыми цвѣтами, наряжают в дѣвичью одежду, а потом, раздѣвши бросают в воду. Это чучело означает *морскую богиню* и бросанье в воду было, вѣроятно, символом ея господства над водою. Но с забвеніем языческих вѣрованій обряд бросанья в воду женскаго изображенія *подал повод* к представленію об утонувшей дѣвицѣ, за которою однако осталось миѳологическое имя Морены, нерѣдко замѣняемое христіанским именем Марины. Т. о. пѣсни касающіяся Морены в настоящее время есть пѣсни об утонувшей дѣвицѣ“.

Первая черта этого мнѣнія (Марена = богиня моря) основано на уравненіи *Марена́ = моря́на,* которое падает потому, что эта послѣдняя форма в мр. купальских пѣснях, сколько извѣстно, не встрѣчается и без других доказательств невытекает сама собою из поль. *Marzana.* Точно так из принимаемаго многими коренного сродства между *мру, мереть* и *море* еще неслѣдует, что Марена— богиня моря. Заключенное в этом положеніе, что *Марена́* (чеш. мор. Mařena, поль. Marzana)=смерть, признавалось весьма многими, в том числѣ и мною. Оно основано частью на том, что чешско-морав. пѣсни на „Смертной недѣлѣ“ отождествляют Марену и смерть (Smrtolenko, smrtolo kam's klíče děla=Mařena, Mařena, kde's kluče poděla, Suš., 769, 771), частью на сближеніи *Морена* с скр. *мара́на-м,* ср. р. смерть.

Теперь, взяв за исходную точку мр. величальныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и неотдѣляя их от купальских заключающих сходный образ, я склоняюсь к предположенію, что в основаніи этих идеализацій судьбы дѣвицы в предстоящем замужествѣ лежит миѳологическій образ болѣе внушающій сочувствія, чѣм образ смерти. Быть может, смерть (поль. mór, Roger, P. l. w Górnem Szląsku, 205) выносимая в началѣ весны и противопоставляемая вносимому, встрѣчаемому лѣту, маю, есть миѳологическая лич-

ность совсѣм отличная от той дѣвицы в вѣнкѣ, называемой в мр. Мареною, при топленьи которой на Купала, поют пѣсни о тонущей дѣвицѣ. Быть может, и в чеш.-морав. пѣснях лишь сближены и спутаны преданіем смерть и та небесная ключница, которую просят отворить небесныя ворота во время жатвы (Suš., 769). Трудно понять, как с такою просьбою можно обращаться на пр. не к зарѣ или солнцу, а к смерти. Считаю не неумѣстным вопрос: к которой из предполагаемых двух личностей относилось первоначально самое имя *Марена́* (sic, в Харьк. губ. См. Пассек, Оч. Росс., I, 96; я и сам слышал такую же форму: моя ст. О купаль. огнях, III вып. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., 1—2. Христіанское имя Марина с таким удареніем мнѣ невстрѣчалось). Ибо слово это (предполагая, что оно не возникло из христ. имени Марины), буде бы относилось к свѣтовой миѳической личности, могло бы быть сближено не с *мар-* мереть, а с *мар*, блестѣть, которое в греч. *μαρμαίρω*, русс. *мрѣять, марить, марево* (К ист. зв., I, 204).

Допустив, что в основаніи пѣсень о тонущей дѣвицѣ лежит миѳическій, уже человѣкообразный образ, нужно думать, что в самом этом образѣ были черты, облегчавшія его примѣненіе к земной дѣвицѣ. Примѣры такого обратнаго перенесенія образа с неба на землю были уже приведены выше (61). Почему бы ни был приписан дѣвичій вѣнок солнцу и солнцевой дочери (в лотыш. п., ib. 64, 67), раз он приписан, его, уже с миѳологическими чертами, легко вновь перенести на земную дѣвицу. Лотышская пѣсня (Бривз., N 99 = Спрогис, 312, 22) говорит:

„*Солнцева дочь* бредет через море, виден (уже) только вѣночек“. „Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу *солнца!*“

Это почти точный противень вышеприведенных пѣсень о спасеніи тонущей дѣвицы суженым.

Вѣнок находится в тѣсной связи с самой дѣвицей, замѣвяет ее. Что случится с вѣнком, то и с дѣвицей, так

что на Руси (Пасс., Оч. Росс., I, 108) и в Польшѣ на Купала дѣвицы бросают с себя в воду вѣнки и гадают по ним. Кому дает дѣвица свой вѣнок, тому и себя (Коляд. у Гол., IV, 89). Как выше, кто спасет тонущую, тот ей суженый, так и о пущенном на воду вѣнкѣ:

„Хто венок пуйме, тот мене возьме“ (Чуб., III, 115 и пр.). Т. о. с купальской пѣснею о тонущей аналогична купальская же, начинающаяся также, о вѣнках:

Пішли дівочки та по ягодки,
Коло води — моря
Ходили дівочки
Коло Мариночки,
Купала!
Гратеме сонечко,
На Йвана!
Уже дівочки поплели віночки,
Коло води моря и пр.
Віночки невъянуть, дівочки неплачуть,
Віночки *в*тонули (вм. по-), дівочки сплакнули
(Пасс., Оч. Р., I, 97).

Такое же соотвѣтствіе между лотыш. п. а) и б):

а) Я сидѣла на берегу рѣки, вижу — ѣдет вдовец. Вдовец подал мнѣ руку, я прыгнула в рѣку: пусть лучше несет меня поток, чѣм конь вдовца“, Бривземн., N 412. б) „Пася стадо на берегу потока, я бросила в него (свой) вѣнок. Пусть лучше унесут волны потока, чѣм негодный отецкій сын“ ib. N 469.

Превращенія утонувшей. Тогда же, т. е. когда несут топить *марену* (куклу) и черноклен [так я слышал; по другим, (Пасс., Оч. Р., I, 96; Терещ., V, 79—80; Маркев., Обычаи, 10) черноклен называется Мареною, а кукла в женской одежѣ—купалом], поют и слѣдующую п.:

А. 1 Як пішла Ганна до броу по воду,
Ганно моя, панно моя,

Ягодо моя червоная!
Та стала Ганна на всхитки кладки,
Кладка схитнулась, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збірала,
Громаду збірала, усім заказала;
„Неберіте, люде, у броду води,
„Бо у броду вода то Ганнина врода.
„Неловіте, люде, у Дунаї риби,
„Бо в Дунаї риба то Ганнино тіло.
„Некосіте, люде, по луках трави,
„Бо по луках трава то Ганнина коса.
„Неламліте, люде, по лугах калини:
„По лугах калина, то Ганнина краса
(Записано мною от женщ. из Волч. у.).

Б. Пас., Оч. Р., I, 108—9:
Як пішла Ганна в Дунай по воду,
И ступила Ганна на хитку кладку
Б. 3 = А. 3.
4 Як потопала, тричі зринала.
Б. 5—6 = А. 4—5; Б. 7 = А. 6 . . . у Дунаї
Б. 8=А 7 . . . слёза.
9 „Неловіте, люди, у Дунаї щуки:
„В Дунаї щуки—Ганнини руки.
„Неловіте, люди, у Дунаї сомів:
„У Дунаї соми—Ганнини ноги.
Б. 13—14 = А. 12—3 Неламайте . . . по лугам.
„Нервіте, люди, по лугам терну:
„У лузі терен — Ганнини очі
Б. 17—8 = А. 10—11 . . . по лугам.

Припѣв тот же, что в А. Стих 4 Б. заставляет ожидать продолженія:

Тричі зринала, усім наказала,

которое, если бы подтвердилось, показало бы, что ст. 4—5 А.=5 – 6 — лишніе, что мать введена сюда под вліяніем другой п., в родѣ вышеприведенной стр. 188—9), в которой мать противополагается мачехѣ. В сродных пѣснях

содержаніе стихов А 6 слѣд. влагается в уста самой дѣвицы.

Эти сродныя—а) Голов., II, 679; б) ib. 582; в) Купчанко (Зап. Ю.-з. отд. Геогр. Об., II) 373. Здѣсь дѣвица бросается в море, по видимому, спасая свое дѣвство от преслѣдованія братьев (с чѣм ср. лотыш. п. Бривз. N 345, выше стр. 76 VIII):

а) Пішли два браті (і?) в поле орати,
Ганунька сестра їстоньки несла.
Ой здібало єї гей би два браті,
Гей би два браті, два нежонатих,
Дали Гануньці коня тримати,
А сами сіли сніданьє зъїли . . .

Так это понято, по видимому и в польской п., впрочем другого размѣра и незаключающей в себѣ указаній на заимствованіе:

Oj posłała ja ćterech bracisków
zielonej łącki kosić,
I kazali se najstarsyj siostrze
śniadanicko przynosić.
Najmłodsa siostra śniadanie niosła
pod zieloną olsynę—
Z koników zsiedli (братья?) śniadanie zjedli
oj nadobnyj dziewcynie.
I kazali jej koniki wodzić
po zielonyj olsynie;
Konie wodziła, w Dunaj skocyła,
cnoty nieutraciła.
Pływaj ze siostro, pływaj ze nasa,
plywaj, ruciany wieniec,
Płace cię ojciec, płaće cię matka
i niejeden młodzieniec.
(Kolberg, Lud, I (Sandomierskie), 56).

В мр. вар. *б* и *в* „два“ v. „три козаченьки“ давшіе Ганнѣ держать коней, отличены от ея братьев, которым она несла ѣсть. Далѣе

а) Взріла Ганунька, що неправдонька

(б. А она взрівши, що то не жарти...
в. Взріла Аница, що небилица)
Пустила коня (v. коні) в чистоє поле,
Сама скочила в синёє море.
Ой як скакала, наповідала,
Щоби в тім морю води небрати,
На воді піна—щоб незбирати,
На траві роса—щоб не щибати [1]),
В лісі береза—щоб нерубати,
В лузі калина—щоб неламати,
В терну тернина—щоб незбирати,
На грушці груша—щоби нервати;
Бо в морю вода—Гандзина врода,
На воді піна—Гандзина міна [2]),
А в траві роса—Гандзіна коса,
В лісі береза—Гандзине тіло,
В лузі калина—Гандзине личко,
В терну тернина—Гандзини очі,
На грушці груша—Гандзина *душа*.

То, что Ганнѣ дали держать коней, может зависѣть от того, что и ея миѳическій первообразъ тоже держал коней. По лотыш. п. (о заходящем солнцѣ): „Солнце (*сауле*, женщина, дѣвица) плавит (купает) своих коней в морѣ; само сидит на горѣ, золотыя возжи (у него) в рукѣ", Спрогис, 311 (15)=Бривземн., N 76. Лотыш. пѣсни много раз говорят о солнцевых конях (на пр. Бривз., N 43, 51, 73, 319, 388).

Замѣтим, что в купальской „Як пішла Ганна"... размѣр 5+5 переходит в 6+6, при чем это колебаніе ненарушает правильности стиха. Тоже и в вар. в) только что приведенной пѣсни. Т. о. эти пѣсни сродны со слѣдующею болгарскою нетолько по содержанію, но и по внѣшней формѣ.

Болг. п. разсказывает: с вечера мать сговорила Ян-

---

[1]) Так на основ. Голов. II, 582, т. е. несшибать, вм. нещипати. [2]) *міна* — зміна? платье...

ку, а утром стала ее проклинать: „дай, Господь, чтобы ты вышла замуж и

„Дом да сбереш, Янке, като тъпан пепел [1]),
„Рожба да си родиш, кога върба цъвни,
„Рожба да завържиш [2]), сладак живот да имаш,
„Кога риба пѣє, кога Дунав дума!“

Янка свила себѣ вѣнок из „здравца“ и пошла на Дунай по воду. Три дня, три ночи ждала она, непроговорит ли Дунай и незапоет ли рыба, и наконец спросила у Ильчо, гнавшаго лодью с низу, неслучалось ли ему слыхать этого. Тот усмѣхнулся и говорит: „поберемся“ (двама да се земем). Янка плачет и неотвѣчает.

Илчо си поминѫ, Янка в Дунав скочи
Янка си потънѫ, вѣнец-ат ѝ плувнѫ.
Янка му говори: „много здравє, вѣнче
„(Много здравє, вѣнче) на мajка ми носи!
„Да неиде, вѣнче, на Дунав за вода;
„Ште нагребе, вѣнче, Янкини-те сълзи.
„Много здравє носи на девет мой братя,
„Сѣно да некосѭт край Дунав в ливади,
„Че штѫт да покосѭт Янкина-та коса.
„Много здравє, вѣнче, на мой мили тетя,
„Да неоре тетё край Дунав в нивя-та,
„Че ште да изоре Янкини-те кости“.

(Dozon, Бълг. н. п., 95—6).

„Вѣнец-ат ѝ плувнѫ“, находящее соотвѣтствіе в мр. и лотышской п., звучало бы здѣсь в мр.

Ганна втонула, віночек изплив [3]).

То, что Янка вьет вѣнок из раст. здравца, находится в связи с порученіем, которое она ему дает: „много здравє носи на...“ Об этом горном растеніи замѣчено в Слов.

---

[1]) Сколько пыли удержится на бубнѣ.

[2]) О плодовой завязи.

[3]) Ср. лотыш. п.: „Потонула ясеневая лодья, потонуло сто молодых дѣвиц; волна выбросила сто бисерных вѣночков“, Спрогис, 162.

Караджича, что монахи, приходя в село приносят его в гостинец (как поздравленіе и привѣтствіе) хозяевам и хозяйкам.—Порученіе плывущему вѣнку ср. с мр.

...Ой зірву я з рожі квітку, та пущу на воду:
„Пливи, пливи, з рожі квітко, та до мого роду“.
...Вийшла мати води брати, на бережку стала:
„Чогось сяя з рожі квітка на воді зівъяла!
„Либонь же ти, моя доню, сім неділь лежала“.
—Нележала, моя нене, ні дня, ні години,
Та зсушили извъялили все чужиї ниви.

В серб. п. дѣвица

три венца оплела.
Један венац сам себи пустила,
Другога сам братцу даровала,
А трећега на Дунај метала:
„Плавај, мили мој венчиц зелени,
„Тер приплавај пред Јурјеве дворе
„И опитај Јурјеву мајчицу:
„Ако сте ви Јурја оженили?...

(Mikuliić, Nar. pripov. i p. iz Hrv. primor., 165).

Возможно, что болг. *Янка*, принимаемое за производное от муж. *Янко*, есть собств. Анна: приставочное *й* в началѣ в болг. нерѣдкость („юрвай“, Милад. 382 и т. п.). Уменьшительное от Анна в ст.-русс. есть Янъка (Лавр. л.², 201—2). Впрочем сходство имен в мр. и болг. п. может быть случайно.

В. Пассек (Оч. Р., I, 115) говорит: „Порою мнѣ приходило на мысль: нѣт ли между этой Ганной, ея близостью к Дунаю, ея несчастной долей с одной стороны и царевною Анной, женою Владиміра, с другой—чего либо общаго? По лѣтописи, царевнѣ Аннѣ было нелегче, чѣм Ганнѣ в пѣснѣ: она с плачем поѣхала за море“.

Я с своей стороны думаю: так как извѣстно, что имена присутствующих на игрѣ вплетаются в пѣсню, примѣняемую к ним (см. выше: Оленка, Явдошка), и затѣм могут в ней оставаться, как выраженія неопредѣленнаго лица; то для множества никому неизвѣстных Ганн, вѣроят-

ность оставить слѣд своего имени в этой пѣснѣ неизмѣримо больше, чѣм для царевны Анны. Календарных причин прочности имени Ганны в купаль. пѣснѣ невидно.

В приведенном варіантѣ болгарской пѣсни материнская клятва весьма слабо связана с тѣм, что дѣвица тонет и пр. Сравненіе же с пѣснями частью того же размѣра 6+6, частью близкаго (5+5), частью совсѣм отличнаго (4+6) (на пр. Миладин., 259, 363; Безс., Болг. п., I, N 44, гдѣ почему-то из Япки сдѣлана лодочница; Милад., 262), дѣлает еще болѣе вѣроятным, что клятва материнская, которая должна прекратиться лишь тогда, когда запоет рыба и т. п., есть совсѣм особый, различно разрабатываемый мотив, лишь в одном варіантѣ внѣшним образом приставленный к мотиву: из потонувшей—трава и пр. Однако материнская клятва может быть причиною того, что дѣвица, по выраж. мр. п. „утопила головоньку у чужую сторононьку". Ср. ниже проклятіе сыну и выше стр. 77 VIII.

Тожество размѣра нижеприводимой хорв. п. (6+6) дает возможность предположить, что за ея неясностью и благочестивыми католическими вставками (вообще частыми в пѣснях сербо-хорв. католиков, на пр. Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p., 66: Марія вм. дѣвица, Исус вм. милый) скрывается болѣе первообразный мотив, сходный с вышеприведенным: из вѣнков дѣвицы — пшеница и вино. Дѣвица просит мать свить ей вѣнок. Та отказывается:

Нем'рем га навити проз те злате нити (?);
Нај ти га навине Јожеф и Марија.
Дивојчица млада навила првога,
Хитила га таки на те житне поље,
Гдје ми расте крухек, Језушево тјело,
С којега се служе те свете мешице:
Који буду јели, звеличени боду.
Дивојчица млада навила другога,
Хитила га таки на те винске горе,
Гдје ми расте винце, Језушева крвца,
С којега се служе те свете мешице:

Коjи боду пили, звеличени боду

(Plohl-Herdv., ib., 65).

— Сравненіе пѣсни о Ганнѣ и пр. с лотышскими и нижеприводимою мр., мнѣ кажется, полезно как по отношенію к примѣненію образа к нестарѣющим бытовым явленіям, каковы любовь, брак, примѣненію объясняющему живучесть образа; так и по отношенію к вопросу о древних основаніях образа.

Каково должно было быть примѣненіе, на это я старался отвѣтить, поставив эту, саму по себѣ темную пѣсню, в ряд с другими, заключающими сходный образ и болѣе менѣе явственно идеализующими судьбу дѣвицы—невѣсты. Нѣкоторое подтвержденіе для этого можно вывести из семейства лотыш. пѣсень, одна из коих была уже приведена выше по другому поводу (стр. 76—7 VIII). Другія см. у Спрог., 27—30. Два вар. говорят о выданной за муж, послѣ долгой разлуки навѣщающей родительскій дом. Старая мать встрѣчает ее, утирая слезы: „Мое милое дитя (собств. взлелѣянное, выношенное на руках)! Как далеко ты на чужинѣ! Это девятое лѣто, а ты в первый раз пріѣхала навѣстить!“ В третьей пѣснѣ тѣми же чертами изображается посѣщеніе тетки. „Вошла отцевская сестра, *как солнышко*, в избу... Тут всѣ мои дѣтки, только нѣт младшей (племянницы).—Меньшая (сестра, отвѣчают племянники) пошла гулять на берег рѣки... рвать цвѣты черемхи. Когда она рвала, упало (в воду) *золотое колечко*; *доставая колечко* (ср. выше стр. 69, 70, 73), уронила она покрывало; доставая покрывало, падает сама в рѣчку. Неснесла (незадержала, неоставила у себя) рѣчка, вынесла в море; неснесло море, выбросило на берег. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Из девятой вѣтви ея братья сдѣлали гусли. Говорят братья играя: печально звучат эти гусли; так плачет наша младшая сестра, ходя по чужой землѣ“. Как в извѣстном сказочном семействѣ (Аѳ., Ск., VIII, 313) дудка из калины, выросшей на гробѣ убитаго, в руках братьев или сестер поет про его судьбу; так здѣсь гусли, душа липы—дѣвицы, говорят, что она выдана

в чужи люди. Что „душа“ употреблено мною не произвольно, видно из слѣд. лот. п. Умершаго с горя отвергнутаго жениха схоронили в розовом садочкѣ. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Что воскресенье ходят туда дѣвицы; свивши вѣночки, идут в церковь Маріи. Марія спрашивает, плача: „гдѣ, дѣвица, взяла такой (вѣночек)?—В Ригѣ купила, деньги дала.—В Нѣмеччинѣ сковала.— „Что лжете, дѣвицы? *Это душа молодца*“ (Бривз., N 382; ср. ib. 381). Растенія выросшія на гробѣ несчастных любовников—широко распространенный странствующій мотив. В настоящем случаѣ примѣненіе к молодцу и причина его смерти могут разсматриваться, как относительно позднѣйшія наслоенія, несущественныя по отношенію к основному образу (тонет дѣвица), который находим и в слѣдующем вар.: „Побѣжала (я) сиротина с плачем по берегу рѣки, срывая липовые цвѣты. Доставая цвѣты, упала сама в рѣку“. Рѣчка (как выше) выносит ее в озеро, озеро в Двину, Двина в море, море выбрасывает на ком пѣны. „В ногах моих выросла густая липа. Божьи сыновья (diva dali) проѣзжая мимо, сломали верхушку, заткнули за шапки, поѣхали в церковь Маріи. Марія сказала: это не липовые цвѣты, это дорогая (милая) душенька утонувшей в морѣ *во мглистое утро*“ (Magazin der Lettisch-literärisch. geselsch. XIV B. 2 (1869), 164). Имѣет ли послѣдняя черта миѳологическое основаніе, сказать трудно. Там же (165), *как колядка* с припѣвом *koładu, koładu!*,—варіант, по началу примыкающій к нѣкоторым редакціям сказки о калиновой дудкѣ (сестра из зависти убивает сестру, на гробѣ которой выростает калина) и о Рись—мати [Рудч., II, N 18: одна сестра топит другую, обладательницу золотой яблони и, как служанка (=туманная служанка солнца, Спрог. 312, 25) других вар., выдает себя за ту, которую утопила]: „нас было три сестры; меня третью взненавидѣли, вбросили меня в рѣчку“ и пр., как выше.

Мр. „*постова́*“, т. е. веснянка:

У дощовую негоду
Пішла невіхна по воду,

Кинула відерця на воду, 2.
А коромисел на море:
„Станьте, відерця, каменем,
„А коромисел явором!“
Їхали купці Харьківці,
Стали явора рубати,
Тонки гуслоньки тесати,
На синє море пускати:
„Пливіте, гуслоньки, пливіте,
„Та жалібненько гудіте,
„Так як невіхна в свекорка:
„З ночі до ночі в роботі,
„К білому світу в клопоті“.
Ст. 16 = 1.
Пішла дівчина по воду.
18—26 = 3—11
27 „Та веселенько гудіте,
„Так як дівчина в батенька;
„З ночі до ночі в таночку,
„К білому світу в віночку“.

(Записано в 1863 г. В. С. Гнилосыровым от женщ. из Волч. у.).

„Густи“ о гуслях в мр. архаично. Сравненіе с вышеупомянутыми лотышскими и слѣдующею вр. дает возможность предположить, что „у дощовую негоду“ (в лот. „в туманное утро“) тонет и превращается в дерево первоначально не коромысло, а сама дѣвица. Это образ участи невѣсты. Вторая половина мр. п. могла развиться из первой под вліяніем обычнаго в веснянках противоположенія доли замужней и дѣвицы. Вм. „невіхна“ в ст. 2 могло первоначально стоять „дівчина“.

Под вліяніем варіанта вышеприведенной мр. веснянки возникла средняя часть вр. п. (См. Оскольск. у.), сохраняющая еще слѣды первоначальнаго размѣра 5 + 3 („Возьму, млада“, т. е. возьму м'лада и пр.).

Ой молодость, молодость,
Да дѣвичья ты красота!

На чем тебя вспомянуть,
Вспомянуть тебя воздохнуть?
Вспомяну свою молодость
Тоскою—кручиною,
Печалью великою.
Да не я спила—съѣла,
9 Иль хóроше сходила... [1])

—

10 Возьму, млада ведерцы,
Пойду, млада, по воду,
Пущу вёдры под гору,
Сама взойду нá гору:
„Станьте, вёдры, пеньями,
„А я, млада, яблонью,
„Яблонью кудрявою!“
Ѣхали бояре из Москвы,
Рубили яблонь пóд-корень,
Кололи доски тонкія,
20 Дѣлали гусли звонкія.

—

21 Да кóму в гусли поиграть?
Да кому под них поплясать?
Играть будет Петру—судырь,
Петру ли свѣт Степанычу;
Плясать будет то Марьѣ свѣт,
Да Марьѣ свѣт Ивановнѣ.
Ой Петр—от свѣт, позвончѣй,
А Марья—свѣт поплавчѣй!

Запѣв (ст. 1—9) есть позднѣйшая приставка, связанная со слѣдующими ст. 10—20 (=мр. веснянкѣ) лишь тѣм, что пѣвица, замужняя, вспомнивши молодость, вспоминает и пѣсню изображающую дѣвичью судьбу. Г. Кохановская (Остатки бояр. пѣсень, Р. Б. 1861, II, 128), незамѣчая

---

[1]) Это прямо мр.:
Та нi я зпила—зъïла
Ни хóроше сходила.

указанных выше разчлененій этой пѣсни, понимает post hoc как propter hoc: „*с тоски с печали* о безрадостной молодости молодая молодушка стала яблонью кудрявою“. Если, как вѣроятно, пѣвица примѣняла превращеніе к себѣ, то оно в символическом смыслѣ выхода замуж совершилось за долго до воспоминаній о молодости.

Окончаніе пѣсни (ст. 21), приставленное к ней независимо от запѣва, дѣлает из нея величанье, вѣроятно, мужа и жены, присутствующих на „бесѣдѣ“. Символизм спутан: играть на гуслях=любить такую-то (см. 215 VII), но она же является и пляшущей. Из сочетанія готовых поэтических мотивов выходят иногда цѣльныя художественныя произведенія высокаго достоинства, но выходят и болѣе-менѣе безсвязныя сцѣпленія. Я не могу вм. с г. Кохановскою (l. c.) думать, что эта пѣсня „замѣчательна по изумительной силѣ народнаго духа“ потому дѣ что она „принадлежит к тѣм пѣсням, гдѣ слова плачут, а пѣсня весело поет и пляшет“.

Превращеніе вѣдер в камень и коромысла (= самой дѣвицы) в явор могло быть mutatis mutandis перенесено на молодца в слѣдующей колядкѣ, которой первая половина (1—25: мать проклинает сына, 3 сестры его провожают из дому, младшая спрашивает:

„Коли-же братейку, гостейком будеш?“
—Як білий каменец на верха сплине и пр.)

составляет особый, извѣстный в нѣсколькихъ варіантах пѣсенный мотив:

. . . Навернув конём от схода сонця
Та й поїхав си у темний лісок.
Виїхав овін в чистоє поле,
Став му коничок білим камінцём,
Він молодейкій зеленим явором.
Ой стала мати за сином плакати
И пішла она за ним глядати.
Вийшла она си в чистоє поле,
В чистоє поле, в болонічейко,
Та и став єї дождджик кропити,

Та стала она на білий каминь,
На білий каминь, під зелен явір,
Ей стали єї мушки кусати,
Стала она си галузки ламати,
Прорік яворец до неї словце:
„Ей мати моя, мати проклята!
„Недала єс мі в селі кметати,
„Ище мі недаш в полю стояти!
„Білий камінец—сивий коничок,
„Зелене листья—моє одінья,
„Дрібниї прутики—мої пальчики“...
(Голов., II, 55).

Считаю вѣроятным, что в основаніи образа тонущей дѣвицы, из которой выростает липа или явор, лежит солнечный миѳ. Выше (стр. 71), по поводу одного из вар. разсматриваемых здѣсь пѣсень, приведено довольно ясное свидѣтельство лот. п.: „Густая липа выросла на концѣ пути солнца“ и пр. Если, как можно думать, разсматриваемый пѣсенный мотив вмѣстѣ с вышеупомянутыми сказками, принадлежит к одному семейству с древнеегипетской сказкой о Батау и Анепу (разсмотрѣнной Мангартом в Lett. Sonnenmyth. Z. f. Ethnolog., VII, 235, 327); то можно ожидать, что и в пѣснѣ окажутся слѣды полнаго круга превращеній солнечной дѣвы, т. е. в дерево и потом обратно, сходно с упомянутыми сказками. Согласно этим можно разсматривать слѣдующую лот. пѣсню, какъ продолженіе исторіи утонувшей дѣвицы:

„Куда ты летиш, сокол (v. коршун, ястреб), надѣвши восковыя рукавицы?“ — Лечу навѣдаться к липѣ, велика ли она выросла [1]). — Густа, высока я выросла, вѣ-

---

[1]) С этим началом параллельны начала двух других пѣсень: а) „Куда ты поѣдешь, братец, надѣвши бѣлыя рукавицы? — Поѣду навѣстить сестру; слышу, обижает ее чужанин (муж)“, Magaz. l. c. 174, Спрог. 241—2; б) „Куда поѣдеш, братец, обувши бѣлыя ноги? — Ты сестрица неспрашивай. Подай мнѣ мечь, поѣду в золотой лѣс. — „Привези мнѣ золотую

тви опустила в Двину. Я сломлю верхушку, брошу в морскую глубину. Найдут моряки-рыболовы, возьмут меня в лодку, повьют шолковым пологом, отнесут в церковь Маріи, положат в золотую колыбель. Положив в колыбель, зовут ангеловъ укачивать. Укачивали два божьи сына, укачивая, ухаживая (ожидая?) выкачали красную дѣвицу". За тѣм слѣдуют стихи непонятные мнѣ, а по видимому и и издателю, которому принадлежат вопросительные знаки:

Paziešt (?) sowu mamuleniu.
„Kur tu biei miła motie?"
„Szym godym po jureniu lidineju
Por pałaku wanadzianiu". (?)

Предпослѣдній стих испорчен вставкою „szym godym" [„Этими годами (этим временем?) я носилась по морямъ сивым соколом (v. сѣрым ястребом)" ?], Magaz. d. Lett. Ges. l. c., 168—9. Варіант у у Бривз. N 123 начинается съ „Я сломила вѣточку" и кончается такъ: „Качает, лелѣет ее Марія, и выросла красная дѣвица съ золотыми волосами и бѣлорумяным лицом".

Эпизод Калевалы о прекрасной Айно представляет нѣсколько точек соприкосновенія со славянскими пѣснями. Так Айно вяжет три (банные) вѣника (= вѣнки слав. п.) для отца, матери и брата, но не для стараго Вейнемейнена, за котораго нехочет идти за-муж. Она говорит, что лучше ей утонуть в морѣ чѣм выйти за старика [1]). Когда

вѣтку". Из этой золотой вѣтки свила я себѣ вѣночек, вошла в церковь, господа спрашивают: „Гдѣ ты взяла? Кто тебѣ дал? — В Ригѣ купила, деньги дала, в Нѣмеччинѣ сковали" (Magaz. ib. 169).

[1]) Ср. на пр. вр.:

На дно моря пойду, за стараго нейду;
ручки недаю!
Незамай мое тѣло вода размывает,
Незамай мое бѣло рыба разъѣдает,

она утонула, мать плачет по ней в три ручья, три потока, на каждом три водопада, в каждом водопадѣ по три скалы, на каждой скалѣ по зеленому холму, на каждом холму по три зеленыя березы и на каждой березѣ по три кукушки, при чем однако всѣхъ кукушекъ только 3: одна три мѣсяца кукуетъ (по?) дѣвицѣ, другая 6 мѣсяцев осиротѣлому жениху, третья — всю жизнь — бѣдной матери.— Это измѣненіе мотива извѣстнаго всѣм славянским племенам, литовцам и лотышам скорѣе пришло с юга на сѣвер, чѣм на оборот.

Среди такой обстановки находится слѣдующій мотив.

Когда мать Айно была еще в дѣвках, дѣва солнца дала ей золотые дары (пояса и пр.), дѣва мѣсяца серебряные. Дѣвица от радости два дня неснимала их с себя, на третій спрятала их в сундук, гдѣ они лежали до возраста ея дочери. Айно надѣвает это *солнечное* и *мѣсячное платье* и в горѣ от предстоящаго замужества, приходит к берегу моря. Утром *при восходѣ солнца* она увидала вдали — 3 дѣвицы купаются. Она сняла платье и поплыла к ним, по пути сѣла отдохнуть на камень, камень погрузился на дно и Айно утонула. Утопая, она говорила: „пусть никогда мой отец незакидывает сѣтей в этих водах, мать неберет отсюда воды для дома, брат непоит здѣсь коня, сестра неумывает своего лица", п. ч. „эти воды смѣшаются с моею кровью и рыбы здѣсь будут питаться моим тѣлом" (Кал. перев. Гранстрема, 25).

Солнечное и мѣсячное платье утонувшей приводят на память слѣдующую словацкую пѣсню, которая по размѣру $^2(6+6)$ отчасти или вполнѣ сходна с вышеприведенными мр., болг., хорв. (стр. 196, 200, 202), а по общему характеру подходит к другим пѣсням того же раз-

---

Незамай мою косу волна разбивает,
Незамай мою русу трава первивает,
(Коханов., Нѣск. р. п., 94—5).

мѣра и разряда (см. мой Разб. пѣсень Голов., 47 слѣд.).

Naša pańi kňahne po palote tiahne,
Pieseňku si spieva, slzami zalieva:
„Bože môj, Bože môj, čo som urobila,
„Za tebä, suhý býl, ružu som pustila.
„Keby bola išla za Dunaj za králá,
„Za Dunaj za králá, za Nemca císara,
„Bola by videla jak to more ihrá,
„Jak to more ihra, jak ten Dunaj splýva".

Конюх подслушивает эти сожалѣнія и доносит ея мужу, который приказывает:

„Pani moja, pani, obliekaj si šaty
„Čo sa budú rovnat' slnku i miesiaci.
„Pojdeme sa dívat' jak to more ihrá,
„Jak to more ihrá, jak ten Dunaj splýva"

и заставляет ее трижды переплыть Дунай:

„Mojou kňahňou budeš, keď tretí raz prejdeš.

За третьим разом она тонет. Он:

„Rybári, rybári, lapajte mi rybu,
„Lapajte mi rybu, môjmu srcu líbu.

За первым разом вытянул он ея вѣнец, за другим „rubok" за третьим саму (Sb. Matice slov., I, 41).

В моравской п. весняночнаго размѣра Дунай должен переплыть жених:

Tam z tej strany Dunaju
Tam se chlapci scháziju
Sobě hadky dávajú:
„Kdo ten Dunaj přeplyne,
„Ten to děvče dostane"
(Suš., Mor. n. p., 189).

Тот же мотив без всякой вѣроятности заимствованія с одной или другой стороны, в колядкѣ (запис. в Вилен. губ., сообщенной мнѣ студ. Садовским):

Посеред двора широкаго,
Там плывець Дунай цихусянькі,
Там стоїць явор зелянюсенькі.

„Хто геты Дунай пираплывець,
„Хто геты явор пирасячець?
Адазвався малады N
„Я геты Дунай пираплыву,
„Я геты явор пирясяку.

С этим ср. купальскую (Шейн, Бр. п., 164):

У короля сирад двора
Божа ж мой!
Тынок высок, Дунай глубок.
„Хто геты тынок пираскочиць,
„Хто геты Дунай пираплывець,
„Каралевночку за сябе возмець.

Исполняет эти задачи не N, а N (величаемый).

Превращеніе убитой. К другой группѣ, отличной от пѣсень о Ганнѣ по размѣру (основной разм. 4+4), принадлежит купальская у Чуб., III, 213, А:

Торох, торох (v. порох 2.) [да] по дорозі,
Голос, голос [да] по дуброві . . .
. . . [Ой] то брат сестру зарубать хоче,
[А] сестра (в) брата [да] просилася:
„Ой братіку, му͡ий голубчику!
„Нерубай [ти] мене й у субу͡итоньку,
(Зарубай мене й у неділеньку)
Й у неділеньку [рано] пораненьку,
Посічи [ти] мене [да] на дру͡ибен мак
[Да] посій [ти] мене й у трох городочках,
Й у трох городочках [да] на трох грядочках,
[А] й уродиться да трой зіллечко . . .
[Що] любисто(чо)к [за] для любощей,
[А] барвіночок [за] для дівочок,
[А] василечок [за] для пахощей.
. . . [И] до церкви йдуть [и] васильки несуть
. . . [И] мене спомянуть, [и] тебе прокленуть.

Послѣ 15-го ст. въ этом вар. пропуск, дополняемый дру-

гими варіантами: Б (Чуб. ib.) и В (Черн. губ. Вѣд. 1855, N 21, мѣстечко Юриновка Новгород-сѣвер. у.):

Порах, порах па дарогах,
Иване, Иванесеньку!
Сестрин галасок па дубровах:
Сестра в брата просилася:
„Братко ж ты мой да й Иваначку!
„Негуби мене да й у барочку,
„Приведи мене да й да дамочку,
„Загуби мене в неделячку,
„Як измыю да й галованьку,
„Да й заплету русу косаньку.
„Загуби мене в-край дарозі (v.)
„Абсей мене гваздычками
„Абсады мене василёчками,
„Девачки йдуть, гваздычкы рвуть
И мене зпаминуть:
„„Тут спить—лежить Иванава сестра!“
„Парабочки йдуть, стрелачки рвуть
И мене зпаминуть:
„„Тут спить—лежить Иванава сестра
Да й Анюшачка!“
(Маладички йдуть) василёчки рвуть
И мене зпаминуть...
Иване, Иванесеньку.

Пѣсня эта извѣстна и как русальная (Чуб. III, 191), стало быть вовсе не исключительно приурочена к Купалу. Весьма вѣроятно, что она, как и пѣсни о тонущей дѣвицѣ, примѣнялась к выходу замуж. Превращеніе в цвѣты можно сблизить со свадебным мотивом: невѣста сѣет свою красоту, долю (Гол. IV, 216, 235—6; 212), которая выростает цвѣтами, достается другим дѣвицам (ср. мое соч. Сл. о П. Иг., 57—9); оставляет свои цвѣты на память матери, сестрѣ—дѣвицѣ (Чуб., IV, 258, 405), как оставляет она свой дѣвичій вѣнок (Чуб., IV, 178; ср. Гол., I, 178), свой портрет (Гол., IV, 217).

Польскій вар. (Kozłowski, Lud etc., 41—2) мотивирует убійство тѣм, что сестра непослушалась брата, уѣхавшаго на войну, потеряла вѣнок, привела дитя. В этом, но не въ слѣдующих стихахъ пѣсня самостоятельна по отношенію к мр.:

Porumbciez me w drobny macek,
Zasijciez me w ogródecek,
(Za)sijcie me we świtanie,
Jok nojrońsy ptasek wstanie;
Wyrośnie ze mnie troje ziela...
Rutka, lelijo i sołwija;
Bendo tamuj panny pytać
O grzeczny Kasi bendo spiwać.

Нѣкоторые русс. вар. (Чуб. III, 191; 213—4, Б; Безс., Бр. п., 43; ср. и Шейн, Бр. п., 156) раціонализуют превращеніе:

...поховай мене,
Обсади мене трома зільями.—

Потеря перстня дѣвицей (мотив, о котором будет рѣчь и ниже) переносится в хорв. пѣснѣ на св. Юрья, как можно думать, лишь на том основаніи, что пѣсни, в коих встрѣчается этот образ, совпали по времени с днем св. Георгія:

Свети Јура крес наложил
На Јурјеву на вечерју,
Димо пошел, перстен згубил.
„Иди, љуба найди га...
(Kukuljević, Dela, IV, 249).

Подобным образом смерть и превращеніе в растенія в слѣд. купальской п. приписаны Ивану:

Йване Йвашеньку,
Та непереходь та доroженьки,
Купала на Йвана!
Купався Йван та в воду упав,
Купала на Йвана!

Як перейдеш, виноват будеш,
Виноват будеш, й коника збудеш.
Як поймаєм, порубаєм
На дрібен мак, на капусточку,
Та посієм в трёх городочках...
...Та виросте з тибе три зілини...

(Метл., 310; В. Пасек, Оч. Росс., I, 96:

...Посічу тебе на капустоньку
Та посію тебе у трёх городцях.
Та вроди, Боже, троє зіллячок...).

Мотив убійства — переход через дорогу — может быть первообразен и имѣть миѳическія основанія.

Черты „в воду упав", „коника збудеш" в самой этой пѣснѣ неимѣющія значенія, намекают на существованіе другой, сродной, с коей они тѣснѣе связаны, в родѣ на пр. слѣд. купальской же того же размѣра (5+5):

Иване, Ивашеньку!
Та неграй конем да по над морем,
Иване, Ивашеньку!
Да Дунай-море да й урічливе,
Урочу [1]) я тебе и коня твого
Коня вороного, тебе молодого [2]),
Збру(о?)ю твою да козацькую,
Красоту твою молодецькую.
Збру(о?)ю твою на возах везуть,
Красоту твою на руках несуть,
В збру(о)ю твою убіраються,
украшаються...

У Чубинскаго, III, 221—2 непосредственно за сим идет пѣсня того же размѣра на тему: „вдову легко брати а важко житы", а дѣвицу на оборот, извѣстная, как самостоятельная веснянка (Чуб., III, 114—5). Причина сшивки этих двух пѣсень, кромѣ единства размѣра, может б. та, что и первая, несмотря на реалистическія черты взя-

---

[1]) Кто говорит? море?

[2]) Можно бы ожидать „коня вороньця й тебе молодця".

тыя из козацких пѣсень, примѣнялись к сватанью и браку. Возможность такого пониманія дана была стихом:

„Та неграй конем та *понад морем*“, ибо „ходити коло води“=любить, ухаживать:

Ой неходи коло води, бо з берега втонеш;
Ой нелюби багатої, убогую візьмеш
(Чуб., V, 38; ср. Гол., IV, 473).
Ой неходи по-над воду, бо в полонку впадеш;
Ой нелюби чужих жінок, бо кайдан неввійдеш

и пр. (ib. IV, 517).

Ой неходи коло води білими ногами,
Неуривай серця мого чорними бровами.
Ой неходи коло води, нехай тя забуду;
Нехай тебе инший любит, я тебе небуду
(Гол., II, 271).

Ср. ib. 753, 91, а по первому стиху ср. слѣд.:

Ой неходи коло води, жовтоногий кібче:
Єсть у мене кращий тебе, доріженьку втопче.
Ой неходи коло води, жовтими ногами:
Єсть у мене кращий тебе з чорними бровами
(От черноморца).

Совершенно явственно тоже значеніе (=ухаживать, любить) у Гол., II, 403—4 (NN 739—742 должны быть соединены в одну пѣсню). Отсюда понятно слѣдующее:

Куди хожу, туди хожу, а все по-над воду

(т. е. чтобы ни дѣлала, а все—мысль о нем; а между тѣм)

Гей неприйде мій миленький на мою незгоду
(Гол., II, 407).

Ходит милий над водою, сітков рыбу ловит;
(а между тѣм)
„Щось до мене, пане брате, дівчинонька неговорит
(Гол., III, 136).

Ти на тім боці, я на сім боці,
Обоє над водою;
Несуди-ж ти мене, серденько моє,
Стоячи з другою (Чуб. III, 175),

т. е. хотя мы в разлукѣ, но любим друг друга, поэтому...

Отношеніе образа „быть у воды“ к началу пѣсни „. . . Вівчарь вівці ганяє“ см. в моем Разб. пѣсень Головацкаго 20.

По отношенію к значенію „коло води“ образ дѣйствующаго безразличен. Ср. выше „жовтоногий кобець“ и ниже лебедь, голубь: Чуб., V, 224; Гол., III, 386—7, 780.

Упасть с коня в воду = жениться, Голов., III, 819; IV, 445.

Превращеніе сгорѣвшей (сгорѣвшаго).

Б. м. не случайно, а в силу принадлежности к одному и тому же разряду и в силу связаннаго с этим древняго сродства образов, выше разсмотрѣнныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и по размѣру сходны с пѣснями о горящей липѣ — дѣвицѣ. Ср. русс., серб., болг. п. о тонущей, на пр. серб.

Бјелила Маре дарове (стр. 77—80 VIII, 184 IX) и морав., хорв., поль., русс. о горящей, на пр. поль.

Pod borem sośnia stojała
A pod nium panna gorzała
(стр. 127 сл.).

Пѣсни о превращеніях утонувшей (убитой, убитаго) отличны по размѣру (6 + 6 и 4 + 4). Этим ослабляется ожиданіе подобнаго случая, именно пѣсень о превращеніях сгорѣвшей (сгорѣвшаго). Тѣм не менѣе вѣроятно, что этот мотив, как самостоятельный или главный, существовал, облеченный в размѣр 5 + 3, ибо в качествѣ второстепеннаго, он вошел в нѣкоторые вар. пѣсни о дѣвицѣ утопившей свое дитя и за то казненной. В одних вар. палач ей рубит голову (Suš., Mor. n. p., 158) или бросает в рѣку (Suš., ib. 157; Kolb., P. l. pol., 155 сл.). Послѣднее дает повод внести сюда вышеразсмотрѣнный мотив: дѣвица тонет, отец и мать ее неспасают (Kolb., ib., 166—7). В других вар. — сожженіе:

. . . I zapalcie ją (Kasię) na polu
I naróbcie z niej popiołu и пр. (Kolb. ib. 153).

Или она сама говорит когда ее сожигали:

Naróbcie ze mnie popiołu
I rozsiejcie mnie po polu.
Wyrośnie ze mnie róży kwiat
Będzie mnie płakać cały świat и пр.
(ib. 154, 161).

К малорусской купальской (см. выше стр. 352):

Посій мене в трёх городках,
Уродиться тройзіллячко:
Любисточок для любощей,
Барвіночок для дівочок,
Василечок для похощей

примыкает болгарская хороводная (от хоро), в которой сожженіе является уже сознательно-иносказательным поэтическим образом:

Море велико, море кадуно!
Изгоре ме, опали ме,
Учини ме сухо дрво,
Сухо дрво яворово.
Земи телка [1]), осечи ме,
Та ме стакни (в) силен вогень,
Яз ке стана прах и пепел.
Та ме збери в тенки скути,
Та ме фрли в градина-та,
Градина-та басиљок-о.
Яз ке никна жълто цвеће,
Да ме береш мале китке.

Сходно с этим в вар. Милад. 376—7:

Да го сеиш (пепел) во градина
Да израстит рамн босиљок,
(Рамн) босиљок киска цвеке,
Да го берат девойки-те
Да го посѣт в пазу'и-те [2])

---

[1]) Сѣкира.

[2]) Вар. у Верковича, Н. п. Макед. Буг., 53—4 к приведенным выше стихам 1—12 присоединяет другой мотив. Обо-

Болѣе длинный ряд превращеній в слѣд.:

Ако умрам, да нежаляш,
Да не жаляш, да неплачиш,

ротившійся в цвѣток просит:

Ми недавай на моми-те,
Че моми-те лудо носат:
Ден ваздаден на глава-та,
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме свалет от глава-та,
Ке ме фрлет [1]) сред кашта-та,
С'утром рано ке да станат,
Ке да сметат рамна кашта,
Ке ме фрлет на бунипте [2]).
Да ме дадеш на момчета,
Че момчета мудро носат:
Ден вазда ден на глава-та
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме кладот студна йода,
Ке ме земат от вода-та
Ке нареде на глава-та.

Этот мотив, как самостоятельный, в серб. п. того же размѣра:

...Невен цвиjет проговара...
...Јунацим' ме недаваjте,
Јунаци ме ружно носе:
Об дан носе за саруком
А у вече веће баче,
А jа jадан веће вехнем.
Ђевоjкам ме раздjелите:
Ђевоjке ме добро носе:
Об дан носе за jашмаком,
А у вече у водицу,
А у jутру у недарца
Тад невехнем, него чезнем.

(Кар., Пjес. из Херц., 252. Другая сходная п. „Смиль се тужи" id. Пjес., I, 382). Болѣе далека и отлична по разм. 5+3 мр. веснянка (Чуб., III, 68; Гол., IV, 166: Роман зiлля копає) и бр. того же размѣра купальская (Шейн, Бр. п., 151):

(Ой) у гаро́дзє над тынком
Дваранiн зєлля копаïць.

---

[1]) Бросят средь избы. [2]) Сметник.

Да ме зе'иш во скуте'и,
Да м' однесиш на гемія,
Да ме фрлиш по море-то.
Ке се сторам морска риба,
Ке ме фатет влакари-те,
Влакари-те, рибари-те,
Ке м' иста'ет на ноф пазар.
Ти д'излезиш да ме купиш,
Да ме вариш, да ме печиш,
Ке се сторам праф и пепел.
Да ме збериш в ал шамія,
Та да пойдиш во градина,
Тамо да ме испосеиш,
Ке излезам рамн босиљок,
Що го носет девойки-те
Девойки-те в пазу'и-те;
Ке излезам бяло цвеке
Що го носет юнаци-те
Юнаци-те пот фесо'и

Милад. 458 (ср. тоже ib. 378—9 (N 296), 387 (N 318).

А. Потебня.

Нѣсколько замѣчаній о еревом и уковом склоненіи [1]).

В статьѣ о склоненіи согласных основ [2]) была мною высказана довольно смѣлая догадка, что падежныя окончанія **ємь**, **ємъ** и **єхъ** (**пѫтємь — камєнємь, пѫтємъ — камєнємъ, пѫтєхъ — камєнєхъ**) могут считаться принадлежностью *согласных* (первоначально только *эновых)* основ; так что согласныя темы, заимствовав с одной стороны у ереваго склоненія окончанія **ьмь**, **ьмъ** и **ьхъ**, с другой, стали ссужать его своими окончаніями. Догадку эту я и тогда не считал особенно удачною, но выставил ее потому, что не мог придумать другого объясненія для присутствія звука **є** в еревом склоненіи.

Такое объясненіе, однако, можно подыскать. Окончаніе **єхъ** находит себѣ полное соотвѣтствіе в *греческом* языкѣ, представляющем *мѣстный* (дательный) на εσι — πόλεσι к πόλις [3]), и может быть объяснено одинаково с этим εσι. Πόλεσι, вм. πόλισι (по-санскритски от agní огонь—agníšu),

---

[1]) Е р е в ы м склоненіем я, слѣдуя Миклошичу, называю склоненіе слов **пѫть, кость** и т. д. (**конь** и ему подобныя я называю м я г к и м р а з л и ч і е м е р о в а г о склоненія). У к о в о е склоненіе — это Миклошичево ъ(u)-declination, т. е. его составляют реченія **сынъ—сыноу, волъ—волоу** и т. д.

[2]) Стр. 62=Р. Ф. В., т. VII, стр. 192.

[3]) Греч. ι, конечно, не равняется слав. ъ, который соотвѣтствует санскр. u в суффиксѣ su (šu) : agníšu, áçvāsu (áçvā кобыла); но мнѣ кажется вполнѣ удовлетворительным объясненіе Остгофа, что σι появилось вм. *συ по образцу мѣстнаго единственнаго числа на ι — ποσσί вм. *ποσσύ в угоду ποδί. H. Osthoff. Kleine beiträge zur declinationslehre der indogermani-

явилось по образцу падежей *сильной основы* [1]) — πόλεος, πόλεϊ, πόλεες, πόλεων, развившихся из *πόλεjος, *πόλεjι и т. д. [2]); таким же образом и **пѫтемь, пѫтемъ** и **пѫтехъ** могли явиться в подражаніе утраченным впослѣдствіи формам в родѣ дат. ед. ч. ***пѫтеи** = санскр. agnájē, им. мн. ***пѫтеѥ** = санскр. agnájas, греч. πόλεες, существованіе которых мы в правѣ предполагать.

Одинаково с πόλεσι в греческом языкѣ толкуют πήχεσι, вм. *πήχυσι, к πῆχυς, πήχεος (аттич. πήχεως)—по-санскр. от sūnú сын мѣстн. мн. ч. есть sūnúšu. И это явленіе бросает свѣт на одну странность измѣненія славянских имен: на появленіе в *уковом склоненіи* окончаній **омь, омъ** и **охъ** (**сыномь, сыномъ** и **сынохъ**, рядом с **сынъмь**, ***сынъмъ** и **сынъхъ**) — в окончаніях этих можно видѣть подражаніе формам **сынови, сынове, сыновъ.**

Дательный **сыномъ**, правда, удовлетворительно объясняется вліяніем ероваго склоненія, в коем **вльком** соотвѣтствует литовскому vilkáms (стар. vilkámus); но мнѣ кажется, что не слѣдует отвергать и предложеннаго здѣсь объясненія, а лучше принять оба: вообще, когда в извѣстном смыслѣ могли дѣйствовать двѣ причины, то незачѣм задаваться вопросомъ, которая из них дѣйствовала, а гораздо естественнѣе говорить о совмѣстном их дѣйствіи [3]). Едвали таким совмѣстным, и слѣдовательно болѣе сильным, дѣйствіем не объясняется ранняя утрата да-

---

schen sprachen. II. 3. Die bildung des loc. plur. im indogermanischen und verwandtes. Morphologische untersuchungen von Dr. Hermann Osthoff und Dr. Karl Brugmann. II Th. Leipzig 1879. S. 26. Впрочем, Густав Мейер (Griechische Grammatik, S. 307) говорит, что вѣрность Остгофова объясненія „не доказана“.

[1]) Сильная основа πόλει, при слабой — πόλι.

[2]) A. Schleicher. Compendium. 4 Ausg. 1876. § 256, S. 558. — G. Meyer. S. 307.

[3]) Повторяю здѣсь мысль И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination. Zeitschrift für vergleichende sprachforschung. B. VI, s. 41.

тельнаго на **ъмъ**, который мы можем только предполагать и усматривать слѣд его в дательных на **имъ** (**краимъ** = ***крајъмъ**, рядом с **краюмъ** = ***крајомъ**), но в памятниках не находим.

Также *творительный на* **омь** [1]) можно бы считать формою *ероваго* склоненія, правда вторичною, возникшею по образцу *уковаго*: так как при именительном **сынъ**=лит. sūnùs стоял творительный **сынъмь** = лит. sūnumì, то к древнему именительному на **о** [2]) ***влъко** = лит. vìlkas,

---

[1]) Творительный на **омь** должен считаться праславянским: Потебня [К исторіи звуков русскаго языка, Воронеж 1876. Гл. I, стр. 26=Фил. Зап. 1876. Вып. I=(не вполнѣ) Ж. М. Н. Пр. 1873 Октябрь, стр. 320], отвергая древность этого окончанія, ссылался на малорус. *паном*, чеш. pánem и поль. panem, которыя предполагают **ъмь**, но он забыл про серб. вȳком и слов. volkom, предполагающія именно **омь**, т. к. **влъкъмь** дало бы вȳк*ам*, volk*em* (voukъm).

[2]) **Влъкъ** есть винительный, замѣнившій и именительный, по образцу тожества этих падежей в уковом склоненіи и во избѣжаніе совпаденія м. р. со средним. A. Leskien. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig 1876. S. 4.—Слѣд таких именительных чуть ли не сохранился в **работъ** и т. п. формах *Ассеманіева Евангелія*: я сильно сомнѣваюсь на счет прояснения **ъ** в *о* внѣ области русскаго и лужицкаго языка и словацкаго нарѣчія и склонен думать, что онѣмѣніе **ъ** и **ь** мѣстоименій **тъ** и **сь** не могло вызвать перехода **ъ** в **о**, а могло только благопріятствовать сохраненію древняго именит. на **о**. За древность таких форм говорил уже Гейтлер (L. Geitler. Starobulharská fonologie. V Praze 1873, str. 4), который—конечно, напрасно—видѣл в них доказательство, что всѣ ѐры произошли на славянской почвѣ из **о**. В пользу того, что **рабо** есть настоящій именительный можно сослаться на выписанные у Гейтлера примѣры: **работъ** Матѳ. XVIII, 26 [стр. 60, 3 в изданіи Рачкаго, у Черничча (Črnčić)— 55], Матѳ. XVIII, 28 (Р. 60, 6—Ч. 55), **работ** Матѳ. XXIV, 48 (Р. 113, 26—Ч. 100), **клеврѣтотъ** Матѳ. XVIII, 29 (Р. 60, 9 — Ч. 55), **народось** I. VII, 49 (Р. 43, 9 — Ч. 40), **образось** Матѳ. XXIII, 20 (Р. 62, 15 — Ч. 57), **іноплеменьнікос** Л. XVII, 18 (Р. 87, 17—Ч. 77); все это падежи именительные, только **позорось** Л. XXIII, 48 (Р. 135, 24—Ч. 119)—винительный. В *Зо-*

греч. λύκος [1]) образовали **влъкомь**, в замѣн прежняго ***влъка**=лит. vilkù (гдѣ u из ŭ=основному ō [2])=слав. **а**), и к этому **влъкомь** впослѣдствіи стало примѣняться и **сынъмь**. Однако первое объясненіе мнѣ кажется лучше, и я

графском Евангеліи (V. Jagić. Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium. Arch. f. sl. Ph., B. II, S. 265) встрѣчаются именительные: **народось** I. VII 49, лист 249[a], стр. 150, **образось** Марк XII, 16, 113[a], 69, **родось** Матѳ. XXIV, 34, 59[a], 35; Марк VIII 12, 98[b], 60; Л. XI 29, 175[b], 106, **работъ** Л. XII 43, 181[b], 110, — с **ъ**: **рабъ тъ** Л. XII 45, 182[a], 110, **родъ сь** Л. XXI 32, 211[a],127. Там же винительные: **позорось** Л. XXIII 48, 220[b], 133, **праздьникось** I. VII, 8, 246[a], 148, **родось** Матѳ. XI 16, 23[b], 14 (с **ъ**: **праздьникъ сь** I. VII 8, 246[a], 148). Появленіе **о** в *вин. пад.* не опровергает моего взгляда: когда им. на **о** не был еще забыт, но успѣли уже привыкнуть к равенству именительнаго и винительнаго, появленіе таких форм было весьма естественно. Случаи проясненія **ъ**, кромѣ указанных, я считаю описками: Ягичевы **завѣтъ с҃тоі свої** Л. I 72, 136[a], 83, **по томь же волиѣ водѫ** I. XIII 5, 268[b], 162 (Arch. l. c.), к которым прибавлю **смоковьница** Матѳ. XXIV 32, 58[b], 35, **смоковьницѫ** Л. XXI 29, 211[a], 127, могли быть написаны с **о** вм. **ъ** под вліяніем сосѣдних слов и слогов. — О **денєтъ** я не упоминаю, т. к. проясненіе в языкѣ „паннонских" писцов **ь** в **є** не подлежит сомнѣнію. A. Leskien. Die Vocale **ъ** und **ь** in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen (Berichte der K. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. Philologisch-historische Classe). Leipzig 1875, S 42.

[1]) В тожествѣ слова λύκος с **влъкъ**=лит. vìlkas=санскр. v̥́ka=гот. vulfs (вм. vulhvs) я не увѣрен: 1) Изза λύκος в праязыкѣ приходится предположить разнотемное склоненіе *úrkos *v̥kósjo, вторая тема котораго (v̥ko-) вездѣ прошла по всѣм падежам, а у Греков вступила в сдѣлку с первою, вслѣдствіе чего вм. *ὕλκος, *λακοῖο явилось λύκος, λύκοιο. 2) Санскр. и слав **к** по-греч. соотвѣтствует не κ (=санскр. ç, слав. **с**), а π. Впрочем в данном случаѣ для нас важен не корень, а окончаніе.

[2]) Отказываюсь от знаков a_1, a_2 и a_3, от которых отказался сам изобрѣтатель их, Бругман (Morphologische untersuchungen, B. II. Vorw.), и впредь буду писать вм. них *e*, *o*, *a*: уже в предыдущем примѣчаніи написано *urkos, *v̥kosjo вм. $urka_2s$, $v̥ka_2sja_2$.

склонен его держаться; притом его одного, а не совмѣстно со вторым, т. к. в послѣднем случаѣ пришлось бы отказаться от высказаннаго выше соображенія относительно ранней утраты дат. на **ѣмъ**: и твор. на **ѣмь** подвергался бы тогда тѣм-же вліяніям и держался бы несмотря на них.

В пользу одновременнаго существованія у Праславян *мѣстных на* **ѣхъ** *и на* **охъ**, кромѣ появленія обоих в староцерковных памятниках, свидѣтельствуют чешскія формы на ech (=**ѣхъ**), как zubech, časech и старополь. bogoch, daroch (och=**охъ**); och встрѣчается и в чешских говорах. Окончаніе **охъ**, впрочем, допускает также иное толкованіе: можно отнести его к ерову склоненію и видѣть в нем подражаніе мѣстнаго падежа дательному, вызванное примѣром склоненій азоваго, еневаго и нашего уковаго, в коих мѣстный отличался от дательнаго только появленіем вм. **м**—**х** (**рыбамъ**—**рыбахъ**, **пѫтьмъ**—**пѫтьхъ**, ***сынъмъ** — **сынъхъ**); у основ на гортанные [1]), такому подражанію могло благопріятствовать стремленіе к единообразію темы, к избѣжанію необходимаго перед **ѣ**

---

[1]) Здѣсь рѣчь идет о живых славянских основах, а эти основы, по справедливому замѣчанію Бодуэна-де-Куртенэ (Подробная программа лекцій на 1876—77 г. Казань и Варшава 1878), всѣ *согласныя*: **раб-ъ, раб-а, раб-оу** и т. д., **вод-а, вод-ы, вод-ѣ** и т. д. То-же самое, впрочем, у остальных Индоевропейцев: у Римлян lup-us, lup-i, lup-o, lup-um, lup-e, lup-o, у Греков λύκ-ος, λύκ-ου, λύκ-ῳ, λύκ-ον, λύκ-ε, как вѣрно дѣлит практическая грамматика; даже по-санскр. vr̥k-as, vr̥k-asja, vr̥k-āja, vr̥k-am, vr̥k-a, vr̥k-āt (удалит.), vr̥k-ēna (творит.), vr̥k-ē (мѣст.). Гласныя темы можно предполагать только в праязыкѣ, да и там лишь в болѣе древнее время. Правда, в сложеніи (нпр. **богородица**) темовой гласный стоит на лицо, но он чувствуется как „соединительный", как вставка. А. А. Иванов (О раціональной передачѣ греческих и латинских слов в русской рѣчи и в письмѣ. Кіев 1881, стр. 44) назвал мысль Бодуэна „замѣчательно-парадоксальною", но в дѣйствительности она несомнѣнная истина, и притом истина простая, которой перемудривши не замѣтили.

смягченія, то̀ стремленіе, которое впослѣдствіи привело Поляков и Чехов к употребленію мѣстных падежей rogu, rohu вм. rodze и roze, rogach и rohách вм. rodzech и rozích (rozích форма старинная и книжная).

Предложенное здѣсь объясненіе окончаній **ємь, ємъ, єхъ, омь, омъ** (вм. **ъмь, ъмъ**) и **охъ** вызывает на вопрос, почему **є** и **о** забрели только в нѣкоторые падежи и не появились также в *твор. мн. ч.* и в *дат.-твор. дв.* — почему не возникло форм ***пѫтєми, *пѫтєма, *сыноми** [1]). Отвѣт на этот вопрос то̀т, что окончанія **ьми** и **ьма, ъми** и **ъма**, хотя тоже двусложныя, как **ьмь, ьмъ, ьхъ, ъмь, ъмъ** и **ъхъ**, отличались от них по *акцентовкѣ*. В первых носителем ударенія был *второй* гласный — рус. плетьми́, дверьми́, дочерьми́, серб. ства́рма (ства̑р, -и вещь), ријѐчма (ри̏јеч, -и), тела́дма (тѐла̄д, -и телята) = основ. ства̄рма̏, ријечма̏, тела̄дма̏ [2]); поль. wołmi = **волъми**, не свидѣтельствуя прямо об ударяемости **и**, доказывает безударность **ъ**. Напротив, относительно занимающих нас окончаній нельзя сомнѣваться, что они у слов постояннаго ударенія были лишены ударенія, а у гибких ударяли на *первый* гласный, что̀ сближало их с формами **сынови, сынове** и **сыновъ** — санскр. sūnávē, sūnávas, рус. сыно́в (наша церковная акцентовка сы́нови, сы́нове должна считаться вторичною).

Еще нѣсколько замѣчаній о *еревом* склоненіи. *Дат. ед. ч.* **пѫти, сѣти** не соотвѣтствует санскр. дательным agnáјē и ávјai, которым соотвѣтствовали бы ***пѫтєи** и ***сѣшти** [3]): слѣдует думать, что такія формы нѣкогда существовали у Праславян, и что вторая из них, звучавшая *сѣтјͥи, *сѣт'и или *сѣц'и [4]), отказалась от смягче-

---

[1]) **Сынома** существует, но это, вѣроятно, форма ероваго склоненія, по образцу **влъкома**.

[2]) См. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 61.

[3]) Срв. A. Leskien. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig 1876. S. 50—51.

[4]) Сначала *сѣтјͥи, а потом *сѣт'и, сѣц'и, или только *сѣ-

нія в угоду другим падежам, послѣ чего она была усвоена также словами мужескаго рода.

Имен. мн. ч. м. р. **пѫтьє** (эту форму должно считать болѣе древнею) едвали развился органически из *pontéjes = санскр. agnájas и вѣроятно заимствовал **ь** из других падежей, в такое время, когда уже началось изчезновеніе глухих в одних случаях и проясненіе их в других: присутствіе **є** в **пѫтємь, пѫтємъ, пѫтєхъ** стали приводить в связь со слабостью конечных гласных и ***пѫтєѥ** могло показаться неправильным. Также обыкновенное окончаніе **иѥ** я не прочь объяснить посторонним вліяніем—вліяніем винительнаго **пѫти** и именительно-винительнаго **кости**, хотя в нем можно говорить о продленіи **ь** перед j в **и** [1]).

Староцерк. *род. мн. ч.* на **єи**, вмѣсто правильнаго **ьи** и **ии** [2]), или представляет вторичную огласовку (ей из **ьи**), или объясняется также как твор. на **ємь** и т. п. формы, или, наконец, должен считаться архаизмом и соотвѣтствует греч. род. на εων : **костєи** = πόλεων [3]); в пользу послѣдняго взгляда говорят *старосербскіе* родительные на **єи** — **ꙁаповѣдєи, ношєи, властєи, страстєи** [4]), которые не

тјu, смотря по болѣе раннему, или позднему изчезновенію. См. мою замѣтку „Два слова о смягченіи **т** и **д**" (Р. Ф. В. Т. VII, стр. 268).

[1]) См. мою статью „О личных наставках", стр. 16, пр. 2 (=Р. Ф. В. Т. V, стр. 173).

[2]) К окончанію **ии** относится тò же, чтò только что сказано об **иѥ**.

[3]) Суффикс род. мн. **ъ** (и в **костьи**=jъ), правда, не соотвѣтствует греч. ων, но мы вслѣд за Остгофом (Kleine beiträge zur declinationslehre der indogermanischen sprachen. Morphol. untersuch. B. I) можем признать греческое πόλεων переиначенным из *πόλεον, по образцу ἵππων: праязычной наставкой слѣдует считать ŏm, которое с темовым *o* сливалось в ōm (bhrātrōm и ek_1vōm) — у Славян первое окончаніе, развившееся в **ъ**, прошло по всѣм склоненіям, а у Греков (также и у Индусов) восторжествовало второе.

[4]) Ђ. Даничић. Историја облика српскога или хрватскога језика. У Биограду 1874, стр. 87.— **Страстєи** не могло раз-

выводить же вмѣстѣ с Даничичем путем „расподобленія“ из первоначальнаго ии [1]). Конечно, в русском родительном на *ей*, несмотря на тò, можно видѣть вторичное *е* из ь [2]): малорусское *ей* (дітей, свиней) даже не допускает иного толкованія, т. к. древнее єи дало бы *ій*.

К сказанному выше об *уковом* склоненіи прибавлю еще оговорку на счет отожествленія его сильной основы с сильною основою греческаго языка. В соотвѣтствіе греч. εF слѣдовало бы ожидать не ов, а єв, которому соотвѣтствовало бы также готское iv (sunivē род. мн. к sunus) и санскр. av с кратким, а не с долгим *a* [3]). Можно бы, правда, успокоиться на том, что в славянском языкѣ дифтонг eu̯, и вмѣстѣ с ним предогласное ev вообще изчезли, уступив свое мѣсто оу = ou̯ и ов (соуѭ = σεύω двигаю, гоню, преслѣдую, бросаю, пловж = πλέω), и говорить о переходѣ *е* перед u̯ и v в *о*, ссылаясь притом на аналогію латинскаго языка [4]); для меня однако достаточно указанных І. Шмидтом случаев появленія у Славян созвучія єв и умягчительнаго оу (ю), как ревж—рюти [5]), чтобы усум-

виться из страстьи, чтò по законам сербской фонетики перешло бы в *страст*а*ј.

[1]) Даничич тут только дал кличку предполагаемому им звуковому переходу, в самом существованіи котораго слѣдует сомнѣваться — ии у Сербов перешло в ӣ (лу́дӣ, нòħӣ), и выводить оттуда-же єи нельзя.

[2]) По моему из ь, а не из и, как обыкновенно утверждают. См. статью О мнимом переходѣ ъ и и в о и є (Р. Ф. В. Т. V).

[3]) См. K. Brugman. Zur geschichte der stammabstufenden declinationen. Curtius und Brugman. Studien zur lateinischen und griechischen grammatik. IX, 361 ff. Zur beurtheilung der europäischen vocale *a*, *e*, *o*. Morphologische untersuchungen. III, s. 102—129. — H. Osthoff. l. c., s. 207 anm., Morph. unt. IV, s. XV.

[4]) О латинском ou (ū), вм. eu, см. у І. Шмидта. Was beweist das *e* der europäischen sprachen für die annahme einer einheitlichen europäischen grundsprache? Z. f. v. spr. XXIII, S. 355.

[5]) Schmidt. ib. S. 348—350.

ниться в звуковом характерѣ этого явленія, которое иначе должно было сдѣлаться всеобщим. Предпочитаю видѣть в замѣнѣ є через о произведенное в весьма широких размѣрах *подравненіе*, упрощеніе *корневых колебаній* путем устраненія одной из степеней: рядом с каким-нибудь супином **плоутъ** = *ploṷtum, настоящее ***плєвѫ** могло показаться неумѣстным и измѣниться в **пловѫ**, так же могло явиться и **словѫ** вм. ***слєвѫ**, которое потянуло за собой и ***слєво**=греч. κλέος=санскр. çrávas; **новъ**=греч. νέος= санскр. náva можно оправдать подражаніем большинству первичных имен, представляющему широкую огласовку: **токъ, ходъ, домъ, родъ** и т. д. [1]).

Правда, против моего объясненія найдутся и возраженія [2]), но, в частности, в разсматриваемом склоненіи, весьма позволительно предполагать праязычное колебаніе между eṷ и oṷ, устраненное позднѣйшим подравненіем, при котором Греки и Индусы пошли одним путем, а Славяне (и Литовцы, или, скорѣе, нераздѣлившіеся еще Славянолитовцы) — другим [3]). Предполагать колебаніе между eṷ и oṷ мы чуть ли даже не обязаны, в виду несомнѣн-

---

[1]) Как у Славян устранен двугласный eṷ, так у Греков — oṷ, и остались лишь нѣкоторые слѣды чередованія этих дифтонгов: σπουδή при σπεύδω; таково же, д. б., ἀκόλουθος спутник рядом с κέλευθος путь, м. б., еще и λοῦσσον бѣлая сердцевина еловаго дерева, при λευκός, которое, как первичное имя, само должно бы звучать *λουκός (срв. πλόϜος, ῥόϜος, πνοϜή, при πλέϜω, ῥέϜω, πνέϜω). См. G. Meyer. Griechische Grammatik. S. 6. Если у Славян позволительна еще ссылка на „уподобляющее вліяніе“ ṷ и v, то греческое расподобленіе совершенно непонятно и может быть только плодом подражанія одних слов другим, возможность котораго не слѣдует отрицать и для Славянъ.

[2]) Мое объясненіе **пловѫ** и **словѫ** падает, если вмѣстѣ с Остгофом (Morph. Unt. IV, S. 111) предполагать при наставкѣ teṷ—tu огласовку корня через e (eṷ, рядом с u и ū).

[3]) У Литовцев по всѣм падежам проходит монофтонг (ŭ или ū), кромѣ род. и зв. ед. ч., представляющих au : sūnaũs и sūnaũ.

ности подобнаго колебанія у основ на *o*: двойственности ék$_1$vo и ék$_1$ve (им. ék$_1$vo-s, зв. ék$_1$ve) естественно должно было соотвѣтствовать чередованіе eu̯ с ou̯, а также и ei̯ с oi̯ (так, родительные к médhu мед, óvis овца могли быть medhou̯s, ovoi̯s, а звательные — médheu̯, óvei̯); колебаніе между ei̯ и oi̯ в таком случаѣ изчезло без слѣда, а мѣна eu̯ с ou̯ отразилась в появленіи рядом с греч. εF, гот. iv, санскр. av, славянскаго оу и ов [1]).

Роман Брандт.

---

[1]) С основами на eu̯, очевидно, находятся в связи греч. глаголы на ευω, как δουλεύω, κολακεύω — их узкому дифтонгу также соотвѣтствует слав. оу (ов): **коуп-оуѭ, -овати, лик-оуѭ, -овати**; у Литовцев мы находим au: szën-aúju, -aúti косить сѣно. **Во-юѭ, -ѥвати, вьраѵ-оуѭ, -ѥвати** и т. п., если считать греческую огласовку древнѣйшею, не *сузили* **о** в **є**, а только *сохранили* **є**, в таком положеніи, в каком **о** не допускалось. Возможно, однако, и то̀, что глаголы на **ѥвати** возникли уже послѣ замѣны наставки eu̯, ev (**ю, ѥв**) через ou̯, ov (**оу, ов**) и всетаки представляют вторичное *e*; но с другой стороны, есть еще возможность (и даже вѣроятность), что уже в праязыкѣ существовали глаголы и на -eu̯je-, и на -ou̯je-, из коих послѣдніе сохранились у Греков только в обломках (κολούω увѣчу, обрубаю, обрѣзываю, ἀκούω), а у Славян возобладали. Греческіе глаголы на ευω состоят в очевидном родствѣ с существительными на ευς (нпр. ἀριστεύω с ἀριστεύς), славянскіе на **оуѭ, овати** с притяжательными прилагательными на **овъ, ова, ово: ликъ — *ликовъ (ликовьнъ) — ликовати, вьраѵь — вьраѵевъ — вьраѵевати**; однако изза этого не слѣдует говорить о самостоятельном образованіи греч. глаголов от существительных на ευς, слав. — от прилагательных на **овъ**, а лучше предполагать общую связь между всѣми этими глаголами и именами. — Об ευω, ουω, **оуѭ** срв. Курціуса (G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache, seinem Bau nach dargestellt. B. I. Leipzig 1873. S. 360—363).

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,

Лекціи профессора В. И. Григоровича.

III. Сербскій языкъ.

Именемъ *Сербовъ* должно отличать тѣ славянскія племена въ Европейской Турціи и Австріи, которыя не называются ни Болгарами, ни Хорутанами. Опредѣлить настоящія границы сербскихъ поселеній затруднительно, тѣмъ болѣе, что, заселяя многія земли сплошно и σποράδην, Сербы носятъ и разныя названія: Черногорцевъ, Кроатовъ, Словенцевъ и пр., хотя всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же племени. Вообще же можно сказать, что все пространство къ западу отъ земель болгарскихъ до Адріатическаго моря заселено Сербами, племенемъ, говорящимъ однимъ общимъ языкомъ *сербскимъ*; хотя и есть между ними нѣкоторыя отличія, болѣе или менѣе рѣзкія, но всѣ племена, говорящія разными видоизмѣненіями языка сербскаго, можно назвать общимъ именемъ *Сербо-Хорватовъ*.

Земли Сербовъ на востокѣ прилегаютъ къ землѣ Волошской, по чертѣ отъ Арада и Темешвара къ Бѣлой церкви (Weisskirchen) и Дунаю до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него рѣчка Пекъ, которою сербскія земли отдѣляются отъ волошскихъ; потомъ на югъ отъ Дуная идутъ онѣ по рѣкѣ Тимоку, отдѣляющей сербскія поселенія отъ болгарскаго; далѣе на югъ до верховьевъ Моравы и верхняго Дрина идетъ черта, которою Сербы опять отдѣляются отъ Болгаръ и отъ земли албанской, кромѣ того оз. Скадрскимъ и р. Бояной; на западъ серб. земли омываются Адріатиче-

скимъ моремъ и доходятъ до города Сеня; на сѣверо-западъ земли Сербовъ отдѣляются отъ земель хорутанскихъ по чертѣ отъ Сеня до Карловца и по рѣкѣ Кульпѣ; далѣе къ Бѣловару и за Драву; на сѣверъ примыкаютъ къ землѣ Мадьярской по чертѣ отъ верхняго Сигета къ Печуху (Fünfkirchen), далѣе — по рѣкѣ Тиссѣ и Марошу до Арада.

Часть означенныхъ нами земель принадлежитъ къ владѣніямъ турецкаго Султана, часть — ко владѣніямъ австрійскаго Императора; остальныя же пользуются независимостью или состоятъ подъ покровительствомъ другихъ государствъ.

Эти земли, которымъ мы придали общее названіе *Сербіи*, имѣютъ еще частное названіе, подъ которымъ онѣ болѣе извѣстны въ исторіи, нежели подъ именемъ Сербовъ. Такъ, когда сначала XII и до конца XIV столѣтія существовало царство сербское, тогда самая Сербія называлась *Рассіею*, а самое царство — *россійскимъ* (еще и нынѣ Венгры въ насмѣшку называютъ Сербовъ *Рацами* (Ratzen — крыса). Названіе Рассіи произошло отъ города *Рассы*, находившагося въ южной Сербіи, и при разсматраваніи старинныхъ документовъ сербскихъ названіе „россійскаго" царства встрѣтимъ гораздо чаще „сербскаго".

Собственно Сербіею называютъ ту часть сербскихъ земель, которая достигла независимости отъ Турокъ: она находится между Тимокомъ и Дриною. Мѣстность къ западу отъ Дрины называется нынѣ, какъ и въ старину, *Босніею*. Въ XIV столѣтіи эта земля была отдѣльнымъ королевствомъ; во всѣхъ дошедшихъ до насъ документахъ она называется, впрочемъ, не Босніею, а „regnum Ramae". Это названіе не случайное; оно произошло отъ мѣстности Рамы (рамъ—храмъ), гдѣ былъ построенъ монастырь.

На югѣ отъ Босніи лежитъ часть земли, называвшаяся прежде „Ducatus Sancti Sabbae", которая потомъ, будучи отдана однимъ изъ сербскихъ князей въ приданое своей дочери, вышедшей за герцога венгерскаго, получи-

ла названіе Герцеговины, — названіе, удержавшееся и по настоящее время.

На западъ отъ Босніи находится Далмація, эта земля извѣстна въ древнихъ документахъ подъ именемъ Хорватіи, а король ея жилъ въ нынѣ разрушенномъ городѣ Бѣлградѣ (Zara Vecchia).

На сѣверъ отъ Далмаціи, Босніи и собственно Сербіи, между Савою и Дравою лежатъ земли, извѣстныя подъ именемъ Хорватіи (Кроаціи), а часть подъ названіемъ Славоніи. Земли Славянъ, гдѣ Сава сходится съ Дунаемъ и гдѣ Дунай перемѣняетъ направленіе своего теченія, назывались Сремъ (Sirmium); на востокъ отъ Дуная мѣстность наз. Банатомъ, гдѣ Дунай идетъ къ сѣверу, тамъ находится провинція Бачка. Хорватія, Славонія, Сремъ, Бачка, Банатъ—все это земли, на которыхъ народъ говоритъ однимъ общимъ языкомъ, съ нѣкоторыми незначительными отличіями или, лучше сказать, уклоненіями, — и этотъ общій языкъ до такой степени уже обработанъ литературою, что всѣ діалектическія измѣненія стали въ немъ небольше какъ провинціализмами. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что западная часть Герцеговины называлась нѣкогда Центою или Зетою; это есть, ничто иное, какъ отдѣльный архіепископатъ сербской митрополіи. Эта провинція сплошь заселена сербскимъ племенемъ, которое постоянно противодѣйствуетъ владычеству Турокъ, такъ что Турки эту мѣстность по ея неприступности, называютъ Карадагъ (Черная гора).

На сѣверъ отъ этихъ земель существуетъ нынѣ отдѣльное королевство Кроатское или Хорватское, какъ часть Австрійской Имперіи. Оно получило названіе свое въ воспоминаніе той Хорватіи, которая нѣкогда была въ нын. Далмаціи, и включаетъ въ себѣ поселенія частію сербскія, частію хорутанскія. Это королевство заключаетъ въ себѣ три округа: Аграмскій (Загребскій), Варадинскій и Крижевацкій (Крейцъ—Крижевацъ).

Во всѣхъ исчисленныхъ земляхъ Сербы сталкиваются съ другими народами: такъ, въ Далмаціи между ними по-

селились Итальянцы; на сѣверо-востокъ отъ Дуная Сербы встрѣчаются съ Валахами, а на сѣверъ съ Венграми, на югъ—съ Турками. Замѣчательные города въ сербскихъ земляхъ слѣдующіе:

а) Въ собственно-Сербіи: Бѣлградъ и Крагуевацъ (столицы).

б) Въ Босніи: Банялука и Новый Базаръ (на южной границѣ Босніи и Сербіи, гдѣ нѣкогда была Рассія). Къ югу отъ Новаго Базара находится городъ Печъ (Ипекъ), въ которомъ жилъ нѣкогда патріархъ сербскій и нѣкоторые изъ князей; Сараево.

в) Въ Далмаціи: Дубровникъ (Ragusa), извѣстный въ исторіи, Задаръ (Zara) и Шибеникъ.

г) Кроація: Загребъ (Agram) и Вараждинъ.

д) Герцеговина: Мостаръ (монастырь) и Милешовъ, гдѣ находились мощи св. Саввы сербскаго.

е) Славонія: Пожега, Новый-Садъ, Петроварадинъ и Карловцы, бывшій центромъ сербскаго православія, гдѣ издавна существуетъ митрополія сербская, — нынѣ Karlstadt.

ж) Банатъ, зам. гор., Темешваръ.

Сверхъ того мѣстный говоръ сербскаго языка господствуетъ на нѣкоторыхъ островахъ Адріатическаго моря, между гг. Рагузою и Тріэстомъ.

На такомъ большомъ пространствѣ сербскихъ Славянъ можно считать болѣе 5 милліоновъ (однихъ собственно-Сербовъ считается болѣе 3 м., Кроатовъ 1,200,000, Черногорцевъ до 100,000) и это славянское населеніе могло бы сдѣлаться довольно сильнымъ въ политическомъ отношеніи, если бы не было раздоровъ между православіемъ и католицизмомъ. Сербскіе Славяне, исповѣдающіе православную вѣру, живутъ въ собственной Сербіи и Славоніи, частію же въ Босніи и Герцоговинѣ; католики же преимущественно въ Далмаціи, частію въ Кроаціи, Славоніи и Босніи. Сверхъ того нѣкоторые изъ жителей Босніи еще въ XV столѣтіи отпали отъ христіанства и приняли исламизмъ; но за всѣмъ тѣмъ въ настоящее время пра-

нославныхъ между Сербами считается гораздо болѣе, чѣмъ послѣдователей другихъ вѣръ. Были еще послѣдователи секты Катаровъ.

Такъ какъ княжество Сербское только съ 1828 года пріобрѣло себѣ независимость, а до послѣдняго времени упомянутыя нами сербскія земли переходили изъ рукъ въ руки (лишившись самостоятельности, они сначала подпали подъ власть Венгріи, потомъ Австріи и Турціи), то естественно, что между ними было мало общаго: всякія сношенія между ними прерываемы были военными вторженіями со стороны сосѣднихъ народовъ. Вслѣдствіе этого разъединенія, пало было сознаніе единства сербскаго народа; единство это теперь опять сознается путемъ литературнымъ. Вся мѣстность, занимаемая сербскими Славянами, получила названіе *Иллиріи*, а общій, литературный сербскій языкъ наз. *иллирійскимъ*; мы будемъ называть его *сербскимъ* вообще.

Сербскій языкъ имѣетъ многія черты общія съ ц.-славянскимъ, но во многихъ случаяхъ есть и отличія, въ особенности по отношенію къ фонетикѣ; эти отличія отразились и въ его флексіяхъ.

Въ фонетическомъ отношеніи сербскій языкъ отличается отъ ц.-сларянскаго:

а) большею вокальностію,

б) чрезвычайнымъ ослабленіемъ аспираціи и

в) искони замѣтною, такъ сказать, враждою къ звукамъ **жд** и **шт** и особеннаго рода замѣненіемъ ихъ другигими звуками.

Перейдемъ къ тѣмъ же звукамъ, которые служатъ характеристическими чертами ц.-слав. языка.

ъ и **ь** у Сербовъ смѣшиваются, особенно въ концѣ словъ; такъ, слово *звѣрь* произносится *звѣръ*. Вообще же представителемъ этихъ обоихъ звуковъ есть звукъ *а*, т. е. тамъ, гдѣ въ ц.-слав. языкѣ можно допустить эти два знака, въ сербскомъ *а*: **дьнь**—*дан*, **сънъ** (сонъ)—*сан*, **мъкнж**—

макнем, мъноѭ (мною) — *маном.* На концѣ словъ ъ и ь стерлись окончательно.

Звукъ ж для сербскаго языка, какъ и для русскаго, имѣетъ значеніе *у:* джбъ — *дуб,* гжба — *губа.* Есть однако случай, гдѣ ж если не сохранило носоваго произношенія, то по крайней мѣрѣ приближается къ нему: именно твор. пад. именъ существительныхъ, кончащихся на *а,* принимаетъ *ом: жена — женом.* По всей вѣроятности это окончаніе *ом* есть остаток ц.-слав. (женоѭ).

Звукъ а Сербъ всегда замѣняетъ звуком *е:* рѧдъ — *ред,* памѧть - *памет,* чѧсть (часть)—*чест* (но наше слово *честь* по сербски наоборотъ будетъ *част;* по ц.-слав. чьсть).

ѣ есть одинъ изъ гласныхъ звуковъ, характеризующій сербскія нарѣчія. Оно имѣетъ троякое произношеніе: 1) какъ латинское *е* (наше *э*) — *вера, мера* (произн. вэра, мэра), 2) какъ *иjе* (виjера, миjера) и 3) какъ *и.* Основываясь на этомъ троякомъ выговорѣ звука ѣ, сербскій ученый литераторъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ дѣлитъ сербскій языкъ на три нарѣчія:

1) *Рессавское,* которымъ говорятъ въ Браничевѣ до рѣки Тимока, въ Рессавѣ, въ Парачинскомъ округѣ до рѣки Ниссы, Левачева, Темнича, въ Крушевцѣ до Коссова. Въ этомъ нарѣчіи ѣ произносится всегда какъ чистое *е* (э).

2) *Герцеговинское* у жителей Герцеговины, Черногоріи, Босніи, Далмаціи, Кроаціи и верхней части Сербіи до Мачвы, Валева и Карловца. ѣ=*иjе.*

3) *Далматинское* — въ Далмаціи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи, именно въ Сирміи. Здѣсь ѣ=*и,* подобно какъ у Чеховъ и Малороссовъ.

Въ литературномъ языкѣ эти три произношенія смѣшиваются, тѣмъ болѣе, что Сербы мало обращаютъ на это вниманія; впрочемъ, въ позднѣйшее время въ нихъ ясно видно намѣреніе сдѣлать произношеніе *иjе* — общимъ, какъ среднее между *е* и *и.* Въ своихъ народныхъ пѣсняхъ Сербы стараются рѣзко отличить всѣ эти три различныя произношенія буквы ѣ, такъ что по выговору этого звука

легко можно догадаться, откуда именно заимствована пѣсня.

Звука **ы** Сербы не имѣютъ вовсе: онъ замѣняется у нихъ мягкимъ *и*: **быти** — *бити*, **рыба** — *риба*, **мы** — *ми* и проч.

Звукъ **є** удержалъ въ сербскомъ языкѣ свое первоначальное произношеніе (какъ латинское *е* или наше *э*). Прочія гласныя **а**, **о**, **оу** произносятся также, какъ и въ ц.-слав. языкѣ.

ръ и **лъ** въ сербскомъ языкѣ не требуютъ послѣ себя гласныхъ, хотя **ъ** и опускается, такъ *прст*, *грст*. Эта гласность звука **ръ** еще болѣе замѣтна въ стихахъ, особенно въ народныхъ пѣсняхъ: тамъ **ръ** составляетъ слогъ; напр. *п̆рст̄а* будетъ ямбъ; мало этого: **ръ** можетъ быть не только гласнымъ звукомъ, но даже гласнымъ *долгимъ*. Иногда при **ръ** слышится гласный звукъ, который большею частію ставится передъ **ръ**, — доказательство, что **ръ** есть ничто иное, какъ вокализированное **р**. — **Лъ**. — Въ отношеніи этого звука Сербъ подтверждаетъ, что и этотъ звукъ, подобно **ръ**, могъ вокализироваться; Сербъ его не знаетъ: **лъ** вездѣ у него переходитъ въ **оу** или въ **о**; именно, всякій разъ, когда **лъ** стоитъ на концѣ словъ, онъ переходитъ въ гласную **о**, когда же въ срединѣ — въ **у**. Потому, не странно теперь видѣть, когда Сербъ говоритъ и пишетъ: *вук* (**влъкъ**—волкъ), *тук* (**тлъкъ**—толчокъ). Переходъ **лъ** въ *о* на концѣ словъ составляетъ отличительный характеръ сербскихъ причастій; такъ *дао* — *далъ*, *био* — *билъ*, *былъ*, *сео* — *сѣлъ*, *брао* — *бралъ*. Въ стихахъ вообще и въ далматинскомъ нарѣчіи эти двѣ гласныя поглощаются одна другою, такъ что вмѣсто двухъ является одна долгая (въ греческихъ грамматикахъ это называется *κρᾶσις*). Теперь легко понять, почему односложныя слова такъ странно звучатъ: *воо* (волъ), *коо* (колъ) и т. п., хотя они и пишутся просто: *во*, *ко*. Но такъ какъ **ъ** смѣшивается съ **ь**, то и **ль** можетъ измѣниться по тому же правилу, какъ и **лъ**, въ *о*; напр. **соль** — *со̄* (соль), **мысль** — *мисао* (мысль).

И такъ, чтобы узнать нѣкоторыя непонятныя съ пер-

ваго взгляда формы, которыя представляетъ намъ сербскій языкъ, достаточно познакомиться только съ его фонетикой; зная ее, мы будемъ знать множество разныхъ формацій, которымъ поясненія не найдемъ въ словарѣ. Такимъ образомъ, теперь легко будетъ понять, что *сион* значитъ *сильный, мио—милъ, веома—вельми.*

Кстати сказать здѣсь вообще о звукѣ **л.** Сербскій языкъ нашего твердаго *л* (польск. ł) не имѣетъ, но имѣетъ *л* мягкое и притомъ еще есть двѣ степени этого смягченія: первая степень соотвѣтствуетъ латинскому l (ль), вторая—итальянскому gl (љј). Вукъ Стефановичъ первый звукъ (l) изображаетъ знакомъ *л*, второй (gl)—знакомъ *љ*. Тоже должно замѣтить и относительно звука *н,* который тоже имѣетъ смягченіе (нь), изображаемое знакомъ њ: *њега (его).*

х. Раньше мы замѣтили, что сербскій языкъ не любитъ аспираціи; звукъ **х** можно слышать только мѣстами въ Далмаціи; въ Черногоріи этотъ звукъ произносится какъ латинское g (г); большею же частію онъ вовсе не слышенъ. Поэтому, встрѣтивъ, напр. слова: *рам, ром, лад,* мы сейчасъ же объяснимъ ихъ, прибавивъ только вначалѣ звукъ *х*: *храм, хром, хлад.* Или приведемъ въ примѣръ слѣдующій стихъ изъ одной пѣсни: „*Майка рани сина*"... Здѣсь „*рани*" совсѣмъ не значитъ, какъ можно подумать съ перваго разу, „*ранить, наносить раны*", но напротивъ—*хранить, питать.* Слово *орѣхъ* Сербъ произноситъ *opa(x)*; Черногорецъ же *орѣг; хочу* (**хоштѫ**) — въ Далмаціи *хоћу* (хотју), а не *оћу.* Несмотря, однакожъ, на то, что **х** опускается въ произношеніи, этотъ звукъ тамъ, гдѣ въ ц.-слав. яз. онъ долженъ измѣняться въ другой, сродный ему звукъ, — тамъ измѣняется онъ и въ сербскомъ языкѣ. Такъ слово „*Влахъ*" Сербъ хотя и произноситъ „*Вла*", все таки во множественномъ числѣ не говоритъ онъ „Влаи", какъ бы слѣдовало, но „Власи"; отъ *орѣхъ*—множ. число *ораси.* Есть также случаи, гдѣ **х** переходитъ въ *к*: **грѣхъ**—*гријек,* **женихъ**—*женик,* — преимущественно въ тѣхъ словахъ, которыя перешли въ сербскій языкъ

изъ ц.-славянскаго. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ *х* превращается в ј: **мѣхъ**—*мијеј*, **смѣхъ**—*смијеј.*

Звукъ **жд** для сербскаго языка невозможенъ; Сербы стараются даже избѣгать тѣхъ словъ, гдѣ этотъ звукъ необходимъ; такъ, вмѣсто нашего *ждать* Сербъ говоритъ *чакати* (у Поляковъ czekać). Вообще же звукъ *жд* произносится у него какъ *дј*: доказательство того, что это *жд* есть ничто иное, какъ іотированное *д*. Этотъ звукъ *дј* такъ обыченъ въ сербскомъ языкѣ, что Вукъ Стефановичъ Караджичъ предложилъ выражать его на письмѣ такимъ образомъ: ђ (этотъ знакъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ рукописяхъ); такъ отъ глагола *родити* прич. страд. будетъ *рођен* (**рождєнъ**). Поэтому всѣ сравнительныя степени, особенно прилагательныхъ, кончащихся на твердое *д*, принимаютъ ђ: *млад*—сравн. *млађи.* Отсюда всѣ формы и слова, въ которыхъ въ ц.-слав. и частію у насъ есть **жд**, въ сербскомъ языкѣ исключительно имѣютъ ђ: *рђа* — ржавчина, *међа* — межа. Подобнымъ же образомъ **шт** въ сербск. языкѣ измѣняется въ *тј* во всѣхъ производныхъ формахъ (что доказываетъ, что **шт** есть іотированное **т**); но тамъ, гдѣ **шт** коренное, оно удерживается: *штука* (щука). Для выраженія звука **тј** Караджичъ употребляетъ знакъ ћ: *оћу* — хочу (**хъштѫ**), *свијећа*—свѣча (**свѣшта**), *ноћ*—ночь (**ношть**), *ћутити*—ощутить.

Вотъ, собственно, важнѣйшія фонетическія отличія сербскаго языка; есть конечно много и другихъ, но они не такъ важны. Для выраженія звука *дж*, встрѣчающагося въ словахъ, заимствованныхъ изъ языковъ турецкаго и итальянскаго, у Сербовъ есть знакъ џ: *џенерал*, *Караџић*. *У* иногда замѣняетъ *в*: *удовица*—вдовица. *Ц* употребляется вмѣсто *ч* передъ *р*: *црв* — червь, *црево* — чрево, *црн*— черный. Многіе звуки выпускаются, въ особенности *л, т, д: Раосав*—Радослав, *Браен*—Братенъ. — Иногда *м* измѣняется въ *в: вноги*—многій, *тавни*—темный, а *н* въ *л: млоги*— многій. — Интереснѣе особенность, которая въ сербскомъ языкѣ существуетъ только какъ зародышъ; во всей же силѣ она господствуетъ въ сосѣднемъ съ нимъ нарѣчіи—

хорутанскомъ, это переходъ *ж* въ *р*. Такое замѣненіе можно видѣть и въ другихъ языкахъ, гдѣ впрочемъ въ *р* (r) переходитъ *с* (s); такъ позднѣйшее латинское *honor* было *honos*; подобное же явленіе есть и въ сербскомъ языкѣ; въ немъ *ж* замѣняется *р*: слово *јер*, употребляющееся какъ союзъ, есть ц.-слав. **іеже**, *морем*—могу (вм. *можем*).

Нелишнимъ будетъ еще замѣтить, что сербскій языкъ любитъ перестановку звуковъ или слоговъ (metathesis). Metathesis существуетъ и въ ц.-слав. языкѣ, такъ, **камы** (камень) произошло отъ **акмы** (ср. литовское akma), **рамо** отъ **армо** (ср. нѣм. Arm). Точно также Сербы вмѣсто *монастырь* говорятъ *намастир*. Metathesis во всякомъ языкѣ бываетъ вслѣдствіе извѣстныхъ фонетическихъ законовъ.

Что касается до орѳографіи, то у Сербовъ ихъ нѣсколько; кромѣ славянской, кирилловской, есть еще латинская; въ послѣднемъ случаѣ, при встрѣчѣ съ чисто-славянскими звуками, они прибѣгаютъ къ разнымъ комбинаціямъ и особеннымъ означеніямъ; латинская орѳографія также видоизмѣняется смотря по мѣстности: въ сербскихъ земляхъ ближе къ Италіи употребляется итальянская орѳографія, ближе къ Венгріи — венгерская, къ Нѣмецкимъ землямъ — нѣмецкая. Вукъ Стефановичъ Караджичъ употребляетъ кирилловскую азбуку съ прибавленіемъ знаковъ: њ, љ, ћ, ђ ј, џ и за исключеніемъ *ъ, ь, ы, х*; впрочемъ, въ новѣйшихъ изданіяхъ буква *х*, хотя непроизносимая, пишется. Сербы католики употребляютъ шрифтъ латинскій съ вліяніемъ итальянской, венгерской или нѣмецкой орѳографіи. Въ 1840-хъ годахъ вошла въ употребленіе у Сербовъ орѳографія чешская: она чрезвычайно проста—состоитъ изъ буквъ латинскаго алфавита, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ окончаній для звуковъ чисто славянскихъ; именно: звукъ *ч* выражается буквою *č*, *ж* — *ž*, *ш* — *š*, *х* — *ch*. Смягченіе выражается ј или знакомъ (ʹ): *дь* (ђ)—*dj* — *ď*, *ть* (ћ) — *tj* — *ť*, *ć*; њ — *ń*.

Переходимъ теперь къ флексіи. Всѣ позднѣйшіе языки отличаются: а) *ослабленіемъ вокализаціи* или, какъ я называю, *паденіемъ гласныхъ* и *усиленіемъ смягченія соглас-*

ныхъ звуковъ; паденіе это чувствуется не въ однѣхъ флексіяхъ, но и въ самомъ корнѣ; b) *смѣшеніемъ падежей*; такъ, ц.-слав. **сыны** есть вин. и твор. падежи, а для русскихъ именительный; русское окончаніе имен. пад. множ. числа на *ги, ки, хи* есть окончаніе вин. пад. въ ц.-слав. языкѣ (**гы, кы, хы**).

Вотъ общія правила, на основаніи которыхъ можно приступить къ объясненію склоненій именъ существительныхъ въ сербскомъ языкѣ.

Когда мы говорили о склоненіяхъ въ ц.-слав. языкѣ, мы представили тамъ для нихъ таблицу перехода звуковъ, за основаніе которой приняли твердыя и мягкія окончанія; подобная же таблица достаточно объясняетъ намъ и сербскія склоненія, причемъ мы должны имѣть въ виду параллельность окончаній сербскихъ съ ц.-славянскими: такъ, вездѣ гдѣ въ ц.-слав. въ склоненіяхъ есть **ы**, въ сербскомъ этому окончанію соотвѣтствуетъ *е*, гдѣ **ѧ** — также *е*, гдѣ **ъмь** и **оѭ** — въ сербскомъ яз. *ом* и т. д., что видно изъ слѣдующей таблицы:

ц.-слав.	**ы** —	серб. *е*	ц.-слав.	**ѧ** —	сербск. *е*.
„	**ѣ** —	„ *и*	„	**ж** —	„ *у*
„	**ъмь и оѭ** —	„ *ом*	„	**ъ** —	„ *а*

Къ этому должно еще прибавить слѣдующія два замѣчанія:

1) Имена мужескаго рода въ дательномъ и предложномъ падежахъ ед. ч. любятъ оканчиваться на *у*.

2) Во множественномъ числѣ дательный, творительный и предложный падежи всѣхъ родовъ сербскій языкъ заимствуетъ изъ ц.-слав. двойственнаго числа. Эти падежи оканчиваются на *ма*, предъ которымъ находится *о* или *и*; двойственнаго же числа сербскій языкъ не имѣетъ.

Для примѣра склоненія возьмемъ слова: *елен* (олень, **юлєнь**) муж. р. и *жена*.

	Единств. число.		*Множеств. число.*	
Имен.	елен	жена	елени	жене
Род.	елена	жене	елена	жена
Дат.	елену	жени	еленима	женама

Вин.	елена	жену	елене	жене
Тв.	еленом	женом	еленима	женама.
Пр.	елену	жени		

Существительныя средняго рода въ косвенныхъ падежахъ измѣняются совершенно правильно, по замѣчаніямъ, даннымъ для склоненія именъ мужескаго рода.

Много есть уклоненій отъ всѣхъ этихъ правилъ въ языкѣ литературномъ, но всѣ они произошли вслѣдствіе желанія писателей внести въ сербскій языкъ окончанія русскія и ц.-славянскія (ѣ въ дат. ед. ч., ы во множ. ч. и т. п.). Въ тѣхъ существительныхъ, гдѣ въ ц.-слав. яз. есть ь: **овьца, отьць** въ сербскомъ языкѣ въ родит. множ. находится *а* вездѣ, гдѣ въ ц.-слав. ь: *оваца, отаца*; вообще въ род. п. множ. ч. сербскій языкъ любитъ вставочное *а*; такъ: *овца* род. мн. будетъ *оваца*. Тоже самое при существ. со слогомъ **ль** — р. м. *кольцо — кольць* (колаца).

Существительныя **пѫть, нощь** и подобныя имъ, имѣющія въ большей части падежей окончаніе *и*, въ сербскомъ яз. склоняются обыкновеннымъ образомъ: *пут, пута, путу* и т. д. Впрочемъ есть слова, которыя въ большей части падежей имѣютъ *и: ствар* Р., Д., Пр. пад. будутъ *ствари* (Твор. пад. *стварју)*.

Окончаніе **лъ** нѣкоторыхъ ц.-слав. существительныхъ, по правиламъ фонетики сербской переходящее въ *о*, въ слѣдующихъ падежахъ возобновляется съ перемѣною ъ на гласныя буквы окончаній. Напр. слово *пепео* (**пепелъ**) склоняется слѣдующимъ образомъ:

Ед. ч.:	Им. и В.	пепео	Множ. число: И.	пепели
	Р.	пепела	Р.	пепела
	Д. и П.	пепелу	Д., Т. и П.	пепелима
	Тв.	пепелом	В.	пепеле.

Нѣкоторыя слова въ дательномъ пад. вмѣсто *у* оканчиваются на *еви: крал—кралеви* (кралу). Наращаемыя слова у Сербовъ склоняются аналогично съ ц.-слав.: *теле* род. *телета, племе — племена* и т. д.

Дательный употребляется иногда вмѣсто родительнаго, какъ и въ русскомъ языкѣ. Сербскій языкъ эту особен-

ность возводитъ почти на степень общаго правила. Тоже явленіе видно въ языкахъ польскомъ и ц.-славянскомъ (напр. *do domu*; **єпископъ градоу; ходатай грѣшникомъ**) и можетъ быть объяснено смѣшеніемъ падежей.

Смѣшеніе падежей видно также въ употребленіи звательнаго падежа на *е* вмѣсто именительнаго (*момче, бане* вм. *момак, бан* и т. п.) и наоборотъ, въ особенности въ народной рѣчи.

Творительный падежъ кромѣ окончанія *ом* имѣетъ иногда *оме*: *женоме, еленоме*.

Относительно именъ прилагательныхъ должно сказать то, что для склоненія ихъ могла бы служить таже таблица, которая дана для существительныхъ, потому что неполныя прилагательныя, которыя должно считать за первоначальныя, склоняются подобно существительнымъ; но дѣло въ томъ, что въ сербскомъ языкѣ различіе между полными и неполными прилагательными исчезло, и въ склоненіи эти два рода окончаній смѣшиваются. Для примѣра просклоняемъ во всѣхъ трехъ родахъ прилагательное *жут* (полн. ок. *жути*) **жлътъ, жлътъи** (желтый).

Единств. число.

	Муж. рода.	*Жен. рода.*	*Средн. рода.*
Им.	жут, жути	жута	жуто
Род.	жута, жутога	жуте	} = муж. р.
Дат.	жуду, жутому	жутој	
Вин.	как им. или род.	жуту	жуто
Твор.	жутијем	жутом	} = муж. р.
Пр.	жуту, жутом	жутој	

Множеств. число.

Всѣхъ родовъ.

Имен.	жути, ср. р. жута, жен. р. жуте
Род.	жутије(х)
Дат.	жутијем, жутим
Вин.	жуте, ср. р. жута, жен. р. жуте
Твор.	жутијем
Пр.	жутијем

Склоненіе съ мягкимъ окончаніемъ похоже на склоненіе съ твердымъ, мягкое окончаніе зависитъ отъ согласныхъ. Вся разница въ томъ, что въ падежныхъ окончаніяхъ *ога, ому* и т. п. буква *о* замѣняется буквою *е*. Для примѣра просклоняемъ прилагательное *вруħи* (**вржшти** — кипучій, горячій):

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	вруħи, вруħа, вруħе	вруħи, -ħе, -ħа
Род.	вруħега, вруħе, вруħега	вруħи(х)
Дат.	вруħему, вруħој, вруħему	вруħим
Вин.	вруħи или вруħега, вруħу, вруħе	вруħе, -е, -а
Тв.	вруħим, вруħом, вруħом	вруħим
Пр.	вруħем, вруħој, вруħем	вруħим

Степени сравненія. Для superlativus отдѣльной формы нѣтъ; Сербы выражаютъ эту степень прибавленіемъ *нај* къ comparativus. Окончанія comparativi аналогичны съ ц.-сл. для м. р. *ји* (ц.-сл. **ѣи**), для жен. р. *ји-ши* (**ѣиши**), для ср. р. **ѣє**=*јие*. Согласныя при извѣстныхъ гласныхъ тоже измѣняются, аналогично съ ц.-слав. такъ, отъ *драги* сравн. *дражји* (м. *дражјиши*, ср. *дражјие*), *млади—млађи, сладок—слађи.* Нѣкоторыя прилагат. въ сравнит. ст. имѣютъ вставку *л*: *скуп—скуплји*, въ особенности въ народн. пѣсняхъ.

Есть въ сербскомъ языкѣ и неправильныя степени сравненія, разныхъ корней, какъ напр.:

зао (**ѕълъ**) сравн.		*гори* (ж. р. *горши*)
велик	„	*веħи* (**вашти**)
мног	„	*више*
добар	„	*боли* (лучшій)
худ	„	*лоши*
мали	„	*маħи.*

Мѣстоименія тоже аналогичны съ ц.-слав. Формы мѣстоименій личныхъ слѣдующія:

Единственное число.

Имен.	ја,	ти	он, она, оно
Род.	мене	тебе, те	њега, ње, њега
Дат.	мени, ми	теби, ти	њему, њој, њему
Вин.	мене, ме	тебе, те	њега, њу, њега

Твор.	мном	тобом	њим, њом, њим
Предл.	мени	теби	њему, њој, њему.

Множественное число.

Им.	ми, ви, они, оне, она
Род.	нас, вас, њи(х)
Дат.	нама, вама, њима
Вин.	нас, вас, њи(х)
Тв.	нама, вама, њима
Пр.	как твор.

Отъ род. падежа ед. и мн. ч. муж. и женск. р. мѣстоименія третьяго лица въ сербскомъ языкѣ образовался родъ *adjectiva pronominalia*: *његов*, *његова*, *његово; њен*, *њена*, *њено*; *њи(х)ов*, *њи(х)ова*, *њи(х)ово*. Подобный родъ мѣстоименныхъ прилагательныхъ встрѣчаемъ въ нашемъ народномъ языкѣ (ихній, -яя, -ее). Эти *adjectiva pronominalia* склоняются какъ прилагательныя; тоже должно сказать и и *pronomina adjectiva*: *мој*, *свой*, *тој*, *чиј* (чей) и *сав*, *сва*, *све* (весь). Мѣстоименіе *сав* образовалось вслѣдствіе метатезиса и фонетики изъ **вьсь**. Ц.-слав. мѣстоименіе **вьсь** состоитъ изъ двукъ частей **вь-сь**. Въ сербскомъ языкѣ эти части подверглись метатезису (**сь-вь**), **ь** при **с** обратилось въ *а*, второе **ь** пропало.

Подобному же метатезису подверглось вопросительное мѣстоименіе *кто*, которое въ сербскомъ есть *тко*. Этотъ метатезисъ прямо указываетъ на то, что *кто* (**къ-то**) сложилось изъ вопросительнаго **къ** и указат. **тъ**. **Къ** есть первообразъ мѣстоименія **къи** (кой), **каꙗ**, **коѥ** (у Сербовъ *ки*, *ка*, *ко*), а **тъ** — **тои**, **та**, **то**. Сербъ перемѣстилъ эти составныя части (**къ-то—тъ-ко**). Склоняется оно очень просто, только предложный падежъ большею частію есть *ткоме*.

Другое вопросительное мѣстоименіе — *что* — выражается двояко: *што* и *ча*. Замѣчательно, что эти два мѣстоименія разграничиваютъ Сербовъ по религіи. Православные Сербы употребляютъ *што* и потому называются *Штокавци*, католики—*ча* и наз. *Чакавци*. Подобно этому, фран-

цузскій языкъ по одному слову распадается на два нарѣчія: langue d'oc и langue d'oui.

По отношенію къ глаголамъ сербскій языкъ можно прямо поставить въ параллель съ церковно-славянскимъ.

Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на *ти*, первое лицо настоящаго времени — на *ам*, *ем*, *им* и на различіи этихъ окончаній praesentis обыкновенно основываютъ дѣленіе спряженій. Но, по аналогіи съ ц.-слав. языкомъ, мы и сербскіе глаголы раздѣлимъ на шесть спряженій (слѣдуя системѣ Добровскаго).

Къ I-му отдѣлу принадлежатъ глаголы, которые въ настоящемъ времени и неопредѣленномъ наклоненіи представляютъ непосредственное соединеніе корня съ суффиксомъ: *нес-ем*, *нес-ти; пе(к)ч-ем (пек-ти) — пеħи; пием*, *пи-ти*.

II-го отдѣла глаголы принимаютъ вставку *н* или *ну* между корнемъ и суффиксомъ: *то-н-ем*, *то-н-ути; си-н-ем*, *си-ну-ти* (сіять).

У глаголовъ III-го отдѣла вставка между корнемъ и суффиксомъ есть *ије(и)*: *мр-ије-м*, *мр-ије-ти*.

IV-й отдѣлъ. Корень съ суффискомъ соединяется вставкой *и*: *нос-и-м*, *нос-и-ти*.

V-й отдѣлъ. Корень съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія соединяется посредствомъ *а*; въ настоящемъ же времени могутъ быть различныя гласныя: *игр-ам*, *игр-а-ти*; *пиш-ем*, *пис-а-ти*.

VI-й отдѣлъ, общій всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, состоитъ изъ глаголовъ, у которыхъ въ настоящемъ времени связующая гласная есть *у*, а въ неопредѣленномъ наклоненіи—*ова*: *куп-у-ем*, *куп-ова-ти*.

Двойственнаго числа нѣтъ.

Настоящее время не представляетъ особеннаго затрудненія. Для примѣра возьмемъ глаголъ *плести*. Формы настоящаго времени слѣдующія:

Ед. ч.	1.	*плетем*	Мн. ч.	1.	*плетемо*
	2.	*плетеш*		2.	*плетете*
	3.	*плете*		3.	*плету* (**плетѫть**).

Въ глаголахъ, оканчивающихся въ наст. вр. на *им*, 3-е лицо множ. ч. имѣетъ *е*, соотвѣтственно церковно-славянскому окончанію **-ать** (**хвалать, носать**) или русскому *ятъ*: *хвалятъ, носятъ*.

Сербскій языкъ удержалъ imperfectum и аористъ. Характеристикою imperfecti въ ц.-слав. яз. служитъ **ѣа** и, при смягченіяхъ, **аа**; въ сербскомъ языкѣ **аа** удержалось, а **ѣ** по фонетикѣ перешло въ *иjе*, *е*. Формы imperfecti слѣдующія:

Ед. ч.	ц.-слав.	**плетѣахъ**	серб.	*плетиjа(х)*
		плетѣаше		*плетиjаше*
		плетѣаше		*плетиjаше*
Мн. ч.		**плетѣахомъ**		*плетиjасмо*
		плетѣасте		*плетиjасте*
		плетѣахж		*плетиjа(х)у*

Въ аористѣ аналогія съ ц.-слав. яз. также соблюдается:

Ед. ч.	ц.-слав.	**плетохъ**	серб.	*плето(х)*
		плете		*плете*
		плете		*плсте.*
Мн. ч.		**плетохомъ**		*плетосмо*
		плетосте		*плетосте*
		плетоша		*плетоше.*

Часто въ аористѣ присоединяется *до*, уцѣлѣвшая форма, какъ надо полагать, отъ глагола *дѣти* (дѣлать); она превращается въ суффиксъ; въ imperfectum употребляется другой суффиксъ *диjа*, тоже отъ глагола *дѣти*; такой суффиксъ *диjа* составляетъ необходимую принадлежность imperfect'а глагола *оћу*. Аористъ, сложный съ суффиксомъ *до*, всего болѣе встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ; какъ напр. слѣдующія формы:

Ед. ч.	*има-до(х)*	Мн. ч.	*има-досмо*
	има-де		*има-досте*
	има-де		*има-доше.*

Что этотъ родъ суффиксовъ произошелъ отъ глагола *дѣти*,

это кажется весьма вѣроятнымъ по сравненію съ нѣмецкимъ imperfect'омъ, напр. ich lobte, ich konnte, гдѣ окончаніе te, безъ сомнѣнія, образовалось отъ глагола thun—дѣлать, **дѣти**.

Что касается до *будущаго времени*, то Сербы не могутъ такъ образовать его, какъ, напр., мы, т. е. посредствомъ глагола *буду*. Для нихъ *буду* есть знакъ условнаго наклоненія. Для выраженія будущаго времени, Сербы, подобно Болгарамъ, употребляютъ глаголъ *хочу*=*оћу*; этотъ глаголъ, вслѣдствіе частаго употребленія, превратился у Сербовъ въ родъ суффикса, который, тѣсно соединяясь съ самымъ глаголомъ, дѣлается признакомъ будущаго времени. Разсмотримъ спряженіе глагола *оћу*:

Настоящее время: *оћу*, *оћеш*, *оће*, *оћемо*, *оћете*, *оће*.

Imperfectum (ц.-слав. **хотѣахъ**) въ сербск. яз. есть *кћа-диjа*, *кћа-диjаше*, *кћа-диjаше*, *кћа-диjасмо*, *кћа-диjасте*, *кћа-диjа(х)у*. Аористъ *кће-до* и т. д.

Но обратимся вообще къ будущему времени. Какъ сказано, для образованія будущаго времени Сербы прибавляютъ глаголъ *оћу* (ћу) въ началѣ, но чаще какъ суффиксъ. Такъ, отъ глагола *плетем* будущее есть:

Ед. ч.	*плетећу*	Мн. ч.	*плетећемо*
	плетећеш		*плешећете*
	плетеће		*плетеће*.

Отъ глагола *играм* — fut. *играћу* и т. д.

Кромѣ будущаго времени перифразисъ служитъ еще и для образованія perfecti и plusquamperfecti, но тутъ употребляется глаголъ **юсмь** и причастія; разсмотримъ и то и другое.

Глаголъ **юсмь** у Сербовъ превратился въ *jесам* или *сам* (je отбрасывается). Спряженіе глагола *jесам* слѣдующее:

Настоящее время *jесам*, *jеси*, *jе*, *jесмо*, *jесте*, *jесу*.

Imperfectum: *биjа(х)* (**бѣахъ**), *биjаше*, *биjаше*, *биjасмо*, *биjасте*, *биjа(х)у*.

Аористъ: *би(х)*, *би*, *би*, *бисмо*, *бисте*, *бише* (ц.-слав. **бынхъ**, **бѣхъ**).

Будущее: *биђу, -еш, -е, -емо, -ете, -е.*

Слѣдовательно во всемъ спряженіи соблюдена аналогія съ ц.-слав. языкомъ; различіе состоитъ только въ фонетикѣ.

Соединивъ формы глагола *сам* съ причастіемъ на *о, ла, ло* (**лъ, ла, ло**) получимъ сложныя прошедшія: *сам плетео* и т. д., *би дао* и т. д.

Причастія аналогичны съ ц.-слав.: 1) на *о, ла, ло* (**лъ, ла, ло**) — *дао, дала, дало*; 2) на *н: несен, несена, несено.* Роды настоящаго причастія (на **а**, ж. **щи**) смѣшались, какъ и въ русскомъ языкѣ, гдѣ эти причастія называются *дѣепричастіями.* Окончаніе, бывшее прежде признакомъ женскаго рода (**шти**), принадлежитъ и мужескому: *плетуђи* (плетя, плéтучи). Есть причастія на *ши: плетавши.* Замѣчательно, что въ причастіяхъ прошедшихъ бываетъ crasis — слитіе гласныхъ: такъ, вмѣсто *плетео* встрѣчается *плето*, вмѣсто *знао* — *зна.*

Повелительное наклоненіе образуется чрезъ прибавку къ глагольнымъ формамъ частицъ *нека* (малоросс. *нехай*, польск. niech) или *дела* (ц.-слав. и русс. **да**), напр. *нека плете. Нека* вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкому lassen: lass ihn flechten.

Изъ *нарѣчій* самыя употребительныя: *семо* (**сѣмо**), *само* (только); *овамо* — тамъ; *откле, покле, закле* — отколѣ; *свагда* — всегда; *веђе* — больше; *где му драго* — гдѣ либо; *један пут*—разъ; *веома* (**вельми**)—весьма; *сада* (**сь дьнь**)—сегодня, теперь; *чак ђа*—до, даже до (usque ad); *часом*—иногда; *зором*—на зорѣ; *лети*—летом, *зими*—зимою; *траг, натраг* — назадъ.

Изъ *предлоговъ* замѣтимъ: *крај* — по край, *пут* — къ, *измед*—между, *спрема*—прямо противъ (нѣм. gegenüber), *полаг* — по; *код* — у; *уз* — возлѣ; *рад, ради* — ради, для; *брез* — безъ; *верху* — о; *по* — по, чрезъ.

Что касается до союзовъ сербскихъ, то должно замѣтить, что почти всѣ такъ наз. винословные союзы произошли изъ относительныхъ мѣстоименій. Самые употреби-

тельные изъ союзовъ: *јере* (єжє); *бо*—ибо, потому что, за то что; *пак* (паки)—опять; *али* (польск. ale, греч. ἀλλὰ)—но; *ја*—или; *те* (τε)—и; *када*—когда; *тако-ђер*—дескать, сирѣчь; *амо*, *ами*, *ам*, *мо*—но.

Смрт Марка Краљевића.

Поранио Краљевићу Марко
У неђељу прије јарког сунца
Покрај мора Урвином планином [1]).
Када Марко био уз Урвину,
Поче њему Шарац посртати [2]),
Посртати и сузе ронити.
То је Марку врло мучно било,
Па је Марко Шарцу говорио:
„Давор' [3]), Шаро, давор' добро моје!
Ево има сто и шесет љета
Како сам се с тобом састануо [4])
Још ми нигда посрнуо ниси,
А данас ми поче посртати,
Посртати и сузе ронити;
Нека Бог зна, добро бити не ће,
Оће једном бити према [5]) глави,
Јали мојој, јали према твојој".
То је Марко у ријечи био,
Кличе вила [6]) с Урвина планине,
Те дозива Краљевића Марка:
„Побратиме, Краљевићу Марко!
Знадеш, браће, што то коњ посрће?
Жали Шарац тебе господара,

---

[1]) *Планина* (древне-русск. полонина)—гора; [2]) *посртати*—спотыкаться, оступаться, хромать (*сртати*—попрыгивать, ср. лат. salto, salio); [3]) *давор*—печаль, забота (*даворје*—печальная пѣсня, сѣтованіе); [4]) *састанути*—встрѣтиться, случиться; [5]) *према*—противъ, на; [6]) *вила*—миѳологическое существо, сканд. wole.

Јер ћете се брзо растанути“ [7]).
Али Марко вили проговара:
Б'јела вило, грло те бољело!
Како би(х) се са Шарцем растао,
Кад сам прош'о землу и градове,
И обиш'о Исток до Запада,
Та од Шарца бољег [8]) коња нема,
Нит' нада мном бољега јунака?
Не мислим се са Шарцем растати,
Док је моје на рамену главе“.
Ал' му б'јела одговара вила:
Побратиме, Краљевићу Марко!
„Тебе нитко Шарца отет' не ће,
Нит' ти можеш умријети, Марко,
Од јунака, ни од оштре сабље,
Од топуза [9]) ни од бојна копља,
Ти с' не бојиш на земљи јунака
Већ [10]) ћеш, болан, умријети Марко,
Ја од Бога од старог крвника [11]).
Ако л' ми се вјеровати не ћеш,
Када будеш вису на планину,
Погледаћеш с десна на лијево,
Опазићеш [12]) двије танке [13]) јеле,
Сву су гору врхом надвисиле,
Зеленијем листом зачиниле [14]),
Међу њима бунар [15]) вода има,
Онђе [16]) оћеш Шарца окренути [17]),
С коња сјаши, за јелу га свежи,
Наднеси [18]) се над бунар над воду,
Те ћеш своје огледати лице,

---

[7]) Разставаться; [8]) лучшій; [9]) *булава*; [10]) *но*; [11]) *мститель*; [12]) пазити — *охранять*, *пасти*; опазити — *увидать*, замѣтить (ср. греч. ὠπάζω); [13]) *тонкій* (**ТЪНКЪИ**); [14]) *закрывать*; [15]) *колодецъ*, *источникъ* (ср. нѣм. Brunnen); [16]) *тогда*; [17]) *наклонить*, *поворачивать*; [18]) *подняться*. У всѣхъ Славянъ былъ обычай смотрѣть въ воду и узнавать этимъ способомъ время смерти.

Па ћеш вићет, кад ћеш умријети“.
То је Марко послушао виле,
Кад је био вису на планину,
Погледао с десна на лијево,
Опазио двије танке јеле,
Сву су гору врхомъ надвисиле,
Зеленијем листом зачиниле,
Онђе Марко окренуо Шарца,
С њега сјао, за јелу га свез'о,
Househ Наднесе се над бунар, над воду,
Над водом је лице огледао!
А кад Марко лице огледао,
Виће Марко, кад ће умријети,
Сузе проли, па је говорио:
„Лажив св'јете, мој лијепи цв'јете!
Л'јеп ти бјеше, ја за мало (х)ода(х)!
Та за мало, три стотин' година!
Земан дође, да св'јетом пром'јеним [19]).
Па повади [20]) Краљевићу Марко,
Па повади сабљу од појаса,
И он дође до коња Шарина,
Сабљом Шарцу осијече главу,
Да му Шарац Турком не допадне,
Да Турцима не чини измета [21]),
Да не носи воде ни ђугума [22]);
А кад Марко посијече Шарца,
Шарца коња свога укопао,
Боље Шарца, нег' брата Андрију;
Британку [23]) сабљу преби на четверо,
Да му сабља Турком не допадне,
Да се Турци њоме не поносе [24]),

---

[19]) *перемѣнить свѣтъ*, переселиться въ другой міръ, *умереть*. У Славянъ было повѣрье, что душа не умираетъ, а только перемѣняетъ мѣстопребываніе; [20]) *добыть, вывести*; [21]) *служба* (измета турецк. слово); [22]) *навозъ*. [23]) *острая* (отъ **БРСНѪТИ** — вострить, чистить); [24]) *хвалиться*.

Што је нима остало од Марка,
Да ришћанлук [25]) Марка не прокуне;
А кад Марко британку преби сабљу,
Бојно копље сломи на седмеро,
Па га баци у јелови гране [26]);
Узе Марко перна буздована [27]),
Узе њега у десницу руку
Па га баци с Урвине планине
А у сиње у дебело [28]) море,
Па топузу Марко бјеседио:
„Кад мој топуз из мора изиш'о,
Онда 'ваки [29]) ћетић [30]) постануо!"
Када Марко сактиса [31]) оружје,
Онда трже дивит [32]) од појаса,
А из џепа књиге без јазије [33]),
Књигу пише Краљевићу Марко:
„Когођ дође Урвином планином
Међу јеле студену бунару,
Те затече [34]) онђе дели [35])—Марко
Њега знаде, да је мртав Марко;
Код Марка су три ћемера [36]) блага,
Каква блага? Све жута дуката,
Један ћу му ћемер (х)алалити [37]),
Што ће моје т'јело укопати,
Други ћемер нек се цркве красе,
Трећи ћемер кљасту [38]) и слијепу,
Нек слијепи по свијету (х)оде,
Нек пјевају и спомињу Марка".
Када Марко књигу накитио [39]),

---

[25]) *христіанское общество*; [26]) *вѣтвь*; [27]) *шестоперъ оперенная булава*, бывшая, подобно маршальскому жезлу, признакомъ власти; [28]) *глубокій*; [29]) вм. оваки — такой; [30]) герой, дѣтина; (дѣтиште); [31]) *сокрушить*; [32]) *чернилица*; [33]) *пятно* (изъ тур. яз.); [34]) *находить*; [35]) *дели* тур. слово значитъ „съ ума сшедшій" отъ пріемовъ опіума, переносн. знач. *храбрый*; [36]) *мѣшокъ*; [37]) *посвящать*; [38]) *хромой*; [39]) *украшать, написать*.

Књигу врже на јелову грану
Откуда је с пута на погледу;
Златан дивит у бунар бацио [40]);
Скиде Марко зелену доламу [41])
Простриј је под јелом на трави,
Прекстисе, сједе на доламу,
Самур [42])—калпак над очи намаче [43]),
Доље леже, горе не устаде.
Мртав Марко крај бунара био
Од дан' до дан' неђељицу дана [45]),
Когођ прође друмом [45]) широкијем,
Те опази Краљевића Марка,
Сватко [46]) мисли, да ту спава Марко,
Око њега далеко облази [47]),
Јер [48]) се боји, да га не пробуди,
Ђе је срећа, ту је и несрећа [49]),
Ђе несрећа, ту и среће има:
А сва добра срећа изнијела [50])
Игумана Светогорца Васа [51])
Од бијеле цркве Вилиндара
Са својијем ђаком Исаијом;
Кад игуман опазио Марка,
На ђакона десном руком маше:
„Лакше [52]), синко, да га не пробудиш,
„Јер је Марко иза сна зловољан [53]),
„Па нас може оба погубити".
Гледећ кале [54]) како Марко спава
Више Марка књигу опазио,
Према себе књигу проучио,
Књига каже, да је мртав Марко.
Онда кале коња одсједнуо,

---

[40]) *бросить*; [41]) *долманъ*; [42]) *смурый*; [43]) **намъкнѫти**, *надвинуть*; [44]) *со дня на день всю недѣлю*; [45]) *дорога* (ср. греч. δρόμος); [46]) *всякій*; [47]) *обходить*; [48]) *ибо*; [49]) *счастье, несчастье* (**сращта, несращта**); [50]) *приносить*; [51]) *Василій*; [52]) *легче*; [53]) *сердитъ*; [51]) *кале* или *калуер — старецъ* (отъ греч. καλὸν γερόντιον).

Па привати за делију [55]) Марка,
Ал' се Марко давно преставио,
Проли сузе проигуман Васо,
Јер је њему врло жао Марка;
Отпаса му три ћемера блага,
Отпасује, себе припасује.
Мисли мисли проигуман Васо,
Ће би мртва сарапио [56]) Марка,
Мисли мисли, све на једно смисли;
Мртва Марка на свог коња вирже,
Па га снесе мору на јалију [57])
С мртвим Марком сједе на галију [58]),
Одвезе га право Светој гори,
Извезе га под Вилиндар цркву,
Унесе га у Вилиндар цркву,
Чати [59]) Марку, што самртну треба,
На земли му т'јело опојао [60])
Насред б'јеле церкве Вилиндара
Онђе старац укопао Марка,
Билеге [61]) му никакве не врже
Да се Марку за гроб не разнаде,
Да се њему душмани [62]) не свете [63]).

Oružje i jezik.

Od istoka [1]) vrag napade
Da nam pleni sela, grade
Snagom [2]) svojeg' oružja,
A mi njega nadvladasmo [3])
Sela, grade občuvasmo [4])

---

[55]) *витязь*; [56]) *схоронить*; [57]) *берегъ*; [58]) *галера*; [59]) *чати* (отъ читати, **ЧЬТАТИ**) *читать*, слово, вѣроятно, происшедшее отъ *считать*, *счетъ*, лат. lego значитъ тоже „сбирать", у Хорутанъ въ значеніи „читать" употребляется слово „брать" (brrat'); [60]) *отпѣвать*; [61]) *билег* — знамя, документъ, знакъ, признакъ, печать; [62]) *врагъ*; [63]) *мстить*.

[1]) *востокъ*; [2]) *силою*; [3]) *одолѣли* [4]) охранили.

Snagom našeg' oružja.
Od istoka vrag napada
Da nam pleni pleme sada [5])
Snagom svojeg' jezika:—
A mi njega nadvladasmo,
Pleme naše občuvasmo
Snagom našeg jezika.
Što no negda bjaše možno
Kad idjasmo, bratjo, složno [6])
Snažnom [7]) našem oružju:
To će [8]) i sad' biti možno
Samo složno, bratjo, složno!
Snažnom našem jeziku.

Dragutin Rakować, 1841.

---

[5]) *сей день, сегодня теперь*; [6]) *дружно, соединенно*; [7]) *сильнымъ*; [8]) *ħe* отъ *оħу* (вспомог.).

IV. Хорутанскій языкъ.

Исторія застаетъ *Хорутанъ* въ V столѣтіи занимающими землю отъ Адріатическаго моря за Вѣну, въ глубину Баваріи до рѣки Инна. Можно съ вѣроятностію предположить, что они соединялись нѣкогда съ Болгарскими Славянами, именно, когда они заняли свои земли. Хорутане заселяли почти весь Норикъ и Паннонію. Поставленные впереди славянскихъ поселеній, будучи самыми западными изъ нихъ, они должны были выдерживать долгую и трудную борьбу съ сосѣдями. Сначала ихъ тѣснили Лонгобарды и Авары, а потомъ началъ тѣснить ихъ Карлъ Великій. Самый гибельный ударъ имъ нанесенъ былъ образованіемъ *Мархій,* которыя стали стѣснять этотъ народъ все болѣе и болѣе, такъ что Хорутане признаютъ, наконецъ, какъ вассальныя земли, верховную власть то баварскаго, то габсбургскаго дома. Самое горькое было положеніе этихъ Славянъ, пока наконецъ въ борьбѣ протестантизма и католицизма они не сохранили своей національности. Въ настоящее время границы этого славянскаго племени простираются: на западъ по рѣкѣ Сочѣ (Изонцо) до города Бѣляка (Willach); на сѣверъ по чертѣ отъ города Радгоня (Radkarsberg) и, спускаясь на югъ до озера Блатенскаго (Балатонъ, Plattensee), на востокъ отъ озера Блатенскаго идутъ мимо Птуя (Petau) и потомъ на югъ, захватывая земли хорватскія неправильною чертою до самаго Търста (Тріеста). Земли эти суть: большая часть Каринтіи (Kärnthen), южная Штирія (Steyermark) и почти вся Крайна (Украйна) съ Горицею (Görtz). Въ политическомъ и административномъ отношеніи эти земли съ 1815 года образовали королевство Иллирское. Въ Каринтіи главный городъ Целовецъ (Klagenfurt), въ Штейер-

маркѣ — Градецъ (Gratz), въ Горицѣ — Горица (Görtz) и Трстъ (Тріестъ). Такъ какъ эта страна покрыта горами— здѣсь проходятъ такъ наз. Норическія Альпы (Триглавъ— Terglu),—то народъ называетъ себя или Доленцами (въ долинахъ), или Горенцами (въ горахъ); Нѣмцы же называютъ ихъ Виндами, а въ Штиріи — Словенцами. Мы называемъ это племя *хорутанскимъ,* слѣдуя Нестору, который также называетъ ихъ *Хорутанами,* п. ч. часть ихъ земель составляла древнюю Каринтію или Хорѫтанію. Изученіе языка этого племени очень важно въ филологическомъ отношеніи, п. ч. онъ сохранилъ много особенностей языка церковно-славянскаго. Нашлись даже ученые, какъ напр. Копитаръ и Миклошичъ, которые говорятъ, что Св. Писаніе переведено не на болгарскій яз., а на хорутанскій.

Мы уже раньше замѣтили, что каждое славянское нарѣчіе имѣетъ свои особенности въ произношеніи гласныхъ. Что-же особенно характеризуетъ языкъ хорутанскій, такъ это—*усиленіе ерированія;* каждая гласная въ хорут. яз. можетъ сокращаться, такъ сказать *скрадываться,* и это скрадываніе гласной я называю *ерированіемъ.* Въ сербскомъ языкѣ вокализируются нѣкоторые согласные, слѣдовательно гласные въ немъ изобильнѣе, и отъ того-то этотъ языкъ весьма мелодиченъ; напротивъ того, языкъ хорутанскій, благодаря этому ерированію, дѣлается чрезвычайно сжатымъ, отрывистымъ и нѣкоторыя слова при своемъ произношеніи требуютъ даже нѣсколькихъ удареній, вмѣсто одного. Это свойство хорутанскаго языка болѣе всего служитъ къ поясненію ъ-овъ, которые играютъ весьма важную роль въ фонетикѣ ц.-слав. языка, т. е. что ъ и ь были ничто иное какъ короткія гласныя, но совсѣмъ не безгласныя, какъ принимаютъ ихъ нынче, почему объ этомъ звукѣ мы должны здѣсь именно поговорить подробнѣе, нежели какъ было о немъ говорэно при обозрѣніи языковъ болгарскаго и сербскаго.

Другое не менѣе важное свойство хорутанскаго языка — особенность его *въ смягченіи нѣкоторыхъ согласныхъ.* Это второе отличіе тѣмъ замѣчательнѣе, что этимъ то усиленіемъ смягченія согласныхъ и различаются между собою славянскія нарѣчія. Такое смягченіе особенно замѣтно при произношеніи звуковъ *д* и *т*. Въ болгарскомъ языкѣ, какъ намъ уже извѣстно, *д* смягчается въ *жд,* въ сербскомъ въ *дј* (ђ), въ хорутанскомъ же самое *д* стирается: остается, слѣдовательно, одно только *ј*. Слова, гдѣ встрѣчается этотъ звукъ, съ перваго взгляда, конечно, намъ покажутся странными, даже непонятными; но эта непонятность будетъ обнажена, если вспомнимъ, что вмѣсто *жд* или *д* употреблена *ј*.

Третья особенность хорутанскаго языка—*двойственное число* въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Былъ-ли ц.-слав. языкъ древнимъ болгарскимъ или хорутанскимъ? — этотъ вопросъ былъ предметомъ спора между учеными. Мнѣнія въ пользу хорутанскаго языка происходили по той именно причинѣ, что языкъ хорутанскій, какъ и древне-славянскій, имѣетъ двойственное число. Противная партія утверждала, что въ ц.-слав, языкѣ двойственное число существуетъ единственно изъ подражанія греческому. Но доказательотвомъ противнаго можетъ послужить то, что въ греческомъ текстѣ Св. Писанія мы не встрѣчаемъ двойственнаго числа, или очень рѣдко. И такъ, если по мнѣнію этихъ ученыхъ двойственное число грецизмъ, то какимъ же образомъ оно существуетъ въ нарѣчіяхъ хорутанскомъ и лужицкомъ?

Но всего интереснѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ всего важнѣе одно общее отличіе этого языка отъ прочихъ съ нимъ сходныхъ, отличіе въ лексикальномъ отношеніи, состоящее въ богатствѣ старинныхъ коренныхъ словъ, которыя мы хотя и знаемъ изъ св. книгъ, но знаемъ ихъ только въ абстрактномъ значеніи, между тѣмъ какъ изъ хорутанскаго языка мы узнаемъ ихъ въ значеніи конкретномъ, мы узнаемъ изъ него множество коренныхъ словъ, отъ кото-

рыхъ въ прочихъ нарѣчіяхъ существуютъ одни только производныя.

Перейдемъ теперь къ фонетикѣ этого языка. При разсматриваніи звуковъ будемъ держаться той-же послѣдовательности, какъ и въ прежде разсмотрѣнныхъ нами нарѣчіяхъ. Начнемъ съ ъ и ь.

Хорутанскій языкъ искони не писался кирилловскими буквами; древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники этого языка писаны буквами латинскими, которые впрочемъ имѣютъ то неудобство, что не въ состояніи выразить нѣкоторыхъ чисто славянскихъ звиковъ; вслѣдствіе этого, ученые по необходимости должны внести въ хорутанскій алфавитъ нѣсколько новыхъ начертаній и означеній для звуковъ, невыразимыхъ латинскимъ алфавитомъ, напр. для ъ и ь — знакъ *ɪ*. ъ и ь, безразличные для Хорутанъ, замѣняютъ собою цѣлый порядокъ гласныхъ. Вообще, слѣдовательно, можно сказать, что каждая короткая гласная въ хорутанскомъ языкѣ можетъ переходить въ эти два знака; отъ того то при чтеніи чувствуется удивительная быстрота. Представителемъ краткихъ гласныхъ служитъ знакъ *ɪ*; примѣры:

smɪrt — смерть (*ɪ*=е), *sɪn* — сынъ (*ɪ*=ы),
člvɪk — человѣкъ (*ɪ*=ѣ), *pɪp* — пжпъ (*ɪ*=ж),
prosɪm — просимъ (*ɪ*=и), *jezɪk* — языкъ (*ɪ*=ы),
bɪb — бобъ (*ɪ*=о), *bɪk* — быкъ (*ɪ*=ы).

Всѣ эти примѣры очень ясно показываютъ: 1) что *ɪ* употребляется тамъ-же, гдѣ ъ въ ц.-сл. и 2) что въ звукъ *ɪ* можетъ превращаться всякая гласная. Замѣтимъ вообще, что всякая гласная, въ стихахъ и прозѣ, можетъ переходить въ *ɪ*; но въ словахъ, гдѣ встрѣчается это *ɪ* (ъ, ь), могутъ или скрадывать его, или обнаруживать. Довольно часто звукъ *ɪ* означается еще чрезъ *á*. Свойство языка — скрадывать гласныя дало случай потомъ внести въ хорутанскій языкъ греческій метръ; у Хорутанъ переведена Одиссея или Илліада Гомера, гдѣ соблюденъ размѣръ подлинника. Перейдемъ къ другимъ звукамъ.

По звуку ж Хорутане рѣзко отличаются отъ другихъ Славянскихъ народовъ; въ ихъ языкѣ этотъ звукъ произносится за *o*; исключеній нѣтъ. Прим.: *pot* — **пѫть** — путь; *dob* — **дѫбъ** — дубъ; также въ причастіяхъ: *mogoče* — **могѫшти** — могучій, и въ вин. пад. ед. ч. женск. р. — *moko* — **мѫкѫ** — муку; *ženo* — **женѫ** — жену. Но вотъ вопросъ, который занимаетъ до сихъ поръ ученыхъ: было-ли это *o* въ старину произносимо съ ринезмомъ, или безъ ринезма, какъ теперь произносится? Такъ какъ Хорутане населяютъ большею частію мѣста гористыя, гдѣ обыкновенно болѣе всего скрывается діалектовъ, то и нашли, что жители этихъ горныхъ странъ, особливо въ Каринтіи, нѣкоторые слова произносятъ съ ринезмомъ не чистымъ, а такъ, какъ будто бы слѣдующая за *o* согласная удвояется; какъ напр. *pott*, *dobb*.

И такъ ѫ въ хорутанскомъ языкѣ перешло въ *o*. Отступленіе есть только въ глаголахъ, именно въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени, гдѣ вмѣсто окончанія *o* (ѫ) встрѣчаемъ *am*, *em*, *im*; но за то 3-е лицо множ. ч. всегда оканчивается на *o*, безъ всякихъ исключеній. Такъ, 1 л. ед. ч. delam, nesem, motim, — 3 л. мн. ч. delajo, neso, motijo.

Звукъ ѧ въ хорутанскомъ языкѣ, какъ и въ сербскомъ, переходитъ въ *e*: *gredem* (**грѧдѫ**), *ime*, *duše*, *red*, *gledam* и т. п. Въ горахъ, впрочемъ, иногда это *e* (ѧ) слышится съ ринезмомъ, напр. *srenča* — **срѧшта** (встрѣча).

Произношеніе звука ѣ тоже служитъ отличіемъ языка хорутанскаго. При выговорѣ этого звука Хорутанинъ всегда даетъ замѣтить отличіе его отъ *e*; между тѣмъ, какъ у насъ, Русскихъ, нѣтъ почти никакой разницы въ произношеніи *ѣ* и *e*. Эта-то особенность и навела Копитара на мысль, что ѣ въ ц.-слав. яз. совсѣмъ не такъ надобно произносить, какъ мы его произносимъ. Подобнымъ образомъ въ латинскомъ языкѣ напр. слова: *magnae terrae* навѣрное произносились прежде не такъ какъ теперь, п. ч. старинное правописаніе этихъ словъ было magnai terrai.

И такъ, вообще можно сказать, что хорутанское ѣ ни

въ какомъ случаѣ не есть наше *e*; правда, Хорутанинъ въ произношеніи этого звука и подходитъ къ звуку *e*, но все-таки въ своемъ выговорѣ онъ всегда старается выдать что-то особенное, неуловимое почти для слуха, чего невозможно выразить на письмѣ. Это таже разница, какую природный Французъ, имѣя чистый, правильный выговоръ, дѣлаетъ между звуками *é*, *è* и *ê*: только тонкій слухъ можетъ замѣтить особенность въ ихъ произношеніи. У Хорутанъ **ѣ** имѣетъ тоже произношеніе, какое имѣетъ звукъ *é* во французскихъ словахъ, напр. *bonté*, *verité*. Это различіе хотя и тонкое, почти незамѣтное, заставило ученыхъ дать звуку **ѣ** особенное означеніе въ самомъ алфавитѣ хорутанскомъ: *e*, *ej*, *ê*. Наряду съ этимъ страннымъ, неуловимымъ произношеніемъ звука **ѣ** можно поставить еще другое: **ѣ** у Хорутанъ произносится еще за *ej*: *lejto*, *mejsto*; такое произношеніе въ особенности распространено между горцами: первоначально оно существовало, вѣроятно, и у жителей городовъ, но потомъ это двугласное произношеніе стало забываться и замѣняться первымъ, нами упомянутымъ (є, ѐ); между тѣмъ двугласное произношеніе есть коренное; подобнымъ образомъ изъ древне-греческой двугласной *αι* образовалось новогреческое ε, латинское *ai* перешло въ *ae*.

Звукъ **ы** потерянъ для Хорутанъ; онъ замѣняется у нихъ звукомъ *i*, но часто тамъ, гдѣ только могъ удержаться, переходитъ въ *г* (**ъ**). Перейдемъ къ согласнымъ.

жд, въ сербскомъ ђ (дј), въ хорутанскомъ переходитъ въ ј; это свойство особенно важно: оно доказываетъ, что звукъ **жд** произошелъ отъ смягченія *д* буквою ј: *sojen* (**сѫжденъ**), *rojen*, *preja* (пряжа), *reja* (**ражда** — способъ), *nuja*, *rja* (ржа).

шт, іотированное **т** (ţј, ћ), Хорутане превращаютъ въ *č* (ч). Звукъ *щ* (шч) употребляется у нихъ рѣдко; въ большей части случаевъ видно преобладаніе *č*. Звукъ *ш* имѣетъ слѣдующія означенія; *Sh*, *ш*, *š*, *щ*.

лъ въ сербскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, превращается въ *у* или *о*; въ хорутанскомъ языкѣ также видна

наклонность вокализировать его; часто онъ переходитъ въ *у* или еще чаще въ *в* (ŏ): *сълъ*—*seŏ*. Такой переходъ въ *у* или *в* удерживаетъ иногда и *ль*.

ж Хорутане измѣняютъ въ г (ρ). Есть также случаи, гдѣ и j превращается въ г: такъ вопросительное мѣстоименіе *kaj* (**къи**) переходитъ въ *kar*. Превращеніе **ж** въ г особенно замѣтно при глаголахъ: *moram* (вм. možem) — **могъ**.

х (ch) въ хорутанскомъ языкѣ удержалось; только на границахъ съ Сербіею Хорутане видимо удаляются отъ настоящаго произношенія этого звука.

Обратимся къ склоненіямъ; покажемъ сначала отношеніе окончаній хорутанскихъ падежныхъ формъ къ окончаніямъ ц.-слав. Когда мы говорили о флексіяхъ ц.-слав. яз., мы привели тамъ слѣдующую таблицу твердыхъ и мягкихъ окончаній:

тверд.	мягк.	тверд.	мягк.	тверд.	мягк.	тверд.	мягк.
а	ꙗ	оу	ю	ы	и	ѫ	ѭ
ъмь	ѥмь	ѣ	и		ѧ	о	ѥ

Какъ же выражаетъ эту таблицу хорутанскій языкъ? Мы знаемъ, что въ сербскомъ языкѣ ѣ во флексіи переходитъ въ *и*: отъ *жена* Дат. пад. ед. ч. будетъ *жени*; въ хорутанскомъ же это ѣ переходитъ въ короткое і (ĭ), которое часто переходитъ въ *г* (ъ). ѫ = *о*; это *о* и въ винительномъ и въ творительномъ падежѣ одинаково, разница дѣлается только въ произношеніи: *vŏdo* (вин., ц.-слав. **водѫ**) и *vodŏ* (творит., ц.-слав. **водоѭ**); иногда, впрочемъ творительный падежъ имѣетъ окончаніе oj (vodoj); слѣд. болѣе приближается къ ц.-слав. (**водоѭ**).

Отношеніе хорутанскихъ окончаній къ ц.-славянскимъ въ склоненіяхъ именъ существительныхъ есть слѣдующее:

Церк.-слав.	ы, ѧ	—	хорутанск.	e
„	ѫ, ѭ	—	„	o
„	ъмь, ѥмь	—	„	am, em, *г*m
„	оу, ю	—	„	u, ju
„	ѣ, и	—	„	i (*г*).

Покажемъ это на самомъ склоненіи именъ существительныхъ; замѣтимъ кстати, что хорутанскій языкъ удержалъ двойственное число.

Ед. ч.	И.	severj	gad	las (власъ)
	Р.	severja	gada	lasa (-su)
	Д.	severju	gadu	lasu
	В.	severj	gad	las
	Т.	severjem	gadăm	lasăm
	П.	severj	gadг (ī)	lasī.

Дв. ч. И. В. З.	severja gada lasa
Р. Д. Т. П.	severjam gadam lasam.

Мн. ч.	И.	severji	gadг(ī)	lasje (собир. знач.)
	Р.	severjev	gadov	lasov (lasг)
	Д.	severjem	gadam	lasam
	В.	severje	gade	lase
	Т.	severji (-rmi)	gadi (-dmi)	lasi (-smi)
	П.	severjich	gadich	lasгich.

Въ склоненіи именъ женск. р. ѣ переходитъ въ і, ѫ — въ о, оѩ — въ оj или ō.

Къ этимъ образцамъ склоненія именъ существительныхъ должно прибавить слѣдующія замѣчанія:

1) Род. падежъ муж. р. имѣетъ окончанія *а* и *u* (оү).

2) Род. пад. множ. ч. муж. р. имѣетъ *ov* и только въ немногихъ случаяхъ *г* (ъ) : отъ *las* родъ. множ.—*lasov* и *lasг*.

3) Им. пад. множ. ч. муж. р. имѣетъ *ї* которое прибавляется къ окончанію им. пад. ед. ч.; въ эпентетическихъ же словахъ вставляется слогъ *ov* съ окончаніемъ *e* (ove), наприм.: *sгn* им. множ.—*sгnove*.

4) Твор. пад. ед. ч. и дат. пад. множ. ч. (муж. р.)— одинаковы.

Замѣчательно, что хорутанскій языкъ имѣетъ свойство, какъ и русскій, сохранять *неподвижность гортанныхъ*

(plk—plki), между тѣмъ какъ въ сербскомъ и ц.-слав. гортанные измѣняются (**плъкъ—плъци**).

Хорутанскій языкъ имѣетъ очень много *наращаемыхъ* словъ, т. е. такихъ, у которыхъ во флексіяхъ вставляются слоги; напр.: tele—teleta; drгvo—drгvesa; slovo—slovesa; pero—peresa; čudo—čudesa и т. д.

Имена прилагательныя. Въ ц.-слав. яз. имена прилагательныя, какъ извѣстно, имѣютъ *полное* и *неполное* окончанія; въ хорутанскомъ яз., какъ и въ сербскомъ, оба эти вида окончаній смѣшиваются; только множ. число исключительно имѣетъ окончанія полныя, хотя бы даже единственное число имѣло неполныя. Нужно однакожъ замѣтить, что неполное окончаніе бываетъ только въ женскомъ родѣ; мужескій и средній его не имѣютъ. Хорутане, знающіе дѣленіе своихъ прилагательныхъ на полныя и неполныя, говорятъ, что есть различіе между тѣми и другими по ударенію; такъ неполное окончаніе будетъ: lépг̆, lepă, lepŏ (**лѣпъ, -а, -о**), а полное: lĕpг̄, lĕpā, lepō (**лѣпъи, -аи, -ою**). Но и это различіе въ разговорѣ теряется. Смѣшеніе тѣхъ и другихъ видно въ склоненіи, напр.:

		м.	ж.	ср.
Ед. ч.	И.	lepi	lepa	lepo
	Р.	lepгga	lepe	lepгga
	Д.	lepгmu	lepi	lepгmu
	В.	lepгga	lepŏ	lēpo
	Т.	lepim	lepō	lepim
	П.	lepim	lepoj	lepim

Дв. ч.	
И. В. З.	lepa, i, i
Р. П.	lepich
Д. Т.	lepima

		м.	ж.	ср.
Мн. ч.	И.	lepi	lepe	lepa
	Р.		lepich	
	Д.		lepim	
	В.		lepich	lepa
	Т.		lepimi	
	П.		lepich.	

И такъ, въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ хорутанскій языкъ даетъ преимущество звуку *г* (ъ).

Признакомъ *сравнительной* степени служатъ два окончанія: ji и ši; притомъ должно замѣтить, что предъидущія согласныя должны подвергаться измѣненіямъ, для нашего языка чуждымъ: от *slab* compar. *slabji* или *slabši*; *grd*—*grji*; *mlad*—*mlaji*, *mlajši*; *trd* — *trji*; *širok* — *širji*. Нѣкоторыя прилагательныя имѣютъ неправильныя степени, какъ напр.:

dobr — сравн. степ. *bolji* (лучше)
grd „ „ *gorši* (хуже)
velik „ „ *veči* (ср. польск. większy).

Въ превосходной степени употребляется чаще всего прибавочная частичка *naj*, превращающаяся въ *nar*. Иногда, впрочемъ, Хорутане прибѣгаютъ къ нарѣчію *zilo*, напоминающему ц.-слав. ѕѣло : *zilo bolji* — самый лучшій. Вмѣсто *zilo* употребляются также слова: *grozno* (гораздо), *prav* и др.

Имена *числительныя* у Хорутанъ мало отличаются отъ числительныхъ другихъ нарѣчій славянскихъ. *Ordinalia: jedn, dva, tri, čteri, pet, deset, sto, tisjoč*. Вмѣсто *tisjoč* у Хорутанъ употребляется слово *jezero*. Десять тысячъ— *tma*. *Cardinalia*: *prvi, drugi, treti* и т. д. Въ счисленіи съ десяти Хорутане прибавляютъ *-jst*: *jednajst, dvanajst* и т. д. Начиная съ двадцати, они ставятъ меньшее число впереди большаго: *tri in dvajsat*; это явно германизмъ (drei und zwanzig). *Собирательныя* числительныя (collectiva): *kopa*—60; *par*—пара. *Неопредѣленныя: njekolko, njekteri, nobeden* (чаще вм. *nobeden, noben)*—нисколько и нѣкоторыя другія.

Мѣстоименія хорутанскія не представляютъ ничего затруднительнаго. Замѣчательно, что Хорутане сохранили древнее ꙗзъ—*jaz*, но чаще *a* превращается въ *e*: *jez*, *jest*. Второе лицо—*ti*, третье—*on*. Болѣе замѣчательныя формы личныхъ мѣстоименій слѣдующія: *jez* (ꙗзъ), *mno* (мъноѭ), *mene* (мєнє); dual. *na*, *va*; *naju (naj)*, *vaju (vaj)*; *nama*, *vama*; *sam*, *samiga*.

Pron. possessiva: *moj*, *tvoj* и т. д., род. пад. *mojga*, *tvojga* и т. д. *Demonstr.*: *ti* — тотъ. Изъ личнаго мѣстоименія *онъ* (on) Хорутанинъ сдѣлалъ указательное *uni* (оный), нѣм. *jener*. Вопросительныя: *ki* (къи)? *katari* (родит. *katriga)*, *kdo* (кто)? *kaj* (что)? Замѣтимъ при этомъ свойство хорутанскаго языка образовать отношеніе посредствомъ прибавки къ мѣстоименіямъ звука *r*. Такъ напр. *kdo* значитъ *кто*; *kdor* же имѣетъ значеніе *тотъ кто*; *kako*—*kakor*, *niekdo* — *niekdor*, *niehče* — *niehčer* и т. п. И такъ *r* прибавленное къ какому нибудь мѣстоименію, дѣлаетъ его мѣстоименіемъ относительнымъ; тоже самое свойство относительности сохраняетъ *r* и при нарѣчіяхъ: *kamo* — куда, *kamor*—туда, гдѣ.

Кстати замѣтимъ здѣсь признакъ, отличающій островитянъ сербскихъ и хорутанскихъ; этотъ признакъ состоитъ въ произношеніи слова *kaj*: одни произносятъ его *kaj?*—другіе же *čaj* или *ča*: отсюда названіе *Кајкавцевъ* и *Чакавцевъ*.

Глаголы. При разсматриваніи церковно-славянскихъ глаголовъ, мы раздѣлили ихъ на шесть отдѣльныхъ разрядовъ. Глаголы хорутанскіе болѣе или менѣе подходятъ къ болгарскимъ или сербскимъ. По вставочнымъ гласнымъ можно привести хорутанскіе глаголы въ параллель съ церковно-славянскими и точно также, какъ и тамъ, раздѣлить ихъ на шесть спряженій.

I-е, гдѣ въ церковно-славянскомъ непосредственно прибавляется къ корню окончаніе: *lezi-m*, *lezti*. Къ этому спряженію надобно отнести и тѣ глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласную: *bie-m*, *bi-ti*.

II. Глаголы этого разряда принимаютъ вставочное *n*: *dvig-n-em, dvig-n-eti.*

III. Сюда принадлежащіе глаголы имѣютъ настоящее время на *im*, неопредѣленное наклоненіе на *ti* съ прибавкою *e*, которая въ настоящемъ времени потерялась: *letim—leteti, visim—viseti.*

IV. Настоящее время кончится на *im*, неопредѣленное на *iti*: *pust-im, pust-i-ti; red-im, red-i-ti.*

V. Въ этомъ спряженіи настоящее время имѣетъ окончаніе *am*, неопредѣленное наклоненіе — *ati*: *gledam — gledati.*

VI. Относящіяся къ этому спряженію глаголы присоединяютъ суффиксъ къ корню посредствомъ вставки *u* или *ova*: *kup-u-jem, kup-ova-ti.*

Разсмотрѣвъ внимательнѣе всѣ эти шесть разрядовъ хорутанскихъ глаголовъ, можно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ соединить окончаніе настоящаго времени, и самое раздѣленіе сдѣлать нѣсколько общнѣе. Такъ, въ I и II спряженіяхъ настоящее время кончится на *em*; въ III и IV на *im*; слѣдовательно, мы имѣемъ собственно три окончанія настоящаго времени: *am*, *im*, *em* (ujem). Основываясь на этихъ окончаніяхъ, лучше вмѣсто шести спряженій принять только три; особенно такое раздѣленіе было бы намъ полезно для узнанія другихъ формъ настоящаго времени.

Чтобы спрягать хорутанскіе глаголы, надобно только вспомнить, что въ I и II спряженіяхъ настоящее время, 3-е лицо множ. ч. непосредственно оканчивается на *o*, иногда съ предъидущими гласными *aj*, *ej*, *ij* (ajo, ejo, ijo): *lezem—lezo*; *delam—delajo*; *molim—molijo* и т. п.

Прочія времена суть такъ наз. *перифрастическія*, т. е. спрягаются только въ соединеніи со вспомогательнымъ глаголомъ. Imperfect'а нѣтъ, отъ аориста остались только слѣды. Для примѣра спряженія возьмемъ два глагола: *lezti* и *biti*. Настоящее время есть:

Единств. ч.	lezem	bijem	Двойств. ч.	leźeva	bijeva
	lezeš	biješ		lezeta	bijeta
	lezě	bije		lezeta	bijeta

Множ. ч. lezemo bijemo
lezete bijete
lezo bijo.

Чтобы знать спрягать прошедшее и будущее времена, нужно узнать сначала спряженіе вспомогательнаго глагола *sim*:

Настоящее время: *sim, si, je; esmo, ste, so; sva, sta, ste.*

Прошедшее: *sim bil, -a, -o, si bil* и т. д.

Будущее: *bodo, bodeš, bode, bodeva, bodeta, bodemo, bodete, bodejo*; или сокращенно: *bom, boš, bo, bova, bota, bota, bomo, bote, bojo.*

Чтобы составить прошедшее время какого нибудь глагола, нужно взять формы вспомогательнаго глагола и прибавить къ нимъ причастіе: *sim bil, sim delal, sim lezil.*

Хорутане различаютъ два *будущихъ*. Форма *bodo* или *bom* можетъ соединяться или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, что образуетъ *futurum simplex*, какъ напр. *bodo delati*; или съ прошедшимъ, что образуетъ *futurum exactum*: *bodo delal.*

Повелительное наклоненіе въ хорутанскомъ яз. почти сходно съ наст. вр.; *сослагательное* образуется посредствомъ прибавки къ настоящ. или прош. времени союза *deb* (бы). Сверхъ того хорутанскій языкъ удержалъ *достигательную* форму, которая ставится такъ, какъ supinum въ латинскомъ языкѣ, при глаголахъ, означающихъ движеніе: *idem piti*—eo bibitum, *idem delati*—eo factum.

Хорутане имѣютъ у себя всѣ причастія, свойственныя ц.-слав. и русск. яз.: *delal, -a, -o; delavši, -a, -o, delajsč, delan* и т. д. У нихъ встрѣчается также окончаніе причастія *aje*: *delaje;* такая форма употребляется соотвѣтственно нашему дѣепричастію, но она, впрочемъ, есть рѣдкость.

Скажемъ теперь о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи. Что касается до *нарѣчій*, то въ хорутанскомъ языкѣ они мо-

гутъ быть образованы или изъ именъ существительныхъ, или изъ прилагательныхъ и въ такомъ случаѣ по большей части оканчиваются на *o* или *i*. Въ позднѣйшее время у Хорутанъ стали преобладать нарѣчія на *m*. Сверхъ того, нарѣчія образуются, какъ и въ ц.-слав. яз., изъ разныхъ частицъ, которые могли быть мѣстоименіями. Перечислимъ нѣкоторыя изъ нарѣчій:

sem—здѣсь (сѣмо)
te, tam—тамъ
sem ter te—тамъ и сямъ
zraven, zravna—при
to kraj—по сю сторону (diesheits)
un kraj—по ту сторону (jenheits)
vmes—вмѣстѣ
letod—туда
nekod—куда-либо
odtod—отсюда
dostikrat—много разъ
enkrat—разъ
gosto—часто (гѫсто)
zopet—опять
dosti—много (простонар. вдосталь)
niekaj—нѣчто
nikaj—ничто
saj, vsaj—по крайней мѣрѣ
gda, gdaj—когда
kdie—гдѣ
inda—иногда, въ другое время
koj—сейчасъ
lich—именно
zdaj—теперь
sicer—сицє
sonst—въ иное время, иначе (нѣм.)
zgodaj—рано
zmiraj—всегда
zilo—ѕѣло
komaj—едва (нѣм. kaum)
nalaš—нарочно
zoper—вопреки
skoro—почти
zakaj—почему
zato, zatorej—потому
dosorej—до сихъ поръ
okorej—въ какое время
obsorej—нынѣ. теперь
pak—паки, конечно
pač—да
res—правда, истинно (ср. ц.-сл. рѣсница).

Сверхъ того у Хорутанъ много locutiones adverbiales.

Перейдемъ къ союзамъ. Мы сказали раньше, что для выраженія отношенія между собою предложеній, Хорутанинъ ц.-слав. ж превратилъ въ *r*.

Такъ какъ въ ц.-слав. яз. изъ мѣстоименія указа-

тельнаго и, ѩ, ѥ образовался союзъ ѥже, то и Хорутане стали употреблять его, только въ измѣненной формѣ: *jere*.

Чрезъ прибавленіе звука *r* къ мѣстоименіямъ и даже нарѣчіямъ образуется, слѣдовательно, въ хорутанскомъ яз. союзъ: такъ отъ вопросительнаго мѣстоименія *kaj* (что), произошелъ союзъ *kar* (потому что), отъ *ke* — *ker* (ибо); *zato*—*zator* (слѣдственно). Перечислимъ нѣкоторые союзы:

ino—и	*ako, ak*—если
ker—ибо	*če*—ли? (польск. *czy*)
kar—такъ какъ, что	*ak-ali*—или-или
ąmpak, pak, pa—но	*akolich*—хотя
temuč—но	*sicer*—конечно, да
de si ravno—хотя	*de*—что

Примѣчаніе. de, будучи винословнымъ союзомъ, можетъ выражать нѣкоторое ограниченіе, именно когда прибавляется къ нему *bi*.

Tedaj, какъ нарѣчіе, значитъ *тогда*; какъ союзъ — *слѣдственно, то*. Тоже значеніе имѣетъ и другое нарѣчіе *torej*—отсюда.

Изъ предлоговъ замѣтимъ слѣдующіе: *pre, pro, raz, viz, pa* (древн. русск. *па* напр. *па-гора*), *brez* (безъ), *zmej* (между), *kraj* — близь, подлѣ; *od, prek, vrch, protiv, skoz* (сквозь), *čez* (чрезъ), *pri* (при), старинный предлогъ *zoper* (ц.-слав. сѫпрь, оставшійся, напримѣръ, въ словѣ соперникъ).

Обратимъ вниманіе на управленіе падежей предлогами. Предлогъ *do* Хорутанинъ употребляетъ вмѣсто *къ*; *čez* ставится вмѣсто *о* (*čez koga* -- о комъ, ср. подобное же употребленіе нѣм. *über*). Предлогъ *vrchu* можно переводить нашимъ *о*, напр. *kniga piše vrchu jazika* (книга разсуждаетъ объ языкѣ). Это тоже, вѣроятно, германизмъ: *das Buch urtheilt über die Sprache*. Другіе предлоги *zavoljo, zavol, zastram* (ради, по, изъ, за, для). *Zraven, zravno* имѣетъ также значеніе предлога.

Хорутанскій языкъ имѣетъ нѣкоторыя формы, которыя ясно доказываютъ вліяніе на него нѣмецкаго языка. Такъ, напр., онъ употребляетъ въ разговорѣ 3-е лице вм. 2-го; такъ напр. Хорутанинъ говоритъ: *zastopiš-li?* что буквально переведено съ нѣмецкаго *verstehst-du?* — *недолженъ* Хорутанинъ переводитъ *nevinni* (unschuldig).

I. Dekličke kletve.

Vmerje mamici [1]) sin edini Konda [2])
Mamici žal Kondo pokopati,
Pokopati daleč proč od dwora;
V vьrt [3]) zeleni nese in [4]) pokoplie
Pod rumeno njega pomorončo [5])
Wsako jutro ga [6]) je obiskala [7]):
Sin moj, Kondo, ti je zemja težka?
Al so težke javorjove [8]) dьske?
Pregovorja Konda iz zemljice:
Ni ne meni, mati, zemja težka,
Ni so težke javorjove dьske;
Ampak kletve [9]) dekličke [10]) so težke,
Kada zdišne [11]), do Boga se slišni,
Ko zakelne [12]) vsa se zemja trese,
Ko zajoka [13]), se Bogu uzmili.

II. Skьrb [14]).

O ti moj Bog blagi!
Kje [15]) je zdej moj dragi?
Ali je na poti?
Ali vince pije?

---

[1]) мать; [2]) Кондратій; [3]) садъ (**въртъ**, **вертоградъ**); [4]) *ino* — и; [5]) померанецъ; [6]) *ya* вм. *njega* — его; [7]) навѣщала; [8]) яворовыя (яворъ — родъ дерева); [9]) проклятія; [10]) дѣвичьи; [11]) вздохнетъ; [12]) заклянетъ; [13]) *jokati* (ц.-слав. **ѩкати**, польск. jąkać) рыдать, выть; [14]) скорбь, забота, печаль, тоска; [15]) гдѣ.

Akó je na poti,
Srečno naj popotje,
Če pa vince pije
K zdravju naj mu bode!
Drago če kušuje [16])
Prosto [17]) mu [18]) od mene
Prosto mu od mene
Od Boga prokleto!

---

[16]) *kušovati* (отъ нѣм. kussen) — цѣловать; [17]) прощено; [18]) ему.

Греко-славянскіе этюды.

6.

Вмѣстѣ съ греческими словами церковно-слав. языкъ заимствовалъ отъ Грековъ букву ѳ. Въ ц.-слав. памятникахъ эта буква иногда замѣняется буквою *т* (Ассеманіево Ев.: *Тѵрсъ* Θύρσος, *Теофилъ* Θεόφιλος и т. п.), точно такъ же, какъ и въ памятникахъ средне-болгарскихъ и сербскихъ, а изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и въ др.-русскихъ: Изборникъ Святославовъ 1073 г. (лл. 30 об., 36 и др.), Минея XI в. Имп. Публ. Библ. (F. I. 36, л. 12): *тьмьянъ* θυμίαμα, Юрьевское Ев. (л. 226): *тьмьанъ* и др. Такого рода замѣна имѣетъ причиною, конечно, то, что у Грековъ византійскаго періода ϑ произносилась близко къ слав. *т*, а иногда и совсѣмъ какъ *т* (сравн. ново-греч. oχtrós = ἐχθρός). Рядомъ съ этою замѣною существуетъ другая, замѣна ѳ черезъ *ф* и на оборотъ. Она рѣдка въ памятникахъ ц.-славянскихъ: Зографское Ев.: *Вифанія* Βηθανία [1]; менѣе рѣдка въ средне-болгарскихъ: кирилловское дополненіе къ Зографскому Ев.: *Евстафии* Εὐστάθιος, *Фирсъ* Θύρσος, *Аффонии* Ἀφθόνιος (Срезневскій, Свѣд. и Зам., XVI), Зографскій Трефолой: *Елевферии* Ἐλευθέριος, *Феофистъ* Θεόπιστος. (ib. LXVIII), Македонскій Апостолъ:

---

[1]) Надо впрочемъ имѣть въ виду, что глаголическій знакъ, означающій *ф*, по всей вѣроятности ведетъ свое начало отъ греческой ϑ.

Θилипъ Φίλιππος, *Паньθилъ* Πάμφιλος, *Θилонидъ* Φιλονίδης (ib. LXXII), и вполнѣ обыкновенна въ памятникахъ русскихъ, начиная съ Изборника Святославова 1073 г., гдѣ мы читаемъ: *анфракъсъ* ἄνθραξ, *сапъθиръ* σάπφειρος и друг. [1]). Обыкновенно думаютъ, что Русскіе потому стали употреблять *ф* вмѣсто *θ* и наоборотъ, что не имѣя въ своемъ языкѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ этимъ буквамъ, не были въ состояніи различать ихъ, но съ этимъ нельзя согласиться въ виду существованія такого же употребленія *θ* и *ф* у Болгаръ; нѣтъ сомнѣнія, что замѣна *θ* черезъ *ф* и наоборотъ получила свое начало не на русской почвѣ. Весьма возможно, что она началась и не на славянской почвѣ, а на греческой, и была не особенно рѣдка въ нѣкоторыхъ средне-греческихъ діалектахъ Балканскаго полуострова. По крайней мѣрѣ на это указываетъ f на мѣстѣ древне-греч. ϑ въ словахъ, заимствованныхъ албанскимъ и румынскимъ яз. изъ греческаго безъ посредства славянскаго: алб. fron=греч. ϑρόνος, рум. firidi-le=греч. ϑυρίδιον (Miklosich, Lautlehre d. rumunischen Dialecte. Consonantismus, II, 89, 90); на это же указываетъ встрѣчающаяся иногда въ ново-греческихъ діалектахъ замѣна древней ϑ черезъ φ и на оборотъ: φικάρι = др. греч. *ϑηκάριον (отъ ϑήκη), ἀξάϑνου = ἐξαίφνης, uϑi = ὄφις (Curtius' Studien z. gr. u. lat. Gr., III, 351).

7.

Въ Четьѣ 1489 года Церковно-археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи мы встрѣтили слово *дафина* = δάφνη (по^д дрѣвомъ *дяфиною*, л. 15). Это слово

---

[1]) Какъ извѣстно, *θ* въ древней кирилловской письменности означаетъ число 9; *ф*, обыкновенно употребляющійся для означенія 500, иногда замѣняетъ *θ* и въ этомъ значеніи: средне-болг. Македонскій Апостолъ: вь .ф. годинѫ ὥραν ἐνάτην (Срезневскій, Свѣд. и Зам., LXXII), русскій Прологъ 1383 г. Моск. Типограф. Библ.: м҃сца того҃ж въ .ф҃. (л. 106 об.). Въ глаголическихъ памятникахъ, *θ* не имѣетъ особаго числоваго значенія, и употребляется, вмѣстѣ съ *ф*, для означенія 500.

мы находимъ также въ языкахъ ново-болгарскомъ (*дафина*) и сербскомъ (ст.-сербск. *дафина*, соврем. *давина*). У Грековъ, или у Славянъ явилось въ этомъ словѣ *и* послѣ *ф*? Для рѣшенія этого вопроса представляетъ нѣкоторыя данныя латинскій языкъ. Въ немъ мы находимъ Daphine=Δάφνη, mina=μνᾶ, guminasium=γυμνάσιον и т. п. (Ritschl, Opuscula philologica, II, 483 sq.). Вставку гласнаго въ приведенныхъ латинскихъ словахъ и имъ подобныхъ обыкновенно относятъ на счетъ латинской фонетики, но едва ли не безъ основанія: въ виду совпаденія слав. *дафина* и лат. Daphine, кажется, вѣрнѣе думать, что вставка гласнаго въ этомъ словѣ и въ другихъ подобныхъ произошла на греческой почвѣ (сравни др.-греч. σκάριφος при σκαρφίον).

Такъ же можно объяснить *и* въ ст.-сербск. *аспалитъ* ἄσφαλτος, *понитьскъ*, *пунитьскъ* πόντιος (Miklosich, Lex., h. v.), др.-русск. *кинисъ* κῆνσος census, *кинисьнъ* и т. п.

8.

Въ древне-русскихъ рукописяхъ попадаются такія написанія, какъ *септямбрь* (Архангел. Ев., л. 132 об., 155), *октямбрь* (Стихирарь 1157 г., л. 19), *ноямбрь* (Арх. Ев., л. 155 об., Стихирарь, л. 31 об., 105 об.), *декямбрь* (Арх. Ев., л. 155, Стих., л. 106), *пянтикостия* πεντηκοστή (Арх. Ев., л. 24 об., 155), *Климянтъ* Κλήμης Clemens (Ев. Типогр. Б. XII—XIII в. N 6, л. 201 об.), *Костянтинъ* Κωνσταντῖνος (Арх. Ев., л. 113, Стихир., л. 127, Лаврентьевск. сп. лѣтописи passim) [1], *Пянтелѣимонъ* Παντελεήμων (Стих. л. 161 об., запись въ Синодальномъ Апостолѣ 1307 г.) и др. Подобныя написанія встрѣчаются также въ ц.-славянскихъ, ср.-болг. и др.-сербскихъ памятникахъ: въ ц.-слав. Супрасльской рук. *декямбръ*, въ ср.-болг. Тернов-

---

[1]) Изъ *Костянтинъ* образовалось др.-рус. *Къснятинъ*, *Къснятинь* (Святосл. Изборникъ 1073 г., л. 95 об.: въ *Къснятини* градѣ; л. 168: *Кьснятиня* града), *Къснячько* (Кормчая XIII в., Бусл., Ист. Хр., 393). Сравни ц.-слав. и др.-р. *къснъ*, *късьнѣти*.

скомъ Ев. 1273 г. *ножмбрь*, въ сербск. Шишатовацкомъ Ап. *ноюмбрь* и др. Очевидно, что носовой согласный получилъ свое начало на церк.-слав. почвѣ. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ. Въ средне-греч. языкѣ или еще совсѣмъ не было носовыхъ гласныхъ, подобныхъ ц.-слав. юсамъ, или—что вѣрнѣе—они были, но не въ тѣхъ говорахъ, съ которыми были знакомы Славяне. Привыкши къ носовымъ гласнымъ и не зная употребленія группы гласный + носовый согласный + согласный, Славяне передѣлали согласно съ своимъ произношеніемъ нѣкоторыя греч. слова, и такимъ обр. въ ц.-сл. памятн., рядомъ съ написаніями въ родѣ *Александръ*, *Кондратъ*, передававшими греч. произношеніе и правописаніе, явились написанія *септѧбрь*, *сѫбота*, *Лѫгинъ* и т. п. Такъ какъ эти послѣднія невполнѣ соотвѣтствовали по звукамъ своимъ греч. первообразамъ, то съ теченіемъ времени у слав. граммотниковъ явилось стремленіе сблизить тѣ и другіе между собою. Результатомъ его были тѣ написанія, которыя передавали одновременно и и привычный для Славянъ носовой гласный, и греч. носовой согласный [1]) и которыхъ примѣры мы привели выше.

9.

Нѣкоторыя греч. слова, начинающіяся съ *з* (ζ, σ), въ русскомъ яз. передъ этимъ *з* иногда имѣютъ еще *и*. Таковы: ζωγράφος—др.-р. *изографъ*, *изуграфъ*, σμάραγδος—др.-р. *измарагдъ*, σμύρνα—др.-р. смѣшенье *измюрною* (Ев. 1358 г. М. Синод. Б. N 69, л. 189 об.), Σμύρνα — др.-р. во *Измюрну* (Толк. Апокалипсисъ XIV в. М. Румянц. М. N 8, л. 9), Ζωσιμᾶς — др.-р. *Изосима*, *Изосимъ* (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. литер., II[1], 78 сл.; Буслаевъ, Ист. Хр., 941, и др.), Ζαχαρίας — др.-р. ѿ пророчьства *Изахарина*

---

[1]) Въ др.-русскихъ рукописяхъ въ словѣ *септямбрь* и др. *м* иногда ставилось надъ строкою въ титлѣ такимъ образомъ: *сеп*ᵐ*тябрь* (Уставъ Церк. М. Синод. Б. XII в. N 330, л. 281 об.). При неправильномъ чтеніи такого написанія получилось *семптябрь* (Уставъ, л. 67), откуда *сентябрь* (Лѣт. по Ип. сп. 124)

(Паремейникъ XIII в. М. Типогр. Б. N 157, л. 9), Ζωτικός — соврем. р. *Изотъ* [1]).

Въ памятникахъ средне-болгарскихъ словъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, намъ не встрѣчалось; въ ново-болг. сборникѣ XVIII в. мы нашли слово *измирна* (Качановскій, Памятники болг. народн. творчества, 49); то же слово употребляется въ памятникахъ сербскихъ (Miklosich, Lex.).

Ни въ древне-русскомъ яз., ни въ южно-слав. нарѣчіяхъ въ словахъ не греческаго происхожденія не существуетъ приставки къ начальному *з* неорганическаго *и* [2]). Не должно ли это *и* считать принадлежавшимъ одному изъ средне-греч. говоровъ и изъ него перешедшимъ въ славянскій яз.? Въ ново-греч. яз. словъ съ неорганическимъ *и* передъ начальнымъ *з*, сколько намъ извѣстно, нѣтъ, но это не можетъ препятствовать намъ дать на нашъ вопросъ положительный отвѣтъ: 1) въ ново-греч. яз. начальный неударяемый гласный очень часто апокопируется и 2) передъ нѣкоторыми другими согласными неорганическое *и* встрѣчается (ἰδρύ=δρῦς, ἴσκιος=σκιά).

А. Соболевскій.

---

[1]) Къ этимъ словамъ можно присоединить соврем. рус. *известь, извёстка* (сравни Miklosich, Lex., v. *извисть*, и Буслаевъ, Ист. Хр., 652) = др.-греч. ἄσβεστος, ново-греч. ἀσβέστης, σβέστης.

[2]) Въ Святослав. Изборникѣ 1073 г. и другихъ др.-рус. памятникахъ встрѣчается слово *изъкръ* (въ Изб.: вирулионъ *изъкръ* убо ѥсть), которое иногда пишется и *зъкръ*. Такъ какъ этимологія этого слова неясна, то объ *и* передъ *з* мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Быть можетъ, *изъкръ* есть не что иное, какъ *из+зъкръ*.

НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ

ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНІЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

говора деревни „Сорочьи-Го́ры“, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Настоящая работа имѣет цѣлью представить падежныя окончанія Родительнаго и Дательнаго пад. един. ч. имен существительных жен. рода и Предложнаго падежа един. числа имен муж., жен. и ср. рода, говора деревни „Сорочьи-Го́ры“ в его формах, отличных от общерусскаго литературнаго языка.

§ 1. Если мы возьмем какое нибудь существительное, напр. „*сестра*“ и будем сравнивать его с формами: *сестры, сестрой, сестру*..., то замѣтим, что эти слова сходны между собой по своему началу и разлагаются на такія двѣ части:

1) „*сестр-*“ неизмѣняемая часть, общая всѣмъ приведенным формам и называемая основой.

2) часть *-а, -ы, -у*..., называемая окончаніем и служащая для выраженія разных оттѣнков значенія имени и—признаком той категоріи, к которой принадлежит данное имя.

Т. о. мы имѣем формы:

сестр-а	*сестр-у*
сестр-ы	*сестр-ам*
сестр-ой	*сестр-ами* и т. д.

Такого рода чередованіе форм одного и того же слова, основанное на различеніи окончаній, называется его склоненіем, а каждая форма в склоненіи, взятая отдѣльно, будет формой отдѣльнаго падежа и назыв. падежной формой имени.

Кромѣ различенія падежей, окончанія служат и для различенія *чисел* и *родов* имен существительных; так:

стóл, *руќа*, *окнó* / *столы́*, *ру́ки*, *óкна*....

Теперь перейдем к разсмотрѣнію падежных окончаній имен существительных Сорочинскаго говора, сравнивая их с окончаніями литературнаго русскаго языка [1]).

Родительный падеж имен существительных женскаго рода.

§ 2. В Родительном падежѣ ед. числа имена существительныя жен. рода в русском литературном языкѣ оканчиваются на *ы* и *і*, так:

нужды	рѣки
метлы	ноги
воды	доски
стороны	свиньи
рыбы	тряпки
раны	вѣтви
службы	соли
формы	двери
мѣры	бури
соломы	богини.

Из разсмотрѣнія этих примѣров видно, что окончанія *ы* и *і* находятся в связи, как увидим ниже, с свойствами послѣдняго согласнаго основы имени.

§ 3. Так, если Им. п. един. числа представляет основу, оканчивающуюся твердым согласным ряда губных и переднеязычных + окончаніе *а*, то в Родит. падежѣ имѣется окончаніе *ы*:

---

[1]) Пособіем служили: Чтенія Ив. А. Бодуэна-де-Куртенэ по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка и Русская грамматика Александра Востокова, СПб., 1859.

вражд-ы	польз-ы	ягод-ы
трав-ы	служб-ы	выгод-ы
сестр-ы	рѣп-ы	
кос-ы	коров-ы	
голов-ы	лопат-ы	
глубин-ы	пшениц-ы	
слобод-ы	оград-ы	
	колод-ы	
	берёз-ы	

§ 4. Окончаніе *і* мы находим в именах,—

1. Им. падеж ед. ч. которых представляет основу на палатальный согласный + оконч. *а*:

земл-и	бур-и	выдач-и
полыньj-и	башн-и	барын-и
	дын-и	
	вол-и	

2. В именах существительных, Им. п. которых представляет основу на один из согласных заднеязычных:

доск-и	хозяйк-и
рѣк-и	рубашк-и
ног-и	книг-и
лѣх-и	мух-и
блох-и	

3. В именах, представляющих в Им. п. един. числа основу с мягким послѣдним согласным (ко́с'т'):

кост-и	тяжест-и
пѣсн-и	осен-и
част-и	милост-и
груд-и	
смерт-и	

Обратимся теперь к народной русской рѣчи и разсмотрим Род. падеж имен существительных жен. рода Сорочинскаго говора.

§ 5. Обыкновенным окончаніем Родит. падежа един.

числа имен существительных жен. рода в говорѣ деревни „Сорочьи-Го́ры“ являются окончанія: *ы* и *і*. Окончанія эти так же, как и в литературном языкѣ, находятся в зависимости от предшествующаго согласнаго; так, напр. [1]):

сестры	бани	лошади	рѣки
тыквы	капли	изгороди	дѣвушки
жертвы			ложки
серцевины			кулаги
			ковриги
			суматохи
			черепахи

§ 6. В рѣчи формы Родительнаго падежа на *ы* и *і* встрѣчаются по большей части с предшествующими предлогами: *без, возлѣ, для, до, из, от, длѣ* (подлѣ).... так: *без избы, для жены, до борозды, из земли, возлѣ лошади, от воды, длѣ дороги* стоит человѣк, сложил солому *длѣ рыги*...

§ 7. Без предлогов же эти формы имѣются только: а) в отрицательных выраженіях:

коровы-то *еще нѣту;*
ему *воды* не покупать;
ну, так не бери *земли;*
только *бани* не выстроил;
барин не дает *избы* срубить.

.....

и б) в формѣ Родительнаго partitiv'наго:

выпій браги;
а теперь бы *водки* с устатку-то;
налил *воды* да и *ладна*...

§ 8. Рядом с формами на *ы* и *і* в Родит. падежѣ един. числа имен существительных жен. рода в Сорочинском говорѣ имѣются формы с окончаніем *е*. Сюда при-

---

[1]) Правописаніе примѣров согласно с литературным, но нѣкоторыя фонетическія особенности говора изображены в словах, напечатанных курсивом.

надлежат имена существительныя мужескаго и женскаго рода, оканчивающіяся в Им. падежѣ ед. числа на *а*:

у свиньѣ двѣнадцать *поросёнков*;
мужик *должóн* быть *у* своей *землѣ;*
у вѣтрянкѣ поломало крылья;
полѣсчик (полѣсовщик) был *у судьѣ*;
у ихней сестрѣ всё так *быват*;
у яблонѣ вѣтки посохли;
деньги *у старостѣ*;
у самой *рѣкѣ*;
караульщик стоял *у берёзѣ*;
была в гостях *у Прасковьѣ*;
у рыбѣ глаза замутились;
у моей *барынѣ;*
у дядѣ была помочь;
у мельницѣ, у барышнѣ, у нянѣ, у избѣ и т. п.

§ 9. Разсматривая эти примѣры, мы видим, что окончаніе *е* в Родит. падежѣ принимают имена существительныя независимо от количества слогов; сюда принадлежат имена существительныя двух-сложныя, трех-сложныя и вообще многосложныя:

нянѣ	барынѣ
землѣ	старостѣ
	мельницѣ

§ 10. Удареніе в этих словах находится или на падежном окончаніи:

женѣ́ землѣ́ избѣ́

или же на одном из слогов основы:

дя́дѣ	я́блонѣ
ня́нѣ	ба́рышнѣ.

§ 11. Что касается образованія форм на *е*, то окончаніе в них присоединяется прямо к основѣ имени существительнаго —

1) Когда Им. п. ед. ч. представляет основу с палятальным послѣдним согласным + оконч. *а:*

нянѣ (при Им. п. нян'-а)
землѣ.

2) Когда основа Им. падежа ед. ч. оканчивается твердым согласным:

сестрѣ (при Им. п. сестр-а)

старостѣ.

§ 12. Опредѣлить значеніе и употребленіе этих падежных форм на *е* можно только из связи их в предложеніи с другими словами. Так, если мы разсмотрим предложенія:

вчера я был *у сестрѣ*;

вѣтки *у яблонѣ* высохли;

у моей *бородѣ* и др.

и сравним их с формами в предложеніях:

человѣк *без бороды*;

это я *для деревни*;

стоит *возлѣ сестры*;

воды не покупать и т. д.,

то увидим, что формы Родит. падежа на *е* имѣются только в соединеніи с предшествующим предлогом *у*, при других [1]) же предлогах, соединяющихся с Родит. падежом существительных, и в употребленіях без предлога всегда имѣется окончаніе *ы* или *і*, так

мужик *без лошади* и *без сохи* уже не *работник*

возлѣ избы у него огород;

а *коровы* на дворѣ все еще нѣт...

§ 13. Предлог *у*, присоединяясь к падежной формѣ имен существител., указывает на связь дѣйствія с извѣстным лицом или мѣстом и означает нахожденіе в извѣстном мѣстѣ, у кого или у чего либо:

был *у сестрѣ*,

у дядѣ по́мочь,

дѣти шалят в комнатѣ *у барынѣ*,

у нянѣ всё хорошо...

---

[1]) Встрѣчается, впрочем, Родит. п. на *е* и при предлогѣ возлѣ: „*возлѣ барынѣ* ей жить хорошо“, но в этом единственном примѣрѣ, быть может, форма на *е* возникла по аналогіи к формам: *у барынѣ*, *у яблонѣ* и т. п.

§ 14. Теперь является вопрос: каким же образом возникли формы Родит. падежа на *е*: у сестрѣ...?

Мы знаем, что окончаніе *е* в формах женскаго рода имѣется в Предложном падежѣ. Такое окончаніе имѣют имена существительныя, представляющія в Имен. ед. основу с твердым или мягким послѣдним согласным + оконч. *а*: *в сестрѣ* (сестр-а), *на рукѣ, при избѣ*, об *яблонѣ, по пустынѣ*... Здѣсь падежной формѣ всегда предшествуют предлоги: *в, на, об, по, при*, которые указывают на связь дѣйствія с извѣстным лицом или мѣстом. Т. о. с видом — форма существительнаго на *е* и предшествующій предлог, указывающій на связь дѣйствія с мѣстом, — ассоціировался мѣстный оттѣнок значенія падежа, casus locativus: *в избѣ, при сестрѣ, на кухнѣ*...

Разсмотрим теперь имена существительныя жен. рода с окончаніем *е* в Родительн. падежѣ един. числа:

у сестрѣ	у барынѣ
у яблонѣ	у женѣ и т. д.
у старостѣ	

Формы Родит. падежа на *е* имен существительных жен. рода всегда, как мы уже знаем, имѣют при себѣ предлог *у*, который указывает на связь дѣйствія или состоянія с извѣстным лицом или мѣстом; а если уже раз, в Предложном падежѣ, оттѣнок значенія связи дѣйствія с лицом или мѣстом ассоціировался с предлогом и формой падежа на *е*, то и здѣсь при предлогѣ *у*, в силу ассоціаціи по сходству с Предл. падежом, этот оттѣнок значенія вызывает произношеніе существительнаго с окончаніем *е*. Таким путем, можно думать, явились формы Родит. падежа имен существительных жен. рода на *е*:

у сестрѣ, у барынѣ, у старостѣ и др.

§ 15. Затѣм это окончаніе (Родит. падежа) *е* при том же предлогѣ *у*, выражающем тот же оттѣнок значенія, что и в именах с основой на твердый или мягкій согласной + *а* (в Им. п.), имѣется и в именах существительных *кость, грудь*...; так:

лежит *у изгородѣ*,
у дверѣ в *куфню*,
у грудѣ и др.

Дательный падеж имен существительных женскаго рода.

§ 16. В литературном языкѣ Дательный падеж имен существительных женск. рода оканчивается на *е* и *і*.

Окончаніе *е* имѣют:

1. Имена существительныя, Им. падеж един. числа которых представляет основу на твердый согласный + окончаніе *а*, так:

сестрѣ (Им. п. сестр-а) книгѣ
пчелѣ черепахѣ
метлѣ
дугѣ
иглѣ
войнѣ
молотьбѣ

2. Существительныя, представляющія в Им. п. един. числа основу с мягким послѣдним согласным + окон. *а*:

шлеѣ (Им. п. шлеј-а) дынѣ яблонѣ
простынѣ каплѣ барынѣ
кухнѣ
колдуньѣ

На *і* в Дат. п. оканчиваются имена существительныя, представляющія в Имен. падежѣ основу на мягкій согласный:

степи (Им. п. степ'-) двери тяжести
вѣтви пустыни
кости крѣпости
власти должности
тетради

§ 17. Теперь разсмотрим формы Дательнаго падежа в Сорочинском говорѣ; так мы имѣем:

1. скажи своей *женѣ*
дай корму *птицѣ*
дѣло было *по веснѣ*
по рѣкѣ ходют пароходы [1])
путь идет *по* большой *дорогѣ*
по вощѣ [2]) видно краденый мёд
тощой хлѣб видно *по соломѣ*
она *по сестрѣ* пошла
по краскѣ видно мастера
не *ѣздій по евтой дорогѣ*
дернул его *по рукѣ*
моя часть лежит ближе *к* твоей *полосѣ*
к усадьбѣ подъѣхала тройка
к такой *избѣ* можно и горенку пристроить
прибавь *к запрудѣ* камней
приладил *к сохѣ* веревку
подходят *к рукѣ*.

2. этой *землѣ* нужно отдыхать
по волѣ родителев
словно стон ходит *по деревнѣ*
приложил ухо *к землѣ*
ходил *к Прасковьѣ*
я—*к барынѣ*.

3. ты забирай *польвѣ*, *к пýстынѣ*
подошли *к крѣпостѣ*
к такой *артелѣ* не приноровиться
привязал *к дверѣ* нитку, да и выдернул *зуб-от*
близко *к кладѣ* не подъѣзжай
в больницѣ *к грудѣ* приложили мазь
не подходи *к печѣ*
лазит *по дверѣ*, как кошка
кажинной стерлядѣ нужно головку разрубить
ржѣ остается не долго спѣть
скажи *артелѣ*, чтобы шли нá-поле.

---

[1]) слышится почти *прохóды*; [2]) воск сотоваго меда.

§ 18. Из этих примѣров видно, что Дательный падеж един. числа жен. рода в Сорочинском говорѣ имѣет только одно окончаніе — *е*.

Его мы находим в именах существительных:

1. Имен. пад. ед. ч. которых представляет основу с твердым конечным согласным + окон. *а*.

2. С основой в Им. п. на мягкій конечный согласный + ок. *а*.

3. В именах, представляющих в Им. п. основу, оканчивающуюся мягким согласным.

§ 19. В рѣчи такія формы Дат. падежа, как мы видим из примѣров, имѣются большею частію в соединеніи с предшествующими предлогами *к* и *по* и употребляются в пространственном смыслѣ для обозначенія мѣста, затѣм выражают причину, основаніе и время дѣйствія глагола:

по вощѣ́ видно краденый мёд,

и т. п.

Без предлога Дат. п. имен, представляющих в Им. п. основу с конечным палятальным согласным, употребляется рѣже и служит для обозначенія извѣстнаго лица или предмета, для котораго или в интересах котораго что либо происходит.

§ 20. Удареніем в формах Дат. п. ед. ч. имен, представляющих в Им. падежѣ основу на согласный палятальный, сопровождается или падежное окончаніе, или один из слогов основы.

Имена существительныя с односложной основой имѣют всегда удареніе на окончаніи, так:

к кладѣ́	к печѣ́
по дверѣ́	к клѣтѣ́ и др.
к грудѣ́	

В именах с двухсложной основой удареніе находится только на одном из слогов основы:

арте́лѣ	пу́стынѣ
	сте́рлядѣ
	крѣ́постѣ

Как объяснить теперь такое распространеніе оконча-

нія *е* в Дат. падежѣ говора и вслѣдствіе этого слитіе форм имен ж. р.: сестра = сестрѣ с формами существительных: грудь=грудѣ?

§ 21. Этот результат мы можем приписать вліянію имен существительных жен. рода (с основой в Им. пад. на твердый или мягкій согласный + *а*), оканчивающихся в Дат. пад. ед. ч. на *е* и составляющих большинство имен жен. рода:

сестра = Дат. п. к сестрѣ, по сестрѣ
изба = „ к избѣ, по избѣ,

Под вліяніем таких случаев в именах ж. р. с падежной формой на *е* ассоціировался оттѣнок значенія Дат. падежа. Отсюда, коль скоро является оттѣнок значенія Дат. п. и потребность в падежной формѣ от таких имен, как *грудь, кость* . . . , то, в силу ассоціаціи, окончаніе *е* подставляется и здѣсь, так

грудь = Пр. п. *к грудѣ*,
как *сестра* = „ *к сестрѣ*
земля = „ *к землѣ*

В формах: *к грудѣ, по дверѣ* . . . , может быть, подстановленіе окончанія *е* вызывали также предлоги *к* и *по*, которые здѣсь, соединяясь с падежными формами, указывают на тот же самый оттѣнок значенія, что и в формах: *к сестрѣ, к нянѣ, по землѣ* . . . , гдѣ Дат. пад. всегда имѣется с окончаніем *е*.

Предложный падеж единственнаго числа.

Названіе свое этот падеж получил от того, что всегда соединяется с предлогами: *в, на, о (об), по, при*.

§ 22. Предложный падеж главным образом служит для обозначенія мѣста и поэтому называется мѣстным (casus locativus). В литературном языкѣ Предл. п. имѣет три окончанія: ý, і, е.

§ 23. 1. Имена существительныя средняго рода в Предложн. падежѣ един. ч. имѣют только одно окончаніе *е*:

в окнѣ	в морѣ	при здоровьѣ
о теплѣ	на устьѣ	
при копьѣ		
на помелѣ		
об окнѣ		
о *вертенѣ* [1]		

§ 24. 2. В именах существительных женскаго рода Предложный падеж оканчивается на *е* и *і*.

Окончаніе *е* имѣют:

а) имена с основой на твердый конечный согласный + окон. *а* в Имен. п.:

о рѣкѣ	на коровѣ	дѣло в выгодѣ
скучал по войнѣ	в книгѣ	при радугѣ
плакал по сестрѣ	об ученицѣ	

б) Имена, представляющія в Им. п. основу на мягкій согласный + окон. *а*:

в землѣ	о нянѣ	при государынѣ
		на яблонѣ

Окончаніе *і* в Предложном пад. имѣют — небольшая часть имен жен. рода — существительныя, представляющія в Им. п. основу на мягкій конечный согласный:

в степи	в тетради	о челяди
на кости	в артели	на плѣсени
		в черneди

§ 25. 3. Что же касается Предл. падежа имен существительных муж. рода, то здѣсь мы находим окончанія: *е* и *у́* (всегда ударенное).

Окончаніе *е* имѣют имена с твердым или мягким послѣдним согласным основы в Им. п.:

в столѣ	на конѣ
о волкѣ	в сараѣ
по братѣ	при государѣ

---

[1]) Так имѣется в общерусском произношеніи и в говорѣ деревни Сорочьи-Го́ры: в'ър'т'ен'ӕ́.

в коробѣ	о кренделѣ
на сахарѣ	на вензелѣ
	при лекарѣ

А окончаніе *ý* в Предл. пад. имѣется при таких условіях: основа имени оканчивается твердым или мягким послѣдним согласным (и в Им. п. ед. ч.) и формѣ всегда предшествуют предлоги *в* и *на* [1]).

на стогý	на краю́
в садý	на кочню́
в плѣнý	на корню́
в гуртý	в чаю́
на полý	в раю́
на балý	в бою́
на берегý	в дегтю́
на льдý	
на кормý	

Теперь посмотрим, какія окончанія имѣет Предложный п. в Сорочинском говорѣ.

§ 26. В говорѣ деревни „Сорочьи-Горы" Предложн. падеж ед. ч. оканчивается на *е* и *ý*.

Как и в литературном языкѣ формам Предложнаго падежа здѣсь всегда предшествуют предлоги: *в*, *на*, *об* (*о*), *по*, *при*. Присоединяясь к падежным формам, предлоги придают им такое значеніе:

Предлоги: *в*, *на*, *при* указывают на тѣсную связь дѣйствія или состоянія с извѣстным мѣстом (*casus locativus*); при чем:

в указывает на пребываніе внутри (*c. inessivus*): в глазý, в столѣ . . . ;

на указывает на пребываніе, нахожденіе на поверхности (*c. superessivus*): на столѣ, на носý . . . ;

при указывает на пребываніе при чем либо, воз-

---

[1]) Русская грамматика, *Александра Востокова*, СПб., 1859 г., § 29, I, в.

лѣ чего либо *(c. adessivus)*: при столѣ, при погребѣ, при окнѣ, при барынѣ...

Остальные предлоги: *об (о), по* указывают на связь дѣйствія или состоянія с извѣстным лицом или предметом, т. е. указывают на предмет, как на объект глагола sentiendi и declarandi *(c. objectivus)*:

начиная дѣло, подумай *об концѣ*;
он тоскует *по домѣ*;
плакать *по отцѣ*;
скучает *об городѣ*;
говорит сначала *об* одном *дѣлѣ*;
а потом *скажит* и *о получкѣ*;
правит память *по сестрѣ* и т. д.

§ 27. Имена существительныя средняго рода ничего особеннаго в говорѣ не представляют. Предложный падеж этих имен оканчивается так же, как и в литературном языкѣ, на *е*; так:

в окнѣ	в горѣ	на яблокѣ
	в морѣ	
	на морѣ	
	об обухѣ	

Болѣе интересны падежныя окончанія имен жен. и мужескаго рода.

Разсмотрим их.

§ 28. Имена существительныя женскаго рода в Предложном падежѣ оканчиваются только на *е*. Сюда принадлежат:

1) Имена существительныя с основой в Им. п. ед. ч. на твердый конечный согласный + ок. *а*:
на корчегѣ далё́ко нь-уѣдиш;
при радугѣ веселѣ́ быват;
на кажной дугѣ по колокольцу;
не сошлись *в ширинѣ;*
мало-ли *добрава в бѣлугѣ;*
всё и дѣло-то *в до̆линѣ*.

2) Имена существительныя с основой на мягкій конечный согласный + ок. *а* в Им. п.:

на дынѣ пошли *пятны*
лошадь *в* новой *шлеѣ*
столбы врыты *в землѣ* на *пӑлтара* аршина.

3) Имена, представляющія в Им. п. основу с мягким посл. согласным:

в сѣтѣ	на грудѣ	на грязѣ	*об* такой *мело-*
в костѣ	на вѣтвѣ	на печѣ	*чѣ* и говорить
в щелѣ	на дверѣ	по изгородѣ	не стоит
в кровѣ	на цѣпѣ		
в пылѣ	на лошадѣ		

§ 29. Отсюда мы видим, что в Предложном падежѣ имен существительных Сорочинскаго говора окончаніе *е* имѣется и в таких именах, как: грудь, кость . . ., которыя в литературном языкѣ оканчиваются на *і*. Такое удноображеніе по окончанію форм Предложнаго падежа имен жен. рода при основѣ, оканчивающейся в Имен. п. на твердый или мягкій согласный + *а*, с формами имен, представляющих в Им. п. ед. ч. основу с послѣдн. палятальным согласным, объясняется творческой ассоціацией [1], точно так же, как и распространеніе болѣе употребительнаго окончанія *е* в Дат. п. един. числа ж. р. Оттѣнок значенія Предлож. падежа, ассоціировавшись в именах существительных ж. р., представляющих в Им. п. ед. ч. основу с твердым или мягким послѣдним согласным + *а*, вслѣдствіе их болѣе частаго употребленія с окончаніем *е*, вызывает такое же окончаніе и в именах, представляющих в Им. ед. основу с палятальным посл. согласным.

Таким образом получились формы:

на дверѣ   в пылѣ   на лошадѣ и др.

Посмотрим теперь, какія окончанія представляет Предложный падеж имен существительных мужеск. рода.

§ 27. Имена существительныя муж. рода в Предл. падежѣ имѣют два окончанія: *е* и *ў*.

---

[1]) О творческой ассоціаціи см. в N 4 Р. Ф. В., за 1882 г., на 267 стр., в статьѣ В. А. Богородицкаго „Введеніе в изученіе русскаго вокализма“.

§ 28. Окончаніе *у́*, всегда сопровождающееся удареніем, мы имѣем в слѣдующих случаях:

в боку́
в бору́
в бѣгу́
в вечеру́
в вѣку́
в году́
в глазу́
в горну́
в городу́
в гробу́
в гурту́
в долгу́
в дому́
в дубу́
в жару́
в заду́
в зобу́
в зубу́
в илу́
в изладу́ [1])
в квасу́
в кругу́
в ладу́
во лбу́
в лѣсу́
в мёду́
в міру́
в мозгу́
в моху́
в мѣлу́
в мѣсецу́
в острову́
в отпуску́

в бою́
в дёгтю́
в клею́
в корню́
в строю́
в рою́
в хмѣлю́
в улью́
в чаю́

на берегу́
на боку́
на валу́
на возу́
на вѣку́
на вѣсу́
на вѣтру́
на году́
на дому́
на дубу́
на духу́
на жару́
на зубу́
на клёну́
на колосу́
на корму́
на крюку́
на лёту́
на лбу́
на лугу́
на льду́
на мосту́
на мюху́
на мѣху́
на носу́
на откупу́
на острову́
на погребу́
на плоту́
на полу́
на поду́
на роду́
на ряду́

на бою́
на клею́
на корню́
на кочню́
на краю́
на якорю́

---

[1]) „Нужно жить в изладу́ с барином, а то земли не даст“.

в пару́
в плѣну́
в погребу́
в поту́
в пруду́
в пуху́
в роду́
в роту́
в саду́
в свѣту́
в снѣгу́
в солоду́
в соку́
в сору́
в углу́
в холоду́
в хлѣбу́
в цвѣту́
в хрѣну́
в чану́
в яру́

на стогу́
на суку́
на току́
на ходу́
на *кажнăм* шагу́.

§ 29. Из разсмотрѣнія этих примѣров мы видим, что формы Предл. п. на *у́* и в Сорочинском говорѣ, так же, как и в литературном языкѣ, употребляются только при предш. предлогах *в* и *на*. Приведенныя формы служат для образованія *locativ'a* и выражают только падеж нахожденія.

§ 30. Сюда принадлежат неодушевленныя имена существительныя:

1. Простыя: а) односложныя, представляющія в Им. ед. основу с твердым или мягк. посл. согласным:

в году́
в зубу́
в лѣсу́
в мѣлу́
в пуху́

в клею́
в рою́
в хмѣлю́
на бою́
на краю́

на дубу́
на носу́
и т. д.

затѣм b) ок. у́ находится также в нѣкоторых 2-х сложных простых именах существительных м. р. с тверд. или мягк. послѣд. согласным основы в Им. п.:

в вечеру́ — в дёгтю́ (Им. п. дёгот')
в городу́ — в корню́
в мѣсецу́ — на якорю́
в острову́
в погребу́
в полону́
в холоду́
на берегу́
на острову́
на погребу́
и т. п.

2. Сложенія—из односложнаго предлога и имени:

в изладу́
в отпуску́
на откупу́

(Им. п. и́злад=согласіе, соглашеніе.
|| ла́дить=устраиваться, соглашаться
|| ла́д=согласіе)

§ 34. Если разсмотрим теперь эти имена существительныя со стороны ударенія, то увидим, что они в единственном числѣ только в одном Предл. пад. имѣют удареніе на падежном окончаніи, а во всѣх прочих косвенных падежах на первом слогѣ основы; множественное число этих имен имѣет удареніе на падежных окончаніях [1]):

го́д, го́да, го́ду, ро́дом, в году́;
года́, годо́в, года́м, года́ми, в года́х.
мѣ́сец, мѣ́сеца, мѣ́сецу, м'ѣ́сецом, в мѣсецу́;
мѣсеца́, мѣсецо́в, мѣсеца́м, мѣсеца́ми, на мѣсеца́х
и т. д.

---

[1]) *Р. Брандт*, Начертаніе славянской акцентологіи, СПб., 1880 г., стр. 26.

В сложеніях во всѣх падежах ед. ч., кромѣ locativ'a, удареніем сопровождается первый член сложенія; а множественное число имѣет удареніе на падежном окончаніи; так:

о́т-куп	о́тпуск	и́злад
о́т-куп-а	о́тпуска	и́злада [1])
о́т-куп-у	о́тпуску	и́зладу
о́т-куп-ом	о́тпуском	и́зладом
в от-куп-у́	в отпуску́	в изладу́
от-куп-а́	отпуска́	изла́ды
от-куп-о́в	отпуско́в	изладо́в
от-куп-а́м	отпуска́м	излада́м
от-куп-а́ми	отпуска́ми	излада́ми
в (на) от-куп-а́х	в отпуска́х	в излада́х.

§ 35. Другим окончаніем Предложнаго падежа имен существительных муж. рода, Сорочинскаго говора, является *е*.

Оно имѣется в таких существительных:

1) в именах *простых* — односложных и многосложных с предшествующими предлогами: *в*, *на*, *о (об)*, *по*, *при*; сюда принадлежат и имена существительныя, выражающія названіе лиц, одушевленных предметов:

в листѣ	на дворѣ	по отцѣ	при сараѣ	*об* городѣ
в пескѣ	на столбѣ	по братѣ	при хозяинѣ	*об* парнѣ
в сапогѣ	на *петакъ*	по баринѣ	при пѣтухѣ	*об* червякѣ
в гвоздѣ	на пробоѣ		при царѣ	об учителѣ.
в манастырѣ	на рукавѣ			
в табакѣ	на вихрѣ (вихо́рь)			
в сараѣ	на конѣ			
в заборѣ	на волоскѣ			
в народѣ				

2) в Сложеніях:

в пере-возѣ	на паро-ходѣ	об водо-возѣ
в пол-годѣ	на пере-возѣ	

---

[1]) „без и́злада пахать не заставит".

на самом *при-бо́ѣ* рѣки
на водо-ёмѣ

§ 36. Разсматривая эти примѣры, мы видим, что *е* в Пр. п. имѣют имена существиоельныя, представляющія в Им. п. един. ч. основу с тверд. или мягк. посл. согласным + *а*: о братѣ, на конѣ...

Что касается употребленія этих форм, то онѣ имѣются при всѣх предлогах, соединяющихся с предложн. падежом, и означают как с. locativus, так и objectivus.

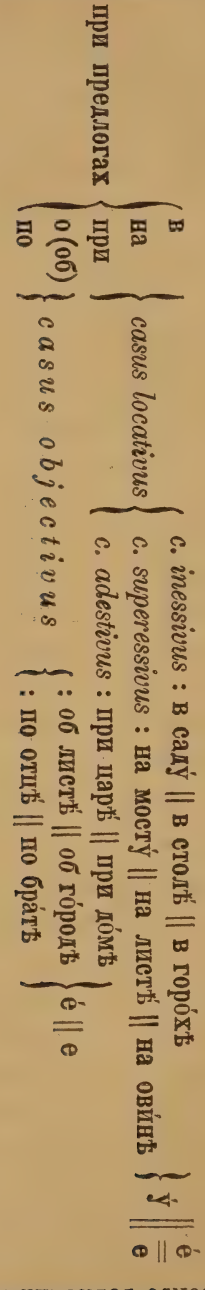
§ 37. Удареніе принадлежащія сюда имена существительныя имѣют в един. числѣ: большинство на падежном окончаніи, а нѣкоторыя (названія лиц) и на основѣ; во множественном числѣ удареніе находится или на одном из слогов основы, или на падежном окончапіи:

сто́л	гво́здь	бра́т	ко́нь
стола́	гвоздя́	бра́ту	коня́
столу́	гвоздю́	бра́та	коню́
столо́м	гвоздём	бра́том	конём
на столѣ́	на гвоздѣ́	в бра́тѣ	в конѣ́
столы́	гво́зди	бра́тья	ко́ни
столо́в	гвозде́й	бра́тьев	коне́й
стола́м	гвоздя́м	братья́м	коня́м
стола́ми	гвоздя́ми	братья́ми	коня́ми
в стола́х	в гвоздя́х	в братья́х	в коня́х

Принадлежащія сюда сложенія — имена существительныя всегда сохраняют удареніе на втором членѣ сложенія:

перево́з	прибо́й
перевоза	прибоя
перевозу	прибою
перевозом	прибоем
в перевозѣ	на прибоѣ
перево́зы	прибо́и
перевозов	прибоев
перевозам	прибоям
перевозами	прибоями
на перевозах	на прибоях

§ 38. Итак, окончанія *е* и *у́* в Предл. п. имен существительных мужеск. рода распредѣляются таким образом:

при предлогах	в	casus locativus	c. inessivus	: в саду́ ‖ в столѣ́ ‖ в горо́хѣ	у́ ‖ е́ ‖ е
	на		c. superessivus	: на мосту́ ‖ на листѣ́ ‖ на ови́нѣ	
	при		c. adestivus	: при царѣ́ ‖ при до́мѣ	е́ ‖ е
	о (об)	casus objectivus		: об листѣ́ ‖ об го́родѣ	
	по			: по отцѣ́ ‖ по бра́тѣ	

§ 39. На *у́* оканчиваются односложныя, двухсложныя

имена существительныя и сложенія муж. рода, кромѣ имен, выражающих названіе предметов одушевленных, при таких условіях: формѣ всегда предшествует предлог *в* или *на*, придающій падежу оттѣнок значенія нахожденія, и имя имѣет удареніе в единственном числѣ на одном из слогов основы, а во множественном на падежном окончаніи. Сложенія в единственном числѣ имѣют удареніе на первой части, а во множ. на падежном окончаніи.

§ 40. Окончаніе *е* имѣется в Предл. п. всѣх имен существительных средняго и жен. рода, при предлогах: *в*, *на*, *об* (*о*), *по*, *при*, и в нѣкоторых именах муж. рода, при предлогах *в* и *на*, в значеніи locativ'a и objectiv'a. Удареніем сопровождается или падежное окончаніе или основа имени. Сложенія во всѣх падежах един. и множ. числа сохраняют удареніе на втором членѣ:

прибо́й, прибо́я, на прибо́ѣ; прибо́и, прибо́ями...

Казань, Март 1883 г.

А. Александров.

ВВЕДЕНІЕ
В ИЗУЧЕНІЕ РУССКАГО ВОКАЛИЗМА.

(Окончаніе).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Принимаясь за настоящій труд, я предполагал *ввести читателя в науку о языкѣ путем всесторонняго и возможно глубокаго анализа нѣкоторой группы явленій, именно— русскаго вокализма.* Однако мнѣ не удалось пока вполнѣ осуществить задуманнаго: я не изложил литературы предмета, не разсмотрѣл русскаго вокализма со стороны діалектологической и исторической.

Далѣе, я не успѣл изложить нѣкоторых вещей, относящихся к изслѣдуемому мною предмету, матеріалы для которых у меня частію готовы, частію собираются, напр.: вокализм говора дер. Бѣлой, сравненіе русскаго вокализма с вокализмом аріо-европейским, французским, германским, древне- и ново-греческим и др.; новое выясненіе туранской гармоніи гласных; также и в общерусском вокализмѣ я не изложил обстоятельно нѣкоторых вещей, напр.: о слогообразующих согласных, подмѣченных мною впервые в области общерусскаго языка, о том, в какой фазѣ развитія вокализма являются слогообразующіе согласные и т. п.; далѣе, я не присоединил в концѣ, как предполагал раньше, ряд инвентарей по отдѣльным вопросам моей работы, напр. возможно полное собраніе случаев неисчезновенія неударенных гласных, зарожденія гласных; полное собраніе случаев неисчезновенія гласных без ударенія по причинам механическим и причинам психическим и др.

В текстѣ книги нѣт заглавій отдѣльных частей; для устраненія этого недостатка, замѣченнаго, к сожалѣнію, уже по отпечатаніи книги, я ввел раздѣленіе на главы в приложенном в концѣ подробном оглавленіи.

Надѣюсь, читатель проститъ мнѣ, что, желая расширить физіологическій отдѣл моей работы, я сдѣлал два прибавленія, посвященныя акустической сторонѣ произношенія и анатоміи органа рѣчи.

Что касается изложенія, то я старался его сдѣлать по возможности общедоступным, а кромѣ того большое вниманіе обратил на методологическую сторону.

В заключеніе считаю своим долгом выразить признательность проф. Н. О. Ковалевскому, позаботившемуся об устройствѣ для моих наблюденій прибора Розапелли и принимавшему живое участіе в этих моих экспериментах; М. Ф. Болдыреву, познакомившему меня с ляриңгоскопіей; К. М. Гольцману, впервые демонстрировавшему мнѣ на препаратѣ анатомію органа рѣчи и давшему таким образом первый толчек моим послѣдующим занятіям в том же направленіи; К. И. Кобелю, любезно взявшему на себя труд постановки опытов на моих лекціях, посвященных акустической сторонѣ рѣчи; Ѳ. М. Суворову, бесѣды с которым помогали выясненію моих взглядов на математическую сторону изслѣдованія рѣчи; в том же — студ. Э. Я. Вильковискому; и др., бесѣды с которыми вліяли на мой настоящій труд.

Казань, Ноябрь 1882 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введенія в изученіе русскаго вокализма.

Выпуск I. Стр. 1—59.

I. Предварительное изложеніе физіологіи звуков русскаго языка и путь, ведущій к их классификаціи. Стр. 1—19.

звуков. Звуки рто-носовые (или носовые) и ртовые. Чѣм обусловливается произношеніе звуков ртовое или рто-носовое с точки зрѣнія анатомо-физіологической. Стр. 5—8.

Ширина раствора рта при произношеніи звуков русскаго языка. Растворы рта широкій, средній и узкій или индифферентный и звуки, произносимые при этих растворах. Каждый звук может быть произнесен при растворѣ рта весьма разнообразном. Измѣненіе ширины раствора рта, при прочих равных условіях, сопровождается нѣкоторым измѣненіем тембра звука. Измѣненіе ширины раствора рта с точки зрѣнія анатомо-физіологической. Стр. 8—9.

Сравненіе произношенія звуков *п* и *т* указывает, между прочим, на различіе органов произношенія. Раздѣленіе органов произношенія с точки зрѣнія анатомо-физіологической и характеристика их относительно подвижности и неподвижности и относительно артикуляцій. Безчисленный ряд мѣст на небѣ, относительно которых могут совершаться артикуляціи языка. Измѣненіе мѣста артикуляціи должно сопровождаться измѣненіем оттѣнка звука. Метода окрашиванія. Добываніе точной модели надставной трубы, свойственной разным звукам. Стр. 9—11.

Сравненіе произношенія звуков *к* и *х*, *і* и *j* *(й)* и вывод заключенія, что различіе между сравниваемыми звуками обусловливается разною степенью сближенія органов произношенія. Звуки съуженные и открытые. Связь между сближеніем органов произношенія и шириною раствора рта. Объясненіе того явленія, что в нашей рѣчи открытые звуки произносятся вообще только звонко. (Вывод заключенія, что шепотное произношеніе обусловливается особым дѣйствіем гортани; звонкіе и глухіе звуки в шепотном разговорѣ). Названія — гласные и согласные звуки. Согласные звуки представляют вообще два ряда звуков — звонких и соотвѣтствующих глухих. Характеристика гласных и звонких согласных с точки зрѣнія акустической. Дѣленіе съуженных звуков на взрывные и придувные. Стр. 11—14.

Табелярное представленіе классификаціи звуков рус-

скаго языка. При этомъ гласные и согласные классифицируются совершенно на одних и тѣх же основаніях. Совмѣстное разсмотрѣніе гласных и согласных санскритскими грамматиками относительно звонкости и глухости. Мнѣніе Таузинга о различіи между гласными и согласными. Явленія вокализма и консонантизма разных языков, доказывающія существованіе в языкѣ тѣсной связи между тою и другою областью звуков. Стр. 14—19.

II. Физіологія сочетаній звуков: С+Г и Г+С. Стр. 19—26.

Безконечное разнообразіе оттѣнков произношенія даже одного и того же слова в живой, конкретной рѣчи, происходящее вслѣдствіе вліянія разных чувствованій. Было бы весьма желательно точное сравненіе этих оттѣнков, со стороны анатомо-физіологической и акустической, во всевозможных языках. Для облегченія своего изслѣдованія, я наблюдал только обыкновенное, спокойное произношеніе слов и сочетаній слов. Стр. 19.

Главное различіе между гласными ударяемыми и неударяемыми. Удареніе слѣдует относить не к гласному только, а к цѣлому слогу. Стр. 20.

Отдѣльное произношеніе гласнаго. Ib.

Различіе гласных по экскурсіи послѣ разных твердых и мягких согласных. Доказательство того, что буква *ё* обозначает сочетаніе звуков *йо*, *я* = *йа* и т. п., *тё* = *т'о*, *бё* = *б'о* и т. п. Неточность научно-фонетических написаній; *то*, *йо*, *т'о* и т. п. Стр. 20—24.

Неодинаковость гласных по рекурсіи перед разными твердыми и мягкими согласными. Наблюденія Бетлинга и Грота. Стр. 24—26.

Разсмотрѣнное нами розноообразіе экскурсіи и рекурсіи свойственно как ударяемым, так и неударяемым гласным. Стр. 26.

Дальнѣйшія основанія классификаціи — по другим свойствам согласных, окружающих неударяемые гласные. Образцы наблюденій, приводящих к таким основаніям классификаціи. Ошибки, которым наблюдатель легко может подвергаться при таких тонких наблюденіях, особенно при изслѣдованіи живой связной рѣчи. Необходимость приборов, при помощи которых можно было бы производить точныя измѣренія произношенія. Что измѣрять такими приборами. Приспособленія Розапелли. Стр. 38—47.

Об изслѣдованіи русскаго вокализма с точки зрѣнія статической и динамической. Стр. 47—48.

IV. Изслѣдованіе факторов измѣненія гласных русскаго языка. Стр. 48—94.

а. б. в. Вліяніе ударенія, положенія относительно ударенія, сосѣдних согласных. Направленіе и неравномѣрность в измѣненіи гласных без ударенія. Стр. 48—59.

Сопоставленіе соотвѣтствующих гласных при удареніи и без ударенія (в каком-нибудь положеніи относительно ударенія, в родственных словах, между одними и тѣми же согласными; такое сопоставленіе имѣет в виду изолировать по возможности ударенность и неударенность и различіе гласнаго. Сравненіе таких соотвѣтствій на цѣлом рядѣ примѣров, согласных в одном отношеніи, и заключеніе о существованіи нѣкоторой связи между ударенностью и неударенностью и видом гласнаго (приложеніе метода согласія). Отсутствіе случаев, в которых дѣйствіе ударенія было бы устранено (неприложимость метода различія). Постепенное усиленіе ударенпаго слога; постепенное ослабленіе неударенпаго слога (приложеніе метода сопутствующих измѣненій); вывод, который можно сдѣлать на основаніи этих опытов. Все-таки мы не нашли случаев, в которых дѣйствіе ударенія было бы вполнѣ изолировано от дѣйствія других факторов: гласный не отдѣлим от окружающих его звуков; неударенный гласный всегда находится в том или

другом положеніи относительно ударенія. Заключеніе, которое можно вывести, сравнивая соотвѣтствующіе гласные в родственных словах, в одном и том же положеніи относительно ударенія, но между разными согласными. Стр. 48—52.

Уменьшеніе ширины раствора рта при произнесеніи неударенных гласных, под вліяніем окружающих согласных, до ширины индифферентнаго раствора (индифферентное направленіе в измѣненіи); в связи с этим уменьшеніе времени произношенія неударяемых гласных. Ударяемые гласные являются наиболѣе устойчивыми против такого измѣненія. Разная устойчивость неударенных гласных. Постепенный переход съуженія губ (вмѣстѣ с соотвѣтствующим дѣйствіем задней части языка) к индифферентному состоянію (индифферентное направленіе). Развитіе гласнаго *ы̆* в таких случаях, как гы̆да̂вой; сравненіе с нѣкоторыми русскими говорами показывает, что *ы̆* не прямо развилось из *о*, но через посредствующую стадію *а*. Измѣненіе неударяемаго *а* в *ĭ* послѣ мягких согласных в нѣкоторых положеніях. Стр. 52—57.

Неравномѣрная скорость в развитіи неударяемых гласных в разных положеніях относительно ударяемаго слога, а также между разными согласными в одном и том же положеніи. Постепенное сокращеніе и исчезновеніе неударяемых гласных. Возникновеніе слогообразующих согласных. Измѣненіе соприкасающихся согласных с исчезновеніем раздѣлявшаго их неударeннаго гласнаго. Стр. 57—59.

Разные русскіе говоры предстаоляют не одну и туже фазу развитія. Стр. 59.

Выпуск II. Стр. 60—162.

V. г. Вліяніе каждаго отдѣльнаго произношенія или вліяніе упражненія; усложненія при этом. Приложеніе математики к лингвистикѣ. Стр. 60—71.

Вывод заключенія, что произношеніе индивидуума измѣняется в теченіе его жизни. Динамическій элемент каждаго произношенія. Стр. 60.

Измѣненіе произношенія может быть измѣряемо; а потому возможно и желательно в этом направленіи примѣненіе математики к лингвистикѣ, что̀ придает точность наукѣ о языкѣ. Примѣненіе стенографіи и статистики к изслѣдованію явленій разговорной рѣчи. Вычисленіе вліянія каждаго отдѣльнаго произношенія, затрудняемое, как видно из послѣдующаго, чрезмѣрными трудностями. Стр. 61—62.

Вліяніе каждаго отдѣльнаго произношенія является весьма сложным, вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія многих других условій. Вліяніе чувствованій на произношеніе. Вліяніе на произношеніе индивидуума произношенія окружающей среды. В какой преимущественно період жизни человѣка дѣйствуют причины измѣнчивости произношенія. В каких случаях происходит совмѣстное измѣненіе произношенія измѣняющагося звука слов и в каких — отдѣльное. В таких сложных и медленно развивающихся движеніях, как движеніе рѣчи, невозможно прослѣдить этих движеній по стадіям, слишком близким одна к другой. Стр. 62—65.

Неравномѣрная скорость измѣненія неударяемых гласных в разных положеніях относительно ударенія и вообще неравномѣрность в движеніи разных частей рѣчи; опредѣлить математически, какими законами связаны между собою эти движенія. Неравномѣрность развитія рѣчи в пространствѣ и законы ея; по данному одному, resp. нѣскольким звеньям из соотвѣтствій нѣкоторой фазы предсказаніе других звеньев для той же фазы. Мы можем взглянуть на предмет с самой широкой точки зрѣнія — измѣненіе рѣчи находится в нѣкотором соотношеніи с измѣненіем всего существующаго в мірѣ. Изслѣдованіе подобных необъятно сложных проблем относится к области высшей математики. Стр. 65—67.

Выясненіе на примѣрѣ вліянія каждаго отдѣльнаго произношенія или вліянія упражненія: постепенное сокращеніе гласных между согласными, долгих и кратких. Неравномѣрность сокращенія, сообразно удобосочетаемости со-

гласных, окружающих гласный; психическая и механическая сторона процесса. Ускореніе произношенія у церковных чтецов. Слѣдующее поколѣніе усваивает рѣчь от предъидущаго поколѣнія в той фазѣ развитія, до которой довело это поколѣніе, и затѣм само развивает произношеніе далѣе. Стр. 67—69.

Вообще, в рѣчи, развивающейся под вліяніем множества факторов и представляющей весьма сложный аггрегат, необходимо обращать большое вниманіе на изученіе элементов. Стр. 69—71.

VI. д. Вліяніе географических условій. Стр. 71—72.

VII. Предварительное изложеніе психологіи рѣчи. Стр. 72—73.

Основныя свойства ума (интеллекта) по Бэну. Стр. 72—73.

Закон смежности, по Бэну. Вліяніе упражненія на ассоціацію по смежности. Постепенное пріобрѣтеніе словесного языка: подготовка у дѣтей для подражанія произношенію других; подражаніе произношенію других; послѣдовательность в достиженіи совершеннаго произношенія звуков и сочетаній звуков; соотношеніе в развитіи разных частей рѣчи. Дѣятельность мозга сенсорная (пассивная) и моторная (активная); тонкая различающая способность и память слуха; тонкая способность различенія и память к движеніям органов произношенія. Слова представляют ассоціацію по смежности слуховых ощущеній, с одной стороны, и ассоціацію по смежности мышечных движеній, с другой стороны; между тою и другою стороною устанавливается ассоціація. Слова нашей рѣчи суть не просто звуковые ряды, но ассоціированные по смежности с представленіями предметов. Наши представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, с теченіем времени измѣняются. Представленія и понятія, называемыя

X. Классификація явленій вокализма русскаго языка и других языков, родственных и не родственных русскому, — вокализм русскій и латинскій. Стр. 103—113.

Сравненіе русскаго вокализма с вокализмом других языков, как расширеніе классификаціи явленій русскаго вокализма. Сравненіе русскаго вокализма с латинским — опредѣленіе сходств и различій. Стр. 103.

1. В латинском языкѣ нѣт такого разрообразія в удареніи, нѣт той первичной подвижности ударенія, какую мы видим в русском языкѣ (amáre || légĕre).

2. В лат. *ĕ* и *ă* послѣ ударенія внутри слова измѣняются в *ĭ* (λεγέτω ‡ légĭto, lĕgo || cóllĭgo, căđo || cécĭdi); в лат. нѣт измѣненія неударенных гласных в *ы̆*. Неударенный гласный *ŏ* в лат. измѣняется в *ŭ* (lég*u*nt), тогда как в русском неударенное *о* измѣняется по направленію к *а*. Но как в русском, так и в латинском мы усматриваем вліяніе ударенія.

3. Объясненіе нѣкоторых затруднительных случаев (s*ĕ*́deo || ass*ĭ*́deo, c*ă*́pio || acc*ĭ*́pio, leg*ú*nto). Хронологическій вывод.

4. В лат. и рус. мы видим вліяніе сосѣдних согласных на измѣненіе гласных; но в лат. встрѣчаем характерное вліяніе нѣкоторых согласных, напр. *r*, *l*, *p*, *b* (p*ă*́rio || pép*ĕ*ri, rég*ĕ*ris || rég*ĭ*tur, s*á*lsus || ins*ú*lsus, c*ă*́pio || óсс*ŭ*po, t*ă*berna || cont*ŭ*bernium).

5. Вліяніе на измѣненіе *ĕ* и *ă* в лат. слѣдующаго мягкаго или же твердаго слога s*ă*́lio || ass*ĭ*́lio ass*ú*ltus); ср. рус. ч'*э̆*р'т'*ĭ* || ч'*ó*рт).

6. Вліяніе при развитіи латинскаго вокализма нахожденія гласнаго в открытом или же закрытом слогѣ; в русском мы не видим в подобных случаях столь замѣтнаго вліянія открытости и закрытости слога (лат. perf*ĭ*́cio || perf*é*ctus, рус. пáх*ы̆*р' || пáх*ы̆*р'*ă*). Особенность, обусловливаемая вліяніем группы *ng* (t*á*ngo || cont*í*ngo).

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

к помѣщенным в VII, VIII и IX т. Р. Ф. В. статьям.

К статьѣ Нѣсколько соображеній о склоненіи согласных основ у Славян.

Стр. 190 (60), стрк. 3 сн. Дательный **камени** нельзя считать самородком, если принять правдоподобную догадку Де-Соссюра (Mémoire sur le systéme primitif des voyelles dans les langues Indoeuropéennes. Leipsick 1879, p. 92), усиленно отстаиваемую Остгофом (Morph. Unters. II, 113—114 u. IV, 283 Anm.), что древнею наставкою дательнаго падежа было не ei̯ (как думает Густаф Мейер. Griech. Gram., S. 294), а ai̯ : **камени** в таком случаѣ все-таки образовалось под вліяніем дательнаго **пѫти**, в замѣн ***каменѣ**. Такое заимствованіе можно оправдать тѣм, что **ѣ** в дат. пад. муж. (а также и ср.) рода был окончаніем необычным, но это оправданіе не годится для слов ж. р.: ***матерѣ**, ***свекръвѣ**, подобныя **рѫкѣ**, рѣшительно не за чѣм было устранять.

Стр. 191 (61), пр. 4. Тот же взгляд на лит. ãkmeni̯ высказывает и Іоганн Шмидт. Zeitschrift für vergleichende sprachforschung. B. XXVI, S. 360.

Стр. 192 (62), стрк. 12 св. **Камасъ** и **имасъ** построены по образцу аориста **пасъ**. Существующее рядом с **пасъ**, **пахъ** легко может быть подражательной формой, послѣдовавшей большинству аористов, а **пасъ** должно считаться самородною и указывает на звуковой закон, что с послѣ юса не подлежал переходу в **х**. Закон этот, вѣроятно, основан на том, что переход с в **х** произошел, или по крайней мѣрѣ был намѣчен раньше появленія юсов, т. е. когда произносили еще ***пенсъ**, и с не стоял между гласными; можно впрочем и просто сослаться на то̀, что юсы содержат в себѣ согласный элемент и не суть настоящіе гласные.

Стр. 192 (62), стрк. 2 сн. См. статью О нѣкоторых окончаніях ереваго и уковаго склоненія.

Стр. 194 (64), стрк. 11 св. Именительному мн. ч. слѣдовало придать вид *небехо = праяз. nebhesa, греч. νέφεᾰ, лат. (gener)ă : а в согласное склоненіе зашло из оноваго — небеса явилось по образцу ига = санскр. (вед.) jugā́, праяз. jugṓ из jugŏă; у Грековъ и Римлян, наоборот, *ζυγᾱ́, *jugā примѣнились к νέφεᾰ, generă. Это весьма убѣдительное толкованіе выставил Клуге (Osthoff. Morph. Unt. II, 119).

Стр. 194 (64), пр. 2. Происхожденіе юси из essei вовсе не так несомнѣнно. Один из моих слушателей Н. В. Шляков, вмѣстѣ с которым мы в настоящее время начали печатать русскій перевод Сравнительной морфологіи (Wortbildungslehre) Миклошича, обратил мое вниманіе на тò, что, если считать вмѣстѣ с І. Шмидтом си среднезаложною наставкою (см. статью О личных наставках, стр. 11 = Р. Ф. В. т. V, стр. 168) и отожествлять ее с греч. σαι, то она первоначально звучала сѣ, и в ней, путем обычнаго перед дифтонговым ѣ смягченія (см. статью о ѣ, стр. 44, пр. 2 = Р. Ф. В. т. VI, стр. 14), должен был возстановиться с : *esai̯ дало сначала *eχoi̯, а потом *ešō, *юсѣ. Окончаніе си, т. е. собственно основное для него *sī, могло стать на мѣсто sō в угоду sĭ или šĭ у других глаголов, как beresĭ, berešĭ (см. Доп. стр. ix, к стр. 11 = Р. Ф. Р. т. VI, стр. 399), которое мнѣ теперь кажется необходимым приписать Праславянам; формы юсѣ мы при таком взглядѣ совсѣм не должны предполагать. Может быть однако sĭ и sī есть двойниковая наставка, унаслѣдованная Славянами от Праязыка, в коем, по мнѣнію Остгофа (Morph. Unt. IV. Die tiefstufe im indogermanischen vocalismus, s. 282), существовало постоянное колебаніе между ĭ и ī в одних и тѣх же корнях и наставках, зависѣвшее от сосѣдства тѣх или иных слогов, и тогда мое замѣчаніе о юси остается в силѣ, если только юси не явилось плодом сдѣлки между *юсѣ и береши и не замѣнило также *юши в угоду ближайшим родичам даси, юси, вѣси и в то-же время другим лицам своего собственнаго спряженія (юсмь, юсть и т. д.).

Стр. 195 (65), стр. 1 сн. Лит. nósis, очевидно исходя от вин. nósį=nāsm̥, перешло под образец avis. Подобным же образом Остгоф (Kleine beiträge zur declinationslehre. II. Morph. Unt. II, s. 48—49) объясняет лат. nasus, nāsum, как основанное на древнем именительном *nās, от косвенных падежей котораго (naris, nari, narem и т. д.) пошло слово naris. Также с в словѣ роса (лит. rasà, санскр. rása м. р. сок) можно оправдать вліяніем формы *ра= лат. rōs, rōris.

Стр. 197 (67), пр. 1. Ту-же мысль позже высказал Остгоф. Morph. Unt. IV, s. 63, anm.

Стр. 197 (67), пр. 3. См. также вышеуказанную статью Бругмана, стр. 400.

Стр. 200 (70), стрк. 17 сн. Кры и бры — корневики (Wurzelnomina), т. е. представляют корень без производки, но Славянам ы должны были казаться наставкою.

Стр. 201 (71), стрк. 2 св. Потебня (К исторіи звуков русскаго языка, стр. 58) замѣчает, что „karoi, kroi, по Шлейхеру kârâi, есть, быть может, форма буквально равная не основной формѣ кры (Schleicher, Polab. Spr., S. 240), а формѣ кръвь, луж. krej“.

Стр. 202 (72), стрк. 14 св. У Чехов и без совпаденія согласных падежей с азовыми явилось obrva (чаще мн. ч. — obrvy): у них точкой отправленія мог служить совпавшій с обървы им. мн. ч. ереваго склоненія обърви.

Стр. 202 (72), пр. 3. Остгоф (Morph. Unt. IV, 217) склонен возводить греческій о к праязыку, считая bh слабым видом корня, при сильном obh, ebh, и предполагая разнотемное (м. б., лучше сказать разнокоренное) склоненіе obhrū́s, bhruvós, подвергшееся потом подправкѣ в различных направленіях; в пользу своей мысли он ссылается на персидское abrû и на староцерк. обръвь рядом с бръвь. Насколько вѣско свидѣтельство новоперсидскаго языка, я не знаю; староцерковное же обръвь отмѣчено Миклошичем только в сербских памятниках, почему я считаю его сербизмом.

К статьѣ Два слова о смягченіи т и д.

Стр. 268 (74), стрк. 17 св. То же ц' я предположил бы в позднѣйшей латыни: из ц' удобнѣе всего выводить с одной стороны французскій, испанскій и португальскій *c*, а с другой итальянское и румынское *ч*. Нѣмцы в своем чтеніи ци́цер, це́до (cicer, caedo) сохранили приблизительно вѣрно основное романское смягченіе *k*.

Стр. 268 (74), пр. 4. При переходѣ в ч', дж', звуки *к* и *г* едвали могли миновать ступень т', д'. — Тѣм, что поль. ś=ш', легко объясняются крайне странныя на бумагѣ прилагательныя nasi, przedniejsi и т. п. (личныя формы к nasze, przedniejsze) и существительныя kapelusik (kapelusz шляпа), grosiwo (деньги, производное от grosz): по образцу mali, mężni (мужественные) при małe, mężne, к наше, пшедн'ейше образовали наш'и, пшедн'ейш'и вм. нашы, пшедн'ейшы; kapelusik, grosiwo представляют умягчительныя наставки ik, iwo, взятыя от таких слов, как konik, orlik (koń, orzeł), krzesiwo, młodziwo.

К статьѣ Идж, ꙗдж, ѧдж.

Стр. 2 (76), стрк. 10 св. Впрочем подобный настоящный суффикс представляет лит. vérdu варю (неок. virti, прош. viriaũ); на такой же суффикс едвали не указывает настоящное причастіе на damas (jódamas ѣдущій к jóti), и мы, м. б., всетаки должны предполагать славянолитовское jōdō и праязычное jōdhō, или же другіе глаголы этого типа. См. у Курціуса (Das Verbum der Griechischen Sprache, B. II, 349).

Стр. 2 (76), пр. 4. В Тематологіи (Stammbildungslehre), стр. 492, Миклошич приписывает этим глаголам *наставку* д, которую роднят с корнем дѣ, древнеиндійским dhā.

Стр. 4 (78), стрк. 5 св. По значенію дѣмь, вѣроятно, было будущее, что̀ мнѣ и на руку.

К статьѣ О слоговом ꙑ и ꙋ у Славян.

Стр. 185 (83), стрк. 5 св. Если слова̀ в родѣ *торг* представляли слоговой ρ и, чтобы развить в себѣ *о*, должны были сначала перейти в *търг*, то понятно, почему они позже пріобрѣли чистый гласный, нежели **сън**, **сът** и т. д. — не даром, думаю, правильное употребленіе букв ъ и ь дольше держалось при ρ и л, чѣм при других согласных (см. у Колосова, Очерк исторіи звуков и форм, стр. 18, прим.).

Стр. 188 (86), стрк. 9 св. Огласовка реченій żółcz и żółknąć, однако, сама должна считаться вторичною. См. стр. 195 (93), пр. 2.

Стр. 189 (87), стрк. 15 св. И у Болгар мы встрѣчаем выговор сънце рядом с слѐнце. — В Флоріанской („Маргаритиной") псалтыри читается w slunczi (18, 5), se slunсem (71, 10), что̀ м. б. и не есть чехизм.

Стр. 189 (87), стрк. 14 сн. Оно не единственное, если считать *sołńce, измѣнившееся потом в słońce; но słońce, быть может, как сказано в предыдущем дополненіи, замѣнило słuńce, только не видно, на каком основаніи.

Стр. 190 (88), стрк. 10 св. Вм. чӑтв'ѳр'к слѣдовало написать чѳтв'ѳр'к.

Стр. 191 (89), стрк. 3 сн. Слышится также самородный выговор м'ӑрзнут'.

Стр. 194 (92), стрк. 15 св. Объяснять отвердѣніе ъл в **мълкнѫти**, **вългъкъ** вліяніем твердых **к** и **г**, в виду в'ѳр'х, цѳр'каф и т. д., нельзя.

Стр. 195 (93), стрк. 8 св. В словѣ żółna я признаю самородною только твердость л, а огласовку считаю вторичною. См. стр. 188 (86), стрк. 8.

Стр. 196 (94), стрк. 5 св. Grzbiet, grzbietu — старополь. chrzept, chrzeptu. Первоначально Поляки должны были говорить chrzbiet, chrzeptu (chrzepta, Ps. Flor. 67, 14)=хрьбътъ, хрьбта̀, потом же, в угоду именитель-

но-винительному, стали говорить chrzbiet, chrzbietu, а с другой стороны, в угоду косвенным падежам, допустили замѣну формы chrzbiet через chrzept (срв. szewc, szewca вм. szwiec, szewca), если только именительный chrzept не есть невѣрное отвлеченіе грамматиков от косвенных падежей.

Стр. 197 (95), стрк. 4 св. Также слово *гортань*, = поль. krtań, должно бы звучать *гртань*: оно, очевидно, заимствовало свое *о* у слова *горло*=gardło=гърло.

К статьѣ О нѣкоторых окончаніях ереваго и уковаго склоненія.

Стр. 220 (99), стрк. 4 св. Миклошич (В. III². Zusätze und verbesserungan, s. 534) приводит один дательный на ьмъ вм. ъмъ из Слов Григорія Богослова (Л. 371, б, стр. 281 Будиловичева изданія)—кападокьмъ.

Стр. 221 (100), стрк. 19 сн. **Дъвъльно** Зогр. Л. XXII, 38, 214ᵇ и езеръ Зогр. Л. VIII 23, 160ᵃ (Jagić. Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographosevangelium. Arch. II, S. 269) также не особенно убѣдительны и могут быть описками: се ножа сьде дъва· онъ же рече дъвъльно юсть, ‘і съниде коурѣ вѣтръ на въ езеръ. Возможно еще, что слово юзеръ тут употреблено в м. р., как луж. jezer (в.-луж. jězor, н.-луж. jazor) и как хорватское jezer в пѣснѣ Milica na Kosovu polju, стих 7 (Miklosich. Die Volksepik der Kroaten. S. 78): jedan jezer crne krvi.

Стр. 223 (102), стрк. 5 сн. **Влъкома** находит соотвѣтствіе в лит. дательном vilkám и твор. vilkam̃ (различная акцентовка которых есть плод подражанія множ. числу, гдѣ дат. звучит vilkáms, а твор.—vilkaĩs).

Стр. 225 (104), стрк. 14 св. Зачинному славянскому с, правда, должно бы соотвѣтствовать не σ, а густое придыханіе (G. Meyer. Griech. Gramm. S. 196), но σ могли возстановить в угоду другим формам, представлявшим

корень seu̯ в видѣ su̯ : чтобы корень был su̯eu̯, как выходит у Мейера — невѣроятно. Подобным же образом σῦς, συός рядом с ὗς, ὑός, должно быть, основано на первоначальномъ склоненіи *sūs, su̯os, что̀ органически дало ὗς, *σός, а путем различнаго подравненія — ὗς, ὑός и σῦς, συός.

Роман Брандт.

КРИТИКА, БИБЛІОГРАФІЯ, РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ И УКАЗАТЕЛЬ.

Нѣсколько словъ о сочиненіи г. Владиміра Качановскаго: „Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевичъ" (СПб. 1882 г.) и о прибавленіи къ нему: п. з. „Образцы дубровницкаго языка и письма, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру" (СПб. 1882 г.).

Въ предисловіи къ своему сочиненію, авторъ утверждаетъ, что онъ „успѣлъ открыть (читай: изучить) *всѣ* произведенія Глегевича" (стр. I). На самомъ дѣлѣ ему извѣстна лишь малая ихъ часть. Кромѣ трехъ рукописей Францисканской библіотеки въ г. Дубровникѣ (NN 75—55, 193—31, 262—90), изученныхъ г. Качановскимъ, въ той же библіотекѣ есть еще четвертая рукопись, описанная въ Архивѣ Кукулевича (V т. 152—153 стр.) и заключающая нѣкоторыя неизвѣстныя нашему автору сочиненія Глегевича, напр. Olimpia Birénu, heroida; Laž na kolima, prolog. Затѣмъ Казначичъ отмѣтилъ (Archiv V, 163) въ одномъ сборникѣ той же библіотеки неизвѣстную г. Качановскому пѣснь Глегевича Lopujkam, которая находится и въ Загребскомъ сборникѣ Кукулевича (Archiv V, 181), наряду со многими другими неизвѣстными нашему автору сочиненіями Глегевича, какъ наприм. Ljuveni noćne; Parskanja; Stupa и нѣкотор. друг. (ibidem V, 181). Вообще, авторъ разбираемаго сочиненія сдѣлалъ большой промахъ, не познакомившись съ Загребскими рукописными сборниками старо-дубровницкихъ поэтовъ. Онъ нашелъ бы тамъ не менѣе ше-

сти томовъ сочиненій (Razne pjesme i drame, XVIII в.) Глегевича (см. Knjiżewnik II, 317). Многія изъ нихъ поименованы даже Любичемъ, въ его общедоступномъ Ogledalo književne poviesti jugoslovjanske (II, 418), напр. satire, heroide, pričice и н. др. Такимъ образомъ г. Качановскій не только не „открылъ“ ни одного неизвѣстнаго ранѣе сочиненія Глегевича (извѣстные ему сборники Франц. библіотеки уже ранѣе описаны были гг. Казначичемъ въ Archiv'ѣ V, 153 и Павичемъ въ Historija dubrovačke drame 177, 186), но, наоборотъ, игнорировалъ многія, давно извѣстныя въ наукѣ.

Второй промахъ нашего автора заключается въ томъ, что онъ съ излишней довѣрчивостію относился къ источникамъ при опредѣленіи принадлежности того или другаго сочиненія Глегевичу. Имѣя передъ собою рукописный сборникъ съ сочиненіями этого писателя, г. Качановскій считалъ несомнѣннымъ принадлежность ему всѣхъ статей такого сборника, забывая, что какъ самъ поэтъ, такъ и позднѣйшіе его переписчики могли включать въ такіе сборники сочиненія и статьи различныхъ авторовъ, не всегда даже обозначая ихъ имена. Въ подобную ошибку нерѣдко впадалъ извѣстный біографъ дубровницкихъ писателей Черва, которому слѣпо слѣдуетъ и г. Качановскій даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибки Червы давно испра влены позднѣйшими изслѣдователями. Такъ на стр. 11 г. Качановскій воспроизвелъ безъ всякой критики и возраженій составленный Червою въ прошломъ вѣкѣ списокъ сочиненій якобы Глегевича, не замѣчая, что въ этотъ списокъ включены сочиненія и другихъ писателей, напр. Пальмотича (Drama inscriptum inter Ajacem et Ulyssem de armis Achillis certamen = Natjecanje Ajača i Ulisa, G. Palmotića, prikazano prid dvorom od družbe Orlovah 1639 g. Archiv V, 140; ср. Appendini II, 235; Pavić 112, 117), Игн. Джорджича (Drama de Judith Holopherni caput amputante = Drama Judita i Olofern, изд. въ Загребѣ въ 1855 г.; ср. Archiv V, 153; Pavić 40) и др. По всей вѣроятности, и приписанный Глегевичу Червою,

а за нимъ г. Качановскимъ (стр. 12) діалогъ „Христофоръ Колумбъ“ принадлежитъ Юнію Пальмотичу (ср. Ravić 112, 141).

Въ этихъ ошибкахъ нашъ авторъ повиненъ, впрочемъ, лишь по стольку, по скольку онъ раболѣпствуетъ передъ старыми пособіями, игнорируя новѣйшія разысканія по дубровницкой литературѣ. Гораздо непростительнѣе для него включеніе въ число произведеній Глегевича и такого, котораго не присваивали ему ни Черва, ни Аппендини, ни Любичъ, ни какой либо другой авторитетный хорватскій писатель и которое давно уже издано подъ правильнымъ именемъ Юнія Пальмотича. Это поэма—*Glasa pobjedovanje.* Принадлежность ея Пальмотичу констатирована уже въ прошломъ вѣкѣ въ латинскомъ двустишіи Ферича:

Tu, Palmota, brevi cecinisti carmine famam,
Te grata aeternis vocibus illa canet,

которое напечатано еще въ 1851 г. Матіемъ Баномъ въ журналѣ: *Dubrovnik,* выпускъ II (Загребъ). Здѣсь же напечатанъ на стр. 44—57 и самый Glas, въ числѣ лирическихъ произведеній Юнія Пальмотича, съ примѣчаніемъ издателя (стр. 14—15), что онъ имѣлъ подъ рукою двѣ рукописи съ различными варіантами и, воспроизводя по нимъ текстъ пѣсни, кой въ чемъ измѣнилъ послѣдовательность отдѣльныхъ строфъ. Сравнивая это изданіе съ отрывками, напечатанными у г. Качановскаго, мы видимъ, что это одно и то же сочиненіе, съ нѣкоторыми лищь новыми варіантами въ собственноручной копіи Глегевича, напр.

По изд. Dubrovnik'а (II, 46):	*По изд. г. Качановскаго* (стр. 120—121):
Kralja Pira i Filipa	Kraglia Pirra i Filippa
Ko da nezna od znanih lju- [di?	Tko da od snanieh nesna [gliudi?
Lehsandrova diela lipa	Lexandrova diela lipa
Svietlja od sunca sjaju svu- [di.	Svetglia od sunza siaiu svu- [di.

Nu slovinska zemlja njima	Nu ne samo samiem nima
Samim nije da se hvali:	Slovinska se semglia hvali!
Kažte njene care Rima,	Kascte gnie rod Zare od Ri-[ma,
Koji sav su sviet vladali.	Kij su vas sai sviet vladali.

А вотъ еще одинъ отрывокъ, для устраненія всякаго сомнѣнія въ тожествѣ этого произведенія, при незначительныхъ лишь варіантахъ:

По изд. Dubrovnik'a (II, 55):	*По изд. г. Качановскаго* (123):
Neka zviezde broč nebesa	Pribroi sviesde od nebesa
Ko slovinske brojit želi	Tko slovinske broit sceli
Vitezove pune uresa,	Vitezove pune uresa,
Koji se k slavi jesu uzpeli	Kij su dikom svom slavieli.
Koi god je ove žedan	Viecne slave tko ie scedan,
Nek se izgleda njina u diela;	Isgleda se u gnih diela,
Samo trudom čoviek vriedan	S trudom stiece cioviek [vriedan
Steče lovor okol čela.	Slavnu krunnu oko cela.

Можно допустить, что Глегевичъ при перепискѣ сдѣлалъ нѣкоторыя стилистическія поправки; но онъ не прибавилъ ни одной мысли, ни одного образа, ни одного историческаго имени при перечисленіи героевъ славянскихъ.

Г. Качановскій игнорировалъ и это изданіе, и указанія Казначича (Studi critici 1856, стр. 59) и даже Любича (Ogledalo II, 362 = Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia, стр. 234), правильно приписывающихъ Glas Юнію Пальмотичу, и присвоилъ это произведеніе поэту, родившемуся гораздо позже его написанія! Если нашъ авторъ не желалъ въ подобныхъ вопросахъ руководиться мнѣніемъ другихъ изслѣдователей, то долженъ былъ самъ вникнуть въ содержаніе разбираемаго произведенія и рѣшить, могло ли оно быть написано въ концѣ 17 или даже, какъ онъ полагаетъ, въ началѣ 18 в.? Уже одно то, что въ произведеніи этомъ при исчисленіи славныхъ Славянъ не упоминается ни Іо. Собѣскій, ни Петръ Вел., ни какой либо другой дѣятель близкой къ Гле-

гевичу эпохи, а исключительно дѣятели болѣе стараго времени, до Стефана Баторія включительно, — должно бы навести г. Качановскаго на мысль, что онъ имѣетъ передъ собою произведеніе начала, а не конца 17 в. и тѣмъ менѣе начала 18 в. Придя къ такому заключенію, нашъ авторъ не сталъ бы распространяться по случаю Glas'a о Петрѣ Вел. (стр. 123—132), о которомъ нѣтъ, да и не могло быть ни одного слова въ написанномъ Пальмотичемъ задолго до его рожденія произведеніи.

Итакъ не все принадлежащее Глегевичу изучено г. Качановскимъ и не все изученное имъ принадлежитъ дѣйствительно Глегевичу.

К этимъ двумъ недостаткамъ въ подборѣ матеріала изслѣдованія примыкаютъ многіе другіе, относящіеся къ чтенію, изданію и пониманію добытыхъ авторомъ италіянскихъ, латинскихъ и хорватскихъ текстовъ.

Самымъ нагляднымъ доказательствомъ его неумѣнья читать старыя италіянскія рукописи служитъ напечатанный въ Приложеніи на стр. 57 и 58 два раза одинъ и тотъ же документъ, помѣченный двумя разными числами (5 апр. 1440 г. и 27 сент. 1440 г.) и потому принятый г. Качановскимъ за два разныхъ документа, хотя между первымъ и вторымъ нѣтъ никакой другой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ стилистическихъ поправокъ въ позднѣйшемъ спискѣ, для котораго болѣе ранній служилъ, вѣроятно, черновою. Если мы сопоставимъ напр. слѣдующее мѣсто по изданію г. Качановскаго:

на стр. 57: и	*на стр. 58:*
Guardando sempre de far ogni utile della nostra comitade et de aver persona sufficiente siche allo voluntade della nostra signoria sia satisfatto et al servicio del comun nostro ben proveduto com laude e honor nostro и т. д.	Guardando sempre *di* far ogni utile *di la* nostra *comunitade* e *di* aver persona sufficiente siche *a la necessitade de la* nostra signoria sia satisfato e al servicio del comun nostro ben proveduto con laude e honor *vostro* и т. д.

то убѣдимся въ полномъ тожествѣ документа, при различіи лишь способа чтенія авторомъ однихъ и тѣхъ же италіянскихъ словъ. Такихъ различій я насчиталъ нѣсколько дюжинъ, хотя документъ имѣетъ очень незначительный объемъ. Въ числѣ ошибокъ издателя есть и такія, которыя совершенно искажаютъ смыслъ памятника, напр. servire вм. scriver, excepur вм. adoperar, ve darite вм. vederette, parte вм. presente и т. п.

Столь же слабъ авторъ и въ чтеніи старо-латинскихъ текстовъ. Такъ на стр. 30—31 онъ помѣстилъ выписку изъ соч. *Де Диверсиса: Descriptio Ragusina*, изданную уже раньше Макушевымъ въ соч. „Объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“ (стр. 362 сл.). Сравнивая изданіе г. Качановскаго съ чтеніемъ Макушева, мы находимъ въ первомъ множество самыхъ грубыхъ промаховъ, напр. communere вм. communem; curarum quotidianorum вм. —arum; ex quo вм. et quo; in hac вм. in hoc; tegullis вм. tabulis; in orte вм. in orbe; altis вм. albis; tratibus вм. trabibus; Raguseuntes вм. Ragusio euntes; christum вм. sanctum; palnum вм. palmum; Circummista вм. circum istam; Venetias вм. -tiis; sui вм. in; facere вм. tacere; Compositione вм. Corruptione; augustum вм. angustum; allas вм. alleas и т. п. [1]).

Наконецъ и хорватскіе тексты списаны и изданы г. Качановскимъ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Для доказательства сравнимъ его изданіе пѣсни въ честь Петра Вел., написанной Игн. Градичемъ подъ заглавіемъ:

---

[1]) Столь же неудовлетворительно изданъ и второй отрывокъ изъ того же сочиненія въ Приложеніи, стр. 5—6 (въ сравненіи съ изданіемъ Макушева на стр. 232, 261), гдѣ между прочимъ находимъ: persones вм. pensatores; degentem вм. decentem; auditturis вм. auditoribus; defendutiis вм. defenduntur и т. п.

Если въ такомъ же видѣ предполагаетъ авторъ издать свои „Monumenta Slavica“, то пусть лучше не приводитъ въ исполненіе своего обѣщанія или лучше угрозы, помѣщенной на стр. 152.

Plam Sievierski, съ двумя прежними ея изданіями: 1. Макушева въ „Матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Дубровницкою республикою“ (1865 г. стр. 74 сл.) и 2. въ журналѣ Dubrovnik за 1866 г. стр. 173—180. При бѣгломъ сравненіи я отмѣтилъ до 86 варіантовъ, изъ коихъ лишь немногіе у г. Качановскаго имѣютъ преимущество,—остальные же несомнѣнно представляютъ ошибки то переписчиковъ, то издателя. На стр. 33 пропущены даже г. Качановскимъ два стиха (послѣ 233 стиха его изданія):

Sason, Poljak, Njemac vrli
I karvavi gdje su boji.

Столь же неудовлетворительно переиздана г. Качановскимъ и вторая пѣснь въ честь Петра В., написанная *Степаномъ Русичемъ* и давно извѣстная въ наукѣ по изданію Макушева (Матеріалы для дипломат. снош. Россіи съ Дубровн. респ. стр. 90—113). Кромѣ отдѣльныхъ неточностей замѣчу, что на стр. 43 г. Качановскій пропустилъ цѣлую (5-ую) строфу издаваемой пѣсни (ср. Макушевъ стр. 97—99), а на стр. 48 цѣлую строку (въ строфѣ 15, послѣ 20-ой строки; ср. Макуш. стр. 112).

Промахи эти тѣмъ непростительнѣе нашему автору, что при своемъ изданіи онъ могъ воспользоваться печатными пособіями, но совершенно пренебрегъ ими, какъ будто даже не зная о ихъ существованіи.

При такомъ способѣ чтенія и изданія г. Качановскимъ италіянскихъ, латинскихъ и даже хорватскихъ текстовъ, едва ли возможно пользоваться ими для цѣлей не только языковѣдныхъ, но и историко-литературныхъ.

Впрочемъ и помимо этого недостатка пользованіе текстами по изданію г. Качановскаго крайне затруднено избраннымъ имъ методомъ печатанія этихъ текстовъ. Вмѣсто того, чтобы по примѣру всѣхъ новѣйшихъ хорватскихъ издателей, а во главѣ ихъ — Югославянской Академіи Наукъ, печатать издаваемые хорватскіе отрывки въ однообразной современной транскрипціи, г. Качановскій даетъ намъ чисто буквальное, механическое воспроизведеніе старыхъ ру-

кописей, какъ будто онѣ имѣютъ какой либо палеографическій, а не историко-литературный интересъ. При такомъ способѣ изданія читатель имѣетъ передъ собой книгу, писанную какой то тарабарской грамотой, ключъ къ которой лишь съ трудомъ удерживается въ его головѣ. Возможно ли при этомъ достигнуть просто бѣглаго чтенія и легкаго пониманія, а не то что эстетическаго наслажденія такими произведеніями? Вы блуждаете въ какихъ то потемкахъ, спотыкаясь на каждомъ шагу на затрудненія чисто графическія, не говоря уже о грамматическихъ и логическихъ, происходящихъ отъ ошибочнаго чтенія старыхъ текстовъ.

Нельзя утверждать далѣе, что г. Качановскій особенно счастливъ въ выборѣ заслуживающихъ изданія архивныхъ матеріаловъ. Не говоря уже о бо́льшей части извлеченій изъ очень слабыхъ произведеній Глегевича, трудно понять причину переизданія авторомъ на стрр. 27—48 Приложенія пѣсенъ о Петрѣ Вел., давно уже изданныхъ въ лучшемъ чтеніи Макушевымъ. Затѣмъ къ чему было уснащать тоже Приложеніе цѣлыми десятками вовсе не интересныхъ и не важныхъ италіянскихъ документовъ о выпискѣ въ Дубровникъ въ XV в. изъ Венеціи то учителей (4 документа), то канцеляристовъ (6 док.), то трубачей (4 докум.), то медиковъ и физиковъ (22 документа!). Вѣдь при такомъ выборѣ историко-литературнаго матеріала легко наполнить цѣлые сотни и тысячи томовъ разнымъ архивнымъ балластомъ [1]), который оставили въ старинѣ прежніе, болѣе критическіе и экономные издатели. Столь же странную и излишнюю расточительность обнаруживаетъ г. Качановскій и въ переизданіи по 2, по 3 раза одного и того же отрывка изъ произведеній Глегевича. Такъ напр. отрывокъ: O slobodo draga изданъ на 43 и 141 стр.; O Creonte isgubieni на стр. 48, 57 и 60;

---

[1]) Г. Качановскій грозитъ серьезно издать „очень объемистое изслѣдованіе“ о вліяніи италіянской образованности на дубровницкую (Приложеніе стр. 10). Сомнительно, чтобы такое „изслѣдованіе“ нашло читателей!

Olimpia pravo imme на стр. 66 и 74; Piesni i krepos на стр. 5 и 142; Anzi di piu на стр. 7 и 59 Приложенія и т. д. и т. д. Вообще, если бы изъ разсматриваемаго сочиненія выкинуть балластъ подобнаго рода [1]), то оно сократилось бы по крайней мѣрѣ на треть своего объема. Въ оправданіе своей привычки по нѣскольку разъ печатать одну и ту же выдержку изъ произведеній Глегевича, авторъ не можетъ ссылаться на необходимость точнаго документированія своихъ положеній, такъ какъ оно вполнѣ достигалось бы и простою ссылкою на ту страницу, гдѣ выдержка уже напечатана. Мы принуждены, слѣд., искать другого источника такой расточительности автора и едва ли ошибемся сказавъ, что источникъ этотъ скрывается въ крайнемъ нерасположеніи г. Качановскаго къ переводамъ или даже пересказыванію иноязычныхъ текстовъ своими словами. Но почему онъ избѣгаетъ по возможности того и другого? Потому (мы должны это констатировать), что не увѣренъ въ правильномъ пониманіи италіянскихъ, латинскихъ и даже хорватскихъ текстовъ; эта же неувѣренность происходитъ отъ слабаго его знакомства съ иностранными языками. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ множества однородныхъ.

Въ Приложеніи на стр. 7 г. Качановскій утверждаетъ, будто бы въ половинѣ XV в. въ Дубровникѣ была основана особая „*школа для приготовленія писцовъ изъ Дубровчанъ*". Въ доказательство этого страннаго, невѣроятнаго открытія, этой неслыханной „школы писцовъ", авторъ цитуетъ италіянскій документъ, въ которомъ заключается выговоръ дубровницкаго совѣта своимъ венеціанскимъ уполномоченнымъ за ихъ желаніе нанять въ канцеляристы для дубровницкаго сената какого то *школьнаго учителя*,

---

[1]) Никакого отношенія къ дѣлу не имѣютъ и историческія экскурсіи автора: 1. по исторіи Босніи въ 14 — 15 вв. стр. 80—97, и 2. объ отношеніяхъ Петра Вел. къ Югославянамъ (стр. 123—130 и въ Приложеніи стр. 27—49), занимающія въ совокупности 46 стр. изъ 280.

слѣд. человѣка неопытнаго, педанта. Этотъ смыслъ документа, напечатаннаго — конечно, въ очень неисправномъ чтеніи — на стр. 58—59 того же Приложенія, до того ясенъ, что развѣ г. Качановскій могъ вычитать изъ него объ учрежденіи въ Дубровникѣ „школы письму"!

На стр. 9 того же Приложенія нашъ авторъ увѣряетъ, будто дубровницкій совѣтъ постановилъ въ 1435 г. „пріискать въ Венеціи флейтиста, вмѣсто умершаго флейтиста Франциска изъ Падуи и *проситъ (!) трубача Джорджи, чтобы онъ согласился служить Дубровнику*" Въ доказательство цитуется документъ (стр. 54), гдѣ говорится, что нуженъ трубачъ „*на мѣсто Джорджи*", который „*отпросился*" на два мѣсяца въ Венецію и не вернулся!" [1]).

Образцомъ переводовъ съ латинскаго въ разсматриваемомъ сочиненіи можетъ служить слѣд. на стр. 8: „всякій народъ, *одаренный* своими *началами*, одобряетъ *нѣчто*" вм. лат. nam gens quaeque suis *fontibus hausta* probat!

На стр. 91 лат. фразу: Seque (Sigismundum) illis (Восточному Императору и Валашскому воеводѣ) magna misisse auxilia г. Качановскій переводитъ: Сигисмундъ *убѣждаетъ его* (Бургундскаго герцога) послать ему (Сигизмунду) помощь"!

Для доказательства же неумѣнья автора переводить хорватскіе тексты, укажу на стр. 6, гдѣ въ четверостишіи:

Tiem nije ciuddo, da neredna
Priekom sillom *cest te* slidi;
Ona gliudim diella vredna
Svakolika nenavidi

авторъ предполагаетъ подлежащимъ не „*чест*" (т. е. *участь*, судьба), а „*лира*", о которой въ этихъ строкахъ и намека нѣтъ. При этомъ слова: *cest te* авторъ читаетъ *ceste*

---

[1]) Столь же невѣрно передано на стр. 8 Приложенія содержаніе италіянскаго документа, напечатаннаго цѣликомъ на стр. 59 сл.

и понимаетъ въ смыслѣ *цеста*, т. е. дорога, вопреки всѣмъ требованіямъ грамматики и контекста рѣчи.

На стр. 129 совершенно искаженъ въ русской передачѣ смыслъ сербскаго текста, напечатаннаго (хотя не исправно) въ Приложеніи на стр. 28. Вмѣсто: „Но я ненаходилъ средствъ осуществить свое желаніе до той поры, пока къ моему особенному счастью не прибылъ ты, Государь, въ Дубровникъ“, авторъ перевелъ; „Но мое желаніе, *чтобы она удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ* (?), *когда* мое особенное и великое счастье привело тебя, Государь, въ этотъ городъ“.

На стр. 136 и сл. авторъ переводитъ хорватское слово *krepost* (virtus) русскимъ крѣпость или стойкость, даже свобода (стр. 143), вслѣдствіе чего цѣлый рядъ строкъ Глегевича и г. Качановскаго лишается всякаго смысла!

Странно, что и переводы съ польскаго совершенно не удаются автору. Такъ на стр. 204 польская цитата изъ А. Здановича Ист. пол. литературы (I, 679): Charaktery w niéj (комедіи П. Барыки) *dość trafnie są pochwycone*, ale zamiast czynności występuje samo prawie *opowiadanie*“ переводится слѣдующимъ образомъ: „Мы *не находимъ* (!) въ ней вѣрной обрисовки характеровъ, пот. что при изложеніи драмы въ *діалогѣ* (!), а не развитіи ея въ дѣйствіи было невозможно представленіе развитія характеровъ“.

Чѣмъ объяснить подобнаго рода ошибки? Слабымъ ли знакомствомъ нашего автора съ иностранными языками, или его небрежнымъ отношеніемъ къ своему матеріалу и его обработкѣ? По всей вѣроятности, многое объясняется первымъ обстоятельствомъ; но несомнѣнно, что и второе оставило замѣтные слѣды въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Если мы перейдемъ теперь къ пріемамъ и плодамъ научной разработки избранной авторомъ темы со стороны исторической, лингвистической и историко-литературной, то и здѣсь натолкнемся на множество невѣроятныхъ недо-

разумѣній, грубыхъ ошибокъ и самыхъ легкомысленныхъ заключеній.

Приступая къ изслѣдованію въ области литературной исторіи стараго Дубровника, г. Качановскій долженъ былъ хотя поверхностно ознакомиться съ общею картиною дубровницкой жизни и образованности, особенно же того времени, когда дѣйствовалъ Глегевичъ. Между тѣмъ мы находимъ въ разсматриваемомъ сочиненіи несомнѣнныя доказательства, что авторъ не прочелъ внимательно даже соотвѣтствующихъ его цѣлямъ отдѣловъ такихъ общеизвѣстныхъ сочиненій, какъ Notizie Аппендини, Dizionario и Ogledalo Любича, Объ историч. пам. и бытописателяхъ Дубровника Макушева!

Въ противномъ случаѣ сталъ ли бы онъ напр. утверждать на стр. 143, что „намъ неизвѣстна жизнь“ „дубровницкаго мариниста“ Николая Бернарда Джорджича и что „не знаемъ, писалъ ли Н. Б. Джорджичъ еще что нибудь, кромѣ издаваемыхъ въ Приложеніи пѣсней (на стр. 49—52 напечатано всего два отрывка изъ сочиненій этого поэта)! Вѣдь Н. Б. Джорджичъ есть то же лицо, что Игнатій Джорджичъ: имя Николая онъ носилъ до 1706 г., т. е. до вступленія въ Бенедиктинскій монастырь, когда онъ принялъ имя Игнатія, о чемъ подробно разсказываетъ Любичъ въ Dizionario (146 стр.), а отчасти и въ Ogledalo (II, 413 сл.). Не знать же Игнатія Джорджича, этого „перваго хорватскаго лирика“ (Ogledalo, II, 414), все равно, что въ нашей литературѣ не знать Лермонтова, а въ нѣмецкой — Гейне! Для г. Качановскаго это тѣмъ непростительнѣе, что и разбираемый имъ писатель (Глегевичъ) извѣстенъ главнѣйше тѣмъ, что его какъ то похвалилъ въ небольшомъ стихотвореніи самъ Игнатій Джорджичъ! На это ссылается и Аппендини (Giorgi... in una sua bella conzone *loda molto* il Gleghievich. Notizie II, 245) и Любичъ (Ign. Gjorgjić opieva ga osobitom pjesmom. Ogled. II, 418); объ этомъ говоритъ и самъ г. Качановскій, приводя даже цѣликомъ эту пѣсню въ честь Глегевича (стр. 5—6), но считая ее — страннымъ образомъ —

чуть не памфлетомъ на послѣдняго! Авторъ открылъ *„иронію и презрѣніе“* къ лирѣ Глегевича въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ которыхъ Аппендини, Любичъ и всѣ остальные смертные, не исключая самого Глегевича [1]), видятъ лишь благосклонность и даже похвалу этой лирѣ! Откуда же вышло это противорѣчіе въ пониманіи хорватскаго текста нашимъ авторомъ съ одной стороны, а всѣми остальными старыми и новыми изслѣдователями съ другой? Единственно изъ плохаго знакомства г. Качановскаго съ хорватскимъ языкомъ и неправильнаго пониманія имъ того четверостишія якобы о лирѣ (вм. о „судьбѣ“), о которомъ была уже рѣчь выше (стр. 330). На подобномъ же недоразумѣніи основано и заключеніе г. Качановскаго о какой то „ироніи“ въ отзывѣ Джорджича о драмѣ „Месть Олимпіи“ (стр. 6—7). Напрасно потому распространяется нашъ авторъ о причинахъ недружелюбнаго отношенія Джорджича къ Глегевичу; скорѣе, наоборотъ, требовала разъясненія его излишняя благосклонность къ такому посредственному стихотворцу.

Писателю, не знающему ни одного произведенія такого первостепеннаго поэта, какимъ былъ Джорджичъ, нельзя уже вмѣнять въ особенную вину неправильныхъ взглядовъ на общій характеръ, ходъ и значеніе дубровницкой литературы, разсѣянныхъ по всему сочиненію, но особенно украшающихъ начальныя его страницы и курьезное введено въ Приложеніе. Но все же нельзя умолчать здѣсь о такихъ открытіяхъ г. Качановскаго, какъ мнимая „школа писцовъ“ въ Дубровникѣ (Прилож. стр. 7); какъ мнимый драматическій театръ въ этомъ городѣ въ 1-ой половинѣ XV в. (стр. 30); какъ мнимое вступленіе старика Антона Бернарда Джорджича въ 1757 г. въ члены Великаго Совѣта (стр. 143), гдѣ онъ, какъ нобиль, состоялъ eo ipso

---

[1]) См. его благодарственный отвѣтъ Джорджичу, напечатанный и г. Качановскимъ (стр. 8 сл.), хотя, очевидно, непонятый имъ.

членомъ уже съ 18 л. возраста [1]); какъ мнимое отсутствіе въ дубровницкой литературѣ „записокъ" (стр. 152), которыхъ у Макушева (стр. 217) насчитано нѣсколько дюжинъ; какъ полное отсутствіе въ Дубровникѣ школьнаго образованія до половины 15-го вѣка (Прилож. 5) и т. п. Очень поучителенъ и историческій комментарій г. Качановскаго къ пѣснѣ: Glasa pobjedovanje (стр. 119 сл.), изъ котораго мы узнаемъ, что авторъ считаетъ Аттилу (вм. Тотилу) королемъ Готовъ (стр. 121); считаетъ неизвѣстною личность Селиміра (стр. 122), о которомъ могъ бы прочесть въ любомъ изданіи Дуклянской Хроники (напр. Črnčić стр. 6); смѣшиваетъ св. Владиміра Равноапостольнаго съ кн. Владиміромъ сербскимъ (стр. 122), о которомъ могъ бы узнать хоть у Гильфердинга (Собр. соч. I, 215 сл.); приписываетъ Глегевичу (alias Пальмотичу!) смѣшеніе Стефана Баторія съ Сигизмундомъ Баторіемъ (стр. 123), не подозрѣвая, вѣроятно, о существованіи и послѣдняго и т. д. и т. д.

Но всего любопытнѣе, что г. Качановскій и относительно самого Глегевича не сумѣлъ воспользоваться даже тѣми біографическими данными, которыя находятся въ общедоступныхъ сочиненіяхъ, а отчасти разбросаны по разнымъ закоулкамъ его собственной книги. У Аппендини, Макушева, Кукулевича и др. есть такія свѣдѣнія о родѣ Глегевичей и такія свѣдѣнія о самомъ Антонѣ-Маринѣ, которыхъ не находимъ у г. Качановскаго. Такъ изъ Аппендини I, 218 видно, что около 1584—1654 г. въ Дубровникѣ былъ капитанъ Глегевичъ, котораго корабль упоминается и въ изд. Макушева: Monumenta historica Slavorum meridionalium (I, 519) подъ 1619 г. Кукулевичъ же разсказываетъ (Archiv V, 332), что въ архивѣ дубровницкаго суда онъ видѣлъ въ числѣ старыхъ документовъ завѣщаніе Антона Глегевича. Очень жаль, что

---

[1]) Относительно Ник. Джорджича мы это знаемъ положительно изъ Аппендини (I, 240).

г. Качановскій не обратилъ вниманія на это указаніе и не воспользовался этимъ завѣщаніемъ для его біографіи.

Затѣмъ, на стр. 10 нашъ авторъ увѣряетъ, будто Глегевичъ былъ записной литераторъ: „всецѣло предавался занятію литературой". А между тѣмъ изъ примѣч. 2 на стр. 11 мы видимъ, что Глегевичъ еще въ 1702 г., слѣдовательно во второй половинѣ своей жизни и подъ конецъ литературной дѣятельности, былъ нотаріусомъ (publici tabellionis munere fungeretur).

Но, быть можетъ, такія мелочныя біографическія подробности не входили въ его задачи. За то несомнѣнно интересовалъ его вопросъ о хронологической послѣдовательности произведеній Глегевича. Результатъ его разысканій по этому вопросу формулированъ на стр. 15. Что же служило для автора критеріемъ при опредѣленіи возраста этихъ произведеній? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ у автора не находимъ, но изъ разсужденій его о томъ на стр. 13 и 14 видимъ, что за скудостію опредѣленныхъ хронологическихъ указаній авторъ главнѣйше опирается на внутреннихъ свойствахъ произведеній, именно: менѣе совершенное по стилю и несамостоятельное по содержанію относитъ къ первому періоду; болѣе же совершенное и самостоятельное (проникнутое „славянскимъ духомъ" стр. 14—15)—ко второму. При строгомъ примѣненіи этого критерія не пришлось бы, пожалуй, ни одного изъ произведеній Глегевича отнести ко 2-му періоду, такъ какъ всѣ они очень посредственны и по изложенію, и по содержанію. Но допустимъ, что въ этомъ отношеніи между ними замѣтна большáя разница. Возможно ли и въ такомъ случаѣ утверждать, что все хорошее написано было имъ позже посредственнаго или слабаго? Вѣдь никто еще не доказалъ, что эстетическое достоинство сочиненій всегда возрастаетъ прогрессивно съ датою ихъ появленія! Нельзя ли, наоборотъ, и въ дубровницкой литературѣ, какъ въ италіянской 17 в., замѣтить скорѣе постепенный упадокъ, чѣмъ ростъ художественнаго вкуса, вопреки увѣреніямъ о томъ г. Качановскаго? Но мы можемъ сослаться въ этомъ

отношеніи и на его собственное мнѣніе. Glasa pobjedovanje помѣщено на стр. 15 почти въ концѣ хронологическаго ряда произведеній Глегевича (на 9-мъ мѣстѣ изъ 12), слѣдовательно признается авторомъ превосходящимъ съ внѣшней и внутренней стороны всѣ почти сочиненія Глегевича; а между тѣмъ мы уже знаемъ, что пьеса эта писана въ 1-ой половинѣ 17 вѣка (ея авторъ, Юній Пальмотичъ, ум. въ 1657 г.), слѣдовательно значительно раньше всѣхъ сочиненій Глегевича! Такъ невѣрны бываютъ выводы, основанные не на твердыхъ объективныхъ данныхъ, а на смутныхъ субъективныхъ ощущеніяхъ! Какое довѣріе можемъ мы имѣть послѣ того ко всѣмъ остальнымъ „выводамъ“ его по хронологіи произведеній Глегевича?

А между тѣмъ была возможность болѣе точнымъ образомъ опредѣлить время написанія по крайности крупныхъ, именно драматическихъ произведеній Глегевича: это свидѣтельства рукописей о времени написанія или постановки на сцену нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ относительно драмы: „Месть Олимпіи“ мы знаемъ, что она написана въ 1695 г. (Archiv V, 181); мистерія же „Рождество Христово“ была извѣстна уже въ 1703 г. (Качанов. 11 прим. 2). Стихотвореніе „На смерть Влаха Стеллы“ написано, по словамъ нашего автора (стр. 15), также въ этотъ періодъ времени, именно въ 1696 г. Не имѣемъ ли мы права заключать, что и тѣ произведенія, которыя поставлены авторомъ позже 1703 г. (именно Зорислава и Велисарій), также написаны въ концѣ 17-аго или самомъ началѣ 18-аго в.? Относительно драмы Зорислава это особенно подтверждается ея близкимъ отношеніемъ къ драмамъ Юнія Пальмотича: Ахиллъ (1637 г.), Бисерница и Цаптислава (1652 г.), въ чемъ можно убѣдиться изъ Павича (Hist. dubrovačke drame 131, 154, 163 сл.). Да и вообще извѣстно, что дубровницкій театръ совершенно замираетъ съ начала 18 в. (Appendini II, 282: il teatro slavo dei Ragusini fini sul incominciare del 1700). Принимая все это во вниманіе, мы должны предположить, что

время написанія Глегевичемъ разбираемыхъ сочиненій принадлежитъ послѣдней четверти 17-аго в. и первымъ годамъ 18-го.

Какимъ же анахронизмомъ покажется намъ послѣ того увѣреніе автора, будто драматическая дѣятельность Глегевича сложилась подъ вліяніемъ италіянскихъ драматурговъ (собственно мелодраматистовъ) Апостола Зено, Сципіона Маффеи и Петра Метастазіо (стр. 16—17), причемъ онъ открываетъ вліяніе „Андромахи" А. Зено на „Ерміону" (стр. 33), а Метастазіева „Giustino" на драматическій отрывокъ „Belisario" Глегевича! Могли ли эти три италіянца имѣть какое либо вліяніе на Глегевича, который оставляетъ уже литературное поприще въ то время, когда два первые выступали на него, а послѣдній— только что родился (1698 г.)? Я не имѣю точной даты Зеноновой „Андромахи", но полагаю, что она появилась послѣ 1695 г. (см. Klein Gesch. des Drama's VI[1], 126 сл.), слѣдовательно гораздо позже драмы Ermiona, которую самъ г. Качановскій считаетъ „плодомъ первоначальной, ученической дѣятельности Глегевича" (стр. 14). Цитуемая (стр. 17) нашимъ авторомъ пьеса Маффеи „Merope" появилась въ 1713 г.; трагедія же Метастазіо „Юстинъ" написана въ 1712 г. (Klein VI[1], 192), слѣд. въ такое время, когда литературная дѣятельность Глегевича, особенно въ драматической области, давно была закончена.

Столь же слабы и наивны и всѣ остальныя замѣчанія г. Качановскаго о литературѣ италіянской, въ ея взаимодѣйствіи со старо-далматинскою, напр. объ „Аминтѣ" Т. Тасса (стр. 2); о Марини и Петраркистахъ (16—17); о бездарномъ якобы поэтѣ Триссинѣ (110—111, ср. о немъ Klein V, 293); о мнимомъ вліяніи на италіянскихъ драматурговъ XVI в. „провансальской литературы" (стр. 3: такъ переводитъ г. Качановскій слова: lettura romanzesca, т. е. чтеніе романтическихъ пьесъ) и т. д. При столь слабомъ [1]), чисто библіографическомъ знакомствѣ съ италіян-

---

[1]) Изъ поэта напр. Ринучини г. Качановскій сдѣлалъ (стр. 62)

ской литературой 17-го в. авторъ, конечно, не могъ отыскать такихъ пьесъ, которыя послужили образцомъ для драмъ Глегевича: Ermiona, Damira и н. др. Эта задача не такъ впрочемъ и легка, при громадномъ числѣ (по Sismondi — до 5000) драматическихъ произведеній въ италіянской литературѣ 17-го вѣка. Но имѣя это въ виду, слѣдовало бы нашему автору съ меньшей самоувѣренностію говорить о самостоятельности [1]) тѣхъ произведеній Глегевича, образцы которыхъ не попались ему на глаза. Принимая это въ соображеніе, едва ли осмѣлился бы онъ назвать этого посредственнаго поэта первымъ дубровницкимъ писателемъ (стр. 142)!

Оставляя теперь историческую часть комментарія г. Качановскаго для того, чтобы перейти къ лингвистической, укажу мимоходомъ еще на одну странность географическую. По мнѣнію автора, Боснія сосѣдитъ съ австрійскимъ Банатомъ (стр. 80), занимая якобы въ сѣверной своей части „уголъ между р. Савою и Дравою“ (стр. 89), слѣд. обнимаетъ Славонію со Срѣмомъ!

Въ вопросахъ лингвистическихъ г. Качановскій слѣпо слѣдуетъ двумъ—тремъ статьямъ о хорватскомъ языкѣ проф. Ягича [2]), совершенно пренебрегая даже такими капитальными работами, какъ „Исторія формъ сербо-хорват-

---

Ринунція; о „комедіи“ же l' Adamira онъ говоритъ, будто она появилась лишь въ 1736 г., тогда какъ существуетъ венец. изданіе этой мелодрамы Чиконини 1663 г. (ср. Klein Gesch. d. ital. Drama's II, 670).

[1]) Ср. 33 стр. Тутъ авторъ упустилъ изъ виду, что еще Софоклъ написалъ — утерянную правда — драму: 'Ερμιόνη; впослѣдствіи же, въ римской литературѣ, эта тема послужила сюжетомъ трагедіи не одного Ливія Андроника, но и Пакувія, котораго Hermiona даже уцѣлѣла въ отрывкахъ (см. Ribbek Römische Tragoedie 1875 г. стр. 261; Teuffeld Gesch. d. Röm. Liter. 1875 г. стр. 173).

[2]) Жаль, что нашъ авторъ не познакомился еще со статьей послѣдняго о языкѣ „Сирены Адріатическаго моря“ Петра Зринскаго, напечатанной въ Književnik'ѣ III, 379 сл.

скаго языка“ Ю. Даничича. Рабское отношеніе его къ пособіямъ достаточно характеризуетъ слѣдующая фраза на стр. 154: „Глегевичу пришлось жить во *вторую половину третьяго періода* развитія хорватскаго языка“ (въ предыдущемъ ни слова нѣтъ объ этихъ періодахъ и половинахъ)! Представивъ нѣсколько сбивчивыхъ и совершенно неисчерпывающихъ предмета замѣчаній о звукахъ и формахъ языка сочиненій Глегевича, авторъ отмѣтилъ въ его синтаксисѣ 7 самыхъ незначительныхъ особенностей (ни слова объ италіянизмахъ!), выписалъ 52 слова для характеристики якобы лексикальной стороны старо-дубровницкаго языка [1]) и представилъ нѣсколько замѣтокъ о его правописаніи (при чемъ смѣшалъ звуки *ч* и ћ): вотъ вамъ и весь лингвистическій отдѣлъ изслѣдованія. Впрочемъ, къ нему относится еще курьезный отдѣлъ о „стихѣ“ (стр. 183 сл.) дубровницкихъ поэтовъ, въ которомъ авторъ, совершенно игнорируя богатую литературу по этому предмету (напр. изслѣдованія и замѣтки: Караджича, Берича, Суботича, Утѣшеновича, Вебера, Ягича, Пацеля, Малетича, Миклошича, Трнскаго, Пажура, Шенуа, Будмани, Зимы и др.) ограничивается нѣсколькими поверхностными замѣчаніями о сербо-хорватской версификаціи, достигающими кульминаціонной точки на стр. 192—183 въ предположеніяхъ автора о *преимуществахъ ямбическаго* размѣра предъ хореическимъ въ сербо-хорватскомъ стихосложеніи! При этомъ г. Качановскій пренаивно сознается, что „ему не удалось открыть причины“, почему въ этомъ стихосложеніи не развился ямбъ (стр. 193). Какъ будто можетъ развиться ямбъ тамъ, гдѣ, какъ въ польскомъ и сербскомъ, нѣтъ почти словъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ!

Нельзя обойти молчаніемъ и предположеній автора о смѣшанномъ характерѣ дубровницкаго населенія и языка,

---

[1]) Тутъ слово rerenо переведено формою: „ящикъ,“ въ которомъ сохраняются стрѣлы воина“ (стр. 175), вм. колчанъ. При объясненіи же слова: sioparvu встрѣчаемъ диковинное выраженіе: „съ новою *вокализованною гласною* у“ (стр. 176).

основанныхъ на томъ, что въ одномъ прошеніи жившихъ временно въ Неаполѣ Дубровчанъ къ Неаполитанскому королю, отъ 1640 г., въ числѣ подписей встрѣчаются такія, какъ Girolamo Perastile, Francesko Kotorcich, Nicolo di Montenegro, Giorgio di Stagno и т. п. (стр. 153—154) [1]. Тутъ нашъ авторъ, во 1-хъ, забываетъ, что Дубровникъ былъ не только городъ, но и государство, обнимавшее еще въ 18 в. до 450 кв. итал. м. (Dubrovnik I, 195); во 2-хъ, что языкъ литературный, особенно такой старый, какимъ былъ далматинскій при Глегевичѣ, подводитъ къ одному знаменателю діалектическіе свои элементы и слѣдовательно можетъ отличаться большой плотностію при разнообразіи послѣднихъ, а наконецъ, въ 3-хъ, что между говоромъ такихъ близкихъ мѣстностей, какъ Дубровникъ, Которъ, Черная Гора, Стонъ и т. п. не могло быть и въ 17 в. особенно рѣзкихъ занятій. Все это были говоры штокавскіе, подобно и литературному дубровницкому языку со временъ Раньины, Златарича, особенно же Ив. Гундулича. Не этимъ ли соображеніемъ руководился безсознательно самъ г. Качановскій, напечатавъ въ Приложеніи для характеристики „дубровницкаго языка и письма" отрывки изъ сербскихъ переводовъ Нов. Завѣта скоплянина Бандуловича (стр. 13) и пажанина Кашича (стр. 15)?

Изъ этого мы видимъ, что взглядъ автора на грамматическій характеръ и внѣшнее распространеніе языка дубровницкаго (народнаго и литературнаго) не отличается особенной ясностію и точностію.

Остается сказать еще два—три слова о познаніяхъ и пріемахъ автора въ области литературной теоріи и критики.

---

[1]) Съ бо́льшей опредѣленностію формулирована была эта мысль въ 14 Положеніи г. Качановскаго: „Въ языкѣ Глегевича и его соотечественниковъ сказалось смѣшеніе разныхъ южно-славянскихъ говоровъ. Это доказывается (объясняется?) особенностями современнаго говора сосѣднихъ съ Дубровникомъ мѣстностей и найденнымъ мною въ Римѣ... прошеніемъ отъ 1640 г."...

Ссылаясь очень часто въ своемъ сочиненіи на Петрарку и его литературныхъ послѣдователей, г. Качановскій не уяснилъ однако себѣ вопроса о томъ, что собственно называется *сонетомъ*, и на стр. 13 и 15 приписываетъ это названіе такому произведенію Глегевича, которое не имѣетъ ничего общаго съ формою сонета, а именно: писано не пятистопникомъ, а четыре-стопнымъ трохеемъ, не перемежающимися квартетами и терцинами, а сплошными четверостишіями, въ составѣ не четырехъ, а семи строфъ, съ риѳмовкой совершенно свободной въ каждой строфѣ.

Еще страннѣе то, что г. Качановскій постоянно употребляетъ въ своемъ сочиненіи слово діалогъ вм. монологъ. Онъ говоритъ напр. на стр. 20: „Драма тогда и бываетъ интересною, когда сюжетъ ея развивается въ дѣйствіи, а не излагается въ *діалогѣ одного лица*“ [1]). Это противоположеніе діалога и дѣйствія составляетъ любимый конекъ нашего автора и упорно проводится имъ на стр. 27, 38, 45, 47, 69, 71, 75, 204 (гдѣ діалогъ стоитъ вм. польскаго opowiadanie). Даже одно изъ Положеній г. Качановскаго на магистерскомъ диспутѣ запечатлѣло это смѣшеніе діалога съ монологомъ, а именно Положеніе 3, въ которомъ было сказано: „Драма Глегевича . . . представляетъ одну важную особенность, придающую ей особенное значеніе: это — *развитіе сюжета драмы въ дѣйствіи, а не въ діалогѣ*“. Подумаешь, что Глегевичъ писалъ драмы какъ эпопеи или пантомимы, изображая „дѣйствіе безъ діалога“, т. е. въ монологической или, пожалуй, безсловесной формѣ!

Указавъ на открытый г. Качановскимъ „діалогъ одного лица“, какъ пробный камень его глубокихъ познаній въ теоріи словесности, мы не станемъ подробно останавливаться на пріемахъ его литературнаго анализа, изобилующаго такими выраженіями, какъ: „дѣйствующія лица Ерміоны имѣютъ одну и ту же *ситуацію духа*“, „*одушевлены*

---

[1]) Эта фраза увѣковѣчена авторомъ и на страницахъ Памятниковъ древнерусской письменности XIII, 5.

одною лишь *ситуацiею*“ (стр. 38); *дѣйствiе по* одной и той же *ситуацiи*“ (ib.); „ея (Филлиды) *месть* оказывается *на пути* великаго *препятствiя,* преодолѣнiе коего придаетъ интересъ всему“ (стр. 47); „дѣйствующее лицо не должно *имѣть свою страсть въ постоянномъ напряженiи* съ начала до конца драмы“ (стр. 71); „писатель желалъ представить (въ др. Зорислава) примиренiе . . . Боснiи и Венгрiи: *это* составляетъ *паѳосъ* драмы. На пути къ осуществленiю этого желанiя, которое *соотвѣтствуетъ страсти,* стоятъ громадныя препятствiя, въ преодолѣнiи коихъ и состоитъ весь интересъ драмы“ (стр. 99) и т. п. Не можемъ однако пройти молчанiемъ еще одного интереснаго открытiя г. Качановскаго, которое значительно расширяетъ установившiйся со временъ Аристотеля взглядъ теоретиковъ драмы на особенности сюжета и свойства героя драматическаго изображенiя. Сюжетомъ одной изъ „драмъ“ Глегевича, по словамъ г. Качановскаго (стр. 11), является *юноша, держащiй въ рукѣ черепъ* своей милой и оплакивающiй свои любовныя прегрѣшенiя; героемъ же другой „драмы“ Глегевича служилъ, по увѣренiю нашего автора (ib.),—*ученый воробей* дочери самого поэта (mortem deflet *passeris aviculae* и т. д.)! Напрасно сталъ бы авторъ сваливать свою вину въ этомъ отношенiи на Черву, котораго цитуетъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Во 1-хъ, никакой авторитетъ не можетъ оправдать допущенiя такого сюжета и такого героя „драмы“; во 2-хъ, Черва называетъ эти произведенiя Глегевича: duo poemata, а не duo dramata, какъ видно изъ цитаты самого г. Качановскаго (стр. 11 примѣч. 7). Кто же уполномочилъ его смѣшивать поэмы съ драмами, даже съ рискомъ превращенiя воробья въ герои драматическаго изображенiя?

Своеобразны прiемы нашего автора при установленiи „*Принципа, проводимаго Глегевичемъ въ его произведенiяхъ*“ (стр. 133 сл.). Забывая, что въ драматическихъ произведенiяхъ говоритъ не авторъ, а выводимыя имъ лица, выражающiя самые противорѣчивые нерѣдко взгляды и убѣж-

денія, г. Качановскій принимаетъ каждую фразу драмъ Глегевича за выраженіе его собственныхъ „нравственныхъ принциповъ“. Вѣдь примѣненіемъ такого пріема можно бы доказать, что напр. Шекспиръ имѣлъ убѣжденія Макбета, Яго, Ричарда III или Шейлока! Другое дѣло, если бы авторъ открылъ въ драмахъ Глегевича какихъ либо Стародумовъ или Правдиныхъ, розонерствующихъ вмѣсто и отъ имени поэта; но приписывать ему самому взгляды и Дамиры, и Зориславы, и Олимпіи, и Бирена, словомъ—всѣхъ выведенныхъ лицъ, это пріемъ странный! Можно бы еще заключать о нравственныхъ „принципахъ“ Глегевича по развязкамъ его драмъ; но до этой возможности нашъ авторъ не додумался. Иначе не сталъ бы онъ увѣрять, что Глегевичъ, дающій благополучную развязку всѣмъ пошлымъ коллизіямъ или вѣрнѣе—будуарнымъ интригамъ—своихъ пошлыхъ героевъ, преслѣдовалъ въ своихъ произведеніяхъ „нравоучительную цѣль“, желалъ „представить образецъ человѣка, вполнѣ свободнаго во всякомъ его положеніи“, и „работающаго для общественной пользы“ (стр. 133). Наоборотъ, онъ убѣдился бы въ большой шаткости семейной и общественной морали Глегевича, между героями и героинями котораго трудно указать хоть одинъ цѣльный, особенно же цѣломудренный типъ, на что обратилъ мимоходомъ вниманіе и Павичъ (Ni Olimpija nije devica! Стр. 192). Г. Качановскій не замѣчаетъ этого и называетъ напр. Крешимира „человѣкомъ великой души“, который „для высшей цѣли жертвуетъ всѣмъ“, забывая, что этотъ великій человѣкъ оставилъ своего отца и отечество (Боснію), вмѣстѣ съ опозоренной невѣстой, явившись ко двору венгерскаго короля обольстилъ его дочь, довелъ ее до „незаконной потери дѣвственности“ (Качан. 145), прижилъ съ ней сына и вознамѣрился жениться, въ надеждѣ получить въ приданое Венгрію, чего и достигъ, благодаря между прочимъ своему участію въ венгерской войнѣ противъ его отечества—Босніи! Если же фактъ соединенія Босніи (вѣрнѣе—Хорватіи) съ Венгріей нашъ авторъ считаетъ столь благодѣтельнымъ для первой, что имъ искупается и прелюбодѣяніе, и измѣна отечеству

въ самый критическій для него моментъ, то онъ долженъ былъ мотивировать такой странный взглядъ — свой или Глегевича. Въ дѣйствительности мы знаемъ, что политическая унія Хорватовъ съ Венграми была столь же невыгодна и непочетна для первыхъ, какъ и для Руси люблинская унія съ Польшей!

Странными нравственными принципами руководился г. Качановскій и тогда, когда въ соблазненной любовницѣ „великаго" короля Крешимира, Зориславѣ, онъ призналъ „типъ любящей вѣрной жены (?) и матери" (стр. 104), рабски слѣдуя въ этомъ двусмысленной морали своего Глегевича (стр. 144).

Чтобы придать больше значенія драмамъ Глегевича, г. Качановскій принимаетъ ихъ за картину дубровницкихъ нравовъ и въ главѣ V изображаетъ на основаніи этихъ драмъ „*Черты изъ дубровницкаго быта*". Но въ числѣ уцѣлѣвшихъ драмъ Глегевича нѣтъ такой, которой мѣсто и время дѣйствія было бы пріурочено поэтомъ къ Дубровнику 17—18 в. Наоборотъ, сценой драматическаго дѣйствія здѣсь является то Египетъ (Damira), то древняя Греція (Ermiona), то Англія (Olimpia), то Венгрія (Зорислава) — древнихъ, давно минувшихъ вѣковъ. При такомъ характерѣ этихъ драмъ можно ли составить по нимъ „понятіе о дубровницкой жизни конца 17-го и начала 18-го в.", какъ то утверждаетъ нашъ авторъ (стр. 152)? А если бы и можно было извлечь отсюда какой либо скудный бытописательный матеріалъ, то какое значеніе можетъ онъ имѣть при множествѣ другихъ историческихъ источниковъ для изученія этой столь поздней и близкой уже къ намъ эпохи?

При такой шаткости и невѣрности историко-литературныхъ пріемовъ, приложенныхъ г. Качановскимъ къ разбору произведеній Глегевича, не могли быть правильными и конечные выводы его объ этомъ писателѣ. Напрасно увѣряетъ нашъ авторъ своего читателя въ высокомъ поэтическомъ и историческомъ значеніи его произведеній, особенно драмъ. Изъ совокупности приведенныхъ въ сочи-

неніи цитатъ каждый безпристрастный читатель долженъ вывести заключеніе о посредственномъ талантѣ, недостаточномъ образованіи и очень слабомъ историческомъ значеніи превозносимаго г. Качановскимъ Глегевича („онъ, *можно сказать*, занимаетъ первое мѣсто между своими соотечественниками" стр. 142) [1]. Судъ о немъ современниковъ и потомства въ Далмаціи былъ гораздо вѣрнѣе: они же видѣли въ немъ писателя не бездарнаго, особенно же въ сатирической области, но никакъ не первокласнаго [2], вовсе не такого, чтобы можно было поставить его въ одинъ рядъ съ Гундуличемъ, Пальмотичемъ, Джорджичемъ и другими корифеями далматинской литературы 17-го вѣка. Представленный Павичемъ (стр. 177 сл.) разборъ драмъ Глегевича, при всей своей краткости, несравненно основательнѣе и вѣрнѣе многословнаго, но необдуманнаго и часто наивнаго разбора г. Качановскаго. Павичъ имѣлъ въ этомъ отношеніи болѣе опытности, болѣе эстетическаго вкуса, болѣе наконецъ вниманія къ мнѣніямъ предшественниковъ, которыхъ совершенно игнорируетъ г. Качановскій („литературы по разсматриваемому вопросу, говоритъ онъ въ Предисловіи, не существуетъ, почему не можетъ быть и рѣчи о пособіяхъ"!!!). Онъ вообразилъ, что достаточно историку положить какого либо безвѣстнаго писаку подъ лупу своего высокаго вниманія, чтобы произвести его въ великіе писатели! — Нѣтъ, покажите намъ его великія созданія: высокія мысли, чувства, образы, новые типы, широкое вліяніе на современниковъ или потомство; а по меньшей мѣрѣ дайте намъ въ доступномъ видѣ (напр. въ русскомъ переводѣ) изъ этого прославленнаго поэта

---

[1]) Еще съ большей положительностію, безъ смягчающаго *можно сказать*, отзывается г. Качановскій о Глегевичѣ на 1 стр. Памятниковъ древн. письмен. XIII (1881 г.): тамъ онъ безъ обиняковъ называетъ Глегевича „самымъ лучшимъ дубровницкимъ поэтомъ"!

[2]) Черва говоритъ о немъ: Non male cum illo ageret, qui in *mediocribus poetis* numeraret (Качанов. 9).

хоть одинъ отрывокъ, который бы имѣлъ истинно художественную цѣну, который мы могли бы прочесть съ эстетическимъ наслажденіемъ! Если же всѣ представленные отрывки изъ Глегевича производятъ на васъ такое же удручающее, усыпляющее дѣйствіе, какъ и разсужденія о нихъ г. Качановскаго, то мы въ правѣ заключить, что первый былъ столь же посредственнымъ поэтомъ, какъ второй критикомъ или, какъ говорятъ въ Варшавѣ, что „wart Pac pałaca, a pałac Paca“.

По неволѣ вспоминаются мнѣ при этомъ слова Гете о Вагнерѣ:

Wie nun dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Der immerfort an schalem Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet...

Варшава, 9 мая 1883 г.

А. Будиловичъ.

Периодическо списание на Блъгарското книжовно дружество въ Срѣдецъ. Редакторъ Д. В. Стояновъ. 1882, книжка III.

Въ N 3 Русскаго Филологическаго Вѣстника за прошлый годъ мы сообщили свѣдѣнія о дѣятельности Болгарскаго учено-литературнаго Общества и его органѣ — „Периодическо списание“. Только что полученная нами 3-я книга этого изданія за прошлый годъ весьма разнообразна и любопытна по содержанію: въ ней находимъ статьи по исторіи, этнографіи, статистикѣ, геологіи и минералогіи Болгаріи, стихотворенія, народныя сказки и пѣсни, рецензію одной болгарской книжки и краткія учено-литературныя извѣстія. Начнемъ съ статей по *исторіи Болгаріи.*

— Извѣстный нашъ славистъ, харьковскій профессоръ *М. С. Дриновъ* напечаталъ въ этой книжкѣ двѣ статьи:

1) *Болгарскій лѣтописный разсказъ конца XVII вѣка.* Этотъ разсказъ писанъ „іереемъ Петромъ“, который былъ приходскимъ священникомъ въ селѣ Мирковѣ (въ восточной части софійскаго округа) во время султана Магомета IV. Онъ описываетъ событія современныя ему, но случившіеся далеко отъ села Миркова, а потому плохо ихъ знаетъ. Кромѣ того, онъ не придерживается хронологическаго порядка, а излагаетъ, какъ попало. Но при всѣхъ недостаткахъ разсказъ іерея Петра заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ до сихъ поръ не было ни одного болгарскаго извѣстія о состояніи Болгаріи въ концѣ XVII вѣка. Особенно онъ важенъ для исторіи болгарскаго языка.

Изъ разсказа іерея Петра сохранился только небольшой отрывокъ въ 67 строкъ въ одномъ рукописномъ болгарскомъ сборникѣ, принадлежащемъ панагюрскому училищу. Г. Дриновъ напечаталъ его съ полною точностію, строка въ строку и буква въ букву, съ коментаріями подъ строкою (стр. 8—11). Петръ описываетъ событія 1657—1688 г.: разореніе Болгаріи Турками въ 1657 г., осаду Вѣны 1683 г. и пораженіе Турокъ „Латинами“, возстаніе Эгенъ-Османа Паши, низверженіе съ престола Магомета IV и провозглашеніе брата его, Сулеймана, султаномъ (1687 г.), назначеніе Эгенъ-Паши румелійскимъ беглербегомъ и сераскиромъ въ войнѣ съ Австріею, его бездѣйствіе въ Бѣлградѣ и неповиновеніе султану, занятіе Австрійцами Бѣлграда и Ниша и походъ ихъ въ Босну, бѣгство Эгенъ-Паши въ Болгарію и разореніе Турками Чипоровца (осенью 1688 г.).

Между извѣстными доселѣ памятниками болгарскаго языка XVII вѣка, лѣтописный разсказъ іерея Петра занимаетъ первое мѣсто: болгарскій сборникъ Люблянской библіотеки, относимый профессоромъ В. И. Ламанскимъ къ XVII или даже къ XVI вѣку (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, Іюнь и Іюль), оказывается памятникомъ XVIII вѣка; въ „Типаросалѣ“, написанномъ Филиппомъ Станиславовымъ въ Римѣ въ 1651 г., языкъ смѣшанный — болгарско-хорватскій; единственный чисто-болгарскій памятникъ

XVII вѣка — лѣтописная замѣтка „попа Меѳодія Драганова“ изъ села Корова около 1657 г. — изданъ неудовлетворительно г. Захарьевымъ (Описание на Татаръ — Пазарджискаta каза, Вѣна 1870).

По словамъ г. Дринова, на изданномъ имъ памятникѣ не видно никакого чужаго вліянія (ни сербскаго, ни русскаго), ни староболгарской традиціи: Петръ употребляетъ только *ь*, *ы* замѣняетъ *и*, *ѧ* — *е*, ѫ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ словахъ, но обыкновенно замѣняется другими буквами. Это — черты правописанія. Въ языкѣ Петра г. Дриновъ отмѣчаетъ слѣдующія двѣ особенности: 1) ѫ употребленъ правильно только четыре раза (двигнѫ, трьгнѫ, та сьбра сете (вьсѫтѫ) воискѫ турскѫ); 1 разъ замѣненъ *ь*-емъ (скьпо), а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ замѣняется *е*; слѣдовательно въ мирковскомъ говорѣ въ XVII вѣкѣ ѫ имѣлъ троякій выговоръ, между тѣмъ какъ теперь въ Мирковѣ, какъ и во всей восточной части софійскаго округа, ѫ выговаривается постоянно, какъ *а* (ѫ, какъ *е*, выговаривается нынѣ въ западной Македоніи); 2) винит. падежъ единств. ч. существ. на *а (я)* оканчивался на *е* въ отличіе отъ имен. пад.; теперь этого отличія нѣтъ (винит. п. смѣшался съ имен.).

2) *Запись охридскаго патріарха Прохора* 1548 г. найдена г. Дриновымъ въ концѣ одного рукописнаго Евангелія, принадлежащаго А. И. Хлудову. Она доказываетъ, что еще въ XVI вѣкѣ въ Яневѣ, близь Приштины (нынѣ бѣдное село, въ которомъ находится 42 дома мусульманскихъ — Албанцевъ и Цыганъ и 150 христіанскихъ — Сербовъ католиковъ, существовала довольно многочисленная православная община. По мнѣнію г. Дринова, она окатоличилась во время австрійско-турецкой войны 1683 — 1699 г.

— *К. О. Иречекъ* началъ печатать обширный трудъ „*Старыя путешествія по Болгаріи съ XV—XVIII столѣтія*“. Въ первой статьѣ, только что напечатанной, онъ знакомитъ съ любопытнымъ путешествіемъ по Болгаріи и

Сербіи французскаго рыцаря, Бертрандона де ля Брокьèръ (Bertrandon de la Brocquière) 1433 г.

— *В. Д. Стояновъ* напечаталъ слѣдующіе *матеріалы для исторіи народнаго возрожденія Болгаръ*: 1) воззваніе къ болгарскимъ патріотамъ въ Валахіи и Молдавіи Софронія, епископа Вратчанскаго, 1805 г. и 2) два письма извѣстнаго архимандрита Неофита къ его сотруднику, Андрею Робову, священнику въ Еленѣ 1847 и 1848 г. Къ этимъ матеріаламъ г. Стояновъ присоединилъ свѣдѣнія о дѣятельности этихъ трехъ болгарскихъ патріотовъ и еще четвертаго—Максима Райковича, игумена лѣсковскаго монастыря близь Трнова.

По *языкознанію* помѣщена только небольшая, но любопытная замѣтка *о носовыхъ звукахъ въ говорѣ села Брацигова Татаръ—пазарджицкаго округа.* По словамъ автора А. Т. Брациговцы выселились въ половинѣ прошлаго столѣтія изъ Македоніи, откуда принесли съ собою ринезмъ. Такъ какъ надъ ними подсмѣиваются за носовой выговоръ ихъ сосѣди, то въ разговорѣ съ образованными людьми они избѣгаютъ ринезма, но въ домашнемъ кругу, особенно старики, жены и дѣти, не стѣсняются говорить посвоему. Авторъ отмѣчаетъ слѣдующія слова съ носовымъ произношеніемъ: *гъмба, дъмб* мн. ч. *дъмби* (въ Македоніи село *Дъмбене), зъмби, кънде́ля, съмбота, гълъмби, че́ндо, пре́нде* (на́шта ба́ба *пре́нде* ле́по), *оглендáло, гле́ндо, гре́мбло, гре́нде* (гре́нде вода), *пе́ндесе, деве́ндесе, рендо́ве* ед. ч. *ред*. Неправильно употребляются носовые въ словахъ: *сренда* (срѣда), *громби́шча, громбо́ве,* но ед. ч. *гроб.*

Авторъ отмѣчаетъ еще одну любопытную особенность брациговскаго говора: это — опущеніе *д, ш* и *н* въ словахъ, оканчивающихся на *жд, шт и лн (дъш,* но во мн. ч. *дъждове, нош, ношти, пъл, пълни).*

Нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о весьма важномъ, *Македонскомъ говорѣ* находимъ въ примѣчаніяхъ г. Пѣнова къ народнымъ пѣснямъ, записаннымъ въ Велешскомъ округѣ г. Боядчеіовымъ (стр. 180—189). Отмѣтимъ слѣдующія, наиболѣе важныя, черты:

— *Глухой звукъ* сохранился при *р* и *л* = прьстень, крьстъ, трьнъ, срьдце, кръвь, црьнъ; сльзи, прокльна и т. д.

— *Носовый звукъ* сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зап. Македоніи: рънка, мьнка, мънж = ржка, мжка, мжжь; но въ большей части Македоніи ж выговаривается какъ *а*. рака, мака, маж. Такой же выговоръ существуетъ въ нѣкоторыхъ селахъ округовъ Орханійскаго, Софійскаго, Кюстендинскаго, Дупнишскаго и Этропольскаго. Въ Тетевенѣ ж переходитъ въ звукъ средній между *а* и *е* или похожій на французскій è ouvert: рѐка, мѐка, мѐж.

— Звукъ *и* безъ ударенія въ большей части Македоніи переходитъ въ *е* во множ. ч. причаст. дѣйств. прош. вр.: постанжле, ходиле, правиле, сѣдѣле.

— *Д* смягчается въ *г* въ Велешскомъ округѣ, а также въ Этропольскомъ, Котленскомъ и друг.: гѣдо = дѣдо, вигѣхъ = видѣхъ, клагьенец вм. кладенец, довогьам = доходямъ.

— *В* выговаривается какъ *ф* и наоборотъ, въ Велешскомъ и Софійскомъ округахъ: фнук = внукъ, весъ = фес, Совія = Софія.

— Староболгарское ѕ выговаривается, какъ *дз*.

— *Х* переходитъ въ *в* (довогям = доходямъ) или опускается — въ началѣ словъ: азно = хазно, леп = хлѣбъ, вала = хвала.

— *Ч* иногда произносится, какъ слитное *дж* = џ: лиџба.

— *Т* мягкое выговаривается, какъ *к*: треки = третій.

— Предлоги *отъ*, *у*, *о* іотируются въ Велешскомъ говорѣ: *јот*=отъ, *ју*=у, *јо*=о.

— Предлогъ *въ* большею частью опускается: паднал Богдан (въ) зелена ливада, (въ) треки чадър — Богдан со невеста.

— Остатки склоненій:

Дат. п.: Распел Богдан три бели чадъре:
Първи чадър *китеном* сватови (мн. ч.).
Дали ке ме скапо продадеш?

Ели ке ме *цару* пешкиш дадеш?
Ти (тебѣ) настана, леле, машко дѣте.

Винит. п. мн. ч. отъ мѣст. 1 л. *не* или *ни*=*ны*, отъ 2-го *ве* или *ви*=*вы*.

Зват. п. ед. ч. на *у* вм. *е*: Стояне, син*у* Стояне!

— *Будущее сложное* во всей Македоніи образуется при помощи глагола *хоштѫ*=*ще*=*ке* (кога *ке се вратим*, *ке* ти *платам*, *ке излезе* моя стара майка).

По *статистикѣ* Болгаріи весьма важна статья г. *Сарафова*: *„Населеніе городовъ Русы, Варны и Шумна“* (стр. 20—59).

Г. Сарафовъ напечаталъ, какъ уже извѣстно читателямъ Рус. Фил. В., въ I книгѣ „Період. Списанія“ за нынѣшній годъ статью о народонаселеніи столицы Болгаріи, Срѣдца или Софіи. Какъ видно изъ настоящей статьи, *Руса*, *Варна* и *Шуменъ*, подобно Срѣдцу, имѣютъ более 20,000 жителей: это — самые населенные города Болгарскаго княжества. За ними слѣдуютъ по степени населенности 9 городовъ, въ которыхъ считается отъ 10 до 15,000 жителей: Видинъ, Враца, Эски—Джумая, Плѣвенъ, Разградъ, Свищовъ, Силистра, Самоковъ и Търново. Въ 13 городахъ считается отъ 5 до 10,000 и въ 15 до 5,000 жителей. Въ статьѣ г. Сарафова находимъ любопытныя свѣдѣнія о числѣ домовъ въ четырехъ найболѣе населенныхъ городахъ Болгаріи и цифры народонаселенія по полу, возрасту, религіи, народности и т. п. Найболѣе магометанъ оказывается въ Шумнѣ (44,6%), затѣмъ въ Русѣ (39,9%) и Варнѣ (33%); въ Софіѣ-же найменѣе (только 6,1%). Найболѣе Болгаръ — въ Софіи (64%) и найменѣе—въ Варнѣ (1/4 всего наоеленія), гдѣ почти столько-же Грековъ (22%), сколько Жидовъ въ Софіи (20%). Изъ свѣдѣній, представленныхъ г. Сарафовымъ, видно, что напрасно кричатъ, будто-бы Болгарія наводнена Русскими: насъ оказывается меньше, чѣмъ Нѣмцевъ; такъ въ Руссѣ на 10,000 жителей приходится 65 Русскихъ и 185 Нѣмцевъ, въ Софіи — 78 Русскихъ и 160 Нѣмцевъ, и только въ Шумнѣ Русскихъ нѣсколько больше, чѣмъ Нѣмцевъ.

Для спеціалистовъ любопытна статья г. *Златарскаго О геологіи и минералогіи Болгаріи.* Остальныя статьи представляютъ меньшій интересъ. *Народныя сказки и пѣсни,* напечатанныя въ этой книжкѣ, не важны по содержанію. Было бы желательно, чтобы Болгарское, учено-литературное общество печатало сказки преимущественно миѳологическаго содержанія и пѣсни историческія (до покоренія Болгаріи Турками).

Нынѣшняя книжка „Періодическаго Списанія“ доказываетъ, что дѣятельность этого Общества развивается весьма успѣшно, чему мы отъ души радуемся.

В. Макушевъ.

Словарь живаго народнаго, письменнаго и актоваго языка русскихъ южанъ. Словникъ живоі народнеі, піськменноі і актовоі мови руськихъ югівщанъ Россійськоі і Австрійсько-Венгерьскоі цесаріі. Составилъ *Фортунатъ Пискуновъ.* Изданіе второе, исправленное и значительно пополненное. Кіевъ 1882.

Десять лѣтъ назадъ г. Пискуновъ издалъ въ Одессѣ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „Словниця украіньскоі мови“, содержавшую въ себѣ матеріалы для словаря малорусскаго нарѣчія. Это былъ трудъ самостоятельный; составитель его не воспользовался тѣми печатными трудами по малорусскому языку, которые вышли въ свѣтъ раньше его „Словницы“ (первые выпуски словарей малор. яз. Шейковскаго и Аѳанасьева — Чужбинскаго, словарики при малор. грамматикѣ Павловскаго и „Старосвѣтскомъ Бандуристѣ“ Закревскаго), потому, вѣроятно, что не зналъ объ ихъ существованіи. Послѣ изданія „Словницы“ онъ ознакомился со словарикомъ Закревскаго и присоединилъ его къ своему прежнему труду. Такъ составилась разсматриваемая нами книга. Такъ какъ въ словарикѣ Закревскаго нѣсколько словъ были названы заимствованными

изъ старыхъ малор. актовъ, то г. Пискуновъ счелъ себя въ правѣ дать новому изданію своей „Словници“ громкое названіе „Словаря“ не только живаго, но также и „актоваго языка русскихъ южанъ“, названіе котораго оно нисколько не заслуживаетъ. Мало того, онъ снабдилъ свой трудъ громкимъ предисловіемъ (лучшая часть этого послѣдняго, стр. III—IV, заимствована имъ у того же Закревскаго), въ которомъ заявилъ, что источниками для „Зловаря“ служили не только „Словниця“ и словарикъ Закревскаго, но также „Записки юго-зап. отдѣла Русск. Географич. Общества“, журналы „Основа“ и „Правда“, всѣ изданные до сего времени сборники малорусскихъ пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, пословицъ и сочиненія малорусскихъ писателей: Котляревскаго, Квитки, Шевченка и многихъ другихъ. Какъ много правды въ этомъ заявленіи г. Пискунова, можно судить по тому факту, что изъ стихотворенія Шевченка „Думы“ въ „Словарь“ не вошло пятнадцати словъ: *розвіяти*, *пилина*, *приспати*, *породити*, *поливати*, *розмити*, *боліти*, *проклинати*, *сміхъ*, *заплакати*, *діти* (дѣть), *підтынне*, *ласкавий*, *правда*, *нерозумний*, и, кромѣ того, три слова вошли съ другимъ значеніемъ, чѣмъ у Шевченка: *затопити* (поливали слёзи, чомъ не *затопили*), *нудити* (чого *нужу* світомъ), *привітати* (*привітай* же, моя ненько, моя украіно, моіхъ дітокъ). Сверхъ того, въ „Словарѣ“ мы напрасно стали бы искать многихъ общеупотребительныхъ словъ украинскаго говора, такихъ, какъ *дощь*, *дурний*, *зеленіти*, *нити*, *ось* (вотъ), *сиръ* (творогъ); нѣкоторыя въ немъ опредѣлены неполно и неточно; такъ *кілокъ* опредѣлено: колья, колъ, тогда какъ это слово всего чаще употребляется въ значеніи вѣшалки, гвоздя для вѣшанья платья и т. п. (у мілоі далекоі рушникъ на *кілочку*).

А. Соболевскій.

Къ вопросу о родствѣ Семитовъ съ Арійцами.

(Критическая замѣтка).

Въ пятомъ выпускѣ Филологическихъ Записокъ за прошлый годъ помѣщена статья, резюмирующая взгляды Рудольфа фонъ-Раумера, ревностнаго защитника арійско-симовскаго вопроса въ наукѣ сравнительнаго языкознанія. Составитель статьи, во всемъ почти согласный съ этимъ филологомъ, приводитъ in extenso и сборникъ еврейскихъ словъ, сближенныхъ съ греческими и латинскими, на которомъ Раумеръ обосновываетъ свои положенія. Въ заключеніи статьи высказаны гаданія, что сравнительное изученіе симовскихъ языковъ съ арійскими раскроетъ древнѣйшія судьбы и арійскихъ языковъ, и вообще человѣческой рѣчи.

Не касаясь второй гипотезы, какъ весьма рановременной, мы остановимся на первой и попытаемся представить собственные домыслы, насколько научна мысль, что симовскіе и арійскіе языки произошли отъ одного общаго арійско-симовскаго корня, какъ это предполагаетъ Раумеръ.

Исходнымъ пунктомъ въ нашей замѣткѣ будетъ служить вышеупомянутый сборникъ. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ 163 сближенія; между ними есть не мало сближеній, основанныхъ на простомъ созвучіи, но о нихъ мы не будемъ распространяться, такъ какъ этотъ недостатокъ за Раумеромъ признаетъ и самъ составитель статьи. Гораздо важнѣе обратить вниманіе на характеръ и смыслъ сближенныхъ словъ, пользуясь при этомъ методомъ, извлеченнымъ изъ сравнительнаго изученія арійскихъ языковъ.

Если допустить, что языкъ Семитовъ братъ языку Арійцевъ, какъ думаетъ Раумеръ, то естественно ожидать сходства въ корняхъ такихъ словъ, которыми обозначаются только самыя первичныя понятія, выработанныя еще въ пору совмѣстнаго жительства Семитовъ съ Арійцами;

таковыми должны оказаться корни личныхъ мѣстоименій, числительныхъ, существительныхъ, указывающихъ на родство и природу, и глаголовъ, означающихъ понятія первой потребности. Словомъ, *всѣ обиходныя понятія въ начальномъ быту Семито-Арійцевъ должны быть выражены сходственными корнями.* Таковъ законъ, извлеченный изъ сравненія индо-европейскихъ языковъ, и на немъ коренится взглядъ на арійскій языкъ, какъ на языкъ Индоевропейцевъ; очевидно, что этотъ законъ въ общихъ чертахъ слѣдуетъ предъявить и къ семито-арійскому языку, если признавать его праязыкомъ Семито-Арійцевъ. Между тѣмъ лексиконъ сходственныхъ словъ у Раумера даетъ совсѣмъ обратное: *корни первичныхъ понятій несходны, корни гораздо позднѣйшихъ понятій тожественны!* Разсмотримъ это явленіе въ сборникѣ Раумера поближе.

Изъ 163 созвучныхъ корней не указанъ ни одинъ [1]) мѣстоименный корень; между тѣмъ какъ слова, различающія *я* отъ *не-я* должны были зародиться въ самую раннюю пору созданія человѣческой рѣчи, и потому-то въ индо-европейскихъ языкахъ такіе корни сходны до поразительности. Такимъ же поразительнымъ сходствомъ отличаются и корни первыхъ десяти чиселъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ, ибо потребность сосчитать количество членовъ семейной или общественной единицы — это одна изъ первыхъ потребностей всякаго человѣка, даже на первой ступени его развитія. Раумеръ же приводитъ только одно **шко**, сходственное съ septem и sieben; сходство совершенно случайное, явившееся, быть можетъ, вслѣдствіе иноземнаго вліянія, какъ явилось у насъ *сорокъ* съ

---

[1]) Такъ какъ Раумеръ не приводитъ тожественныхъ корней для обозначеній мѣстоименій 1 и 2 лица, то мало убѣдительнымъ становится для читателя и его производство глагольныхъ флексій 1-го и 2-го лица отъ корней личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица.

1 л. ед. ч. **а-ктл** изъ **эйи-дни-ктл**

2 л. ед. ч. **т-ктл** изъ **эи-тэ-ктл**

τεσσαράκοντα. Что касается сходства въ существительныхъ, означающихъ степени родства, то тутъ есть два сходственные корня: **аб** — *ἄππα, πατήρ* (отецъ), и **ам** — *μήτηρ*; сходственныхъ же корней въ названіяхъ сына, дочери, брата, сестры и пр. нѣтъ. На эти два корня, мнѣ кажется, можно смотрѣть, какъ на звукоподражательныя [1]) имена, ибо звуки **б** (**п**) и **м** — это первые консонанты, произносимые всякимъ дитятей, и уже самими родителями безсознательно направляемые на обозначеніе ихъ самихъ.

Разсматривая дальше содержаніе лексическаго матеріала въ глаголахъ и существительныхъ, мы видимъ ту же странность, т. е. понятія первой важности, названія фактовъ начальной культуры по прежнему не имѣютъ общихъ корней съ корнями арійскими, а наоборотъ, отвлеченныя понятія и имена фактовъ болѣе поздней цивилизаціи въ коренныхъ своихъ звукахъ сходны. Такъ нѣтъ общихъ корней для понятія: видѣть, стоять, умереть, для названій ночи [2]), солнца, мѣсяца, вѣтра, моря и др. А между тѣмъ есть сходство въ корняхъ слѣдующихъ понятій: желалъ (**абє** — optare), былъ плотенъ (**алл** — ilex), былъ проченъ (**амн** — maneo, *μένειν*), округъ (**глил** — *κολλός*), равнялъ (**дмє** — *δέμας*), былъ дорогъ (**икр** — carus), былъ спасенъ (**ишо** — *σώζω*), совѣтовалъ (**оуц** — *δύζ*), отличался (**плє** — *πέλωρ*), былъ открытъ (**птє** — patere) и пр. и пр. Сверхъ того на основаніи лексическаго матеріала въ сборникѣ можно нарисовать картину быта Семито-Арійцевъ, мало чѣмъ

---

[1]) Такихъ звукоподражательныхъ словъ можно указать въ сборникѣ нѣсколько: **им** (вылъ) — ululo; *ὀλολύζω*; **кра** (кричалъ) — *κηρύσσω*; **мрр** (былъ горекъ) — amarus; **мцэ** (высосалъ) — *μαζός*; **нэи** (плачъ) — nenia; **тпп** (топалъ) — *τύπτω*; **хрд** (трепеталъ) — *κραδάω*. Но эти слова, будучи созданы подражаніемъ человѣческаго слова тѣмъ звукамъ, которыми сопровождаются самыя понятія, могли создаться совершенно независимо отъ племеннаго родства Семито-Арійцевъ.

[2]) Только одно названіе дня **иум** сходно съ греческимъ *ἡμέρα*.

отличною отъ нарисованной Куномъ картины цивилизаціи Арійцевъ. Попробуемъ это сдѣлать.

Семито-Арійцы были земледѣльцы (акр) и винодѣлы (иин); были знакомы съ металлами (ирэ) и выковывали (ктг) изъ нихъ оковы (кбл), *монеты* (мнє), *серпы* (х.рб); острыя орудія умѣли точить (хдд). Домашнее хозяйство у нихъ процвѣтало: они имѣли домашнихъ животныхъ: быковъ (бкр), верблюдовъ (гмл) и воловъ (тур), и отъ скота получали молоко (хлб) и кожи (оур); на птицеводство указываютъ такіе термины, какъ гнѣздо (кн) и силок (пх). Изъ хозяйственной утвари знали чашу (гбіо, *кадь* (кд), корзину (клуб), мѣшокъ (ςк), черпакъ (дли); имѣли палатки (кбэ), а можетъ быть и дома, ибо знакомы были съ понятіемъ *запиранія* (кла). Религія стояла на значительной степени развитія: были *пенаты* (трпим), и жертвы имъ, вѣроятно, состояли въ кормленіи [1]), судя по единству корней пенаты (трпим) и кормить (трп); другой способъ чествованія боговъ (можетъ быть уже не пенатовъ) состоякъ въ *колѣнопреклоненіи* (брк) и закланіи скота въ жертву (ζбх); практиковалось *проклятіе* (арр); знали *жребіи* (гурл).

Сравнивъ этотъ бытъ Семито-Арійцевъ съ бытомъ Арійцевъ, мы увидимъ, что бытъ первыхъ кое въ чемъ отличался даже большею степенью зависимости, чѣмъ бытъ вторыхъ, — а между тѣмъ, по Раумеру, Семито-Арійцы — историческіе предки Арійцевъ! Выйти изъ такой дилеммы можно только въ томъ случаѣ, если принять старую теорію филологовъ о неродствѣ Семитовъ съ Арійцами. Что же касается дѣйствительно неоспоримаго сходства весьма многихъ еврейскихъ словъ съ арійскими, то это естественнѣе объяснить позднѣйшимъ вліяніемъ одной только отрасли арійскаго племени, именно вліяніемъ греко-римскаго міра. Въ пользу такого предположенія говоритъ, повидимому, и то обстоятельство, что изъ 163 корней въ сбор-

---

[1]) Cp. J nesměchu sě bíti v čelo před bohy, ni v súmrky jim dávati jiesti (Rukopis Královédvorský. Záboj a Slavoj).

никѣ болѣе 150 сходны съ корнями только греческими и латинскими, и едва десьтокъ можно набрать такихъ словъ, которые сходны съ санскритскими, нѣмецкимв и славяно-литовскими корнями. Дальнѣйшая разработка этого вопроса въ области исторіи быть можетъ подтвердитъ нашу догадку.

И. В.

Засадкевичъ Н. Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса 1883 г. стр. III+204. ц. 1 р. 25 к.

Эта книга представляетъ развитіе мыслей, высказанныхъ о грамматикѣ М. Смотрицкаго покойнымъ славистомъ В. И. Григоровичемъ въ статьяхъ, касающихся древняго славянскаго языка (Казань 1852 г.). Григоровичъ писалъ, что грамматика Смотрицкаго составлена по рукописямъ русской рецензіи, русскую рецензію она возвела до теоріи, которой слѣдовали за тѣмъ не только у насъ, но и у Болгаръ и Сербовъ, и даже у католичесяихъ Славянъ, употреблявшихъ глаголиту; она заставила Славянъ забыть древніе звуки и формы славянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его. По ней исправлены были церковныя книги не только у православныхъ Славянъ, но и у католическихъ — далматинцевъ, которые при этомъ приняли русское произношеніе. Такимъ образомъ „своимъ вліяніемъ на католиковъ грамматика Смотрицкаго воснаградила православныхъ за унію", говорилъ покойный на лекціяхъ.

Книга Засадкевича состоитъ изъ пяти главъ: I. Очеркъ времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ М. Смотрицкій; II. Путь, посредствомъ котораго древнее рус. общ. знакомилось съ научными понятіями о языкѣ до появленія филологическихъ трудовъ Мелетія Смотрицкаго (стр. 33); III. Разборъ грамматики Смотрицкаго (стр. 88); IV. Судьбы церковно-славянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго (стр. 103); V. Вліяніе грамматики Мелетія Смотрицкаго на теорію языка и книгопечатаніе въ Россіи, Болгаріи,

Сербіи и у глаголитовъ (стр. 129).

Изъ этого содержанія видно, что сочиненіе Засадкевича заключаетъ въ себѣ болѣе того, о чемъ можно бы судить по названію книги: очеркъ времени (глава I) и судьбы церковно-славянскаго языка (глава IV) можно бы, по нашему мнѣнію, и не выдѣлять въ особыя главы; но за то слѣдовало бы больше обратить вниманія на главныя части, на главы 2, 3 и 5, особенно на третью. Такъ какъ въ своей системѣ грамматики Смотрицкій держался греческихъ грамматикъ и именно грамматики Ласкариса, то автору прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе на подробное сравненіе разсматриваемой граматики съ греческими оригиналами, между тѣмъ у автора касательно отношенія грамматики Смотрицкаго къ греческой грамматикѣ сказано не болѣе, сколько уже извѣстно въ нашей литературѣ объ этомъ. Исчисляя заслуги М. Смотрицкаго (стр. 98), авторъ говоритъ, что онъ ввелъ въ слав. грамматику ученіе о видахъ. Но это не было у насъ новостію: автору изслѣдованія извѣстно, что указаніе на виды есть и въ грамматикѣ Іоанна экзарха Болгарскаго (стр. 36). Было бы желательно, чтобы сужденіе объ этомъ важномъ свойствѣ славянскихъ глаголовъ изложено было въ спеціальномъ изслѣдованіи полнѣе, чѣмъ въ разсматриваемой книгѣ. Вмѣсто краткаго замѣчанія (въ двѣ строки на 93 стр.) слѣдовало бы гораздо подробнѣе сказать и при томъ сравнительно съ изложеніемъ у Іоанна Болгарскаго и по отношенію къ новѣйшимъ теоріямъ объ этомъ предметѣ.

Глава 2-я о грамматическихъ трудахъ до Смотрицкаго составлена тщательнѣе, хотя и здѣсь многое не относится прямо къ дѣлу, въ особенности касательно Максима Грека. Здѣсь разсмотрѣны подробно грамматика Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, грамматическіе труды Максима Грека, грамматика эллино-славянскаго языка, составленная въ 1591 г. студентами Львовской братской школы, подъ руководствомъ учителя, митрополита элласонскаго Арсенія, славянская граматика Лав-

рентія Зизанія, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 году, и грамматическія статьи азбуковниковъ.

Самое лучшее здѣсь—указаніе на то, что Іоаннъ Болгарскій былъ изобрѣтателемъ славянской грамматической терминологіи, которая осталась въ употребленіи и въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями (стр. 39) [1]. Собравши за симъ данныя касательно судьбы грамматики Іоанна въ средніе вѣка, авторъ справедливо говоритъ, что грамматика Дамаскина въ переводѣ Іоанна Богарскаго служила (у насъ) источникомъ свѣдѣній по языку и имѣла весьма важное значеніе въ старину, когда еще не было ни одного грамматическаго руководства, систематически составленнаго (стр. 43). Въ этой же главѣ слѣдовало бы говорить и о Константинѣ Костенчскомъ (серб. писателѣ XV в.), о которомъ въ книгѣ Засадкевича сказано на стр. 110—113. Дошедшая до насъ статья Константина о правописаніи — есть сокращеніе болѣе обширнаго грамматическаго труда того же автора, который написалъ полную славянскую грамматику, между прочимъ подъ вліяніемъ греческаго грамматиста Мануила Москопуло, какъ предполагалъ Григоровичъ. На стр. 45 авторъ замѣчаетъ „для грамматики были возможны даже болѣе совершенные опыты, чѣмъ въ какомъ они представляются въ переводѣ Іоанна экзарха Б.". Но какіе же это другіе опыты, какъ не грамматика Константина Костенчскаго, которая, какъ извѣстно, именно была опытомъ систематической грамматики по славянскому языку и наполнена новыми терминами сравнительно съ переводомъ такъ называемой грамматики Дамаскина? Трудъ Константина, хоть посредственно, въ отрывкахъ могъ быть извѣстенъ и въ Россіи, такъ какъ въ XV ст. были у насъ довольно ожи-

---

[1]) Впрочемъ авторъ на 98 стр. это же самое ставитъ въ особенную заслугу и М. Смотрицкому: Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая терминологія, отчасти измѣненная Ломоносовымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до сихъ поръ уцѣлѣвшая.

вленныя литературныя сношенія съ Аөономъ, на которомъ книжная дѣятельность носила сильную сербскую окраску.

Въ V гл. говоря о вліяніи грамматики Смотрицкаго на теорію языка, авторъ подробно разсматриваетъ изданіе ея 1648 г., грамматику Юрія Крижанича, Московское изданіе грам. Смотрицкаго 1721 г. сдѣланное Өедоромъ Поликарповымъ, говоритъ о русскихъ грамматикахъ Лудольфа (1696 г.), Копіевича (1706 г.), Максимова (1723 г.) и Ломоносова (1755 г.), поскольку они находились въ зависимости отп грамматики Смотрицкаго. Но авторъ не упомянулъ здѣсь еще объ одномъ трудѣ по славянской грамматикѣ, на которомъ отразилось вліяніе грамматики Смотрицкаго и вмѣстѣ вліяніе тѣхъ началъ сравнительнаго языкознанія, какихъ держался Ломоносовъ. Этотъ трудъ принадлежитъ Іустину Вишневскому, бывшему въ концѣ прошлаго столѣтія духовникомъ въ Венеціи, а потомъ епископомъ въ Перми. Грамматика его появилась около 1799 г., разошлась въ нѣсколькихъ рукописяхъ, извѣстна была Добровскому и осталась не напечатанною (хранится въ Пермской Духовной Семинаріи). Списокъ съ рукописи есть и въ Библіотекѣ Одесскаго Университета, и потому г. Засадкевичу весьма удобно было воспользоваться имъ. Касательно этого труда мы сдѣлаемъ здѣсь выписку изъ лекцій покойнаго профессора В. И. Григоровича, которому принадлежалъ списокъ, пожертвованный въ Одесскій Университетъ. „Приступая къ изложенію грамматики, Вишневскій обѣщаетъ представить систематическую этимологію и синтаксисъ славянскаго языка. Онъ раздѣляетъ грамматику на правописаніе, слогоудареніе, истословіе или словопроизведеніе, и словосочиненіе. Эта грамматика нынѣ по своимъ правиламъ не нужна, какъ и всѣ предыдущія грамматики, но по своимъ началамъ, по своимъ общимъ взглядамъ представляетъ какъ бы мотивы къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Вишневскій такъ же, какъ и Смотрицкій, вводитъ свою терминологію. Въ главѣ о правописаніи разсуждаетъ о буквахъ, ихъ дѣленіи, произношеніи, разсуждаетъ, какія буквы нужны и какія излишни.

Буквы дѣлитъ онъ на самогласныя, согласныя и безгласныя; согласныя подраздѣляются на мягкія, духовыя, среднія и сугубыя. В. не понимаетъ юсовъ и еровъ. Въ статьѣ о слогоудареніяхъ у Вишневскаго замѣтна совокупность всѣхъ правилъ, какія были у справщиковъ и въ азбуковникахъ. Истословіе у Вишн. оригинальная и замѣчательная статья. Онъ раздѣляетъ его на двѣ части: производство словъ (истословіе) и флексіи. Говоря о производствѣ словъ, онъ излагаетъ теорію движенія буквъ (фонетику). Одна мысль объ этомъ, хотя бы она была и не точно развита, доказываетъ, что Вишн. далеко ушолъ отъ предшественниковъ. Распространяясь о движеніи буквъ, Вишн. говорит: „вельми нужно есть знати правила о движеніи буквъ; безъ нихъ учитель будетъ слѣпъ, водящій за собою другихъ слѣпцовъ. Они суть тонкія нити, безъ нихъ же не можно не заблуждаться въ лавиринѳѣ словенскаго языка. По нихъ, яко же по оселку, удобно есть искушати и познавати реченія, изъ своихъ ли они состоятъ буквъ, или есть въ нихъ нѣкое другихъ буквъ смѣшеніе, всѣ ли обрѣтаются въ нихъ буквы, или иныя вонъ извержены, на своихъ ли стоятъ мѣстахъ, или перенесены въ другіе слоги и перемѣшаны между собою. Онъ разсматриваетъ назначеніе звуковъ при разрожденіи словъ, говоря, что необходимо изучить перемѣны гласныхъ, именно — въ изверженіи, присовокупленіи и сокращеніи. Разсуждая объ этомъ, онъ приводитъ примѣры перехода *а* и *о*, *е* и *а* (стрегу—стража). Подъ конецъ истословія онъ говоритъ о неправильныхъ глаголахъ“.

Крупный недостатокъ труда Засадкевича — это обиліе выписокъ изъ разныхъ сочиненій. Многія изъ этихъ выписокъ вовсе не относятся къ дѣлу, какъ напр. на стр. 46 о Максимѣ Грекѣ и ин. Другія выписки не точно обозначены и смѣшиваются съ словами автора, такъ что не знаешь, гдѣ оканчиваетъ авторъ и съ чего начинается выписка (стр. 45). Нѣкоторыя выписки, представляющія уже опровергнутыя сужденія, приведены безъ оговорокъ, какъ напр. на стр. 157 касательно предисловія къ переводу

Святославова Изборника. Еще въ 1857 г. Горскій и Невоструевъ въ описаніи рукописей Московской Синодальной библіотеки справедливо замѣтили, что слова „повелѣ прѣмѣноу сътворитi рѣчи инако набъдѫште тожьство разоумъ его“ надобно относить не къ переложенію рукописи съ одного нарѣчія—болгарскаго на другое—русское, но къ переводу съ греческаго языка на славянскій. Полагаясь болѣе на мнѣнія другихъ и приводя ихъ безъ провѣрки, авторъ часто впадаетъ въ противорѣчія, особенно это бросается въ глаза въ выводахъ касательно грамматикъ Іоанна Болгарскаго и Мелетія Смотрицкаго. Дѣлая выписки изъ разныхъ сочиненій, авторъ мало обратилъ вниманія на только что указанное описаніе рукописей Синодальной библіотеки, въ которомъ онъ нашелъ бы цѣнныя замѣтки описателей касательно тѣхъ предметовъ, о которыхъ трактуетъ авторъ. Такъ, онъ нашелъ бы здѣсь замѣчаніе о греческихъ грамматикахъ, которыя могли быть оригиналами для славянской въ 10 в. (стр. 311 отд. II), указаніе на сербизмы въ переводѣ книги о осмихъ частехъ слова и т. д.

Несмотря на указанные недостатки, трудъ Засадкевича всетаки отрадное явленіе въ нашей бѣдной монографіями исторической литературѣ. *А. С.*

Недавно вышелъ въ свѣтъ новый трудъ академика Гейтлера о происхожденіи глаголицы подъ заглавіемъ: Die albanesischen und slavischen Schriften (Wien 1883 in 4^0 стр. 188 съ 24 листами палеографическихъ снимковъ). Этотъ трудъ есть результатъ многолѣтнихъ изысканій академика и составляетъ капитальный вкладъ въ славянскую науку. Въ 1-й части изслѣдованія авторъ разсматриваетъ албанскія письмена, во 2-й славянскія, преимущественно глагольскія по отношенію ихъ къ курсивамъ римскому и греческому и древне-албанскимъ письменамъ.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. СМИРНОВА.

ТОМЪ X.

(Годъ 5-ый).

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго
Краковское-Предмѣстье N. 415 (15).

1883.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 18 Октября 1883 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА
въ 1884 году.

Подписка на 1884 г. (6-ой годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу-

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, А. В. Барсовъ, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. И. Благовѣщенскій, В. А. Боголюбовъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, И. М. Бѣлорусовъ, ак. Гейтлеръ (въ Загребѣ), ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, А. А. Кочубинскій, Крекъ (въ Градцѣ), Н. В. Крушевскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, И. Д. Мурстовъ, О. Ѳ. Миллеръ, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, А. И. Соболевскій, И. С. Соломоновскій, М. Е. Халанскій, К. В. Шейковскій, Х. П. Ящуржинскій и др.

Изъ редакціи можно получать Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 года (изд. подъ ред. Колосова), 1880 г., 1881, 1882 и 1883, съ платою по семи рублей за каждый годъ.

Р. Ф. В. рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Пр. для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,

Лекціи профессора В. И. Григоровича.

V. Чешскій языкъ.

Группа славянскихъ народовъ, разсѣянныхъ по всему пространству земель, начиная съ границы Баваріи и достигая до Галиціи, на сѣверъ до Саксоніи и Пруссіи и на югъ до земель австрійскихъ, только въ IX столѣтіи составляла одно цѣлое—великое моравское государство, основанное Ростиславомъ и Святополкомъ; въ составъ его входила и Венгрія. Но съ нашествіемъ Венгровъ и при вліяніи многихъ другихъ причинъ, всѣ славянскіе народы, входившіе въ составъ этого обширнаго государства, раздѣлились на три вѣтви: на *Словаковъ,* которые вошли въ зависимость отъ Венгровъ, на *Моравовъ* и *Чеховъ* или *Богемцевъ,* удержавшихъ самостоятельность. Въ настоящее время эти три вѣтви раздѣлены въ отношеніи администраціи, но географически они находятся въ связи между собою. Народное названіе ихъ земель также троякое: въ Венгріи они называютъ себя *Словенами* (сосѣди зовутъ ихъ *Словаками),* въ Моравіи — *Моравами,* въ Богеміи — *Чехами.* Мы вообще будемъ называть ихъ *Чехо-Моравами.*

Одно племя изъ группы этихъ народовъ — Чехи — имѣли самостоятельную исторію, своихъ королей (до XIV вѣка), свою литературу; въ ихъ землѣ происходили событія, имѣвшія вліяніе на судьбу другихъ народовъ: такъ, тамъ началась гусситская война, тамъ же и тридцати-лѣтняя. Такое значеніе чешскаго племени заставляетъ насъ подольше остановиться на его этнографіи и языкѣ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о географическомъ положеніи земель, занимаемыхъ всѣми тремя племенами. Должно замѣтить, что между чехо-моравскими поселеніями находится много поселеній нѣмецкихъ и венгерскихъ и

каждое мѣсто имѣетъ если не три, такъ по крайней мѣрѣ два названія, что не даетъ полной возможности съ точностью опредѣлить занимаемую ими мѣстность.

Начнемъ съ Словаковъ. Словацкія земли, находящіяся во владѣніяхъ австрійскаго императора, простираются по при-карпатской части Венгріи и Моравіи. Южною ихъ границею можно бы поставить Дунай и Ипель, если бы только по лѣвую сторону Дуная не было мадьярскихъ поселеній. На западъ Словаки граничатъ по рѣкѣ Моравѣ съ Моравами и Нѣмцами; по той же рѣкѣ границы словацкихъ земель достигаютъ до австрійской Силезіи, на сѣверъ Карпатскія горы, называемыя тамъ *Татрами*, а въ Галиціи *Бескидами*, отдѣляютъ Венгрію отъ Галиціи и Словаковъ отъ Польши; на востокъ границы ихъ доходятъ до рѣки Лаборицы и верховьевъ Ондавы, такъ что верховья обѣихъ рѣкъ остаются за границами, у Руссиновъ.

На означенномъ нами пространствѣ, занимающемъ *столицы* или *комитаты* (Gespanschaften): Нитранскій, Тренчинскій, Турчанскій, Оравскій, Липтовскій, Зволенскій, Спишскій, Шаришскій, части комитатовъ: Земненскаго, Гемерскаго, Гонтскаго, Говешскаго и Пресбургскаго, живутъ преимущественно Словаки; кромѣ того, они живутъ также и на югъ отъ Карпатовъ и достигаютъ города Пешта; ихъ можно найти и въ самомъ Пештѣ.

Но исчисленные нами комитаты не всегда означаются на картахъ, или, если и означаются, то не всегда имѣютъ постоянныя названія; на одной картѣ встрѣчается нѣмецкое названіе какого-нибудь комитата, на другой—латинское; а потому, чтобы имѣть возможность легко отыскать ихъ, мы выпишемъ здѣсь названія главныхъ городовъ нѣкоторыхъ комитатовъ:

Въ комитатѣ Гонтскомъ гл. г. *Штявница* (Šťávnica, нѣм. Schemnitz).

Въ комитатѣ Земненскомъ гл. г. Svatý Martin (по мадьярски *шентъ-Мартонъ*).

Въ комитатѣ Липтовскомъ гл. г. Svatý Mikuláš (по мадьярски: *шентъ-Миклошъ*).

Въ комитатѣ Зволенскомъ гл. г. *Bystrica Baňská* (нѣм. Neusohl).

Въ комитатѣ Шаришскомъ гл. г. *Прешовъ* (венг. Эперьесъ).

Въ комитатѣ Гемерскомъ гл. г. *Плейсвицъ* (Плѣшивецъ) и *Рожнава.*

Въ комитатѣ Говешскомъ гл. г. *Ягеръ* (венг. Эгеръ, нѣм. Erlau, лат. Agria).

Въ комитатѣ Унгварскомъ гл. г. *Košice* (нѣм. Kaschau, лат. Cossovia).

Земли чешскія заключаютъ въ себѣ Моравію (за исключеніемъ южнаго края ея, занятаго Мадьярами) и такъ наз. Королевство Богемское или собственно Чехію (Böhmen). Въ Моравіи города: Brno (нѣм. Brünn), Olomúc (нѣм· Olmütz). Въ Богеміи или Чехіи: Praha, Boleslav (Bunzlau). Обѣ эти области, также какъ и земли словацкія, въ разныхъ мѣстахъ заселены Нѣмцами, особенно восточная часть королевства Богемскаго и южная часть Моравіи.

Примѣчаніе. Изъ уѣздовъ или краевъ чешскихъ слѣдующіе заняты Нѣмцами: Кралове́hradeckій (Königingrätz), Биджовскій (Bydžow), Болеславскій (Bunzlau), Литомѣрицкій (Leitmeritz), Жатецкій (Saatzkreis), Локетскій (Ellenbogen), Клатовскій (Klattau), Прахинскій и Будѣйовицкій (Budweis), въ Моравіи заселенъ большей частію Нѣмцами край Зноймскій (Znaim). Всѣхъ Чехо-Моравовъ до 7000000 (оттуда Словаковъ болѣе 2,500,000).

Чешскій языкъ отличается отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій не только особеннымъ выговоромъ звуковъ, характеризующихъ языкъ ц.-славянскій, но также особеннымъ свойствомъ своихъ гласныхъ, свойствомъ, котораго мы не находимъ въ такой степени ни въ одномъ изъ сродныхъ съ нимъ нарѣчій: это свойство — *съуживаніе гласныхъ.* Взглянувъ на историческое развитіе языка, мы видимъ, что это съуживаніе шло постепенно: начиная съ

полныхъ гласныхъ, оно доходило до самыхъ узкихъ. Такъ *а* перешло сначала въ *е*, потомъ въ *і* или въ j; самое *і* ставятъ нынче часто для того только, чтобы показать, что оно нѣкогда произносилось. По причинѣ этого съуживанія гласныхъ, чешскій языкъ потерялъ благозвучіе, которое только и поддерживается просодіею. Сверхъ того чешскій языкъ отличается отъ болгарскаго, сербскаго и хорутанскаго еще другимъ свойствомъ—*усиленіемъ іотированія.* Въ чешскомъ языкѣ это іотированіе условливаетъ большое количество смягченныхъ согласныхъ и измѣняетъ даже ихъ значеніе. Въ этомъ языкѣ особенно замѣтно сближеніе съ польскимъ: такъ r переходитъ въ ř (польск. rz); такимъ образомъ чешскій языкъ, все болѣе и болѣе сближаясь съ польскимъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнять постепенно коренныя свойства языка церковно-славянскаго. Этотъ переходъ r въ ř Чехи и Моравы приняли, кажется, только въ XII или XIII в., потому что памятники, писанные до этого времени, не заключаютъ въ себѣ этой особенности и, кромѣ того, языкъ Словаковъ до сихъ поръ еще лишенъ свойства jотированія r (ř) и другихъ согласныхъ: Чехъ говоритъ, напр. před, Словакъ же — pred. Слѣдовательно разница между Чехами и Словаками заключается въ различномъ произношеніи ими звука r; сверхъ того словацкій языкъ удержалъ въ себѣ коренное произношеніе нѣкоторыхъ гласныхъ.

Не мѣшаетъ также сказать здѣсь объ ороографіи чешской. Чешскій языкъ, уже искони обработываясь въ литературномъ отношеніи, имѣлъ различныя ороографіи. Долѣе всѣхъ изъ нихъ существовала установленная Гуссомъ, который, переводя Библію, принужденъ былъ для уравненія письменности придумать нѣкоторые особенные знаки для выраженія исключительно славянскихъ звуковъ. Съ 1840 г. введена особая, такъ называемая *органическая* азбука. Покажемъ сначала отличіе Гуссова алфавита отъ нынѣшняго; онъ не вездѣ отличаетъ нѣкоторые звуки; осо-

собенно замѣчательно въ немъ употребленіе звука g; этимъ звукомъ онъ замѣняетъ j: ga вм. ja, hágek вм. hájek. Въ новѣйшее же время согласились выражать чешскіе звуки посредствомъ латинскаго алфавита; для выраженія славянскихъ звуковъ *ж*, *ч*, *ш* стали употреблять ž, č, š; для обозначенія смягченныхъ звуковъ, не имѣющихъ свойства переходить въ другіе, какъ то b, p, m, n, t, начали употреблять знакъ ('): b', p', m', n', t'; русскій звукъ *x* выражается чрезѣ ch, *г* чрезъ h; звукъ ѣ чрезъ ě. Сверхъ того, чешскій языкъ имѣетъ особенные звуки, которые трудно выразить на письмѣ; для выраженія подобныхъ звуковъ прибѣгли къ извѣстнымъ комбинаціямъ: такъ au (теперь съ 50-хъ годовъ пишутъ ou вм. au), образовавшееся изъ u (прежде ѫ), произносится какъ o͡u: rukou, jednou; знакъ ů выражаетъ средній звукъ между о и ѹ: bohů (боговъ). Кромѣ того, надъ нѣкоторыми гласными ставится такой знакъ: ' онъ употребляется не для выраженія ударенія, какъ можно полагать, но для того, чтобы показать длину гласной, выразить просодію.

Что же касается до ударенія на словахъ въ прозѣ, то Чехи въ немъ постоянны: каждое слово имѣетъ удареніе постоянно на первомъ слогѣ, какъ бы длинно оно ни было; но это удареніе, постоянное въ прозѣ, не постоянно въ стихахъ. Стихосложеніе Чеховъ не силлабическое, какъ можно заключать по однообразному ударенію въ ихъ словахъ, но тоническое. Въ послѣднее время были даже попытки основать на такой просодіи метръ чисто классическій (гекзаметръ). Приведемъ для примѣра слѣдующій стихъ изъ Виргилія на чешскомъ языкѣ:

Čtvérmono|hým uje|tou dupo|tém tepe| pódkova | půdu...

Тутъ очень удачно соблюденъ размѣръ подлинника:

Quadrupe|dante pu|trem soni|tu quatit | ungula | campum.

Приступимъ теперь къ самому обозрѣнію фонетики чешскаго языка.

Скажемъ сначала, что всѣ звуки ѧ, є, ѵ, ж, ѫ могутъ

переходить въ тонкіе (i), съуживаться: такъ, слово čaša первоначально такъ и выговаривалось, какъ оно написано: *чаша*; потомъ оно обратилось въ češe, нынче въ číše. Это свойство гласныхъ переходить въ болѣе узкія наз. *съуживаніемъ*, какъ напр. ljud (**людъ**)—lid; ljubiti—libiti и т. д.

Зная измѣненіе, съуживаніе *a* въ *e* мы очень легко можемъ теперь объяснить себѣ непонятныя для насъ съ перваго взгляда формы флексій: такъ, напр., нисколько не страннымъ будетъ казаться, что формы muže, meče суть ничто иное какъ род. пад. отъ muž, meč (вм. muža, meča). Звукъ u (**оу**) переходитъ въ i. *i* можетъ быть иногда произносимо, иногда же вовсе не выговаривается: вм. máti, volati можно сказать mat', volat'.

Въ отношеніи звука j замѣтимъ, что онъ мало по малу переходитъ въ какой то смягченный звукъ,

даже непроизносится, хотя и пишется: jdu, jmeno (произносится du, meno); но когда этому звуку предшествуетъ гласная, то онъ произносится. Особенно это замѣтно при глаголѣ **юсмь**: такъ jsem выговаривается sem; но nejsem выговариваотся такъ, какъ пишется (nejsem).

Ринезмы въ коренныхъ словахъ чешскаго языка имѣютъ свой особенный признакъ, именно ж = ou, **а** = a; но тамъ, гдѣ ихъ можно измѣнять, они могутъ переходить въ различные звуки: a, e, i. Такъ, **а** основное произношеніе котораго у Чеховъ есть *a* (что сохранилось у Словаковъ: kniaz — **кънаꙁь**) перешло въ *e* и потомъ въ *i*: **пать**—pět, **кънаꙁь** — kníže, **жажда** — žízeň, **радити** — řídití и т. п.

И такъ, отличительная черта чешскаго языка состоитъ въ томъ, что простые звуки и ринезмы онъ можетъ *съуживать*. Покажемъ теперь, какимъ образомъ чешскій языкъ выражаетъ особенности языка церковно-славянскаго.

ъ, ь. Хотя этихъ знаковъ не находится въ письмѣ, все таки они удержались въ чешскомъ языкѣ гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ,

кромѣ болгарскаго и сербскаго. Звуки r и l (ръ, лъ) у Чеховъ произносятся еще до сихъ поръ совершенно вокально: mrtw, krk (шея), chlm, mlt; однимъ словомъ при звукахъ r и l Чехъ ясно даетъ замѣтить, что ъ и ь удержались. Что же касается до другихъ случаевъ, гдѣ, по аналогіи съ церковно-славянскимъ языкомъ, можно бы было поставить ъ и ь, — Чехъ употребляетъ превращенія ъ и ь въ u, i, j. Но и тутъ также примѣняются правила съуживанія: vehnat' вм. vehnati, tot' вм. toti, т. е. этимъ съуживаніемъ онъ вполнѣ выражаетъ наше русское *ь*.

ѫ, ѧ. Эти два знака, какъ мы уже замѣтили, также могутъ съуживаться и до сихъ поръ еще первый знакъ (ѫ) удержалъ особенное произношеніе (=ou), подходящее нѣсколько къ ó: мѫка — mouka, рѫка—ruka и т. п. Такъ какъ въ сербскомъ и русскомъ языкахъ тотъ же самый ринезмъ произносится за *у* (оу), то Чехъ длинное оу выражаетъ этимъ ou: можно даже сказать, что ou есть въ одно и тоже время выраженіе и ринезма и длиннаго оу: loučiti — лѫчити. Второй ринезмъ ѧ обыкновенно равенъ *а*: свѧтъ — svat. Самое слово рѧдъ Чехи всегда произносятъ řad. Подобное чередованіе звуковъ очень часто въ чешскомъ языкѣ; ѧ=*а*, какъ мы сказали; потомъ, при помощи іотированія и съуживанія это *а* можетъ переходить въ *е* или *і*.

Звукъ ы совершенно незнакомъ Чеху: онъ замѣняетъ его въ произношеніи звукомъ *і*: *лыко* — liko, *милый* — mili; но въ ороографіи съ самыхъ временъ Гусса Чехъ дѣлаетъ разницу между ы и и; тамъ, гдѣ въ ц.-слав. находится звукъ ы, въ чешскомъ пишется y: lyko, milý, slyše, ryby. Употребленіе того и другаго знака, i и y, для Чеховъ, не знающихъ ц.-слав. языка, совершенно сбивчиво, какъ для насъ употребленіе буквы *ѣ*. У жителей горныхъ странъ звукъ ы произносится какъ ej: mýdlo— mejdlo: это, кажется, указываетъ на то, что ы нѣкогда было двугласнымъ. Подобное же двугласное произношеніе и до сихъ поръ еще сохранилось во многихъ провинціяхъ особенно въ сѣверныхъ. Также въ старинныхъ книгахъ

и даже въ нынѣшнихъ пѣсняхъ вмѣсто mýti можно встрѣтить mejti. И такъ, ы въ чешскомъ языкѣ совершенно потеряло то произношеніе, какое мы, Русскіе, и Поляки привыкли соединять съ этимъ знакомъ.

ѣ. Этотъ знакъ, какъ іотированный, необходимо долженъ былъ съузиться: и дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ мы замѣчаемъ это съуживаніе: **мѣра** — míra, **вѣра**—víra и проч. Но есть большое количество словъ, гдѣ въ одно и тоже время можетъ быть употреблено и **ѣ** (ě) и **и** (í); преимущество имѣетъ, впрочемъ, i, особенно тамъ, гдѣ этому звуку предшествуетъ смягченная согласная: **слѣдъ** — slíd, **хлѣбъ** — chlíb и др. Такимъ образомъ, въ чешскомъ языкѣ бытуетъ признакъ какъ велико-русскаго, такъ и южно-русскаго нарѣчія.

г. Твердаго произношенія этого звука (какъ лат. g) у Чеховъ нѣтъ: они вездѣ употребляютъ h: **благъ** — blah, **градъ** — hrad, **годнъи** — hodný.

л въ чешскомъ языкѣ всегда мягко: тамъ нѣтъ твердаго **л**, какъ напр. наше русское *л* или польское ł. Иногда звукъ l употребляется, какъ и въ сербскомъ языкѣ, вмѣсто гласной, именно тамъ, гдѣ въ ц.-слав. яз. стоитъ **лъ**: dlg—**длъгъ**; разрѣшаясь же въ гласную, скрытый **ъ** переходитъ въ **оү** (u) и ставится послѣ согласной: dlg — dlug, chlm — chlum, slnce — slunce и т. д.

рь или смягченное **р** Чехи и Моравы выражаютъ посредствомъ ř (польское rz, почти какъ *ж*): *рѣдкій*—řídký. Словаки же удержали настоящее произношеніе этого звука: **пріазнь** (чешск. příześ) — priazeń.

шт, какъ мы замѣтили раньше, есть одинъ изъ признаковъ древнѣйшихъ ц.-слав. рукописей, гдѣ **шт** ставилось вмѣсто нынѣшняго **щ**. У Чеховъ это **шт** замѣняется постоянно звукомъ с (ц): **ноштъ**—noc, **вештъ**—věc. *С* употребляется даже и тамъ, гдѣ **шт** образовалось вслѣдствіе флексій: svatiti (**свѧтити**) — svěcen (**свѧштенъ**), svítiti—svícen. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя слова, гдѣ звукъ **шт** удержался, такъ напр. *щитъ*—štít, *щука*—štika и т. п. но такихъ словъ мало.

жд = z; этотъ звукъ z смѣло можно принимать за j. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ смягченіе согласныхъ произошло единственно изъ прививки, такъ сказать, къ нимъ j, тамъ, гдѣ стояло d: такъ въ греческомъ отъ φράδω образовалось φράδζω, потомъ φράζω; здѣсь смягченное δ=ζ. Это же смягченное *д* въ ц.-слав. яз. перешло въ жд, въ сербскомъ въ дj (ђ), въ хорутанскомъ въ j, а въ чешскомъ въ z: hoditi (бросать) — hozen, hraditi — hrazen. Это свойство служитъ непослѣднимъ отличіемъ чешскаго языка отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что значеніе многихъ словъ, по причинѣ измѣненія этого *д*, дѣлается для насъ, повидимому, трудно-объяснимымъ.

Всѣ эти особенности, какъ по отношенію къ гласнымъ, такъ и по отношенію къ согласнымъ звукамъ, суть ничто иное, какъ слѣдствіе іотированія. Скажемъ теперь о тѣхъ особенностяхъ, гдѣ извѣстныя явленія съ j придаютъ оригинальность чешскому языку.

Мы уже знаемъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ звуки могутъ выпадать или стираться; въ чешскомъ языкѣ могутъ выпадать не только какіе нибудь отдѣльные звуки, но даже цѣлые слоги. Эта особенность бываетъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, но σποραδὴν. Чехъ очень часто выпускаетъ звуки aj и oj, когда они находятся въ срединѣ слова предъ гласными; такъ, вм. lajati онъ говоритъ láti (бранить), вм. kajati se—káti se, вм. bojati se—báti se, вм. mojeho—mého, вм. smejati se—smáti se. Въ концѣ словъ гласная можетъ быть и употреблена, и иногда опущена: kamo, semo — kam, sem. Кстати упомянуть здѣсь также о приставкѣ d предъ l: mýdlo, sádlo, křídlo — **мыло, сало, крыло**.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ фонетикой чешскаго языка займемся теперь его склоненіями. — Склоненія чешскія чрезвычайно близко подходятъ къ церковнославянскимъ: разница только въ одной фонетикѣ; ихъ раз-

личаютъ по твердымъ и мягкимъ окончаніямъ, также по родамъ мужескому и женскому; средній же родъ склоняется совершенно одинаково съ мужескимъ, кромѣ падежей именительнаго и винительнаго ед. и множ. чиселъ; двойственнаго ч. у Чеховъ нѣтъ.

Чтобы легче было понять нѣкоторыя отступленія чешскаго языка въ склоненіяхъ отъ ц.-слав. мы представимъ здѣсь таблицу перехода звуковъ, потому что, какъ мы сейчасъ замѣтили, разницу между чешскими и ц.-славянскими склоненіями составляетъ одна фонетика.

Ц.-слав.	а	переходитъ	въ	е или i	
„	и	„	„	i	послѣ смягченія
„	ѣ	„	„	i	послѣ смягченія
„	є	„	„	i	послѣ смягченія
„	ѧ	„	„	e	
„	ѫ	„	„	u	
„	оѫ	„	„	ou	
„	ьѫ	„	„	i	
„	єѫ	„	„	í (jí)	
„	ъмь	„	„	em	
„	омъ	„	„	ům	
„	ы	„	„	y	
Русск.	*овъ*	„	„	ů.	

Для чешскаго склоненія можно поставить такое правило: когда окончаніе будетъ твердое, то въ флексіяхъ удерживаются звуки ц.-славянскіе (исключая, конечно, превращенія ѫ въ u и т. п.), при мягкомъ же окончаніи наблюдать правила перехода звуковъ.

Возьмемъ для примѣра существительныя съ твердымъ окончаніемъ: dub и chlap.

	Единств. ч.		Множ. ч.	
И.	dub	chlap	duby	chlapi (ové)
Р.	dubu (a)	chlapa	dubů	chlapů
Д.	dubu	chlapu (ovi)	dubům	chlapům
В.	dub	chlapa	duby	chlapy
З.	dube	chlape	duby	chlapi (ové)
Т.	dubem	chlapem	duby	chlapy
П.	dubě (u)	chlapu (ě)	dubích	chlapích.

Возьмемъ теперь существительное муж. р. со смягченнымъ окончаніемъ.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	meč	meče
Р.	meče (вм. meča)	mečů
Д.	meči (вм. meču)	mečům
В.	meč	meče
Т.	mečem	meči
П.	meči	mečích.

Изъ этихъ примѣровъ можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Твор. пад. ед. ч. всегда оканчивается на em (въ муж. р.).

2) Именитель. падежъ множ. числа оканчивается на i, y, é (ové).

3) Род. пад. множ. ч. долженъ бы по настоящему сходствовать съ им. пад. ед. ч., но вмѣсто того оканчивается на ů.

4) Вин. пад. множ. ч. постоянно имѣетъ y, e.

5) Творит. пад. множ. ч. кончится на y и i, а предложный — на ích.

Обратимся теперь къ склоненію именъ женскаго рода.

Съ твердымъ окончаніемъ:

		Ед. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	И.	voda	vody
	Р.	vody	vod
	Д.	vodě	vodám
	В.	vodu (ж)	vody
	З.	vodo	vody
	Т.	vodou (ож)	vodami
	П.	vodě	vodách.

Съ мягкимъ окончаніемъ:

		Ед. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	И.	země	země
	Р.	země	zemí
	Д.	zemi	zemím
	В.	zemi	země

З. země	země
Т. zemí	zeměmi
П. zemi	zemích.

И такъ, мы видимъ, что въ склоненіи именъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ падежи не различаются другъ отъ друга. Это смягченіе иногда доходитъ до того, что не только падежи, но и самые роды смѣшиваются, такъ что для такихъ именъ необходимо постановить третье склоненіе, гдѣ всѣ роды должны слиться въ одинъ общій; особенно такое свойство бываетъ при прилагательныхъ, напр. boží (Божій, -ія, -іе) для всѣхъ родовъ; говорятъ: boží člověk, boží žena, boží dítě. Подобныя имена всѣ склоняются по одному образцу. Для примѣра такого 3-го склоненія возьмемъ существительныя: psaní и kosť.

Ед. ч. И. Р. Д. В. psaní	Мн. ч. И. Р. В. Т. psaní
Т. psaním	Д. psaním
П. psaní	П. psaních.

Ед. ч. И. В. kosť	Мн. ч. И. В. kosti
Р. Д. П. } kosti	Р. kostí
	Д. kostem
Т. kostí	Т. kostmi
	П. kostech.

Слѣдовательно всѣ падежи, оканчивающіеся на гласную, сливаются. Однимъ словомъ, третье склоненіе есть ничто иное, какъ усиленное слитіе, вслѣдствіе смягченія, всѣхъ родовъ и напоминаетъ склоненіе церковно-славянскаго пѧть и т. п.

Замѣтимъ еще, что α) род. пад. ед. ч. муж. р. можетъ иногда оканчиваться на u; β) предл. пад. вм. ě и і также можетъ оканчиваться на u; γ) им. пад. множ. ч. вм. і часто оканчивается на у, е и ové (chlapové, králové).

Сверхъ того при склоненіяхъ чешскихъ надобно замѣтить переходъ гортанныхъ h, k, ch, который слѣдуетъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и въ ц.-слав. яз.: vlk—vlci, lech—lesi, Boh—Bože и т. п.

У Чеховъ есть также небольшое количество *наращаемыхъ* словъ, т. е. такихъ, которыя во флексіяхъ принимаютъ лишній слогъ: tele—telete и т. д.

Имена прилагательныя. Говоря объ именахъ прилагательныхъ, замѣтимъ, что въ нихъ окончаніе *полное* (т. е. соединенное съ мѣстоименіемъ) и *неполное* (безъ мѣстоименія) очень часто смѣшиваются съ собою. Это усѣченное окончаніе удержалось особенно въ именахъ отчественныхъ (patronymica: Popelův, Petrův) и нѣкоторыхъ притяжательныхъ: otcův, bratrův и т. п. Склоненіе ихъ одинаково со склоненіемъ именъ существительныхъ. Прилагательныя полныя очень ясно выражаютъ въ своемъ склоненіи связь съ мѣстоименіемъ, падежныя окончанія ихъ слѣдующія:

	Единственное число:			Множественное число:		
	муж. р.	ж. р.	ср. р.	муж. р.	ж. р.	ср. р.
И.	-ý	-á	-é	-í (é)	-é	-á
Р.	-ého	-é	-ého		-ých	
Д.	-ému	-éj	-ému		-ým	
В.	-ého (ý)	-ou	-é	-é		-á
Т.	-ým	-ou	-ým		-ými	
П.	-ém	-é	-ém		-ých.	

Зная, слѣдовательно склоненіе ц.-слав. и, ꙗ, ѥ, очень легко можно узнать и склоненіе этихъ придаточныхъ мѣстоименій въ чешскомъ языкѣ: стоитъ только г (g) замѣнить чешскимъ h.

Прилагательныя, также какъ и существительныя, соблюдаютъ переходъ гортанныхъ звуковъ: отъ úzký мн. ч. будетъ úzcí.

Сравнительная степень въ чешскомъ языкѣ, подобно какъ и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣла первоначально окончаніе на ěj, но она имѣетъ также и другое,

именно ější или ší. Нѣкогда эти окончанія разнились между собою по родамъ: ěj принадлежало мужескому роду, ejší—женскому; нынѣ же сознаніе такого различія исчезло совершенно. Наряду съ этими окончаніями стоятъ и сокращенные ихъ виды: ěj и ši: hrdý — hrděj, hrdější; slabý — slabší, bělý — bělejší.

Изъ прилагательныхъ, неправильно образовавшихъ сравнительную степень, замѣтимъ слѣдующія:

dobrý сравн. ст. lepší; zlý — horší; dlouhý — delší; malý—menší; mnohý — vetší (муж. р.), více (средн. р.). Форма více на первый взглядъ странная, объясняется чешскою фонетикою. Въ ц.-слав. языкѣ отъ мъногъ ср. ст. была вѧшти (вящій); это ѧ, какъ мы знаемъ, въ чешскомъ переходитъ въ *a*; звукъ *a* съуживается (=i); шт=c (ц). Другая форма větší, которая есть также ср. ст. отъ velký; есть, безъ сомнѣнія, также метаморфоза вѧшти, только происшедшая вслѣдствіе другаго рода измѣненій звуковъ; вслѣдствіе этой наружной разницы, въ чешскомъ яз. произошло между ними различіе и въ значеніи. Подобный же примѣръ мы видимъ и въ польскомъ языкѣ: тамъ гдѣ ц.-слав. рѧдъ, образовались два совершенно различныхъ по значенію слова: rzęd и rząd.

Для превосходной степени въ чешскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особеннаго окончанія нѣтъ; составляется же эта степень посредствомъ прибавленія разныхъ частицъ, чаще всего nej, къ сравнительной степени: malý, menší, nejmenší. Кромѣ того, чешскій языкъ образуетъ превосходную степень и перифрастическимъ способомъ, чуждымъ прочимъ нарѣчіямъ и нѣсколько сходнымъ съ образованіемъ превосходной степени въ русскомъ яз. посредствомъ мѣстоименія *самый*; только въ чешскомъ языкѣ вмѣсто нашего *самый* употребляется возвратное мѣстоименіе sebe: kdy by byl sebe bohatší, ne bude spasen (будь онъ самый богатый, и тутъ не будетъ спасенъ). Такое образованіе превосходной степени принадлежитъ къ идіотизмамъ чешскаго языка.

Чешскія мѣстоименія заключаютъ въ себѣ еще многое изъ того періода, когда немногими словами могла быть выражена цѣлая мысль. Они очень аналогичны съ ц.-слав., особенно въ склоненіяхъ, при чемъ, впрочемъ, соблюдается фонетика чешскаго языка. *Личныя* мѣстоименія суть: já, ty, on, *возвратное* — sebe. Изъ падежныхъ формъ замѣчательны: mnou, tebou (**мъноѭ, тобоѭ**), sebou (**собоѭ**), sobě (**себѣ**). Прочія формы сходны съ ц.-слав.

Мѣстоименія притяжательныя: můj, tvůj, svůj (склон. какъ прилагат. полн. окончанія. При склоненіи этихъ мѣстоименій и при образованіи другихъ родовъ имѣетъ вліяніе фонетическое правило — выпущеніе цѣлой гласной съ j (ů); такъ, женскій родъ будетъ má, tvá, své, род. муж. mého, tvého и т. д.

Мѣстоименіе личное 3-го лица или, лучше, *указательное*—on, ona, ono. Въ косвенныхъ падежахъ оно совершенно совпадаетъ съ другимъ мѣстоименіемъ указательнымъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и мѣстоименіемъ относительнымъ: i, já, je (ц.-слав. **и, ꙗ, ѥ**) съ приставкою že: iže, jaže ježe; самое это мѣстоименіе теперь потерялось въ такой формѣ, но употребляется въ видѣ jenž и již и косвенныхъ падежей. Jenž употребляется для всѣхъ родовъ. Склоненіе слѣдующее:

Ед. ч. И.	on (jenž),	ono (jenž),	ona (jež)
Р.	jehož	„	jíž
Д.	jemuž	„	jíž
В.	jehož	je	již (ji)
Т.	jímž	jímž	jíž
П.	němž	němž	níž

Слѣдовательно, въ мужескомъ родѣ окончанія косвенныхъ падежей сходны съ ц.-слав.; а въ женскомъ, отъ постепеннаго съуживанія гласныхъ произошла безразличность падежей.

Множ. число отъ jenž и již обще для всѣхъ родовъ и находится въ совершенной аналогіи съ церковно-славянскимъ.

Другое указательное мѣстоименіе **тъ** (тотъ) должно бы

быть t; но оно, подобно польскому, перешло въ ten, ta, to. Склоненіе его какъ и въ ц.-слав. Творит. пад. ед. ч. tím, предл. těm; множ. ч. муж. р. ti, женск. ty.

Вопросительныя мѣстоименія: ký? kdo? co? Первыя два одинаковаго происхожденія и суть ничто иное, какъ ц.-слав. **кън** и **къто**. Род. пад. koho, Дат. komu. Co образовалось изъ **што** (**шт** по чешской фонетикѣ=c (ц).

Сверхъ того, у Чеховъ есть еще вопросительное мѣстоименіе или, лучше сказать, прилагательное: čí (чей). Въ склоненіи падежи, оканчивающіеся на гласную, слились, сдѣлались одинаковыми: čí, čího и т. д. Есть еще вопросительное мѣстоименіе který, склоненіе котораго сходно съ ц.-слав. Отъ вопросительнаго ký можно образовать kýž.

Въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ хорутанскомъ, есть свой особенный способъ выражать отношеніе, и эта особенность доказываетъ очень ясно, что въ историческомъ развитіи языка союзы съ мѣстоименіемъ находятся въ ближайшемъ родствѣ. У Чеховъ возобладала нынче частица an, очень употребительная въ разговорѣ: эта частица тѣмъ болѣе важна, что въ старинныхъ книгахъ чешскихъ она склонялась какъ on со вставкою a: a-on, a-ona, a-ono. Мало по малу o стало выпадать и такимъ образомъ осталось просто an, ana, ano. Потомъ и эти два окончанія вышли изъ употребленія, такъ что an служитъ для всѣхъ трехъ родовъ и есть не только относительное мѣстоименіе, но и союзъ.

či (**чь**) очень часто находится въ такомъ близкомъ сродствѣ съ другими словами, такъ тѣсно соединяется съ ними, что трудно даже бываетъ отдѣлить, объяснить его. Съуживаніе гласныхъ можетъ простираться до того, что вмѣсто či можетъ остаться просто č; это č, срощаясь съ другими словами, составляетъ, какъ бы только отдѣльную букву. Его часто можно встрѣтить вмѣсто co : proč?—про что? oč — о чем? zač — зачѣмъ? seč (предл. **съ** и **чь**), напр. ja nejsem seč (я не въ силахъ, не въ состояніи.

Въ отношеніи именъ **числительныхъ** нѣтъ никакого затрудненія, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ они всѣ какъ-то на одинъ ладъ: jeden, dva, tři, čtyři, pet', šest', dvacet, padesát, sto, tisíc и пр. Порядковыя: první, druhý, třetí, pátý и пр.; půl — половина; но самый способъ счисленія разнится отъ русскаго.

1) Первое отличіе отъ нашего счисленія состоитъ въ томъ, что меньшія числа ставятся впереди бо́льшихъ: jeden a dvacet, dva a dvacet; это явно вліяніе нѣмецкаго языка: ein und zwanzig, zwei und zwanzig и т. д.

2) Но у Чеховъ есть второй способъ счисленія отъ 20 до 30, чрезвычайно интересный потому именно, что слѣдъ его находимъ и у нашихъ лѣтописцевъ. Когда Чехъ хочетъ сказать 21, 22 и пр., онъ можетъ выразить это или германизмами: jeden a dvacet, dva a dvacet, или такъ: jedenmecítma, dvamecítma и т. д. (me, mezi— между, cítma — десатьма); т. е. онъ ставитъ единицы между десятками.

Но изъ всѣхъ частей рѣчи въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, наиболѣе замѣчательны **глаголы**. Не смотря на всѣ видоизмѣненія, происшедшія вслѣдствіе фонетики, чешскіе глаголы гораздо болѣе, чѣмъ русскіе, сохранили формы своего первообраза — древне-славянскаго языка. Это сохраненіе формъ заключается въ слѣдующемъ: 1) въ неопредѣленномъ наклоненіи Чехъ рѣзко отличаетъ его достигательную форму 2) въ perfect'ахъ употребляетъ причастія со вспомогательнымъ глаголомъ и 3), что всего важнѣе, въ своихъ причастіяхъ Чехи строго различаютъ роды, что для насъ, Русскихъ, совершенно чуждо: такъ, *текучи*—у насъ для всѣхъ родовъ, а у Чеховъ teka (для муж. р.), tekouc (для жен. р.). Вообще можно сказать, что чешскіе глаголы ближе всѣхъ подходятъ въ аналогіи съ ц.-славянскими; слѣдовательно и чешскіе глаголы можно раздѣлить на VI разрядовъ.

I. Сюда принадлежатъ глаголы, прибавляющіе непосредственно суффиксъ и приставки къ корню: nes-u, nes-ti, pi-ji, pi-ti. Прочіе классы глаголовъ имѣютъ слѣдующіе вставки:

II.	sed	—	*n*	—	u	; неопр.	sed-*nau*-ti
III.	sed	—	*j*	—	m	„	sed-*ě*-ti
IV.	hon	—	*i*	—	m	„	hon-*i*-ti
V.	vol	—	*a*	—	m	„	vol-*a*-ti
VI.	kup	—	*u*	—	ji	„	kup-*ova*-ti

Изъ этого раздѣленія видимъ, что глаголы I и II разрядовъ соблюдаютъ аналогію если не съ ц.-слав., то съ русскимъ языкомъ; форма же piji вм. piju есть фонетическое измѣненіе. Глаголы же III, IV и V спряженій принимаютъ въ 1-мъ лицѣ наст. вр. m, а неопр. наклоненіе тоже, что и въ ц.-слав. Наконецъ глаголы VI спряженія имѣютъ въ настоящемъ времени uji.

Такимъ образомъ глаголы чешскіе можно бы было раздѣлить по окончанію 1-го лица наст. вр. на три отдѣла: къ 1-му относились бы кончащіеся на u (i), ко 2-му на m, къ 3-му на ji; но для насъ такое дѣленіе неудобно.

Что же касается до самаго спряженія, то необходимо знать настоящее время, въ которомъ, кромѣ 1-го лица ед. ч., надобно еще замѣтить окончаніе 1-го лица множ. ч. на me и троякое окончаніе 3-го лица множ. ч. на ou, jí, ejí. Прочія же лица сходны съ ц.-славянскими.

Возьмемъ для примѣра самый простой глаголъ nesu.

Ед. ч.	1. nesu	Мн. ч.	1. neseme
	2. neseš		2. nesete
	3. nese		3. nesou

(**несѫть**; суфф. **ть** исчезъ, какъ и во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ, кромѣ русскаго).

Гдѣ-же, спрашивается, ставить окончаніе ou, гдѣ jí, гдѣ ejí? — Для Чеховъ это чрезвычайно трудно, но за то для насъ, Русскихъ, этой трудности не существуетъ. Для точнаго употребленія каждаго изъ трехъ окончаній можно поставить такое правило: первое окончаніе ou ставится тамъ, гдѣ у насъ стоитъ *утъ*; 2-е—jí, гдѣ у насъ *ятъ*,

ютъ; 3-е — ejí, гдѣ *ютъ* или *ьютъ*. Вотъ примѣры: отъ sedám 3-е л. мн. ч. sedají (сидятъ), отъ nesu — nesou (несутъ), отъ shánim—shánějí (сгоняютъ).

Послѣ настоящаго времени объ остальныхъ временахъ почти нечего и говорить. Замѣтимъ только, что у Чеховъ было простое прошедшее на ch (хъ), но оно существовало только до временъ Гусса, теперь же оно образуется перифраститески, точно также какъ и будущее, т. е. при помощи вспомогательнаго глагола. Слѣдовательно, сказавъ о спряженіи настоящаго времени, мы должны теперь прямо перейти къ спряженію вспомогательнаго глагола, необходимаго для образованія прочихъ временъ.

Общій вспомогательный глаголъ въ чешскомъ языкѣ есть jsem (по Гуссу gsem); другой же jmám употребляется въ перифрастическихъ временахъ довольно рѣдко.

Наст. вр. Ед. ч.	jsem	Мн. ч. jsme
	jsi	jste
	je (рѣдко jest	jsou (сжть).

Для сослагательнаго наклоненія глаголовъ употребляется прошедшее время bych; это bych всегда находится въ связи съ союзами; отдѣльно оно неупотребительно. И такъ прочія времена отъ глагола jsem, т. е. прошедшее и будущее, суть:

Пр. вр. Ед. ч.	bych	Мн. ч. bychom
	bys	byste
	by	by.
Буд. вр. Ед. ч.	budu	Мн. ч. budeme
	budeš	budete
	bude	budou.

Такимъ образомъ, съ помощію вспомогательнаго глагола, Чехъ можетъ образовать всѣ времена, кромѣ, конечно, настоящаго. Только въ 3-мъ лицѣ ед. ч. прош. вр. опускается вспомогательный глаголъ; такъ, вм. je dělal говорится dělal. У Русскихъ же теперь вспомогательный глаголъ совершенно исключенъ: удержано одно только причастіе: мы говоримъ, напр., *я дѣлалъ* вм. старинной формы *я есмь дѣлалъ*.

Кромѣ того замѣтимъ еще, что чешскій языкъ, подобно польскому, удерживаетъ въ своемъ прошедшемъ причастіи коренную согласную: такъ, отъ глагола *вести* (vesti), прошедшее будетъ vedl; у насъ *д* выпало: *велъ*.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о причастіяхъ. Что чешскій языкъ, не смотря на всѣ странныя, вслѣдствіе фонетики происходящія измѣненія, удержался въ близкой аналогіи съ ц.-слав., болѣе всего видно на неопредѣленномъ наклоненіи и на причастіяхъ, особенно настоящемъ.

Причастіе настоящаго времени въ чешскомъ языкѣ рѣзко отличаетъ мужескій родъ отъ женскаго. Этимъ различіемъ родовъ въ причастіи легко объясняются нѣкоторыя, повидимому, странныя формы чешскаго языка. Вотъ примѣры: řka (**рѣка** отъ **решти**, напр. въ выраженіи: **има рѣка**), pna, čna, teka, zna, dada, moha, dě, zva и проч.

Всѣ эти съ перваго взгляда непонятныя формы суть ничто иное, какъ причастія настоящаго вр. муж. р., которыя въ ц.-слав. оканчивались на **ы** и **ѧ** (второе изъ этихъ окончаній впослѣдствіи часто стало замѣнять первое). Окончанія **ы** и **ѧ** переходя въ чешскій языкъ, безъ всякаго сомнѣнія, должны были, вслѣдствіе фонетическихъ правилъ, измѣняться, именно: ц.-слав. **ѧ** въ чешскомъ всегда замѣняется звукомъ *а*, когда это *а* не стоитъ рядомъ со смягченною согласною (такъ **пѧтъи** — pátý, но **пѧть** — pět, потому что **т** іотированное). Поэтому причастіе настоящаго времени отъ глагола **рекѫ** по чешски řka, отъ **могѫ** — **могы** — moha и т. п. Аналогія съ ц.-слав. языкомъ, слѣдовательно, соблюдена какъ нельзя точнѣе.

Чтобы отъ этихъ причастій образовать женскій родъ, надобно опять вспомнить аналогію съ ц.-слав. яз.: тамъ женскій родъ причастій оканчивается на **ѫшти**: **веды** — **ведѫшти**, **ѣды** — **ѣдѫшти** и проч. Соблюдая необходимыя

при этомъ фонетическія правила (ж = ou, ш = с, і стирается), мы получимъ: ř̌kouc, pnouc, č̌pouc и проч.

Но въ чешскомъ яз., вслѣдствіе постояннаго съуживанія, это ѧ можетъ переходить въ *a*, въ *e* и даже въ *i*, почему мы находимъ много причастій, вовсе не соотвѣтствующихъ нашему замѣчанію касательно образованія окончаній обоихъ родовъ; но тѣмъ не менѣе, такія причастія находятся въ аналогіи съ ц.-славянскими; для нихъ можно постановить такое правило: если ц.-слав. глаголы оканчиваются на ѣѭ или ыѭ, то въ чешскомъ яз. причастіе мужескаго рода должно имѣть окончаніе *e* или *ě*; когда же въ ц.-слав. яз. глаголы будутъ односложные и будутъ оканчиваться на ѭ, въ чешскихъ причастіяхъ муж. р. будетъ, вслѣдствіе съуживанія, і; напр.: volám — volaje, shaním — shaněje, piji — pije, spěti — spěje.

Въ числѣ примѣровъ причастій муж. р. мы помѣстили dě. У Чеховъ есть глаголъ dím или děju — говорю (отъ котораго у насъ остался только слогъ *де*, употребляемый во вводныхъ предложеніяхъ: *онъ де былъ*, т. е. *онъ, говоритъ, былъ*). 3-е л. наст. вр. будетъ dě или dí, причастіе также dě или dí.

И такъ, мужескій родъ причастія настоящаго времени можетъ оканчиваться на *a*, *e*, *ě*; женскій же въ первомъ случаѣ на ouc, а въ послѣднемъ исключительно на íc: spěje — spějíc, pije — pijíc, dě — díc и проч.

Кромѣ причастія настоящаго времени, Чехи имѣютъ и всѣ прочія причастія, которыя совершенно одинаковы съ ц.-слав. и русскими: dělal, -a, -o; dělav, dělavši, -vše; bit, -a, -o.

Въ *неопредѣленномъ* наклоненіи сохранилась совершенная аналогія съ ц.-слав. яз. Не смотря на то, что въ чешскомъ яз. такъ сильно дѣйствуетъ смягченіе, — мягкое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на ti — не измѣнилось: volati, shaněti, dělati. Но кромѣ этого окончанія чешскій языкъ имѣетъ еще и другое, твердое t (т. е. достигательную форму этого наклоненія, соотвѣтствующую латинскому supinum). Занимаясь разборомъ древнихъ сла-

вянскихъ рукописей, Добровскій замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ въ неопредѣленномъ наклоненіи стоитъ **ти**, въ другомъ **тъ**; изъ этого онъ заключилъ, что второе окончаніе должно принадлежать неопредѣленному наклоненію достигательному. Чешскій языкъ сохранилъ это различіе обѣихъ формъ какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ. Онъ говоритъ, напр., jdu pit, что вполнѣ отвѣчаетъ латинскому eo bibitum. Это supinum на t (**тъ**) Чехъ ставитъ обыкновенно послѣ глаголовъ, выражающихъ движеніе.

Повелительное наклоненіе сходно съ нашимъ. Только для усиленія повелѣнія Чехи очень часто употребляютъ nech (пусть). Это слово находится также въ сербскомъ (нека), малорусскомъ (нехай) и польскомъ (niech) языкахъ; но тамъ оно не измѣняется, между тѣмъ какъ Чехи его спрягаютъ: nechám, necháš, nechà и т. д. Его можно поставить въ соотвѣтствіе съ нѣмецкимъ lassen.

Сослагательное наклоненіе, какъ мы уже замѣтили, образуется посредствомъ формы bych и союзовъ.

Для бѣглаго употребленія формъ своихъ глаголовъ, Чехъ или употребляетъ вспомогательный глаголъ jmam, или, что бываетъ чаще, сокращаетъ глаголы. Такъ, у него есть одна форма, именно prý, вполнѣ соотвѣтствующая нашему *де* или *молъ;* напр. *я говорилъ съ нимъ; онъ отвѣчалъ, что не придетъ* по-чешски будетъ: mluvil jsem s nim, on prý ne přijde (онъ де не придетъ). Это prý есть ничто иное, какъ сокращенное 3-е лицо наст. вр. отъ глагола prawiti (говорить), неупотребительнаго у насъ въ этомъ значеніи.

Теперь намъ остается сказать кое-что о несклоняемыхъ частяхъ рѣчи. Изъ *союзовъ* замѣтимъ: a — и, neb— ибо; ale—но; nýbrž—однакожъ; nejen, neb—не только; leč (для изъяв. накл.) — но; třebas — хотя; jak mile — какъ только.

Изъ *предлоговъ:* od—отъ, z—съ, изъ; mezi—между.

Изъ нарѣчій: sem, kam (**сѣмо, камо**); vždy—всегда;

brzo — скоро; záhy — рано; ovšem — совсѣмъ; ano — да и пр. Нѣкоторыя нарѣчія явились уже вслѣдствіе производства отъ прилагательныхъ и существительныхъ: pospolu — вмѣстѣ, dříve — прежде, hůř — хуже, mrzutě — печально и пр.

Въ заключеніе приведемъ отрывки для перевода: 1) изъ нынѣшняго чешскаго яз. и 2) словацкаго нарѣчія.

1. *Veliká panichida.*

Ne krupobitím [1]), ani [2]) lijavcem [3])
Na šírém poli obilí [4]) polehlo,
To zatopeno, to rozdrceno [5]).
Ach! pode Moskvou, pode matičkou,
Tam na rovinách, smutných dolinách
Mnoho chrabrého vojska ruského,
Ku syré [6]) zemi hlavou přilehlo,
To rozbodáno [7]), to rozkotáno [8])
Ostrými meči, hrotem [9]) bodaků [10])
I přivalem-to kalených koulí.
Vy, velké matky věrní synové,
Vy milé vlasti [11]) obhajcové [12]),
Dobrého caře zástupcové!
My za tu lásku i za ochotnost,
Za drahou obět' [13]) vašich životův
Vám slavili jsme panichidu,
Jakou [14]) to posud [15]) svět nevídal,
A o jaké snad [16]) nikdy neslýchal.
Nebylo u nas světla hojného [17])

---

[1]) крупа, градъ; [2]) и не; [3]) ливень, проливный дождь; [4]) жатва, хлѣбъ: [5]) разодрано, разбито; [6]) сырый; [7]) исколото; [8]) размётано; [9]) остріе копья (старо-слав. гротъ); [10]) штыкъ; [11]) отечество; [12]) защитники (отъ hájiti защищать, оттуда, вѣроятно, слово изгои т. е. находящійся внѣ защиты; [13]) жертва; [14]) какую; [15]) до сихъ поръ (по-сюда); [16]) вѣрно; [17]) обильно.

Nebylo dosti [18]) vosku jarého
Pro to-li množství duší vašich;
A my postavili jedno světlo
Do toho-liž chramu božího:
Jediné světlo—matičku Moskvu,
Vám, synům milým, na usmíření [19]),
A vrahům našim na pokoření [20]).

2. *Nitra.*

Nitra [1]), milá Nitra, ty vysoká Nitra:
Kdeže sú té časy [2]), v ktorých si ty kvitla [3])?
Nitra, milá Nitra, ty slovenská máti!
Čo pozrem [4]) na teba musím [5]) zaplakati.
Ty si bola [6]) niekdy [7]) všetkých [8]) krajin hlava,
V ktorých tiečie Dunaj, Visla i Morava;
Ty si bola bydlo [9]) krále Svatopluka,
Keď tu panovala jeho mocná ruka.
Ty si bola svaté miesto Methodovo [10]),
Keď tu našim otcom kázal božie slovo.
Včilek tvoja sláva v tuoni skrytá leží:
Tak sa [11]) časy menia [12]), tak tento svet beží!

---

[18]) довольно; [19]) наупокой; [20]) въ укоръ.

[1]) *Нитра*—бывшій главный городъ самостоятельнаго княжества въ землѣ словацкой, нынѣ главный городъ нитрскаго комитата; [2]) тѣ часы, то время; [3]) цвѣла, процвѣтала; [4]) посмотрѣть; [5]) долженъ (въ польск. языкѣ этотъ глаголъ тоже употребителенъ и происходитъ отъ нѣм. müssen); [6]) была; [7]) нѣкогда; [8]) всѣхъ, всяческихъ (wszystkich польск.); [9]) мѣстопребываніе; [10]) Св. Меѳодій; [11]) sa menia — мѣняются.

ЧЕРТЫ НАРОДНАГО ГОВОРА
въ Тульскомъ и Крапивенскомъ уѣздахъ Тульской губерніи.

---

1. Особенности въ употребленіи гласныхъ, сравнительно съ принятымъ правописаніемъ.

a) *а* неударенное никогда не переходитъ въ *о*: за-водъ, н*а*родъ, книг*а*; рѣдко *а* съ удар. перех. въ *э*: тэкъ (вм. та́къ утверд.); болѣе частый переходъ бываетъ *а* въ *у*: дѣл*у*ю, муч*у*ю, брезг*у*ю; — въ *ы*: кыбы, рызыграться, жылтѣть, „кыбы ты пришёлъ, дѣла-та была-бы лутчи“, рызговоръ, пылетѣть, я́йц*ы*, о́кн*ы*, стёкл*ы*, кыкъ (вм. ка́къ), „Кыкъ пашли наши падрушки у лѣсъ па ягады гулять“ (пляс. пѣсня, зап. въ Крап. у., селѣ Панинѣ); — въ *я* послѣ согласн. *к*, *ч*, *щ*, *дь*, *зь*, *ль*, *нь*, *рь* и иногда *й* и *к*: печн*я*, свѣчн*я*, колясочк*я*, маньк*я*, чяшка, чярка, отощ*я*ть, натощ*я*нъ, Кузьк*я*, Варьк*я*, Володьк*я*, сдѣлай-к*я*, „Варотушки растварялися, калясачк*я* на дворъ въѣхала“ (бесѣдн. пѣсня, зап. въ Крап. у., селѣ Долгомъ); *а* съ удар.—тоже въ *я*: молочк*я*, пятачк*я* (послѣ тѣхъ-же согласн.); *а* съ удар. — въ *ы*: код*ы*, тод*ы*, никод*ы*, нитод*ы*, всегд*ы*, завсегд*ы*; *а* съ удар.—въ *о*: волитъ, воритъ, доритъ.

b) *е* неуд.—въ *а*: шастой, ч*а*го (въ Крап. у.) и ч*а*во (въ Туль. у.), *жа*, табѣ, сабѣ, *А*фремовъ, ж*а*на, *жа*лать, т*а*перь (часто послѣ *ж*, *ч*, *ш* и *т*); — въ *и*: биречь, добры*и*, ч*и*лавѣкъ, ц*и*р*и*монія, иё, кам*и*нь, „Вотъ табѣ кам*и*нь, падавися“ (послѣдній ст. пляс. пѣсни, зап. въ Тул. у., сел. Протопоповѣ и начинающейся: „Вы пали, бярёза стаяла“; *е* съ уд. и безъ уд. — въ *о* послѣ *ж*, *с*, *ш*, *щ*: жжонка, чорный, шопотъ, щоки, „Изъ-за лѣсу, лѣсу тём-

нава, изъ-за садику зялёнава выхадила туча чорная" (бесѣдн. пѣсня, зап. въ Крап. у., с. Долгомъ); — въ *я*: *я*го, (въ Крап. у.) и *я*во (въ Тул. у.), кр*я*сты, зам*я*тать, н*я* знаю, по́л*я*, мор*я* (им. п. ед. ч.), „Са вьюномъ я хажу, я н*я* знаю, куды вьюнъ палажить" (свад. пѣсня, зап. въ Крап. и Тул. уу.), „Удоль на улицы мятелица м*я*тёть" (пляс. п., зап. въ Т. у.); — въ *ё* и *ё* въ *е*: б*ё*ды, сл*ё*зы, пойд*е́*мъ, и́д*е*ть (въ Кр. у.). Переходъ зв. *е* въ *я* особенно замѣтенъ въ Тул. у. и по преимуществу у тул. оруж. и мѣщанъ. Въ одномъ случаѣ *е* перех. въ *о* послѣ *х*: махоньній.

c) *и* неуд. — въ *а*: ж*а*вой, ж*а*вѣй, пан*а*хида, *а*нтересъ; — въ *е* (рѣдко): наж*е*мать, ш*е*пѣть, добр*ы*и (им. п. мн. ч.); — въ *я*: м*я*ло́й, „Кыкъ сказали пра маво м*я*лова, б*ы*тта не́ жиф, н*я* здаро́ф" (бесѣдн. пѣсня, зап. въ Крап. у.), пр*я*меръ, в*я*локъ, н*я*чаго; *и* съ уд. и безъ уд. — въ *ы* послѣ шипящихъ (ж, ч, ш, щ) и согласн. *к*, *р* и *х*: муж*ы*къ, молч*ы*ть, ш*ы*шка, щ*ы*пать, заволок*ы*вать, поддак*ы*вать, гр*ы*бъ, стр*ы*чь, „Ж*ы*ли-были муж*ы*чки́, расли у лясу рыж*ы*чки" (бес. п., зап. въ Тулѣ); *и* съ уд. — въ *е*: ч*е*нишь, п*е*лишь (также въ 3-мъ л. ед. ч. и во всѣхъ л. мн. ч.; въ двухъ корняхъ).

d) *о* неуд. постоянно перех. въ *а*: х*а*р*а*шо, п*а*л*а*скать, добр*а*ю (твор. п. ед. ч. ж. р.). Разговорное и ударенное *о* перех. въ *е*: убер*е*ж*е́*мъ, посѣч*е*мъ, толч*е*мъ (послѣ *ж* и *ч*), что́ особенно замѣтно въ Кр. у. Въ Тул. у. такой особенности совсѣмъ не замѣчается, за то́ здѣсь *о* съ уд. послѣ *к* и съ предш. *чь*, *ль*, *рь*, *сь* и *нь* перех. въ *ё*: пятачк*ё*вый, бочк*ё*мъ, вальк*ё*мъ, гуськ*ё*мъ, „Мая личиньк*я* бяленьк*я*, завсягды кыкъ жаръ ѓоритъ" (16-й и 17-й стихи голос. пѣсни, зап. въ Тулѣ и начинающейся: „Што-ш ты, Саша, пріуныла, ня слыхать тваихъ рячей"); — въ *ы*: д*ы*мовой, к*ы*лотить, т*ы*ропить, п*ы*гулять, „В*ы* лузяхъ, в*ы* лузяхъ" (пляс. пѣсня, зап. въ Тул. у.), „Вы пали бярёза стаяла" (тоже пл.); — *о* съ уд. въ *а* въ одномъ случаѣ: раб*а*тать; — въ *у*: с*у*млѣнье, с*у*млѣваться, с*у*сѣдъ; — в *іе*: сходств*іе*, чувств*іе*; — въ *я* послѣ *к* и предш. *ч*, *ль*, *нь*, *рь*,

и это почти всегда бываетъ въ концѣ: тольк*я*, скольк*я*, маленьк*я*, лич(и)к*я*.

e) *у* неуд. — въ *а* въ ед. ч. женск. р. прилагательныхъ твердаго склоненія (им. п. ый, ой, ая, ое) въ вин. п.: добр*аю*, полн*аго*, здоров*аго*, крѣпк*аго*, „У добр*аю* голаву сто рукъ" (посл.); — рѣдко въ *е*: чемарзый; *у* съ уд. въ немногихъ словахъ—въ *е*: пок*е́*да, пок*е́*дова; въ одномъ случаѣ въ *э*: отт*э*да; — въ *ю* послѣ *к*, *ч*, *щ*: милостыньк*ю*, копѣйк*ю*, лейк*ю*, бойкюю, „Не́ съ кимъ мнѣ малотки ночк*ю* начавать" (5-й стихъ пѣсни „Ночкя тёмная", зап. въ Тул. и Крап. уу.).

f) *ы* неуд. — въ *а* въ им. п. ед. и мн. ч. прилагательныхъ муж. р., оканчивающихся на *ый* и иногда на *ій*, а также *ые*: чёрн*ай*, звонк*ай*, зубаст*ай*, „Я пайду, пайду касить, ва зялёнай лухъ" (пѣсня, зап. въ Тул. у.), „Зялёнай дупъ, кучеряв*ай* дупъ, широк*ай* листъ на табѣ" (бесѣдн. п., зап. въ Тулѣ) — въ *и* послѣ согласныхъ б, в, д, ж, з, л, м, н, р, т: школ*и*, баб*и*, грив*и*, мам*и*, Варвар*и*, гривн*и*, невѣст*и* (род. падежи); рад*и* (им. п.); в*и*сокій, в*и*скакивать; — въ *ѣ* (въ род. п. сущ.): у жен*ѣ*, у сестр*ѣ*; *ы* съ уд.—въ *о*: нонѣ, нонче; —въ *у*: солн*у*шко, пёр*у*шко, „Хмѣль, ты мой хмѣль, хмѣлиная пёрушка" (свад. п. въ Тул. у. сельцѣ Байдинѣ).

g) *ѣ* неуд. — въ *и*: въ пол*и*, въ город*и*, на дорог*и*, (предл. пад.), „Вы пал*и* бярёза стаяла" (пляс. п.); вообще такія измѣненія бываютъ на концѣ въ дат. и предложн. падежахъ, оканчивающихся на *ѣ*: кошк*и* игрушки, мышк*и* слёзки, счётъ дружб*и* не помѣха; по Сеньк*и* шапка, по свиньѣ мѣшалка, по Маланьи шлыкъ (кошк*и*, мышк*и*, дружб*и* — дат. падежи, Сеньк*и*, Маланьи — предложные);— въ *ы*: на улиц*ы*, на Тулиц*ы* (назв. рѣки въ Тулѣ), на полиц*ы* (часть сохи), на бойниц*ы*, „Удоль по улиц*ы* мятелица мятёть" (пляс. пѣсня, зап. въ Тул. и Крап. уу.); — въ *я*: цв*я*ты, з*я*вать, зам*я*сить (замѣна очень частая, особенно въ Тул. у.), „Расцвяли цвяты (или твяты) лазо́реваи" (5-й ст. пѣсни „Вы лузяхъ"); — въ *у* и *ю* (въ предл. п.): въ

старомъ зипунишк*у*, въ этомъ кан*ю* мало толку; *ѣ* съ ударенiемъ въ *я*: опосл*я*, окром*я*, скор*я*е.

h) *ю* неуд. — въ *и* и *я*: син*и*ю и синяю, рябу*я*, слѣпу*я*, „Адинъ цыганъ ня пьётъ, ня гуляеть, маладу*я* цыганкю сабѣ выбираить (голос. пѣсня тул. мѣщ. „Кыкъ за рѣчкяй цыгане гуляють"). Какъ видно, такая замѣна часто бываетъ тогда, когда стоятъ рядомъ двѣ буквы *ю*, или когда на концѣ передъ *ю* слышится ударенiе (не говорится: добру*я*, бѣлу*я* и т. д.); *ю* колеблется между *у* и *ю*: искреннюю и искренн*у*ю, дальнюю и дальн*у*ю.

i) *я* неуд. въ 3-мъ л. ед. и мн. ч. страд. залога глаголовъ наст. и буд. вр. перех. въ *а:* имѣетц*а*, чернѣютц*а*, проситц*а*, молятц*а*, „Ды хто влюбицц*а* ф каво, Вѣрна, сохнить атъ таво" (12 и 13-й ст. бесѣдн. пѣсни „Што за скука, што за грусть, кады съ милымъ расстаюсь", зап. въ Тулѣ);—въ *е*: т*е*ну, в*е*жу, гл*е*жу (рѣдко, болѣе въ Крап. у.); *я* съ удар. въ одномъ только случаѣ перех. въ *е*: м*е*чикъ. Въ Крап. у. *я* часто перех. въ *и*: м*и*сной, р*и*довой, пр*и*мой, дл*и*. Но въ Тул. у. неуд. *я* почти никогда не переходитъ въ другiе гласные звуки, напротивъ, существуетъ какое-то особенное тяготѣнiе къ этому звуку. Для всѣхъ гласныхъ звуковъ безъ удар., кромѣ *ы*, *я* служитъ замѣною, особенно же для *е*: рѣчк*я*, свѣчк*я*, вяду, пляту, вярёвка, бягу, бялуга, прямѣта, тольк*я*, копѣйк*я*, сулейк*я*, глух*у́я*, дурн*у́я*.

k) *і* неуд. — въ *а* и *я*: громк*а*й, звонк*а*й, велик*а*й, син*я*й, искренн*я*й и искренн*а*й, дальн*я*й и дальн*а*й; *і́* съ уд.—въ *е*: К*е*евъ (одинъ случай); *і* съ уд. и слѣд. *й*—въ *ив*: уб*ив*ство; въ *е*: Васил*е*й.

2. Особенности въ употребленiи согласныхъ.

a) *б* неимѣющее послѣ себя гласной или согласныхъ *л*, *м*, *н*, *р*, перех. въ *п*: ду*п*, дро*п*ь, тру*п*ка, со*п*ственно; *бб*—въ *б*: субота.

b) *в*—въ *ф*: клю*ф*, рука*ф*, пiя*ф*ка, кро*ф*ь. Стремленiе зв. *в* къ переходу въ *ф* та́къ сильно, что даже стоящiй

передъ нимъ зв. *х* поглощается и замѣняется *ф*: *ф*атать, *ф*остъ, *ф*оростъ. Эта особенность распространена въ Тул. у. и по преимуществу среди тул. оруж. и мѣщ.; — въ *ж*: обу*ж*а; — въ *м*: поѣ*м*ши, сдѣла*м*ши, купи*м*ши (предъ зв. *ш*), „Посѣй*м*ши палоли“ (бесѣдн. пѣсня, „Пасѣю ль я дѣвкамъ лёнъ“, зап. въ Крап. у.); — въ *л*: с*л*обода, ос*л*обониться; — въ *п*: Ка*п*казъ (одно слово); — въ *р*: ск*р*озь, наск*р*озь, „Выньтя маю душу ск*р*озь рёбры маи“ (поется въ пѣснѣ о Лазарѣ въ Крап. у.); *к* и *в* въ *ф*: *ф*атера, *ф*артальный.

c) *г* въ *х*: Бо*х*ъ, мо*х*ъ (прош. сов. глаг. мочь), бёре*х*ъ, берё*х*ъ, ле*х*ко, *х*дѣ, ни*х*дѣ; иногда—въ *к*: четвер*к*ъ, бѣ*к*ъ, лё*к*ок, поперё*к*ъ; очень часто въ *в*: полна*в*о, чёрна*в*о, дурно*в*о, слѣпо*в*о, ча*в*о, я*в*о, ника*в*о, ко*в*о (въ 4-хъ послѣднихъ словахъ *г* замѣняетъ *в* только въ Тул. у.; въ Крап.: ча*г*о, я*г*о, ника*г*о, ка*г*о), „Мима лѣсу, мима тёмна*в*а“ изъ-за садику зялёна*в*а“ (голос. пѣсня, зап. въ Тул. у., сельцѣ Байдинѣ), „Салавей ты, мой салавьюшкя, вольная ты пташачкя, ты ня вей гнязда пративъ ма*в*о акна (свад. п., зап. въ Крап. у., селѣ Бородинѣ).

d) *д* въ *т*: горо*т*, ро*т*ъ, лё*т*ъ, бу*т*то, по*т*бѣжалъ, „Кыкъ, па*т*ъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зляненькимъ, тамъ гуляла дявчоночкя, Олинькя чярненькя“ (голос. п., зап. въ Тулѣ отъ оруж.), по*т*жечь, по*т*зёмка (правильно: позёмка), по*т*караулить, по*т*сунуть, по*т*ъ снѣгомъ, на*т*ъ фундаментомъ, по*т*ходъ, по*т*цѣпка, по*т*шутить, по*т*щёлкивать, на*т*ъ щекой; — въ *в*: *в*еликатный; — въ *ц*: девятна*ц*цать, пятна*ц*цать; — въ *н*: ки*н*ай, глян*ь*, ослобо*н*иться, пона*нь*, попа*н*ешь;—въ *ч*: моло*ч*чина, по*ч*чищать.

e) *ж* въ *ш*: но*ш*ъ, ро*ш*ь, рѣ*ш*ъ, но*ш*ка, ло*ш*ка;—въ *г*: стере*г*ёмъ, бере*г*ёмъ, ж*г*ёмъ, ж*г*ётъ (во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. и во всѣхъ л. наст. вр. мн. ч.);—въ *щ*: му*щ*ина.

f) *з* въ *с*: нискій, беспокойный, беспрестанный, нисшій, рассыпать, бестѣлесный, бесформенный, бесчинно, бесхарактерно, бесцѣнокъ, моросъ, восъ, изморось, рѣсь; — въ *ж*, когда оно удвояется: во*ж*жи, во*ж*жечь, подгва*ж*живать

(поддакивать); *з* и *ч*, *з* и *с* — въ *щ*: прика*щ*икъ, разска*щ*икъ, изво*щ*икъ, *щ*ётъ, ра*щ*ётъ.

g) *к* въ *х*. Удобнѣе всего это прослѣдить на предлогѣ *къ*. Примѣры: *хъ* богатому, я иду *хъ* горѣ, *хъ* кому ты идёшь, *хъ* тёткѣ, хара*х*теръ, „Ахъ, *х*то-шъ у насъ умёнъ, *х*то у насъ разумёнъ" (свад. п., зап. въ Крап. у., с. Долгомъ); очень немного есть такихъ случаевъ, когда *к* передъ *р* переходитъ въ *х*: *х*рестъ, *х*реститься; — въ *ч*: помал*ч*ивай, *ч*авардакъ, тол*ч*и.

h) звуки *л*, *м*, *н* и *р* не представляютъ такихъ особенностей, ка́къ другіе. Изъ особенностей замѣчаются слѣдующія: *л* переходитъ въ *р* и, наоборотъ, *р* въ *л*: кры*л*осъ, ди*л*екторъ, *л*евизоръ, *л*япортъ, *л*япорта́, *л*еворверъ, кул*ь*еръ, ко*л*идоръ; *л*—въ *х*: ма*х*онькій; *мм* и *нн*—въ *м* и *н*: гра*м*ота, исти*н*ый, сдѣла*н*ый; *н*—въ *ж*: не тро*ж*ь (очень рѣдко);—въ *л*: сум*л*ѣніе, сум*л*ѣваться;—въ *т*: жиз*т*ь.

i) *с* въ *з*: *з*бился, *з*гинулъ, *з*дѣлать; *с* и *т* въ *ш*: стра*ш*на́я (недѣля); *с* и *тс* въ *ц*: до*ц*ка, поло*ц*кій, каде*ц*кій (агли*ц*кій); *тс* въ *цц*: труди*цц*а, моли*цц*а; *сс* — въ *с*: ру*с*кій, пру*с*кій! *з* и *с*—въ *с*: францу*с*кій, ра*с*казывать; *с*— въ *ш*: па*ш*портъ, *шъ* миломъ, прои*ш*шествіе (передъ *ш*); *с* и *ч* — въ *щ*: *щ*ётъ, ра*щ*ётъ; *ск* — въ *шш* или *щ*: пу*шш*ай или пу*щ*ай, пу*шш*ать или пу*щ*ать.

k) *т*—въ *ш*: хо*ш*ь;—въ *ч*: *ч*кни.

l) *ф* безъ слѣд. гласнаго и предъ слѣд. гласными — часто въ *хф*: *Хф*едосья, *Хф*ёдоръ, *хф*артукъ, тре*хф*оль, *хф*унтъ; -- въ *х* (передъ *р*): *х*ранцузъ, *х*рунтъ, Е*х*ремовъ.

m) *х*—въ *к*: *к*озяинъ, *к*арахтеръ (рѣдко); въ *п*: Степа*н*ъ, шка*п*ъ; — въ *ф*: ку*ф*ня, ку*ф*арка, пана*ф*ида.

n) *ц*—въ *ч*: *ч*еремонія, *ч*ѣпь, *ч*ѣпъ, на*ч*угонять, пере*ч*угонять, (догнать, перегнать—выраж. тул. мѣщ. и оруж.), *ч*ыфера́, *ч*ыфирь, *ч*иркуль;—въ *т*: *т*вѣтъ, *т*вѣты (особ. въ Крап. у.).

o) *ч* переходитъ иногда въ *к*: те*к*ёшь, те*к*ётъ, пе*к*ёшь, пе*к*ётъ, сѣ*к*ёшь, сѣ*к*ётъ;—въ *т*: лу*т*шій, улу*т*шить. *Ч* также, ка́къ и *ш* и *щ*, поглощаетъ другіе звуки: жен*ч*ина, моло*ч*чина, ве*ч*чина; — въ *ш*: по*ш*теный, *ш*то, гре*ш*нёвый,

в*ѣш*ный, коне*ш*но, серде*ш*ный, запе*ш*ный, „*Ш*то-щъ ты, Саша, пріуныла“ (пѣсня, зап. въ Тулѣ); *з*, *д* и *ч* — въ *щ*: звѣ*щ*атый (одинъ случай).

р) *щ* всегда переходитъ въ *ш* или *шш*: об*ш*ество, об*ш*ественный, помѣ*шш*икъ, помѣ*шш*ать, помѣ*шш*ённый, про*шш*енье, про*шш*ать, про*шш*ённый, „И тѣмъ душамъ нѣтъ про*шш*енья, никакова имъ покоенья“ (поется въ концѣ духовныхъ стиховъ „Жидовья, жидовья, Христа распяли“, зап. въ Крап. у.), „У насъ у городи Вянёви домъ аб*ш*ественный пріёмъ“ (7-й и 8-й стихи пѣсни „Вы послушайтя, рябята, да што я вамъ скажу“, зап. въ Тул. у.). Какъ видно, такая замѣна *щ* зв. *ш* или двойнымъ *шш* бываетъ тогда, когда передъ *ш* стоитъ *б* или слогъ *мѣ*, или, наконецъ, слогъ *про*. Кромѣ того, *щ* всегда переходитъ въ *шш* передъ гласными *а*, *е*, *и* (*і*), *о*, *у*: *шш*авель, по*шш*ада, *шш*еколда, *шш*ипать, за*шш*ита, *шш*оки, *шш*отка, *шш*ука, *шш*упять, *шш*упать, „Божа мой, Божа мой, што за душачкя такой, *шш*очки розачкяй пакрылись, гупки алинькяи“ (свад. п., зап. въ Тулѣ отъ мѣщ.).

q) *ш* зам. *х*: слу*х*ать, послу*х*ать.

3. Замѣна гласныхъ согласными и полугласными и наоборотъ; растяженіе тѣхъ и другихъ.

Согласный звукъ *в* очень часто служитъ замѣною для *у*, и на оборотъ, *у*—для *в*: Онъ пошёлъ *у* городъ, онъ былъ *у* поли, *у*другъ, *у*зялъ, *у*зять, *у*дова, *у*довушка, *У* добраю голаву сто рукъ, *У*сѣмъ сястрамъ па сяргамъ, *в*озналъ, *в*уголь, *в*кралъ (иногда: скралъ). Предлогъ *въ* почти всегда замѣняется *у*, тогда—какъ предлогъ *у*—никогда.

Ь замѣняетъ *и*: под*ь*, глян*ь*, полож*ь*, попан*ь*; *ъ* также замѣняетъ *и*: пак*ъ* сюда (пойди сюда).

Послѣ *р* безъ слѣд. гласнаго, слышится *ь*, особенно въ Тул. у.: перьвый, верьба, черьвякъ, черьнила, черьтить, зарьдѣлся, кочерьга, растерьзать, корьпія, карьпія, корьмить, арьсеналъ, верьхъ, верьфь, верьчаный, барьщина. Эти примѣры также ясно показываютъ, что во всѣхъ случаяхъ,

когда послѣ *р* стоятъ согласные звуки в, г, д, з, м, н, п, с, т, ф, х, ч и щ, исключая б, ж, к, л и ц, слышится *ь*. Впрочемъ, при этомъ, большую роль играютъ и мягкіе звуки, которые стоятъ послѣ вышезначенныхъ зв., такъ, что *ь* можетъ слышаться и послѣ другихъ согласныхъ, только чтобы послѣ слѣд. согл. стояли мягкіе звуки, напримѣръ оцѣньщикъ, прелесьть, корысьть, водькя, колодькя.

И съ предшеств. *н* въ одномъ случаѣ замѣняется *й*,— это въ корнѣ *им*: наймать, найматься, займать, займаться.

Звукъ *ё* въ Тул. у. очень часто поглощаетъ и, слѣдовательно, замѣняетъ *тъ* или народное *ть*: говорится идёть и идё, плывёть и плывё, „'Насъ по́ марю, 'насъ па мо́рю, мо́рю синяму, па синяму, па синяму па Хвалынскому, плывё стада лябядиная“ (хор. п., зап. въ Тул. у.), берёть и берё, ходить и ходя, пляшеть и пляша; но въ Крап. у. въ этихъ случаяхъ слышится просто *е*: йдеть, бере́ть, веде́ть. Но когда корень глагольный оканчивается на *ч*, *ш* и *щ*, то въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. дѣйствит. залога замѣною для *тъ* и предшествующаго *е* (иногда *и*) служитъ *я* или *а*: хочя, пляша, тащя, слушая, кушая, свищя, „Кыкъ за рѣчкяй за рѣкой барыня гуляя, она праваю рукой друшка вызывая“ (свад. пѣсня тул. мѣщ. и крест. Крап. у.).

О въ обоихъ уѣздахъ замѣняется иногда *ъ*: не хужъ, не плошъ того.

А на концѣ зват. словъ всегда переходитъ въ *ъ*: мамашъ, папашъ, Наташъ, мамъ, папъ.

Полугласный *й* послѣ *ѣ* и *і* иногда переходитъ въ *в*: дѣвствовать, убивсто; *ь* послѣ *в* — въ *а*: церква, обужа, морква.

Относительно съуженія и растяженія нѣкоторыхъ звуковъ можно сказать слѣдующее. Оно состоитъ или въ переходѣ гласной и полугласной въ долгую гласную, или въ прибавленіи въ срединѣ сло́ва и на концѣ одного или нѣсколькихъ звуковъ согласныхъ. Рѣдко бываютъ случаи стяженія звуковъ въ началѣ.

Примѣрами стяженія и растяженія гласныхъ звуковъ

могутъ служить слѣдующія слова: по*й*ѣхалъ, по*й*ѣлъ, у*й*ѣхалъ, за*й*ѣхалъ, „Какъ па*й*ѣхалъ нашъ 'Ляксандра сваю армію сматрѣть“ (гол. пѣсня, зап. въ Крап. у., с. Долгомъ), п*ы*грать, „Вы п*ы*грайтя, гусли—мысли, я вамъ пѣсянькю спаю“ (пляс. п., зап. въ Крап. у.).

Примѣры наращенія и вставокъ и приставокъ въ началѣ: *до*прежъ (прежде), *су*противъ, *он*омнясь, *с*родственникъ, *нацу*гнать (догнать—выраж. тул. оруж.), спокой, *эф*тотъ (этотъ), *эн*тотъ (тотъ), огромадный, окромя, опосля, *в*осьмой, *в*остры. Въ серединѣ н*д*равъ, н*д*равиться, с*т*рамъ, с*т*рамиться, с*т*раженіе, усп*л*енье, об*н*ыкновенно, по*штво*вать, скид*о*вать, бога*ч*ество, „Стаялъ воинъ на чясахъ блисъ поля с*т*раженья“ (пѣсня, зап. въ Тул. у.).

4. Выбрасываніе гласныхъ и согласныхъ.

А передъ *л*: 'Ляксандръ, 'Лексѣй, 'Лёша; передъ *р*: т'раканъ.

Е передъ *ст* съ предыд. *р* выбрасывается въ слѣдующихъ словахъ: к''стины, к''стить; промыс'лъ, вымыс'лъ; *ё* съ уд. на концѣ: кто е' знаетъ?; передъ *и* и *ч*: с'ичасъ, дав'ча;—передъ *г*: сво'го, мо'го, тво'го.

О передъ *л*, *р*, *ш*: п'шолъ, ок'роти, п'лоскать, п'ложить.

И съ пред. согласн. *д*, *ш* и *ч*: вйшь, слы̆шь, хо̆шь; передъ *сп* и *стр:* 'справный, 'спужаться, 'спортить, 'струментъ.

У и *с* передъ *п*: ˇпокоенье, „И тѣмъ душамъ нѣтъ прошшенья, никакова имъ ˇпакоенья“ (2 посл. стиха дух. стиховъ, начинающихся словами „Жидовья, жидовья Христа распяли“, зап. въ Крап. у.).

Й передъ *д*: по'дёмъ, за'дёмъ, подо'дёмъ.

Іи и *іе*—передъ *с* и *р*: 'Сусъ, 'Русалимъ (см. Авсеневую п., нач. „Пошёлъ Авсень“.

В. Выбрасываніе согласныхъ.

Б передъ *у* въ серединѣ: ба'ушка, въ концѣ вмѣстѣ съ *я* или *ѣ*: А чёмъ задумалси, служивай, а чёмъ гарю-

ишъ маладой? Илй те" служба надаѣла, или твой" и т. д. (гол. п., зап. отъ тул. оруж. и мѣщ.), я те'.

В передъ *А*: 'Аршава, „Што-шъ ты, милай, гласки лупишь, какъ галодная сава? Жылъ я у гвроди 'Аршави, многа денягъ накапилъ" (гол. п., зап. отъ тул. оруж.);— передъ *н*: „'Насъ пó марю" (хор. п., зап. въ Тул. у.);— передъ *ѣ*: раз'ѣ; — передъ *ств*: чу'ство, чу'ствовать, здра'-ствуй.

Г — передъ *е*: 'енералъ;— передъ *о*: 'Осподинъ, 'Осподи, бла'родный, бла'дарить, бла"творить, убла"творить.

Д — передъ *м*: се'мой, 'Митрій; передъ *н*: праз'никъ;— передъ *ц* и *ч*: сер'це, сер'чать;— передъ *т*: пой'ти, най'ти, зай'ти, прой'ти.

З — передъ *с*: ра'сказъ, ра'сказывать (исключит. въ этихъ словахъ); *зв* передъ *ѣ*: раз"ѣ.

К — передъ *б*: ка'бы, ка'быть.

Л — передъ *ь* и *ю*: кораб'ь, журав'ь, нá-зем'ь, ó-зем'ь, клейм'ю.

Н — передъ *ь*: жиз'ь; *ни* — передъ *ма*: оты'мать, поды'-мать, при'мать.

Р — передъ *с*: к"стить, к"стины.

С — въ концѣ: спроша';— передъ *м*: 'мотри.

Т — передъ *н*: крес'ный, чес'ный, извѣс'ный, прелес'-ный; на концѣ: во", можа'.

Ч съ пред. гласною *е* передъ *а*: дав'я; *ч* и *е* передъ *т*: хо"тца.

5. Объ особенностяхъ въ удареніи.

Чтó касается особенностей въ удареніи, то въ этомъ отношеніи нельзя сказать что-нибудь положительное, опредѣленное. Въ обоихъ уѣздахъ, особенно въ Крап. у., удареніе часто переходитъ отъ начала къ концу и тó больше въ стихахъ. Такой переходъ обусловливается благозвучіемъ для слуха.

Примѣры перехода ударенія отъ начала къ концу: работáть, обществó, супротúвъ, деньгóвъ, дѣятельность, слу-

ча́й, обыча́й, кабы́ть, раве́нъ, перво́й, честно́й, мило́й, Ива-на́, румяно́, Божье́й, сине́е, новы́я, или́, разуме́нъ, ста-ры́е (послѣдн. 11-ть словъ и мн. др. въ стихахъ), „Доня была румяна́, за што любишь Ивана́ (свадебн. п., зап. въ Тул. у.), „Вы падитя ка Бажье́й церкви“ (8-й стихъ ве-личальной пѣсни „Ушъ и рѣка-ль ты, моя рѣчинькя“, зап. въ Тул. у., с. Байдинѣ), „Выхадила малада за навы́я ва-рата“ (6-й стихъ пѣсни „Ахъ, вы сѣни, маи сѣни“, зап. въ Тул. у.), „А хто у насъ уме́нъ, хто у насъ разуме́нъ“ (свад. п., зап. въ Крап. у.), „А чёмъ задумалси, служи-вай, а чёмъ гарюишь маладой? Или́ те" служба надаѣла?“ (гол. п., зап. въ Тулѣ).

Примѣры перехода ударенія отъ конца къ началу: по-ло́жить, ве́ртится, ве́рнется, цы́гане, дѣ́вица, мо́лодецъ (боль-шею частію въ разговорной рѣчи), „Кыкъ падъ яблань-кяй, падъ кудрявай зяляно́й, сидѣлъ мо́ладецъ тако́й“ (пл. п., зап. въ Тулѣ), „Кыкъ за рѣчкяй цы́ганя гуляли“ (гол. п., зап. въ Тулѣ.

Прибавленіе. Нѣчто о дѣтскомъ языкѣ.

Языкъ дѣтей въ томъ или другомъ уѣздѣ имѣетъ ту особенность, что часто допускаетъ растяженіе и вставки лишнихъ гласныхъ (бер*и*лъ, зап*е*рилъ, укра*д*алъ), замѣну въ прош. сов. *ѣ* зв. *и*: шум*и*ла, свист*и*ла; замѣну *ей ямъ*: я ходилъ съ Кол*ямъ*, съ Волод*ямъ*; перестановку звуковъ: вѣдмедь (вм. медвѣдь). При этомъ я уже не напоминаю объ особенности, свойственной всѣмъ дѣтямъ, по которой *ш* зам. *с*, *р—л*, *ж—з*: мамаса, уклалъ, му*з*ыкъ.

В. Благовѣщенскій.

Предлагаемый вниманію читателей Русскаго Филологическаго Вѣстника „Планъ путешествія по Славянскимъ землямъ“ незабвеннаго В. И. Григоровича, громко говоритъ о положеніи Славяновѣдѣнія на Руси за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Не смотря на новизну, такъ сказать, славяновѣдѣнія какъ науки, русскіе піонеры его уже въ то время ясно сознавали его великую задачу и обширный объемъ. Матеріальное богатство науки было извѣстно имъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не укрылись отъ нихъ пробѣлы въ трудахъ европейскихъ корифеевъ славяновѣдѣнія. Самымъ первымъ выразителемъ научныхъ чаяній друзей славяновѣдѣнія на Руси, былъ, конечно, Григоровичъ, стремившійся изъ Казанскихъ улусовъ во всѣ неизслѣдованные края Славянскаго юга, которые предлагали смѣлымъ изыскателямъ новыя данныя для всесторонняго изученія первоначальныхъ вопросовъ науки, не получившихъ впрочемъ и доселѣ окончательнаго разрѣшенія. Никто изъ русскихъ славистовъ до Григоровича не заглядывалъ въ „Балканскіе дебри и лѣса“ и за Балканы, находя, конечно, болѣе конфортабельнымъ изучать наличныя данныя въ извѣстныхъ „цивилизованныхъ“ пунктахъ западно-славянской территоріи, и ни одинъ изъ нихъ не представилъ такихъ вѣскихъ матеріаловъ для уясненія, если не разрѣшенія первыхъ вопросовъ литературы и исторіи Славянъ, какъ Григоровичъ! Уже Шафарикъ, создавшій — можно сказать — науку о Славянствѣ, привѣтствовалъ еще въ 1853 г. [1]) Григоровича, какъ ученаго, которому наука обязана разрѣшеніемъ вопроса о древности глаголицы въ противоположность ходячему мнѣнію Добровскаго объ ея молодости

---

[1]) Pamatky hlaholského písemnictví, стр. VI.

сравнительно съ, такъ называемой, кириллицей. Шафарикъ, на трудахъ котораго воспитывался Григоровичъ, воспользовался въ своихъ работахъ многими открытіями своего ученика въ области древней славянской письменности и ставилъ Казанскаго ученаго значительно выше, чѣмъ его всероссійскіе соотечественники прежняго и даже новаго времени.

Стремленія Григоровича проникнуть въ область неизвѣстнаго въ наукѣ, обозначившіяся въ предлагаемомъ планѣ, выразились еще ярче въ осуществленіи этихъ стремленій. Григоровичъ въ поѣздкѣ своей измѣнилъ „маршрутъ“ путешествія и началъ прямо съ „неизвѣстной земли, откуда могъ явиться на ученый западъ уже во всеоружіи знанія нетолько извѣстнаго матеріала, но съ новыми открытіями, расширявшими кругозоръ славяновѣдѣнія. Намѣтивъ цѣль, онъ пошелъ къ ней инымъ, простѣйшимъ путемъ: онъ началъ съ того славянскаго юга [1]), который и доселѣ хранитъ въ своихъ нѣдрахъ разгадку многаго изъ того, что „и не снилось нашимъ мудрецамъ“.

М. П—ій.

---

[1]) См. Краткая записка о путешествіи магистра Казанскаго Университета Григоровича, напечатанная въ Ж. М. Н. Просвѣщенія. Часть LIV, и Ученыя записки И. Казанскаго Университета, 1848 г. кн. 3. и отдѣльно: Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. Казань 1848.

ПЛАНЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЛОВЕНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ.

Согласно предписанію Вашего Превосходительства отъ 24 Марта 1843 года, принявъ въ соображеніе сообщенныя мнѣ замѣчанія Гг. профессоровъ Погодина и Бодянскаго, имѣю честь представить планъ путешествія по словенскимъ краямъ.

Желая уяснить себѣ цѣль и пользу предполагаемаго путешествія, долгомъ почитаю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о предметахъ занятій своихъ, сообразно съ успѣхами и требованіями науки. Сообразивъ весьма значительныя свѣдѣнія, собранныя въ настоящее время учеными, о древней нашей литературѣ, о многихъ нарѣчіяхъ и вообще объ этнографіи, полагаю, что въ этомъ отношеніи мнѣ осталось только воспользоваться ихъ трудами. Повторять ихъ изслѣдованія мнѣ кажется и потому лишнимъ, что при настоящей необходимости расширить кругъ моей науки, требуется обратить вниманіе на предметы, менѣе упоминаемые въ ихъ извѣстіяхъ. Сверхъ того, поставивъ изученіе исторіи литературы Словенъ главнымъ предметомъ занятій теперь, когда теорія большей части словенскихъ языковъ въ частности, какъ мнѣ кажется, уже достаточно обработана, полагаю не безполезнымъ обращать вниманіе на произведенія позднѣйшихъ вѣковъ, чтобы уяснить себѣ характеръ извѣстной эпохи литературы. Для уразумѣнія литературы необходимо знакомство съ исторіей народовъ, весьма важныя части которой остаются до сихъ поръ еще темными.

Основываясь на этомъ разсужденіи, желаю при занятіяхъ языками обращать особенное вниманіе на языки са-

мыхъ южныхъ Словенъ и преимущественно Булгаръ, при занятіяхъ литературою, усиливаться ознакомиться съ главнѣйшими произведеніями каждой эпохи и при этомъ не упускать изъ виду знакомства съ историческими событіями въ жизни народовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи обращая всегда вниманіе на религіозное развитіе Словенъ, какъ условіе развитія ихъ литературы, я желалъ бы познакомиться съ такими памятниками, которые при всей важности своей, не изданы или по рѣдкости непріобрѣтимы. Памятники XV и XVI ст. будутъ преимущественно привлекать мое вниманіе.

Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, въ путешествіи желалъ бы сдѣлать остановки на такихъ мѣстахъ, гдѣ надѣюсь найдти въ большомъ количествѣ пособія и содѣйствіе ученыхъ мужей. Главными точками остановки, мнѣ кажется, можно сдѣлать преимущественно Прагу, засимъ Загребъ (Аграмъ), Дубровникъ (Рагузу), Львовъ (Лембергъ), Лейпцигъ и Познань.

Позволивъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ вообще о предметахъ занятій своихъ, осмѣливаюсь изложить, по какому направленію желалъ бы совершить предполагаемое путешествіе. При этомъ укажу и на занятія, къ которымъ, мнѣ кажется, можетъ меня призывать пребываніе въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Одессу поставилъ бы я точкою отправленія. Здѣсь, мнѣ кажется, успѣшнѣе чѣмъ гдѣ либо могу предварительно усовершенствоваться въ италіанскомъ и новогреческомъ языкахъ и пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія въ волошскомъ. Знакомство съ этими языками, облегчитъ путешествіе по южнымъ странамъ и, быть можетъ, доставитъ случай пояснить много темныхъ вопросовъ какъ въ изученіи языковъ, такъ и въ исторіи южныхъ Славянъ. Сверхъ того въ Одессѣ представится безъ сомнѣнія случай пріобрѣсти много свѣдѣній, нужныхъ путешественнику по Европейской Турціи. Довольно упомянуть о пребываніи здѣсь образованныхъ Булгаръ, чтобы увѣриться въ важности избираемаго мною исходнаго пункта.

Изъ Одессы чрезъ Бессарабію и Молдавію отправлюсь въ Седмиградъ. На этомъ, хотя бѣгломъ, пути буду обращать вниманіе на слѣды, оставшіеся здѣсь отъ существованія Словенъ и ихъ образованія. Извѣстно, что еще до исхода XII столѣтія поселеніе нынѣшнихъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи состояло преимущественно изъ Словенъ, соплеменныхъ настоящимъ Булгарамъ, а употребленіе словенскаго языка въ богослуженіи продолжалось повсемѣстно до половины XVII и отчасти даже до самаго XVIII столѣтія. Не менѣе важно для пополненія круга свѣдѣній о словянщинѣ изученіе исторіи и языка волошскихъ поселенцевъ. Исторія этихъ странъ можетъ почесться продолженіемъ Булгарской, а языкъ ихъ представляетъ своимъ образованіемъ чрезвычайно любопытное сближеніе съ булгарскимъ.

Въ Седмиградѣ посѣщу города Брашовъ (Кронштадъ) и Сабинъ (Германштадъ). Въ библіотекахъ ученыхъ заведеній этихъ городовъ встрѣтятся безъ сомнѣнія, кромѣ древне-словенскихъ, еще многія рѣдкія польскія книги, переселившіяся сюда вмѣстѣ съ польскими иновѣрцами.

Изъ Седмиграда до Загреба путь мой будетъ большею частію пролегать черезъ Военную Австрійскую границу. Именно выѣхавъ черезъ Караншебешъ, проѣду Мегадію, Старую Оршову, Панчову, Карловицъ, Петервардейнъ, откуда могу отправиться въ Новый-Садъ (Нейзацъ) въ Венгріи, дальше черезъ Митровицъ, Бродъ и наконецъ черезъ города, лежащіе внѣ этой границы, Оссѣкъ (Эссекъ), Пожегу и Беловаръ. Отправляясь по этому направленію, ознакомлюсь съ Сербами, составляющими главную часть военнаго поселенія и могу пріобрѣсти свѣдѣнія о литературной и ученой дѣятельности этихъ Словенъ, преимущественно въ Новомъ Садѣ и Карловцѣ, гдѣ ученыя заведенія предоставятъ богатыя собранія словенскихъ книгъ. При этомъ, быть можетъ, удостоюсь содѣйствія православнаго епископа въ Карловицѣ.

Загребъ (Аграмъ), какъ средоточіе литературной дѣятельности *Иллирійскихъ Словенъ*, заслуживаетъ особеннаго

вниманія. Ученые этого города, а въ главѣ ихъ Людевитъ Гай, полагая свои усилія въ обобщеніи литературы для южныхъ Словенъ, дѣятельностію своею и трудами заставляютъ ознакомиться съ ихъ направленіемъ, столь же, мнѣ кажется, естественнымъ, какъ и необходимымъ. Возрастающее изученіе Далматской литературы XV и XVI столѣтій, замѣченное въ ихъ сочиненіяхъ, позволяетъ надѣяться найдти здѣсь значительное собраніе ея памятниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь можно пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія о южныхъ языкахъ, надъ объединеніемъ которыхъ эти ученые постоянно трудятся.

Для пути этого отъ Одессы до Загреба, принявъ во вниманіе больше чѣмъ двухмѣсячное пребываніе въ послѣднемъ городѣ, мнѣ кажется, надобно не менѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Изъ Загреба (Аграма) до Праги отправлюсь сперва землями, заселенными Хорватами, проѣду черезъ Крижевци (Крейцъ), Вараздинъ, дальше мимо Блатенскаго озера (Балатонъ), до Песта, отсюда въ Пожунъ (Пресбургъ), пограничіемъ Моравіи по рѣкѣ Дыѣ въ Чехію, гдѣ прямо большою дорогою достигну столицы Чеховъ.

По этому направленію могу имѣть случай наблюдать хорватскій языкъ, языкъ поселившихся по Блатенскому озеру Словенъ, занимающихъ середину между Словенцами и Словаками, въ Пестѣ буду имѣть случай пользоваться учеными пособіями Сербскаго Общества (Сербской Матицы), въ Пожунѣ ознакомлюсь съ словацкимъ языкомъ и учеными этого края, по Дыѣ буду встрѣчать хорватскихъ поселенцевъ. Въ Прагѣ кратковременное пребываніе посвящу на приготовленіе къ дальнѣйшему путешествію. Могу надѣяться найдти здѣсь, согласно съ увѣреніемъ проф. Погодина и Бодянскаго, содѣйствіе ученаго Шафарика, огромные запасы котораго, быть можетъ, и для меня будутъ доступны. Если удостоюсь вниманія словенскаго корифея, то постараюсь воспользоваться его совѣтами относительно южныхъ словенскихъ языковъ и преимущественно булгарскаго, къ изданію памятниковъ котораго

г. Шафарикъ уже давно дѣлаетъ приготовленія. Посвятивъ два мѣсяца для этихъ приготовленій въ Прагѣ, отправлюсь немедленно въ южныя земли, заселенныя Словенами.

Стремясь туда, желалъ бы сперва проѣхать Вѣну, гдѣ останусь столько, сколько нужно для ознакомленія съ замѣчательными словенскими памятниками здѣшнихъ библіотекъ, затѣмъ получивъ охранныя бумаги для дальнѣйшаго путешествія, поспѣшу въ Штейермаркъ, гдѣ проѣхавъ Градецъ (Грэцъ), въ университетѣ котораго не оставлю безъ вниманія его огромной библіотеки, достигну поселеній Хорутанъ, съ которыми постоянно буду знакомиться, проѣзжая Радгонь (Радкерсбергъ), Марбургъ, Птую (Pettau), Цилли, и не оставлю ихъ въѣхавъ въ королевство Иллирійское. Здѣсь посѣщу Целовецъ (Клагенфуртъ), Любляну (Лайбахъ), гдѣ въ Лицеѣ преподается словенскій языкъ, а библіотека Барона Цойса познакомитъ меня съ собраніями Хорутанскихъ книгъ; дальше черезъ Горицу (Гэрцъ) и Аквилею достигну Тріеста, поселеніе котораго состоитъ отчасти изъ Хорутанъ и Сербовъ. Изъ Тріеста моремъ желалъ бы отправиться въ Венецію. Здѣсь могу собрать свѣдѣнія о типографіяхъ XVI столѣтія, столь дѣятельныхъ и въ пользу даже Словенъ, постараюсь поискать сербскихъ книгъ XVI и XVII стол. и, быть можетъ, буду въ состояніи собрать матеріалы для исторіи далматскихъ городовъ. Изъ Венеціи же моремъ отправлюсь къ Морлакскимъ островамъ, посѣщу Керкъ (Veglia), Хресъ или Чресъ (Cherso) и Озеро. Жители этихъ острововъ, не извѣстно, чисто ли словенское племя или смѣсь его съ Аварами или другими народами, сохранили въ языкѣ своемъ, какъ говоритъ проф. Срезневскій, много особенностей, достойныхъ внимательнаго изученія. Переѣхавъ съ острововъ на материкъ, встрѣчусь сперва съ Хорватами, проѣзжая черезъ Сень (Ценгъ) и Слуйнъ, за симъ вступлю въ Королевство Далматское. Здѣсь проѣздомъ черезъ Задаръ (Цару), Шибеникъ (Себенико) и Сплитъ (Спалатро) буду имѣть случай пріобрѣсти матеріалы для исторіи приморскихъ городовъ и узнать

о судьбахъ глаголиты; наконецъ достигну Дубровника (Рагуза).

Дубровникъ (Рагуза), этотъ Новгородъ сербскій, гдѣ словенскія стихіи долго оспаривали преимущество у романской, представляетъ пытливому изслѣдователю самые замѣчательные предметы. Древнее общественное устройство этого города, изображенное въ любопытныхъ грамотахъ, изданныхъ иждивеніемъ Ефрема Обреновича, заставляетъ прилежно изучить его исторію; литература преимущественно поэтическая, процвѣтавшая здѣсь въ XV, XVI и началѣ XVII стол. пробудила теперь живѣйшій интересъ въ современныхъ ея преобразователяхъ. Быть можетъ и мнѣ удастся изучить и списать многіе, еще не напечатанные ея памятники. Могу надѣяться найдти здѣсь содѣйствіе ученыхъ францисканцевъ и піяристовъ и книгопродавца Мартекини, ревностнаго собирателя сербскихъ рукописей. При этомъ не оставлю ознакомиться съ албанскимъ языкомъ, къ чему близость города къ Албаніи доставитъ, если не ученыя, то практическія пособія.

Весь проѣздъ изъ Праги въ Дубровникъ вмѣстѣ съ двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ послѣднемъ городѣ, потребуетъ около пяти мѣсяцевъ.

Изъ Дубровника до Аѳоса съ караваномъ или проводникомъ можно отправиться путемъ, указаннымъ Буэ, черезъ Скадръ (Скутари), откуда черезъ Дечани, Призренъ, Калькандеренъ, древнюю столицу царя Душана, Скопію, Кюприли, Истибъ, Струмбичъ, Доиранъ, Авренъ-Гиссаръ, наконецъ Солунь.

Страны, лежащія по указанному направленію, невыразимо любопытны для изучающаго Словенщину. Такъ на пути отъ Скадра до Призрена, постоянно встрѣчая Словенъ сербскаго племени, онъ можетъ, изучая ихъ языкъ, узнать много весьма важнаго о Дуклѣ (Діоклеѣ), родинѣ славныхъ королей дома Неманичей; вышедши изъ Призрена, онъ будетъ до самаго Солуня проходить черезъ мѣста, заселенныя Булгарами. Древняя Македонія нынѣ почти вся превратилась въ словенскую. Языкъ, преданія и самая

мѣстность представятъ здѣсь много новыхъ и важныхъ пріобрѣтеній для науки.

Любопытство наблюдателя можетъ однакожь найдти здѣсь почти непреодолимыя препятствія. Эти страны извѣстны своею опасностію, преслѣдующей на каждомъ шагу путешественника. Тѣмъ не менѣе развѣ крайняя невозможность должна остановить его стремленіе удовлетворить требованіямъ науки. Не маловажнымъ ободреніемъ можетъ быть ему примѣръ извѣстнаго Буэ, которому ученый свѣтъ одолженъ основательнѣйшимъ сочиненіемъ о Турціи Европейской, а охраною ему будетъ вѣсъ нашего правительства, которымъ конечно можетъ воспользоваться и наука. Исходатайствовавъ путешественнику нужныя довѣренности, оно осѣнитъ его отъ препятствій, полагаемыхъ иногда своенравіемъ мѣстныхъ правителей и не довѣрчивыхъ жителей.

Переѣхавъ отъ Солуня (Тессалоника) на Аѳонскую гору, путешественникъ найдетъ новые предметы, сильно призывающіе его благочестіе и пытливость. Монастыри Аѳонскіе, бывъ нѣкогда убѣжищемъ просвѣщенныхъ монаховъ, не только греческихъ, но и словенскихъ, обѣщаютъ и теперь еще много пріобрѣтеній. Со временъ Василія Григоровича, тщательно описавшаго эти монастыри, еще никто изъ Русскихъ не проникалъ во всѣ ихъ сокровищницы. Пріобрѣвъ довѣренность монаховъ, быть можетъ, путешественнику удастся не только обозрѣть, по изучить и описать многія творенія, важныя для исторіи южныхъ Словенъ и для письменности общесловенской. Богатство этихъ рукописей, которыхъ по свидѣтельству Григоровича въ одной Лаврѣ было до 500, еще и теперь, не смотря на зависть времени и небреженіе невѣжества, привело въ удивленіе г. Давыдова. Количество ихъ съ каждымъ годомъ, особенно со времени послѣдней греческой войны, значительно уменьшается; тѣмъ настоятельнѣе необходимость узнать и описать эти сокровища.

Если успѣхъ увѣнчаетъ это путешествіе, то для него

вмѣстѣ съ остановкою на Аѳосѣ можно будетъ посвятить болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Изъ Аѳоса въ Венгрію отправлюсь черезъ Македонскую, Ѳракійскую и нагорную Булгарію и черезъ Валахію. Именно сперва въ Вересъ, гдѣ по словамъ Караянопула, сообщившаго недавно извѣстіе объ Аѳосѣ, можно найти многія проданныя въ послѣднюю греческую войну Аѳонскія рукописи, изъ Сереса своротить въ Филипополь, главный городъ Загоріи, отсюда подняться въ нагорную Булгарію, гдѣ посѣтить монастырь св. Іоанна Рыльскаго, сохраняющій, по словамъ генерала Липранди, многія рукописи; дальше черезъ Средецъ (Сардика, Софія), Креминовци, Осою, Врацу, Берговчу достигнуть въ Ломѣ предѣла Булгаріи.

По этому пути, путешественникъ можетъ ознакомиться со всѣми нарѣчіями булгарскаго языка, повѣрять предположенія о его отношеніи къ церковно-словенскому и наблюдать за успѣхами, дѣлаемыми Булгарами въ народномъ просвѣщеніи.

Изъ Лома проѣхавъ въ предѣлахъ Валахіи черезъ Краіову, Чернецъ, гдѣ представится случай продолжать наблюденія, начатыя въ Молдавіи, поспѣшу въ Венгрію, въ которой, по направленію Австровосточному, проѣду Темесваръ, Гросвардейнъ, Дебречинъ, Сатмаръ, Сигетъ и оттуда достигну Галиціи. Въ этомъ направленіи будутъ преимущественно встрѣчаться поселенія Русиновъ. Съ Русинами буду продолжать ознакомливаться, проѣзжая въ Галицію черезъ Черновицкій (Буковина), Коломыйскій, Станиславскій и Бржезанскій краи до самого Львова. Во Львовѣ (Лембергъ) желалъ бы остановиться для того, чтобы при содѣйствіи ученыхъ этого города, довершить занятія русинскимъ нарѣчіемъ, пріобрѣсти свѣдѣнія объ исторіи Галиціи и въ библіотекѣ Оссолинскихъ ознакомиться съ литературою польской XVI столѣтія.

Въ занятіяхъ литературою желалъ бы особенно обращать вниманіе на значеніе религіозныхъ споровъ Польши XVI столѣтія, давшихъ, по моему мнѣнію, рѣшительный

поводъ къ высокому развитію ея; не оставлю конечно и многихъ произведеній, возникшихъ подъ вліяніемъ гуманисма, важныхъ по рѣдкости своей.

Проѣздъ отъ предѣловъ Булгаріи до Львова, вмѣстѣ съ занятіями въ этомъ городѣ, потребуетъ около трехъ мѣсяцевъ. Изъ Львова отправлюсь обратно въ Прагу, сперва черезъ Пржемысльскій, Ржешовскій и Бохенскій краи, гдѣ могу наблюдать за переливами русинскаго въ польскій языкъ, через Краковъ, гдѣ не оставлю знакомства съ учеными и библіотекою Университета; отсюда черезъ Тѣшинъ, переѣду въ Моравію, гдѣ, вступивъ въ область чешскаго языка, могу близь Оломуца наблюдать нарѣчіе его ганацкое, близь Градшича — словацкое, и наконецъ, проѣхавъ Брно, гдѣ не оставлю безъ вниманія Цероніевской библіотеки и Иглаву, достигну предѣловъ Чехіи. Здѣсь немедленно черезъ Таборъ и Коуржимъ достигну Праги.

Въ Прагѣ желаю посвятить около пяти мѣсяцевъ изученію главнѣйшихъ памятниковъ чешской литературы XV и XVI столѣтій, къ чему найду пособія въ народномъ чешскомъ музеѣ, гдѣ также обращу вниманіе и на древнѣйшія рукописи. Могу при этомъ надѣяться на благосклонное содѣйствіе г. Шафарика, совѣтами котораго желаю пользоваться при составленіи плана преподаванія теоріи языковъ и литературы Словенъ.

Изъ Праги, проѣхавъ сѣверную Чехію, отправлюсь черезъ Дрезденъ въ Лейпцигъ. Главное занятіе мое въ этомъ городѣ будетъ касаться успѣховъ общаго языкознанія и науки древности, которую, при занятіяхъ словенскими языками, не могу упускать изъ виду. Непродолжительный двухмѣсячный срокъ не позволитъ мнѣ вполнѣ воспользоваться всѣмъ, что представляетъ Лейпцигъ для исторіи литературы и исторіи политической. Чтобы не продлить больше пребываніе за границей, изъ Лейпцига поспѣшу въ Будышинъ, гдѣ могу ознакомиться съ трудами Верхне-лужицкаго общества, оттуда, чрезъ Вратиславу (Бреслау), въ которой не оставлю освѣдомиться объ успѣхахъ

недавно основанной словенской каѳедры, наконецъ пріѣду въ Познань.

Въ Познани не менѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ посвятить на занятія литературой польской прошедшихъ вѣковъ, къ чему пособіемъ будетъ библіотека графа Рачынскаго и знакомство съ весьма замѣчательными историческими твореніями, недавно изданными.

Познань будетъ послѣднею гранью моего путешествія. Оттуда немедленно отправлюсь въ отечество, чтобы, принеся чувствительнѣйшую благодарность за дарованныя пособія къ расширенію круга моихъ свѣдѣній, нести обязанности, къ которымъ угодно будетъ начальству призвать меня.

Магистръ *В. Григоровичъ.*

31 марта 1843 г.

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

IV.

Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра 5 + 4.

Размѣр $^2(5+4)$, представляющій возможность растяженія второго метра до 5-и слогов, на пр. „Ой весна, весна | (та) весняночка“, столь же характеристичен для весенних и лѣтних дѣвичьих пѣсень, как размѣр $^2(5+5)$ с припѣвом — для колядок. Ср. на пр.

— „Ой весна, весна да весняночка“,

веснян., Чуб. III, 113.

— „[Ой] на морі утка купалася“,

весн., Чуб. III, 134—5; Шейн, Бр. п. 121—2, купальская ib. 155 и весн. Чуб. III, 146.

В мр., бр. варіантах утка

На бережечку *сушилася;*
Дівка (Оленка) *журилася . . .*,

т. е. переходъ мысли, как в словѣ *сухота*, печаль. В Ст. Осколь. у. пѣсня с таким же началом — свадебная, основанная на другом сближеніи, извѣстном и в мр. свадебных (Чуб. IV, 181, 354): утка боится холодной воды (лютаго мороза), дѣвица — лютаго свекра („На морѣ утушка купалася“, Кохановская, Остатки бояр. пѣс. 94, Р. Бес., 1861, II).

— В предыдущую веснянку вводится ст. „Чи було літо, чи не було“, неумѣстный в веснянкѣ, собственно принадлежащій слѣдующей Петровочной.

Та Петрівочка минаеться!
А чи було літо, чи не було,
Чомусь воно мені недокучило;

Що я молода[я] негуляла,
Що я челядоньки невидала.
Мене моя мати непускала,
Та й у комірочку зачиняла,
Золотим замочком замикала,
[А] замикаючи [при]говор[юва](и)ла:
„Оттут сиди, доню, в коміроцці,
„Поки розійдуться вечерниці!“
А я [в] комірочку підкопала[ся]
Пішла на улицю, [на](по)гуляла[ся].
Иду из улиці нагулявшися,
Сидять вороженьки повисипавшися

(Волч. у.; ср. Метл. 328: Чуб. III, 132, 146).

— Весн. „Та дубрівная (та) зозуленько“ Метл. 305; Чуб. III, 144—5 (А. Ст. 1—9, Б.); Голов. II, 680. Это жалоба невѣстки, или дѣвицы, которая представляетъ себя уже невѣсткой.

Сходны по началу, но другого весняночнаго размѣра 5+3+3, пѣсни у Голов. II, 179, 183.

— Весн. „(Ой) у горо́ді у холоді“, Чуб. III, 155 (как мать будет горевать, выдавши дочь за-муж).

— Весн. „Ой горе, горе, сухий дубе“ (см. выше 139; и слѣдующій вар.:

Ой сухий дубе, гориш дуже,
Паше поломъя через воду, 2
Ой через воду, на слободу, 2
Де Катерина біль білила, 2
А біль білила, шиття шила, 2
Й та к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття моє білесеньке! 2
„Ой як я піду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаєчку, 2
„Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку“. 2

Ст. 13—18=1—6

19 „Ой шиття моє тонке біле! 2

„Ой як я піду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„А висушу тебе у димищі, 2
„Та скачаю тебе на землищі,
„Сховаю тебе у боднищі“.

(Волч. у.) „Біль білила“ см. также Шейн, Бр. п. 132.

— Петровочная „Малая нічка Петрівочка“ (см. выше 140) и купальская „Малая ночка купалночка“ (ib. ср. Шейн, Бр. п., 157).

— Весн. „Летіли гуси зизаючи“ (величанье своего села и насмѣшки надъ чужимъ), Чуб. III, 161—2.

— *Петровочная*:

Ой під вербою зеленою
Там стоять коні на припоні 2
И посідлані й понуздані, 2
Ой тілко сісти, поїхати 2
Та й у Рубіжню дівок сватать. 2
Та й у Рубіжні дівки багаті:
Шиють рушнички з крамниночки,
Торочять торочки з чорного шовку

(Волч. у.), 2-я половина (Там, (т. е. в другом селѣ N), усе дівки убогиї) опущена. Ср. Чуб. III, 114—5.

— *Купальская*:

Та купалочка з купала йшла
Та кропом очі завішала,
А в зуби ріпи натикала.
А їй же люде дивуютьця.
„Та недивуйтеся, дивні люде!
„Я бачила (диво) ще дивнійше;
„Що рак-неборак цівки суче,
„Муха-горюха діжу місить,
„А комарь пищить, водицу тащить:
„„Ой як би мені не перелази,
„„Тоб приніс [водиці] (и) ще [й] чотирі рази.

Волч. у.

Ср. три хорошіе вар. у Шейна, Бр. п. 148—9, испорченный у Чуб. III, 200—1 (Из Б. р. н. Терещ.)=Безс. Бр.

п. 54, с ошибочными объясненіями того, что значит „рак на буйрак“ (т. е. неборак) и цівки“.

— Весн. „Ой під вербою [да] неметено“, Чуб. III, 126, Купаль. ib. 210.

— См. также купаль. у Чуб. III, 211, 212, 213—4, 219, 220.

До чего исключительно этот размѣр принадлежит весенним и лѣтним пѣсням, видно и из того, до какой степени он необычен в пѣснях другого содержанія, неприуроченных к веснѣ и лѣту. В V-м т. Сб. Чуб., заключающем в себѣ образцы почти всѣхъ употребит. размѣров, всего 1884 N пѣсень. В этом числѣ пѣсень размѣра 5+4 около десятка, при том почти исключительно таких, которыя или суть веснянки, петровочныя и пр. или ведутъ отъ нихъ свое начало.

Т. о. пѣсня „Ой ти дібровная зозуленька“, Чуб. V, 688—9 есть прямо петровочная, а сходная съ нею по началу п· Чуб. ib. 360 (706), находащаяся и во внутренней связи с предыдущею, имѣет размѣр 5+4 только в первых двух стихах, чѣм быть может указывает на свое происхожденіе, а затѣмъ переходит в 4+4.

Можно попытаться возстановить первообраз этой пѣсни, напоминающей Theilung der Erde Шиллера и вр. стих у Безс. Кал. I, 1—7) или таким образом:

Боровая зозуленько!
Чому рано некувала,
Чому правди неказала?
Чому рано незбудила?
Чужі дівки рано встали,
Щастя—долю розобрали;
Я молода спізнилася,
Лиха доля зустрілася и пр.

или в размѣрѣ 5+4.

П. „Ой ти утка сіра луговая“ есть прямо великорусс. плясовая, т. е. всетаки веснянка (Сах. Ск. Р. н. I, 3, 87; Шейн, Вр. п., 218), весьма распространенная до Харьк. г.

включительно, своим размѣром и характером доказывающая, что разсматриваемый разряд пѣсень непринадлежит исключительной малорусской пѣсенности:

Ой ты утушка луговая!
Люли, люли луговая!
Ты (и)гдѣ спала—ночевала?
Ночевала я в лужочкѣ,
Под ракитовым под кусточком,
Под калиновым под листочком.

—

Уж как шли прошли скоморохи,
(=Тут ишли—прошли три вдалые,
Три молодчика молодые)
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку.
„(˘ ˘), вы, гудки, негудите,
„Мово батюшку несбудите!
„Мой-ет батюшка спит с похмѣлья,
„Со великого перепою;
„Моя матушка за рѣкою
„(˘) Варит пиво (молодое?)
„(˘) Курит вино зеленое,
„(˘) поит зятя молодого
„Своего гостя дорогого".

Значит, как говорит дѣвица в другой мрусс. лѣтней, „Я одкрадуся, нагуляюся".

Извѣстная п. „Та орав мужик край дороги", Чуб. V, 1177, заключает в себѣ весняночную черту:

(v.) А там дiвка Катерина
(Та вона) в Сулi ноги мила...

с чѣм ср. выше 139 и 144.

— П. у Чуб. V, 722 есть веснянка того же характера, как выше стр. 144.

— Б. м. под влiянiем таких веснянок, как выше 140, гдѣ „...Катерина с тонкою бiллю говорила" к этому же размѣру склоняется один из вар. п. о дѣтоубiйствѣ (Чуб. V, 363), пѣсни, коей болѣе исправные вар. имѣют другiе

размѣры: 6 + 4 (Укр. п. вид. Баллін. 67) и другой, въ п. тоже записанной мною, 4 + 4 [1]).

Столь же рѣдко встрѣчается размѣръ 5 + 4 между свадебными (на пр. Чуб. IV, 171). [2]).

За исключеніем упомянутых, остается еще два семейства пѣсень размѣра 5 + 4, заключающія в себѣ образы, которые я a priori назову *верба над водою* и *ремез*. Эти образы, различные по происхожденію, сближены между собою и, по видимому, не без взаимнаго вліянія, прошли весьма сходные пути развитія. Формальное их сходство состоит в том, что оба семейства в концѣ развитія дают поэтическія формы, принадлежащія к найболѣе сложным и совершенным, представляющія особаго рода сочетаніе символизма (иносказательности в тѣсном смыслѣ, когда

---

[1]) Послѣдняя замѣчательна по мотиву второго, ожидаемаго убійства, встрѣчающемуся и в дѣйствительности:

Катерина
(Вона) сина породила,
В колодязі затопила,
З буйним вітром говорила:
„Повій вітре буйнесенький,
„Та нажени чорну хмару,
„Спусти з неба дрібен дощик,
„Позаливая всі слідочки,
„Щоб туди люде неходили
„З колодязя води брати,
„Щоб дитяти незиськали
„Та батюсці несказали:
„Мій батенько *мене любить,*
То він мене з світа згубить!

[2]) Не чаще встрѣчается в V т. Чуб. и другой весняночный размѣръ 5 + 3 (на пр. 321). Пѣсня ib. 795 есть веснянка = приведенной выше, стр. 144. В свадебных этот размѣр обычен, но нѣкоторыя из этих свадебных суть веснянки, на пр. Чуб. IV, 80 (46), 249 (603), 322 (845).

сравниваемыя величины принадлежат к различным порядкам) и реалистической типичности.

Можно различать три способа пользованія поэтическими образами:

А. Когда словесное выраженіе находит только образ, а примѣненіе его держится лишь в мысли;

Б. Параллелизм, когда выражается сначала образ, потом примѣненіе, при том как равносильныя части цѣлаго;

В. Когда примѣненіе подчиняется образу или наоборот.

Первый случай такого подчиненія (В.), сравнительно мало извѣстный, состоит в том, что примѣненіе представляется сравненіем, объясняющим символическій образ:

. . . Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи.

Или:

Соловьєви діти погоріли . . .
. . . Ой як козаченьку без дружини,
То так соловейку без дитини

Чуб. V 850.

Второй случай, подчиненіе символическаго образа объясняемому, представляет нѣсколько видоизмѣненій: сравненіе в тѣсном смыслѣ при инверсіи (на пр. N мається, як горох при дорозі), припѣв, запѣв. Запѣву народной пѣсни в лично-поэтических произведеніях соотвѣтствуют такія формы, как на пр. вступленіе „Мѣднаго всадника", пролог „Руслана и Людмилы" Пушкина. Извѣстно, что этот пролог написан лѣт через 8 послѣ самой поэмы. В народной поэзіи скорѣе наоборот: подобный акт творчества состоит в соединеніи двух или болѣе пѣсень, первоначально самостоятельных, из коих та, которая становясь запѣвом расширяет сцену дѣйствія или углубляетъ его смысл, может быть древнѣе той, к которой присоединяется.

Что до сходства значенія разсматриваемых здѣсь образов, их т. ск. лексической синонимичности, то оно, если неошибаюсь, было замѣчено уже давно, Именно, мнѣ

кажется, что Г. С. Сковорода. († 1794) соединил в одно два свои, различныя по языку стихотворенія, на основаніи сходства значенія народно-поэтических образовъ, внушивших ему эти стихотворенія. Впрочем Сковорода, для выраженія основного правила своей жизни (см. эпиграф), равномѣрно переиначил оба образа: вм. „невий гнізда на ледоньку“ — „неклади гнѣзда *высока*“; вм. „пестій вербо над водою“ и „явір над водою“, поставил „явор над горою“ и „верба над водою“ в том смыслѣ, как дуб и трость в баснѣ.

„Господь гордым противится, смиренным дает благодать“.

Ой ты птичка желтобока!
Неклади гнѣзда высока;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вот ястреб над головою
Висит, хощет ухватить;
Вашею живет он кровью:
Вот-вот ногти он острит!
        Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны вѣтры повѣвают,
Руки явору ламают;
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна;
Тут течет поточок близко,
Видно воду аж до дна.
        На чтож м(е)нѣ замышляти?
Что в селѣ родила мати? (sic)
Нехай у тѣх мозок рвется,
Кто высоко в гору дмется;
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣк.
Так минет мене все лихо,
Щаслив буду человѣк.

(„Сад божественных пѣсней, прозябшій изъ зерен священнаго

писанія". Ркп. Библ. Х. У.).

Зерна народной пѣсни, переродившіяся у старца Вар-Саввы, в свою очередь переродились в стихотвореніи В. В. Капниста († 1824), автора оды на рабство, который, по видимому, не слѣдовал примѣру Сковороды и нелегко мирился со своим „низким предѣлом":

К верху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше о́блаков несется
К солнцу дерзостный орел;
Но летает над землею
С мягкой травки на цвѣток
Нѣжной пылью золотою
Отягчённый мотылек.
Так и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положон предѣл:
В урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣл.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успѣха нѣт;
Как жезлом в ней ни мѣшает,
Жребій мой на дно падет.
Так и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоят;
Вѣтры буйные в долинѣ
Низким лозам невредят.
Если жь рок и тут озлится,
Что осталося?—Терпѣть!
Болѣ щастливый боится,
Чѣм нещастный умереть.

1. *„Ой нестій, ве́рбо, над водою“.*

Веснянка и *купальская:*

Ой нестий, ве́рбо, над водою,
Непускай гилья по Дунаю:
Ой Дунай—море розливає,
И день, и нич прибуває,
(Та) в верби корень пидмиває,
(И)з верху вершок усихає:
[Ой] стань (собі), вербо, на риночку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку.
(Маркев. Обычаи и пр. 12, Чуб. III, 205).

То, что это есть пѣсня весенняя и лѣтняя, а вмѣстѣ и традиціональное значеніе отдѣльных черт образа (верба= дѣвица, см. выше 156—60; разлив — горе, выход замуж, мое соч. Сл. о П. Иг. 73 сл.; барвинок, василек—символ дѣвства) показывает, что пѣсня противоставляет счастье дѣвицы участи замужней. Слѣдующая веснянка в вышеупомянутой формѣ уподобленія символа объясняемому, неоставляет мѣста сомнѣнію:

(Ой) нестій дубе при дорозі:
Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістьці у свекрухи:
З ночі до ночі на роботі,
Прийде до дому—у скорботі.
Стань собі, дубе, у садочку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку:
Там тобі, дубе, добре буде,
Як тій донечці у матінки:
З ночі до ночі у таночку,
Прийде до дому у віночку
(Метл. 301; ср. купаль. Чуб. III, 207).

Б. м. сходное значеніе имѣет лотыш. п.: „низковѣтвистый дуб, зачѣм ты ростешь в долинѣ? Над тобою летают пчолы, мимо тебя ѣздят бортники и еще дѣвицы ло-

мают (твои) вѣтви, стоя на пригоркѣ". (Бривземн. в Сб. Дашк. N 216).

К этому же семейству веснянок должна быть отнесена безыменная п. у Чуб. V, 489—90 (А, Б).

Ой нестій, явор, над водою:
Да вода корень підмивае,
Да вітер гілле (об)ламае [1]);
Да нейди, дівко за старого и пр.

Подобный вар. мог быть извѣстен Сковородѣ („вѣтры... руки явору ломают").

Отсюда идет образ, иначе примѣненный в общеизвѣстной п. другого, менѣе первообразнаго размѣра $^2(4+4+6)$:

Стоïть явір над водою,
в воду похилився;
На козака пригодонька,
козак зажурився...
(Ср. Чуб. V, 319, 421).

Б. м. от веснянки „Ой нестій вербо", под вліяніем пѣсень о любви, разлукѣ через ворогов и т. п., размѣра 5+7 (ср. Голов. I, 105—6; Чуб. V, 372; ib. 157; „Чи заміж іти, чи дівкою гуляти", Гол. I, 270; Этн. сб. III, 94—5) идет „лѣтняя п.":

Ой стоïт, стоïт вербонька над водою.
„Зімная вода крыніца пуд тобою:
„Ні ее піці, ані есці варыці
„Ой оно туолько козаченькоў чарыці".
„Ой очарыла, дзевонько, очарыла:
Сјеў вечераці, вечеронька неміла!"
—Бодай ты незнаў, як коніка седлаці,
Як я незнаю, чым цебе чароваці.
Ой очарыла ліхімі чаронькамі:
Бјелым ліченьком, чорненькімі очамі.
(Заблудовье, Этн. сб. III, 94).

---

[1]) „*(Об)ламáе*". Для размѣра я прибавил предлог. Существованіе таких архаических форм настоящ. вр. (не „обла́мує") для меня внѣ сомнѣнія.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе образа в слѣд. п., гдѣ „чари“ =отрута:

Ой нестуй, нестуй, вербонько над водою,
Каламутная водиця пуд тобою:
Ні її пити, [ні з її] (ані їсти) варити,
Ой ино ею вороженькув труїти...
(Чуб. V, 132).

Ср. также Шейн Бр. п., 134 (195).

То что в весн. „Ой нестій вербо“ высказано, как совѣт („Стань собі, вербо, на риночку) в слѣдующей весн. изображено, как дѣйствительность:

Ой під вербою неметено,
Під зеленою непрометено.
Та устань, Галочко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько:
Ой там N (Ивасё) з крамом стане,
З хорошим крамом, обідцями;
Усім дівочкам роспродає,
Дівці Галочці даром дає. (Метл. 302).

Представленіе символа (верба = дѣвица) обстановкою ср. с подобными случаями, упомянутыми выше (стр. 160—1, 179—80; Разбор Пѣсень Головацк., 67—9). Относительно *мести* см. выше стр. 51. Т. о., при матеріализаціи символа, совѣт „обмести вербу“ значит тоже, что при параллелизмѣ (верба=дѣвица) — „час тобі, вербице розвиться“ (веснянка, Чуб. III, 194, 214).

По размѣру, к одному типу с веснянкою „Ой нестій вербо“ принадлежит польская:

Czego, kalino, w dole stoisz?
Czy się na górce suszy boisz?
(v. Czy ty się letniej...   )
—Żebym się suszy niebojała,
W tém dole bym ja niestojała.—

A ty, kalino, rozwijaj się;
A ty, dziewczyno, rozmyślaj się!
—A jużem (ja) się rozmyśliła,
Ojća i matki odstąpiła.
(Przytulę-ć ja się do Jasieczka:
To mój ojczulek i mateczka).
(Kolb., P. l. P., 210, 214).

Ближайшая по качеству символа мр. п.

Червона калино, чого почорніла?
Чи суши боïсся, чи дощу бажаєш?

б. м. предполагает сходную с польскою пѣсню весняночнаго размѣра, примѣрно такую:

Чому калино стоïш в лузі...
...А ти, калино, розвивайся;
А ти, дівчино, розмишляйся.

„Калина в лузі“ = „дівчина в батька“; относительно розмишляйся“ ср. свадеб.:

Нестій, вербино, розкидайся,
Несиди, Марусю, розмишляйся,
Чим свою свекруху називать будеш?
(Метл., 160).

Послѣдніе 4 стиха польской пѣсни, указывающіе на совершившійся выход из дѣвства, служат точкой прикрѣпленія к весняночному мотиву других, невесняночных: о потерѣ вѣнка и прижитом ребенкѣ (Kolb., ib. 214), о братѣ, который, пріѣхавши с войны, рубит голову сестрѣ, в дѣвках прижившей дитя (ib. N 18, a, c, e). Этот послѣдній мотив взят из самостоятельной пѣсни, другого размѣра (4+4) и напѣва (ib. N 18, g). Другой примѣр подобнаго уподобленія невесняночнаго мотива и размѣра весняночному представляет пѣсня:

W dole kalina stojała,
Drobne jagódki rodzała.
Ptaszkowie na niej siadali,
Drobne jagódki zjadali.
Panowie do nich strzelali

Kiej do wdowuli jechali.
(Kolb., ib. N 20, a, b).

До сих пор это—весняночно-свадебный мотив (panowie = swatowie), который за тѣм становится запѣвом мотива „брат покупает у шинкарки сестру", как самостоятельная п. имѣвшаго размѣр 4+3:

Hej we Lbowie, we Lbowie
Zjeżdżają się panowie

(ib. N 20, c—g; Ср. N 20, a, b и h)=

У Києві на ринку
Пьють чумаки горілку (Ант. и Др. I, 283).

Для опредѣленія степени сродства малорусской и польской п. типа „czego kalino" (разм. 5+4) со слѣдующей словацкой, размѣра 4+4, слѣдовало бы знать напѣв этой послѣдней. Если бы в числѣ их оказались однородные с напѣвами польской п. (Kolb. ib. 207, сл. N 18 и слѣд.); то можно было бы сказать, что размѣр 4+4 в этой слов. п. производный, возникшій из 5+4:

Ty kalino, čo nerodíš,
Čo na prostried mori stojíš?
—Už som i ja zarodila
Červenyma kalinama;
Spodky vtački obzobali,
Vršky dievky oblámaly,
Chlapcom piera posielaly.—
A ja smutná nemám komu;
Poručeno Panu Bohu!
(Sb. Mat. Slov. sv. II, 46).

Море в подобной связи упоминается и в мр. веснянкѣ:

Ой верба, верба, вербіста,
Чого на море навісла? (Zieńk. 136).

В приведенной ниже пѣснѣ „Ой кудро“, по запѣву примыкающей к веснянкѣ „Ой нестій вербо“, есть черты („хтож тобі вербі *кудрі ізвив*“ и пр.), взятыя из другого, слѣдующаго семейства пѣсень:

А. *Колядка*, величанье дѣвицѣ, сводный вар. на основаніи вар.: Свидницкій, Великд. у Подол. Осн. 1861, Дек. 65; Чуб. III, 299, 474.

Ой хвалилася біла береза, Гой дай Боже!
Перед дубами (v. лісами) своїми витами:
—Хвались—не хвались, не ти кохала:
Кохали тобі вітри буйниї,
Вітри буйниї, дощи дрібниї.
Ой хвалилася кгречная панна
Перед дівками (v. дружками) своїми косами.
—Хвались—нехвались, не ти кохала:
Кохала тобі ненька старенька
Ясного сонця против віконця,
Ясної днини против кватири.
Від сего слова бувай здорова,
Не сама собою, з отцем маткою и пр.

Ст. 9—11 находят соотвѣтствіе в веснянкѣ:

Ой ти селез[е]ню—коси часті!
Хто ж тобі коси ці завивав?
—(Ой) завивала-ж мені утінка
Темної ночі на ставку,
Ясного сонця на плавку.—
Ой ти моло́дче (v. N) кучерявий!
Хтож тобі кучері ці завивав?
—(Ой) завивалаж мені матінка
Темноі ночи при свіч(ецьц)і,
Ясного сонця биля віконця,

(К ист. зв., II, 17; ср. Сах. Ск. Р. н., 3, 215 (6)).

Б. Веснянка, сводный вар. на основаніи Чуб. III, 158 и 145; размѣр 5+4 с возможностью растяженія до 5+5 (даже 5+6).

Ой хвалилася [да] березонька:
„[Що] на мені кора [да] біленькая,

[Що] на мені листє [да] широкеє,
[Що] на мені гіллє [да] високеє".
Ой одозветься зелений дубо[чо]к:
„Ой нехвалися [да] березонько:
Не ти сю кору [да] вибілила,
Не ти се[є] листє [да] широчила
Не ти се[є] гіллє [да] височила:
[Ви]білило кору [да] ясне сонце],
Широчив листє [да] буйний вітер,
Височив гіллє [да] дрібен дощик".
Ой хвалилася [молода дівчина] (дівчинонька):
„Що в мене коса [да] до пояса,
„Йу мене личко [да] білесеньке(є),
„Йу мене брівки [да] чорненькії!"
Ой озоветься [да молодой козак] (козаченько):
„Ой нехвалися [молода дівчино] (дівчинонько):
Не ти се[є] личко [да] вибілила,
Не ти сі брівки [да] вичернила;
Вибілило личко умиваннєчко,
Вичернило брівки (малюваннячко)" [1]).

В. Свадебная, разм. 5+5+7, Чуб. IV, 350.

Послѣ того, как образ кудряваго дерева с подмытыми водою корнями опредѣлился в пѣснях, подобных вышеприведенным, он переходит из самостоятельнаго (А) или параллельнаго (Б) в запѣв (В) пѣсни о горькой долѣ быть за пьяницей, пѣсни возникшей независимо от этого запѣва и извѣстной без него, как веснянка (Чуб. III, 147) или „бесѣдная" (Шейн, Бр. п., 249). Т. о. возникает слѣдующее художественное произведеніе:

Сводный вар., на основаніи веснянки (Чуб. III, 117, N 8, Дорогичин, Кобрин. у.) и безыменной (Чуб. V, 586—9).

---

[1]) вм. „мулярнички" Ч. III, 145.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ти вербице зеленая!
Хто-ж тобі, кудро, кудрі ізвив,
Хто-ж тобі, вербо, корні підмив?
—Ой звили мені темні луги,
Темниї луги, круті береги;
Звила кудрята темна нічка,
Обмила корні бистра річка,
Обмила корні бистра вода...
Ой я молода, як ягода,
Непійду заміж за год, за два,
Та пійду заміж аж пъятого...
За пъяниченьку проклятого.
Ой кажуть люде, що він непъє,
Аж що вечора з корчми іде.
Та пропив коня вороного,
Іде до дому по другого,
А я молода против ёго
Несу рублика золотого,
Викуплять коня вороного.
„Ой як викупиш, люблю тебе,
„Як невикупиш, убъю тебе!"
Ой не раз, не два викупляла,—
Мені молодій одна шана:
З хати віконцем утікала,
В вишневім саду ночувала,
Із соловейком розмовляла:
Соловеєчко як тёх, так тёх,
А я молода як ох, так ох!
А зозуленька куку! куку!
За що ж я терплю таку муку?

Как веснянка, это — предчувствіе; как неприуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (луг—берег = батько—мати), подмыла корни горькая доля. Доля настигла, как ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужем любви, смиренія, преду-

предительности. И *за что*? Характеристичный для мр. пѣсни вопрос без отвѣта, с которым еще встрѣтимся ниже.

Из других вар. упомяну Чуб., V, 489, 3:

Сосенко моя кудрявая...
...На тобі кора дубовая,
На тобі листя березовое...

Это явное искаженіе вм.

На тобі кора золотая,
На тобі листя джунджовое (=перловое),

что указывает на связь с фантастическим деревом, играющим важную роль в колядках.

На существованіе вар. с запѣвами о березѣ, указывают пѣсни, в коих эти запѣвы сжаты в один стих, стали намеком, неясным внѣ пѣсенной традиціи:

Бяроза, бяроза кудрявастая!
Дасталась мужу наравистому...
(Шейн, Бр. п., 246);
Бѣлая барозынька водой замуціла,
Нящасная мая доля замуж пакруціла
(ib. 247).

Ср. Ой єль мая зелёная!
Свекроўка мая шалёная
Загадала мнє работку рабіць... (ib.).

В болѣе первообразной и ясной формѣ параллелизма этот образ (береза) встрѣтился только в пѣснѣ других размѣров: 4+4 (который мы видѣли и выше в словац. п. „Ту kalina, čo nerodíš) и 4+6):

Зелёная березенька!
Чему, бела, не зелёна?
—(А) як же мнє зелёной быць
При дарозє стоючи?
Да што дзень купцы єдуць,
На кореньях агнє кладуць,
Через гальё дымы ідуць...
...Красная дзєванька!
Чему смутна невєсєла?
—(А) як (же) мнє вєсёлой быці!

Што дзень (то) госцейкі,
Што суботы то свацейкі
Што недзелі маршалачкі
Зелёное віно возець,
Мене маладое просець...

(Вил. г. Этн. сб., III, 205—6).

По размѣру, образу и его примѣненію, впрочем словесно невыраженному, к этой п. примыкает лотышская (Сб. Дашк. 59, N 236):

„Береза, береза, березонька! Кто тебя так опечалил? Холодный ли сѣверный вѣтер? Или жестокія руки мороза оцѣпенили твои листья? Или гнѣвный поток воды отполоскал от корней опору матери — земли?“ — Не от мороза я застыла, и не вода меня одолѣла. Пришли, одолѣли „*сумпурни*“, погнули — поломали мои вѣтви, притоптали — повырвали зеленую траву в березникѣ! Печально, печально каждое утро всходит красное солнце“.

„Трава“ и пр. в этой пѣснѣ находит соотвѣтствіе в мр. веснянкѣ разсматриваемаго здѣсь размѣра 5+4, в коей послѣ двух начальных стихов размѣра 4+4 (=4+3):

Ой схилився сухий дуб
На зелену дубрівоньку

слѣдует:

„[Ой] зелена ж моя дубрівонько!
Ой рано ж тебе спустошено,
На сіно траву покошено;
Тілько зосталось тройзілле(чко):
(Що) перве зілле барвіночок,
(А) друге зілле василечок,
А трете зілле любисточок.

(Чуб. III, 157).

Как в мр. и вр. пѣснях сваты представляются вражеским войском, Литвою, родня жениха — Татарами (см. выше 179), так сватам — купцам вышеприведенной бр. пѣсни соотвѣтствуют в лотышской *sumpurni. Sumpurnis, sumpuris*, по Ульману (Lett. Wb.), hundschnauze, песиголовец, людоѣд; но может быть это объясненіе основано на случайном

сходствѣ с лот. *suns* собака и *purns* рыло, морда.

Сюда примыкают мр. пѣсни, в коих в той же роли по отношенію к дубровѣ или березѣ, как купцы и Сумпурни, являются Татары, гусары, рекруты (Ант. и Драг., Ист. п., I, 77—9, 84; Zieńkiew., P. l. Pińsk., 398 сл.). Отношеніе этих пѣсень к тому или другому татарскому набѣгу, „к какому нибудь дѣйствительно случившемуся ... плѣненію Татарами дочери какого нибудь волынскаго вельможи, который имѣл настолько власти, чтобы гнаться за Татарами“ (Ант. и Др., l. c. 84), на мой взгляд, возможно как позднѣйшее наслоеніе (в родѣ замѣны Татар или им подобных рекрутами), как примѣненіе образа, имѣвшаго прежде другое значеніе: как береза, так и полонянка — невѣста.

Одна из упомянутых пѣсень о березѣ и татарах, именно Wacł. z Ol. 443=Гол. I, 101=Ант. и Др. I, 77, представляет трудность, которая небудет устранена до появленія лучших варіантов.

Береза говорит:

„Підо мною Татари стояли ...
... *Самборівці* шапочки зносили
Та й гультая живцем на паль вбили.

Ант. и Др. I, 77: „вѣроятно тут есть намек, что Самборовцы побили гультяевъ — татар во время ночного роздыха и сносили их шапки, т. е. попользовались их добычею“. А м. б. „*Самбурці*“ по отношенію к березѣ, были первоначально в той же роли, что и Татары и „*Сумпурни*“ лотышской пѣсни?

II. *Ой ти ремезе, ремезоньку* и т. п.

1. *Ремез.*

Слѣдующая пѣсня поется как щедровка, но. судя по основному размѣру 3 + 4, отличному от господствующаго, почти исключительнаго размѣра щедровок (4 + 4) и колядок (5 + 5), и потому, что варіанты ея встрѣчаются как веснянки, возникла из веснянки.

Ой [ти] ремезе, ремезоньку,
Щедрий вечер!
(Та) невий гнізда на ледоньку,
Бо ся лед[онько] буде розбивати,
Твоє гніздонько [буде] потапати;
5=1
6 Вий си гніздонько на явор[онь]ку:
[Як ся яворонько] (явір ся) буде розвивати,
Твоє гніздонько [буде] прикривати.
9 Ой (ти) Василю, Василеньку!
Нестав світлоньки у тещенька (тестенька?),
Бо ся тещенько буде (йме?) гнівати,
Твою світлоньку [буде] розкидати.
13=9
14 Став си світлоньку у батенька:
Хоть ся батенько буде (йме) гнівати,
Твою світлоньку [буде] прикривати.
(Золоч. окр. Гол. IV, 38—9).

Отец противопоставляется тестю, как выше в веснянкѣ „Ой нестій дубе“ мать — свекрови. Пѣсня говорит, каково быть „в приймах“ у тестя“, что может случиться с бѣдняком и сиротой, и каково—у родного отца. Варіант этой щедровки—на тему „милая лучше роду племени“:

Ой [ти] ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку:
(Бо) лед буде ся розмерзати,
Твоє гніздонько заливати.
Ой (ти) Гринуню, Гринуненьку!
Нестав світлоньки просто батенька:
Як ся батенько розгніває,

Твою світлоньку розкидає.

Тоже повторяется с измѣненіями в 6 и 7 ст.: матінки, братчика и пр. Наконец

Ой (ти) ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку,
(Извий гніздечко v. та извий собі) в темнім лісі,
У темнім лісі на орісі,
У темнім борі, на яворі:
Явір ся буде розвивати,
Твоє гніздонько окривати.
Ой Гринуню . . .
Став си світлоньку просто милої:
Твоя милая [хоть] ся розгніває,
Твою світлоньку поліпляє.

(И. Галько, Нар. звыч. з окол. под Збручем, II, 25—6).

Щедровка у Чуб. III 450 представляет примѣр внѣшняго, неорганическаго сочетанія мотивов: „Ой ремезе . . . неклади хатки на лёдочку, бо“ и пр.; „неклади . . . в ярім житі“:

Яре жито будуть женці жати,
Твою хату розбірати;
„ . . . Неклади . . . в полі“:
В чистім полі плужок оре.

Этот послѣдній ст. служит переходом к особому колядочному мотиву: „святые орють, Пречистая им ѣсть носит“. Наконец

Наклади гніздо в густім лісі . . .

Тот же расширенный образ — в гаёвкѣ (веснянкѣ), Pauli, I, 24; Гол. IV, 170): „Ой римезю“ . . . невей гнѣзда на леду . . ., а „на орісі“, и не на нем, а „на яворі“, и не на яворѣ, а „на сосні“, и не ней, а

В гречної панни у світлиці . . .

Кромѣ распространеній, построеніе пѣсни — аналогичное с „Ой нестій дубе при дорозі“ (см. выше и Метл. 301).

Ремез (по видимому, собств. artifex; *ремез* или *ремес* в этом смыслѣ предполагается литовским *remésas*, ремесленник, и словом *ремество* из *ремесьство), род синицы (parus pendulinus, beutelmeuse), весьма искусно вьющей

гнѣздо яйцем или кошелем, лишь с небольшим отверстіем. Гнѣздо его, как я сам видѣл, хранится в малорусских домах, как талисман, по видимому, охраняющій „хату“ (и само гнѣздо, по словам пѣсни, есть „хатка“). По Котляревскому (Эн.) оно употребляется для чар, неизвѣстно, каких именно: ворожка, собираясь гадать о будущем,

. . . в горщичок наклала
Вiдёмських всяких разних трав,
Якi на Костянтина (21 Мая) рвала,
I те гнiздо, що ремез клав . . .

Г. Галько (l. c.) думает, что пѣсня совѣтует ремезу невить гнѣзда *на леду* только по тому, что в дѣйствительности он его вьет то в очеретѣ, то на деревѣ (над водою). Однако это наблюденіе объясняло бы только совѣт некласть гнѣзда над водою, который дѣйствительно и находим в слѣд. отрывкѣ:

Ой ти ремезо, [да ти] ремезонько!
[Да] немости гнiзда [да по] над Десною,
Бо [Десна] Десни (з весни) [що день] прибуває,
Вона ж твоïх дiток позатопляє (Метл. 368).

Эта форма образа, сходная с „Ой нестiй вербо над водою“ (см. выше), может быть, есть первообразная. За тѣм она измѣнена, вслѣдствіе перенесенія на ремеза традиціонной черты другого образа. Совѣт пѣсни предполагает, что ремез кладет гнѣздо именно на леду. Должно быть, было такое повѣрье о другой береговой птицѣ, зимородкѣ (Eisvogel). Это гр. *ἀλκυών*. Тема — *ἀλκυον*, откуда *ἀλκυόνη*, морской зимородок; позднѣе в аттич. яз. со spir. asp., вѣроятно в силу сближенія с *ἅλσ*, море, откуда этимологія *ἁλκυών, παρὰ τὸ ἐν ἁλὶ κυεῖν*; независимо от греч., лат. alcedo (Curt. Grundz. d. Gr. Et. N 6). Сказанія древних сочетают эту птицу с *κῆυξ, κηῦξ* (из *καύαξ, καύηξ*, морская чайка (Curt. ib. [2]496), с именем коей сходно слав. *чаица, чайка*.

По Овидію, Цеикс, сын Люцифера (*ἑωσφόρος*), тревожимый страшными видѣніями, ѣдет морем спросить совѣта у Дельфійскаго оракула и гибнет в бурю. Тѣло его

прибивает волною к тому утесу, с котораго высматривала его жена Гальціона, дочь Эола, извѣщенная снами о гибели мужа. Узнав тѣло Цеикса, Гальціона бросается в море;

. . . . . безсмертные боги
В птиц превратили обоих; одна им судьба; и по нынѣ
Вѣрны бывалой любви, и по нынѣ их брак неразрывен.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно без слета сидит на пловучем гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
Вѣтры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны
(перев. Жук.).

Подобныя сказанія повторялись учоными до XVI в. включительно. Геснер, зоолог, жившій в этом вѣкѣ, повѣствует: По Плутарху альціон — самое умное и почтенное из морских животных: по пѣнію, превосходящему пѣніе соловья, по быстротѣ полета, супружеской любви, прилежанію; гнѣзда его, построеннаго корабликом, немогут ни перевернуть, ни потопить морскія волны; он сплетает рыбьи кости в щар, вытягивает этот шар в длину, как челнок и прикрѣпляет к берегу, так что его нелегко оторвать камнем и желѣзом. Дверцы гнѣзда альціон устраивает из разбухающаго вещества, и входит в гнѣздо, выдавливая воду из дверец. Аристотель говорит, что это гнѣздо похоже цвѣтом на губку, а формою на колокольчик или баночку с длинной шейкой. Альціон *высиживает яйца в серединѣ зимы*... Нѣкоторые говорят, что гром небьет в тот дом, гдѣ находится гнѣздо альціона; что это гнѣздо охраняет сокровища и удаляет бѣдность (Брем, Птицы, I, 147—8). „*Алконостъ*“ русских азбуковниковъ „птица есть, имѣет гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря, и ту кладетъ яица своя. Время ж изытія чадъ ея въ зимній годъ бываетъ; но егда почютитъ изытіе чадомъ ея, взымаетъ въ яицахъ чада своя и носитъ я на среду моря и опущаетъ въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко земли приражается; но егда алконостъ сноситъ яица на едино мѣсто и

насядетъ на нихъ верху моря, яицамъ въ глубинѣ сущим, тогда море непоколебимо бывает за седмь днiй, дондеже алконостовы яица в глубинѣ излупятся. Вышедши чада познаютъ своя родители“ (Сах., Ск. Р. н., II, кн. 5, 142; отсюда то, что в ст. о голубиной книгѣ Стратим птица

Живет на синем морѣ,
Плод плодит на синем морѣ,
В морѣ яйца несет,
Из моря дѣтей ведет,

Н. Баталин, Др. русс. азбуковники, Фил. Зап. 1873, V, 65).

Реальныя основанiя подобных сказанiй могут состоять в том, что наши зимородки (alcedo hispida), впрочем невьющiе гнѣзд, а выдалбливающiе для них норы в береговых обрывах и выкладывающiе дно норы рыбьими костьми, живут парами; что их и зимою можно видѣть над прорубями. Бѣлый зимородок (ceryle rudis), живущiй тоже парами в Египтѣ, Сирiи, Палестинѣ, залетающiй и в Европу, тоже дѣлающiй гнѣзда в норах, плодится не только в Мартѣ и Апрѣлѣ, при самом низком стоянiи Нила, но гдѣ уровень воды не мѣшает (т. к. норы его—у самой воды), и в Декабрѣ (Брем, ib. 154—6). За тѣм уже в древности зимородку приписано искусно построенное гнѣздо какой нибудь другой птицы, именно между прочим, судя по указанiям мр. пѣсни, ремеза, и сидѣнье на волнах, замѣченное за какою нибудь из морских птиц.

Как мр. пѣсня предполагает, что разлив затопляет свитое на льду гнѣздо ремеза; так, вѣроятно, в среднiе вѣка существовало сказанiе об алкионѣ, яйца котораго унесены морем. Вѣроятно, по этому в греч. переводѣ арабской передѣлки Панчатантры (Калила и Димна, с персидскаго, на который переведена Панчатантра в XI в. по Р. Х.), сдѣланном Симеоном Сетом ок. 1080 г. (Стефанит и Ихнилат, Benfey Pantschat., I, 8), птица, о которой разсказывается нѣчто подобное, именно береговой кулик (Strandläufer; турухтан, machetes pugnax?) названа ἀλκυών. Тоже и в Эзоповских баснях Максима Плануда, жившаго

лѣт 250 спустя послѣ Сета (Benf., ib. 236, 238). Разсказ Панчатантры „Турухтан и море“ слѣдующій: На берегу океана жила пара турухтанов (Strandläufer). Когда пришла пора, самка сказала самцу: „послушай, милый! поищем безопаснаго мѣста, гдѣ мнѣ класть яйца“. Самец отвѣтил: „этот берег океана прелестен; поэтому клади здѣсь“. А та сказала: „при полной лунѣ сюда заходит морская волна; она уносит и свирѣпных царей — слонов: поэтому поищем мѣста подальше“. Услышав это, самец улыбнулся и сказал: „о милая, ты говоришь пустое; что такое море, чтоб осмѣлиться обидѣть моих дѣтей?“ Несись, небойся!“ Самка разсмѣялась, зная истинную мѣру его силы, а море, слыша это, подумало’ „Поди ты! что за высокомѣріе этой птицы! Правду говорят: „кто смирит самомнѣніе? Турухтан (Strandläufer) спит вверх ногами, боясь что на него обрушится небо“. А попытать его силы! Что он сдѣлает, когда я унесу его яйца?“ И унесло яйца волною. Самка стала горевать и сказала мужу: „О безумец! неговорила ль я тебѣ, что яйца погибнут в прилив?“ Но самец неунывает и рѣшается мстить. Сначала он думает своим клювом выносить и высушить море [1]); потом сдается на уговоры самки и созывает на помощь всѣх птиц. Птицы рѣшают, что и всѣм им с морем несовладать, и жалуются на свою обиду своему царю, служителю бога Вишну Гарудѣ—птицѣ. Тогда Гаруда отказывается служить своему богу, пока небудет отомщена обида одного из его собственных слуг, турухтана. Вишну грозит высушить море, пустивши в него огненую стрѣлу, и море в страхѣ, отдает яйца турухтану (Benfey Pantschatantra, II, 87 сл.). К этому же семейству относитея буддійскій разсказ, конечно, не созданный буддизмом, а лишь приспособленный им к своим цѣлям: Гаутhама—Буддhа в одну из прежних своих жизней был бѣлкою. Разлив унес в море дерево, на

---

[1]) Сюда б. м. примкнет исторія басни:
Надѣлала синица славы,
А моря незажгла, Кр.

котором было его гнѣздо с птицами. За это Буддһа берется раскропить море своим хвостом, и когда Сакра (Индра) говорит ему, что эта затѣя безумна и море бездонно, отвѣчает на это ироніей. Сакра приходит в изумленіе от такой силы воли и любви и заставляет море возвратить Буддѣ дѣтей (Benf., ib. I, 236—7). Оттуда же (Spence Hardy, Manuel of Buddhism) Бенфей приводит латинскій разсказ неизвѣстнаго происхожденія, что неустраняет его подлинности (такія вещи нарочно невыдумываются): Раз загорѣлся лѣс, окружавшій город Лавиніум, лиса стала тушить пожар, брыжжа хвостом, обмокнутым в воду.

Этот разсказ, справедливо относимый Бенфеем к одному семейству с предыдущим, не есть простое измѣненіе одного из вар. этого послѣдняго. Подобно тому, как мр. веснянки представляют два параллельные образа дерева, подмытаго разливом („Ой нестій, вербо, над водою") и дерева, объятаго пламенем („Ой горе, горе сухий дубе"); русс. пѣсни представляют, как увидим, параллелизм образов птицы, коей гнѣздо унесено разливом, и птицы, коей гнѣздо сожжено пожаром. Такіе два сходные ряда разсказов могли и в древности существовать и видоизмѣнять друг друга, так что на пр. месть морю („раскропить хвостом") могла, как в приведенном разсказѣ, явиться средством потушить пожар, а пожар, котораго роль могла первоначально быть таже роль обидчика, что и разлива, мог стать средством отомстить другому обидчику. Так в баснѣ Федра „Лисица и орел" (Phaedri Fab. I, 30 (28)), орел уносит в свое гнѣздо лисенят. Лисица похищает с олтаря горящій факел и окружает пламенем дерево, на коем орлиное гнѣздо, так что орел, чтобы спасти своих птенцев, выдает лисицѣ ея лисенят. В соотвѣтственной Эсоповской баснѣ лиса сама не в силах отомстить орлу. Он сам уносит с олтаря часть жертвеннаго мяса с приставшими к ней горящими углями, т. о. зажигает свое гнѣздо. Орлята падают на землю и достаются лисѣ. В баснѣ Пильпая (русс. перев. Политич. и нравоучит. басни Пильпая, философа индійскаго, с франц. Бор. Волковым, СПб. 1762, Б.

14), ястреб уносит воробьят. По просьбѣ пары воробьев, змѣя созывает других змѣй, которыя бросают горящіе фитили в гнѣздо ястреба и сожигают и его самого и его дѣтей. Все это напоминает вышеприведенныя (стр. 188—9) серб. п.: дѣвица мстит соколу, зажигая его гнѣздо.

Разсказы, за образец коих возьмем разсказ Панчатантры „Турухтан и море", представляют такую, б. м. непервообразную сложность содержанія, что легко разлагаются на 2, на 3 момента: 1. безпомощность, невинная гибель слабых; 2. а) их месть сильному, б) союз слабых против сильнаго. Для сравненія с разсматриваемыми пѣснями нужен только первый момент; второй, находящійся в нѣкоторых русс. сказках, я оставляю в сторонѣ. Впрочем весьма естественно вплетеніе в первый из названных моментов черты, подготовляющей дальнѣйшее возмущеніе против хотя бы и неодолимой силы, черты, как гордость, чувство собственнаго достоинства. Так Пушкин в одном из величайших своих произведеній, „Мѣдном всадникѣ" пытается соединить в одну поэму „Родословную моего героя" и судьбу Евгенія. Евгеній, хотя и не свил себѣ еще гнѣзда на берегу моря воднаго и моря исторических событій (с которым тоже „кто съвѣтьнъ?"), но собирается его свить („жениться? Чтож? за чѣм же нѣт..." Соч. П. М. 1882. III, 459); но, не так, как у турухтана индійской басни, его хватает только на безумную вспышку; „Добро...!" ib. 369; первоначально этой рѣчи было 40 стихов, ib. 465).

---

2. *Чайка.* Пѣсни о ремезѣ, согласно со своим величальным назначеніем (как веснянки, щедровки), указывают вдали возможность гибели, но вмѣстѣ и возможность спасенія („неклади гнѣзда там, а клади там"). В других болѣе или менѣе сродных п. несчастье по винѣ или без вины, уже настигло. К таким принадлежит извѣстная п.

Ой біда, біда чайці небозі,
Що вивела діти при битій дорозі.

По размѣру, впрочем, она невяжется с разсматриваемым

семействомъ. Относительно содержанія ср. „Идуть женьці жати, діток забирати“ с подобным вышеприведенным (Чуб., III 450) стихом одного из вар. пѣсни о ремезѣ. В других вар. чаенят забирают чумаки (Рудч., Чум. п., 88 сл.). Один из таких вар. оканчивается стихами:

Ой лети ж ти, чайко у гору високо,
Уже ж твої чаєнята у морі глибоко.

Послѣ того, что сказано в пѣснѣ раньше, именно, что чумаки повкидали чаенят в кашу, это „у морі“ может быть понято только в переносном смыслѣ гибели (мое сл. о П. Иг., 77 сл.); но б. м. в основаніи лежит неизвѣстная нам п., в которой чаенята в самом дѣлѣ гибнут в морѣ, в котором (в извѣстном припѣвѣ „чайки“) думает с горя утопиться и сама мать.

3. *Перепелка.*

Колядка:

Зажурилася да й перепела: Гой да Боже!
„Де би я собі гніздечко звила?
„Звила би я го в озимім житі,
„(Та) женці зайдут, мене (из)найдут,
„Гніздо розібьют, діти розженут.

Тоже повторяется еще два раза с измѣненіями в 3-м ст.: „в ярій пшениці“, „в зелений траві“. В этом видѣ пѣсня могла примѣняться только ко вдовѣ, для которой нѣт нигдѣ безопасности (ср. пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ с дѣтьми, Чуб. V 853, N 417; Zieńk. 170). Для примѣненія к дѣвицѣ нужно бы противоположеніе, как выше („Ой нестій дубе при дорозі“... а „у садочку“; „Ой ремезе... невий гнізда на ледоньку... а... на яворі“), которое и находим в бр. ярной (весенней) п.:

Пірапёлка! (2)
Ня вій ты гняздечка блізко длі дарожкі:
Пастухі пагонюць, гняздечка папоруць;
Суві ты гняздзечка на зялёным дубу:
Станіць вецір павіваць, тваїх дзяцей калыхаць.
Ты дзевынька! (2)
А нявій вяночка: восінь нідалёчка,

Сваточкі прієдуць, цябе с сабою во́зьмуць
(Шейн, Бр. п., 195—6).

В одном из вар. вышеупомянутой пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ находим черту, с которою встрѣтимся и ниже в пѣснях о соловьѣ: перепелята говорят:

Погорив *пожар*, сіруткам нужкі коле
(Zieńk. 158).

Вр. п. XVII в. говорит не о степном пожарѣ и заставляет предполагать другую пѣсню, не о перепелкѣ, а о другой птицѣ, вьющей гнѣздо на деревѣ. Эта пѣсня важна между прочим, как доказательство, что в этом семействѣ размѣр 5+4 восходит не менѣе, чѣм к началу XVII в.:

Сплачетца [мала] птичка [бѣлая] пелепелка:
„Охте [мнѣ] молоды горевати:
„Хотят сырой дуб зажигати,
„Мое гнѣздышко разорити,
[Мои] малые дѣти побити,
„Меня пелепелку поимати.
Сплачетца на Москвѣ царевна:
„Охте мнѣ молоды горевати:
„Что ѣдет к Москвѣ измѣнник
Ино Гриша Отрепьев рострига и пр.
(Бусл., И. Хр., 1034).

4. *Зозуля.* Мотив сходный с вышеприведенным („Зажурила ся да й перепела“) приспособлен к обычному запѣву колядок господарю: зозуля будит хозяина и сказывает ему радость: зозуля

...Стала ся томити, де ма’т гніздо вити:
„Вила би м го, вила в лісі при дорозі
В лісі при дорозі, та на ліщинойці;
„Ліщинойку рушат, гніздо разпотрушат,
„Гніздо разпотрушат, діти ми оглушат.
...Вила бим го вила при потічейку,
При потічейку, на сітничейку;
Водиця прийде, гніздо забере,
Гніздо ми забере, мене осиротит.
Буду го вити на вишнім садочку...

...Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати...

(Гол. II, 78).

5. *Соловей* и *иволга*. Петровочная, стало быть весенняя п. размѣра 5+4 приведенная выше (стр. 28), по поводу припѣва, сближена там с веснянкою размѣра 5+3 (Чуб. III, 138). Кажется, лучше разсматривать эту п. в другой связи, принимая, что отношеніе в ней соловья и иволги такое же, как ниже соловья и кукушки. По вар. Сахарова (Сказ. Р. н., кн. 3, 262) „Соловей гнѣздо *за*вивает“ т. е. начинает вить, а „Иволга развивает“ (несовѣтует?):

Хоть ты вей, невей, соловей,
Небывать твоему гнѣзду совитому,
Небывать *твоим* (у Терещ. „Иволги“) дѣтям вы-
[вожатым...

6. *Соловей* и *кукушка*.

Строгіе и по видимому состоящіе из небольшаго числа слогов малорусскіе (и общеславянскіе) пѣсенные размѣры, весьма помѣстительны, так как то, что в них можно принять за стих, нерѣдко есть полустишіе. Стих кончается там, гдѣ напѣв. Т. о. стих веснянок разсматриваемаго здѣсь семейства, $^2(5+4)$ заключает в себѣ 18, а с ненарушающими размѣра растяженіями—20 слогов, т. е. болѣе, чѣм гекзаметр. Ср. на Чуб. III, 144—5. Глядя с этой точки, я думаю, что длинная строка многих нынѣшних вр. пѣсень, о 22—3 и болѣе слогах, соотвѣтствующая мр. полустишію, произошла от позднѣйших растяженій и вставок, иногда нескрывающих первоначальнаго, болѣе короткаго размѣра. Вот на пр. п., записанная в Трехостровянской стан. З. В. Д., Ѳ. С. Аврамовым. В нѣкоторых мѣстах предполагаемыя вставки ставлю в [ ].

„Ты взойди, [солнышко,] солнце [красное взойди] утром
рано,
Обогрѣй, [обсуши доброва] молодца на [нужноем] бике-
тѣ [молодца]!

Ты воспой, [мой славный] соловьюшек, [воспой рано при долин[ушк]ѣ,
Притѣшь, [призабав до́брова] молодца [при го́рѣ], при [большой го́рѣ] кручин[ушк]ѣ.
Я сам тебѣ, мой славный соловьюшек, со времячком пригожусь;
Построю тебѣ, [мой славный соловьюшек кле]нову[ю] клѣтку,
Положу[-ка только положу] тебѣ, [млад соловьюшек,] золоту [тебѣ] наше́сточку
[Я] посыплю тебѣ[, мой соловьюшек, я бѣлой — ярой] пашеницы,
[Я] поставлю тебѣ [напиться, мой славный соловьюшек,] медовой [сладкой] сытицы".
—Ненужна[, ненужна[мнѣ [соловьюшку кленовая] твоя клѣтка,
Ненужна и пр.... золотая нашесточка,
Ненужна и пр.... ярая твоя пашеница,
Ненужна и пр.... медовая сытица,
Мнѣ нужна [толичко нужна мнѣ] соловьюшку[, нужна] своя воля [волюшка]!

Т. о. и в слѣд. вр. в нѣкоторых стихах без натяжки можно усмотрѣть размѣр веснянок и пѣсни о Ксеніи Годуновой:

Кукушечка соловушку журила-бранила:
„Невей ты[, невей] гнѣзд[ышк]о [, невей] при дорожкѣ,
Ты свей [тепло] гнѣздышко [, ты свей] при долинкѣ,
При зеленой [при] травинкѣ, при [мѣлком] лѣсочкѣ:
Никто твое гнѣздышко[, никто] нерозо́рит.

Этот мотив стал запѣвом пѣсни о молодцѣ в темницѣ (Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 247 и 225. В послѣдней есть стихи:

[Молодой] соловей [тепло] гнѣздо с(о)вивает...
...Нѣгдѣ мнѣ, соловью[шки], [тепла] гнѣзда свити,
Нѣгдѣ мнѣ [малых] дѣток выводити.

В первой из названных п. запѣв указывает на непред-

усмотрительность, на свою вину, как на причину несчастья, и т. о. умѣряет сочувствіе к пострадавшему.

Запѣв предполагает самостоятельную пѣсню, в родѣ слѣдующих:

А. По рощицѣ Машинька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла,
Со той тоски со досады рощу зажигала.
(ср. стр. 189).
„Гори, гори рощипа, гори зеленая!
„Всѣ пеньица—кореньица всѣ вон выгарайте,
„Всѣ пташечки—кинарейки всѣ вон вылетайте!"
Один, один млад соловушек в рощѣ оставался.
Прилетала к соловушку горькая кукушка,
Молодого соловушка журила бранила:
„Уж ты глупый—неразумный младой соловейко!
„Ты умѣешь, соловейко, только пѣсни пѣти,
„Ты неумѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вити!
Уж ты свей-ко гнѣздо при долинѣ, при кустѣ ракитѣ:
Что никто тоё гнѣздышко неразо́вьет,
Малых дѣтушек никто нерозгонит!"
(Варенц. Сб. п. Сам. кр., 43—4).

Б. Дуброва зіляна́я дубава́я!
Па дубровушкі трапінушка ляжала,
Па трапінушкі двє дєвушкі гулялі,
У карманы бєлаї рукі апушшалі,
Ис карманав крімєшыкі вынімалі,
Ис крімєшыкав агонушак вырубалі,
Зялёную дубраву зажыгалі.
Гарі, гарі, дуброва, гарі жарчя!
Всє асінкі, бярёзкі пагарєлі,
Маладыя дубочкі падапрєлі,
Салавьіная гнёздушка згарєла:
Салавьіная гнёздушка папялочік,
Салавьінаї дєтки агулёчік!
(Щигр. у. запис. М. Е. Халанскій).

Сюда—пословица: „Бор сожгли, а соловушек по гнѣздышку плачет“, Даль[1], 667.

7. *Соловей и сестра (зозуля, перепелка).*

а) Как самостоятельная пѣсня: А, Б, В, Чуб. V, 850—1; Г, отрывок в 5 ст. П. Л. Мр. и Червонор. н. думы и п. Спб. 1836, 84=Ант. и Др., Ист. п., I, 269, А; Д, Метл., 446 = Ант. и Др. ib., 99; Е, Чуб. V, 935; Ж, Ант. и Др. ib. 269, А; З, Чуб. V, 1057. Размѣр 6+4 мог произойти из 5+4.

Привожу эту пѣсню по А с небольшими измѣненіями по другим вар.

Ой ішли козаки з України,
Стали на попасі край долини,
Викресали огню з оружини,
Та пустили пожар по долині,
Соловьеви діти попалили,
Великого жалю наробили . . .
. . . Прилетіла сестра з України:
„Чи я тобі, брате, неказала:
„Немости гніздечка йу лужечку,
„Помости гніздечко йу садочку
„На високім деревку на яворку;
„Ніхто ж того древка незрубає,
„Соловъєвих діток незаймає“.

В 1-м ст. вм. „козаки“ — в нѣскольких вар. „чумаки“, в Б—„Ой десь узялись усарини“, что представляет неполное и б. м. случайное сходство с серб. п. выше стр. 189. Сестра в Б — зозуля, в З — перепелка. В послѣднем козаки запалили дуброву (ср. выше),

Та одна діброва негоріла,
Соловейкові крильця посмалила.

Перепелка говорит:

[А] чи я тобі, брате, неказала:
Небгай же гніздечка у діброві,
А зобгай гніздечко [у степу] край дороги,

что б будить проѣзжих чумаков. Она даст самодовольные, т. наз. совѣтчиками, благоразумные, хотя поздніе и во

всяком случаѣ неисполнимые совѣты, примѣняясь к себѣ.

Вар. В, Е, Ж, опуская разговор соловья и сестры, расширяют цѣпь причин и слѣдствій, круговой поруки бѣды и горя:

Із за гори вітер повіває,
Та чорную хмару наганяє,
Та се дрібен дощик накрапає,
Та синёго моря доповняє.
Що синєє море розигралось,
Турецький карабель розірвало
(v. По синёму морю хвиля грає,
Козацький карабличок розбиває)
Сорок тисяч війська витопляє.

Здѣсь вар. Е объясняет связь с дальнѣйшими ст.:

Чотирі тисячі [на берег] вихожає.
Ой їхали вони з україни,
Попутали коні у долині
Сами посідали на могилі,
Викресали огню з оружини,
Роспустили пожар по долині и пр.

Противорѣчіе между вар. называющими корабль то турецким, то козацким, или, в вар. Е, между тѣм, что разбивается турецкій корабль, а „сорок тисяч козаченьків потопає“ может примиряться так или иначе. Или так, что воспользовавшись крушеніем, спасаются козаки, бывшіе гребцами на турецкой каторгѣ; или так, что козаки взяли турецкій корабль, потом потерпѣли крушеніе. Как бы ни было, я думаю, вопреки мнѣнію Ант. и Др. I, 270, что 1-е 3 ст. вар. Ж (Ант. и Д. ib. 269, А) и Д принадлежат не думѣ в тѣсном смыслѣ, а пѣснѣ с основным размѣром 5 + 4 или 6 + 4, и что сочетаніе бури на морѣ, попаса и пожара, попалившаго соловьят, есть дѣло художественнаго умысла.

β. Таже пѣсня как запѣв. Выше мы видѣли, что вр. п. о соловьѣ и кукушкѣ становится запѣвом о молодцѣ в темницѣ. Таким же образом пѣснѣ невольной разлукѣ козака с домом (Гомін, гомін) предпосылается запѣв:

Зажуритця соколонько:
„Бідна ж моя головонько,
„Що я рано с виръя вийшов...

Пѣсню:

Ой йшла вдова долиною
Из малою дитиною...

(Орел утѣшает сарказмом:)

Неплач, вдово, нежурися...
Бо я твого мужа знаю,
На чорний чуб наступаю,
З лоба очи видираю...

нѣкоторые вар. начинают с запѣва:

Ой непугай пугаченьку
В зеленому байраченьку.
— Ой як мені непугати?
Що все гори та байраки,
Нігде в світі проживати;
Нігде ж мені гнізда звити

(Чуб. V, 806—7).

По тому же художественному пріему, самостоятельной пѣснѣ про брата и сестер с неодинаковою долею (Чуб. V, 916—7, N 482 Б 483) подчиняется, как запѣв, вышеразсмотрѣнная п. (Чуб. V, 915—6, N 482 А; Метл. 369—70, с небольшими измѣненіями по вышеупомянутым вар.):

Ой йшли чумаки з україни и пр.
...Попалили діти соловъїни.
Стали соловейки щебетати,
Стали бурлаченьку (sic вм. -пьку) проклинати.

За тѣм, как бы без связи с предыдущим:

Ой нарву я хмелю зеленого,
Накладу я вогню жаркенького,
Та наварю пива пъяненького,
Та назову сестру багатую,
А вбога-небога сама прийде;
Посажу багату в кіньці стола,
А вбогу-небогу край порога;
Напою багату медом—вином,

А вбогу-небогу гірким пивом.
Стала сестра сестру частувати,
Стала сестра сестрі вимишляти:
„Сéстро ж моя, сестро убогая!
„Коли б ти, сестро, така як я,
„То-б ти сиділа, де тепер я,
„Коли-б ти, сестро, так робила,
„Ти-б в таких латах неходила.
„Що я раненько уставаю,
„Пó два починки напрядаю,
„Та свої скрині наповняю,
„Та свої діти зодягаю“.
—Сестро-ж моя, сестро богатая!
Що я раній тéбе уставаю,
По три починки напрядаю,
Та чужі скрині наповняю,
Та чужі діти зодягаю!

Здѣсь, как и в построенной аналогично с этою пѣснѣ „Ой кудро“ (см. выше)—стремленіе возвыситься от созерцанія личной участи к болѣе широкому и весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно в ряду причин и слѣдствій найти отвѣт на вопрос „*почему*“, нѣт отвѣта на вопрос „*для чего*“ и находится отрицательный отвѣт на вопрос „*за что*“. Родственнаго воззрѣнія надобно искать не в христіанствѣ.

Друзья Іова смотрят на его несчастье лишь как на слѣдствіе извѣстных причин: „Поднимается ли тростник без влаги? ростет ли камыш без воды?“ Іов 8, 5. „Вспомни же, погибал ли кто невинный и гдѣ праведные бывали искореняемы?“ ib. 4, 7. Сам Іов, конечно, неотвергает того, что тростник неростет без влаги, но он не может успокоиться на этом: „*Он* губит непорочнаго и виновнаго“, ib. 9, 27. „Земля отдана в руки нечестивых“ ib. 9, 24. „Если же я (и) виновен, то *для чего* напрасно томлюсь?“ ib. 9, 29. „Он не человѣк, как я, чтобы я мог отвѣчать ему и ити вмѣстѣ с ним на суд“, ib. 9, 32.

„Нѣт между нами посредника, который бы положил руку на обоих нас“ ib. 9, 35. С этой точки нѣт примиренія между *почему*, *за что* и *для чего*.

Екклесіаст говорит: „Вот еще какую мудрость видѣл я под солнцем, и она показалась мнѣ важною: Город мал и людей в нем немного; к нему подступил великій царь, и обложил его, и произвел против него большія осадныя работы; но в нем нашелся мудрый бѣдняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако никто невспомнил об этом бѣднякѣ. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако мудрость бѣдняка пренебрегается и слов его неслушают“. Экклес. 9, 13—6. „И обратился я и видѣл под солнцем, что не проворным достается успѣшный бѣг, не храбрым побѣда, не мудрым хлѣб, и не у разумных богатство и не искусным благорасположеніе; но время и случай для всѣх их. Ибо человѣк не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сѣть и как птицы—в силки; так сыны человѣческіе уловляются в бѣдственное время, когда оно нежданно находит на них“, ib. 9, 11—2.

А. Потебня.

ДѢТСКАЯ РѢЧЬ.

Человѣк одарен способностью думать, понимать, чувствовать, желать и передавать свои мысли, чувствованія и желанія другому. Внѣшним выразителем наших понятій, мыслей, чувствованій и желаній являются: словесная рѣчь, мимика, наши дѣйствія и движенія.

В настоящее время мы обратимся только к разсмотрѣнію словесной рѣчи и разсмотрим ея развитіе у ребенка. Наблюденія свои я производил в концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго 1883-го года над развитіем рѣчи у одного мальчика, моего брата Дмитрія.

Наблюдаемый ребенок родился 24 Октября 1880 года (теперь ему два года и пять мѣсяцев) и принадлежит к русской семьѣ, живущей въ г. Казани и говорящей обыкновенным русским языком с общерусским произношеніем.

По своей физической природѣ наблюдаемый ребенок представляет из себя довольно полнаго и крѣпкаго по сложенію мальчика, не страдавшаго въ своей жизни никакими особенными болѣзнями и совершенно здороваго теперь. Всѣ движенія ребенка совершаются вполнѣ правильно, но отличаются только нѣкоторой поспѣшностью. Говорит он очень скоро и подчас даже нѣсколько торопливо. Органы, служащіе для произношенія звуков языка, с внѣшней стороны, у ребенка такіе же, как и у взрослых, его окружающих, но отличаются только меньшей развитостью (гортань мало способна опускаться вниз) и не приготовлены к произношенію всѣх звуков языка. Наиболѣе развиты у ребенка (как и должно быть) губы и передняя часть языка, так что он свободно произносит, при игрѣ в лошадки, звук, употребляемый для сдерживанія и остановки лошадей, и по-временам довольно скоро распѣвает:

т'а—т'а—т'á
т'а—т'а—т'á

. . . .

Умственныя способности ребенка нормальны, что̀ можно видѣть из прилагаемаго ниже словаря фраз, произнесенных им в разное время. Все разсказываемое ребенок скоро понимает и долго сохраняет в памяти. Что касается характера мальчика, то это — настойчивый, довольно рѣзвый и подчас очень разговорчивый ребенок.

Каждое слово маленькаго и вообще всю его рѣчь, как и рѣчь всякаго другаго человѣка, можно разсматривать с двух сторон: с внѣшней и с внутренней. Так, если мы возьмем, напр., общерусскія слова: *нóжик*, *стóл*, *козёл*..., или из рѣчи маленькаго: n'ájьk, t'áj, t'kajáj . . . [1]), то

1. со стороны внѣшней, звуковой это будут ряды отдѣльных звуков, а—

2. с внутренней, психической стороны, со стороны содержанія и значенія — этот комплекс отдѣльных звуков представляет из себя извѣстное слово, названіе предмета.

Та и другая сторона в словах тѣсно связаны между собой и появленіе одной вызывает в умѣ говорящаго другую.

Теперь перейдем к разсмотрѣнію самой рѣчи ребенка и представим всѣ звуки, которые имѣлись в говорѣ маленькаго в період с Сентября мѣсяца 1882 года и по Апрѣль 1883 года, затѣм укажем их соотвѣтствіе звукам общерусскаго говора окружающей его семьи, разсмотрим их отношеніе к другим звукам в словѣ и условія их измѣненій.

---

[1]) *Латинскими* буквами обозначены звуки говора маленькаго, а *русскими* — общерусскіе звуки говора окружающих взрослых.

Отдѣл I.

Внѣшняя, звуковая сторона рѣчи.

Глава первая.

Описаніе звуков.

Система звуков рѣчи наблюдаемаго ребенка представляется в слѣдующем видѣ:

А. Согласные.

§ 1. Согласные звуки дѣтской рѣчи укладываются в такую систему:

		ртовые:	рто-носовые:
1. Взрывные:	а) губные:	p, b	m
	б) пер.-язычные:	t, d	n
	в) зад.-язычные:	k	
2. Спиранты:	а) зубно-губные:	f, v	
	б) пер.-язычн.:	s	
	в) средне-язычн.:	j	
	г) задне-язычн.:	x	

3. Боковой передне-язычный: l.

Обратимся к произношенію этих согласных.

§ 2. Что касается согласных *p*, *b*, *m*, *f*, *v*, то они в говорѣ наблюдаемаго ребенка слышатся такими же, как и в общерусском произношеніи взрослых, так: ра́ръt'kă = па́пъчкȃ.

§ 3. При слѣдующем согласном или гласном палятальном эти согласные, как и в общерусской рѣчи взрослых, дѣлаются мягкими: p'is'áj, d'ám'ьk=*п'ишы́*, *дóм'ьк*.

§ 4. Согласные *t*, *d*, *l*, *n* также, как и в общерусской рѣчи, — согласные переднеязычные взрывные, а *l*— боковой.

§ 5. В произношеніи маленькаго эти согласные всегда производят впечатлѣніе мягких согласных: *t'*, *d'*, *l'*, *n'*. t'it'áj, n'át'i...

§ 6. Согласный *s* всегда в произношеніи маленькаго сопровождается палятальным оттѣнком = *s'*: bas'áj, s'ás'a...

B. Гласные.

§ 7. Гласные звуки рѣчи маленькаго представляются в слѣдующем видѣ:

совершенные: a, e, i, u
несовершенные: ă, ɐ, ъ, ь.

§ 8. Произношеніе гласных *a*, *e*, *i*, *u* никакого объясненія не требует. Условія возникновенія этих гласных в произношеніи маленькаго тожественны с условіями их возникновенія в произношеніи взрослых.

§ 9. Буквами *ă* и *ɐ* обозначены здѣсь звуки не (вполнѣ) ясные: через *ă* — звук, близко подходящій в произношеніи по впечатлѣнію к гласному *a*: t'ukájă, bas'ájă...,
а через *ɐ* обозначен звук только с оттѣнком гласнаго *a*: jámpɐ, jajás'kɐ, bajáks'ɐ.

§ 10. Знаками *ъ* и *ь* обозначены весьма слабые гласные, находящіеся в связи с свойствами предшествующаго согласнаго: при предшествующем твердом согласном слышится оттѣнок твердаго гласнаго, обозначенный буквой *ъ* pápъt'kă; а при предшествующем согласном мягком слышится неясный палятальный гласный, обозначенный *ь*-ем: v'íp'ьj, t'át'ьvă...

Глава вторая.

Отраженіе звуков общерусскаго произношенія взрослых в рѣчи маленькаго.

В говорѣ лиц, окружающих ребенка, ясно слышатся только гласные, находящіеся под удареніем: *п'а́т'*, *то́т*, *хо́д'ът*... Неударенные же гласные слышатся неясно и иногда смѣшиваются с другими гласными.

А. Гласные.

1. Гласный а.

§ 11. 1) Общерусскому ударенному *а́* в рѣчи маленькаго соотвѣтствует тот же совершенно ясный звук *а́*, так:

ká't'ъs'=гадость
t'at'kán'=стакан
t'ukájă=другая
t'kám'ъn'=камень
mat'ká=молочка
jamáj=сломал
jajáp=озяб
jámpъ=лампа
ub'ját'=убрать
t'it'ák=цвѣток
t'ápkъ=тряпка
majákă=бумага
t'ás'kъ=чашка.

§ 12. 2) В слогѣ предшествующем ударенному общерусское *а* (напр.: сады́, сама́) в рѣчи ребенка остается:

kas'í=глаза
s'ajún'=шалун
t'as'í=часы
mat'k'í=башмачки
t'at'kán'=стакан
t'an'ás'= } карандаш
t'atás'ă= }

§ 13. 3) Послѣ ударенія гласный *а* общерусскаго говора отражается в говорѣ ребенка такимъ образомъ:

а) когда это *а* находится в конечномъ открытомъ [1]) слогѣ, тотчасъ слѣдующемъ за ударенным открытымъ, или во второмъ отъ ударенного открытомъ слогѣ, то оно слышится болѣе отчетливо, нежели *а* конечного открытаго слога, слѣдующаго за ударенным закрытымъ, такъ:

α) ál'ă=Оля
m'ít'ă=Митя
s'ás'ă=Саша
majákă=бумага
t'kafétă=канфета
t'ukájă=другая

β) bábut'kă=бабушка
júbъt'kă=Любочка
pápъt'kă=папочка
t'kát'ьt'kă=карточка

γ) ájt'kв=яйчка
épt'в=хлѣбца
jajáskв=рубашка
jámpв=лампа
jás'kв=лошка
jípkв=рыбка
s'ís'kв=шишка
t'ajápkв=коробка
t'ás'kв=чашка.

б) в открытомъ же неконечномъ слогѣ и въ конечномъ закрытомъ на мѣстѣ гласнаго *а* въ говорѣ ребенка слышится: послѣ твердыхъ согласныхъ твердый неопредѣленный гласный, а послѣ мягкихъ — мягкій неопредѣленный гласный:

---

[1]) *Открытымъ* слогомъ называется слогъ, оканчивающійся гласнымъ звукомъ, а *закрытымъ* — слогъ, оканчивающійся согласнымъ; такъ: *дó*ма, *дó*момъ.

α) b'ïjьvă=бѣлаго (=б'ǣлъвå)
s'ás'ьvă=сашина (книга)

β) s'áхъju=сахару
s'át'kъvă=сладкаго.

2. Гласный о.

§ 14. 1) Вмѣсто общерусскаго ударённаго *ó* и, в слогѣ, непосредственно предшествующем ударенному, вм. звука средняго между *а* и *о* = å, ребенок произносит ясное *а*:

а) bán̄'ă=больно
bajkám=кругом
d'abás'=водовоз
p'is'kám=пѣшком
t'kábl'ьk=погреб
ál'ă=Оля
jás'kɐ=лошка
d'ám'ьk=домик
t'kajáj=козёл

б) t'kajáj=козёл
kas'i=глаза
d'avás'=водовоз
jamáj=сломал
jajáp=озяб
javút'=зовут
mat'ká=молочка.

§ 15. 2) В закрытом слогѣ тотчас слѣдующем за ударенным, и неконечном открытом у маленькаго остается общерусскій неопредѣленный гласный, обозначаемый *ъ*, измѣняющійся при предшествующем согласном мягком в *ь*:

α) n'á-kъbu=нá-голову
júbъt'kă=Любочка
pápъt'kă=папочка

β) t'kát'ьt'kă=карточка
kát'ьs'=гадость.

§ 16. 3) В слогѣ конечном открытом, вмѣсто общерусскаго средняго между *а* и *о* = ả, в произношеніи маленькаго слышится такой же неясный гласный *ă* или *ɒ*, как вмѣсто общерусскаго *а* (см. § 13).

májă=мало — s'ípkв=шипко
n'ákă=много — jípkв=рыбка
bán̄'ă=больно
jáн̄'ă=ладно

§ 17. 3. Замѣнителем общерусских гласных звуков і и ы в слогах: предшествующем ударенному, ударенном и слѣдующем за ударенным конечном открытом является вполнѣ ясное *i*:

p'is'í=пиши — t'as'í=часы
t'it'k'í=цвѣтки — jípkв=рыбка
s'ip'ít'=шипит — v'íp'ьj=выпил
t'ip'ít'=шипит

В слогѣ же конечном закрытом и неконечном открытом послѣ ударенія слышится неопредѣленный мягкій (от вліянія предшествующаго палятальнаго согласнаго) гласный, обозначаемый *ь*-ем. Тоже самое имѣет, как и в общерусском говорѣ, и вм. гласнаго *е*; так:

v'íp'ьj=выпил
d'ám'ьk=домик
ikájьt'=играет
t'kám'ьn'=камень
t'kábl'ьk=погреб
n'án'ьt'kă=Соничка
ujód'ьn'ă=уродина

§ 18. 4. На мѣстѣ общерусскаго гласнаго е только в слогѣ ударенном и при слѣдующем твердом согласном имѣется в говорѣ маленькаго гласный *е*:

épt'в=хлѣбца
s'ép=хлѣб
b'ékъj=бѣгал
. . . . ,

а в остальных положеніях и под удареніем, при слѣдую-

щем мягком согласном, гласный *e* субституируется так же, как и гласный *i* (см. § 17):

n'ad'ín'u=надѣну
f'ít'kв=свѣчка
udí'jьjă=удѣлала

. . . .

§ 18. 5. Общерусское **у** (u) в говорѣ ребенка остается во всѣх положеніях:

javút'=зовут
s'ajún'=шалун
júbъt'kă=Любочка
t'un'úk=сундук
t'új=стул
út'i=уши
ubját'=убрать
juká=рука
t'ukájă=другая
t'un'úk=сундук
t'kut'í=ключи

t'áju=чаю
m'ít'u=Митю
t'át'ku=чашку
t'kás'u=Костю

B. Согласные.

§ 20. Общерусскіе взрывные губные согласные **п** и **б** в говорѣ нашего ребенка остаются неизмѣнными, так:

pápъt'ka=папочка
p'is'kám=пѣшком
p'is'áj=пиши
n'á-pu=пáпол
t'ápkв=шапка
s'ip'ít'=шипит
jámpв=лампа
v'íp'ъj=выпил
s'káp=шкап
b'jin'=блин
bábut'kă=бабушка
ub'ját'=убрать
bas'áj=большой
b'íjьvă=бѣлаго
b'ékъj=бѣгал
bá=болит
bú=большой
d'abás'=водовоз
júbъt'kă=Любочка

§ 21. На мѣстѣ общерусскаго рто-носоваго эксплозивнаго согласнаго **м** у ребенка имѣется такой же согласный *m:*

mamát'ă=мамаша
m'ít'u=Митю
mat'k'í=башмачки
mat'ká=молочка
m'ís'ă=Миша
t'kám'ьn'=камень
d'ám'ьk=домик
jamáj=сломал
majákă=бумага
jámpв=лампа
t'kukám=кругом
p'is'kám=пѣшком.

§ 22. Общерусскіе согласные **т**, **д**, **н** в произношеніи ребенка являются палятальными: *t' d' n'*, так:

t'it'k'í=цвѣтки
t'it'ák=цвѣток
t'it'áj=читай
m'ít'u=Митю
n'át'i=дайте
ikájьt'=играет
s'ip'ít'=шипит
ub'ját'=убрать
jav'út'=зовут
ikát'=играть

d'áj=дал
d'át'=дать
d'ámь'k=домик
d'avás'=водовоз
udí'jьjă=удѣлала

n'án'ьt'kă=Соничка
n'á-kъvu=нá-голову
n'á-n'ьk'i=нá-ноги
van'ájьt'=воняет
b'jín'=блин
t'at'kán'=стакан
t'kám'ъn'=камень
s'ajún'=шалун

§ 23. Замѣнителем общерусских зубно-губных согласных спирантов **ф**, **в** в говорѣ ребенка сначала было *p* и *b*:

d'íp=жив

bát'i=волосы

t'át'ъbă=Сашина
d'abás'=водовоз
n'ákъbu=нá-голову
pabáj=пировал

Потом эти звуки смѣнились губно-губными φ, *w*:

jíφ=жив
wájs'i=волосы
d'awás'=водовоз
ájьwă=Олина.

А затѣм уже много спустя явились и настоящіе губно-зубные *f* и *v*:

t'káf'=кровь
fas'=хвост
vájьs'k'i=волосы
s'ás'ьvă=Сашины
d'avás'=водовоз
javút'=зовут
n'á-kъvu=нá-голову
v'íp'ъj=выпил
b'íjьvă=бѣлаго
van'ájьt'=воняет
t'kavát'=кровать.

§ 24. Вмѣсто общерусскаго согласнаго **к** в говорѣ ребенка сначала было *t'*.

Этот субститут звука *k* мы находим во всѣх положеніях: в началѣ, в серединѣ и в концѣ слов, так:

t'at'án'=стакан
mat'á=молока
jút'i=руки
t'un'út'=сундук

Затѣм ребенок воспринимает звук *k* и начинает его употреблять, но так как привычка к старому субституту звука *k* (=t') еще сильна у ребенка, то он не вездѣ замѣняется звуком *k* и в началѣ слов, а иногда и в серединѣ, вм. *k* является *t'+k*. Т. о. вмѣсто одного звука *k* получается группа *t'k*:

t'kájt'в=карта
t'kás'ă=Костя
t'kám'ъn'=камень

t'kajáj=козёл
t'at'kán'=стакан

Наконец уже только, приблизительно, в началѣ Марта мѣсяца 1883 года ребенок в нѣкоторых словах вм. *t'k*, субституируя общерусское *k*, стал произносить чистое *k*:

jukā́=рука
kukám=кругом
и друг.

Но рядом с этим теперь живут и довольно устойчивы и прежніе замѣны *k*=*t'* и *t'k*; так доселѣ имѣем:

t'ajápkв=коробка
t'kajáj=козёл

§ 25. Согласнаго звука *g* (г) в говорѣ маленькаго совсѣм нѣт; на его мѣстѣ, во всѣх случаях, имѣется *k*:

n'ákă=много
t'kukám=кругом
kát'kъj=гадкій
majákă=бумага
n'ík'i=книги
ikájьt'=играет
t'ukájă=другая
kát'ьs'=гадость
kají=говори
k'íp=гриб
akán'=огонь.

Факт весьма интересный: *k*, как субституит *г*, существовал, а самостоятельный звук *k* замѣнялся через *t'* и *t'k*!

§ 26. Согласные с и ш у ребенка замѣняются таким образом:

Сначала было *t'*:

t'át'ă=Саша
t'un'út'=сундук
bábut'kă=бабушка
út'i=уши
bát'i=волосы
t'ipít'=шипит

t'kát'kв=кошка
t'át'ku=чашку

Но потом это *t'* смѣнилось новым, болѣе близким к *ś* звуком *s'*.

Этот послѣдній звук пока остается в говорѣ ребенка и до настоящаго времени, чередуясь иногда с *t'*, так:

ús'i || út'i=уши
s'ápkв=шапка
s'ás'ă=Саша
s'ipít'=шипит
t'ás'ku=чашку.

§ 27. Общерусскіе согласные **ц** и **ч** в говорѣ ребенка выражаются через *t'*:

épt'в=хлѣбца
ájt'kв=яйчка
júbъt'kă=Любочка
mat'ká=молочка
mat'k'í=башмачки
t'áju=чаю
t'ás'kв=чашка
t'así=часы
t'ás'ku=чашку
t'kut'í=ключи.

§ 28. Согласный **х** сначала субституировался звуком φ (губно-губное), а потом, и то только в послѣднее время, в немногих словах мы слышим в говорѣ ребенка звук (русск.) *x*:

φát'it'=хочет
φud'áj=худой
φajás'ьju=хорошую
φáп'ă=холодно
máφkъvă=мягкаго
xájn'ă=холодно
xas̄'á=хорошо

§ 29. Согласный **j** (й) в началѣ слов в говорѣ ребенка совсѣм исчезает, а в остальных случаях остается и является в видѣ такого же *j*:

а) общерусское jáблъчкå ⥱ в гов. реб. áb'ъt'kă=яблочко
„ jajíчкå ⥱ „ ájt'kв=яйчко
„ jáгъды ⥱ „ ákъd'i=ягоды

„ jiграjьт ⇉ „ ikajt' = играет
„ jéc' ⇉ „ is' = ѣсть
б) φud'áj = худой t'áju = чаю
bas'áj = большой t'ukájă = другая

§ 30. Сначала рефлексом общерусскаго *ж*, *з*, *р* в говорѣ ребенка было *d*:

d'íp = жив t'ad'áj = козёл
mud'ík = мужик
t'ad'ápt'i = коробки.

Потом вм. этого звука во всѣх случаях явилось *j*:

jíf = жив júp = зуб
n'ájьk = ножик t'kajáj = козёл
b'jás'ьj = бросил
jajás'kъ = рубашка
jípkъ = рыбка
juká = рука
jút'i = руки
t'ajápkъ = коробка

§ 31. Общерусскому согласному л в говорѣ маленькаго соотвѣтствовал первоначально звук *j*, но теперь рядом с прежним субститутом *j* в немногих словах имѣется и *l'*:

b'íjьvă = бѣлаго ál'ă = Оля
b'jín' = блин ál'ьvă = Олина
jámpъ = лампа t'kábl'ьk = погреб
jás'kъ = лошка
júbъt'kă = Любочка
s'ajún' = шалун
t'új = стул
v'íp'ьj = выпил.

С. Палятализація согласных звуков.

§ 32. Если за непалятальными: *m*, *p*, *b*, *f*, *v*, *k* слѣдуют палятальные гласные: *i*, *e*, *ь* или палятальные согласные, то эти твердые согласные дѣлаются в говорѣ ма-

ленькаго (как и в общерусском говорѣ) мягкими *m'*, *p'*, *b'*, *f'*, *v'*, *k'*, так:

1) p'ib'íj=прибил 2) b'íjьvă=бѣлаго 3) v'íp'ьj=выпил
p'is'áj=пиши p'ib'íj=прибил
p'is'kám=пѣшком
t'ip'ít'=шипит
4) f'ít'kв=свѣчка 5) n'ík'i=книги 6) m'ís'ă=Миша
t'it'k'í=цвѣтки m'ít'u=Митю
mat'k'í=башмачки d'am'ьk=домик
t'kám'ьn'=камень

§ 33. Точно такой же палятализаціи подвергаются эти согласные, если за ними слѣдует согласный *j* — субститут других согласных:

b'jín'=блин ub'ját'=убрать
b'jás'ьj=бросил.

§ 34. Всегда палятальными в произношеніи наблюдаемаго ребенка, даже и при твердом слѣдующем согласном или гласном, являются согласные: *t'*, *d'*, *n'*, *l'*, *s'*, так:

t'ápkв=тряпка d'át'=дать s'ajún'=шалун
t'út'=тут kát'ьs'=гадость
s'id'ít'=сидит

D. Глухіе согласные в концѣ слов.

На концѣ слов в говорѣ наблюдаемаго ребенка, как и в общерусской рѣчи, возможны только глухіе согласные, поэтому всѣ звонкіе согласные в концѣ слов измѣняются в соотвѣтствующіе им глухіе, так:

§ 35. *b* $\underline{\gg}$ *p*: k'íp || k'ib'í
júp || júb'i
jajáp || jajáb'jă

§ 36. *v* $\underline{\gg}$ *f*: pat'áf' || pat'áv'ьj
t'káf' || t'káv'i.

Глава третья.

Отраженіе групп согласных общерусской рѣчи в говорѣ маленькаго.

Воспринимая из общерусской рѣчи взрослых слова с группами согласных, ребенок, при употребленіи их в своей рѣчи, упрощает и сокращает работу органов произношенія и своеобразно субституирует болѣе трудные звуки и группы звуков слова.

При этом происходит:

§ 37. 1) Исчезновеніе одного из группы согласных общерусской рѣчи.

Так упрощаются группы согласных, начинающих слово, в серединѣ слова и в концѣ:

а) k'íp=гриб
d'á=два
t'í=три
p'ib'íj=прибил
t'ku'tí=ключи
t'káf'=кровь
n'ík'i=книги
t'at'kán'=стакан
n'ákă=много
jamáj=сломал

б) más'ă=масла
t'un'úk=сундук
t'kás'ă=Костя
but'ík'i=бутылки
pat'áf'=поставь
pat'áj=постой
t'kát'ъt'kă=карточка

в) fás'=хвост
kát'ьs'=гадость
ís'=ѣсть.

§ 38. 2) Замѣна группы согласных общерусской рѣчи одним согласным звуком, происшедшим, можно думать, из взаимнаго уподобленія двух согласных звуков группы:

fás'=хвост
fajáj=хворал
fat'át'=хватать
fajíj=хвалил
f'it'kъ=свѣчка.

§ 39. 3) Случаи уподобленія согласных:

а) предшествующаго послѣдующему:

pan̄'á ⇚ pajn'á=полнó
bas'áj ⇚ bajs'áj=большóй
xas̄'á ⇚ xajs'á=хорошó
bán̄'ă ⇚ bájn'a=бóльно
ján̄'ă ⇚ jád'n'a=лáдно
an̄'ú ⇚ ad'n'ú=однý

б) согласнаго предшествующаго слога согласному послѣдующаго и обратно:

jajáp=озяб
jijín'ьjă=варенья
jajás'kв=рубашка
t'at'ás'ă=карандаш
n'án'ьt'kă=Соничка

в) предшествующаго послѣдующему (по дѣйствію голосовых связок):

jípkв || jíbă

. . . .

§ 40. 4) Случаи измѣненія в говорѣ маленькаго порядка звуков слова общерусской рѣчи:

majás'kв=бумажка
ád'ьkă=ягодка
bajáks'в=обжогся
s'ikát'=искать
φ t'kún's'i=въ кухнѣ

Глава четвертая.

Удареніе.

§ 41. Удареніе в рѣчи наблюдаемаго ребенка имѣется такое же, что и в общерусской рѣчи взрослых.

§ 42. В словах, заимствованных ребенком из говора окружающих, удареніе остается на том же слогѣ, на котором оно было в произношеніи окружающих:

jípkв=ры́бка
t'un'úk=сундýк
majás'kв=бумáжка
t'at'kán'=стакáн
jajás'kв=рубáшка
n'ákă=мнóго

§ 43. В связи с мѣстом нахожденія ударенія в словах говора маленькаго находится та или другая ясность произношенія гласных звуков слогов неударенных, так:

n'án'ьt'kă=Соничка   jás'kв=лошка
kát'ьs'=гадость   jámpв=лампа
s'át'kъvă=сладкаго   majákă=бумага
t'at'ás'ă=карандаш

mat'k'í=башмачки
s'ip'ít'=шипит.

Разсмотрим такія слова, как:

mat'k'í=башмачки
pak'í=сапоги
kají=говори
d'avás'=водовоз

при majás'kв, t'kát'ьt'kă и друг.

§ 44. Из этих примѣров мы видим, что если удареніе в трехсложном словѣ *бума́жка, ка́рточка* было на первом или на втором слогѣ, то слово, дѣлаясь достояніем рѣчи ребенка, сохраняет тоже удареніе и подчиняется только законам произношенія отдѣльных звуков, так:

t'kát'ьt'kă, majás'kв...

§ 45. Слова: úks'ьm ⇐ уксусом (ў̓ксусъм)
pát'kъm ⇐ пальчиком (па́л'чікъм)

указывают на то, что общерусскія трехсложныя слова, с удареніем на первом слогѣ, при конечном закрытом слогѣ принимают в говорѣ ребенка такой вид:

ˊ — — ⇒ ˊ —,

т. е. в них слог, тотчас слѣдующій за ударенным, исчезает.

§ 46. А когда трехсложное слово в рѣчи взрослых имѣло удареніе на послѣднем слогѣ, то в говорѣ ребенка оно, сохраняя тоже удареніе, является уже не трехсложным, а двухсложным: цѣлый слог, начинающій слово (второй слог перед удареніем) в нем исчезает и такія слова, как:

башмачки́ ⥸ mat'k'í
сапоги́ ⥸ pak'í
водово́з ⥸ d'avás'.

§ 47. Но если в слогѣ, непосредственно предшествующем слогу ударенному, имѣется самостоятельный согласный j + гласный, j — замѣнитель каких нибудь других согласных + гласный, или один из согласных трудных для ребенка, а в начальном слогѣ эксплозив, то исчезает не первый слог, а только неударенный гласный слога непосредственно предшествующаго ударенному [1]) и оставшийся одним согласный иногда, уподобляясь слѣдующему согласному, сливается с ним в один долгій согласный, а иногда и просто исчезает, так:

хорошо́ ⥸ xas̄'á
волоски́ ⥸ vas̄'k'í
голова́ ⥸ kavá
молока́ ⥸ mat'á
провал ⥸ pabáj
говори́ ⥸ kají.

§ 48. Таким образом в рѣчи ребенка, относительно вліянія ударенія на гласные звуки слогов неударенных, мы находим тоже самое, что в нѣкоторых русских говорах; так в говорѣ деревни „Сорочьи-Го́ры“, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, многосложныя и трехсложныя слова с удареніем на послѣднем слогѣ, напр.:

пароход ⥸ *прохо́т*
толокно́ ⥸ *тлокно́*

. . . . .

[1]) Во французском языкѣ из двух слогов (латинских), предшествующих слогу ударенному, исчезает краткій гласный слога непосредственно предшествующаго ударенному слогу и латинское sanĭtátem ⥸ во франц. santé
simŭláre ⥸ „ sembler
. . . . .

Глава пятая.

Исторія развитія звуков в говорѣ ребенка.

При разсмотрѣніи соотвѣтствія общерусских согласных звуков рѣчи окружающих взрослых согласным звукам говора маленькаго мы видѣли, что общерусскіе согласные не всегда соотвѣтствуют одному и тому же звуку в дѣтском говорѣ и по соотвѣтствію нѣкоторых звуков мы усмотрѣли в развитіи говора ребенка три періода.

Теперь представим характеристику этих періодов развитія говора.

А. Согласные звуки.

§ 49. 1) Період, когда мы замѣчаем вполнѣ ясное произношеніе только согласных эксплозивов: губных *p*, *b*, *m* и передне-язычных *t*, *d*, *n* и согласнаго *j*; остальные же согласные субституируются при помощи этих болѣе легких для ребенка звуков, так:

f=*p*: d'íp=жив

v=*b*: bát'i=волосы
d'abás'=водовоз
t'át'ьbă=Сашина

k=*t'*: mat'á=молока
jút'i=руки
t'un'út'=сундук
t'at'án'=стакан

с, *ш*=*t'*: t'át'a=Саша
t'un'út'=сундук
út'i=уши

ц, *ч*=*t'*: t'at'í=часы
t'áju=чаю.

Интересна замѣна согласнаго г. Он субституируется через *k*, тогда как самостоятельный эксплозив *k* не существовал и вм. него подставлялось *t'*:

n'ákă=много   jút'i=руки
k'ip=гриб   mat'à=молока
. . . .

Т. о. этот первый період развитія рѣчи ребенка (Сентябрь и большая часть Октября мѣсяца) характеризуется преобладающим дѣйствіем передней части языка и губ, как органов болѣе развитых у ребенка.

§ 50. 2) Другой період в развитіи согласных в говорѣ ребенка (Октябрь, Ноябрь, Декабрь, а относительно нѣкоторых звуков и Январь мѣсяцы) представляет отличительную особенность от перваго в том, что теперь вм. общерусских согласных:

а) *ф*, *в* и субститутов их (в началѣ перваго періода) *p*, *b* имѣется губно-губное φ, w: jiφ, ájьwă...

б) вм. *ж*, *з*, *р* и субститутов их *d'* имѣется j:

jíφ   júp   juká
n'àjьk   b'jás'ъj

в) вм. *к*, *с*, *ш* и субститута *t'* имѣется *t'k* || *k* и *s'*, так:

t'at'kán'   s'ás'ă
t'ás'kă   s'ápkв
t'kaját   ús'i

§ 51. 3) В третьем періодѣ (отчасти Январь, Февраль и Март мѣсяцы) мы замѣчаем уже болѣе полное развитіе согласных. В это время в говорѣ ребенка слышатся самостоятельные, ясные губно-зубные спиранты *f*, *v*, согласные *l'* и *x*, так:

t'káf'   javút'   t'kábl'ьk   xas̄'á
fàs'   v'ip'ъj   ál'ă
    t'kavát'

В. Гласные.

§ 52. В развитіи гласных звуков мы замѣчаем такой порядок:

Сначала слова говора ребенка были очень просты и состояли только из сочетаній согласнаго с гласным и глас-

ные ударенные от неударенных не отличались: тѣ и другіе (гласные) ребенком произносились при одинаковом напряженіи мускулов, с полным уложеніем органов и поэтому слышались совершенно ясно, так:

bá	n'át'i
t'át'a	mat'á
bú	d'át'
máma	
bát'i	
út'i	

§ 53. Выдѣленіе в говорѣ ребенка гласных неударенных и их меньшая опредѣленность в произношеніи началось в концѣ перваго періода, с появленіем слов трехсложных и вообще многосложных, так:

t'át'ьbă=Сашина	jípkъ=рыбка
t'àd'ьk=пряник	jijín'jă=варенья
t'ipít'=шипит	v'íp'ьj=выпил
jámpъ=лампа	ikájьt'=играет.

Отдѣл II.

Внутренняя, психическая сторона рѣчи ребенка [1]).

Глава шестая.

Постепенное развитіе рѣчи ребенка и образованіе слов.

§ 54. С самаго рожденія, еще не обладая никакими понятіями, ребенок уже издает нѣкоторые звуки и крики, но эти звуки и крики ничего не соозначают—они служат, большею частію, только выраженіем непріятных ощущеній и болѣзненнаго состоянія. Затѣм, мѣсяца через три, ребенок начинает сознательно смотрѣть себѣ на руки, на ноги и дѣлает нѣкоторыя движенія своими органами произношенія (губами), испуская при этом разные звуки, служащіе, как думают окружающіе ребенка, выраженіем его пріятных ощущеній. Эти-то первоначальныя движенія органов произношенія и испусканіе по временам звуков и служат упражненіем органа рѣчи ребенка и подготовкой его к произношенію звуков языка.

Послѣ такой подготовки и упражненія органов рѣчи, ребенок, в силу присущаго стремленія выражать свои нужды и желанія, мало-по-малу начинает, подражая окружающим, произносить нѣкоторые звуки из тѣх, которые он слышит у окружающих его лиц. На первых порах такіе попытки ребенка, конечно, не увѣнчиваются полным успѣхом: с этими первыми звуками ребенка не связывается никакого опредѣленнаго значенія, и звуки и слова, произ-

---

[1]) Пособіем служило „изложеніе психологіи рѣчи“ *В. А. Богородицкаго* в „Введеніи в изученіе русскаго вокализма“ (Р. Ф. В., 1882 г., N 4, стр. 260.

носимые маленьким, бывают неясны для самого произносящаго и непонятны не только для посторонних, но даже и для лиц, окружающих ребенка.

Такія первыя попытки выраженія своих желаній наблюдаемый ребенок начал проявлять тогда, когда ему было около года, протягиваясь к столу и произнося сочетанія губных, а иногда и переднеязычных эксплозивов в соединеніи с каким-то индеферентным гласным, так:

pæ̆, tæ̆.

При этом ребенок часто плакал, когда ему приводилось повторять одни и тѣже сочетанія по нѣскольку раз и окружающіе его всетаки не понимали.

§ 55. Т. о. мы видим, что годовой ребенок уже начинает произносить нѣкоторые звуки и соединяет согласные с гласными, но с этими звуками и их сочетаніями у него не связывается еще ровно никакого опредѣленнаго значенія.

Теперь обратимся к разсмотрѣнію словаря наблюдаемаго ребенка.

§ 56. Здѣсь мы, разсматривая слова, замѣчаем соединеніе прежних отдѣльных, не связанных ни с каким значеніем звуков в слова с опредѣленным значеніем и таким образом уже имѣем названія предметов, их качеств и дѣйствій.

Такое развитіе рѣчи ребенка произошло вслѣдствіе бо́льшаго его знакомства с окружающими его вещами и предметами. Ребенок, расширяя свой круг представленій знакомством с новыми вещами и предметами и воспринимая от окружающих самыя названія этих предметов, выраженныя в рядѣ звуков и их сочетаній, ассоціирует эти названія с представленіями. Затѣм, достаточно прислушавшись к произношенію окружающими этих звуковых сочетаній, ребенок постепенно начинает их выговаривать сам, но, вслѣдствіе плохаго и неодинаковаго физическаго развитія своих органов рѣчи, субституирует их и не вполнѣ точно. Так, напр., наблюдаемый ребенок, услышав слово

Са́ша, имя своего брата, воспринимает это названіе и, ассоціировав с представленіем брата, начинает употреблять его, но при произношеніи всѣ сложныя и трудныя для его органов дѣйствія замѣняет болѣе простыми и из слова *Са́ша* у него получается:

t'át'a.

§ 57. Первая удача при произношеніи воспринятаго слова вызывает в ребенкѣ чувство удовольствія и он с большим наслажденіем старается повторять услышанное слово еще нѣсколько раз и таким образом усваивает его.

Вот таким путем получаются в рѣчи ребенка отдѣльныя слова.

§ 58. Нѣкоторыя слова ребенок составляет сам на основаніи того впечатлѣнія, которое на него производят предметы. Так, разсматривая примѣры из говора ребенка, мы находим там:

„d'abán' d'ú“=самовар шипит
„m'ít'ă t'at'at'á“
„kujt'ák“=пѣтушок.

В первом примѣрѣ мы имѣем оба слова *d'abán'* и *d'u* произведенными звукоподражательно. Они, можно думать, составлены по тому рѣзкому шуму и гудѣнію самовара, которое ребенку привелось слышать, может быть, в первый раз. Это гудѣніе произвело сильное впечатлѣніе на слух ребенка и поэтому он, называя вещь, предмет и дѣйствіе, обозначил все это по выдающемуся качеству — гудѣнію = d'abán' d'ú.

Точно также в говорѣ ребенка получались и другія звукоподражательныя слова, так, напр.: слыша и видя как другіе играют на рояли, он затѣм сам захотѣл тоже играть и говорит:

„m'ít'ă t'at'at'á“,

т. е. Митя хочет играть.

Слово „kujt'ák“=пѣтушок
образовано от крика пѣтуха.

§ 59. Но такія слова, не находя себѣ никакой поддержки в произношеніи окружающих, не могут долго держаться в говорѣ ребенка, они скоро исчезают и замѣняются несложными по звукам и нетрудными по сочетаніям словами, заимствованными из рѣчи взрослых; так в фразѣ „dabán' d'ú" слово d'ú у ребенка скоро смѣнилось словом šyp'ít, заимствованным из говора окружающих, но только обработанным по своему = *t'ip'it'*; а слово *t'at'at'á* в фразѣ „*mít'ă t'at'at'á*" замѣнилось имѣющимся у взрослых jiгpáт'=*ikát'*. Идея же *самовар* ассоціировалась со звуками *d'abán'* и слово это до сих пор еще пока осталось в говорѣ ребенка в таком же видѣ. Это произошло, можно думать, потому, что это названіе *d'abán'* удовлетворяет ребенка и по количеству слогов и звуков оно похоже на всѣ слова подобнаго типа:

башмачки́ ⇛ mat'k'í,

а если принимать в говор слово *самовар*, то его приведется, может быть, сократить так же, как *mat'k'í*=башмачки́ и сдѣлать субституцію звуков в родѣ обжогся=*bajáks'ъ*.

§ 60. Т. о. из сказаннаго мы видим, что в рѣчи ребенка слова получаются большею частію путем заимствованія из говора окружающих. Заимствуя какое нибудь слово, ребенок связывает с ним точно то же значеніе, какое связывают с ним окружающіе и всегда подчиняет его своей фонетикѣ; при этом бывают измѣненія, перестановки и наконец даже полное исчезновеніе как отдѣльных звуков, так точно и цѣлых звуковых сочетаній (слогов). Так:

bad'á=вода — n'ákă=много
bát'i=волосы — n'ík'i=книги
k'íp=гриб
t'un'úk=сундук
t'káf'=кровь
fás'=хвост — jajás'kъ=рубашка
fajíj=хвалил — jijín'ja=варенья
bas'áj=большой

Глава седьмая.

Развитіе форм и слов в говорѣ маленькаго.

§ 61. Мало по малу с большим расширеніем запаса представленій и слов ребенок составляет из них (слов) отдѣльныя фразы и цѣлыя предложенія, так:

d'át' m'ít'i t'áju.
m'ít'a͡ us'áj.
t'kás'a͡ d'áj majáku.
. . . . .

Если мы разсмотрим эти предложенія, то увидим в них употребленіе одних и тѣх же слов уже в разных формах и видах и в извѣстном сочетаніи и отношеніи друг к другу, так: d'át', d'áj, us'áj
t'áju, majáku, m'ít'i . . .

Откуда же явились эти формы слов?

Мы знаем, что ребенок слова заимствует из рѣчи окржающих. Воспринимая отдѣльные звуки слова и приспособляя свои органы к их произношенію, ребенок измѣняет слова только с фонетической стороны, состав же их остается почти неизмѣнным, так:

d'ám'ьk, bas'áj, m'áfkъva . . .

Т. о. вмѣстѣ с словами в говор ребенка входят несомнѣнно и формы с своими отличительными признаками так мы имѣем:

§ 62. А. Формы глаголов:

а) infinitivus. d'át', ub'ját' . . .

б) praeteritum: us'áj . . .

в) заимствуя формы (imperativus): d'áj, t'it'áj, ребенок получает их вмѣстѣ с окончаніем повелит. наклоненія — *aj*. При повтореніи этих форм ребенок замѣчает, что всѣ онѣ, при одинаковом окончаніи, имѣют один и тот же оттѣнок значенія, поэтому обособляет это окончаніе и, ассоціировав с ним оттѣнок значенія повелит. наклоненія, распространяет его в своей рѣчи на другія слова, так получилось:

p'is'áj=пиши (п'ішы)
kan'áj=гони (гăн'í)

. . . .

§ 63. В. Формы склоненія.

N. pl. t'as'í
júki
mat'k'í.

А отсюда: так как такія формы Nom. pl. в говорѣ ребенка повторяются чаще и чрез это сильнѣе залегают в его памяти, то с ними ассоціируется оттѣнок значенія Nom. pl. Потом эти окончанія распространяются в говорѣ ребенка и на такія единичныя в рѣчи взрослых формы, как *глаза́* . . .

глаза́ ⇒ (в говорѣ ребенка) *kas'í.*

Acc. sg. m'ít'u
t'kás'u

Gen. sg. máfkъvă
b'íjьvă
s'átkъvă

. . . .

§ 64. Личных мѣстоименій наблюдаемый ребенок до сих пор еще не знает и постоянно говорит:

d'át' m'ít'i
jás'ke m'ít'ьvă

. . . .

Глава восьмая.

Аналогія.

§ 65. 1) В говорѣ наблюдаемаго ребенка нам приводится слышать такія формы, как:

n'ík'i s'ás'ьvă=книги Сашины
jás'ke m'ít'ьvă=ложка Митина
„ ájьwă= „ Олина

. . . .

При разсмотрѣніи этихъ примѣров являются вопросы. каким образом получилась такая форма, как s'ás'ьvă вм: *s'ás'ьnă?

Что могло повліять на ея образованіе, когда в говорѣ окружающих ребенок постоянно слышит:

Сашины
Олины
. . . . ?

В говорѣ ребенка, да и в говорѣ окружающих его взрослых слышатся фразы:

ча́jу сла́ткъва̊=t'áju s'át'kъvă
éрt'ɐ b'íjьvă
. . . . ,

гдѣ второе слово с окончаніем $\frac{ъ}{ь}$-vă, как прилагательное в Род. п. служит опредѣленіем перваго. Тоже самое имѣется и в кн'іг'і Са́шъны . . . : второе слово опредѣляет первое: n'ík'i s'ás'ьvă . . .

Поэтому, связав раз оттѣнок значенія опредѣленія с окончаніем $\frac{ъ}{ь}$-vă, ребенок подставляет вм. непонятнаго для него *-ина*, *-ины* окончаніе $\frac{ъ}{ь}$-vă и здѣсь.

Т. о., по типу t'áju s'át'kъvă, явилось в говорѣ ребенка n'ík'i s'ás'ьvă.

Такого рода образованіе форм называется а н а л о г и ч е с к и м [1]), а самый процесс *аналогией*.

§ 66. 2) Разсматривая слово *út'ă*=ухо, мы видим здѣсь замѣну согласнаго х через t'.

Слово *út'a* я слышал во втором періодѣ развитія звуков согласных говора ребенка.

Если мы обратимся теперь к таким словам (того же періода развитія звуков согласных), как:

a) φajás'ъju = хорошую

---

[1]) Сюда же относятся §§ 62 и 63.

mа́φkъvӑ = мягкаго
φud'а́j = худой
и β) xas̄'а́ = хорошо
xа́d'ьt' = ходит,

гдѣ является уже чистое *х*, то мы видим здѣсь, что субститутом общерусскаго *х* в говорѣ ребенка бывает только φ и *х*.

Почему же в словѣ út'ă вм. x имѣется t'?

Здѣсь появленіе его никакими фонетическими причинами обусловлено быть не может. В говорѣ маленькаго имѣется родственное слово út'i, гдѣ звук t' явился фонетически, как замѣнитель *ш*, и это слово ребенок знает давно, отсюда, можно думать, по аналогіи к út'i, звук t' распространился и на слово út'ă.

§ 67. Точно также и звук n в словѣ
n'át'í=да́йте при d'ám'ьk=до́мик
объясняется аналогіей к частицѣ n'á = возьми, которую ребенок и сам знает и часто слышит от других.

---

§ 68. И так, разсмотрѣв особенности рѣчи ребенка, мы можем вообще сказать слѣдующее:

Гласные звуки ударенные говора ребенка находятся в связи с свойством слѣдующих согласных, напр.: *é* ‖ *í* . . .

Гласные слога неударённаго находятся в зависимости —

а) от свойств предшествующаго согласнаго, так: *ъ* ‖ *ь* . . .

б) от положенія в словѣ по отношеніи к слогу ударенному, напр.: *а*, $\frac{ъ}{ь}$, ○ (нуль).

В ряду согласных звуков замѣчается сначала преобладаніе (по органу произношенія) губных и переднеязычных эксплозивов, а потом постепенное появленіе согласных звуков других органов и способов образованія.

Слова и формы ребенок большею частію заимствует от окружающих и потом уже, вполнѣ освоившись с ними и подведя их под фонетическія особенности своего говора и законы ударенія, ребенок пускает их в оборот.

Затѣм, когда ребенок сам образует новыя слова и формы, то всегда подводит их под тѣ формы и звуковыя сочетанія, какія уже имѣются в его языкѣ.

Казань, Апрѣль 1883 г.

СЛОВАРЬ.

áb’ьt’kă = я́блочко
ád’ьkă = я́годка
ájt’kв = яи́чко
ájьwă = О́лина
akán’ = ого́нь
ákъd’i = я́годы
ál’ă = О́ля
ál’ьvă = О́лина
an̄’á = одна́
an̄’ú = одну́

bá = боли́т
bábut’kă = ба́бушка
bad’á = вода́
bajáks’в = обжо́гся
bajkám = круго́м
bák = Бо́г
bán̄’ă = бо́льно
bas’áj = большо́й
bát’i = во́лосы
b’ékъj = бе́гал
b’íjьvă = (б’ӕлъва̊) бе́лаго
b’jás’ъj = бро́сил
b’jín’ = бли́н
bú = большо́й
but’ík’i = буты́лки

d’á = два́
d’abán’ = самова́р
d’abás’ = водово́з
d’áj = дай, дал
d’ám’ьk = до́мик
d’át’ = да́ть
d’avás’ = водово́з
d’awás’ = водово́з
d’íp = жи́в
d’ú = шуми́т, гуди́т

épt’в = хле́бца

faját = хвора́л
fajíj = хвали́л
fás’ = хво́ст
fat’át’ = хвата́ть
fat’ít’ = схвати́ть
f’ít’kв = све́чка
φ t’kún’s’i = в (кухн’и) ку́хне
φajás’ьju = хоро́шую
φán̄’ă = хо́лодно
φát’ьt’ = хо́чет
φud’áj = худо́й

xád’ьt’ = хо́дит
xájn̄’ă ‖ xán̄’ă = хо́лодно
xas̄’á = хорошо́
ikájьt’ = игра́ет
ikát’ = игра́ть
is’ = е́сть

jajáp = озя́б

jajás'kв = рубашка
ja-jút'k'i = на-ручки
jamáj = изломал, сломал
jámpв = лампа
jān'ă = ла́дно
jás'kв = ло́жка
javút' = зову́т
jíbă = ры́ба
jijín'jă = варе́нья
jíf = жи́в
jípkв = ры́бка
júb'ьt'i = ру́бите
júbъt'kă = Лю́бочка
juká = рука́
júk'i = ру́ки
júp = зу́б
jút'i = ру́ки

kají = говори́
kas'í = глаза́
kát'kъj = га́дкій
kát'ьs' = га́дость
kavá = голова́
k'íp = гри́б
kujt'ák = пѣтушо́к
kukám = круго́м

májă = ма́ло
majákă = бума́га
mąjás'kв = бума́жка
mamát'ă = } мама́ша
mamás'ă = } мама́ша
más'ă = ма́сла
mat'á = молока́
mat'ká = молочка́
mat'k'í = башмачки́
máfkъvă = (м'ахкъва̊) мя́г-
каго

m'ís'ă = Ми́ша
m'ít'u = Ми́тю
mud'ík = } мужи́к
mujík = } мужи́к

n'á = на́, возьми́
n'ábъbă = но́ваго
n'ad'ín'u = надѣ́ну
n'ájьk = но́жик
n'ákă = мно́го
n'ákъbu = на́-голову
n'ákъvu = на́-голову
n'án'ьk'i = на́-ноги
n'án'ьt'kă = Соничка
n'á-pu = на́-пол
n'át'i = да́йте
n'át'kъj = ма́ленькій
n'ík'i = кни́ги

pabáj = пирова́л
pak'í = сапоги́
pamás't'i = пома́жьте
pān'á = полно́
pápъt'kă = па́почка
pat'áj = посто́й
pat'áf' = поста́вь
pat'áv'ъj = поста́вил
pát'kъm = па́льчиком
p'ib'íj = при́бил
p'is'áj = } пиши́
p'is'í = } пиши́
p'is'kám = пѣшком
pus't'ís'ku = пусты́шку

s'ápkв = ша́пка
s'ás'a = Са́ша
s'ás'ъvă = Са́шины

s'ajún' = шалýн
s'át'kъvă = слáдкаго
s'áxъju = сáхару
s'ép = хлѣ́б
s'id'ít' = сидúт
s'ikát' = искáть
s'ip'ít' = шипúт
s'ípkв = шúбко
s'ís'kв = шúшка
s'káp = шкáп

t'ad'áj = козёл
t'ad'ápt'i = корóбки
t'ád'ьk = прянúк
t'áj = стóл
t'ájьk = прянúк
t'ajápkв = корóбка
t'áju = чáю
t'an'ás' = карандáш
t'ápkв = шáпка
t'ápkв = тряпка
t'as'ì = часы́
t'ás'kв = чáшка
t'át'ă = Сáша
t'at'án' = стакáн
t'at'ás'ă = } карандáш
t'at'át'ă = } карандáш
t'at'í = часы́
t'at'kán' = стакáн
t'át'ku = чáшку
t'át'ьbă = } Сáшина
t'át'ьvă = } Сáшина
t'ás'ku = чáшку
t'í = трú
t'ivá = (чево) чегó

t'im'n'á = темнó
t'ip'ít' = шипúт
t'it'áj = читáй
t'it'ák = цвѣтóк
t'it'k'í = цвѣткú
t'kábl'ьk = пóгреб
t'kajáj = козёл
t'kájt'ă = кáрта
t'kám'ьn' = кáмень
t'kás'ă = Кóстя
t'kás'u = Кóстю
t'kát'ka = кóшка
t'káf' = крóвь
t'kaféta = канфета
t'kan'ás'ьk = карандáшик
t'kát'ьt'kă = кáрточка
t'kukám = кругóм
t'kut'í = ключú
t'kavát' = кровáть
t'új = стýл
t'ukájă = другáя
t'un'úk = } сундýк
t'un'út' = } сундýк
t'út' = тýт

ub'ját' = убрáть
ud'íjьjă = удѣ́лала
ujód'ьnă = урóдина
úks'ьm = ýксусом
úm'n'ьj = ýмный
us'áj = ушёл
út'ă = ýхо
út'i = } ýши
ús'i = } ýши

ФРАЗЫ.

d'abán' d'ú = самовар шипит
mít'ǎ t'at'at'á = Митя хочет играть
d'át' m'íti t'áju = дать Митѣ чаю
m'ít'ǎ us'áj = Митя ушел
t'kás'ǎ d'áj majáku = Костя дал бумагу
n'ík'i s'ás'ьvǎ = книги Сашины
jas'kв m'ít'ьvǎ = ложка Митина
t'áju s'át'kvǎ = чаю сладкаго
n'ít' t'káf' = нѣт крови
d'át' akán' = дать огонь
t'ivá júb'ьt'i? = чего (что) рубите?
pamás't'i más'ǎ = помажьте масла
pat'áf' t'új = поставь стул
t'í páb'jǎ [1]) = три пробило
d'á t'as'á [1]) = два часа
n'ít', m'ít'ǎ úm'n'ъj = нѣт, Митя умный
t'kás'kв kát'kъj = Коська гадкій.
ájt'kв épt'в = (яичко с хлѣбцом) яйцо́-смятку
épt'в b'íjьvǎ = хлѣбца бѣлаго
máj bas'áj t'at'kán' = мой большой стакан
t'áj tép (?) = дай хлѣб
t'it'k'í ál'ьvǎ = цвѣтки олины
t'út' s'id'ít' = тут сидит
d'áj n'át'k'i t'as'í = дай маленькіе часы
kavá bajít' = голова болит
ub'ját' t'at'kán' = убрать стакан
javút' m'ít'u = зовут Митю
jaját m'ít'ǎ = озяб Митя.

---

[1]) повторял, когда говорили другіе.

А. Александров.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

записанныя в Щигровском уѣздѣ, Курской губерніи

М. Халанским.

III.

Тя́гальныя пѣсни (протяжныя).

N 1.

Бли́ска к До́ну, бли́ска к мо́рю,
Бли́ска к ти́хаму Дунаю
До́брай мо́ладяц гуля́я;
Он и сви́шша, гарка́я,
Чёрнаю шля́паю маха́я
Он сваéю сабалькя́вай.
Уш ты, ли́са, висяли́ся!
Агляни́ся, паклани́ся,
Ты скажы́ паклóн падрýшки —
Ты Бари́савай матрюшки.
Бари́сава матрю́шка
Мудряна́ шéльма бува́ла:
На Дунай-рéчку хади́ла,
Рашатóм ры́бу лави́ла,
Биз агня́ ры́бу вари́ла,
Бис пóлымя закипа́ла;
Пазабы́ла, ни сали́ла;
Ни саля́ друшка́ кар'ми́ла
Биз лóшки, бис тарéлки,
Биш шалкóвай салафéтки,

N 2.

Салаве́й куку́шичку падгава́ривал:
Падгава́ривал, падма́навал:
Паляти́, куку́шичка, в мой зялёнай сат,
Ва маём ва са́дику маладе́ц гуля́я,
Маладе́ц гуля́я ни вясёл дабре́.
А как жа мне, мо́латцу, вясёламу быть?
Хо́чя мине ба́тюшка у слу́жбу адда́ть,
У слу́жбу адда́ть—на страю стая́ть.
Слёзы ко́тютца, двару́ хо́читца
К атцу́, к ма́тяри, к малым де́тушкам,
К малым де́тушкам к маладой жане́.

N 3.

Ой ва гара́дя, ой ва гара́дя,
Ва го́радя сылучи́лася бяда́.
Ой там уби́ли, ой там уби́ли,
Там уби́ли маладо́ва казака́.
Ой схарани́ли, ой схарани́ли,
Схарани́ли при шыро́кай далине́.
Ой там ляте́ли, ой там ляте́ли,
Там ляте́ли саколи́ки стараной.
Ой се́ли, па́ли, ой се́ли па́ли,
Сели, па́ли кы удо́вушки на дво́р.
Ой крылушка́ми, ой крылушка́ми,
Крылушка́ми шыро́кай двор размяли́.
Ой галаса́ми, ой галаса́ми,
Галаса́ми удову́шку збудили́.
Ой вста́нь, прасни́ся, удову́шка малада́.
Ой пади, вы́ди, ой пади вы́ди,
Пади вы́ди за нава́и варата́.
Ой стань, паслу́шай, ой стань, паслу́шай,
Стань, паслу́шай ды што люди гаваря́ть.
Ой люди ба́ють, ой люди ба́ють,
Люди ба́ють и гута́рють, гаваря́ть.
Ой табе́, мла́дой, ой табе, мла́дой,
Табе мла́дой удаво́ю гарява́ть.
Ой тваи́м де́ткам сиро́тами таскава́ть.
Ой чюжы́ мужья́, ой чюжы́ мужья́,
Чюжы́ мужья́ ис салда́тушак иду́ть.

Ой тваво́ му́жа, ой тваво́ му́жа,
Тваво́ му́жа варана́ каня́ вяду́ть.
Ой сидяли́цу [1]), ой сидяли́цу,
Сидяли́цу на бялы́х рука́х нясу́ть.
Ой пайду́, вы́ду, ой пайду, вы́ду,
Пайду́, вы́ду вы каре́тнай вы сарай.
Ой запрягу́ я, ой запрягу́ я,
Запрягу́ я тро́йкю во́раных кане́й.
Ой я пае́ду, ой я пае́ду,
Я пае́ду, где́ мой ми́лай схаранён.

N 4.

Ни бялы́ сняшки́
В по́ля лапушы́сты
Привзакры́ли все паля́;
Адно по́ля ни закры́ли—
По́ля ба́тюшки маво́.
Сиряди́ поля кусто́чик
Адинёшиняк стаи́ть,
К зямле́ ве́та́чик ня кло́ня,—
Знать листо́чкав на нем не́т.
Нет листо́чкав, ни твято́чкав,
Нет приме́ты никако́й.
Выду я в по́ля,
Ста́ну на круто́й бугаро́к,
Пасматрю́ я в ту старо́нку,
Иде ми́лая жыве́ть;
Сви́сну я, кри́кну
Гро́мким го́ласам сваи́м:
Иде мая любе́зная жыве́ть?
Ох, ни гаря́ть нашы драви́шки,
То́лькя га́снуть!
Ох, ды ня лю́бить де́вка па́рня,
То́лькя ма́нить!
Кык бярёзушка—расо́ю,
Залива́лась де́вушка слязо́ю,
Ни тако́ю слязо́ю, гарючёю.

N 5.

Бис пары, биз время
Ста́ла трава́ со́хнуть,
Со́хнуть, вя́нуть.
Ана со́хня, вя́ня,
Ро́сту ни дава́я.
У мла́тца се́рца занывая́:
У в инуя влюби́лси,
Во́ли лишы́лси:
Уш, ты, во́ля,
Ты мая во́ля,

---

[1]) =сяделицо, с ŏ=у.

Пр. оч. распространена въ Харьк. и Кур. г. Вар. Обоян. у. с. Александровка.

1—4 В Таганрогѣ сочинилася бѣда,
Там убили молодова гусара́...

11—12 Крилечками широкай двор 'свєтили
Галасами авдовушку збудили.

Во́ля дарагá я!
Дéвка маладáя
Пó саду гуля́ла;
Красатý тяря́ла,
Кали́ну ламáла,
У пукí вязáла,
Карáп нагружáла,
В Масквý атправля́ла,
Па Маскве гуля́ла,
Тавáр закупáла;
Дéнях нидастáла,
Укрáла платóчик,
Папáла в астрóжык.
Ми́ма éтава астрóшка
Ляжáла дарóшка.
Па éтай дарóшки—
Ни хóдють, ни éздють;
Толькя хóдють, праяжжáють
Купцы́ ды дваряня,
Шшигрóвски мяшшáня.

N 6.

Зарадúла мине мáть,
Ни далá мне дóли,—
Тóлькя чёрнаи брóви.
Прапáла я с вáми
С чёрнами бравáми,
Нялзя́ дéвки, нялзя́ крáснай
На ýлицу вы́тить.
Уш я вы́ду на ýлицу,
Стáну в карагóдя,
Гля́ну па нарóду,
Усе люди сýдють, рядють.
Пушшáй сýдють, пушшай рядють;
Люди насýдютца,
А мы нажывéмси,
Людям насмяéмси.
Лятáл гóлуп, лятáл си́зай,
Лятáл сизакры́лай,
Лятáл па задвóрью,
Па чи́стаму пóлю.
Стая́ла там дрéва—
Бярёзушка бéла.

N 7.

Ой, день, ты, мой дéнь,
День вясёлинькяй!
Ой сáт, ты, мой сáт,
Сат зялёнинькяй!
А счявó ш, ты, мой сáт засóх?
И счявó ш, ты, завя́л, асы́пался?
Куды́ ш, ты, мой ми́лай сабирáисси?
Са всéю раднёю распрашшáисси,
А са мнóю, маладóю, нипрасти́лси, пашóл?
С палави́ны путí
Варати́лси мил дамóй,
Распрасти́лси са мнóй.

N 8.

Ишла́, шила́ де́вушка па лясо́чку,
Накало́ла но́жинькю на дряво́чку,
На мя́хкая де́ривца — на груздо́чик.
Бали́ть, балить но́жинькя ды ня бо́льна,
Люби́л па́рянь де́вушку ды ня до́лга.
Нядо́лгая вре́мичка — три гадо́чка
Паказа́лись де́вачки за гадо́чик.
Кык пае́хал мой ми́линькяй в гарадо́чик,
А я за ни́м, де́вачка, ва слядо́чик.
Плато́чкам махну́ла, он няви́дя;
Гро́мким го́ласам крикну́ла, он няслы́ша.
Бяжа́ла, бяжа́ла, пріуста́ла,
З даро́шки свильну́ла, пріусну́ла.
Вот е́дя мой ми́линькяй з гарадо́чка;
Он плёткаю ма́шить, ды ня вда́рить.
Бяги́, бяги́, дявчёначка паскаре́я,
На но́жинькях парязве́я.
Сади́сь, сади́сь, де́вушка, вы каля́ску;
А мая́ каля́ска ни праста́я,
А мая́ каля́ска залата́я;
Хвате́рушка нанята́я,
Хазя́юшка малада́я,
Пасте́люшка пухавая.

—

Вар. 1—3:
Хади́ла дявчёначка па дали́нки,
Рвала́, рвала́ я́гады ды кали́нку.
Накало́ла но́жичку на были́нку.
Вар. 10—18:
Гнала́, гнала́ ми́лава, ни дагна́ла.
В чи́стам по́ля ви́шинькя стая́ла;
Гну́ла, гну́ла ви́шинькю, ни нагну́ла,
Пад ви́шинькяй вда́рилась и засну́ла.
Ня до́лга я спа́ла — два чясо́чка,
Пріе́хал мой ми́линькяй з гарадо́чка.
Ай, встань, прасни́сь, машы́рычка,
Ай, встань, прасни́сь, прабуди́ся,
На маю́ каля́сычку падиви́ся:
(Кур. у. с. Гуторово).

N 9.

Ды на ду́пчику, на кудря́вчику—
Там сиде́л го́луп сы галу́пкаю;
И цалу́ютца и милу́ютца,
Пра́вым кры́лушкам абнима́ютца,
Си́зым пёрушкам утира́ютца,
Ой в те́римя, ой ва висо́кам
Ды сиди́ть Пятре́й с Ната́льяю;
И цалу́ютца и милу́ютца,
Пра́вай ру́чкаю абнима́ютца,
Шалкавы́м платко́м утира́ютца.

Зап. студ. Чекановым.

N 10.

Гу́сли́, вы, гу́сли,
Званчя́таи маи!
Скажы́тя, вы, гу́сли
Пра маё, пра нисчя́стья,
Пра вяли́каю ну́жду:
Вяду́ть друшка в слу́жбу;
А мне яво жа́ль, жа́ль;
Жалче́й яво не́ту
Па бе́ламу све́ту.
Дале́чя мило́ва
Друшка правамжа́ла:
За лес, за дубро́ву,
За бе́лу бярёзу.
Там жа я с' милым
Друшко́м расстава́лась;
Там жа я с' милым
Друшко́м распрашша́лась...
Кык вада в мо́ря,
Так я малада́ в го́рю;
Кык вада в пяске́,
Так я малада́ в таске́;
Кык жа пчёлы вьютца,
У мине слёзы льютца,
На чяс ни ваййму́тца.

N 11.

Всё я, всё я,
Всё па го́ринки хажу́;
Всё я, всё я,
У вако́шичка гляжу́.
Как бы, как бы
Мила́ друшка увида́ть;
Как бы, как бы
У глаза́ яво абруга́ть.
Дура́к, дура́к,
Дурак ми́линькяй дружо́к!
Ат како́й жа ты
Ат кра́лички атста́л
И каку́я нигадя́йкю
Люби́ть стал?
—Нигадя́йкя худу́ славу́ узнясла́;
Ат худо́й жа я сла́вушки
В салда́тушки пашо́л.
У салда́тушках няво́льная житьё:
По́ три де́нишки ва су́тачки дають,
По́ сту ло́занав у спи́нушку кладу́ть.

N 12.

Што за тра́вушка,
За мура́вушка!
Ты када́ взашла́,
Када́ вы́расла?
Я вясно́й взашла́,
Ле́там вы́расла,
Супрати́ со́нца
Сто́я вы́сахла.
Ой, и што́ш е́та
За ми́лай друх!
Ой, и што́ ш е́та
За душа́ мая!
Уш я ля́жу спать,
Ва сне́ гре́зитца:
Бу́дта мой мило́й
В галавах стаи́ть,
Ва глаза́ глади́ть,
Ре́чи гавари́ть:
Ачни́сь, мая́ лю́бачка!
Я ня вор пришо́л,
Ни разбо́йничик,—
Я пе́рвай твой
Палюбо́вничик;
Я дапре́ш к табе́
Ха́жывал,
Зиляно́ вино́
К табе́ на́шывал;
Сла́тких пря́никав
Ис карма́никав,
Сла́ткай во́тачки
Ис кубы́шички,
Ис падмы́шички.

N 13.

А я малада́
Усю збрю ни спала́,
Все́ ага́рач'ки прижгла́,
Агулёчки замяла́:
Друшка́ въ го́стюшки ждала́,
Ды наси́лушки дажда́лась,
На ше́юшку бро́силась,
Сляз'ми млада́ залила́сь.
Уш, ты, ми́линькяй, мило́й,
Скажы́ пра́вду, ни пато́й:
Кы́да лю́биш, дык люби́,
А ня лю́биш, аткажы́;
Аткажы́, друх, атьяви́,
Худо́й сла́вы ни клади́.
Худа́ сла́вушка прайде́ть,
Нихто́ за́муш ни вазь'ме́ть:
Вот ня ба́рин, ни купе́ц,
Ни взавда́лай малад́ец.

N 14.

1 Душичка, мало́ччик,
Ни сушы́, ни крушы́
Кра́снай де́вицы душы́!
Так маё сярде́чюшка
Изны́ла па табе́,
Маи я́снаи о́чи
Памути́лися са слёс.
Я сы тэ́й таски́, кручи́ны
В чисто́ по́ля пайду́
Я раски́ну бел шатёр
При даро́гя при бальшо́й,
При дали́ня шырако́й.
Нихто́ ка мне́ в шатёр
Ни зае́хал, ни зашо́л;
То́лькя зае́хал, ды зашо́л
Адин ми́линькяй дружо́к;

Он на во́ранам каие́,
18 На чярка́скам на сядле́.
Уш, ты, ми́линькяй дружо́к!
Привяжы́ каня́ к шатру́,
А сам ка мне́ у шатёр
Уш, ты, ми́линькяй дружо́к!
Дай у гало́вки паишшу́,
Ру́саи ку́дри расчяшу́.
Я иска́ть ни наиска́ла,
Ру́саи ку́дри паплута́ла,
До́брава мо́латца приспа́ла
На сваи́х бялы́х рука́х,
На кисе́йных рукавах.
Я ачну́лси, я прасну́лси,—
Нет ни де́вки, никаво́,—
Нет ни во́рана каня́,
Ни чярка́скава сядла́.

—

Вар. 1—18 ст.:
Ни свива́йси, ни свива́йси
Павили́ка с палыно́м;
Ни свыка́йси, ни свыка́йси
Кра́сная де́вка с малатцо́м:
Харашо́ была свыка́тца,
То́шна с милым расстава́тца.

—

Ни гурку́й, ни гурку́й,
Мой си́зинькяй галубо́к;
Ни дава́й таски́—назолы
Маму́ се́рцу, жывату́.
Кык и мой жывато́к
Сы вздыха́ньица засо́х,
Сы вздыха́нья, сы рыда́нья,
Ишшо с о́ханья, с скамаро́ханья.

—

При даро́жиньки тарно́й,
Ды при то́рнай, сталбаво́й—
Там и е́хал мой мило́й
Он на во́ранам кане,
На чарка́скам на сядле́,
Сире́брины струмяна́,
Залаты́я удила́...
(Щ. у. с. Ниж. Ольховатое).

N 15.

Ды взайди́, взайди́, ня я́сная со́нца!
Ды приди́, приди́, завдало́й мало́ччик,
вячёр да мине́.
Ся́дим мы с табо́ю, завдало́й мало́ччик,
за дубо́вай стол.
Вы́пьим мы с табо́ю, завдало́й мало́ччик,
Па рюмки вина́.
Вот с ве́чира завдало́й мало́ччик
Вот и пи́л и гуля́л;
Кы палу́начи низдаро́в стал,
Кы бяло́й зари́ Богу ду́шу аддал.
В васкресе́нья пау́тру, ране́нькя,
харани́ть нясу́ть.
Ате́ц с ма́тя́рью вспабива́ютца,
У варо́т дявчёнка усмиха́итца:
Ни хади́ть ба табе, завдало́й мало́ччик,
вячёр да мине;

N 16.

О, нисчя́стьица случи́лася:
Я в измéн'шычка влюби́лася!
Аказа́лси мой измéн'шычик—
Он милéя атца́, ма́тяри,
Он милéя рóду, плéминю,

—

Харашó таму́ на свéтя жыть,
У кавó нет гóря, забóтушки,
Рятиву́ сéрцу align="center"зазнóбушки.
Вот пéрвая забóтушка —
Муж—разуда́лая галóвушка;
Вот друга́я забóтушка—
Абуя́ли ма́лаи дéтушки,
Ма́лаи дéтушки, нисмышлёнаи,
Нисмышлёнаи, нивзрашшóнаи.
Вот трéтья забóтушка—
Иссушы́л мине мил сярдéшнай друх.
Уш кык я дружка́ павы́сушу,
Я сярдéшнава павы́крушу;
Я ня зéльям, ни карéньям,—
Я вы́крушу гарю́чими слязьми́
Су́ша тра́вушки—кавы́лушки,
А кавы́лушки кашóнинькяй,
Кашóнинькяй, сушóнинькяй.
Ни даста́ньси, мой ми́л, сярдéшнай друх,
Ты ня дéвушки, ни малóдушки,
А даста́ньси, мой мил, сярдéшнай друх,
Грабавóй даски́, сырóй зямли́.

Вар. см. С. р. н. Сахарова, к. III, стр. 214, N 51; Шейн, Р. н. п., стр. 326, 54.

N 17.

Сястри́цы—падру́жиньки,
Галу́бушки, вы, маи!
Вы приди́тя в гóстюшки ка мнé,
Папраси́тя у ба́тюшки
Мине в гóстюшки к сабé;
У ради́май ма́тушки—
У зéлян сат—пагуля́ть.

В саду́—нипагóдушка:
На дярéвьях ли́стики шумя́;
Раврóваи ли́стики
Призаблёкнувшы вися́;
На мéлких, на ку́стиках,
Дрóбны пта́шички сидя́,
У слу́х рéчи гаваря́.

Лятéл там салóвушка,
Лятéл сизай, маладóй.
Спрашý я в салóвьюшки:
Тýжа ли па мнé милóй?
Я ш па нём, бяд'няжичка,
Всягдá плáчу, галашý.
Встряпнý бéлыми рукáми,
Пáну грýдью в караваáть...

Ср. Шейн, Бр. н. п., N 548.

N 18.

Ня дýмала, ни гадáла маладá,
Кык наéхали татáры на двóр,
Взяли, взяли мавó мúлава в палóн,
Приламúли яму гóлаву калóм.
Мне ня жáль, што ани явó узяли,
А мне жáль, што ани тýга связáли;
Павяз'ли яво ва тёмниинькяй лясóк,
Привязáли за дубóвай за кустóк.
Он и бьéтца, раншибéгца утикéть;
А мне, младóй, гóлаву ат'сякéть.

—

С пад'вéтья варóбушка шшакóчя,
Ни вялúть кучирявава любúть:
Палюбú ка, ты, прастýя галóвушку;
Сама бýдиш хазяюшка ва дварý,
Хазяюшка — маладáюшка,
Чиряс сóрак нядéль — мáтушка.

N 19.

Ишлá, ишлá дéвушка
Лéсам, пó лясу,
Нашлá, нашла крáсная
Купарúс—дрéва.
На éтам на дéривцу
Лúстики шумять;
Шумя, шумя лúстики,
Пашýмливаюдь;
На éтих на лúстиках
Птáшички сидять;
Сидя, сидя птáшички
Жáлабна пають.
Анú крáснай дéвушки
Назóлу даюдь.
Аддáл мине бáтюшка
Зáмуш далякó;
Далéчя, далечя —
Он за Вóлгу рякý.
Нарёк жа мне бáтюшка
Сем лéт ня бывáть;
Нярóдная мáчиха —
Хоч вéк нябывáть.
Я гóт загадавáла,
Слязá праналá.

Ки́нусь я, бро́шуся
Го́рькаю куку́шкаю;
Палячю́ я к ба́тюшки
Ва зе́лян сат;
Ся́ду я у ба́тюшки
На я́бланачку;
Буду я́бланачку
Сляз'ми абливать,
Сла́ткая я́блачка
Бу́дя засыха́ть.

Ср. Шейн, Р. н. п., стр. 339, N 69.

N 20.

Галава́ ль мая́, гало́вушка
Игряли́вая и шут'ли́вая!
У мае́й бе́днай гало́вушки
Нет ни ба́тюшки, ни ма́тушки;
То́лькя есть у мине́ мил сярде́шнай друх,
Мил сярде́шнай друх, ми́лая ла́душка.
Ды и тот са мной ни в ладу́ жыве́,
Ни в ладу́ жыве́ и ня в со́вясти,
Он лажы́тца спать ни палютски.
Ни палютски, падура́цки:
Он к стяне́ лицом, ка мне спи́наю,
Ка мне спи́наю, паясни́цаю.
Ми́лая ла́душка, абярни́сь ка мне́!
Ал' стяна́ мила́, али я малада́?
Ал' стяна́ табе́ ду́му зду́мая,
Ду́му зду́мая, сло́ва про́малвя?
Вить я малада́ ду́му зду́маю,
Думу зду́маю, сло́ва про́малвлю.

N 21.

Уш, ты, го́ря маё, го́ря,
Гарява́нья бальшо́я:
Муш жану́ ня любя,
Он ня любя, нинави́дя.
Сы ве́чяра ку́дри че́ша,
Сы палу́начи гуля́ть хо́дя,
Кы бялу́ све́ту прихо́дя.
Атваря́й, жана́, варо́ты,
Атваря́й, жана́, шыро́ки,
Успушша́й му́жа с ахо́ты.
Уш я, маладец, нагуля́лси,
Нагуля́лси, нашата́лси,
У салда́тушки наня́лси.
Я узя́л де́нях нямно́шка:
Я узя́л рублей пятна́тцать,—
Служы́ть з го́дам два́тцать;
Приду́ дамо́й, нивгада́ють.
Жана́—ше́льма угада́ла,
Атцу, ма́тяри сказа́ла:
Ета—виш сыно́чик.

N 22.

А вы, де́вушки, паигра́йтя,
А мало́душки, папляшы́тя!
Мине, маладу́, ни дражни́тя:
У мине, маладо́й, муш рявни́вай,
Раскана́лья крапат'ли́вай:
Сы ве́чяра ку́дри че́ша,
Сы палу́начи гуля́ть хо́дя,
Кы бялу́ све́ту прихо́дя.
Он лажы́тца са мной спа́ть
На тясо́ваю карава́ть,
На мя́хкаю пяри́ну,
На висо́каи вызгало́вья,
Пат шалко́вая адя́яла,
Чижало́ ми́лай уздыха́я,
Пра двух, пра трёх вспамина́я,
Он пра все́х чатырёх.
Кы́ба е́ти три, чяты́ри
Разабу́ли, разаде́ли,
Распая́сали малатца́;
Адин сы́н у ватца́,
Адно дитё у раду́,
Што я́блачка у саду́.
Я ва зе́лян сат пайду́,
Сла́ткая я́блачка сарву́,
Сваяво́ ми́лава вспамяну́
Я на са́харя, на мяду́.

N 23.

Ой, но́нчя у нас субатíя, [1])
А наза́втра у нас— васкрисе́нья!
Васкрисе́нья—у ба́тюшки вясе́лья:
У вячёр мине ба́тюшка прасва́тал—
Ня бли́ска,—далёка,—за Во́лгу ряку́—
За ма́лава рябёнка, нидаро́ска.
Нидаро́стак па Волгя гуля́я,
По́зна дамо́й прибува́я.
Раздява́тца, разува́тца нидаётца,
Распаясаватца—ни пыта́йси.
Рассу́кин-сын нидаро́стак!
Ни табе мной панаша́тца;
Панаша́тца мной—ино́му,—
Таму́-та, што́ у де́ву́шках люби́ла,
Залаты́м кальцо́м падари́ла,
Кык дале́чя яво́ правади́ла.
Вот за то́-та мине ма́тушка бранила!

---

[1]) Так называют субботу жители с. Большаго гремячаго колодезя, гдѣ записана эта пѣсня.

N 24.

На гóрачки, на крýтинькяй
Бярёза стаяла;
А пад éтай пад' бярёзай
Вадица бяжáла.
Няльзя, няльзя ваду пить:
Вадá ключявáя;
Няльзя, няльзя жану бить:
Анá маладáя.
Я пабил иé час,
Праплáкал нядéлю.
Я заплáкал свай óчи
За чятыри нóчи [1]).
Я на éтам на мястéчку
Пасéял пашанúчку.
Урадилась пашаница,
Ды нéкаму жать.
Абишшалси аднадвóряц
Мяшшáначку взять.
Анá яму ат'вячáла:
Я ня вмéю жать.
У бáтюшки я ня жáла,
В тибé жать ня бýду.
Здéлай в пóля халадóчик,
Там ляжáть я бýду,
Ат субóтя да субóтя
Я вязáть ня бýду.
Я устáну при святóчку,
Напряду сарóчку;
Мнѣ сарóки аснують,
А варóны выткуть,
А бéлаи либядя
Павыбялють да бялá;
А сéраи ýтки
Скатáють у трýпки;
Индюки—гарбаки
Пакладýть в сундуки.
Я ня знáла маладéнькя,
Што в сéриду прáзник:
Адна былá сарачина
И тý намачила;
Павéсила на калóк,
А иé мáлай увалóк.

N 25.

Задýмал старичёк
На другóй—жанитца;
Сидéл, сидéл, дýмал
У другóй жанитца:
Стáраю узять—
Нá нябýдя рабатáть;
Маладýя узять—
Нá любить ня бýдя;
Хатя нá бýдя,
На ýлицу дýня,
Пра стáрава сýдя:
У мавó ли старичкá—
Замáшная галавá,
Казиная барадá,
Свинячья ядá.
Задýмал старичёк
На базáр паéхать,
Задýмал старичёк
Купить сабе братажóк.
Пріяжжáя старичёк кы дварý;
Хóдя жóнка па дварý;
Жóнка—у шýпки,
Жóнка—у юпки,
Жóнка—у шóлкавам платкý.

---

[1]) Смотр. в С. р. н. Сахарова, III, стр. 91, N 14. Вар. см. Р. н. п. Шейн, стр. 154.

Паймáл маладýя жанý,
Привязал маладýя жанý
К из'бянóму дярнý;
Он—пóзями сапагóм,
Па плячя́м—братагóм.
„Раскажы, ты, маладáя жанá,
„Какáя мая галавá?
—У мавó ли старичкá—
—Кучиря́вая галóвка.
„Раскажы́, ты, жанá,
„Какáя мая барадá?
—У маявó старичкá
—Шалкóвая барóтка.
„Раскажы́, ты, жанá,
„Какáя мая ядá?
—У мавó старичкá
—Купéчиская ядá.

N 26.

Што ни бéлая зóрюшка,
Заря́ занялáся;
Маладáя дваря́начка
Дварянина будúла:
Уставáй, дварянúнушка,
Уставáй, пáрянь маладóй!
Все брáтцы—тавáришшы
Зашлú за табóй.
Брáтцы маи, тавáришшы!
Вы ня кúньтя минé,
Ня кúньтя, ня брóсьтя
На чюжóй, дáльняй старанé.
Ня чюжóй, дáльняй старóнушки
Мине сон сакланúл:
Скрóсть маю галóвушку
Руда пратяклá;
Скрость маю сярдéчюшку
Травá прараслá.
Трáвушка мурáвушка,
Зялёнай лужóк,
Крутóй биряжóк,
Зялёнай лапушóк.

N 27.

Адúн был сын у ватцá, мáтяри
Ды и тóт идéть в слýжбу цáрскаю.
Вот гóт нету и другóй нету,
На трéтяй гот он дамóй идёть;
Атéц стрел явó сирёт ýлицы,
Мать сустрéла сирядú дварá,
А жанá стрéла сирёт гóринки.
Кык мать сы́ну паражжáлилась:
Ох, сын, мой сы́н, сын ясён сакóл!
Твая́-та жанá—распут'ница,
Твая́ жанá—лихадéйница:
Каней тваúх параспрóдала,
Сабáк тваúх памарúла всех,
Вины́, мяды́ все павы́лила,
Залатý казнý парассы́пала,

Зиляны́ сады́ засушы́ла все,
Салавьёв — пта́шак распусти́ла всех,
Дитя́ тваво́ загуби́ла на́.
Ня успе́л маладе́ц сло́ва вы́малвить,
Узя́л в руки са́блю во́страю,
Он снёс ж жаны бу́йну го́лаву,
Пакати́лась галава́ вы канюшиньвю.
Пашо́л маладе́ц вы канюшиньвю,—
Ко́ни стая́ть, авёс, се́на ядя́ть,
Саба́ки усе́ с' чяпе́й рву́тца!
Пашо́л маладе́ц в по́грап с вы́хадам, —
Вины́, мяды́ пазаку́парины,
Залата́ казна́ запячя́тавана;
Пашо́л маладе́ц ва зялёнай сат, —
Зялёнай сат весь в твяту́ стаи́ть,
Салавьи́-пта́шички ачишша́ютца;
Пашо́л маладе́ц ва висок тярём,—
Ва го́ринки карава́ть стаи́ть,
Нат карава́ткаю калыбе́ль виси́ть,
В калыбе́лычки—дитя́ ляжы́ть.
Он взял дитя́ на ру́чюшки;
Баю, люлю, мая дитятка,
Баю, люлю, мая ми́лая!
В табе́ не́ту ро́днай ма́тушки,
В мине́ мо́латца—маладо́й жаны́.
Пашо́л маладе́ц к ро́днай ма́тушки:
„Ня ма́ть ты мне, змяя́ лю́тая!
„Збыла́ со́нца, збуть и ме́сица.

Запис. студ. Чекановым.

N 28.

Колыбельн. пѣсня.

Зло́я зе́лья крапи́вная;
Ишшо́ зле́я ды люта́ свякра́,
Люта́ свякра́—маладо́й снахи́:
„Ты пади́, мая няве́ска
„Ва чисто́ по́ля;
„Ты стань, мая няве́ска
„Миш тре́х даро́х,
„Чятырёх старо́н
„Ты - рябинаю кудря́ваю,

„Кудря́ваю, кучиря́ваю.
Туда ш ехал до́брай мо́ладяц;
Он стал пад рябúнушку
Кудря́ваю, кучиря́ваю,
Биз' ветру рябúна зашата́лася,
Биз до́жжу рябúна макра́ ста́ла,
Биз' вúхру рябина к зямле́ кло́нитца,
За чёрнаи ку́дри ло́витца.
Пріе́хал сын к ма́тяри.
„Суда́рыня, мая ма́тушка!
„Иде ш мая́ малада́ жана́?
—Твая жана́ з двара́ сашла́,
—З двара́ сашла́, дяте́й свяла́.
„Суда́рыня, мая ма́тушка!
„Ско́лькя в слу́жбя ня е́жживал,
„Тако́ва дúва ня вúдавал,
„Кык в по́ля, прамиш трёх даро́х,
„Миш трёх даро́х, чятырёх старо́н:
„Кык ста́л я пад рябúнушку
„Кудря́ваю, кучиря́ваю,
„Биз' ве́тру рябина зашата́лася,
„Биз до́жжу рябúна макра́ ста́ла,
„Биз' вúхру рябúна к зямле́ кло́нитца,
„За чёрнаи ку́дри ло́витца.
—Вазьми, сын, ты астру́ саблю́,
—Ссякú рябúну по́т карянь.
Он рас вда́рял, ана́ о́хнула,
Другой вда́рял, ана́ мо́лвила:
Ни рябúнушку сяке́ш,
Сяке́ш сваю́ маладу́ жану́;
Ашто—ве́тачки;—то наши де́тачки.
Пришо́л сын да и к ма́тяри:
„Ня ма́ть, ты, мне, ни суда́рыня;
„Змяя́, ты, мне паткало́дная.
„Свяла́ ш, ты, маю маладу́ жану́,
„Свядú тапе́рь—мипе.

Записана со слов 75-ти лѣтней Іуліаніи Аѳ. в с. Росоховцѣ.

(Продолженіе будет).

И. С. Тургеневъ.

22 августа сего 1883 г. скончался на 65 году жизни нашъ знаменитый беллетристъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ теченіе слишкомъ сорокалѣтней литературной дѣятельности, онъ написалъ и напечаталъ большое количество сочиненій, сначала въ стихахъ, потомъ прозаическою рѣчью. Сочиненія его были въ лирическомъ, драмматическомъ и эпическомъ родѣ. Литературную славу онъ пріобрѣлъ послѣдними. Романы и повѣсти его признаны образцовыми не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ. Они переведены на языки не только первостепенныхъ націй, но и многихъ второстепенныхъ. Этими произведеніями покойный оказалъ громадныя услуги своей родинѣ. Во первыхъ, онъ способствовалъ болѣе правильному ознакомленію съ нами иностранцевъ, передалъ имъ въ истинномъ свѣтѣ многія черты нашего національнаго характера; во вторыхъ, расширилъ наше самосознаніе, наглядно указавши намъ, какія въ насъ таятся достоинства, а еще болѣе—какіе недостатки мѣшаютъ намъ достигнуть возможнаго благополучія. Наконецъ, Т. усовершенствовалъ нашъ литературный языкъ. Заслуга его въ этомъ отношеніи равняется почти заслугѣ Пушкина. Онъ, какъ и послѣдній, отдѣлывалъ свои произведенія съ большимъ тщаніемъ. И въ его рѣчи нѣтъ ничего лишняго, не нужнаго, никакого многословія и риторическихъ украшеній. Рѣчь его это русская народная рѣчь, живая, бойкая, выразительная, только очищенная отъ шероховатостей, обла-

гороженная геніемъ художника. Такую прекрасную, образцовую рѣчь могъ выработать только писатель, имѣвшій самое высокое понятіе о родномъ языкѣ, безконечно любившій этотъ языкъ, какимъ именно и былъ Тургеневъ. Заканчивая въ 1882 г. свои „Стихотворенія въ прозѣ", онъ писалъ „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины, ты одинъ, мнѣ поддержка и опора о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ того, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу".

КРИТИКА, БИБЛIОГРАФIЯ, РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ И УКАЗАТЕЛЬ.

Слово „человѣкъ“ въ производствахъ—Н. Н. Бодровъ. (Фил. Записк. 1883 г. вып. I. Воронежъ).

Много уже писалось относительно слова „человѣкъ“, но до сихъ поръ еще ни къ чему положительному не пришли; такъ что попытки объяснить это слово еще до сихъ поръ повторяются. Одну изъ такихъ попытокъ и постараемся разсмотрѣть, тѣмъ болѣе, что авторъ разбираемой нами статьи думаетъ, что онъ уже сказалъ послѣднее слово: „съ увѣренностью можно сказать, что слово „человѣкъ“ ... есть тождесловъ **тели**“.

Сдѣлаемъ краткій разборъ статьи, при чемъ подробнѣе придется остановиться именно на разборѣ слова „человѣкъ“.

Г. Бодровъ держится очень хорошей цѣли: онъ не желаетъ стоять „на полдорогѣ“ въ объясненіи слова „человѣкъ“, а идетъ далѣе, но избравъ для этого „другой путь“. Но какой же это путь?

Изложивъ въ началѣ статьи разные взгляды касательно происхожденія слова „человѣкъ“, г. Бодровъ приступаетъ къ „развязыванію гордіева узла“ въ объясненіи слова „человѣкъ“ при помощи еврейскаго языка, „который вопреки укоренившимся предубѣжденіямъ съ арійскими языками стоитъ въ очень тѣсной связи“. Такимъ образомъ этотъ „другой путь“ есть обращеніе къ семитскимъ языкамъ, (говорю къ семитскимъ, а не къ еврейскому, п. ч. авторъ обращается даже къ халдейскому и сирійск. язы-

камъ). Но посмотримъ какъ велико родство этихъ языковъ съ языками славянскими?

Семитскій и арійскій (индоевропейскій) праязыки конечно—братья, какъ дѣти одного, такъ сказать, „всемірнаго“ праязыка. Языкъ же славянскій, греческій и др. индоевропейскіе языки въ отдѣльности относятся къ индоевропейскому праязыку, какъ дѣти, къ семитскимъ же языкамъ, — какъ племянники. Это подтверждается и исторіей (всемірной) и сравнительнымъ языкознаніемъ; такъ что этого взгляда нельзя назвать укоренившимся предубѣжденіемъ, въ этомъ убѣждены въ настоящее время почти всѣ языковѣды.

Но допустимъ, что считать отсутствіе родства между арійскими и семитскими языками — и предубѣжденіе. Посмотримъ же, насколько состоятельно родство словъ, приводимыхъ г. Бодровымъ изъ еврейскаго и другихъ языковъ?

Прежде всего г. Бодровъ старается отыскать въ евр. языкѣ соотвѣтствіе греческому слову ἀνήρ, болѣе правильною формою котораго онъ считаетъ ἀνδρ-εος (не знаю, въ какомъ это діалектѣ существуетъ такая форма?). Это слово г. Бодровъ сопоставляетъ съ еврейскимъ словомъ **э-нор** [1]), „гдѣ э (должно быть he) приставка или членъ“. Но возможно ли такое сопоставленіе? 1) Въ греч. словѣ ἀνήρ ἀνρ ἀν(δ)ράσι, ἀν(δ)ρός; 2) въ словѣ ἀνήρ *α* не есть приставка или членъ, а коренная буква, ибо въ противномъ случаѣ (т. е. если бы *α* (*αν*) было приставкою), слово ἄν-ανρος было бы невозможно. Сопоставляя же слова, благодаря сходству какихъ-нибудь только двухъ согласныхъ (я не говорю о гласныхъ, п. ч., какъ извѣстно, въ еврейскомъ языкѣ гласные мѣняются, согласно съ фонетическими законами еврейскаго языка, такъ что соотвѣтствіе глас-

---

[1]) Неизвѣстно, почему г. Бодровъ передаетъ евр. слова старославянскимъ шрифтомъ, не имѣетъ ли авторъ въ виду, что отъ этого яснѣе будетъ родство церковно-слав. и евр. языковъ.

ныхъ можно всегда найти) можно доказать, что слова „быкъ“ и „обыкновеніе“ одного корня. Но кто же сталъ бы это утверждать?

Далѣе, сопоставлять „сноха“, „snur“ и т. д. съ евр. **нор** тоже не возможно, ибо почему не сохранилось начальное *с*? Оно должно бы стоять въ еврейск. языкѣ послѣ члена въ словѣ **э-нор**. Да и какое соотношеніе имѣетъ на самомъ дѣлѣ понятіе „сильнаго движенія“ со словомъ „сноха“?

Далѣе, въ разложеніи греческаго слова ὑπερηνορέω на ὑπερ-ην-ορέω видно даже непониманіе не только этимологіи этого слова, но и его значенія. По этимологіи г. Бодрова выходитъ, что слово ὑπερηνορέω означаетъ „слишкомъ медлить“, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ὑπερηνορέων употребляется какъ эпитетъ „слишкомъ мужественный“.

Такимъ образомъ сближеніе словъ ἀνήρ съ евр. **э-нор** и сноха съ **нор-э** оказывается совершенно несостоятельнымъ.

Съ такими же натяжками далѣе г. Бодровъ сравниваетъ латинское слово homo съ еврейскимъ **ом** (почему нѣтъ придыханія?), затѣмъ повторяются тѣже натяжки относительно слова ἀνήρ и наконецъ дѣлаются натяжки даже въ еврейской фонетикѣ, именно г. Бодровъ считаетъ евр. слова **нор** и **оир** происходящими отъ одного корня. Далѣе благодаря случайному сходству сербскаго юнакъ и евр. **йүнек** г. Бодровъ считаетъ ихъ весьма близкими между собою. Но на разборѣ этихъ постороннихъ сближеній намъ останавливаться не слѣдуетъ. Но вотъ мы лучше посмотримъ, какъ г. Бодровъ объясняетъ слово человѣкъ.

Авторъ неуклонно держится избраннаго имъ пути и, приступая къ объясненію самого слова „человѣкъ“, считаетъ нужнымъ прежде всего обратиться къ еврейскому языку. Здѣсь онъ находитъ для обозначенія понятія „человѣкъ“ два слова **адем** и **анеш** (**анүш**). Первое слово значитъ „красный“, а второе „пылкій“. **адем** по мнѣнію г. Бодрова вполнѣ равно греческому δῆμος. Но куда же дѣвалось еврейское **а**? Слово **анеш** (**анүш**)=ἄναξ. Почему же

здѣсь *α* удержалось? Въ соотвѣтствіе первому случаю мы бы ожидали и здѣсь отпаденіе *α*. Да и г. Бодровъ еще не доказалъ, что еврейскому ш=*κτ* въ греческомъ языкѣ.

Замѣчательно далѣе сопоставленіе греческаго γαμβρός и еврейскаго гебер. Г. Бодровъ, должно быть, забылъ, что греческое β въ словѣ γαμβρός и другихъ подобныхъ, гдѣ происходитъ стеченіе μρ (ἄμβροτος, корень μερ), не есть коренная буква, а вставлена по особымъ фонетическимъ законамъ греч. языка. Корень слова γαμβρός тотъ же, что̀ и въ γαμέω, т. е. γαμ, а ρος—наставка.

Но интереснѣе всего дальнѣйшее разсужденіе г. Бодрова. Приступая къ объясненію слова „человѣкъ“, онъ допускаетъ прежде всего возможность происхожденія въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ звука *ч* изъ *т*, при чемъ звуковыя особенности отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, и при томъ даже случайныя, считаетъ закономъ для старослав. языка. Г. Бодровъ думаетъ, что если тєла въ польскомъ языкѣ, гдѣ *т* мягкое перэходитъ въ с (ц), звучитъ cielę, а въ верхне-луж. czjelo, то почему бы не допустить перехода *т* и въ старослав. языкѣ въ *ч*? Такъ, вѣдь, выходитъ по мнѣнію г. Бодрова, такъ какъ слово чьловѣкъ есть старославянское. Но почему же г. Бодровъ забылъ, чте даже и въ верхнелуж. человѣкъ= człowěk и въ польскомъ człowiek, а не *cłowiek. Словомъ, образованіе *ч* изъ *т* въ старославянск. языкѣ явленіе невозможное: *т* передъ ь можетъ перейти только въ *шт*; по старославянски изъ *тьловѣкъ получилось бы *штьловѣкъ, а порусски *щеловѣкъ. Взявъ, такимъ образомъ, за основаніе для объясненія слова „человѣкъ“ корни *тел* и *цел*, г. Бодровъ для отысканія соотвѣтствія этимъ словамъ обращается въ халдейскій и сирійск. языки, гдѣ и находитъ подобные корни, но которые, къ сожалѣнію, со славянскими никакого родства не имѣютъ. Далѣе эти же корни онъ видитъ въ греч. словахъ θάλος (отпрыскъ, вѣтвь), τᾶλις (дѣвица), τέλειος (возросшій), θήλεια (женщина) и даже τέλος. Но всѣ эти слова, кромѣ того, что не имѣютъ никакого родства между собою (развѣ

только τέλειος и τέλος), также не могутъ быть сравниваемы и со славянскими корнями *тел* и *цел*. Начнемъ съ ϑάλος. ϑαλ и *тел* нисколько не равны между собою, ибо 1) ϑ = не *т*, а dh (санскритскому) и *д* славянскому (μέϑυ = madhu, медъ), 2) ᾰ = ᾰ или *о* въ слав., но не *е*. Не подходитъ также къ славянскому *тел* и τᾱλ (въ словѣ τᾱλις), ибо ᾱ можетъ быть равно только ᾱ славянскому. Затѣмъ сравнивать греческія слова τέλειος и ϑῆλεια и доказывать родство ихъ, значитъ показать полное незнаніе законовъ греческой фонетики: 1-е слово имѣетъ корень τελ (совершать), а второе ϑᾱ = скр. dhē доить, сосать, а λυς (ϑηλύς — εια, υ) — наставка. Отъ слова же ϑᾰλλω (цвѣту) ϑηλύς образовать невозможно, такъ какъ ᾰ въ η не переходитъ.

Приведя еще нѣсколько подобныхъ же сопоставленій, г. Бодровъ думаетъ, что онъ дѣйствительно доказалъ родство и даже болѣе — тожество — словъ „*человѣкъ*“ и „*тели*“. „Съ увѣренностію можно сказать, что слово „человѣкъ“ въ свою очередь есть тождесловъ **тели** или ϑάλος и τέλειος“ (стр. 7 снизу). Значитъ, г. Бодровъ опять вернулся къ тому, что ϑάλος и τελέω — слова одного корня. (Вотъ такъ пониманіе греческой фонетики!); и слово „человѣкъ“ и „теленокъ“ тоже оказываются одного корня. Только интересно, почему это Славяне передѣлавъ *телевѣкъ (предполагаемое г. Бодровымъ) въ „*человѣкъ*“, не передѣлали и „*телꙗ*“ въ какое-нибудь *чєлѧ?

Такимъ образомъ между словами **чьловѣкъ, тєлꙗ**, ϑάλλω, ϑῆλεια, τελέω никакого родства не существуетъ, не только фонетическаго, но и даже семазіологическаго.

Но объясненіе суфикса ѣкъ (впрочемъ врядъ-ли можно признать его суффиксомъ: въ старославян. языкѣ такого суффикса нѣтъ) отличается отсутствіемъ положительно всякого научнаго характера. Вмѣсто того, чтобы привести соотвѣтствіе этому суффиксу изъ родственныхъ языковъ, г. Бодровъ довольствуется указаніемъ на то, что въ образованіи славянскихъ словъ часто употребляются наставки ак, ик, ок (но не ѣк?), а въ греч. ος. Но что же отсюда

слѣдуетъ? Не думаетъ-ли ужь г. Бодровъ, что ος=ак, ик? Къ сожалѣнію, да. Г. Бодровъ здѣсь забылъ самые элементарные законы старославянскаго языка, именно, 1) что греч. ŏ = только *о* или *ъ* (иногда!) въ славянскомъ языкѣ, а *а* славянское предполагаетъ *ā*, 2) что конечное греч. ς въ славянскомъ языкѣ, гдѣ всѣ слова оканчивались на гласные, отпадало. Но, впрочемъ, эти законы настолько всѣмъ извѣстны, что и повторять ихъ здѣсь не стоитъ.

Сдѣлавъ указанныя соображенія, лишенныя при томъ всякаго научнаго значенія, г. Бодровъ полагаетъ, что, переложивъ τέλειος и θήλειος (?) на славянскіе звуки, получимъ „че́л-ойэ-къ (вм. чел-эйо-къ), а затѣмъ и чел-ов-е́къ“. Но если переложить τέλειος на славянскіе звуки, не дѣлая никакихъ натяжекъ, мы получимъ *телей* или *телеjо* = *телее*, а изъ θήλειος получимъ *далеё* или *дѣлее*. Да и что это за звуковые переходы изъ чел-эйо-къ въ че́л-ойэ-къ, а затѣмъ въ челове́къ? Допустивъ такіе переходы—*ей* въ *ой*, *о* въ *э*, *ой* въ *ов*, *э* въ *ѣ* и другіе подобные, можно доказать, пожалуй, что „дерево“ и „человѣкъ“ одного корня, и такимъ образомъ даже филологически можно подтвердить современную гипотезу Реноза.

Оставляя дальнѣйшія сопоставленія г. Бодрова, которыя также невозможны, мы видимъ, что доводы его совершенно несостоятельны. Стремленіе объяснять слова славянскихъ языковъ изъ еврейскаго отклонило г. Бодрова отъ дѣйствительнаго пониманія законовъ не только индоевропейскихъ языковъ вообще, но даже и старославянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій въ частности.

Нѣжинъ, 24 марта 1883 г.

Е. К.

A. Schachmatow. Beiträge zur russischen Grammatik. (Archiv für Slavische Philologie, VII, 57—77).

Статья г. Шахматова написана по поводу нашихъ „Изслѣдованій въ области русской грамматики“ (Русск. Филолог. В. 1881, NN 3—4, и отд.) и посвящена нѣкоторымъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые затронуты нами въ этомъ трудѣ.

Прежде всего авторъ говоритъ о формахъ имен. п. ед. муж. р. на *е*. Изъ нихъ въ формахъ на *оѥ*, *еѥ*: *тво*е, *новгороцк*ое, *жеребе*ѥ, онъ считаетъ конечное *е* происшедшимъ изъ *и* и опирается на такія формы дат. и мѣстн. ед., какъ *мужьск*оѥ дчери, *чюж*еѥ женѣ, в *ын*оѥ земли, и на форму род. мн. *тре*ѥ (*тре*ѥ дворьць). По нашему мнѣнію, эти данныя нисколько не говорятъ въ пользу его мнѣнія, такъ какъ: 1) формы на *оѥ*, *еѥ* должно считать формами род. ед. (на *оѣ*, *еѣ*), употребленными въ значеніи формъ дат.-мѣстн.; ср. формы дат.-мѣстн. на *ы*, въ родѣ *жены*; 2) форма *тре*ѥ, какъ форма род. мн., стоитъ совершеннымъ особнякомъ и ее можно объяснять какъ форму им. мн. (=*тры*ѥ), употребленную въ значеніи род. Что касается до формы *судь*ѥ (*судь*ѥ не слати) въ грамотѣ 1265 г., то нѣтъ ни малѣйшаго основанія видѣть въ ней форму именно род. мн.; она можетъ быть формой род. ед. или вин. мн. Форма *земскіе* въ пермской грамотѣ 1605 г. (азъ *земскіе* судья... да староста... да цѣловальники) есть опредѣленіе къ *судья* и нѣтъ никакой надобности подразумѣвать къ ней опредѣляемое *люди*.

О формахъ им. ед. собственныхъ именъ въ родѣ *Петре*, *Павле* г. Ш. (вслѣдъ за проф. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ) думаетъ, что они, какъ и формы *Ѳедоро*, *Окынфо*, *Михайло*, *Гаврило*, *Антипо* (зват.), *Марько*,—формы средняго рода. Мнѣніе крайне странное и для насъ не совсѣмъ понятное. Формы *Ѳедоро*, *Окынфо* мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія считать за формы сред. р.: въ томъ же актѣ, гдѣ находятся эти формы (Акты Юридич., 110), мы

читаемъ также: *острово* (вин.), *Ивановиче* (имен.), *Жиратиничамо* (дат.), и *о* въ нихъ не что иное, какъ графическая замѣна *ъ*. Формы *Михаило, Гаврило, Марѣко* (существующія и до сихъ поръ) имѣютъ *о* потому, что на эти заимствованныя имена оказали значительное вліяніе имена чисто славянскія, въ родѣ *Добрило, Михалко, Василько;* наконецъ форма зват. *Антипо* — вполнѣ правильная форма при имен. *Антипа* = Ἀντιπᾶς. Но если бы эти формы на *о* и были формами средн. р., то что они уяснили бы намъ въ формахъ въ родѣ *Петре*, не имѣющихъ съ ними ничего общаго?

Формы имен. ед. именъ нарицательныхъ въ родѣ *посаднике, морозе, городке* г. Ш. объясняетъ уже иначе. Онъ указываетъ на то, что рядомъ съ формами им. *Витебьскъ, Изборьскъ* встрѣчаются формы *Витебьско, Изборьско*, и предполагаетъ, что нѣкогда существовала форма *городъко*, давшая начало формѣ *городке*. Г. Ш. напрасно не обратилъ вниманія 1) на то, что чередованіе окончаній *скъ* и *ско* является только въ мѣстныхъ названіяхъ и что слова *Витебьскъ* и т. п. образовались изъ именъ прилагательныхъ, окончанія которыхъ всегда зависятъ отъ опредѣляемыхъ ими именъ сущ.; если при прилаг. *Витебьскъ* подразумѣвали сущ. *городъ*, то прил. должно было имѣть окончаніе муж. р., если же при немъ подразумѣвали сущ. *мѣсто* (сравни польск. miasto) или другое ему подобное, то оно должно было имѣть оконч. *о*; 2) на то, что формъ на *скъ* и *ско* было такъ мало, что они едва-ли могли имѣть вліяніе на другія формы и вызывать, при формахъ на *ъ*, формы на *о* въ родѣ *городко*. Мы готовы предположить, что формы въ родѣ *городко* нѣкогда существовали (они могли быть образованы тѣмъ же способомъ, какъ и формы *Михалъко* и др.), но отказываемся считать возможнымъ, чтобы когда нибудь существовали формы имен. *морозо, посаднико*, да сверхъ того, не знаемъ, какъ изъ этихъ формъ на *о* объяснить формы имен. на *е*: *морозе* и др. Г. Ш. считаетъ *е* въ *городке* (объ *е* въ *морозе* онъ умалчиваетъ) образовавшимся изъ *о* подъ вліяніемъ мягкости *к* въ фор-

махъ мѣстн. ед. *городкѣ,* им.-вин. мн. *городки,* но не можетъ быть сомнѣнія, что если бы эти послѣднія формы съ мягкимъ *к* могли оказать какое-нибудь вліяніе на формы съ твердымъ *к,* то они оказали бы его не только на форму им. *городко,* но и на формы род., дат., тв. и т. д. и мы встрѣчали бы, рядомъ съ им. *городке,* род. *городкя,* дат. *городкю* и т. п. формы, которыхъ однако мы не встрѣчаемъ.

О причастныхъ формахъ въ родѣ *вѣдале, писале* г. Ш. (опять вслѣдъ за проф. Фортунатовымъ) думаетъ, что они произошли изъ *вѣдалъ* ѥ, *писалъ* ѥ. Это мнѣніе противорѣчитъ одному изъ главныхъ законовъ русской фонетики. Въ русскомъ яз. при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое оканчивается твердымъ согласнымъ, а второе начинается съ *je,* обязательно сохраняются и твердость согласнаго, и j, такъ что изъ *вѣдалъ* ѥ можетъ получиться только vdałje и никогда vdale; мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что этотъ законъ, дѣйствующій въ современномъ русск. языкѣ, не дѣйствовалъ въ древнемъ. Сверхъ того, причастій на *е* невозможно отдѣлять отъ прилагат. на *е,* и форма *вѣрне* должна быть одного образованія съ ф. *вѣдале;* между тѣмъ при ф. *вѣрне* мы находимъ форму ѥ*сть:* кто *вѣрне* ѥ*сть* (Кормчая ок. 1282 г.); слѣдовательно *вѣрне* не = *вѣрьнъ* ѥ.

Мы не вполнѣ понимаемъ, что именно хочетъ доказать намъ г. Ш. на стр. 62—66. Совершенное отсутствіе формъ 2 ед. на *ши* какъ въ современномъ русскомъ яз., такъ и въ другихъ слав. нарѣчіяхъ, кромѣ церк.-славянскаго, показываетъ ясно, что эти формы въ нихъ или совсѣмъ не существовали, или встрѣчались очень рѣдко. Объяснять *идешь* изъ *идеши* мы не считаемъ возможнымъ; не считаемъ также возможнымъ говорить о сокращеніи конечнаго *и* въ *ь.* По нашему мнѣнію, такого сокращенія ни въ русскомъ яз., ни въ обще-славянскомъ никогда не было [1]), а было въ русск. яз. уже въ историческое вре-

---

[1]) О сокращеніи долгихъ звуковъ въ обще-слав. яз. см.

мя отпаденіе конечнаго *и*, и *ь* на мѣстѣ этого *и* означаетъ не гласный звукъ, а мягкость согласнаго, такъ что *добро ль*=*добро л'*. Но и такого рода отпаденіе встрѣчается у насъ послѣ согласныхъ сравнительно очень рѣдко. Формы неопред. накл.: *вѣкусить* въ Архангельскомъ Ев., *явить* въ Добрилов. Ев., соврем. *ходить* и т. п. независимы по образованію отъ формъ неопр. н. на *ти*; ихъ взаимныя отношенія тѣ же, что и церковно-слав. формъ неопред. *пешти* (изъ *пек-ти*) и супина *пешть* (отъ *пек-ть*) или латинскихъ супиновъ dictu и dictum. Форма повел. *кинь* могла образоваться не черезъ отпаденіе *и*, а подъ вліяніемъ формъ *дажь, ѣжь, вижь* [1]; она можетъ относиться къ обще-слав. періоду, такъ какъ встрѣчается почти что во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ. Формы *домовь, доловь* не находятся ни въ какой генетической связи съ формами *домови, долови*; они существовали въ обще-слав. періодъ, какъ показываютъ чешск. domův, dolův, и составляютъ по всей вѣроятности остатокъ древнихъ формъ мѣстн. ед. основъ на u (ср. *домови, долови* — ф. дат. п.). Что касается до *ь* въ частицѣ *ть* (въ *а-ть, то-ть)*, то нѣтъ никакой надобности выводить его изъ *и*: сравни съ *ать* др.-польск. ać, чешск. at̆. Что такое *ть* въ *нѣту-ть*, для насъ неясно; возможно, что оно образовалось изъ *ти* (дат. ед.) чрезъ отпаденіе *и*; возможно также, что оно — окончаніе 3 л. ед.: сравни соврем. *надо-ть*. Объ *ь* въ *мать, пустынь* едва ли можно спорить: хотя *мать* образовалось изъ *мати*, но не черезъ отпаденіе *и*, а подъ вліяніемъ массы формъ им. ед. на *ь*. И такъ, доводы г. Ш. намъ кажутся нисколько не убѣдительными, и мы остаемся при своемъ объясненіи формъ на *ши* [2]).

въ нашей рецензіи „Начертанія церк.-слав. грам.“ Будиловича (Журн. Мин. Н. Пр. 1883, N 5, стр. 148).

[1]) Сравни въ Синайскомъ служебникѣ (изд. Гейтлера) форму *дажди*, образовавшуюся изъ *даждь* подъ вліяніемъ формъ *ходи* и т. п.

[2]) Приведенныя въ нашихъ „Изслѣдованіяхъ“ формы 2

Относительно формъ *есми, ести* (соврем. ситское *есци*, чешск. jesti, jesti-ť) мы остаемся при нашемъ прежнемъ объясненіи, но готовы согласиться съ г. Ш. относительно другихъ формъ 3 л. на *ти*, которымъ мы не придавали никогда большаго значенія. Замѣтимъ кстати, что г. Ш. напрасно упустилъ изъ виду сербскую ф. *есми*, указанную нами въ „Изслѣдованіяхъ“; она не должна быть пренебрегаема при рѣшеніи вопроса объ этой ф.

Что до формы *есмя*, то производить ее изъ *есме*, вмѣстѣ съ гг. Потебнею и Ш., мы не считаемъ возможнымъ и продолжаемъ думать, что перехода ударяемаго *е* въ *я* въ великорусскомъ нарѣчіи (исключая древняго псковскаго говора) не существуетъ и не существовало. Въ формахъ *меня, тебя, себя я*, по нашему мнѣнію, замѣнило собою *е* подъ вліяніемъ ряда формъ род. на *я* (сравни словацкое mnia); въ формахъ въ родѣ *князья я* объяснено уже нами въ „Изслѣдованіяхъ“ (39) и, кажется, объяснено удовлетворительно. Въ такихъ случаяхъ, какъ *крестьяня, скорпья* (въ сѣверно-великор. говорахъ), *я* 1) не находится подъ удареніемъ и потому не можетъ быть ставимо на одну доску съ ударяемымъ *я* и 2) въ *крестьяня* можетъ быть объясняемо вліяніемъ формъ въ родѣ *князья*.

Г. Ш. затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько указаній на наши ошибки въ распредѣленіи рукописей по мѣстностямъ, въ которыхъ они написаны. Во многихъ изъ этихъ ошибокъ мы охотно сознаемся, но наши наблюденія надъ рукописями привели насъ совершенно къ инымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ г. Ш. Мы не считаемъ возможнымъ считать формы въ родѣ *убьюти и* формами спеціально южнорусскими, такъ какъ они совсѣмъ не рѣдки въ рукописяхъ несомнѣнно новгородскаго происхожде-

---

ед. *чюѥси, желаеси* объясняются не такъ, какъ мы ихъ объясняли. Это однако не мѣшаетъ намъ предполагать, что въ обще-слав. яз. существовали формы 2 ед. на *си* съ предшествующимъ гласнымъ и были посредствующимъ звеномъ между древними ф. на *шь* и новообразованіями на *ши*.

нія; еще менѣе считаемъ возможнымъ основываться на тѣхъ данныхъ относительно *и* и *ы*, которыя г. Ш. приводитъ на стр. 77: изъ нихъ одни (*прикривае, рибы, рызы, упокрыти*) могутъ быть свободно объясняемы иначе, чѣмъ объясняетъ онъ (мы теперь говоримъ: *грибъ* и *грыбъ, стричь* и *стрычь* и т. п.), другія намъ кажутся такими же описками, какія мы не разъ встрѣчали во всякаго рода рукописяхъ. Свят. Сборникъ 1073 г., Архангельск., Мстиславово, Юрьевское Ев., Успенскій Сборникъ мы теперь признаемъ, какъ и г. Ш., за рукописи, писанныя въ южной Руси, но думаемъ, что въ самой южной Руси были нарѣчія, рѣзко отличающіяся одно отъ другаго, и что указанныя рукописи писаны въ Кіевѣ, а Добрилово Ев., Галицкое Ев. XIII в., Указатель ев. чт. (по г. Ш., Синаксарь) XIII—XIV в., писаны въ Галицко-Волынской землѣ. Мы несогласны съ тѣмъ, что сказано у г. Ш. о древнемъ полоцко-смоленскомъ говорѣ и объ Евангеліи 1143 года (такъ наз. Галицкомъ), но объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

А. Соболевскій.

Subjectlose Sätze. Von Franz Miklosich. Zweite Auflage. Wien. 1883.

Въ 1865 году знаменитый вѣнскій славистъ издалъ изслѣдованіе Die Verba impersonalia im Slavischen. Теперь оно вышло вторымъ изданіемъ, совершенно переработанное и дополненное. Предметъ его — безличное употребленіе глаголовъ въ славянскихъ яз. сравнительно съ употребленіемъ ихъ въ языкахъ какъ индо-европейской семьи, такъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ новомъ изданіи Миклошичъ дѣлитъ свой трудъ на двѣ части: въ одной онъ обозрѣваетъ литературу вопроса о безличныхъ глаголахъ, начиная съ Квинтиліана и Аполлонія Дискола, въ другой приводитъ примѣры ихъ употребленія въ славянскихъ и иныхъ языкахъ.

Вѣнскій ученый возстаетъ противъ раздѣленія глаголовъ на личные и безличные, personalia и impersonalia, и полагаетъ, что различіе между предложеніями съ подлежащимъ и предложеніями безъ подлежащаго заключается не въ глаголѣ (стр. 2). Мнѣніе это, конечно, справедливо, но требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій: и въ другихъ языкахъ, и въ русскомъ существуетъ немало глаголовъ, которые въ извѣстныхъ формахъ могутъ быть употребляемы только безлично. Таковы въ русскомъ яз. глаголы *хотѣть*, *икать*, *дрожать*, *вѣрить*, *плакать* и друг., формы которыхъ: *хочется* („мнѣ этого *хочется*"), *ичется*, *дрожится* („*ичется* съ голоду, *дрожится* съ холоду"), *вѣрится*, *плачется* („и *вѣрится*, и *плачется*, и такъ легко, легко"), могутъ быть употреблены въ качествѣ сказуемаго только при отсутствіи подлежащаго. Таковы же въ латинскомъ яз. глаголы ire, venire, pugnare и др., формы которыхъ: itur, ventum est, pugnatur употребляются такъ же, какъ вышеприведенныя русскія. Кромѣ того, нѣкоторые глаголы могутъ находиться только въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя не имѣютъ подлежащаго; таковъ, наприм., глаголъ *тошнить*; спряженіе подобныхъ глаголовъ обыкновенно ограничивается одною формою 3 л. ед. ч.; нѣкоторые, имѣющіе два значенія, въ одномъ изъ нихъ могутъ быть употребляемы и лично, и безлично, въ другомъ—только безлично. Изъ числа глаголовъ этого вида для примѣра можно указать на глаголъ *рвать*: „онъ *рветъ*" значитъ rumpit, „*рветъ* паруса" = vela rumpuntur, но „его *рветъ*" значитъ vomit [1]). Вслѣдствіе этого необходимо признавать, что различіе между предложеніями съ подлежащимъ и предложеніями безъ подлежащаго *иногда* заключается *между прочимъ* въ глаголѣ.

Точно также необходимо отличать случаи безличнаго употребленія глаголовъ отъ случаевъ необычнаго согласованія подлежащаго со сказуемымъ. Форма 3 л. множ. ч.

---

[1]) У Миклошича (стр. 49) сказано: „я рву vomo". Это невѣрно: „я рву" порусски = только rumpo.

суть давно уже вышла изъ употребленія въ живомъ русскомъ яз. и вмѣсто нея обыкновенно ставится форма *есть*, такъ что мы говоримъ: „у меня *есть* сыновья", „у меня *есть* дочери" [1]). Эти предложенія, какъ видно уже изъ формъ имен. п. *сыновья, дочери*, несомнѣнно имѣютъ подлежащее. То же должно сказать и о слѣдующихъ предложеніяхъ, которыя Миклошичъ приводитъ въ качествѣ безличныхъ: „*есть* у меня два лютыхъ пса", „зубы *есть*, да нечего ѣсть", „*есть* у васъ щетки?" (стр. 37). Форма 3 л. ед. въ русскомъ яз. ставится между прочимъ при подлежащемъ числительномъ: *два, три* и т. д., и мы говоримъ: „*идетъ три* человѣка", „*ѣдетъ триста* человѣкъ" и т. п. Здѣсь *три, триста*, конечно, формы имен. п. Если нужно поставить сказуемое въ прошедшемъ вр., то въ подобныхъ случаяхъ мы его выражаемъ чрезъ глаголъ прошедш. вр. средн. рода: „*прошло* три человѣка", „*прошло* тысяча человѣкъ", „*минуло* двѣ недѣли". Съ этими предложеніями однородно то, которое приведено Миклошичемъ какъ безличное: „девять часовъ еще не *пробило*" (стр. 48). Здѣсь, какъ показываетъ уже форма *девять* (не *девяти*), глаголъ *пробило* употребленъ лично (сравни русск. „его *часъ пробилъ*", „*ударилъ часъ*"). — Что касается до предложеній: „*пора* кофе пить" (стр. 65), „*пора* намъ въ путь идти" (стр. 69), которыя Миклошичъ также считаетъ безличными, то они несомнѣнно личны, и слово *пора* можно принимать въ нихъ только за подлежащее; сравни лат. tempus est bibendi, греч. *ὥρα* ἐστὶ ἀντιέναι Что можно считать особенностью этихъ предложеній и имъ подобныхъ (русск. „*время* мнѣ ѣхать", „здѣсь *мѣсто* сказать" и др.), такъ это то, что они даже тогда, когда въ нихъ находится отрицаніе, не переходятъ въ безличныя, т. е. сохраняютъ именит. п. подлежащаго: „мнѣ еще *не пора*

---

[1]) Въ этихъ примѣрахъ *есть* значитъ: существуютъ; въ другихъ случаяхъ *есть* можетъ значить: суть и быть связкою: „побои не *есть* средство къ исправленію людей", Фонъ-Визинъ".

ѣхать", „мнѣ теперь *не время*", „мнѣ *не досугъ*" [1]). Вслѣдствіе своего архаическаго употребленія слова *пора, время, досугъ* съ перваго взгляда кажутся намъ чѣмъ-то въ родѣ нарѣчій и мы ставимъ при нихъ глаголъ прош. врем. въ средн. родѣ: „тогда мнѣ не *было* еще пора", и иногда, сверхъ того, даемъ мѣсто отрицанію не передъ глаголомъ, а передъ именемъ: „мнѣ было *не время*", мнѣ было *не досугъ*".

Въ распредѣленіи безличныхъ предложеній по рубрикамъ мы нашли у Миклошича нѣсколько мелкихъ неточностей. Предложеніе „не чуть" on n'entend rien у него помѣщено вмѣстѣ съ предложеніями: „намъ некуда спѣшить", „есть кого спросить", „на этомъ балѣ васъ не будетъ" (стр. 37), тогда какъ оно должно стоять вмѣстѣ съ предложеніями: „что было ему дѣлать?", „куда вамъ спѣшить?" (стр. 43). Предложенія: „у нихъ таковаго не имѣется" (стр. 39), „ничего бы этого не случилось", „такихъ людей больше не встрѣчается", „эдакого скота еще не родилось" (стр. 41), „силушки въ нихъ не уменьшилось" (стр. 51) не могутъ не считаться однородными съ предложеніями въ родѣ „у него ничего не имѣется" (стр. 55) и потому не могутъ быть отдѣляемы отъ этихъ послѣднихъ.

А. Соболевскій.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго, по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. СПб. 1883 г. стр. XX+496. Ц. 3 р.

Сборникъ состоитъ изъ посвященія юбиляру, перечня сочиненій и изданій В. И. Ламанскаго, которыхъ обозначено 163, и 21 статьи, написанныхъ составителями.

---

[1]) Вѣрнѣе бы было писать здѣсь не *не*, а *нѣ*, такъ какъ это *не*=*нѣсть*.

Статьи касаются языка, литературы, исторіи и права славянскихъ народовъ.

Къ области языка относятся слѣдующія статьи: 1) *Р. Брандта* — „О (такъ называемомъ) аористѣ бимь“, встрѣчающемся въ паннонскихъ памятникахъ и служащемъ для выраженія условнаго (сослагательнаго) наклоненія. 2) *И. Соколова* — „Мукачевская псалтирь XV в.“; описаніе пергаменной рукописи валашскаго происхожденія, доставленной въ 1882 г. въ національный мадьярскій музей изъ Мукачевскаго монастыря. Авторъ представилъ здѣсь подробное описаніе внѣшняго вида рукописи, начертанія буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ и наконецъ обстоятельно разсмотрѣлъ особенности языка — фонетическія, формальныя, синтаксическія и частію лексическія. 3) *В. Малинина* — „Грамматика Іоанна, экзарха Болгарскаго“. Изложивъ исторію вопроса о грамматикѣ, авторъ перечисляетъ списки ея (числомъ 13), разбираетъ мнѣніе Горскаго и Невоструева, что грамматики Дамаскина не было, что она приписана ему случайно славянскими переписчиками и что языкъ перевода совсѣмъ иной, чѣмъ въ другихъ переводахъ Іоанна экзарха. Послѣ разсмотрѣнія этого мнѣнія, авторъ приходитъ къ выводу, что эта грамматика именно переводный трудъ Іоанна экзарха, современника ц. Симеона, а не другаго переводчика. 4) *Анненскаго И.* — „Изъ наблюденій надъ языкомъ и поэзіей русскаго сѣвера“. Авторъ ограничивается здѣсь только незначительною областью явленій тепла и холода. Слова, относящіяся къ этимъ явленіямъ онъ разсматриваетъ въ семазіологическомъ отношеніи. 5) *Семеновича А.* — „Объ особенностяхъ угрорусскаго говора“. Статья составлена при содѣйствіи Бачинскаго и Кимака, въ ней перечисляются грамматическія и лексикальныя особенности угрорусскаго говора, а въ концѣ ея помѣщено нѣсколько образцевъ этого говора, заимствованныхъ изъ неизданныхъ сборниковъ. Изложивъ мнѣнія о томъ, къ какому изъ малорусскихъ поднарѣчій относили угрорусскій говоръ Головацкій и Огоновскій,

г. Семеновичъ предлагаетъ свое, онъ полагаетъ, что коренной, чисто угорскій говоръ находится въ ближайшемъ сродствѣ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, — черниговскимъ, откуда Угроруссы издавна переселялись отдѣльными группами, особенно въ XIV ст. подъ предводительствомъ Новгородсѣверскаго князя Ѳедора Коріатовича.

Къ области словесности и литературы:

1) *Истомина Ѳ.*—„По поводу тонической теоріи въ славянскомъ народномъ творчествѣ“. Вопросъ объ основныхъ законахъ, на которыхъ зиждется славянское народное творчество, издавна занималъ славянскихъ изслѣдователей. До сихъ поръ возникли у нихъ и существовали слѣдующія теоріи: сначала основывали народное творчество на количествѣ, т. е. на долготѣ и краткости гласныхъ, перенося это начало изъ древне-классической метрики, потомъ главною основою признавали удареніе, далѣе считали существеннымъ число слоговъ и діерезы и наконецъ стали придавать рѣшающее значеніе напѣву и мелодіи. Изъ этихъ воззрѣній у насъ долѣе существовала и прочнѣе держится тоническая теорія, исторію ея авторъ и разсматриваетъ въ своей статьѣ. 2) *Пташицкаго С.*—„Новыя данныя для біографіи Николая Рея“. На основаніи актовъ Львовскаго архива, нѣкоторыхъ печатныхъ сборниковъ, грамотъ и т. п. авторъ представилъ внѣшнюю сторону жизни перваго и выдающагося писателя золотаго періода польской литературы. 3) *Анненкова Ю.* — „Мистръ Против а новый чешскій писатель XV вѣка“. Статья написана по поводу принятія І. Иречкомъ двухъ Противъ за одно лицо — Противы — врага Гусса и Противы — либерала, на котораго ссылался Хельчицкій. Авторъ полагаетъ, что послѣдній Протива—имя вымышленное и подъ нимъ Хельчицкій разумѣлъ Виклефа. 4) *Соколова М.*—„Стихотворенія Яна Ботто“, словацкаго поэта († 1881 г.), поэзія котораго отличается художественностью и преобладаніемъ славянской идеи. По нѣкоторымъ стихотвореніямъ „золотую панну—свободу“ приведетъ русскій народъ. 5) *Воскресенскаго Г.*—Ва-

лентинъ Водникъ. Очеркъ изъ исторіи словинской литературы". Авторъ кратко говоритъ здѣсь о литературной дѣятельности знаменитаго словинскаго дѣятеля конца прошлаго и начала текущаго столѣтія, останавливаясь преимущественно на отношеніяхъ его къ русскому народу; изъ стихотвореній Водника авторъ разсматриваетъ тѣ, въ которыхъ выразились національно-патріотическія чаянія словинскаго народа. 6) *Будиловича А.*—„Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый (далматинецъ) панславистъ начала XVIII в." Авторъ на основаніи поэмы Каваньина „Bogatstvo i uboźstvo" излагаетъ взгляды Каваньина на Славянство, какъ на одно племенное цѣлое, на территорію его, которая у К. значительно шире этнографическаго славянскаго разселенія, на славянскія народности, особенно русскую, прославленію государей которой, а особенно Петра Великаго, въ поэмѣ посвящено довольно много строфъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ: Сводя въ одно цѣлое сказанное о взглядахъ Каваньина на славянство, мы замѣчаемъ большое сходство между нимъ и Хорватскимъ панславистомъ XVII в. Юріемъ Крижаничемъ. Оба смотрѣли на славянство, какъ на одно племенное и историческое тѣло, котораго главою предназначено быть Россіи; оба видѣли въ ней освободительницу славянства порабощеннаго; оба желали соединенія церкви греко-славянской съ римско-католическою съ удержаніемъ лишь обрядовыхъ особенностей церкви восточной; оба ратовали противъ чужебѣсія, роскоши; оба съ сочувствіемъ относятся къ народнымъ пѣснямъ юго-славянъ". 7) *Князева Г.*—„Мавръ Ветраничъ, дубровницкій поэтъ XVI ст.". Статья составляетъ извлеченія изъ особаго, приготовляемаго къ печати, сочиненія о Ветраничѣ. 8) *Сырку П.*—„Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ търновскаго патріарха Евѳимія". Авторъ сначала перечисляетъ здѣсь всѣ извѣстныя доселѣ произведенія Евѳимія, знаменитаго болгарскаго писателя XIV в., и потомъ останавливается на двухъ произведеніяхъ его—на житіяхъ св. Іоанна Рыльскаго и св. Параскевы, которыя и разсма-

триваетъ довольно подробно. Здѣсь авторъ приводитъ цѣликомъ отысканный имъ въ Болгаріи списокъ (XVII—XVIII в.) перевода житія на новоболгарскій языкъ.

По исторіи: 1) *Флоринскаго Т.* — „Къ вопросу о Богомилахъ“. Здѣсь авторъ даетъ сначала краткія свѣдѣнія объ очень замѣчательномъ бумажномъ сборникѣ XIV в. (принадлежащемъ Народной библіотекѣ въ Софіи) среднеболгарской редакціи, заключающемъ въ себѣ особенныя молитвословія и послѣдованія разныхъ священнодѣйствій, совершаемыхъ митрополитами и епископами. За симъ слѣдуютъ выдержки касательно богомиловъ и замѣчанія на нихъ. Новаго здѣсь, сравнительно съ прежде извѣстнымъ, кое-какія подробности, напр., указаніе на ночныя собранія и таинства богомиловъ, указанія на волхвованія и скверныя таинства, совершаемыя на Ивановъ день и указанія на имена богомильскихъ учителей, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, на Константина Болгарскаго, бывшаго митрополита Керкирскаго и Петра Каппадокійскаго,—дѣдьца Срѣдечьскаго. 2) *Петрова А.*—„Князь Константинъ-Бодинъ, Очеркъ изъ исторіи Сербовъ XI в.“—Статья представляетъ нѣкоторыя пополненія къ сочиненію Рачкаго—Borba južnich Slovena za državna neodvisnost u XI v. 3) *Пальмина И.* — „Памятники Кирилло-Меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи“. Авторъ обращаетъ здѣсь вниманіе только на вещественные памятники первобытнаго христіанства въ Чехіи и Моравіи. Онъ перечисляетъ церкви и часовни, и мѣстности, напоминающія о Кирилло-Меѳодіевской проповѣди, кресты Византійскаго стиля. Въ заключеніи авторъ говоритъ: указанные мною примѣры построекъ церквей Воздвиженія ч. и ж. креста (распространенныхъ на Востокѣ), во множествѣ уцѣлѣвшіе кресты въ Византійскомъ стилѣ и съ греческими надписями могутъ служить болѣе вѣрнымъ и болѣе живымъ свидѣтельствомъ восточнаго вліянія въ Чехіи и Моравіи, послѣднихъ остатковъ котораго здѣсь не могъ уничтожить католицизмъ ни въ гусситскую эпоху, ни въ эпоху даже католической реакціи при первыхъ

Габсбургахъ и далѣе. 4) *Регеля В.* — „Учредительныя грамоты Пражской эпархіи". Въ статьѣ разсматриваются двѣ грамоты, имѣющія первостепенное значеніе при попыткахъ уяснить дѣйствительное политическое значеніе Чехіи въ теченіи X вѣка, именно—грамота, данная въ 1086 г. императоромъ Генрихомъ IV пражской эпархіи, и другая, на которую указывается въ первой, приписываемая св. Войтѣху 982—983 гг. Цѣль статьи доказать заподозрѣваемую подлинность послѣдней. 5) *Грота К.* — „Новые труды по исторіи Венгріи". Авторъ разсматриваетъ здѣсь два сочиненія: трудъ *О. В. Пича* (Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht), обнимающій весь средневѣковой періодъ внутренней политической жизни и организаціи старой Угріи до потери самостоятельности и распаденія, и сочиненіе *Марцали* (Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden), посвященный критикѣ источниковъ Венгерской исторіи. 6) *Кракау В.* — „Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.". Авторъ поставилъ себѣ цѣлію выяснить стремленія и взгляды старыхъ германскихъ писателей на ихъ восточныя окраины — на славянскія и угорскія страны. Онъ собралъ здѣсь множестпо лѣтописныхъ замѣтокъ касательно отношеній имперіи къ тому или другому славянскому племени, касательно ограниченій, стѣсненій и подчиненія ихъ Имперіи. Резюмируя разныя свѣдѣнія, авторъ говоритъ: Имперія вліяетъ и притягиваетъ къ себѣ славянскія княжества, какъ сосѣднее сильное государство; въ случаѣ усобицы и раздора всегда является партія, которая тянетъ къ Германіи, чтобы съ ея помощью побороть противную. Не оружіемъ покоряла себѣ Имперія варварскіе народы, а своей цивилизаціей и культурой... Она налагала свое вѣроученіе, которымъ связывала крѣпче ленной присяги, такъ какъ это вѣроученіе несло съ собой особыя воззрѣнія на частную и общественную жизнь. Вѣра приносила и чуждый языкъ латинскій, общій въ Западной Европѣ для литературы, богослуженія и оффиціаль-

ныхъ дѣлъ. Духовенство являлось главнымъ носителемъ просвѣщенія и образованности, оно было отчасти иноземное; монастыри, колонизаторы страны, основывались изъ германскихъ и другихъ западныхъ, съ которыми продолжали поддерживать связи... Кто хотѣлъ учиться изъ Чеховъ, Поляковъ, Угровъ, тотъ отправлялся въ Германію, Италію и тамъ усваивалъ съ тамошнею ученостью тамошнія понятія...

По праву: 1) *Успенскаго Ѳ.* — „Значеніе византійской и южно-славянской проніи" — т. е. пожалованія служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ приносящихъ доходъ угодій за оказанную услугу и подъ условіемъ исполненія опредѣленной службы съ пожалованія. Статья состоитъ изъ трехъ частей: 1. Исторія проніи въ Византіи; 2. Попытки объясненія терминовъ: афиктъ и пронія, и 3. Общихъ выводовъ о проніи. 2) *Зигеля Ѳ.* — „Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ". Въ заключеніи авторъ говоритъ: Древнее языческое славянство состояло, по нашему мнѣнію, изъ племенъ, представлявшихся вполнѣ независимыми государствами. Племя дѣлилось на общины. Древне-славянская община падаетъ въ Чехіи, вѣроятно, еще въ XI в., въ Польшѣ въ концѣ XIII в. Во время образованія бо́льшихъ политическихъ союзовъ, начиная съ VII в., племена не вдругъ утрачиваютъ свои особенности. Происходитъ долгій и весьма интересный процессъ ихъ превращенія въ политическомъ отношеніи въ одно государство, въ этнографическомъ — въ одинъ народъ. Въ Чехіи этотъ процессъ былъ чрезвычайно нослѣдователенъ: племена сначала превращаются въ области съ весьма значительною автономіею, и затѣмъ въ концѣ XIII в. совершенно исчезаютъ въ одномъ политическомъ единствѣ. Въ Польшѣ, наоборотъ, замѣчаются скачки. При Болеславахъ съ трудомъ можно найти кое-какіе намеки на племена, но за то послѣ распаденія Польши на удѣлы племенные порядки оживаютъ. Мы, я думаю, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что послѣдніе слѣды

племеннаго быта умираютъ въ Польшѣ съ концомъ XV в., т. е. съ исчезновеніемъ аристократическихъ вѣчъ и земскихъ должностей. Характеристическая черта самоуправленія какъ остатка племеннаго быта, есть аристократизмъ; намъ кажется, что и древне-славянское племенное устройство отличалось аристократическимъ характеромъ, такъ что главнѣйшій признакъ племеннаго устройства остался однимъ и тѣмъ же во весь долгій періодъ его видоизмѣненій подъ вліяніемъ совершенно новыхъ условій.

А. С.

Отчетъ орд. проф. Имп. Варшавскаго Унив. О. О. Первольфа о научныхъ занятіяхъ заграницею въ 1882 г. Варшава 1883 г. стр. 82.

Въ этотъ отчетъ вошли матеріалы, собранные авторомъ для приготовляемаго имъ обширнаго сочиненія: Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Матеріалы извлечены изъ библіотекъ и архивовъ Львова, Кракова и Праги.

Профессоръ Варшавскаго Унив. Ѳ. Ѳ. Зигель приступилъ къ печатанію обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ: Исторія славянскихъ законодательствъ.

Жуковскій В. А.—Али Аухадэддинъ Энверы. СПб. 1883. ц. 1 р. 50 к.

Архангельскій А. С. Древне-славянское евангеліе, принадлежащее обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Унив. Воронежъ 1883 г.

Ивановъ Н. Нѣсколько замѣчаній изъ области физіологіи звуковъ языка. Воронежъ 1883 г.

Бодровъ. Слово человѣкъ въ производствахъ. Воронежъ 1882 г.

Десницкій. В. А. Жуковскій, какъ человѣкъ, христіанинъ, поэтъ и воспитатель. Вятка 1883 г.

Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. В. IV. Варшава 1883 г. ц. 60 коп.

Засадкевичъ. Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса 1883. ц. 1 р. 25 к.

Гротъ К. Я. Жизнь Державина. т. II. СПб. 1883.

Сухомлиновъ. Радищевъ, авторъ путешествія изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1883.

Барсовъ Е. Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами. Москва 1883 г.

Саввнитовъ. Отзывъ о трудѣ Е. Барсова: Причитанія сѣвернаго края. СПб. 1883.

Веселовскій А. Замѣтки по литературѣ и народной словесности. СПб. 1883.

Архангельскій. В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань 1883.

Носовъ. Хроника русскаго театра съ предисловіемъ и новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра. Москва 1883.

Пономаревъ. Матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности. СПб. 1883. ц. 65 к.

В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ Петербургѣ. Изданіе Стояновскаго. СПб. 1883 г.

Богородицкій. Введеніе въ изученіе русскаго вокализма. Вып. II. Варшава 1883. ц. 60 к.

Дашкевичъ. Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри. Кіевъ 1883.

Голышевъ. Памятники русской старины. Владиміръ 1883.

Богородицкій. Лингвистическія замѣтки. Этюдъ по психологіи рѣчи. Варшава 1883. ц. 20 к.

Брандтъ Р. Грамматическія замѣтки. Вып. II. Варшава 1883 г.

Стасовъ. Разборъ сочиненія Ровинскаго—Русскія народныя картинки. СПб. 1883.

Александровъ. Нѣкоторыя особенности падежныхъ окончаній существительныхъ говора деревни — Сорочьи Горы Лаиш. у. Каз. г. Варшава 1883.

Первольфъ. Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границей. Варшава 1883.

Мейчикъ. Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива министерства юстиціи. Москва. ц. 1 р. 75 к.

Смирновъ К. И. О взаимномъ отношеніи по ударенію именъ сущ. съ суффиксомъ *ецъ* и ихъ производящихъ въ русскомъ языкѣ. Казань 1883 г. ц. 40 к.

Бѣлокуровъ. Указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. Унив. Москва 1883. ц. 1 р. 50 к.

Желеховскій. Малоруско-німецкий словар; выпуски 1—6. Львовъ 1883 г.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

1-е прибавленіе къ X тому 1883 года.

КЪ ВОПРОСУ
О ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Русскій языкъ, какъ предметъ преподаванія, распадается, по крайней мѣрѣ, на три предмета: грамматику, чтеніе и письмо. Если бы эти предметы въ школахъ получили самостоятельность, преподаваніе русскаго языка значительно упростилось бы; но при теперешнемъ положеніи дѣла является вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ эти три предмета? есть ли возможность поставить дѣло такъ, чтобы преподаватель русскаго языка имѣлъ въ виду одну цѣль—и всѣ эти предметы содѣйствовали достиженію этой цѣли?

Самое названіе предмета — „*русскій языкъ*“ — указываетъ, что цѣлью его должно быть *развитіе природнаго дара слова*: преподаватель русскаго языка долженъ научить *говорить* [1]) *и писать* по-русски.

При такомъ взглядѣ, дѣло представляется нѣсколько проще: *грамматика и чтеніе — средства*, умѣнье *говорить*

[1]) Къ сожалѣнію наша школа пренебрегаетъ обученіемъ *говорить*: многіе умѣютъ прекрасно писать, а совсѣмъ не умѣютъ говорить.

и *писать* — *цѣль*. Въ распоряженіи школы средства, но цѣль должна быть *въ виду*.

Относительно средствъ представляется вопросъ: въ какомъ отношеніи между собой грамматика и чтеніе? При теперешней постановкѣ грамматика — главный предметъ: на нее удѣляется половина всѣхъ уроковъ русскаго языка; чтеніе стоитъ совершенно особнякомъ отъ грамматики: оно служитъ плохою подготовкою къ изученію словесности. Необходимо эти два предмета слить.

Бѣдность, неясность мысли производитъ бѣдность, темноту и въ рѣчи: никакія грамматики, никакіе стилистическіе пріемы не помогутъ этому горю. Навыкъ, пріобрѣтаемый учениками при помощи разныхъ пріемовъ, ведетъ только къ фразерству, потому что дѣти бѣдны знаніями, пріобрѣтаемыми опытомъ. Разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ, описаніе класса, зданія, города, мѣстности, сравненіе, напр. стула и стола и проч., нагоняютъ скуку, порождаютъ отвращеніе къ сочиненіямъ. Нужно прежде обогатить учениковъ знаніями, нужно, чтобы не приходилось имъ додумываться до того, до чего человѣчество давнымъ-давно додумалось: это достигнуть можно только чтеніемъ авторовъ, подобранныхъ сообразно съ возрастомъ учениковъ. Этимъ путемъ мы вводимъ дѣтей въ сокровищницу русской литературы, которая *развиваетъ лучшія стороны человѣческаго духа*, т. е. мышленіе, волю и чувствованіе. Если, дѣйствительно, чтеніе можетъ такъ дѣйствовать на человѣка, то больше и желать нечего, на немъ и нужно остановить главное вниманіе, а грамматика должна служить только подспорьемъ.

Сообразно съ этимъ взглядомъ хрестоматіи должны быть переработаны: для чтенія нужно цѣлесообразно подобрать сочиненія лучшихъ авторовъ (напр. для низшихъ классовъ: Бѣжинъ лугъ, Сонъ Обломова, Дѣтство и Отрочество Толстаго); нужно исключить изъ хрестоматій передѣлки (уродованіе) басенъ, анекдоты, статьи по естественной исторіи, географіи и проч., или, по крайней мѣрѣ, число ихъ должно быть ограничено. Всякое истинно-худо-

жественное произведеніе даетъ поводъ коснуться разныхъ „*отраслей знанія, имѣющихъ соприкосновеніе съ тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаются предметами курса среднихъ учебныхъ заведеній*“ [1]); всякое художественное произведеніе нравственно (Бѣлинскій) и можетъ „*воздѣйствовать на душу воспитывающагося юноши и возбудить въ немъ идеи долга, чести и справедливости*“; эти сочиненія въ этомъ отношеніи полезнѣе, нежели статейки: Играющія собаки, Два плуга, Два козлика, Органы человѣческаго тѣла и проч. (Дѣтскій міръ, Уминскаго).

Цѣлью мы ставимъ умѣнье *говорить* и *писать*. Что важнѣе? Школа средняя и низшая не должна, да и не можетъ приготовлять литераторовъ и ученыхъ — она должна приготовлять общественныхъ дѣятелей. Если отъ общественныхъ дѣятелей требовать „бумажнаго дѣла“, то, безъ сомнѣнія, вторая цѣль (т. е. умѣнье писать) важнѣе; но въ жизни нужны не „кабинетные дѣльцы“, а практическіе дѣятели, въ жизни имѣетъ большее значеніе *живое* слово, безъ него человѣкъ не можетъ шагу ступить, а къ письменной рѣчи прибѣгаетъ въ исключительныхъ случаяхъ; значитъ — нужно прежде учить *говорить*, а потомъ уже *писать*. Умѣнье говорить и писать служитъ цѣлью, но изъ этого не слѣдуетъ, что сочиненія — устныя и письменныя—должны быть изгнаны изъ школы; только они должны получить другое значеніе. Есть нѣсколько ступеней умѣнья говорить и писать; каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ, ставитъ учениковъ на одну изъ высшихъ ступеней: учителю необходимо слѣдить, насколько ученики придвинулись къ *конечной* цѣли; сочиненія — устныя и письменныя — будутъ, такъ сказать, „пробою пера“, или пробою дитяти становиться на свои ноги.

Устныя сочиненія, въ широкомъ смыслѣ пересказа прочитаннаго, могутъ начинаться одновременно съ чтеніемъ, и въ продолженіи всего гимназическаго курса дол-

---

[1]) Въ скобкахъ поставлены фразы, заимствованныя у Г. Попечителя К. Уч. Окр.

жны преобладать надъ письменными. Устное сочиненіе имѣетъ многія преимущества: оно не отнимаетъ у учениковъ время на переписку; учитель можетъ ученика заставить сказать сначала планъ, и каждую неправильность можно сейчасъ же замѣтить: это дѣлаетъ или самъ учитель, или ученики; каждое неправильное выраженіе исправляется немедленно или учениками, или учителемъ; при этомъ ученики одновременно всѣ заняты; каждый ученикъ выработываетъ возможно лучшее сочиненіе, такъ какъ слабымъ помогаютъ лучшіе ученики, лучшимъ—учитель, вызывая ихъ самодѣятельность: при выработкѣ устнаго сочиненія ученики больше знакомятся съ пріемами изобрѣтенія. Такая бесѣда на развитіе дара слова имѣетъ такое вліяніе, какое могутъ имѣть разговоры въ интеллигентномъ обществѣ (а общество болѣе всего вліяетъ на развитіе дара слова).

Относительно письменныхъ сочиненій торопиться не слѣдуетъ. Неразумно поступилъ-бы учитель математики, начавши ариѳметику съ сложнаго тройнаго правила на томъ основаніи, что сюда входитъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе цѣлыхъ и дробей. Учитель русскаго языка поступаетъ именно такимъ образомъ, когда начинаетъ съ сочиненій; онъ разсуждаетъ такъ: когда ученикъ пишетъ сочиненіе, онъ пріучается логически мыслить, излагать логически и стилистически правильно, въ то-же время занимается каллиграфіей и орѳографіей; пріучается правильно владѣть грамматическими формами. Другія упражненія имѣютъ въ виду что-нибудь одно. Вѣроятно, и учебные планы имѣли въ виду такое значеніе сочиненій, назначая веденіе сочиненій съ I-го класса. По моему убѣжденію, это величайшая ошибка.

Заставляя писать сочиненіе ученика I-го класса, мы возлагаемъ на него непосильное бремя. При написаніи сочиненія вниманіе раздѣляется: 1) ученикъ долженъ обращать вниманіе на каллиграфію, или, по крайней мѣрѣ, на процессъ написанія буквъ. Эта работа не такъ легка, какъ она на первый взглядъ кажется намъ: чтобы понять всю

трудность этой работы, нужно всмотрѣться, какое иногда участіе принимаетъ и голова, и языкъ, и все туловище, какая напряженность замѣтна во всемъ организмѣ. Нужно замѣтить еще, что большинство учениковъ поступаетъ въ гимназическіе классы съ недостаточною подготовкою по каллиграфіи: каллиграфія не служитъ препятствіемъ къ поступленію или переводу. Обыкновенно-же бываетъ такъ: чѣмъ легче дается ученику процессъ написанія буквъ, тѣмъ лучше его сочиненія въ стилистическомъ и орѳографическомъ отношеніи; исключенія рѣдки.

2) Вниманіе ученика должно быть устремлено на *выборъ словъ*.

Въ учебныхъ планахъ говорится, что дѣти, учась русскому языку, имѣютъ дѣло съ готовымъ матеріаломъ; но на практикѣ не то: въ школѣ, не говоря уже объ инородцахъ (хотя ради количества и ихъ нельзя игнорировать), много дѣтей изъ такой неизменной среды, въ которой говорятъ полуфразами, даже полусловами, всѣ разговоры вертятся около немногяхъ предметовъ, относящихся только къ ѣдѣ, питью, одеждѣ. Съ другой стороны дѣти изъ хорошихъ семействъ часто не имѣютъ понятія, что значитъ „грабить сѣно“ и т. п. Можно себѣ представить въ какомъ затрудненіи находится при написаніи сочиненія мальчикъ, когда фраза часто не дается и *намъ*.

3) Подобравъ слово, ученикъ долженъ принаровить его къ цѣлой фразѣ. Работа легкая, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что она не требуетъ вниманія.

4) Далѣе орѳографія слова; здѣсь ученику приходится считаться и съ мѣстнымъ говоромъ, и вообще съ говоромъ (изслѣдованія Богородицкаго доказываютъ трудность въ этомъ отношеніи. Русскій Фил. Вѣстникъ 1881 и 82 гг.), и съ грамматикой, котораа иногда, вмѣсто помощи, сбиваетъ съ толку.

5) Разстановка предложеній, 6) знаки препинанія и пр.

Справиться вниманію ученика съ такою сложною работой въ низшихъ классахъ невозможно; необходимо прежде облегчить работу, а потомъ уже назначать ее. Нужно

прежде ученику пріобрѣсти навыкъ писать *скоро* и *каллиграфически*; одновременно съ этимъ пріобрѣтается и навыкъ въ орѳографіи. Тогда только ученикъ можетъ приступать къ сочиненіямъ. Заставляя писать сочиненія слишкомъ рано, мы пріучаемъ учениковъ къ орѳографическимъ ошибкамъ, а стилистика ничего не выигрываетъ: ученикъ выражается своимъ обиходнымъ языкомъ.

По моему мнѣнію, письменныя сочиненія изъ первыхъ двухъ классовъ нужно изгнать совершенно, ограничившись устнымъ пересказомъ прочитаннаго, и идти отъ орѳографіи къ стилистикѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Списываніе съ книги.
2) Писаніе выученнаго наизусть.
3) Объяснительная диктовка.
4) Разсказъ прочитаннаго самимъ ученикомъ.
5) Провѣрочная диктовка.
6) Пересказъ прочитаннаго учителемъ.
7) Сочиненія во всѣхъ видахъ.

На списываніи съ книги нужно держать учениковъ, какъ можно, болѣе времени — въ продолженіи всего курса I-го класса, допуская въ концѣ года писаніе выученнаго наизусть. При этомъ ученики кромѣ пріобрѣтенія навыка правильно списывать (и этимъ нельзя пренебрегать), осваиваются съ орѳографіей, а также съ литературнымъ языкомъ. Во второмъ классѣ можетъ быть допущена объяснительная диктовка и пересказъ прочитаннаго самимъ ученикомъ, послѣднее со втораго полугодія. Провѣрочная диктовка должна быть заключеніемъ курса II-го класса и служить экзаменною работою по *орѳографіи* и *калиграфіи* (по каллиграфіи непремѣнно); это упражненіе должно показать, кто годенъ въ III классъ, или показать (въ случаѣ неуспѣха большинства), что и въ III классѣ нужно продолжать прежнія письменныя упражненія. Только при удовлетворительныхъ результатахъ, обнаруженныхъ провѣрочною диктовкою, можно приступить къ *сочиненіямъ письменнымъ*. Это дѣло требуетъ переработки, на первый разъ въ смыслѣ изгнанія безполезныхъ и даже вредныхъ письменныхъ

упражненій, къ какимъ принадлежатъ, напр. переложеніе стиховъ въ прозу, переводы, которые можно дѣлать только въ классѣ подъ руководствомъ учителя, а безъ этого сами ученики только уродутъ языкъ. Далѣе полезно бы было обнародованіе всѣхъ темъ, данныхъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній каждымъ учителемъ; этимъ способомъ мы узнаемъ, что сдѣлано людьми компетентными; каждый учитель поневолѣ задумается надъ веденіемъ письменныхъ работъ; каждый скажетъ только *одно маленькое слово* — и уже можетъ выдти нѣчто капитальное.

А. Барсовъ.

О ПРЕПОДАВАНІИ
ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА
ВЪ НИЗШИХЪ КЛАССАХЪ ГИМНАЗІЙ.

Преподаваніе отечественнаго языка въ гимназическомъ курсѣ занимаетъ, безспорно, видное мѣсто. Къ болѣе ясному и болѣе отчетливому усвоенію законовъ его сводится и преподаваніе другихъ языковъ. Говоря это, мы ничуть не думаемъ, чтобы преподаваніе другихъ языковъ не имѣло своей спеціальной цѣли: оно имѣетъ и должно имѣть ее, — но полагаемъ только, что ученики, перелагая родную рѣчь на чужой языкъ или наоборотъ, яснѣе и сознательнѣе представляютъ себѣ формы и обороты своего роднаго языка. Болѣе же основательному и толковому изученію формъ русскаго языка помогаетъ изученіе древнецерковнославянскаго языка. Древнецерковнославянскій языкъ, сохранивъ поразительную правильность своей формы и будучи, если не отцемъ, то старшимъ братомъ русскаго языка, наглядно объясняетъ намъ формы этого послѣдняго какъ литературныя, такъ и обыденныя.

Если такъ, если на самомъ дѣлѣ древнецерковнославянскій языкъ стоитъ въ такомъ отношеніи къ русскому, то, по видимому, и преподаваніе его должно бы идти вмѣстѣ съ преподаваніемъ русскаго языка. Скажемъ — да, но только въ тьмъ случаѣ, если ученики, поступая въ 1-й кл., владѣютъ формами русскаго языка. Мнѣ скажутъ, что они должны владѣть ими, такъ какъ курсъ приготовительнаго класса требуетъ знанія многихъ изъ нихъ. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, не могу не указать на тотъ фактъ, чно преподавателю русскаго языка въ 1 кл. сплошь—и—

рядомъ приходится тратить очень много времени на пріученіе учениковъ говорить хоть нѣсколько правильнымъ и толковымъ языкомъ, читать ясно и понимать прочитанное, особенно тамъ, гдѣ на половину инородческій элементъ, гдѣ ученики приготовительнаго класса знаютъ эти формы. Безъ такой затраты времени преподаваніе отечественнаго языка не можетъ идти успѣшно: оно поведетъ только къ теоретическому знанію языка, и ученики, зная формы языка, зная правила правописанія, будутъ допускать ошибки вслѣдствіе смутнаго пониманія рѣчи и отдѣльныхъ словъ, и дѣло будетъ тормозиться. Конечно, формы словъ образовались вмѣстѣ съ самими словами, но грамматика — то, обобщеніе этихъ формъ — создались послѣ образованія словъ. Поэтому вмѣстѣ съ изученіемъ грамматики въ низшихъ классахъ идетъ и объяснительное чтеніе, главнѣйше преслѣдующее развитіе учениковъ, обогащеніе запаса ихъ словъ, умѣнье выражаться точнымъ языкомъ и пониманіе прочитанной статьи или выученнаго наизусть стихотворенія. Такъ какъ все это въ ученикахъ низшихъ классовъ еще, такъ сказать, въ зародышѣ, то, понятно, какъ осторожно, какъ искусно нужно обходиться съ нимъ, не забывая его и на урокахъ грамматики, т. е. при изученіи учениками формъ и правописанія ихъ, а это само собою должно уже замедлять быстрый ходъ усвоенія послѣднихъ. Въ виду этого изученіе грамматики отечественнаго языка въ низшихъ классахъ не должно имѣть только свою спеціальную цѣль — правописаніе, а цѣль его должна расширяться, должна охватывать собою не только объяснительное чтеніе, но и преподаваніе другихъ предметовъ,—вообще всю рѣчь учениковъ. Въ этихъ именно классахъ грамматика должна учить учениковъ правильно говорить, читать и писать.

Такое значеніе русской грамматики въ низшихъ классахъ и такое знакомство съ нею учениковъ не даетъ возможности изучать ее параллельно съ славянскимъ языкомъ, какъ бы онъ не былъ важенъ для сознательнаго изученія первой, и поэтому изученіе послѣдней въ гимназическомъ

курсѣ полагается уже тогда, когда закончено изученіе первой, когда можно изъ древнеславянскаго языкз, какъ изъ клубка разматывать нити, выводить формы русскаго языка, уже усвоенныя, и болѣе укрѣпить ихъ въ сознаніи учениковъ. Но какъ изученіе русской грамматики, такъ и славянской вмѣстѣ съ русской, по нашему, можно было бы поставить иначе въ виду такого значенія древнеславянскаго языка для русскаго.

Мы сказали, что при изученіи русскаго языка ученики, прежде всего, должны умѣть бѣгло, ясно, толково читать, понимать прочитанное и пересказывать его на столько толково, на сколько это доступно возрасту учениковъ. Вотъ, если учитель приготовительнаго класса достигнетъ этого, то онъ, во-первыхъ, дастъ полную возможность учителю низшихъ классовъ болѣе сосредоточиться на грамматическомъ курсѣ; во-вторыхъ, добросовѣстно выполнить свою программу, если и опуститъ что либо изъ грамматики, такъ какъ по достиженіи этого, думаю, для него и для учениковъ не представитъ большаго труда усвоеніе состава простаго предложенія.

Обращаю вниманіе здѣсь на составъ простаго предложенія потому, что изъ значенія членовъ предложенія слѣдуетъ выводить понятіе и значеніе частей рѣчи.

Выяснивъ ученикамъ значеніе и относительную важность каждаго члена предложенія, показавъ, что всѣ члены группируются около сказуемаго, слѣдуетъ выдвинуть впередъ это послѣднее. Оно важнѣе другихъ членовъ предложенія. Въ немъ, главнымъ образомъ, высказывается мысль. Безъ него нѣтъ предложенія, тогда какъ безъ подлежащаго есть предложенія—*безличныя*. Что остальные члены предложенія группируюся около сказуемаго, видно уже изъ того, что сказуемое своею формою отчасти обозначаетъ и подлежащее и обстоятельство времени. „*Ученикъ будетъ завтра писать*“. Въ этомъ предложеніи сказуемымъ „*будетъ писать*“ указывается на подлежащее и если бы его не было на лицо, то безъ сомнѣнія ученики сказали бы, что подлежащее здѣсь подразумѣвается „*онъ (она, оно)*“,

а словомъ „*ученикъ*“ мы только точнѣе обозначаемъ его. Тоже нужно сказать и объ обстоятельственномъ словѣ „*завтра*“, такъ какъ формою будущаго времени указано на это обстоятельство времени. Не можемъ при этомъ не указать и на опредѣленіе предложенія. Обычное его опредѣленіе и допускаемое распространеннѣйшимъ учебникомъ русскаго языка—грамматикою Кирпичникова и Гилярова— таково: „*предложеніе есть сужденіе, выраженное словами*“. Этимъ опредѣленіемъ мы, прежде всего, навязываемъ ученикамъ непонятный для нихъ логическій терминъ „*сужденіе*“ и ничуть не выясняемъ для нихъ самого предложенія, а затѣмъ даемъ имъ неточное опредѣленіе и, слѣдовательно, поступаемъ непедагогично. Вѣдь далеко не каждое предложеніе есть сужденіе: гипотетическое сужденіе состоитъ изъ двухъ предложеній; распространенный періодъ состоитъ изъ многихъ и разнообразныхъ предложеній, но представляетъ одно только сужденіе. Предложеніе — это форма, въ которой возможна наша рѣчь, всякая мысль. Какъ цифра есть изображеніе числа, какъ буква есть изображеніе звука, такъ предложеніе есть выраженіе мысли.

Выясненіе значенія частей рѣчи изъ значенія частей предложенія слѣдуетъ начинать съ глагола, которымъ наиболѣе выражается сказуемое. Кромѣ этого, основательно познакомить учениковъ, прежде всего, съ глаголомъ и его измѣненіемъ является необходимость и въ виду уроковъ по латинскому языку. Ознакомлять же учениковъ съ частями рѣчи и ихъ измѣненіемъ слѣдуетъ послѣдовательно, по немногу, сначала необходимое добавляя къ курсу приготовительнаго класса, а затѣмъ при повтореніи расширяя все болѣе и болѣе ихъ свѣдѣнія, — тогда само повтореніе будетъ имѣть для учениковъ большій интересъ. (О порядкѣ изученія грамматики концентрическими кругами изложено И. В. Гавриловымъ въ его „Примѣненіи стилистическихъ задачъ“).

Слѣдуя этому и сопровождая каждый урокъ грамматики, по возможности, диктовкой, а иногда грамматическимъ письменнымъ разборомъ, провѣряя познанія учениковъ изъ

грамматики на урокахъ объяснительнаго чтенія, преподаватель съ успѣхомъ пройдетъ этимологію въ I-мъ классѣ. Тогда во II-мъ классѣ — синтаксисъ сложнаго предложенія не представитъ ученикамъ ничего труднаго, если они хорошо знакомы съ составомъ простаго предложенія. Вѣдь сложное предложеніе есть тоже, что и простое предложеніе, только такое, въ которомъ объяснительныя слова выражаются не однимъ словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ.

Курсы III и IV кл. нужно посвятить, въ такомъ случаѣ, повторенію русской грамматики,—во первыхъ, съ добавленіемъ того, что преподавателемъ было опущено въ низшихъ классахъ; во вторыхъ, это повтореніе должно идти въ связи съ изученіемъ слав. языка, т. е. отличаться болѣе научнымъ характеромъ.

О такомъ отнесеніи части курса церковнославянскаго языка изъ IV кл. въ III-й было высказано и на бывшемъ Педагогическомъ съѣздѣ въ г. Одессѣ, въ чемъ мы видимъ желаніе придать изученію русскаго языка болѣе научности и основательности. Достигнуть этого, кромѣ совмѣстнаго изученія русскаго языка съ славянскимъ, можно, конечно, и другимъ способомъ: дать въ руки учениковъ лучшій учебникъ.

Учебникъ, данный въ руки учениковъ, долженъ отличаться научностью, краткостью, точностью, обстоятельностью и вполнѣ доступностью пониманію учениковъ. Въ немъ должно быть только то, что ученики непремѣнно должны знать, на что они натыкаются, такъ сказать, каждую минуту; расширять эти свѣдѣнія и какъ — дѣло преподавателя. Изложеніе этого матеріала и сообщеніе его ученикамъ должно быть таково, чтобы одно строго и послѣдовательно вытекало изъ другаго, — такъ, чтобы при изученіи ученики не видѣли скачковъ и незамѣтно переходили бы къ послѣдующему—болѣе трудному отъ болѣе легкаго и необходимаго.

Къ сожалѣнію, распространеннѣйшій изъ учебниковъ — грамматика Кирпичникова и Гилярова, хотя и отличается краткостью, заставляетъ желать многаго.

Выше было сказано, что предлагать ученикамъ неточныя объясненія, а тѣмъ болѣе заставлять учениковъ запоминать ихъ, по меньшей мѣрѣ, непедагогично. Такихъ неточностей, кромѣ уже указанной, найдется въ этомъ учебникѣ немалое число. Такъ — на первыхъ же строкахъ его нельзя не обратить вниманія на раздѣленіе буквъ по отдѣламъ. Кажется, что это можно сказать только относительно тѣхъ звуковъ, которые изображаются буквами, а изображеніе не идетъ далѣе знака. Затѣмъ, въ опредѣленіи частей рѣчи не соблюдено единство того начала, которое положено въ основу этого опредѣленія. Такъ, одна часть рѣчи, какъ бы ничего не обозначаетъ, а только измѣняется; другая—и обозначаетъ и измѣняется, а въ третьей—указывается на ея значеніе въ предложеніи. Подобная непослѣдовательность не можетъ ускользнуть отъ вниманія наблюдательнаго ученика, а въ иныхъ случаяхъ она просто ставитъ ученика въ тупикъ. Разбирая, напр., слова „домикъ", „Сережа", ученики, слѣдуя грамматикѣ Кирпичникова, затрудняются и не знаютъ, къ разряду какихъ существительныхъ отнести эти имена. Кромѣ неточностей и неполноты въ грамматикѣ Кирпичникова есть и неправильности, напр.: во 2 л. обоихъ чиселъ повел. накл. послѣ *ж, ч, ш* — пишется *ь*: *рѣжь—рѣжьте, плачь—чьте, тѣшь—те*", говоритъ грамматика. Правило невѣрное, потому, что много есть примѣровъ, гдѣ пишется *ь* и послѣ другихъ согласныхъ, а равно и послѣ этихъ пишется *и*: *брось, кинь*; *пиши́, кричи́, жужжи́*. Здѣсь играютъ роль не шипящія *ж, ч, ш*, а *удареніе, число, согласныхъ предъ окончаніемъ* повелительнаго наклоненія. А правила для переноса словъ изъ одной строки въ другую? Вѣдь, слѣдуя имъ, ученики не перенесутъ потому, что въ этихъ правилахъ главное вниманіе обращено па просодическое дѣленіе слова, а этимологическое совсѣмъ забыто, между тѣмъ въ силу этого дѣленія можно отдѣлить приставку отъ корня, корень отъ суфикса, если приставка и корень заканчиваются согласной, а корень и суффиксъ начинаются съ согласной. Затѣмъ, въ отдѣленіи *л* и *р* при группѣ со-

гласныхъ къ предыдущей гласной не видно основанія. Это для учениковъ будетъ понятно только тогда, когда эти слова станутъ рядомъ съ тѣми же словами въ церковнославянскомъ языкѣ. Здѣсь послѣ нихъ стоитъ та гласная, къ которой онѣ относятся.

Вообще достаточно самаго бѣглаго знакомства съ учебникомъ Кирпичникова, чтобы не замѣтить въ немъ многихъ недостатковъ, но мы не критикуемъ этотъ учебникъ, а желаемъ только, чтобы преподаваніе отечественнаго языка отличалось большею научностью и основательностью. Этого можно вполнѣ достигнуть или совмѣстнымъ преподаваніемъ русскаго языка съ церковнославянскимъ, какъ сказано, потому что теперешнее преподаваніе его въ IV кл. при трехъ урокахъ, изъ которыхъ нужно отдѣлить время на объяснительное чтеніе и письменныя работы, по нашему, не совсѣмъ-то ведетъ къ цѣли, — или дать ученикамъ лучшій учебникъ. На это мнѣ возразятъ,—къ чему такой учебникъ,—для чего тогда преподаватель? Основа знанія, говорятъ, въ хорошемъ учебникѣ. Какъ бы прекрасно не объяснялъ преподаватель, какъ бы не слѣдилъ за вниманіемъ учениковъ, но для нихъ долженъ быть учебникъ, какъ настольная книга, гдѣ они могли бы найти — если и не все, то большую часть сообщеннаго преподавателемъ; и просмотрѣть дома. Тогда, если они не запомнили объясненій въ классѣ, выучатъ ихъ дома, а если нѣтъ такого учебника, то — никогда.

Николаевъ. 13 Декабря 1882 г.

Ив. Муретовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ БЕСѢДАХЪ

съ учениками.

Г. Барсовъ, высказавши въ статьѣ „Литературныя бесѣды съ учениками“ (Р. Ф. В. 1883 г. N 1) желаніе сопоставить мою статью „Къ вопросу о практическихъ занятіяхъ по русскому языку“ (Р. Ф. В. 1883 г. N 3) съ корреспонденціею изъ Одессы, напечатанной въ Педагогической хроникѣ 1883 г. (N 1 и 2), на самомъ дѣлѣ обратилъ вниманіе лишь на нѣкоторыя мысли, высказанныя мною въ вышеуказанной статьѣ о практическихъ занятіяхъ по русскому языку, и при этомъ упустилъ изъ виду многое существенное, безъ чего собственно и невозможно уясненіе моего мнѣнія о литературныхъ бесѣдахъ съ учениками гимназій. Въ виду желанія г. Барсова „уяснить сколько нибудь дѣло прежде всего лично для себя“, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу его статьи „Литературныя бесѣды съ учениками“.

I. Г. Барсовъ говоритъ: „Соглашаясь во многомъ съ г. Истоминымъ, мы находимъ, что его планъ веденія работъ носитъ характеръ элементарности: извлеченіе, изложеніе и проч. — и все это для изученія каждаго произведенія. Конечно, для неопытныхъ и такіе совѣты полезны, но намъ кажется, что для каждаго произведенія необходимы вопросы, приноровленные только къ данному произведенію“.

Г. Барсовъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду планъ литературныхъ бесѣдъ, представленный мною въ статьѣ „Къ вопросу о практическихъ занятіяхъ по русскому языку“.

Плана литературныхъ бесѣдъ, во-первыхъ, нельзя смѣшивать съ планомъ веденія письменныхъ ученическихъ работъ вообще, а, во-вторыхъ, внимательное отношеніе къ этому плану литературныхъ бесѣдъ показываетъ, полагаю, необходимость его для дѣйствительнаго изученія каждаго литературнаго произведенія. Какъ же и понимать иначе? Въ представленномъ мною планѣ литературныхъ бесѣдъ съ учениками V, VI, VII и VIII кл. гимназій говорится, что знакомство съ извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ обусловливается знакомствомъ съ его содержаніемъ, умѣніемъ опредѣлить планъ этого произведенія, пониманіемъ отношенія одной части даннаго сочиненія къ предъидущей и къ цѣлому сочиненію, уясненіемъ особенностей характеровъ дѣйствующихъ лицъ, опредѣленіемъ идеи и указаніемъ значенія даннаго произведенія. Думаю, что сознательное усвоеніе воспитанниками вышеуказаннаго дѣйствительно познакомитъ учениковъ съ извѣстнымъ произведеніемъ и дастъ ученикамъ V, VI, VII и VIII кл. матеріалъ для посильныхъ и выполнимыхъ работъ, представляющихъ всесторонній разборъ прочитаннаго и объясненнаго (по представленному мною плану) произведенія. Если же обратить при этомъ вниманіе на то, что въ представленномъ мною планѣ литературныхъ бесѣдъ прежде всего говорится о томъ, что чтеніе произведеній русской и иностранной литературы сопровождается объясненіями и историческими комментаріями, то мысль г. Барсова о необходимости для изученія извѣстнаго произведенія литературы вопросовъ, приноровленныхъ только къ данному произведенію, окажется излишнею даже и для неопытныхъ преподавателей. И въ самомъ дѣлѣ, какое могутъ имѣть значеніе для учениковъ вопросы, предлагаемые г. Барсовымъ, напримѣръ при чтеніи „Недоросля“, послѣ того, когда преподаватель, читая извѣстное произведеніе съ учениками, сопровождаетъ это чтеніе историческими комментаріями и объясненіями, клонящимися къ тому, во-первыхъ, чтобы прочитанное было правильно понято учериками и, во-вторыхъ, чтобы впечатлѣніе, производимое на воспитан-

никовъ чтеніемъ, согласовалось съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются литературными бесѣдами? Серьезное изученіе произведенія по составленному мною плану, сопровождаемое вышеуказанными объясненіями преподавателя, дѣлаетъ вопросы г. Барсова излишними; поверхностное же знакомство съ извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ не научитъ учениковъ читать въ высшемъ значеніи этого слова, т. е. не научитъ ихъ сознательно относиться къ читаемому произведенію.

II. Разсматривая представленный мною планъ литературныхъ бесѣдъ (Р. Ф. В. 1882 г. N 3), г. Барсовъ останавливается на предлагаемомъ мною сравненіи литературныхъ произведеній (относительно содержанія, идей и характеровъ отдѣльныхъ лицъ). Не смотря на приведенный мною примѣръ (сравненіе комедіи „Бригадиръ“ и комедіи „Свои люди—сочтемся“ относительно идеи и характеровъ отдѣльныхъ лицъ), г. Барсовъ, во-первыхъ, опасается того, что ученики проведутъ параллель между Александромъ Македонскимъ и Акакіемъ Акакіевичемъ, а, во-вторыхъ, предполагаетъ, что такое сравненіе литературныхъ произведеній „даетъ поводъ увильнуть отъ прямого отвѣта, скрыть пустоту сочиненія“. Остановимся на послѣднемъ предположеніи г. Барсова, такъ какъ опасеніе относительно Александра Македонскаго и Акакія Акакіевича можетъ быть, безъ лишнихъ разсужденій, устранено мыслью о томъ, что работы воспитанникамъ предлагаетъ преподаватель и притомъ послѣ объясненія избраннаго для изученія произведенія. Какъ же можетъ ученикъ скрыть пустоту сочиненія въ работѣ, въ которой онъ только и можетъ показать глубину (разумѣется, относительную) мысли? Отъ кого же онъ можетъ скрыть эту пустоту сочиненія? Отъ преподавателя, который своими объясненіями возбудилъ въ немъ работу мысли и научилъ его пользоваться указаннымъ матеріаломъ, необходимымъ для исполненія извѣстной работы? Полно, такъ ли? Обратимъ вниманіе на приведенный мною примѣръ сравненія произведеній. Читая и объясняя комедію „Бригадиръ“ и комедію

„Свои люди — сочтемся“, учитель, послѣ основательнаго изученія данныхъ произведеній по плану приведенному мною въ 3 N Р. Ф. В. 1882 г., показываетъ, что сфера купеческая, представленная въ комедіи Островскаго, въ наше время стала тѣмъ, чѣмъ было въ XVIII в. дворянское сословіе, изображенное въ комедіи Фонъ-Визина, что наши подражатели дворяне стали тѣмъ для средняго сословія XIX ст., чѣмъ были Французы для лицъ „Бригадира“ и затѣмъ обращаетъ вниманіе воспитанниковъ, во-первыхъ, на то, на сколько подвинулось впередъ русское общество отъ 1764 до 1850 г. и, во-вторыхъ, на то, что обѣ названныя комедіи родственны по основной идеѣ и по характерамъ отдѣльныхъ лицъ. Начинается такимъ образомъ сравненіе названныхъ комедій; сравненіе это состоитъ въ указаніи сходства комедій (относительно идеи и характеровъ отдѣльныхъ лицъ) и ихъ различія (въ духѣ изображенія и въ полнотѣ рѣшенія задачи, избранной авторомъ) и приэтомъ лица, выведенныя въ указанныхъ комедіяхъ, при правильной постановкѣ дѣла, при извѣстныхъ историческихъ комментаріяхъ, поразятъ воспитанниковъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и дадутъ возможность слѣдить за ихъ дѣйствіями въ средѣ общественной, за ихъ жизнью въ семейномъ кругу, за ихъ желаніями, стремленіями, взглядами. Такимъ образомъ явятся и тѣ точки зрѣнія, безъ которыхъ, какъ это, разумѣется, извѣстно всякому ученику высшихъ классовъ гимназіи, невозможно сравненіе извѣстныхъ характеровъ, — сравнивая Бригадира и Большова, Бригадиршу и Аграфену Кондратьевну, Иванушку и Липочку, нужно, понятно, избрать предварительно извѣстныя точки зрѣнія (Бригадиръ и Большовъ, какъ общественные дѣятели и какъ отцы и т. д.); но вѣдь это азбука, о которой не приходится говорить въ статьѣ о литературныхъ бесѣдахъ съ учениками высшихъ классовъ. Такая подготовка, такое полезное и серьезное сравненіе вышеуказанныхъ комедій устранитъ, безспорно, возможность и необходимость скрывать пустоту сочиненія, — достаточно будетъ матеріала даже и для мно-

гихъ, вполнѣ самостоятельныхъ работъ, а стремленіе увильнуть отъ прямаго отвѣта, отдѣлаться фразами можетъ явиться лишь тогда, когда ученикъ не можетъ дать прямаго отвѣта учителю, не подумавшему о подготовкѣ воспитанника къ самостоятельному исполненію данной работы.

Еще два замѣчанія.

1. Въ предложенномъ мною планѣ литературныхъ бесѣдъ (Р. Ф. В. 1882 г. N 3) сказано: „если такимъ образомъ разобрано драматическое произведеніе, то ученикамъ назначаются роли для прочтенія“ и приэтомъ прибавлено: „хорошее чтеніе покажетъ полное пониманіе прочитаннаго и разобраннаго произведенія“. Не смотря на указанное прибавленіе, точно опредѣляющее цѣль подобнаго чтенія драматическаго произведенія по ролямъ, г. Барсовъ предполагаетъ, что такимъ образомъ придется обратить чтенія въ спектакли“. Относительно подобнаго предположенія, думаю, можно лишь сказать одно: обратить чтенія, т. е. основательное и вполнѣ серьезное изученіе произведеній русской и иностранной литературы, имѣющее точно опредѣленную цѣль, въ спектакли зависитъ вполнѣ отъ преподавателя, которому, разумѣется, приходится во время литературныхъ бесѣдъ играть такую роль, какая приличествуетъ ему по его знаніямъ, опытности, серьезности и добросовѣстности отношенія къ дѣлу. Тутъ ужъ никакіе совѣты не помогутъ, хотя это и не даетъ основанія отрицать пользу чтенія драматическаго произведенія по ролямъ, послѣ основательнаго его изученія и разбора.

2. Руководителемъ учениковъ въ дѣлѣ чтенія литературныхъ произведеній долженъ быть, по моему мнѣнію, преподаватель русскаго языка. Г. Барсовъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ, но полагаетъ, что нельзя возложить на учителя русскаго языка руководство чтеніемъ (т. е. литературными бесѣдами). Согласенъ съ тѣмъ, что нельзя возложить на преподавателя русскаго языка руководство чтеніемъ литературныхъ произведеній, но вѣдь это не устраняетъ необходимости возложить это дѣло на кого нибудь изъ преподавателей, а между тѣмъ такимъ руководителемъ

учениковъ скорѣе всего можетъ быть преподаватель русскаго языка, какъ это и доказано мною въ статьѣ „Къ вопросу о практическихъ занятіяхъ по русскому языку“. Понимаю и то, что выходитъ „иное дѣло, если учитель самъ жертвуетъ частью одного свободнаго дня въ недѣлю“ и знаю, что выходитъ оно инымъ именно тогда, когда преподаватель, имѣя въ виду лишь дѣло, не смотритъ на него только практически (въ смыслѣ облегченія своего тяжелаго труда), но, сознавая трудности, работаетъ безъ принужденія. Понятно, что высказывая мнѣніе о томъ, что преподаватель русскаго языка долженъ быть руководителемъ учениковъ въ дѣлѣ чтенія литературныхъ произведеній, я имѣлъ въ виду, во-первыхъ, вышеуказанное условіе, при которомъ только и возможенъ успѣшный ходъ литературныхъ бесѣдъ съ учениками и, во-вторыхъ, указанія практики,—въ-теченіе шести лѣтъ я уже велъ литературныя бесѣды съ учениками V, VI, VII и VIII кл. гимназіи и во время этихъ занятій было прочитано и разобрано мною 60 произведеній русской и иностранной литературы, безъ всякаго обремененія учениковъ.

III. Остается сказать нѣсколько словъ о литературныхъ бесѣдахъ по плану г. Барсова.

Во-первыхъ, о выборѣ произведеній для чтенія. Соглашаясь съ тѣмъ, что чтеніе и разборъ (во время литературныхъ бесѣдъ) произведеній русской литературы должно находиться въ связи съ уроками словесности, я не могу согласиться съ тѣмъ, что во время литературныхъ бесѣдъ должно читать и разбирать тѣ произведенія, съ которыми преподаватель обязанъ по программѣ познакомить воспитанниковъ на урокахъ словесности. Г. Барсовъ предполагаетъ во время литературныхъ бесѣдъ познакомить учениковъ въ-теченіе года съ слѣдующими произведеніями: „Недоросль“, „Бригадиръ“, „Бѣдная Лиза“, „Борисъ Годуновъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Полтава“, Горе отъ ума“, сочиненія Гоголя и Лермонтова; во второй годъ можетъ быть начато, по мнѣнію г. Барсова, чтеніе позднѣйшихъ авторовъ (?). Знакомство съ вышеуказанными произ-

веденіями русской литературы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній Гоголя и Лермонтова) обязательно по программѣ и реальныхъ училищъ, о которыхъ исключительно говоритъ г. Барсовъ, и слѣдовательно литературныя бесѣды устраиваются г. Барсовымъ лишь для выполненія той программы, которую нужно и возможно выполнить во время уроковъ словесности (въ классическихъ гимназіяхъ во время уроковъ словесности выполняется болѣе обширная программа русской литературы). Полагаю, что программа литературныхъ бесѣдъ съ учениками высшихъ классовъ должна быть составлена иначе, находясь въ извѣстной связи съ программою классныхъ занятій по словесности (на столько, на сколько это необходимо для внесенія историческаго элемента въ преподаваніи русской литературы), программа литературныхъ бесѣдъ должна представлять самостоятельное цѣлое; въ противномъ случаѣ когда во время литературныхъ бесѣдъ преподаватель будетъ дѣлать то, что онъ обязанъ дѣлать во время уроковъ словесности, во-первыхъ, нѣкоторые ученики, не присутствующіе на необязательныхъ литературныхъ бесѣдахъ, не будутъ знать того, что они должны знать по программѣ русской словесности, а, во-вторыхъ, будетъ увеличено число уроковъ русской словесности и притомъ безъ особенной необходимости. Въ виду вышеуказаннаго, въ статьѣ „Къ вопросу о практическихъ занятіяхъ по русскому языку“ (Р. Ф. В. 1882 г. N 3), говоря о необходимости рѣшенія вопроса о правильномъ и однообразномъ веденіи литературныхъ бесѣдъ, я и указалъ на необходимость составленія подробнаго плана и полной программы литературныхъ бесѣдъ, съ указаніемъ произведеній русской и иностранной литературы, которыя необходимо прочесть и разобрать съ учениками V, VI, VII и VIII кл. гимназіи. Составленіе такого плана и программы литературныхъ бесѣдъ—дѣло не легкое и надъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о литературныхъ бесѣдахъ надо подумать серьезно, имѣя въ виду развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ молодого поколѣнія.

Во-вторыхъ, о методѣ чтенія. Методъ г. Барсова довольно простъ,—чтеніе литературнаго произведенія сопровождается вопросами преподавателя и заканчивается устнымъ изложеніемъ содержанія прочитаннаго произведенія, что, повидимому, и имѣетъ въ виду г. Барсовъ, говоря объ основательномъ изученіи литературныхъ произведеній. Особенное значеніе придаетъ г. Барсовъ вопросамъ, предлагаемымъ преподавателемъ при чтеніи литературнаго произведенія; но вопросы г. Барсова, во-первыхъ, не даютъ полнаго понятія о томъ, о чемъ воспитанники, изучая, напримѣръ, „Бригадира“ и „Недоросля“, должны получить понятіе, а, во-вторыхъ, обращаютъ вниманіе учениковъ на менѣе существенное и, пожалуй, совершенно излишнее (напримѣръ, отношеніе Лизы къ Фамусову), ничего не говоря о болѣе существенномъ и, пожалуй, необходимомъ (напримѣръ, отношеніе общества къ Чацкому и причины такого отношенія, драматическая и комическая сторона „Горя отъ ума“ и т. д.). Непонятно также, почему при чтеніи комедій Фонъ-Визина необходимы вопросы, при чтеніи же Карамзина „можно предварительно не ставить вопросы“? Почему ученики могутъ сами изучать басни Крылова по группамъ? и т. д. Говорится г. Барсовымъ объ основательномъ изученіи литературныхъ произведеній, а между тѣмъ все сводится къ устному изложенію содержанія прочитаннаго произведенія, которое „только тогда и могутъ ученики основательно изучить, когда заранѣе знаютъ, чего искать въ данномъ произведеніи“. Ужъ тутъ, кажется, и чтеніе литературныхъ произведеній является безцѣльнымъ,—ученики имѣютъ предъ глазами вопросы и заранѣе знаютъ, чего искать въ данномъ произведеніи.

Въ-третьихъ, о письменныхъ работахъ въ связи съ литературными бесѣдами.

Г. Барсовъ, не обративъ должнаго вниманія на мое мнѣніе о письменныхъ работахъ для литературныхъ бесѣдъ и о значеніи литературныхъ бесѣдъ для письменныхъ ученическихъ работъ вообще, говоритъ: „письменныя работы мы отодвигаемъ на второй планъ“. Это, положимъ, спо-

койнѣе; но какъ въ дѣлѣ письменныхъ упражненій добиться лучшихъ результатовъ? Я полагаю, что для этого необходимо обратить серьезное вниманіе на чтеніе учениками книгъ, которое, безспорно, оказываетъ большое вліяніе на развитіе умственныхъ силъ учениковъ, а слѣдовательно и на ихъ письменныя работы. Въ виду вышесказаннаго между литературными бесѣдами и письменными работами (сочиненіями) учениковъ должна быть самая тѣсная связь и потому отодвиганіе на второй планъ вопроса о письменныхъ работахъ, по меньшей мѣрѣ, не практично,— такое отодвиганіе увеличиваетъ обремененіе воспитанниковъ, такъ какъ не даетъ имъ ни подготовки, ни матеріала для письменныхъ работъ и развиваетъ въ нихъ стремленіе „увильнуть отъ прямаго отвѣта, скрыть пустоту сочиненія“.

В. Истоминъ.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Иванова: „Взглядъ на преподаванiе отечественнаго языка въ гимназiяхъ".

(Фил. Зап. 1883 г. N 3).

Позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на означенную статью г. Иванова. Позволяю себѣ это потому, что самъ я лично нѣсколько заинтересованъ здѣсь. Дѣло вотъ въ чемъ: г-нъ Ивановъ, авторъ статьи, вооружаясь противъ „никуда негоднаго учебнаго плана русской грамматики" (стр. 15), между прочимъ, говоритъ, что „многiе не сомнѣваются въ указанныхъ имъ недостаткахъ курса нашего предмета, но есть и такiе преподаватели отечественнаго слова, которые, повидимому, не дали себѣ рѣшительно никакого труда вникнуть въ смыслъ преподаваемаго ими курса". Однимъ изъ такихъ преподавателей, по словамъ Иванова, является авторъ статьи „О письм. работахъ по русскому языку въ низшихъ классахъ гимназiй" (Р. Ф. В. 1882 г. N 1),—и это только потому, что онъ, согласно утвержденнымъ планамъ, поставилъ цѣлью грамматики ученья въ низшихъ классахъ не только знанiе правилъ русской орѳографiи (конечно не механическое, а разумное и научное на столько, на сколько это доступно развитiю и пониманiю учениковъ), но и умѣнье пользоваться этими правилами. Правда, въ моей статьѣ сказано о важности грамматическаго ученiя и оно выдвинуто на первый планъ, но это важное грамматическое ученiе въ курсѣ отечественнаго языка *вообще* не сведено только къ правописанiю. Въ пользу этого говоритъ слѣдующее:

Первое. Статья написана по поводу мнѣнiя г. Бѣлоруссова о письменныхъ работахъ въ низшихъ классахъ гимназiй и трактуетъ только о письменныхъ работахъ въ

этихъ классахъ, ставя эти работы въ тѣсную связь съ грамматическимъ ученіемъ. Вѣдь курсъ русскаго языка въ низшихъ классахъ, разумѣю 1 и 2, слагается изъ трехъ элементовъ: грамматическаго ученія, чтенія хрестоматіи и письменныхъ работъ. Каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ свою спеціальную цѣль. Цѣль письменныхъ работъ въ этихъ классахъ, особенно въ 1, орѳографія.

Второе. Изученіе русской грамматики не заканчивается въ этихъ двухъ классахъ, а продолжается въ 3-мъ, въ 4 кл.—параллельно съ слав. яз. Мало этого. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану русскаго языка и словесности сказано, что „грамматическія занятія должны постоянно продолжаться и въ остальные четыре года. При чтеніи литературныхъ образцевъ анализъ грамматическій по прежнему сохраняетъ за собою видное мѣсто". Итакъ, по планамъ, занятія грамм. продолжаются во всѣхъ восьми классахъ, хотя четвертымъ классомъ и заканчивается систематическое изученіе грамматики. Ставя цѣлью письменныхъ работъ въ низшихъ классахъ — правописаніе и подчиняя ихъ грамматическому ученію, мы совершенно далеки были отъ той мысли, чтобы важное грамматическое ученіе въ курсѣ роднаго языка *вообще* свести только къ правописанію, и рѣшительно не понимаемъ, какъ и откуда могла явиться такая мысль у г. Иванова.

Третье. Въ пользу того, что мы ставимъ цѣлью письменныхъ работъ исключительно правописаніе (въ связи съ грамм. ученіемъ) въ 1 кл., а частію и во 2-мъ, говоритъ та же статья, гдѣ сказано, что „выработкою легкаго стиля въ этихъ классахъ не слѣдуетъ игнорировать, но не должно письменнымъ работамъ въ низшихъ классахъ, даже *въ самыхъ низшихъ*, придавать самостоятельнаго значенія, видѣть тутъ въ нихъ *главнѣйшею и почти единственною цѣлью выработку правильной рѣчи и легкаго стиля*",—а также совѣтуемъ предлагать ученикамъ статьи для письменнаго пересказа, гдѣ правописаніе, конечно, играетъ важную роль, но уже не такую, какъ въ диктантѣ.

Наконецъ, четвертое. Кажется, г. Ивановъ изъ цѣ-

лой статьи выхватилъ фразу, подходящую для доказательства своей мысли, не давъ себѣ рѣшительно никакого труда вникнуть въ то отношеніе, въ которомъ она находилась съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Тогда, думаю, раздраженный авторъ убѣдился бы, что рѣчь идетъ о грамматическомъ ученіи въ низшихъ классахъ, а не вообще въ курсѣ отечественнаго слова, въ связи съ письменными работами въ этихъ классахъ.

Ставимъ же въ тѣсную связь грамматическое ученіе съ письменными работами въ этихъ классахъ потому, что курсъ русской грамматики 1-го кл., по дѣйствующимъ нынѣ планамъ, а не по „оптическому обману“, составляетъ орѳографія окончаній; 2-го кл. — приставокъ, корней и суффиксовъ. Къ объясненію и уясненію орѳографическихъ правилъ и клонится, по нашему, грамматическое ученіе въ этихъ классахъ, конечно — въ связи съ письменными работами. Правила эти основаны на извѣстныхъ законахъ языка, сообщеніе которыхъ и ознакомленіе съ ними учениковъ, если они доступны ихъ пониманію, нисколько не лишне, а напротивъ — необходимо и должно быть. Вѣдь всякое теоретическое знаніе тогда только имѣетъ большую цѣну, когда владѣющій имъ можетъ воспользоваться этимъ знаніемъ на дѣлѣ. Могу-ли я назвать себя мастеровымъ, если я разскажу вамъ, какъ нужно сдѣлать извѣстную вещь, а сдѣлать ее не съумѣю? Точно также, думаю, и ученикъ больше цѣнится тотъ, который не только знаетъ теорію, но и умѣетъ пользоваться ею на дѣлѣ, видитъ, такъ сказать, приложеніе ея, что, разумѣется, служитъ бóльшимъ побужденіемъ для учениковъ къ изученію теоріи, чѣмъ представленіе, каковаго у учениковъ 1-го кл. и не можетъ быть, о грамматикѣ русскаго языка, какъ о наукѣ. Заставляетъ дать письменнымъ работамъ въ низшихъ классахъ такое значеніе и то простое соображеніе, что низшіе классы подготовляютъ учениковъ къ слѣдующимъ высшимъ, а по сему и письменныя работы ихъ должны стоять въ такомъ же отношеніи. Что же должны требовать отъ письменной работы, прежде всего, не говоря

о чистотѣ ея и аккуратности выполненія? По нашему — орѳографическая правильность, на что главнѣйше и обращаемъ вниманіе въ 1-мъ кл. Впрочемъ, г. Ивановъ далекъ отъ мысли проповѣдывать безграмотность (онъ допускаетъ грубыя, непростительныя этимологическія ошибки въ работахъ учениковъ самыхъ высшихъ классовъ: это, говоритъ онъ, не рѣдкость; работа безошибочная—въ этомъ отношеніи идеалъ, а идеалы за предѣлами достижимаго), но даетъ чистую отставку правописанію изъ курса 1 кл. или точнѣе — присоединяетъ усвоеніе этихъ правилъ къ хрестоматіи, къ которой должны быть присоединены примѣры и статьи для диктанта съ замѣчаніями о правописаніи.

Для отдѣленія правилъ правописанія отъ грамматическаго ученія и присоединенія ихъ исключительно къ хрестоматіи, при томъ значеніи, какое имѣетъ послѣдняя въ гимназическомъ курсѣ, кажется, нѣтъ достаточныхъ оснований.

„Чтеніе хрестоматіи, какъ предметъ школьныхъ занятій, должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ (П. Смирновскій. О курсѣ чтенія въ четырехъ низшихъ классахъ гимназіи. СПб. 1883):

А.) Служить цѣлямъ *обученія*	1) постепенно развивать даръ слова	при чемъ чтеніе приводится въ связь: а) съ постепеннымъ развитіемъ учениковъ подъ вліяніемъ прохожденія гимназич. курса; б) съ потребностью въ соотвѣтствующихъ развитію средствахъ выраженія.
	2) служить подспорьемъ при изученіи языка и теоріи и исторіи словесности	при чемъ чтеніе приводится въ связь: в) съ остальными занятіями по русскому языку и словесности.

В.) Служить цѣлямъ *воспитанія* { 1) нравственнаго 2) національнаго 3) эстетическаго.

Вотъ задача чтенія класснаго и домашняго! Чтеніе должно служить цѣлямъ воспитанія, должно обогащать фразеологическій запасъ учениковъ, пріучать ихъ связно и логично передавать свои мысли, расширять ихъ умственный кругозоръ; чтеніе въ четырехъ низшихъ классахъ должно подготовить учениковъ къ изученію теоріи словесности въ V-мъ кл., ибо теорія словесности сводитъ въ одно всѣ тѣ раздробленныя и отрывочныя свѣдѣнія изъ чтенія хрестоматіи, которыя ученики усвоили себѣ въ первыхъ четырехъ классахъ. А тутъ еще хрестоматіи навязывается другая цѣль—орѳографія. Положимъ, что хрестоматія предлагаетъ ученикамъ образцы родной рѣчи, а грамматика законы этой рѣчи, выведенные на основаніи этихъ образцовъ, но дѣло тутъ не въ законахъ вообще нашей рѣчи, а въ правилахъ правописанія, — въ томъ, чтобы ученикъ правильно и съ достаточнымъ основаніемъ ставилъ *ъ* и *ь*; *ѣ*, *е* и *э*, *й*, *і* и *и* и пр.

Задача русскаго правописанія должна состоять въ томъ, чтобы, не сбиваясь сомнительнымъ выговоромъ слова, сознательно находить правильныя буквы для выраженія, прежде всего, невнятныхъ звуковъ; затѣмъ, нужно выдѣлить тѣ случаи, когда одинъ и тотъ же звукъ изображается одною буквою, когда другою. Наконецъ, придавая особое значеніе въ русскомъ правописаніи словообразованію, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на правописаніе приставокъ, корней, суффиксовъ и флексій, гдѣ между прочимъ важную роль играетъ сочетаніе звуковъ между собою. Предлагая ученикамъ правила правописанія, мы излагаемъ имъ ученіе о звукахъ и о сочетаніи ихъ другъ съ другомъ, т. е. знакомимъ ихъ съ тѣмъ, на что должно обратить вниманіе въ первое же время при изученіи русской грамматики. Показывая ученикамъ разницу между звукомъ и буквою, какъ изображеніемъ его, мы не можемъ утаить отъ ученика того факта, что нѣкоторые

звуки изображаются нѣсколькими буквами. Вотъ — когда одинъ и тотъ же звукъ изображается одною буквою, когда — другою — и является необходимость познакомить ихъ. Почему-же и для чего относить правила объ этомъ и разъясненіе ихъ къ хрестоматіи, когда это всецѣло обязанность грамматики? И почему, наконецъ, хрестоматія должна учить правописанію при той сбивчивости и спорности написанія многихъ словъ, которыя замѣчаются въ современномъ языкѣ и очень часто являются достояніемъ хрестоматій? Можно согласиться съ этимъ только въ томъ случаѣ, если на самомъ дѣлѣ такъ же разумно и основатезьно помѣстить правила правописанія въ какой угодно книгѣ русской рѣчи, какъ и въ грамматикѣ.

Для хрестоматіи и грамматики должны быть назначаемы особые часы (этимъ я не отрицаю существующей связи между грамматикой и христоматіею); письменныя работы — пересказы (дѣло идетъ о низшихъ классахъ) должны быть соединены съ христоматіей, а диктантъ — съ грамматикой. Примѣры и статьи для диктанта ни въ коемъ случаѣ не должны быть извѣстны ученикамъ, чего невозможно избѣжать, если они помѣщены въ хрестоматіи, а поэтому присоединять такого рода отдѣлъ къ хрестоматіи излишне: пусть она удовлетворитъ сначала и той роли, которая ей выпала на долю. Въ грамматикѣ, возьмемъ Кирпичникова, есть примѣры для диктанта, они тоже извѣстны ученикамъ, но на эти примѣры, думаю, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на матеріалъ письменныхъ занятій (не отрицаю возможности пользоваться ими въ нѣкоторыхъ случаяхъ) да еще провѣрочныхъ, а занятій устныхъ: они служатъ основаніемъ для вывода грамматическихъ правилъ и подтвержденіемъ ихъ. Вообще диктантъ отъ грамматики не долженъ быть отдѣляемъ какъ правило и примѣненіе его; диктантомъ, по возможности, долженъ сопровождаться каждый урокъ грамматики, какъ наглядымъ подтвержденіемъ правилъ и закрѣпленіемъ ихъ въ памяти учащихся.

Такое значеніе грамматическаго ученія и письменныхъ работъ въ низшихъ классахъ не мѣшаетъ и не от-

рицаетъ возможности дать преподаванію русскаго языка болѣе научности и систематичности. Все зло, по нашему, въ курсѣ приготовительнаго класса (см. мою статью „О преподаваніи роднаго языка“, Циркуляръ по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ. 1881 г. Іюнь). Если бы преподаватель приготовительнаго класса болѣе обратилъ вниманіе на пріученіе учениковъ читать бѣгло и внятно, понимать прочитанное и передавать его связно и толково; т. е. если бы фразеологія и умственное развитіе учениковъ, поступающихъ въ 1 кл., были болѣе высокой пробы, тогда въ низшихъ классахъ преподаваніе русскаго языка пошло бы иначе; тогда въ 1 и 2 кл. ученики достаточно познакомились бы съ строемъ современнаго русскаго языка, а сопровождая изученіе грамматики диктовкой— научились бы писать орѳографически правильно и усвоили бы себѣ правила орѳографіи, — курсъ же III и IV кл. въ связи съ слав. яз. освѣтилъ бы и болѣе укрѣпилъ въ ихъ сознаніи пріобрѣтенное въ 1 и 2 кл.; тогда преподаваніе русскаго языка отличалось бы большею научностью и систематичнвстью.

Впрочемъ, хотя преподаванію русскаго языка и даетъ бóльшую научность изученіе его въ связи съ слав. яз.— начиная съ III кл., а въ I и II изученіе лат. яз. и сравненіе его оборотовъ и особенностей съ русскими, однако это научно-теоретическое изученіе языка будетъ тормозиться тѣмъ, что русскій языкъ—языкъ живой, постоянно измѣняющійся сообразно съ нуждами практической жизни, между тѣмъ, грамматика, говорятъ, это самая элементарная часть логики, это — начальный анализъ процесса мышленія, это — анатомированіе человѣческой рѣчи. На живомъ тѣлѣ нельзя изучать анатомію его. Нельзя, скажемъ, и уловить всѣ законы живаго языка, а потому и грамматика его, какъ языка живаго, должна *прежде всего* имѣть въ виду практическую цѣль — *она должна учить правильно говорить, читать и писашь.* Этимъ самымъ мы не исключаемъ научности и систематичности въ изученіи языка, а напротивъ желаемъ этого и высказывали уже по это-

му поводу свое мнѣніе, но полагаемъ, что научно-теоретическое изученіе русскаго языка,—языка, которымъ мы говоримъ, которымъ передаемъ свои мысли въ разговорѣ и письмѣ, должно начаться тогда, когда ученики уже привыкли достаточно правильно распоряжаться оборотами и формами языка, а равно и довольно правильно выражать свои мысли на письмѣ. Первому безспорно помогаетъ объяснительное чтеніе и пересказъ статей устный и письменный, второму—диктантъ и письменный пересказъ.

Ив. Муретовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

А. Будиловичъ. Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній (Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. одобренъ, какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій Министерства Нар. Пр. Варшава 1883 г. ц. 60 к. съ перес. 70 к.

Эта книга заключаетъ въ сокращенномъ видѣ тотъ же матеріалъ, который авторъ подробно изложилъ въ своемъ „Начертаніи церковно-славянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ“. Изъ семазіологіи же и стилистики вошли сюда лишь не многія замѣчанія.

Отъ существующихъ учебниковъ разсматриваемый отличается большею научностію и полнотою: въ него вошелъ и историческій элементъ церковно-славянскаго языка. Учащіеся могутъ вынести довольно ясное представленіе о томъ, какъ въ теченіи вѣковъ и у разныхъ славянскихъ народовъ онъ видоизмѣнялся въ фонетическомъ и морѳологическомъ отношеніяхъ. По приложеннымъ образцамъ они могутъ видѣть, какія измѣненія произошли на русской почвѣ, на болгарской и сербской. Жаль только, что составитель не припечаталъ по нѣскольку строкъ изъ текста Острожской библіи и Елисаветинской, и не сказалъ нѣсколькихъ словъ о послѣдней редакціи библіи, теперь употребляемой въ нашей церкви. Для будущаго изданія мы предложили бы совѣтъ — болѣе существенное, то, что составляетъ основной учебный матеріалъ, печатать шрифтомъ болѣе крупнымъ, чѣмъ теперь, или дополнительныя подробности болѣе мелкимъ. Взятые теперь два шрифта мало отличаются одинъ отъ другаго, разница почти не замѣтна.

Соломоновскій И. Замѣтки о практическихъ упражненіяхъ въ словопроизводствѣ. Воронежъ 1882.

Смирновскій. О курсѣ чтенія въ четырехъ классахъ гимназіи, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ русской христоматіи. СПб. 1883. ц. 30 к.

Четыркинъ. Повѣствованія и описанія. Руководство для учениковъ IV кл. мужск. гимназіи. Москва 1883 г. ц. 30 коп.

Складень. Чтеніе для дѣтей и для юношества. Составлено изъ произведеній лучшихъ современныхъ писателей. Изданіе Толивѣровой. СПб. 1883.

Литературная дѣтская библіотека (Всемірная христоматія). Т. VI. Графъ Л. Н. Толстой и его сочиненія. Москва 1883.

Верховская. Сборникъ русскихъ пословицъ. СПб. 1883. ц. 50 к.

Савицкій. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. СПб. 1883. ц. 1 р.

Казанскій. Наша родная рѣчь. Руководство къ изученію русскаго и славянскаго языка, приспособленное къ программѣ низшихъ учебныхъ заведеній. Москва 1883 г. ц. 1 р. 25 к.

Виноградовъ. Планы объяснительнаго чтенія. Опытъ объясненія образцевъ русской литературы для начальнаго обученія. Руководство для учителей начальныхъ училищъ. Гарбатовъ 1883. ц. 1 р.

Ивановъ. Взглядъ на преподаваніе отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Воронежъ 1883.

Рудневъ. Другъ народныхъ школъ. Сборникъ статей. Москва 1883. ц. 50 к.

Истоминъ. Методъ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку, съ приложеніемъ темъ для сочиненій. Варшава 1883.

Бариновъ. Руководство къ преподаванію по книгѣ для чтенія. Пособіе для утителей и учительницъ при обученіи

родному языку въ народныхъ и приходскихъ школахъ. СПб. 1883. ц. 50 к.

Кратчъ. Къ спряженію глаголовъ. Москва 1883.

Сумскій. Сборникъ упражненій къ правиламъ начальнаго правописанія, которыя могутъ быть объяснены безъ помощи грамматики. Москва 1883. ц. 20 к.

Бѣлоруссовъ. Учебникъ по русской грамматикѣ. Синтаксисъ. Нѣжинъ 1883. ц. 35 к.

Пушкинъ А. С. Сочиненія. Изданіе для школъ, для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Редакція Козьмина. Москва 1884. ц. 60 коп.

Меесъ. Выборъ стихотвореній Гете и Шиллера съ подробными замѣчаніями для употребленія въ VII кл. гимназій. Рига 1883.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1884 году.

Подписка на 1884 г. (6-ой годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, А. В. Барсовъ, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. И. Благовѣщенскій, В. А. Боголюбовъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, И. М. Бѣлорусовъ, ак. Гейтлеръ (въ Загребѣ), ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, А. А. Кочубинскій, Крекъ (въ Градцѣ), Н. В. Крушевскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, Е. И. Модестовъ, И. Д. Муретовъ, О. Ѳ. Миллеръ, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, А. И. Соболевскій, И. С. Соломоновскій, М. Е. Халанскій, К. В. Шейковскій, В. А. Яковлевъ, Х. П. Ящуржинскій и др.

Изъ редакціи можно получать Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 года (изд. подъ ред. Колосова), 1880 г., 1881, 1882 и 1883, съ платою по семи рублей за каждый годъ.

Р. Ф. В. рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Пр. для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр.

Р. Ф. В. разсылается подписчикамъ черезъ Газетную экспедицію; 1-й N. обыкновенно выходитъ въ началѣ апрѣля, 2-й въ іюнѣ, 3-й въ концѣ октября, 4-й въ концѣ декабря. Редакція покорнѣйше проситъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія того или другаго номера, своевременно заявлять объ этомъ, чтобы можно было навести справки въ Почтовой конторѣ касательно недоставленныхъ книгъ.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

Греко-славянскіе этюды.

10.

На мѣстѣ др.-греч. εο въ словахъ, заимствованныхъ изъ греч., мы находимъ иногда *о:* ср.-болг. *Ѳодоръ* (надпись 1230 года; Срезневскій, Св. и Зам. LXXXI, 10), *Іодоръ* (грам. до 1278 г.; ib., 15), ново-болг. и сербск. *Тодор, Тодора* Θεόδωρος, Θεοδώρα, малорусск. *Ходоръ* (въ припискѣ XIV вѣка къ такъ наз. Галицкому Ев. 1143 г., л. 111 об.: *Ходора*; въ галицкихъ грамотахъ: 1371 года: *Ходоръ*, 1400 г.: *Ходоро*), др. русск. *Фофилактъ* (въ Указателѣ еванг. чтеній XIII—XIV в. при такъ наз. Галицк. Еванг. 1143 г., л. 251), *Фоѳанъ* (ib.), соврем. великорусск. *Фофанъ* Θεοφάνης. Это *о* вмѣсто εο явилось на греческой почвѣ: сравни новогреч. Θόδωρος,— и при томъ довольно рано. Въ одной мегарской надписи мы читаемъ: Θόγνητος = Θεόγνητος (Foy, Lautsystem d. griech. Vulgärsprache, 128). По всей вѣроятности, на греческой же почвѣ и также очень рано развилось и то *у* вмѣсто εο, которое мы находимъ въ средне-болг. и др.-русск. *Тудоръ* Θεόδωρος (Срезневскій, Свѣд. и Зам., LXXXI, 17, Лѣтопись по Ипатск. сп., 229) и въ русск. *Юрій, Юргь, Юргій* Γεώργιος; сравни др.-греч. Θουκυδίδης из Θεοκ-, визант. Θουδόσιος и др.

11.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ греческомъ яз. византійской эпохи, какъ и во всякомъ другомъ яз., одни слова оказывали вліяніе на другія. Само собою разумѣется, что словами вліявшими были тѣ, которыя употреблялись часто и были греческаго происхожденія, а словами, подвергшимися вліянію,—слова, вошедшія въ греч. яз. изъ латинскаго, еврейскаго, сирійскаго яз., и тѣ изъ

греческихъ, которыя были мало употребительны. Слѣды этого вліянія однихъ словъ на другія въ греч. памятникахъ замѣтны очень мало, такъ какъ греч. писцы здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, придерживались установившагося правописанія; но они видны въ рукописяхъ славянскихъ, въ которыя слав. переводчики и переписчики внесли слова, взятыя у Грековъ въ томъ видѣ, какъ Греки ихъ произносили. Къ числу ихъ (мы укажемъ лишь на немногія) можно относить: ст.-сербск. *Анѳини*, *Антинъ* Ἀθῆναι; здѣсь *н* возникло на греч. почвѣ благодаря вліянію словъ ἄνθος и производныхъ; сравни ново-греч. македонское Ἀνθῆνα (Foy, Lautsystem d. griech. Vulgärspr., 130); др.-русск. и ст.-сербск. *Андриянъ* Ἁδριανός Hardianus; здѣсь *н* возникло вслѣдствіе вліянія словъ ἀνήρ — ἀνδρός, ἀνδρεῖος и др.; др.-русск. *деместикъ* (между прочимъ въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII вѣка) δομέστικος, domesticus; здѣсь *е* явилось благодаря вліянію словъ въ родѣ δέμας; др.-русск., ср.-болг. и ст.-сербск. *ендиктъ* indictio; здѣсь *е* обязано своимъ происхожденіемъ словамъ съ префиксомъ ἐν-; ст.-серб. Ѥнории Ὁνώριος Honorius; здѣсь *е* явилось изъ словъ въ родѣ ἐνορία; др.-русск. *Перфѵріи*, *Перфурии*, соврем. русск. *Перфилій*, *Перфилъ*, *Перхуръ* (Минея XI в. Типогр. Библ. N 214, л. 3: *Перѳѵрие*) Πορφύρειος; здѣсь *е* явилось изъ словъ, начинающихся съ περ-, περι-; др.-русск. *Селунь* Σαλονίκη; здѣсь *е* возникло подъ вліяніемъ словъ σέλας, σελήνη и др.; др.-русск. *трепарь* (Уставъ Церк. XI—XII в. Типогр. Б. N 285, passim) τροπάριον; здѣсь *е* явилось изъ τρέπω и производныхъ; др.-русск. *Ѳема*, *Фема* (Мстислав. Ев. 1125 г., Добрилово Ев. 1164 г., Праздники XII—XIII в. Тип. Б. N 331 и др.) Θωμᾶς; здѣсь *е* явилось изъ словъ въ родѣ θέμα, θεμέλιον.

Подобно приведеннымъ словамъ, кажется, надобно объяснять и слово *тряпеза* τράπεζα, встрѣчающееся очень часто въ древне-русскихъ рукописяхъ, начиная съ Святославова Изборника 1073 г.: подъ *трѧпезоѭ*, л. 102, *трѧпезу*, лл. 120, 155 об., 185 об. Рядомъ съ нимъ встрѣчается изрѣдка также *трепеза*, *трьпеза*: вкушааху *трепезъ*,

Свят. Изб., л. 168 об., *трьпезу*, л. 114 об., *-зѣ*, л. 182[1]. Позволительно думать, что слово τράπεζα у Грековъ подчинилось вліянію словъ, начинающихся съ τρια- (τριακόσιοι, τριαντάφυλλον и т. п.), и стало произноситься τριάπεζα, т. е. трьяпеза или тряпеза, что затѣмъ изъ этой послѣдней формы развилась форма τρέπεζα (сравни ново-греч. γενάρης, т. е. jenaris, изъ ἰανουάριος, ново-болг. *трендафилъ* τριαντάφυλλον) и что др.-русскія формы обязаны своимъ происхожденіемъ этому двоякому произношенію слова τράπεζα.

12.

Изъ числа словъ, вошедшихъ въ церк.-славянскій, русскій, сербскій, болгарскій яз., нѣкоторыя могутъ быть признаваемы за латинскія. Таковы въ церк.-слав. языкѣ слова: *крыжь* crux (греч. σταυρός), *олтарь* altare (греч. θυσιαστήριον), *цръкы* circus (?), *цѣсарь, цесарь, цьсарь* caesar,*поганъ* paganus, *оцьтъ* acetum, *олѣи* oleum, *костелъ* castellum, *коляда* calendae; таковы же слова старо-сербск. *костань* castanea, соврем. сербск. и ново-болг. *клисура* clausura, *муле* mulus, *пуле* pullus, ново-болг. *цер* (родъ дуба) cerrus, *бакълъ* poculum, *хурка, фурка* furca. Обыкновенно думаютъ, что эти и подобныя имъ слова заимствованы Славянами у потомковъ тѣхъ римскихъ колонистовъ, которые поселились когда-то на Балканскомъ полуостровѣ (Дриновъ, Заселеніе Балк. полуострова Славянами, 140—141). Мы ничего не имѣемъ противъ этого мнѣнія и полагаемъ, что *нѣкоторыя* изъ приведенныхъ словъ дѣйствительно могли войти въ слав. яз. непосредственно изъ латинск.; но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что многія изъ нихъ вошли въ него инымъ путемъ. Оффиціальнымъ языкомъ восточной римской имперіи долгое время, по крайней мѣрѣ до Юстиніана Вел., былъ языкъ латинскій; на

---

[1]) *Трепеза* часто встрѣчается также въ церк.-слав. Зографск. Ев. и Супрасльской рук.; въ Клоцовомъ Глаголитѣ мы читаемъ: *трѣпѣза,=тряпеза?*

томъ же языкѣ, вѣроятно, говорилъ высшій классъ византійскаго общества; въ византійскихъ литературныхъ памятникахъ (особенно юридическихъ) мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ латинскихъ словъ. Многія латинскія слова вошли въ народный греч. языкъ византійской эпохи; нѣкоторыя изъ нихъ сохранили при этомъ латинское произношеніе [1]). Одни изъ этихъ словъ (какъ слово πάγανος paganus, встрѣчающееся у Анны Комниной) съ теченіемъ времени исчезли изъ греч. яз.; другія же остаются въ немъ и до сихъ поръ; таковы ново-греч. *κούρσαρος* cursor, *ταβερνάρις* tabernarius, *καστέλι* castellum, *κάστανον* castanea, *κλισούρα* clausura. Если мы сравнимъ приведенныя ново-греч. слова съ тѣми, которыя считаются вошедшими въ слав. яз. изъ лат., то увидимъ, что есть полное основаніе признавать слова *поганъ, костелъ, костань, клисура* за заимствованныя Славянами у Грековъ. Вслѣдствіе этого представляется возможность допустить, что и другія слова: *оцьтъ, цѣсарь, олтарь, колѧда* и т. п. [2]), перешли къ Славянамъ также чрезъ посредство Грековъ.

А. Соболевскій.

[1]) Латинское произношеніе сохранилось у Грековъ также въ нѣкоторыхъ латинскихъ собственныхъ именахъ; поэтому въ нашихъ древнихъ рукописяхъ лат. Benedictus=греч. Βενέδικτος передается иногда не черезъ *Венедиктъ*, какъ слѣдовало бы ожидать, а черезъ *Бенедиктъ* (наприм., въ Указат. еванг. чт. XIII—XIV в. при Ев. 1143 г., л. 251 об., въ Псалтыри XIV в. М. Синод. Библ. N 325, л. 189 об.).

[2]) Слав. *оцьтъ* можетъ происходить только изъ ácеton (такъ Греки должны были передѣлать лат. acētum), такъ какъ ударяемое греч. *е* въ слав. всегда передается также черезъ *е*. Съ *колѧда* сравни ср.-греч. καλάνδαι.

Р У С К І Я

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

записанныя в Щигровском уѣздѣ, Курской губерніи

М. Халанским.

(Окончаніе).

N 29.

Пи́шить, пи́шить вор — салтан Туре́цкай
Царю́ Бе́ламу письмо:
Пасматри́-ка, ты, царь бе́лай,
У Маскву́ приду́ стая́ть;
Я расста́влю сваю́ си́ла — во́йску
Па всей ка́миннай Масквы́,
А сам ста́ну при бяло́м ца́рскам дварцу́.
Рассу́кин-сын Агличя́нин
Начя́л шу́тачку шути́ть.
Распракля́тай вор — Хранцу́с
Начя́л нас з го́ладу мари́ть.
А мы, бра́тцы, лашади́нку
И вари́ли и пякли́.
А мы со́люшкай сали́ли —
Ис патро́нав парашко́м.
А мы тру́бачку кури́ли;
И распрасти́лись, братцы, с табачко́м.
Мы ня ра́с, ни два „ура“ кричя́ли
В сываcто́пальских гара́х,
Ру́жьи, пу́шки заряжа́ли;
А кар'те́чью зло́й паля́ть...
Ни прашша́йтя, ни пужайтя, пу́шки, я́дры!
Даво́льна нам знако́мых завсягда́;
А кар'те́чи — сла́внай нам гра́т!
Разарёна путь — даро́шка
Из Мажа́я да Масквы́.

И хтó жа иé разарил?
Разари́л няпрія́тяль—вóр-Хранцу́с.
Разарёмшы, усё прайдёмшы,
В сваю́ зéмлю жыть пашóл.
Вашóт'чи ва слáвнай Пари́ш – гóрат,
Пахваля́лиси сваим слáвным Парижóм.
Ни хвали́ся, вор – Хранцус,
Сваи́м слáвным Парижóм!
Пасматри́ нáшу Масквý:
Харашá нáша Масквá
Вь нашай Расéи! Масква
Бялы́м кáмням слатá,
Жалты́м пяскóм сы́пана.

N 30.

Сабирáлися рябя́та
Кы царёву кабакý;
Ани дýмали, гадáли
Пра салдáцкая жытьё;
Кык салдáцкая жытьё—
Луччи в свéтя нет явó:
Салдат пáшиньки ня пáша,
Касы́ в рýки ни бярéть;
В казнý дéнях ни кладéть;
С казны́ дéнях ни бярéть.
Мужуки́, вы, мужуки́;
Мираéды, дураки́!
Вы приди́тя к нáм,
Пажыви́тя у нáс.
У нас — гóлат, у нас — хóлат,
У нас - хлéба нидарóт.
При́дя празник—васкрисéнья,
Нам хóчитца пагуля́ть;
Ахвицéры ни вяля́ть.
При́дя тёмная ноч,
Пайдéм гуля́ть ва всю ноч,
Рáна, рáна, паутрý
Нясýть рóзги ва пукý.
Ни вяля́ть нам аправдáтца,
Вяля́ть скóра раздявáтца.
Рубáшички далóй с плеч,—
Начинáють бóльна сеч.
Хатя́ спи́нушка наби́та,—
Дык судáрушка нажы́та;
Хатя́ спи́нушка бали́ть,—
Судáрушка гавари́ть —
Вичяркóм хади́ть вяли́ть.

N 31.

Наш бáтюшка, бéлай царь,
Микалай наш гасудáрь
Па сваей ар'мéюшки пахáжывая,
Ва сваи́х рабя́тушках успрáшывая:
Харашó ли вам, рабя́та,

На стражéницу стаять?
Мы стаяли на прíступя,
Мы на прáвай на крылé,
На камышавай травé.
Камыш—гóрькя травá
Мнóга гóря принясла,
Мнóга слёс пралилá.
Мы даждёмси крáснай вёсны,
Мы в Рассéю жыть пайдéм,
Никрутóчкав набирéм,
Никрутóчкав малатцóв,
Ат мáтушак ат атцóв,
Ат жóн сваих маладых,
Ат дéтушак ат малых.

N 32.

Удáрили в кóлкал ва привныван;
Уся камяннá Масква запривныла;
Усе лáвашнички в лáвках слязнó плáчють,
Цалавáльнички в кантóрах вазрыдáють.
Нясýть, нясýть грабнúцу залатýя;
Пирядú идýть грабнúцы архирéи,
Па правóй рукú грабнúцы—янарáлы,
Па лявóй руки грабнúцы—барабáны;
Пазадú úдя грабнúцы мал унýчик;
Он и кнúгу-та читáя, слéзна плáчя:
Ой, свет жа наш бáтюшка,
Царь Анпирáтор!
На кавó ш ты нáша цáрства пакидáиш?
На кавó ты сваю чéрню вручаиш?
Я мал унýчик—нивялúчяк;
Ни магý я тлавó цáрства судяржáть.
Атымуть тваё цáрства янарáлы,
Бальшыя Питянбýрскаи синатóры.

Записана в с. Кр. Полянѣ со слов Матрены Өедоровны Огневой, 77-ми лѣтней старухи.

N 33.

Хранцу́с в Маскве пабува́л,
До́лгая вре́мя прастая́л;
Янаралав всех спазнал;
Аднаво́ то́лькя ни узна́л —
Плато́ва казака́.
У Плато́ва казака́
Расчёсаны валаса́,
Разгла́жана барада́.
Плато́ва казака́—
За купца́ яво счита́л—
К сабе в го́сти зазыва́л,
За убра́най стол сажа́л,
Рюмку во́тки налива́л,
На падно́сах паднаси́л,
Яво ми́ласти праси́л.
„Купе́ц, купе́ц,
„Ты варо́нишскай купе́ц!
„Ско́лькя хош, казны́ бяри́,
„Ды Плато́ва мне вкажы́.
Хранцу́ская дачяри́на
С купцо́м ре́чи гавари́ла
„Купец, ты купе́ц,
„Ты варо́нишскай купе́ц!
„Пакажы́ свой патре́т.
Купе́ц патре́т паказа́л,
Из го́ринки вон бяжа́л.
—Уш, вы, слу́ги—падру́ги,
—Данскія казаки́!
—Пада́йтя мне каня́,
—Каня́ во́ранава.
На во́рана каня́ сади́лси,
В стримяна́ но́шки вклада́л,
Ясным со́калам лята́л,
Пад ако́шка падьяжжал,
Хранцу́за на́ смях падыма́л.
—Хранцу́с, ты, Хранцу́с,
—Ты залётная сава́!
—Ни узна́ла сакала́
—Ва сваи́х ясны́х ачя́х.
„Кы́ба я яво узна́л,
„Я п яво жыво́ва абадра́л.

Записана в с. Кр. Полянѣ со слов 77-ми лѣтней старухи, Матрены Ѳедор. Огневой.

N 34.

Уш вы го́ры, маи го́ры, го́ры Варабьёвскаи!
Што ш вы, го́ры, спаради́ли?
Адин бел — гарюч ка́мянь спаради́ли;
Ис-пат ка́мушка тикёть ре́чка бы́страя,
Зли е́тай зли ре́чки стаи́ть куст раки́тавай.
На е́там на ку́стику сиде́л млат—сизай арёл,
У кахтя́х дяржа́л чёрна во́рана.
Он ня шшы́пя яво́, ни дяре́ть яво́,
Ни дяре́ть яво́, всё распра́шывая:
Где ты, во́ран, был, где ты, чёрнай, лята́л?
Я был и лята́л я ва тех ва стяпя́х,
Ва тех ва стяпя́х ва Сара́тавских,
И видял я во́ран: ляжы́ть те́ла,
Ляжы́ть те́ла, те́ла бе́лая,

Нихто́ к тѐлу нипристу́питца.
Приступи́ли к тѐлу три ла́стушки:
Пе́рвая ла́стушка—ро́дная ма́тушка,
А другая ластушка—радна́я сястра́,
А третья ла́стушка—малада́я жана́.
Иде мать пла́чя, там ряка́ прашла́,
Где сястра́ пла́чя, там кало́дязи стаять,
Где жана́ пла́чя, там раса стаи́ть;
Када солнушка взайде́ть, раса на́-зям упаде́ть.

Запис. от г. кр. с. Горностаевки Марѳы—ок. 45 л.

N 35.

Ми́ма ле́су ми́ма тёмнава,
Мима са́дика зялёнава
Пралягáла там даро́жунькя
Шырака́, тарна́, прабо́йная.
Па тэй ли па даро́ги
Там и е́хал маладо́й маёр,
Маладо́й маёр сы палко́вничкам;
Пазади́ иду́ть три няво́льничка,
Три няво́льничка няво́льнаи.
Ани и́дуть, выхваля́ютца,
Выхваля́ють чюжу́я сто́рану:
На чюжо́й, да́льняй старо́нушки
Зямчюго́м по́ля усе́ина,
А сыто́ю по́ля вли́вна,
А тавто́ю по́ля вкры́вна.
Услы́шал маладо́й маёр,
Маладо́й маёр сы палко́вничкам.
Ня хвалитися няво́льнички!
Ни хвали́тя чюжу́ сто́рану!
На чюжо́й, дальняй старо́нушки
Галава́ми по́ля усе́ина,
А рудо́ю по́ля вли́вна,
Тялясáми по́ля вкры́вна [1]).

---

[1]) Вливӑна, вкрывӑна? *Сыть*, Потебни Сл. о П. Иг. 56 слѣд., *жемчуг*—слезы, ib. 87 сл., слѣдовательно, в похвалѣ невольников есть иронія. Пѣсня невольницкая, по видимому старинная. *Маёр*, *полковник* — подновленія, м. б. под вліяніем мысли о рекрутской неволѣ. *А. П.*

N 36.

Два по́ля чи́стаи, тре́тья сарава́тая:
Палын, пиркати́—по́ля.
У на́шай у ма́тушки две до́чири счя́сливы,
А тре́тья бисчя́сная.
Пе́рваю доч аддала́ в Маскву,
В Маскву за ба́рина;
Другу́я доч аддала́ у го́рат,
У го́рат за ма́стяра;
Тре́тью доч аддала́ в пало́н,
В пало́н за тата́рина.—
Пе́рвая доч пріе́хала.
Ня плач па мне, ма́тушка,
Ни тужы, гасуда́рыня:
У маяво́ мужа бе́лава
Сидять усё ма́стяры;
Ани шьють пла́тья шо́лкавая
На маё те́ла бе́лая.
Друга́я доч пріе́хала:
Ня плач па мне, ма́тушка,
Ни тужы́, гасуда́рыня:
Мы сиди́м с му́жам ла́вкаю
Мы ла́вкаю кра́снаю.
Тре́тья доч пріе́хала.
Паплач па мне, ма́тушка,
Патужы́, гасуда́рыня!
У маяво́ му́жа мла́дава
Агни ни угаси́маи,
Вайна́ ни утали́мая.

N 37.

За Куба́нью за ряко́ю
Там каза́чинькя гуля́л,
Кавыл тра́вушку ирва́л,
Уваго́нушик мята́л,
Сваи ра́ны пир'вива́л,
Ко́ника атправля́л:
Конь, ты, мой конь,
Конь варо́нинькяй!
Ты бяжы жа, конь,
Па даро́шки удо́ль;
Связи жа, конь,
Атцу́, ма́тяри письмо́,
Маладо́й жане
Ты скажы, конь, славе́сна,

Што жани́ла малатца́
Чужа—да́льня старана́,
Што няве́ста яво́—
Са́бля во́страя.

Ср. прим. к пѣснѣ *конь* и *сокол.* Р. Филол. Вѣстн., и Ант. и Драг. Ист. п. I 142. *А. П.*

N 38.

Разбисчя́сная дявчёначка
На све́тя раждяна́.
Адда́ли дявчёначку за́муш
За во́ра, за разбо́йничка:
Ана пла́чя, гало́ся, убива́итца,
Гарючёй слязо́й залива́итца.
Сы ве́чира вор кудри че́ша,
Сы палу́начи на разбо́й е́дя,
Кы бялу́ све́ту дамой пріяжжа́я,
Стучи́ть, грями́ть у варо́т:
Атваря́й, жана́, варо́ты,
Што п варо́ты ни скрипе́ли,
Што п саба́ки ни гаме́ли
И сусе́ди ня слыха́ли.
Дяржы́, жана́, пада́рак!
Ты брать—та бяри́,
Ды ни развёртывай гляди́.
Ни стирпе́ла, развярну́ла,
Развярну́ла, пасматре́ла.
Ох, вор, ты, разбойник, муш!
Ты снял галаву́
Бра́ту ро́днаму маму́!
Я яму кричя́л, бе́лай ру́чкаю маха́л
Салавьи́ным сви́стам свиста́л:
Бра́тяц радимай! ски́ньси зайчикам,
Ски́ньси зайчикам, ляш пад ме́чикам.
Я на пе́рвай встре́чи атцу́, ма́тяри ня здам,
На друго́й жа встре́чи—хуч чюжо́й праяжжа́й.

Ср. Ант. и Драгом. Ист. П. Мр. нар. I, 58—69. *А. П.*

N 39.

Бравью закива́ю
Ачми́ замарга́ю,
На ми́лава гле́дя,
Што харош, пригош

Мой ми́линькяй,
Харош завради́лси:
Ку́дри завиты́я,
Шшочки румяны́я.
Што заве́ть ми́линькяй
Ва чи́стая по́ля;
Ва чи́стам по́лю
Мали́навая ро́шша,
Ва той ро́шшы, ва малинавай,
Ва все зво́ны зво́нють,
Пра нас с табой любе́зная
Так пло́ха люди гаво́рють [1]).
Пушша́й су́дють, пушша́й ря́дють,
А мы нажыве́мси, честью разай-
демси.
Во́тычки напье́мси, людям насмі-
е́мси.

N 40.

Па саве́ту жана́ му́жа зазвала́:
„Пайде́м, муш, у сат
Сла́тких я́блак ирва́ть“.
Паве́шу мужа я на я́бланку,
На я́бланку на садо́ваю,
На гру́шыцу на зялёнаю.
Приду́ кы дވару́, ся́ду на палу́,
Ся́ду на палу́, я паду́маю:
Ху́да, ху́да жыть за худы́м му́жам,
Ху́жа таво́ не́т—му́жа до́ма нет.
Пайду́ млада́ у сат
Му́жа дамо́й звать.
Мой муш, он ня͡слу́хая,
Ня ле́зя дало́й и не́йдя дамо́й.
Сла́тких я́блак ни͡наку́шалси,
Салавьёвых пе́сян ни͡наслу́шалси.

N 41.

Ва го́радя, ва Бе́л-гра́дя [2])
случи́лась бяда́:
Малада́я мана́шичка
дитя́ радила́;
На тре́тяй день мана́шичка
на Дупай атнясла́.

---

[1]) *Звоны* см. Потебни Сл. о П. Иг. 52—3.
[2]) Въ Бѣлгородѣ—многолюдный женскій монастырь.
А. П.

Там е́здили рибало́внички,
ры́бу лави́ли;
Ды паймали ш ани, рыбало́внички,
шшу́ку ды мине́ [1]),
А пасле́й таво́—ма́лава дитя́.
Усе́х мана́шичак—к дапро́су на дво́р.
Усе́ иду́ть, па твято́чку нясу́ть,
У ва все́х твято́чки твяту́ть
в аднэй ни твитёть.
Пазади́ идёть ро́дная ма́тушка
гарючёй слязо́й льёть.
Дитё ш маё, дитё ми́лая,
причи́на твая́!

N 42.

Сало́вьюшка ня‿бла́х, ня‿ве́сял
Ды паве́сял гало́ву́шку, се́мя ни‿клюе́ть.
Клява́л ба я се́мичка, ды у мине́ во́люшки нет;
Вас'пе́л ба я пе́синку, ды у мине́ го́ласу нет

—

Жыл-был у Расе́юшки пе́рвай бага́тырь [2]).
Все дружъя́ [3]) — прія́тяли ня приду́ть ка мне́,
Де́тачки—малю́тачки ня пла́чють оба мне́,
Гро́мкаи жале́зушки на но́жунькях звянять,
Шалако́вая тра́вушка но́жуньки пляте́ть,
Маей гало́вушки хо́ду ни дае́ть;
Зялёная ве́тачка се́рца висяли́ть,
Залата́я кле́тачка памира́ть вяли́ть.

N 43.

Ни ку́лик, ку́лик в по́ля кулика́я,
Княсь Гали́цын в по́ля разьяжжая.
Ня зная княс — Гали́цын, каё яму прае́хать:
Ехать по́лям — пы́льна, ле́сам—во́чяпь сты́дна.
Падьяжжа́я княсь Гали́цын к це́ркви кы сабо́ру,
Ня сыма́я княсь Галицын ша́пачку сабо́лью;

---

[1]) ды *миня*, т. е. *миня* рыбу, или *линя*.
[2]) въ мр. смыслѣ: богач.
[3]) ср. ст. русс. княжья. Пѣсня острожная.

Богу пamaли́лси, царю́ пакланѝлси.
Здраствуй, царь – надёжа! ты нас абнадёжыл;
Ни дари ш ты палками, дарѝ гарада́ми.
Славнай горат Ярaславнай, усе́м го́рат справнай!

N 44.

Кали́нка твяте́ть.
Кык гром грями́ть,
Кароль с а́рміяй вали́ть.
Кык наш Анпира́тар—царь
Он у трубы затрубил, (2)
Усю а́рмію збуди́л.
Ох, вы, дети, дети,
Вы дети маи!
Паслужытя вы мне
Ве́рай, пра́вдаю усе́й;
Све́йтя мне вянец
Ис сваих ряти́вых серц.
Анпиратар, наш атец!
Мы савье́м табе вяне́ц
Ис сваи́х ряти́вых серц,
На гало́вушку узло́жым,
Сами в а́рмію пайде́м
Сы Хранцу́зам ваива́ть.
Мы би́лися, драли́сь
Да двянатцати чясов;
А у первам чясу́
Ста́ли де́ла разбирать,—
Ста́ли а́рмію шшыта́ть,
Стали те́ла прибира́ть.—
Аглянулися наза́т—
Там ани, кык капу́снаи листья ляжа́ть;
То́лькя языки́ гаваря́ть.

N 45.

Пи́ша, пи́ша вор—Салта́н Туре́цкай
Царю́ бе́ламу письмо́:
Скро́сть Расе́юшку прайде́м,
У пало́н грахва Паске́ява вазьме́м.
Грахв Паске́яв разгава́ривал:
Ня бо́йтися, рябя́тушки,
Маи́ хва́браи салда́тушки!
Мы сайде́мси с няпрія́тилям
У нисчя́снай день у се́риду.
Злы́я Ту́рки напива́лися,
Ва хме́люшки павалялися.

КУРСЪ ГРАММАТИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА,

В. Богородицкаго.

Глава I.

Обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ и, въ частности, славянскихъ; языкъ церковно-славянскій.

§ 1. Сравнивая отдѣльные аріо-европейскіе языки [1]), мы находимъ между ними сходство, объясняемое ихъ происхожденіемъ отъ одного общаго (предполагаемаго) аріо-европейскаго праязыка.

Въ Азіи аріо-европейскіе языки представляютъ двѣ большія семьи: *индійскую* и *иранскую*.

Древнѣйшій представитель *индійской* семьи — языкъ *ведаическій,* языкъ древнихъ религіозныхъ гимновъ Индусовъ. Эти гимны, сборники которыхъ носятъ названіе ведъ, заключаютъ въ себѣ молитвенныя обращенія къ разнымъ божествамъ — къ Огню, Зарѣ и др. Чисто народный языкъ, легшій въ основу древнихъ гимновъ, въ теченіи времени измѣнялся подобно тому, какъ, напр., народный латинскій языкъ измѣнился въ говоры итальянскіе и другіе романскіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ древній языкъ гимновъ, правда — съ нѣкоторыми перемѣнами, старались удержать для высшаго обращенія и для письменности, для цѣлей религіозныхъ и научныхъ. Такимъ образомъ изъ ведаическаго языка образовался языкъ литературный, хотя во многомъ и отличающійся отъ ведаическаго, но въ цѣломъ ос-

---

[1]) Они называются также индо-герм., индо-европейскими.

тавшійся на древней стадіи развитія; онъ не былъ никогда народнымъ языкомъ, въ противоположность языку ведаическому, и даже до нашихъ дней безъ существенныхъ перемѣнъ употребляется индійскими учеными, какъ литературный языкъ (аналогично тому, какъ въ Европѣ употребляется языкъ латинскій). Этотъ языкъ называется *санскритомъ* (т. е. языкомъ совершеннымъ—священнымъ, высшимъ) [1]), въ противоположность народнымъ говорамъ, которые въ болѣе древнемъ состояніи называются *пракритомъ* (т. е. языкомъ природнымъ). Изъ этихъ болѣе древнихъ народныхъ говоровъ развились многочисленные современные индійскіе нарѣчія и говоры, внуки языка ведаическаго, къ которымъ принадлежатъ между прочимъ *цыганскіе* говоры. Цыгане, отпрыскъ индійскаго племени, странствуя по разнымъ странамъ, приняли множество словъ изъ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось соприкасаться.

Нерѣдко случается слышать мнѣніе, что санскритъ есть родоначальникъ языковъ аріо-европейскихъ, но это несправедливо: санскритъ — такой же производный изъ предполагаемаго прааріо-европейскаго языка, какъ и другіе языки аріоевропейскіе, хотя впрочемъ отъ него мы имѣемъ самые древніе письменные памятники. Далѣе, нерѣдко злоупотребляютъ сравненіемъ того или другаго языка съ санскритомъ; но нужно помнить, что для того, чтобы сравнивать языки, необходимо по возможности глубже изучить сравниваемые языки.

§ 2. Къ *иранской* вѣтви принадлежатъ два древнихъ языка: *древне-персидскій* и *древне-бактрійскій* или *зендъ*; изъ нихъ древне-персидскій — западный, а древне-бактрійскій — восточный. Древне-персидскій языкъ — это языкъ

---

[1]) Санскритомъ называютъ также и языкъ ведаическій, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ различать *санскритъ ведаическій* и *санскритъ классическій*.

клинообразныхъ надписей царей изъ династіи Ахеменидовъ (къ которой принадлежали Дарій, Ксерксъ и Артаксерксъ), древне-бактрійскій — языкъ священной Зендавесты, приписываемой Зороастру. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ *ново-персидскій* языкъ съ разными нарѣчіями и говорами.

Къ вѣтви иранской нѣкоторые относятъ и языкъ *армянскій,* но онъ настолько отличается отъ языковъ этой вѣтви, что не можетъ считаться принадлежащимъ къ ней [1]).

§ 3. Перехожу къ аріо-европейскимъ языкамъ въ Европѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ семью *греческую.* Главнѣйшіе діалекты древне-греческаго языка: *дорическій, эолическій, іоническій* и *аттическій,* изъ которыхъ послѣдній легъ въ основу общаго литературнаго языка — „κοινὴ διάλεκτος“. Въ настоящее время существуютъ разнообразные *ново-греческіе* говоры. Нѣкоторые причисляютъ къ греческой семьѣ *албанскіе* говоры; но послѣдніе настолько отличаются отъ языка греческаго, что могутъ составить особую группу.

§ 4. Затѣмъ слѣдуетъ семья *италійская* или *романская.* Сюда принадлежитъ *древне-латинскій* языкъ съ его народными говорами, языкъ *умбрскій* и *оскійскій.* Латинскій языкъ продолжалъ существовать, какъ литературный, въ средніе вѣка, подвергаясь измѣненіямъ подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ. Этотъ *средневѣковой латинскій* языкъ существовалъ до эпохи Возрожденія, когда возстановленъ былъ древне-латинскій языкъ.

Народные латинскіе говоры, измѣняясь въ теченіи

---

[1]) О положеніи армянскаго языка въ кругу индо-германскихъ языковъ см. de Saussure Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes (1879) стр. 96—97.

времени, дали начало такъ называемымъ *романскимъ* языкамъ, къ которымъ принадлежатъ слѣдующія группы языковъ:

1) группа *итальянская*. Къ этой группѣ принадлежатъ многочисленные говоры Италіи, а литературнымъ языкомъ является языкъ итальянскій. Послѣдній весьма близокъ къ древне-латинскому и въ то же время сильно отличается отъ живыхъ говоровъ. Причины тому слѣдующія. Въ основаніе итальянскаго литературнаго языка легъ діалектъ Тосканы, какъ наиболѣе близкій къ языку латинскому, который въ то время былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ ученымъ и литераторамъ. Дантъ и другіе писатели, избравъ для литературныхъ цѣлей діалектъ тосканскій, въ то же время не вполнѣ примѣнили его, а устранили нѣкоторыя характерныя особенности, чтобы еще болѣе сблизить его съ языкомъ латинскимъ, и этотъ итальянскій литературный языкъ весьма мало измѣнился до настоящаго времени.

2) *ладинскіе* говоры.

3) языкъ *провансальскій*, на которомъ въ средніе вѣка развилась превосходная поэзія трубадуровъ.

4) говоры *французскіе* съ литературнымъ языкомъ французскимъ, который принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ въ мірѣ языкамъ; кромѣ Франціи онъ, между прочимъ, оффиціально принятъ литературнымъ языкомъ въ Бельгіи и дипломатическимъ — во всей Европѣ.

5) группа *испанская*, не столько распространенная въ Европѣ, сколько въ Америкѣ (вообще нѣкоторые Европейскіе языки, благодаря колонизаціи, распространились за предѣлы Европы).

6) группа *португальская* и, наконецъ,

7) группа *румынская*.

§ 5. Далѣе слѣдуетъ семья *кельтская*. Въ древнее время языкъ кельтскій былъ болѣе распространенъ, чѣмъ въ настоящее. Теперь на немъ говорятъ во Франціи —

въ Бретани, въ Англіи — въ Валисѣ, въ незначительной части Шотландіи и въ Ирландіи. Кельты, будучи перемѣшаны или съ Французами, или съ Англичанами, знаютъ ихъ языкъ, а многіе потомки прежнихъ Кельтовъ уже не говорятъ по-кельтски.

§ 6. Семья *германская*. Главныя ея вѣтви:

1) вѣтвь *готская*. Племена, которыя говорили готскимъ языкомъ, смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія и утратили при этомъ свой языкъ; такимъ образомъ готскій языкъ вымеръ, сохранившись впрочемъ въ письменныхъ памятникахъ. Главный памятникъ—переводъ Св. Писанія, сдѣланный готскимъ епископомъ Ульфилой (правильнѣе Вульфилой, уменьшительное отъ готскаго vulfs „волкъ“) въ IV-мъ вѣкѣ и дошедшій до насъ въ отрывкахъ. Ульфила составилъ для этого азбуку изъ 26 буквъ, прибавивъ къ 16 рунамъ готскаго алфавита знаки, которыхъ не доставало. Готскій языкъ въ ряду другихъ германскихъ языковъ важенъ потому, что представляетъ самые древніе литературные памятники, такъ что его въ этомъ отношеніи можно сравнить съ санскритомъ въ ряду другихъ аріо-европейскихъ языковъ. Долго думали, что готскій языкъ—родоначальникъ всѣхъ германскихъ языковъ, но онъ скорѣе можетъ быть названъ ихъ братомъ, представляющимъ, правда, наиболѣе древніе письменные памятники сравнительно съ другими языками германской семьи.

2) вѣтвь *нордійская* (т. е. сѣверная) или *скандинавская*. На древне-нордійскомъ языкѣ написаны прекрасные памятники древне-нордійской литературы: двѣ Эдды, представляющія собраніе древнихъ миѳологическихъ разсказовъ. „Старшая“ Эдда — въ стихахъ, „Младшая“, болѣе поздняя,—въ прозѣ и служитъ какъ бы пополненіемъ первой. Что касается до современныхъ скандинавскихъ языковъ, то ихъ четыре: *исландскій*, *датскій*, *норвежскій* и *шведскій*.

3) вѣтвь *нѣмецкая*. Она представляетъ двѣ группы говоровъ: группа *верхне-нѣмецкая* и *нижне-нѣмецкая*; названія эти — географическія: верхне-нѣмецкіе говоры употребляются въ болѣе возвышенной части Германіи, въ южной, а нижне-нѣмецкіе—въ болѣе низменной, сѣверной. Языкъ *верхне-нѣмецкій* представляетъ три періода: древній, средній и новый. *Древне-верхне-нѣмецкій* языкъ отъ VII-го до XII вѣка. Въ письменныхъ памятникахъ этого періода всегда проявляется діалектъ писавшаго; нѣтъ общаго литературнаго языка, который употреблялся бы всѣми пишущими, къ какимъ бы діалектамъ ни принадлежали они. Болѣе общій языкъ развился въ періодъ *средне-верхне-нѣмецкій*, благодаря тому, что получилъ перевѣсъ надъ другими говорами языкъ двора, *швабскій*, сдѣлавшись языкомъ высшаго обращенія; образовался такимъ образомъ *придворный* языкъ, употреблявшійся даже тѣми, для которыхъ онъ не былъ роднымъ говоромъ. Въ этотъ періодъ литература изъ рукъ духовныхъ, которые обладали ею въ періодъ древне-верхне-нѣмецкій, перешла въ руки благородныхъ; такимъ образомъ языкъ придворный сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ литературнымъ. На немъ написаны прекрасныя произведенія XIII-го вѣка, произведенія знаменитыхъ поэтовъ миннезингеровъ. Наконецъ, *ново-верхне-нѣмецкій* языкъ начался со времени Лютера. Лютеръ говоритъ, что онъ не воспользовался какимъ-либо народнымъ говоромъ Германіи, но — языкомъ саксонской канцеляріи, которому слѣдовали всѣ князья и короли въ Германіи. По причинѣ этого общаго употребленія, говоритъ Лютеръ, общій нѣмецкій языкъ доступенъ пониманію верхнихъ и нижнихъ Нѣмцевъ [1]). Рядомъ съ этимъ письменнымъ язы-

---

[1]) Schleicher August, Die Deutsche Sprache (1874)[3] стр. 108. Въ этомъ сочиненіи въ главѣ III-ей Введенія (стр. 72—87) авторъ знакомитъ съ индо-германской семьей языковъ; гл. IV (стр. 87—95) представляетъ очеркъ нѣмецкаго, а гл. V (стр. 96—119) — верхне-нѣмецкаго языка.

Здѣсь я пользуюсь случаемъ, чтобы указать другіе тру-

комъ продолжаютъ жить народные говоры, потомки болѣе древнихъ народныхъ говоровъ. Что касается группы *нижне-нѣмецкой*, къ ней, кромѣ говоровъ низменной Германіи, принадлежитъ языкъ *англійскій* и *голландскій*.

§ 7. Затѣмъ слѣдуетъ семья *литовская*. Это одна изъ самыхъ малочисленныхъ семей (самая малочисленная — семья албанская, далѣе — литовская, затѣмъ — кельтская). Литовская семья подраздѣляется на двѣ группы: 1) группа *литовская въ тѣсномъ смыслѣ* и 2) группа *латышская*.

Къ группѣ литовской въ тѣсномъ смыслѣ принадлежалъ языкъ *древне-прусскій*. Древніе Пруссы были частью истреблены, частью ассимилированы нѣмецкими крестоносцами и такимъ образомъ языкъ древнихъ Пруссовъ вышелъ изъ живаго употребленія, сохранившись только въ скудныхъ памятникахъ отъ XVI-го вѣка. Побѣдители древнихъ Пруссовъ усвоили себѣ ихъ названіе, какъ географическое названіе страны, въ которой жили древніе Пруссы—Литовцы.

Въ настоящее время *Литовцы* живутъ въ восточной Пруссіи, преимущественно же въ Россіи и Царствѣ Польскомъ (въ губерніяхъ Ковенской, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскіе говоры распадаются на нѣсколько

ды, въ которыхъ находится обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ:

Овелакъ Абель, Лингвистика. Переводъ со втораго французскаго изданія (1881). Трудъ этотъ представляетъ лингвистико-этнографическіе очерки не только аріо-европейскихъ языковъ, но и другихъ извѣстныхъ—африканскихъ, австралійскихъ, американскихъ и проч.

Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ (1882). Въ этой статьѣ на стр. 19—53 авторъ знакомитъ съ отдѣльными семьями аріо-европейскихъ языковъ, при чемъ болѣе подробно говоритъ объ языкахъ славянскихъ.

группъ. Строй литовскаго языка отличается древностью. Въ этомъ отношеніи литовск. яз. едва ли многимъ уступаетъ санскриту, но имѣетъ то преимущество передъ послѣднимъ, что санскритъ—языкъ не живой, а литовскій—живой, такъ что его можно наблюдать до мельчайшихъ тонкостей.

Латышская группа простирается къ сѣверу отъ литовской и занимаетъ губерніи Курляндскую, половину Лифляндской и незначительную часть Витебской.

§ 8. Семья *славянская*. Она представляетъ слѣдующія вѣтви:

1) вѣтвь *русская*. Ея подраздѣленія: говоры *великорускіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* и *южные* (*окающіе* и *акающіе*); южно-великорусскіе говоры дѣлятъ на *собственно южно-великорусскіе* и *бѣлорусскіе*, западные по отношенію къ первымъ [1]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что изученіе говоровъ русскаго языка пока весьма недостаточно, и только въ будущемъ можетъ быть сдѣлана болѣе точная ихъ классификація съ обозначеніемъ географическихъ границъ. Что касается *русскаго литературнаго* языка, то въ основѣ его лежатъ говоры великорусскіе, изъ которыхъ московскіе болѣе другихъ участвовали въ образованіи его. Вообще, въ исторіи языка то нарѣчіе выступаетъ передъ прочими, которое принадлежитъ средоточію государственной власти [2]).

2) Къ слѣдующей вѣтви принадлежатъ говоры *полабскіе*, *лужицкіе*, *кашубскіе* и *польскіе*, все болѣе и болѣе ассимилируемые нѣмецкимъ племенемъ.

Полабы уже совершенно онѣмечены; въ настоящее время нѣтъ ни одного Полаба, который бы говорилъ на

---

[1]) Потебня А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 53.

[2]) Я рекомендовалъ бы читателю для прочтенія Введеніе въ Исторической грамматикѣ русскаго языка Буслаева.

своемъ языкѣ (послѣдній, говорившій по-полабски, умеръ въ прошломъ столѣтіи).

Говоры *лужицкіе* раздѣляются на *верхне-лужицкіе* и *нижне-лужицкіе.* Верхніе Лужичане живутъ преимущественоо въ Саксоніи, нижніе — преимущественно въ Бранденбургѣ.

Говоры *кашубскіе*—около Данцига.

Поляки живутъ въ Россіи (въ Польшѣ и, перемѣшанные съ Бѣлоруссами, Малоруссами и Великоруссами,— въ западныхъ губерніяхъ Россіи), въ Австріи (въ австрійской Силезіи и Галиціи) и Пруссіи.

3) вѣтвь *чешско-словацкая* распадается на группы *чешско-моравскую* и *словацкую* или *угро-словенскую.* Чехо-Моравы населяютъ славянскую часть Чехіи, Моравіи и ту часть австрійской Силезіи, которая не занята Поляками, т. е.—юго-западную. Говоры словацкіе (угро-словенскіе) занимаютъ сѣверо-западный уголъ Венгріи или Угріи.

4) Четвертую вѣтвь составляютъ говоры *сербо-хорватскіе, словинскіе* и *резьянскіе.*

Сербо-Хорваты занимаютъ Сербію, Боснію, Герцеговину, Черногорію, часть южной Венгріи, часть Кроаціи, не занятую Словинцами, южную часть Истріи, а также живутъ на островахъ Адріатическаго моря. Говоры сербо-хорватскіе дѣлятся на *чакавскіе* (западные) и *штокавскіе* (восточные). Названія эти заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что). Но на эти названія слѣдуетъ смотрѣть только какъ на условные термины, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ, гораздо болѣе важныхъ.

Населеніе, которое говоритъ *словинскими* говорами, занимаетъ Крайну, южную часть Штиріи и Каринтіи, сѣверную часть Истріи, а также Кроацію. Словинскіе говоры представляютъ множество діалектическихъ оттѣнковъ.

Резьянскими говорами (въ провинціи Удине Итальянскаго королевства) говорятъ только $3^1/_2$ тысячи; но они настолько отличаются отъ другихъ говоровъ той же вѣтви, что могутъ составить особую группу.

5) Послѣдняя славянская вѣтвь—*болгарская.* Болгарское племя населяетъ всю славянскую часть Балканскаго полуострова, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла, занятаго Сербо-Хорватами. Болгарское племя простирается на сѣверъ до Дуная и граничитъ съ Румынами, на западъ—до Албаніи, на югѣ отдѣляется отъ Архипелага и Мраморнаго моря только береговой полосой, гдѣ говорятъ по-гречески, или по-турецки, на востокъ доходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Чернаго моря [1]).

§ 9. Теперь я скажу нѣсколько словъ о языкѣ *церковно-славянскомъ.* Въ памятникахъ *древняго церковно-славянскаго* или *старо-славянскаго* языка отражается относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Является вопросъ: у какого славянскаго племени этотъ языкъ былъ живымъ говоромъ? По этому вопросу было высказано нѣсколько мнѣній, изъ которыхъ выдаются два: по первому — старо-славянскій языкъ принадлежалъ къ болгарской вѣтви, по второму—онъ былъ языкомъ паннонскихъ Славянъ, которые исчезли вслѣдствіе того, что ассимилировались съ окружавшими ихъ неславянскими племенами. Старо-славянскій языкъ, употребляясь въ качествѣ церковно-литературнаго языка у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, сталъ приноравливаться въ живой рѣчи этихъ славянскихъ племенъ и потому получилъ разные оттѣнки. Древнѣйшимъ памятникомъ старо-славянскаго языка съ русскимъ вліяніемъ является Остромирово Евангеліе (1056—1057 года). *Новый церковно-славянскій языкъ* развился при сильномъ вліяніи языка русскаго, и прежде всего малорусскаго, такъ какъ центромъ духовнаго просвѣщенія на Руси былъ первоначально Кіевъ. Въ свою очередь и на русскомъ языкѣ сказалось вліяніе церковно-славянскаго.

---

[1]) Подробное описаніе этнографическихъ границъ славянскихъ нарѣчій читатель найдетъ въ слѣдующемъ трудѣ: Петровскій Матеріалы для славянской діалектологіи (Уч. Зап. Казанскаго Унив. 1866 т. II 388—480; 1867 т. III 154—191).

Глава II.

Краткая физіологія звуковъ русскаго языка въ связи съ нѣкоторыми фонетическими явленіями [1]).

§ 10. Произношеніе можно изслѣдовать съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической*, *акустической*, со стороны *слуховыхъ ощущеній* и *ощущеній мускульно-осязательныхъ* при произношеніи.

Физіологію звуковъ русскаго языка я изложу преимущественно съ точки зрѣнія анатомо-физіологической.

Предварительно сдѣлаю краткое анатомическое обозрѣніе человѣческаго органа рѣчи.

Человѣческій органъ рѣчи можетъ быть раздѣленъ на три части:

а) Дыхательный аппаратъ.

б) Гортань.

в) Полости, лежащія надъ гортанью—полость глотки, полость рта и полость носа.

Мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ легкими, которыя весьма удачно сравниваютъ съ мѣхами. *Вдыханіе* (inspiratio) воздуха происходитъ слѣдующимъ образомъ. Грудная полость расширяется во всѣхъ направленіяхъ. Увеличеніе ея книзу есть слѣдствіе сокращенія грудобрюшной преграды — сводообразнаго мускула, который помѣщенъ между грудною и брюшною полостями. Кромѣ того, дѣйствіемъ нѣкоторой группы мышцъ поднимаются ребра и такимъ образомъ производится увеличеніе грудной полости сзади напередъ, а также вправо и влѣво. Воздухъ тотчасъ же

---

[1]) *Главное пособіе* по этому предмету:

Гротъ Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ (1876). Второе, значительно пополненное изданіе съ подробнымъ указателемъ всѣхъ сомнительныхъ случаевъ. Стр. 1—89.

Его же Филологическія разысканія I (1876)[2] стр. 265—298.

черезъ носъ, или также и черезъ ротъ, стремится въ легкія, растягиваетъ ихъ, и такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. По окончаніи сокращенія вдыхательныхъ мышцъ, грудная клѣтка вслѣдствіе упругости своихъ стѣнокъ стремится занять первоначальное положеніе, т. е. спадается, съуживается, производя *выдыханіе* (exspiratio).

Въ рѣчи въ теченіе одного выдыханія можетъ быть произнесено нѣсколько словъ; затѣмъ происходитъ пауза, во время которой мы вдыхаемъ; съ новымъ выдыханіемъ мы опять можемъ произнести нѣсколько словъ и т. д.

Въ гортани имѣется *голосовая щель,* образуемая двумя *голосовыми связками.* Для того, чтобы звучала гортань, нужно, чтобы обѣ голосовыя связки, были достаточно натянуты и приближены одна къ другой до соприкосновенія или почти до соприкосновенія (что̀ производится особыми группами мышцъ), и тогда выдыхаемый токъ воздуха приведетъ ихъ въ звонкое дрожаніе. При обыкновенномъ спокойномъ дыханіи голосовая щель (дѣйствіемъ нѣкоторыхъ мышцъ) бываетъ открыта и имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника, боковыя стороны котораго, начинаясь одна возлѣ другой впереди гортани, дивергируютъ (расходятся) сзади. Воздухъ въ этомъ случаѣ безъ шума проходитъ черезъ открытую голосовую щель.

Полость глотки лежитъ сзади отъ полости носа и рта. Въ передней стѣнкѣ глотки находятся отверстія: для носовой полости (такъ называемыя хоаны), для полости рта (такъ называемый зѣвъ) и для гортани. Самая нижняя часть глотки, лежащая сзади отъ гортани, быстро съуживается и переходитъ въ каналъ пищепріемника.

Полость носа лежитъ надъ полостью рта, отъ которой отдѣляется твердымъ и мягкимъ небомъ. Мягкое небо, совершая движеніе къ задней стѣнкѣ глотки, является, такъ сказать, привратникомъ или клапаномъ, впускающимъ или же не впускающимъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа.

Намъ остается разсмотрѣть еще полость рта. Ощупывая пальцемъ верхнюю стѣнку полости рта, начиная отъ

внутренней поверхности верхнихъ зубовъ, мы достигаемъ прежде всего до маленькой выпуклости, называющейся *альвеолями* верхнихъ зубовъ. За альвеолями слѣдуетъ вогнутое *твердое небо*, которое назадъ простирается на столько же, на сколько оба ряда верхнихъ зубовъ. Какъ только палецъ передвинулся за эту границу, мы чувствуемъ, какъ вмѣсто твердаго неба начинается мягкая, уступающая давленію поверхность. Это — *мягкое небо* или *небная занавѣска*. Мягкое небо по серединѣ продолжается въ такъ называемый *язычекъ*. Разсматривая внутренность раскрытаго рта, мы видимъ остающійся между заднимъ краемъ мягкаго неба и основаніемъ языка промежутокъ, который составляетъ заднее отверстіе полости рта, ведущее въ полость глотки и потому называемое *входомъ въ глотку* или *зѣвомъ*.

Въ полости рта помѣщается *языкъ*, въ которомъ мы различаемъ переднюю, среднюю и заднюю часть и бока. Другимъ органомъ произношенія служатъ *губы*.

§ 11. Прежде чѣмъ разсматривать звуки русскаго языка, мы должны понять *различіе между звуками и буквами*.

Звуки мы *произносимъ*, а буквы *пишемъ* для обозначенія этихъ звуковъ.

Различать звуки и буквы насъ побуждаетъ еще то, что *произношеніе и правописаніе не всегда соотвѣтствуютъ между собой*.

Разсмотримъ для примѣра букву *я*. Буква написана *одна*, а произносится *два* звука: j [1]) + a. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ звукъ, который обозначается буквою *я*, то въ концѣ слышится звукъ a, а въ началѣ j : ja . . . . a. Подобнымъ же образомъ:

---

[1]) j или й.

е = jэ [1])
ё = jо [1])
ю = jу [1])
щ = шч.

Иногда, наоборотъ, двѣ буквы обозначаютъ одинъ звукъ. Такъ, написаніе **нъ** обозначаетъ одинъ звукъ. Если мы продолжимъ произношеніе этого написанія, то каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ. Этимъ способомъ мы убѣждаемся въ томъ, что произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Подобнымъ же образомъ обозначаютъ одинъ звукъ соединенія буквъ: **нь**, **рь** и т. п.

Буслаевъ говоритъ: „Надобно отличать буквы отъ означаемыхъ ими звуковъ, потому что по большей части мы произносимъ слова не буква въ букву, какъ они писаны. Напримѣръ, говоримъ: *друкъ, што, слушка*..., а пишемъ: *другъ, что, служка*...“ [2]).

§ 12. Указавши различіе между звуками и буквами, я перехожу къ разсмотрѣнію звуковъ русскаго языка; русское же правописаніе мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

Въ русск. яз. 44 главнѣйшихъ звука, которые въ научно-фонетическомъ письмѣ обозначаются слѣд. буквами: а, æ [3]), є, і, о, у, ы, ф, ф' [4]), в, в', п, п', б, б', м, м', с, с', з, з', ш, ж, л, л', р, р', т, т', д, д', ц, ч', н, н', j, х, х', γ, γ', к, к' г, г'.

Въ нашъ перечень звуковъ не вошли: *я, е, ё, ю*; но это потому, что буквы эти обозначаютъ сочетаніе согласнаго j съ гласными **а**, **э**, **о**, **у**.

---

[1]) Особенность представляютъ случаи, когда разсматриваемыя буквы стоятъ послѣ буквы согласнаго звука; но объ этомъ будетъ говориться въ главѣ о правописаніи.

[2]) Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, (1878)[3] § 2.

[3]) Буква æ (или ä) въ ученыхъ изслѣдованіяхъ означаетъ „э широкое“, напр. въ словѣ *пѣтъ*, буква же є служитъ для обозначенія „узкаго э“, напр. въ словѣ *пѣть*.

[4]) Знакомъ ' (апострофомъ) обозначается мягкость согласнаго.

Звуки рѣчи дѣлятъ прежде всего на *гласные* (а, æ, є, і, о, у, ы) и *согласные* (остальные).

(1) . . . . . . а) *гласные*
б) *согласные*.

§ 13. Сравнимъ произношеніе звуковъ б и п.

При произношеніи того и другаго звука мы замѣчаемъ сходство въ дѣйствіи губъ.

Чѣмъ же обусловливается различіе между разсматриваемыми звуками?

Приложите палецъ къ гортани: при произнесеніи б вы ощущаете дрожаніе гортани, при произнесеніи же п— отсутствіе дрожанія, спокойное состояніе гортани.

Вы не можете произнести громкаго звука б такъ, чтобы при этомъ гортань не дрожала, а находилась въ спокойномъ состояніи. Наоборотъ, звука п нельзя произнести съ дрожаніемъ гортани.

Теперь мы заключаемъ, что различіе между звуками п и б обусловливается разнымъ дѣйствіемъ гортани.

Возьмемъ другой примѣръ. Будемъ произносить звукъ з: мы замѣчаемъ дрожаніе гортани. При произнесеніи звука с замѣчается спокойное состояніе гортани.

Такіе звуки, какъ б, з, называются *звонкими* (по-нѣмецки—tönende), а такіе, какъ п, с, — *глухими* (нѣм. — stumme или tonlose) [1]).

Спрашивается, въ чемъ-же состоитъ разное дѣйствіе гортани при произнесеніи звонкихъ и глухихъ звуковъ? Выяснимъ это различіе на звукахъ з и с. При произнесеніи звука з голосовая щель съужена для звучанія: достаточно натянутыя голосовыя связки касаются или почти касаются одна другой и токъ воздуха приводитъ ихъ въ звонкое дрожаніе; звонкій звукъ голосовыхъ связокъ смѣ-

---

[1]) Вмѣсто этихъ терминовъ встрѣчаются другіе: *мягкіе* и *твердые* (это — переводъ нѣмецкихъ терминовъ: weiche, harte), *звучные* и *отзвучные*. Латинскіе термины: mediae, tenues.

шивается съ шумомъ, образующимся при прохожденіи струи воздуха черезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. При произнесеніи **с** гортань не производитъ никакого звука, токъ воздуха безъ шума проходитъ черезъ широко раскрытую голосовую щель, шумъ образуется при прохожденіи струи воздуха чрезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Есть еще другіе способы распознавать звонкіе и глухіе звуки: 1) звонкіе звуки можно пѣть на разные тоны, глухіе же звуки нельзя; 2) вслушиваться, есть ли въ произносимомъ звукѣ звонкость гортани, или же ея нѣтъ.

Изложеніе вопроса о глухихъ и звонкихъ звукахъ могло породить у нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей тѣ или другія недоумѣнія. Замѣчу, что когда въ нашемъ умѣ проходятъ даже самыя легкія, такъ сказать — мимолетныя недоумѣнія, мы не должны ихъ оставлять, но внимательно разсмотрѣть ихъ, такъ какъ именно такимъ путемъ доходятъ до глубокаго знанія и избѣгаютъ заблужденій. Я постараюсь предупредить возможныя затрудненія въ области излагаемаго вопроса.

Нѣкоторымъ могло показаться, что и при произнесеніи такихъ звуковъ, какъ **с**, происходитъ дрожаніе гортани. Это могло произойти отъ того, что вы произнесли эти согласные звуки не отдѣльно, а въ соединеніи съ слѣдующимъ гласнымъ (напр. **па**, **са** и т. п.), при чемъ ошибкою приписали глухимъ согласнымъ дрожаніе гортани, которое въ дѣйствительности принадлежало только слѣдующему гласному. Произнесите теперь глухой звукъ одинъ, безъ слѣдующаго гласнаго, и вы замѣтите спокойное состояніе гортани.

Далѣе, можетъ показаться, что глухо произносятся и звуки **б**, **з**; это, вѣроятно потому, что вы произнесли эти звуки шепотомъ, а не громко.

И такъ, звуки п и с глухіе. Я предлагаю вамъ рѣшить, который изъ этихъ глухихъ звуковъ ближе къ звонкому б (другими словами — болѣе сходенъ съ звонкимъ звукомъ б)? Я думаю, что вы безъ затрудненія рѣшите: къ звуку б звукъ п ближе, нежели звукъ с. Если мы возьмемъ и другіе глухіе звуки (ф, т, ш, ц, ч, х, к), то оказывается, что глухой звукъ п — самый близкій къ звонкому звуку б. Это мы можемъ выразить слѣдующимъ образомъ: звукъ б — звонкій, а звукъ п — *соотвѣтствующій* ему глухой; или: звонкому звуку б соотвѣтствуетъ глухой — п.

Я назову теперь звонкіе звуки и соотвѣтствующіе имъ глухіе: б || п, в || ф, д || т, з || с, ж || ш, г || к, γ[1]) || х. Здѣсь мы видимъ пары согласныхъ звуковъ, состоящія изъ звонкаго согласнаго и соотвѣтствующаго глухаго; поэтому разсмотрѣнные нами соотвѣтствующіе звуки называютъ *парными по звонкости и глухости.*

Здѣсь я сдѣлаю одно педагогическое замѣчаніе, къ которому я пришелъ собственнымъ опытомъ, обучая.

При объясненіи ученикамъ звуковъ русскаго языка, нужно какъ можно лучше выяснить различіе между глухими и звонкими звуками на какомъ-нибудь примѣрѣ, напр. з || с. Затѣмъ учащіеся пусть сами опредѣляютъ остальные звуки со стороны звонкости и глухости. Я увѣренъ, что они, хотя — быть можетъ — и послѣ одной или нѣсколькихъ не вполнѣ удачныхъ попытокъ, сами догадаются, что напр., в — звонкій согласный, а ф — соотвѣтствующій ему глухой и т. д. [2]). Вообще, при преподаваніи нужно стараться, чтобы учащіеся сами додумывались до того, до чего можно дойти своимъ умомъ.

Есть звуки *непарные по звонкости и глухости.* Такъ, звуки ч' и ц произносятся только глухо и не имѣютъ со-

---

[1]) Такъ обозначается въ научныхъ изслѣдованіяхъ звукъ г, произносимый напр. въ словахъ: благо, Господь.

[2]) Подобное же замѣчаніе я встрѣтилъ въ слѣдующемъ трудѣ:

Анастасіевъ А. Изъ чтеній на съѣздѣ учителей начальныхъ училищъ, бывшемъ въ 1882 г. въ Казани, стр. 69.

отвѣтствующихъ звонкихъ. Гласные звуки и согласный j произносятся вообще только звонко. Согласные р, л, м, н, называемые *плавными*, тоже произносятся вообще только звонко.

Научившись различать звонкіе и глухіе звуки, мы уже можемъ приложить къ дѣлу свое небольшое знаніе.

Если въ словѣ передъ гласнымъ звукомъ произносится звонкій согласный, то если согласный очутится въ концѣ слова, произносится соотвѣтствующій глухой согласный, напр.: раба ‖ рап, боба ‖ боп, лба ‖ лоп, рва ‖ роф, плода ‖ плот, года ‖ гот, рода ‖ рот, воза ‖ вос, раза ‖ рас, ножа ‖ нош, стога ‖ сток и т. п. Правда, что въ такихъ случаяхъ въ концѣ слова пишется по правописанію буква звонкаго согласнаго (напр. ра*б*ъ, бо*б*ъ, ло*б*ъ, ро*в*ъ, пло*д*ъ, го*д*ъ, ро*д*ъ, во*з*ъ, ра*з*ъ, но*ж*ъ, сто*г*ъ), но произносится соотвѣтствующій глухой согласный.

Исключеніе отсюда составляютъ плавные согласные и согласный j, которые въ концѣ словъ послѣ гласныхъ произносятся звонко, напр. дар, дал, дам, дан, даj.

Далѣе, своимъ небольшимъ знаніемъ мы можемъ воспользоваться для уясненія себѣ другаго явленія русскаго языка.

Разсмотримъ слово „съ гору". Въ этомъ словѣ въ началѣ произносится звукъ з, а не с, такъ что фонетически (согласно съ произношеніемъ) мы должны написать разсматриваемое слово: „згóру". Передъ звукомъ г мы произносимъ вмѣсто звука с звукъ з. Легко замѣтить, что г — звонкій согласный, з — тоже, с — глухой. Значитъ, передъ звонкимъ согласнымъ г мы произносимъ вмѣсто глухаго согласнаго с соотвѣтствующій звонкій согласный. Произношеніе предшествующаго согласнаго уподобилось послѣдующему согласному. Такое явленіе называютъ *уподобленіемъ* или *ассимиляціей*.

Возьмемъ другой примѣръ: „въ томъ" — это по правописанію, фонетически же — „фтóм". Передъ глухимъ согласнымъ т мы произносимъ вмѣсто звонкаго согласнаго в

соотвѣтствующій ему глухой (ф). Здѣсь мы имѣемъ опять случай ассимиляціи.

И такъ, мы ознакомились съ явленіемъ уподобленія или ассимиляціи согласныхъ звуковъ по дѣйствію гортани.

Если станемъ наблюдать *ослышки*, то легко подмѣтимъ, что вмѣсто звонкаго согласнаго можетъ послышаться соотвѣтствующій ему глухой, и наоборотъ; напр. вмѣсто **г**ора послышалось **к**ора, вм. **д**очка — **т**очка, вм. **д**рова — **т**рава; вм. ку**п**альню — **б**аню [1].

(2) . . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель съужена для звучанія;*

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель расширена.*

§ 14. Сравнимъ произношеніе звуковъ **б** и **м**, **д** и **н** (**б** || **м**, **д** || **н**). При произнесеніи звуковъ **б** и **м** сжимаются губы. Однако мы замѣчаемъ разницу въ нашихъ звукахъ: звукъ **м** имѣетъ носовый оттѣнокъ, а звукъ **б** не имѣетъ такого оттѣнка. Поэтому звукъ **м** называютъ *носовымъ*, а звукъ **б** — *не-носовымъ* или *чистымъ*. При произнесеніи звуковъ **д** и **н** языкъ своею переднею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Но звукъ **д** — чистый, не-носовый, а звукъ **н** — *соотвѣтствующій* ему носовой; подобнымъ образомъ чистому (не-носовому) звуку **б** соотвѣтствуетъ носовой **м**.

Произношеніе звуковъ носовое или же не-носовое (чистое) обусловливается дѣйствіемъ мягкаго неба; мягкое небо, совершая артикуляціи къ задней стѣнкѣ глотки, или впускаетъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа, или же отражаетъ его въ полость рта.

Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ **д**

---

[1]) Довольно большая ослышка.

уподобляется слѣдующему **н**: ланно (т. е. ладно), стынно, схонно и т. п. [1]).

Сходствомъ звуковъ **м** и **н** (оба они имѣютъ носовой оттѣнокъ) объясняются такія *ослышки*, какъ: вмѣсто франц. „ami" послышалось „они".

(3) . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо*, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ *приближено или прижато къ задней стѣнкѣ глотки* (звуки чистые или не-носовые).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо опущено* (звуки носовые).

§ 15. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной *ширинѣ раствора рта* или, другими словами, при разной *степени осажденія* (опущенія) *нижней челюсти*.

Звукъ **a** произносится при *широкомъ* растворѣ рта (при *большомъ* осажденіи нижней челюсти); звуки **o**, **æ**, **є** — при *среднемъ* растворѣ рта (при *среднемъ* осажденіи нижней челюсти), при чемъ растворъ рта для **є** нѣсколько ўже, чѣмъ для **æ**; остальные же звуки (т. е. гласные **у**, **і**, **ы** и всѣ согласные)—при узкомъ растворѣ рта (иначе говоря, при маломъ или незначительномъ осажденіи нижней челюсти).

(4) . . . . а) звуки, произносимые при *широкомъ растворѣ рта*;

б) звуки, произносимые при *среднемъ* растворѣ рта;

в) звуки, произносимые при *узкомъ* растворѣ рта.

---

[1]) См. Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 91.

§ 16. Перехожу къ разсмотрѣнію дѣйствія *органовъ произношенія* при выговариваніи разныхъ звуковъ.

Прежде всего разсмотримъ дѣйствіе *губъ*.

При произнесеніи звуковъ б, п и м губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ.

При произнесеніи звуковъ в и ф дѣйствіе происходитъ не между обѣими губами, но нижняя губа верхней частью внутренней своей поверхности приближается къ верхнимъ зубамъ, слегка касаясь ихъ.

При произнесеніи о и у дѣйствіе происходитъ между обѣими губами; но оно отличается отъ дѣйствія губъ при произнесеніи звуковъ б, п и м: при произнесеніи о и у углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются одна другой, по серединѣ же образуютъ отверстіе, имѣющее видъ закругленно-угольчатаго и растянутаго въ стороны пятиугольника (при у углы губъ сближены болѣе, чѣмъ при о; вмѣстѣ съ тѣмъ при у губы болѣе выдвинуты впередъ и по краямъ на большемъ протяженіи касаются одна другой; потому отверстіе при произнесеніи у меньше, чѣмъ при о).

При произнесеніи остальныхъ звуковъ губы не работаютъ, но находятся въ спокойномъ или, какъ говорятъ, индифферентномъ (безразличномъ) положеніи, при чемъ онѣ слегка открыты, такъ что не могутъ служить преградой выдыхаемому воздуху. Большее осажденіе нижней челюсти обусловливаетъ, естественно, и большее удаленіе губъ, такъ что при звукахъ æ и є удаленіе губъ — среднее (при этомъ, для є губы удаляются одна отъ другой нѣсколько меньше, нежели для æ), а при произнесеніи а разстояніе между губами еще болѣе значительно.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію дѣйствія *языка* относительно неба.

Разсмотримъ прежде всего дѣйствіе *передней* части языка, совершаемое относительно передней части неба [1]).

---

[1]) Относительно обозначеній: „передняя часть неба и языка“, „заднее небо и задняя часть языка“—см. Гротъ Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 44.

При произнесеніи звуковъ **т**, **д** и **н** языкъ передней своей частью прижимается, а при произнесеніи звуковъ **с** и **з** приближается къ *верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ* (звукъ **ц** представляетъ слитное произношеніе звуковъ **т͡с**). Такое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *зубнымъ*.

При произнесеніи звуковъ **ш**, **ж** и **р** языкъ передней своей частью дѣйствуетъ относительно неба дальше отъ верхнихъ зубовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и выше), нежели при звукахъ **с** и **з**: языкъ при произношеніи **ш**, **ж** и **р** дѣйствуетъ относительно той части твердаго неба, которая называется *альвеолями верхнихъ зубовъ*. Поэтому разсматриваемое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *альвеолярнымъ*.

Слѣдующій опытъ убѣдитъ насъ въ справедливости сказаннаго о произношеніи **ш**, **ж** и **р**. Попробуемъ постепенно перейти отъ произнесенія звука **с** къ звуку **ш**; мы замѣчаемъ при этомъ, какъ конецъ языка постепенно отодвигается болѣе кзади. Будемъ теперь прозносить звукъ **ш** и постепенно перейдемъ къ произношенію звука **с**; легко замѣтить при этомъ, что конецъ языка болѣе и болѣе приближается къ верхнимъ зубамъ. Что мы сказали о звукахъ **ш** и **с**, то же слѣдуетъ сказать и о звукахъ **ж** и **з**. При произношеніи **р** передняя часть языка дѣйствуетъ относительно той же части твердаго неба, какъ и при произношеніи **ш** и **ж**.

Сказанное о различіи произношенія звуковъ **ш** и **с**, **ж** и **з** можетъ имѣть *практическое примѣненіе*. Случается, что нѣкоторые, по видимому, не могутъ произносить звуковъ **с** и **з**, вмѣсто которыхъ они произносятъ **ш** и **ж**; зная же, въ чемъ состоитъ переходъ отъ звуковъ **ш** и **ж** къ звукамъ **с** и **з**, можно научить ихъ произношенію этихъ послѣднихъ звуковъ.

По впечатлѣнію или эффекту, производимому на слухъ, согласные **с** и **з** называются *свистящими*, **ш** и **ж** — *шипящими*.

Если вмѣсто „съ шапкой“ произносятъ „шшапкой“, то въ этомъ вы легко усмотрите явленіе *ассимиляціи.*

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію произношенія звука **л**.

При произнесеніи звука **л** передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ (какъ при звукахъ **т**, **д**, **н**), но кромѣ того бока языка нѣсколько опускаются, такъ что воздухъ проходитъ между боками языка и верхними боковыми зубами. Поэтому дѣйствіе языка при произнесеніи звука **л** точнѣе было бы назвать *передне-боковымъ* вмѣсто обычнаго названія „боковое“.

При произнесеніи звука **j** языкъ приближается къ небу *средней* своей частью. При произнесеніи звука **i** приближеніе средней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при **j**; оно еще менѣе значительно для **є** и еще менѣе—для **æ**. Бо́льшая удаленность средней части языка отъ неба при произнесеніи **æ** и **є**, кажется, находится въ связи съ бо́льшимъ осажденіемъ нижней челюсти.

Намъ остается разсмотрѣть дѣйствіе *задней* части языка относительно задняго неба.

При произнесеніи звуковъ **о** и **у** происходитъ приближеніе задней части языка къ небу, при чемъ конецъ языка значительно удаляется отъ нижнихъ зубовъ; при **о** приближеніе задней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при **у**, что̀ (такъ же, какъ и большее губное отверстіе при **о**) соотвѣтствуетъ бо́льшему осажденію нижней челюсти при произнесеніи **о**.

При произнесеніи звука **ы** тоже приближается къ небу задняя часть языка, но болѣе впереди въ сравненіи съ звуками **о** и **у**, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ языка меньше удаленъ отъ нижнихъ зубовъ. Дѣйствіе задней части языка при **о** и **у** мы можемъ назвать *болѣе глубокимъ*, а при **ы** — *менѣе глубокимъ.* Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ приближеніе задней части языка къ небу для **ы**, это приближеніе будетъ большее, то получаются звуки **γ** (звонкій) и **х** (глухой); если же въ этомъ мѣстѣ происходитъ прижатіе задней части языка къ небу,

то могутъ быть произнесены звуки **г** и **к**. При менѣе глубокомъ дѣйствіи задней части языка губы находятся въ индифферентномъ положеніи, полуоткрыты.

Что касается остальныхъ звуковъ (**п**, **б**, **м**, **в**, **ф**), то при произношеніи ихъ языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.

(5) . . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы, языкъ же находится въ индифферентномъ положеніи:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ [1]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ [2]).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуетъ языкъ, губы же находятся въ индифферентномъ положеніи*, — „язычно-небные или язычные“:

α) *переднiе* { 1. *зубные* [3]) / 2. *альвеолярные* [4]) }

β) *передне-боковые* или *боковые* [5])

γ) *среднiе* [6])

δ) *заднiе, менѣе глубокiе* [7]).

в) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы и задняя часть языка*: углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются од-

---

[1]) **п**, **б**, **м**; [2]) **ф**, **в**; [3]) **т**, **д**, **н**, **с**, **з**, **ц**; [4]) **ш**, **ж**, **р**; [5]) **л**; [6]) **j**, **i**, **є**, **æ**; [7]) **ы**, **х**, ˌγ, **к**, **г** (согласные **х**, γ, **к**, **г** обыкновенно называютъ *задне-язычными*; а нѣкоторые называютъ ихъ *гортанными*, смѣшивая такимъ образомъ дѣйствіе задней части языка съ дѣйствіемъ гортани).

на другой, по серединѣ же образуютъ отверстіе; вмѣстѣ съ этимъ происходитъ болѣе глубокое дѣйствіе задней части языка [8]);

г) звуки, при произнесеніи которыхъ *и губы, и языкъ находятся въ индифферентномъ положеніи* [9]).

§ 17. Перехожу къ раздѣленію звуковъ на *твердые* и *мягкіе* [1]). Въ правописаніи твердость согласнаго въ концѣ слова обозначается буквою *ъ*, а мягкость буквою *ь*; въ ученыхъ изслѣдованіяхъ твердый согласный обозначается просто буквою этого согласнаго, мягкость же согласнаго обозначается знакомъ ', напр. **м** (твердое **м, мъ**), м' (мягкое **м, мь**).

Въ чемъ же состоитъ различіе произношенія твердыхъ и мягкихъ согласныхъ? Для рѣшенія этого вопроса мы сдѣлаемъ нѣсколько опытовъ.

Будемъ произносить **м** (твердое **м**) и перейдемъ постепенно къ произнесенію **м'** (мягкаго **м**). Мы замѣчаемъ при этомъ, что при произнесеніи **м** языкъ находится въ спокойномъ положеніи, не совершаетъ никакого движенія, при постепенномъ же переходѣ къ **м'** онъ постепенно приближается къ небу своей средней частью. Наоборотъ, при переходѣ отъ произношенія **м'** къ произношенію **м**, можно замѣтить, что языкъ вначалѣ приближенъ къ небу своей средней частью, а затѣмъ постепенно опускается и переходитъ въ спокойное положеніе.

Мы разсмотрѣли твердое и мягкое произношеніе губнаго согласнаго; теперь разсмотримъ такое же произношеніе согласныхъ язычно-небныхъ.

Будемъ произносить **н** (твердое **н**) и постепенно пе-

---

[8]) о, у; [9]) а.

[1]) Въ нѣкоторыхъ грамматическихъ сочиненіяхъ встрѣчаются названія: *дебелые* и *тонкіе*.

рейдемъ къ произнесенію н' (мягкое н). При произнесеніи н передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; съ переходомъ же къ н' прижимается къ небу болѣе средняя часть языка, между тѣмъ какъ болѣе передняя часть опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ. Пусть теперь читатель самъ попропуетъ наблюсти обратный переходъ отъ произношенія н' къ произношенію н.

Ср. также произношеніе звуков с || с'.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ язычно-небныхъ заднихъ, напр. х || х'. Для произнесенія х происходитъ менѣе глубокое приближеніе къ небу задней части языка, при чемъ конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ; при постепенномъ же переходѣ къ х' приближается къ небу соотвѣтственно болѣе средняя часть языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ языка приближается къ нижнимъ зубамъ. Если же мы отъ произнесенія х' будемъ переходить снова къ х, то замѣтимъ, что приближеніе средней части языка къ небу постепенно смѣняется приближеніемъ къ небу болѣе задней части языка, при чемъ конецъ языка удаляется отъ нижнихъ зубовъ.

Если мы сравнимъ произношеніе, напр., согласнаго с съ произношеніемъ с' и ф', то легко замѣтимъ, что звуки с и с' ближе между собою, нежели с и ф'. Въ самомъ дѣлѣ, согласные с и с' оба язычно-небные, между тѣмъ какъ ф' — согласный губной. Сравнимъ произношеніе с съ произношеніемъ с' и х': правда, всѣ три звука язычно-небные; но изъ нихъ с и с' — передніе, а х' — задній; значитъ, къ твердому с ближе с', нежели х'. Да вообще, изъ всѣхъ мягкихъ согласныхъ согласный с' является самымъ близкимъ къ с; это мы выражаемъ слѣдующимъ образомъ: твердому согласному с *соотвѣтствуетъ* мягкій с'.

И такъ, согласные представляютъ *пары* по твердости и мягкости: п || п', б || б', м || м', ф || ф', в || в', т || т', д || д', н || н', с || с', з || з', р || р', л || л', к || к', г || г', х || х', γ || γ'.

Нѣкоторые согласные являются *непарными* по твердости и мягкости; они произносятся или только твердо или только мягко. Такъ, согласные **ш**, **ж** и **ц** произносятся только твердо; согласные **ч'** и **j** произносятся только мягко.

Согласно съ правописаніемъ мы напишемъ „свѣтъ", фонетически же — с'в'ǣт. Въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ мягкаго **в'** и предшествующій согласный **с** сталъ произноситься тоже мягко (ассимиляція по мягкости).

(6) . . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы и средняя часть языка:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ прижимаются губы одна къ другой по всей своей длинѣ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка [1]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка [2]).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ происходитъ *приближеніе къ небу болѣе или менѣе средней части языка, губы же находятся въ индифферентномъ положеніи:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу средне-передней частью, самая же передняя часть языка опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ [3]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ одновременно съ прижатіемъ къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ передней части языка и приближеніемъ къ небу средней части нѣсколько опускаются края языка [4]);

---

[1]) п', б', м'; [2]) ф', в'; [3]) т', д', н', с', з' [4]) л'.

γ) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу своей средне-задней частью, конецъ же языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ [5]).

Изъ изложеннаго видно, что „мягкость“ звуковъ обусловливается приближеніемъ къ небу средней части языка. Поэтому къ мягкимъ должно отнести также звуки язычно-небные средніе (т. е. j, i, є, æ).

§ 18. Сравнимъ произношеніе звуковъ т и с. Для произнесенія звука т передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, а для произнесенія звука с только *приближается* къ нимъ. При произнесеніи звука т происходитъ, такъ сказать, взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе между языкомъ и небомъ; при произнесеніи же звука с воздухъ выдувается (продувается) черезъ съуженіе между языкомъ и небомъ. Отсюда, такіе согласные, какъ т, называются *взрывными*, а такіе, какъ с, — *придувными*. Изъ сказаннаго можно усмотрѣть, что различіе согласныхъ т и с сводится къ различному способу произношенія (прижатіе, или же только приближеніе органа рѣчи).

На произношеніе звуковъ т и с мы можемъ взглянуть съ другой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія *времени*. Звукъ т слышится лишь въ моментъ взрыва, а звукъ с все время, пока черезъ съуженіе выдувается воздухъ. Поэтому взрывные согласные называются также *мгновенными*, а придувные—*длительными*.

Если мы станемъ сравнивать произношеніе звука т съ произношеніемъ звуковъ с и х, то легко усмотримъ, что къ согласному т согласный с ближе, нежели х: согласные т и с оба—язычно-небные передніе, а х — язычно-небный задній. Если бы мы стали сравнивать съ звукомъ т не только придувные с и х, но и всѣ другіе при-

---

[5]) к', г', х', γ'.

дувные, то легко замѣтили бы, что изъ всѣхъ придувныхъ согласныхъ придувной **с** — самый близкій къ взрывному **т**. Мы можемъ сказать, что взрывному (мгновенному) согласному **т** *соотвѣтствуетъ* придувной (длительный) **с**. Подобнымъ же образомъ, взрывному **д** соотвѣтствуетъ придувной **з**, взрывному **к**—придувной **х**, взрывному **г**—придувной **γ**. Кромѣ указанныхъ, къ разряду придувныхъ согласныхъ принадлежатъ также: **ф**, **в**; **ш**, **ж**; **j**.

Разсмотримъ слѣдующее явленіе: пишутъ согласно съ правописаніемъ—„кто", а произносятъ—„хто". Согласные **к** и **т** оба взрывные; взрывному **к** соотвѣтствуетъ придувной **х**. Значитъ, передъ взрывнымъ согласнымъ **т** произносятъ вмѣсто взрывнаго **к** соотвѣтствующій придувной. Вмѣсто взрывнаго + взрывной произносятъ придувной + взрывной. Такое явленіе называютъ *расподобленіемъ* или *диссимиляціей*.

Другіе примѣры: коγда вмѣсто когда, што вм. что, мести вм. метти, вести вм. ведти.

При произнесеніи звука **р** мы замѣчаемъ дрожаніе передней части языка; звукъ этотъ называютъ *дрожащимъ*.

Подобное дрожаніе можетъ производиться также задней частью языка (картавое **р**) и на губахъ (звукъ, которымъ останавливаютъ лошадей).

И такъ, по *способу произношенія* согласные звуки раздѣляются на взрывные, придувные и дрожащіе.

Будемъ теперь производить опыты надъ усиленіемъ произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Эти опыты помогутъ намъ раскрыть существенное различіе между тою и другою категоріею звуковъ.

Для произнесенія согласнаго **с** передняя часть языка приближается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

При болѣе сильномъ произношеніи нашего звука мы замѣчаемъ, что выдыханіе становится сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближеніе передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ – болѣе энергичнымъ, такъ же какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней.

Для произнесенія согласнаго т языкъ переднею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Будемъ произносить т, надувая воздухомъ полость рта съ каждымъ разомъ болѣе сильно. Сопротивленіе языка напирающему воздуху становится также болѣе сильнымъ, языкъ съ большею силою прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; нижняя челюсть энергичнѣе приближается къ верхней.

И такъ, при усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ приближеніе или прижатіе органа произношенія становится болѣе энергичнымъ, равно какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней (вообще съуженность увеличивается).

Мы уже знаемъ положеніе органовъ произношенія при произнесеніи гласнаго о.

При усиленіи произношенія этого звука растворъ рта становится шире (другими словами—энергичнѣе осаждается нижняя челюсть), а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается степень приближенія органовъ произношенія (вообще, при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость).

И такъ, желая охарактеризовать согласные и гласные звуки, мы можемъ назвать первые — *съуженными*, а вторые—*отрытыми*.

Указанное мною анатомо-физіологическое различіе между гласными и согласными подтверждается исторіею звуковыхъ измѣненій (ср. со́н, д’ен’ || нѣм. Mutter).

Открытые звуки, по степени приближенія органовъ произношенія, раздѣляются на *широкіе* (а), *средніе* (æ, є, о) и *узкіе* (і, у, ы). Степень приближенности органовъ произношенія, какъ мы видѣли (§ 16), находится въ связи со степенью ширины раствора рта.

(7) . . . . а) *открытые* { α. *широкіе*; β. *средніе*; γ. *узкіе* }

a) *съуженные* { α. *взрывные*
β. *придувные*
γ. *дрожащіе.*

§ 19. Физіологія звуковъ русскаго языка представляетъ широкое поприще для болѣе тонкихъ наблюденій надъ произношеніемъ. Въ настоящее же время нѣкоторые даже элементарные вопросы по физіологіи русскаго произношенія не разрѣшены еще окончательно. Напр.:

1) Существуютъ ли въ русскомъ языкѣ двоегласные и троегласные звуки?

Ломоносовъ учитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ гласныхъ звуковъ составляются *двоегласные* и *троегласные.* Двоегласные онъ раздѣляетъ на *явственные* и *потаенные.* Явственные образуются изъ двухъ гласныхъ звуковъ, изъ которыхъ послѣдній есть всегда краткое **и**, и изображаются дѣйствительно двумя начертаніями, напр.: р*ай*, люд*ей*, строен*ій*, пок*ой*, лик*уй*, свят*ый*, им*ѣй*, исполн*яй*, пл*юй*. Потаенные двугласные образуются изъ двухъ гласныхъ звуковъ, изъ которыхъ впереди слышно краткое **и**, сливающееся со слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, который полнымъ выговоромъ произносится; изображаются же они не двумя начертаніями, но однимъ, почему и могутъ быть названы потаенными; напр.: *е*динъ, *я*вно, *ю*ность. При этомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что буквы *е*, *я*, *ю* только тогда обозначаютъ двоегласные звуки, когда не стоитъ передъ ними начертаніе согласнаго звука; когда же имѣютъ передъ собою начертаніе согласнаго звука, тогда обозначаютъ чистые гласные звуки, напр.: сердц*е*, любл*ю*, земл*я*. Троегласные звуки образуются изъ двоегласныхъ, за которыми слѣдуетъ краткое **и**, напр. мо*ей*, во*юй*, присво*яй* [1]).

---

[1]) См. Россійская грамматика Михайла Ломоносова §§ 91—93 (Сочиненія Ломоносова т. III. Изданіе Александра Смирдина (1847) стр. 285—286).

Гротъ учитъ согласно съ Ломоносовымъ. Двоегласный звукъ Гротъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: двоегласнымъ звукомъ или дифтонгомъ называется соединеніе двухъ гласныхъ, непосредственно одинъ за другимъ произносимыхъ такимъ образомъ, что они вмѣстѣ составляютъ одинъ только слогъ, при чемъ одинъ изъ гласныхъ, съ удареніемъ, есть главный, а другой, произносимый быстрѣе,—второстепенный. Смотря по мѣсту главнаго звука, дифтонги раздѣляются на *восходящіе* (йа, йэ, йо, йу) и *нисходящіе* (ай, эй, ой и проч.). Восходящій дифтонгъ можетъ соединиться съ нисходящимъ, и тогда образуется *троегласный* звукъ или трифтонгъ; таковы сочетанія: йэй, йай, йой, йуй. [1])

Бетлингъ принимаетъ двугласные звуки только въ такихъ условіяхъ, какъ: абычаі, шєіка, двоіка, дуі. Здѣсь двугласные звуки представляютъ сложеніе а, є, о, у съ гласнымъ звукомъ і. Въ такихъ условіяхъ, какъ — абычаја, шєја, двојæ, дују, т. е. передъ слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, имѣется согласный ј:

абычаі || абычаја
шєіка || шєја
двоіка || двојæ
дуі || дују [1]).

2) Есть ли й (j) согласный звукъ, или же гласный? Вотъ что говоритъ Гротъ по этому вопросу: „что касается до натуры звука й (jot), то большинство филологовъ причисляетъ его къ разряду согласныхъ, но, по моему убѣжденію, ошибочно: й есть не что иное, какъ и, такъ быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особеннаго слога, а входитъ въ составъ того, который об-

---

[1]) Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 28, 28.

[2]) Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ (Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ (1852) стр. 66—71).

разуется другою гласной, будетъ ли она впереди, или послѣ **и**. Такимъ образомъ **й** есть явно — укороченный **и**, звукъ, который долженъ быть признанъ за *небный полугласный*, точно такъ, какъ у Англичанъ **w** есть *губной полугласный* звукъ" [1]). Легко видѣть, что воззрѣніе Грота на природу звука **й** находится въ связи съ его ученіемъ о дифтонгахъ и трифтонгахъ въ русскомъ языкѣ.

4) Различается ли произношеніе γ' и j въ русскомъ языкѣ? Ср. о бо́γ'æ || о бо́jæ.

4) Дѣйствительно ли: „буква *и* только въ мѣстоименіяхъ *имъ*, *ихъ*, *ими*, и послѣ *ь*, напр. *чьи*, статьи, произносится двоегласно: *йимъ*, *йихъ*, *йими*, статьйи; во всѣхъ другихъ случаяхъ чисто" [2])?

§ 20. Когда мы произносимъ *отдѣльно* какой-нибудь звукъ, то соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ спокойнаго или индифферентнаго положенія переходятъ въ положеніе нужное для произношенія этого звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), совершивши же требующееся движеніе, возвращаются въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или, возвращаются съ работы).

Если мы знаемъ, какъ звуки произносятся въ отдѣльности, это еще не значитъ, что мы знаемъ, какъ произносятся звуки въ *сочетаніяхъ*. Въ физіологіи звуковъ сначала разсматриваются звуки въ отдѣльности (die Einzellaute), а затѣмъ слѣдуетъ ученіе о сочетаніи звуковъ (Combinationslehre).

Разсмотримъ сначала произношеніе такихъ сочетаній, которыя состоятъ изъ двухъ *одинаковыхъ* звуковъ.

---

[1]) Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 29.

[2]) Востоковъ Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная, (1850)[10] § 161 пунктъ 1.

Возьмемъ для примѣра произношеніе сочетанія **т+т** въ словѣ „оттуда“.

Мы знаемъ, что при произнесеніи каждаго звука происходитъ не одна работа, а цѣлая группа работъ; при произношеніи участвуютъ:

1) *дыхательный аппаратъ*;
2) *гортань*;
3) *мягкое небо;*
4) *нижняя челюсть*;
5) *органы произношенія.*

Для слѣдующаго **т** нужны тѣ же самыя работы, какія требуются для произнесенія предшествующаго **т**. Соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата, принявъ положеніе, нужное для произнесенія перваго **т**, не возвращаются затѣмъ въ индифферентное положеніе, но сохраняютъ принятое ими уложеніе не потревоженнымъ для произнесенія слѣдующаго **т**. Легко, напримѣръ, замѣтить, что при первомъ **т** не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, но уложеніе языка продолжается не потревоженнымъ для слѣдующаго **т** (такое произношеніе называютъ *долгимъ)*.

Между тѣмъ въ общеупотребительномъ письмѣ такая связность произношенія не обозначается; если не имѣть въ виду этой оговорки, то письмо можетъ ввести въ заблужденіе: можно привыкнуть къ мысли, что звуки, образуя извѣстное сочетаніе, совершенно такъ же произносятся, какъ въ отдѣльности. Для обозначенія связности произношенія двухъ одинаковыхъ звуковъ можно воспользоваться музыкальнымъ знакомъ ⁀, показывающимъ, что слѣдующая нота, одинаковая съ предшествующею, не берется отдѣльно, а является только продолженіемъ (сохраненіемъ) предшествующей ноты; напр. о⁀ттуда [1]).

---

[1]) О долгихъ согласныхъ Гротъ замѣчаетъ, что въ такихъ случаяхъ, какъ *труппа*, *масса*, *ванна*, раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву (Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 249).

Мы разсмотрѣли произношеніе сочетанія т͡т въ словѣ „отт͡уда“ съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической*; взглянемъ на произношеніе разсматриваемаго сочетанія со стороны *слуховыхъ ощущеній*.

При первомъ **т** не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, а потому не происходитъ и взрыва, а слѣдовательно и звука. Взрывъ и звукъ происходятъ при второмъ **т**. Чувствомъ слуха мы замѣчаемъ, что звукъ долгаго или двойнаго **т** сильнѣе, нежели звукъ простаго **т**. Какъ объяснить себѣ бо́льшую силу звука при произнесеніи долгаго **т**? Мы знаемъ, что для произнесенія **т** передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Полость рта надувается воздухомъ, который становится по мѣрѣ надуванія болѣе и болѣе плотнымъ. Съ увеличеніемъ напора воздуха усиливается соотвѣтственно и прижатіе языка, что̀ мы замѣчаемъ посредствомъ мускульнаго чувства въ послѣднемъ. Взрывъ производится тѣмъ, что напряженіе языка начинаетъ разслабляться, вслѣдствіе чего воздухъ тотчасъ же вырывается и происходитъ звукъ **т**. Очевидно, что чѣмъ продолжительнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прижатіе органа, тѣмъ сильнѣе должны быть взрывъ и звукъ.

Пусть читатель разсмотритъ также произношеніе **п͡+п**, напр. въ словѣ „группа“.

Мнѣ кажется, что долгій или сильный взрывной согласный можетъ быть произнесенъ и въ началѣ слова, напр. **к͡к**ому (обыкновенно же произносятъ **хк**ому, т. е. „къ кому“).

Наблюдая долгое произношеніе какого-нибудь придувнаго согласнаго, напр. **в͡в** (положимъ, въ словѣ **в͡в**о́ду, т. е. „въ воду“), мы опять замѣчаемъ, что звукъ является долгимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ.

Попробуемъ теперь наблюсти произношеніе сочетанія изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ звуковъ, напр. **а+а** въ выраженіи слова „а (1) Анна (2)“. Второе **а** произносится силь-

нѣе (при болѣе сильномъ выдыханіи воздуха) и при болѣе широкомъ растворѣ рта, нежели первое. Такимъ образомъ, работы перваго **а** продолжаются и на второе, но только съ указаннымъ измѣненіемъ силы или напряженности, зависящимъ отъ ударенія. Хотя оба **а** и произносятся связно, все-таки ухо слушающаго замѣчаетъ переходъ къ болѣе сильному произношенію втораго **а**. При произнесеніи сочетаній изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ (слѣдовательно—открытыхъ) звуковъ не происходитъ такого усиленія звука, какъ при произнесеніи сочетаній изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ звуковъ. Въ послѣднемъ случаѣ усиленіе звука зависитъ отъ природы согласныхъ, какъ звуковъ съуженныхъ.

И такъ, при соприкосновеніи двухъ одинаковыхъ звуковъ (все равно—гласныхъ, или согласныхъ) работы предыдущаго звука продолжаются (сохраняются) для слѣдующаго. Если работы предыдущаго звука и послѣдующаго не одинаковы по силѣ, то при продолженіи работъ происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе ихъ напряженности.

Обратимся теперь къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ такихъ двухъ звуковъ, которые *не по всѣмъ работамъ одинаковы.*

Разсмотримъ произношеніе сочетанія **мб**, напр. въ словѣ „дамба“. Звуки **м** и **б** имѣютъ всѣ работы сходныя, кромѣ *одной*, именно—кромѣ дѣйствія мягкаго неба.

Движенія, общія для перваго и втораго звука, совершаются только для перваго, для втораго же звука не повторяются, но сохраняются отъ перваго. Работа разная для перваго и втораго звука, совершается особо для того и другаго: для произнесенія **м** мягкое небо опущено, а затѣмъ для произнесенія слѣдующаго звука **б** оно приподнимается и прижимается къ задней стѣнкѣ глотки.

Примѣръ, аналогичный разсмотрѣнному нами, представляетъ сочетаніе **нд**, напр. въ словѣ „Анды“.

Въ сочетаніи **мп**, напр. въ словѣ „лампа“, работы соприкасающихся звуковъ **м** и **п**—сходны, кромѣ *двухъ* работъ: гортани и мягкаго неба. Сходныя работы продолжаются отъ предыдущаго звука и на слѣдующій; несходныя же работы, съ переходомъ къ произнесенію послѣдующаго звука, соотвѣтствующимъ образомъ мѣняются.

Аналогію сочетанію **мп** представляетъ произношеніе сочетанія **нт**, напр. въ словѣ „лента“.

Разсмотримъ произношеніе сочетанія **у**+**а**, напр. въ выраженіи „у Анны“. Для произнесенія **у** происходитъ извѣстное дѣйствіе губъ и задней части языка. Для **а** же вовсе не требуется дѣйствія этихъ частей органа рѣчи; поэтому, съ переходомъ къ произнесенію **а**, онѣ приходятъ въ индифферентное положеніе.

Перехожу къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ согласнаго съ гласнымъ и изъ гласнаго съ согласнымъ (С+Г и Г+С; С=согласный, Г=гласный).

Разсмотримъ произношеніе **о** въ сочетаніи съ предшествующимъ какимъ-нибудь согласнымъ, напр. **т**—

то.

Согласные звуки произносятся при индифферентномъ растворѣ рта. Для произнесенія согласнаго **т** языкъ, при индифферентномъ растворѣ рта, переднею своею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ. Когда произошелъ взрывъ, языкъ переходитъ не въ индифферентное положеніе, а въ положеніе, свойственное гласному **о**, т. е. задняя часть языка нѣсколько приближается къ небу; въ то же время губы принимаютъ нѣкоторое съуженіе, а нижняя челюсть нѣсколько опускается, такъ какъ нашъ гласный произносится при среднемъ растворѣ рта. И здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ не раздѣльность въ произношеніи, но слитіе рекурсіи предыдущаго звука съ экскурсіей слѣдующаго.

И такъ, при произнесеніи сочетанія **то** уложеніе для гласнаго **о** начинается не отъ индифферентнаго уложенія,

что̀ бываетъ при отдѣльномъ произношеніи гласнаго, а отъ уложенія согласнаго, предшествующаго нашему гласному. Слѣдовательно, гласный о, произнесенный отдѣльно и съ предшествующимъ согласнымъ, — неодинаковъ, именно по своему началу или экскурсіи.

Если мы будемъ разсматривать произношеніе сочетанія

ко,

то легко замѣтимъ, что уложеніе для гласнаго о начинается отъ уложенія, свойственнаго согласному **к**. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ гласный по началу другой, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ случаяхъ.

и т. д. [1]).

А между тѣмъ по общепринятой орѳографіи нашъ гласный во всѣхъ этихъ случаяхъ обозначается однимъ и тѣмъ же начертаніемъ — о. Отсюда видно, что, желая изслѣдовать живую рѣчь, мы должны изучать ее не по правописанію, а наблюдая произношеніе.

Сравнимъ произношеніе сочетаній звуковъ

то || т'о.

Въ первомъ случаѣ экскурсія для гласнаго о начинается отъ уложенія твердаго согласнаго, а во второмъ — отъ уложенія мягкаго согласнаго.

При произнесеніи сочетанія

б'о

гласный по началу другой, нежели въ сочетаніи т'о, такъ какъ въ одномъ случаѣ экскурсія гласнаго о начинается отъ уложенія т', а въ другомъ — отъ уложенія б'.

И такъ, гласные различаются по своему началу послѣ различныхъ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ.

---

[1]) При этомъ можно замѣтить, что согласные звонкіе и соотвѣтствующіе глухіе сходны по уложенію полостей, лежащихъ надъ гортанью. Отсюда происходитъ и соотвѣтствующее сходство экскурсіи гласнаго послѣ согласнаго звонкаго и парнаго ему глухаго.

АНАТОМО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Уложеніе гортани: Голосовая щель расширена	Уложеніе гортани: Голосовая щель сужена для звучанія	Положеніе мягкаго неба: Мягкое небо приподнято	Положеніе мягкаго неба: Мягкое небо опущено	Степень осажденія нижней челюсти (ширина раствора рта)	Положеніе губъ: Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ	Положеніе губъ: Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ	Положеніе губъ: Углы губъ приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у углов касаются одна другой, по серединѣ образуютъ съуженіе	Положеніе губъ: Губы находятся въ индифферентномъ положеніи	Положеніе языка: Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ и ихъ деснъ	Положеніе языка: Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ	Положеніе языка: Бока языка нѣсколько опущены	Положеніе языка: Средне-передняя часть языка дѣйствуетъ относительно неба (конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ)	Положеніе языка: Средняя часть языка приближается къ небу (а конецъ языка — къ нижнимъ зубамъ)	Положеніе языка: Средне-задняя часть языка дѣйствуетъ относительно неба (конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ)	Положеніе языка: Менѣе глубокое дѣйствіе задней части языка (конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ)	Положеніе языка: Болѣе глубокое дѣйствіе задней части языка	Положеніе языка: Языкъ находится въ индифферентномъ положеніи
	а	+		ш.				+									+
	о	+		с.			<с.									<с.	
	у	+		у.			<у.									<у.	
	æ	+		с.				+					<с.				
	е	+		с. (нѣсколько уже, чѣмъ при æ)				+					< с. (нѣсколько ближе, чѣмъ при æ)				
	і	+		у.				+					<у.				
	ы	+		у.				+							<у.		
ф	в	+		у.		>											+
ф'	в'	+		у.		>							+				
п	б	+		у.	>												+
п'	б'	+		у.	>								+				
	м		+	у.	>												+
	м'		+	у.	>								+				
с	з	+		у.				+	>								
с'	з'	+		у.				+				>					
т	д	+		у.				+	>								
т'	д'	+		у.				+				>					
	н		+	у.				+	>								
	н'		+	у.				+				>					
ц		+		у.				+	> (слитное т͡с)								
	л	+		у.				+	>		+						
	л'	+		у.				+	>		+		+				
ш	ж	+		у.				+		>							
	р	+		у.				+		∼∼∼∼							
	р'	+		у.				+	∼∼∼∼				+				
ч'		+		у.				+				> (слитное т͡ш)					
	j	+		у.				+					>				
х	γ	+		у.				+							>		
х'	γ'	+		у.				+						>			
к	г	+		у.				+							>		
к'	г'	+		у.				+						>			

ПРИМѢЧАНІЯ

Въ первыхъ двухъ вертикальныхъ столбцахъ съ лѣвой стороны этой таблицы помѣщенъ перечень звуковъ русскаго языка, при чемъ въ первомъ столбцѣ указаны звуки, при произнесеніи которыхъ голосовая щель расширена (т. е. глухіе), а во второмъ — звуки, при произнесеніи которыхъ голосовая щель съужена для звучанія (т. е. звонкіе).

Въ верху таблицы имѣется перечень работъ, происходящихъ при произношеніи.

Если при произнесеніи какого-нибудь звука совершается извѣстная работа, то въ соотвѣтствующей клѣткѣ помѣщено ея обозначеніе, если же не совершается, то клѣтка пустая.

Знаки >, >, ∼∼∼∼ служатъ для обозначенія произношенія съуженныхъ звуковъ, при чемъ первый знакъ обозначаетъ произношеніе взрывное, второй — придувное, третій — дрожащее.

Знакъ < обозначаетъ открытое произношеніе, а такъ какъ открытость можетъ быть широкая, средняя и узкая, то для обозначенія этого употреблены сокращенія: ш., с., у.

Въ другихъ случаяхъ работы отмѣчены знакомъ +, который, кромѣ того, обозначаетъ индифферентное положеніе губъ или языка.

Даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ эта разница въ гласныхъ не обозначается. Ср.:

орѳографически:		фонетически:
то	=	то
ко	=	ко
ё	=	jo
тё	=	т'о
бё	=	б'о

. . . . . .

Хотя написанія, помѣщенныя въ правомъ столбцѣ, и зовутся фонетическими, однако они страдаютъ неточностью: они не выражаютъ разницы въ началѣ гласнаго, не выражаютъ тѣсной связи въ произношеніи сочетанія С+Г, состоящей въ томъ, что согласный произносится въ началѣ гласнаго или, другими словами, рекурсія согласнаго служитъ экскурсіей для слѣдующаго гласнаго.

Если мы не будемъ имѣть въ виду сдѣланной оговорки, то фонетическое письмо (научная транскрипція), можетъ ввести насъ въ заблужденіе: мы можемъ привыкнуть къ мысли, что гласный нисколько не различается, послѣ какого бы согласнаго онъ ни произносился.

Теперь читатель, я увѣренъ, вполнѣ убѣдился въ необходимости строго различать произношеніе и обозначеніе, которыя многими такъ часто отожествляются, смѣшиваются.

Сказанное еще не исчерпываетъ разнообразія гласныхъ.

Если за гласнымъ не слѣдуетъ никакого звука, то работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго возвращаются въ свое спокойное положеніе.

Но вѣдь за гласнымъ могутъ слѣдовать разные согласные. Въ этихъ случаяхъ гласный долженъ быть не одинаковъ по концу.

(Продолженіе будетъ).

СЛАВЯНСКІЯ НАРѢЧІЯ,

Лекціи профессора В. И. Григоровича.

VI. Польскій языкъ.

Географическое положеніе польскихъ земель болѣе или менѣе извѣстно; но имѣя въ виду только область самаго языка, мы должны ограничить это понятіе о пространствѣ польскихъ земель, которое мы почерпнули изъ географіи и исторіи. Чистымъ польскимъ языкомъ говорятъ, конечно, въ области Царства Польскаго; но и тамъ искони внесены чужіе элементы. При томъ замѣтимъ еще, что къ сѣверу въ прежнее время границы польскаго языка были гораздо обширнѣе нынѣшнихъ: польское племя достигало нѣкогда до самаго Балтійскаго моря; впослѣдствіи оно должно было уступить напору Литовцевъ, которые въ свою очередь уступили мѣсто своимъ покорителямъ—Нѣмцамъ. Кромѣ Царства Польскаго, польскій языкъ господствуетъ въ нѣкоторыхъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Австріи и Пруссіи. Изъ австрійскихъ владѣній преимущественно заселены Поляками: Галиція и восточная часть Силезіи; изъ прусскихъ: Силезія до рѣки Ниссы и герцогство Познанское; отсюда западная граница польскаго племени идетъ по бассейну рѣки Вислы и доходитъ до города Гданска (Danzig) и за тѣмъ идетъ по морскому берегу до самаго Королевца (Königsberg). Отъ Королевца до Гродна, съ сѣвера на югъ, простирается племя литовское. Въ самомъ Царствѣ Польскомъ поселились Литовцы (въ Августовской губ.) и Малороссы (въ Люблинской губ. и теперешней Сѣдлецкой). Восточная граница области языка идетъ по р. западному Бугу, далѣе по р. Сану и до-

ходитъ до Карпатовъ. Поляки сверхъ того разселились внѣ этихъ границъ: между Русскими и между Нѣмцами, именно въ западной Россіи, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, и въ различныхъ мѣстахъ Пруссіи. Въ австрійскихъ владѣніяхъ Поляковъ считается до 2,500,000, въ Пруссіи до 2,000,000, въ Россіи до 6,000,000.

Діалектическихъ различій было и прежде мало въ польскомъ языкѣ; а теперь и подавно; существуютъ только оттѣнки прежнихъ говоровъ, изъ которыхъ главный — нарѣчіе *мазовецкое*; имъ говорятъ Мазуры, заселяющіе мѣстность вокругъ Варшавы. Главное отличіе мазовецкаго нарѣчія состоитъ въ особенномъ произношеніи шипящихъ буквъ и въ нѣкоторыхъ остаткахъ старинныхъ формъ. Другое нарѣчіе сохранилось близь Данцига, по бассейну рѣки Слупа (Słup, Stolpen), именно у Кашебовъ или Кашубовъ. Это племя звукъ ą (ѫ) произноситъ an, а звукъ ę (ѧ) — in. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ видовыхъ отличіяхъ языка польскаго, обратимся собственно къ его характеристическимъ чертамъ относительно фонетики и флексій.

Если мы сравнимъ польскій языкъ съ другими нарѣчіями, имѣя при этомъ въ виду аналогію съ церковнославянскимъ языкомъ, то замѣтимъ: 1) *что онъ удержалъ оба ринезма* ѫ *и* ѧ, хотя иногда и смѣшиваетъ ихъ, 2) *что смягченіе* (іотированіе) *усилилъ онъ до того, что нѣтъ рѣшительно ни одной согласной, которая у него не могла бы быть мягкою.* Только въ одномъ польскомъ языкѣ можемъ встрѣтить: b', p', m', ń, ś, ć и т. д.; изъ жд онъ сдѣлалъ dz (іотир.); но что всего замѣчательнѣе, онъ іотировалъ даже звукъ г (g), превративъ его въ dz (s), 3) *что онъ любитъ паденіе гласныхъ.* Всѣ доселѣ нами разсмотрѣнныя славянскія нарѣчія сближаются между собою въ употребленіи чистыхъ *а* и *о* послѣ *л* и *р*; если, напр., мы возьмемъ ц.-слав. слово градъ, то и Болгаринъ, и Сербъ, и Хорутанинъ, и Чехъ произнесутъ *градъ.*

Въ польскомъ же языкѣ *а* падаетъ, замѣняясь звукомъ *о*: gród, **глава** — głowa, **гладъ** — głód. Этимъ польскій языкъ сближается съ русскимъ; только тамъ это *о* удвоятся, превращается въ полногласіе: *городъ, голова, голодъ.*

Что касается до орѳографіи, то съ давнихъ поръ у Поляковъ существуетъ латинскій шрифтъ съ прибавкою нѣкоторыхъ комбинацій и означеній, для выраженія чисто-польскихъ звуковъ, а именно: *ж*=rz (рь), *ч*=cz; *ш*=sz; *щ*=szcz; *ть*=t'; *ць*=ć;, *сь*=ś; *зь*=ź; *дь*=dz, dź; для выраженія ринезмовъ употребляются знаки: ą (=ѫ), ę (=ѧ). Разница между твердымъ и мягкимъ произношеніемъ звука **л** существуетъ и на письмѣ: l *(ль)*, ł *(лъ).*

Въ польскомъ языкѣ рѣдко ставится удареніе надъ гласными, потому что удареніе бываетъ постоянно на предпослѣднемъ слогѣ (paenultima), или, когда оно и ставится, тогда обыкновенно такія гласныя измѣняютъ произношеніе: é=i и y (ы): tém—tym; ó=u: Bóg—Bug.

Покажемъ теперь, какъ польскій языкъ выражаетъ нѣкоторые звуки языка церковно-славянскаго.

ъ, ь. Польскій языкъ допускаетъ превращеніе этихъ звуковъ во всѣ гласные безъ всякаго опредѣленнаго порядка; можно даже сказать, что эти знаки для Поляковъ совершенно непонятны. У Поляковъ **ъ** иногда переходитъ въ *о* (**млъва** — mowa), чаще же всего въ *а, е, і, и*: **мрътвъ**— martwy, **чрънъ** — czarny, **тлъстъ** — tłusty, **мльнѫ** — milknę, **влъкъ**—wilk, **сънъ**—sen и проч.

ѫ, ѧ. Польскій языкъ вообще сохранилъ оба эти звука совершенно такъ, какъ они были въ древне-славянскомъ языкѣ, особенно послѣ твердыхъ согласныхъ: **дѫбъ** — dąb, **свѧтъ**—święty; только въ немъ съ давняго времени **ѫ** и **ѧ** стали смѣшиваться между собою или, выражаясь иначе, съ этими звуками случилось паденіе: **рѫка** (вм. rąka) — ręka, **гѫба** — gęba и т. п. Въ самыхъ даже склоненіяхъ, въ косвенныхъ падежахъ ą не удерживается; такъ отъ dąb род. пад. dębu, mąż—męża и т. п. Кромѣ того,

въ спряженіяхъ, какъ увидимъ далѣе, эти знаки служатъ для отличія лицъ и чиселъ настоящаго времени: będę (1 л. ед. ч.)—będą (3 л. мн. ч.).

ѣ, собственно говоря, въ польскомъ языкѣ есть ничто иное, какъ ꙗ (ja), какъ и въ болгарскомъ: wiara, miara; но и здѣсь ѣ подвергается вліянію смягченія: изъ ꙗ (ia) можетъ быть ѥ (ie), именно, когда при этомъ ia—впереди или назади, все равно — встрѣчается смягченная согласная. Для примѣра возьмемъ какое нибудь слово, котораго кореннымъ слогомъ было бы это ꙗ, напр. wiara; дат. пад. долженъ бы быть wiare или, такъ какъ r іотируется wiarze; но именно вслѣдствіе того, что r іотируется, звукъ ꙗ переходитъ въ ѥ: wierze.

ы выражается знакомъ y, который произносится твердо, какъ русское *ы*: być, myć.

Но польскій языкъ подвергся еще одной особенности, знаніе которой необходимо для поясненія нѣкоторыхъ, съ перваго разу странныхъ формъ. Мы уже знаемъ, что польскій языкъ при мягкихъ гласныхъ требуетъ и мягкихъ согласныхъ. Но самое важное свойство, сближающее этотъ языкъ съ русскимъ, есть переходъ *е* въ *іо* (ё). Переходъ этотъ совершается по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и у насъ; т. е. когда *е* находится подъ удареніемъ, такъ оно всегда ё (іо); напр. *весёлый, тётка, принёсъ* и т. д.; а такъ какъ всѣ слова въ польскомъ языкѣ по ударенію—paenultima, то смѣло можно сказать, что *іе* paenultima = *іо*: *несу*—niosę, *беру*—biorę и т. п. Это замѣчаніе необходимо для спряженій. Правило это распространяется также и на слова односложныя: *нёсъ*—niosł.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что польскій языкъ въ одно и то же время и сближается съ русскимъ (по переходу *е* въ *іо*) и удаляется отъ него (по ударенію). Это правило, однакожъ, имѣетъ исключеніе: если послѣ этого *іо*, происшедшаго изъ *е*, стоитъ смягченная согласная, то въ такомъ случаѣ *іо*, хотя бы оно и было подъ удареніемъ, непремѣнно должно перейти въ *е*. Такъ, отъ biorę 3 л. ед. ч. bierze. Переходимъ къ согласнымъ.

ꙑ, будучи смягченнымъ, въ польскомъ языкѣ выражается черезъ rz (чешское ř): wiara дат. и предл. пад. wierze, рѣка—rzeka, *календарь*—kalendarz. лъ выражается знакомъ ł, при чемъ ъ = u: длъгъ—długi, тлъстъ—tłusty.

жд въ польскомъ языкѣ всегда есть dz: rodzony, widzę, wodź. Въ звукъ dz Полякъ превращаетъ не одно жд, но и gj (гj) — замѣчаніе важное въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ палеографію; въ ц.-слав. азбукѣ знакъ ѕ былъ не напрасенъ и употребленъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ звукъ ѕ есть метаморфоза г, и гдѣ въ польскомъ яз.—dz: Bóg—Bodzie (Богъ—Боѕѣ), ноѕѣ—nodzie.

шт у Поляковъ, какъ и у Чеховъ, постоянно замѣняется звукомъ *с* (ц), хотя звукъ *щ* (szcz) и существуетъ: noc, moc, wzmącony и т. п. Смягченное т (ть) превращается въ ć: *читать*—czytać. Перейдемъ къ грамматическимъ формамъ польскаго языка.

Говоря о склоненіяхъ въ разсмотрѣнныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, мы всегда показывали взаимное отношеніе окончаній извѣстнаго нарѣчія къ церковно-славянскимъ; тоже мы сдѣлаемъ и для польскаго языка. Замѣтимъ сначала, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ сближается съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ другихъ же съ чешскимъ. Параллель этихъ окончаній слѣдующая:

а—a	оѫ—ą, ią	ѩ—ie, ej
ꙗ—ia	и (им. мн.) i, y, ie, owe	ѧ—y, e
ѣ—ie	ъ (род. мн.)—ow	ть—ć
ъмь—em	ъи—y	
ѫ—ę, ię	ъи—ami	

Примѣч. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ перехода окончаній поясняются фонетикой польскаго языка.

Съ помощью этой таблички легко склонять польскія имена существительныя. Относительно дѣленія склоненій въ польскомъ языкѣ замѣтимъ, что ихъ можно раздѣлить, какъ и въ чешскомъ языкѣ, на склоненія съ твердымъ

окончаніемъ и мягкимъ, на мужскія и женскія. Примѣры:

а) *Мужескаго рода:*

Съ тверд. ок.

Ед. ч.	И.	chłop	Мн. ч.	chłopi
	Р.	chłopa		chłopów
	Д.	chłopu		chłopom
	В.	chłopa		chłopów
	Т.	chłopem		chłopami
	П.	chłopie		chłopach

Съ мягк. ок.

Ед. ч.	И.	słoń	Мн. ч.	słonie
	Р.	słonia		słoniów
	Д.	słoniu		słoniom
	В.	słoń		słonie
	Т.	słoniem		słoniami
	П.	słoniu		słoniach

б) *Женскаго рода.*

Съ тверд. ок.

Ед. ч.	И.	woda	Мн. ч.	wody
	Р.	wody		wód
	Д.	wodzie		wodom
	В.	wodę		wody
	Т.	wodą		wodami
	П.	wodzie		wodach

Съ тверд. ок.

Ед. ч.	И.	dusza	Мн. ч.	dusze
	Р.	duszy		dusz
	Д.	duszy		duszom
	В.	duszę		dusze
	Т.	duszą		duszami
	П.	duszy		duszach.

Замѣтимъ еще, что неодушевленныя имена мужескаго рода въ им. пад. мн. ч. вм. *ie* имѣютъ *i* или *y*; такъ: pług мн. ч. pługi (вм. płudzie). Имена средняго рода не представляютъ никакого затрудненія, склоняются какъ му-

жескія, кромѣ винит. пад., который сходенъ съ именительнымъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что польскія склоненія находятся въ совершенной аналогіи съ церковно-славянскими и чешскими. Для нихъ можно поставить такія правила: 1) Тв. пад. ед. ч. муж. р. оканчивается на em; 2) ринезмы служатъ отличіемъ для падежей винительнаго (ę) и творительнаго (ą) женскаго рода. Окончанія прочихъ падежей болѣе или менѣе сходны съ русскими.— Гортанные звуки во флексіяхъ измѣняются: mnich—mnisi, ucho—uszy, Bóg—Boże—Bodzie.

Въ польскомъ языкѣ есть также имена, кончащіяся на мягкую согласную, у которыхъ падежи сливаются; напр. kość—род. пр. дат. kości. Есть и наращаемыя существительныя, напр. cielę (въ ед. ч. какъ проч. сущ. cielęcia, cielęciu); мн. ж. cielęta; książęta; imię род. imienia, им. мн. ч. imiona. Слова **мати** и **дъшти** въ польскомъ яз. ненаращаемы: **мати** по-польски matka (род. мн. ч. matek), **дъшти**—córka, старинное слово, напоминающее греческое того же значенія *κόρη*.

Имена прилагательныя. Въ именахъ прилагательныхъ польскаго языка полное и усѣченное окончанія смѣшиваются; нынче же впрочемъ, по большей части употребляется полное; только въ произведенныхъ отъ собственныхъ именъ удержалось усѣченное окончаніе, и то не вездѣ; даже въ фамиліяхъ и именахъ отечественныхъ употребляются окончанія полныя: Żołkiewski, -iego, -iemu и пр. Но все-таки, несмотря, такъ сказать, на нелюбовь къ простымъ формамъ, усѣченное окончаніе сохранилось въ нѣкоторыхъ формахъ и эти слѣды его довольно странны. Въ фразѣ, напр. „говорить по-польски, по-русски“, выраженія „по-польски“, „по-русски“ у насъ, русскихъ, превратились въ чистое нарѣчіе; у Поляковъ говорится такъ: „mówić po polsku, po russku“; эти „po polsku“, „po russku“ у нихъ прилагательныя, им. пад. которыхъ

долженъ бы быть по настоящему polsk, -a, -o; russk, -a, -o; но употребляется полное окончаніе: polski, russki. Примѣромъ склоненія прилагательныхъ возьмемъ слово śmiały, -a, -e (смѣлый, -ая, -ое).

Единственное число:

И.	муж. р. śmiały,	жен. śmiała,	ср. р. śmiałe
Р.	ego	ej	ego
Д.	emu	ej	emu
В.	y, ego	ą (ę)	e
Т.	ym	ą	ym
П.	em	ej	em

Множественное число.

И. муж. р. śmieli, ж. р. śmiałe, ср. śmiała

Р.	śmiałych
Д.	ym
В.	ych
Т.	ymi
П.	ych.

При именахъ прилагательныхъ, какъ и при существительныхъ, соблюдаются фонетическія правила касательно измѣненій гласныхъ и согласныхъ, смотря по тому, твердое или мягкое окончаніе они имѣютъ; такъ śmiały мн. ч. śmieli, drogi—drodzy, wesoły—weseli, mały—mali и проч.

Для образованія *сравнительной* степени польскій языкъ, какъ и чешскій, прибавляетъ szy: stary—starszy, słaby—słabszy. Переходъ звуковъ имѣетъ мѣсто и здѣсь: g переходитъ въ ż, k выбрасывается: długi—dłuższy, cienki—cieńszy, krótki—krótszy. Для избѣжанія трудности въ выговорѣ нѣкоторыхъ прилагательныхъ предъ слогомъ szy вставляется ej: dawny—dawniejszy, tłusty—tłuściejszy.

Изъ прилагательныхъ, имѣющихъ неправильную сравнительную степень, замѣтимъ слѣдующія:

dobry сравн. ст.	lepszy	wysoki ср. ст.	wyższy
zły	gorszy	mały	mniejszy
wielki	większy	gorący	gorętszy

Превосходная степень образуется чрезъ прибавленіе начальнаго слога naj къ сравнительной: najstarszy, najlepszy.

Имена числительныя почти такія же, какъ и въ чешскомъ яз.: jeden, dwa, trzy, cztery, pięć, dziesięć, jedenaście, dwanaście и т. д., dwadzieścia, sto, pięćset, tysiąc. Pierwszy, drugi, trzeci, czwarty, piąty, szósty, siódmy, dwudziesty, setny и т. д.

Мѣстоименія польскія тоже мало представляютъ затрудненія. Личныя мѣстоименія: ja, ty, on. Изъ падежныхъ формъ замѣтимъ: родит. и дат. ед. ч. mnie, 2-е л. ciebie, дат. tobie, вин. mię, cię, твор. mną, tobą; 3-го л. ж. р. вин. ед. ją nię; твор. ж. р. ед. ч. nią. Другія мѣстоименія: mój, twój, swój (въ падежныхъ формахъ ój иногда выпускается), ten (тотъ, сей), owy, ony (р. tego, owego, onego). Указательное мѣстоименіе on, -a, -o можетъ сокращаться, въ особенности при слитіи съ нимъ предлоговъ: zań вм. za niego и т. п. Вопросительныя: kto, co (р, kogo, czego) и т. д. czyj. Относительное: który; прежде было iż, вышедшее нынче изъ употребленія. Склоненіе его тоже самое, что и въ чешскомъ и церковно-славянскомъ. Обратимся теперь къ глаголамъ.

Принявъ однажды за правило ставить глаголы всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ параллель съ церк.-славянскими, мы и польскіе глаголы раздѣлимъ на шесть спряженій.

I. Окончаніе наст. вр. и неопред. накл. присоединяются непосредственно къ корню nios-ę, nieść; pi-ję, pi-ć.

II. Со вставкою n, ną: pły-n-ę, pły-ną-ć.

III. Со вставкою ie (ѣ), которая въ настоящемъ времени обыкновенно выпускается: lec-ę, lec-ie-ć.

IV. Со вставкою i, имѣющею вліяніе на предъидущую согласную въ наст. вр. sadz-i-ć, sadz-ę.

V. Относящіеся къ этому разряду глаголы имѣютъ въ настоящемъ времени am, въ неопр. наклоненіи ać: czytam—czytać, kocham—kochać (любить).

VI. Со вставками owa, u: kup-owa-ć, kup-u-ję.

Изъ всего этого можно вывести слѣдующія заключенія: α) неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на ć (ть), β) первое лицо наст. вр., кромѣ V спряженія, оканчивается на ę. Этимъ окончаніемъ ę и отличается оно отъ 3-го л. мн. ж.: czuję (чувствую, чую)—czują, niosę—niosą. Слѣд. здѣсь ę=ж, ą=жть.

При спряженіи польскихъ глаголовъ надобно замѣтить, что связующая гласная сливается съ окончаніемъ: эта особенность существуетъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но тамъ она не такъ замѣтна; напротивъ, въ польскомъ яз. это есть характеристическая черта въ спряженіи глаголовъ. Разсмотримъ настоящее время:

Ед. ч.	1.	niosę	biorę	piję	wiem
	2.	niesiesz	bierzesz	pijesz	wiesz
	3.	niesie	bierze	pije	wie
Мн. ч.	1.	niesiemy	bierzemy	pijemy	wiemy
	2.	niesiecie	bierzecie	pijecie	wiecie
	3.	niosą	biorą	piją	wiedzą
Ед. ч.	1.	czytam	siadam	sadzę	lecę
	2.	czytasz	siadasz	sadzisz	lecisz
	3.	czyta	siada	sadzi	leci
Мн. ч.	1.	czytamy	siadamy	sadziemy	leciemy
	2.	czytacie	siadacie	sadzicie	lecicie
	3.	czytają	siadają	sadzą	lecą

Изъ спряженія настоящаго времени видимъ, что польскіе глаголы находятся въ совершенной аналогіи съ ц.-славянскими, особенно если обращать при этомъ вниманіе на соотношеніе звуковъ того и другаго языка.

Что касается до прочихъ временъ—настоящаго, прошедшаго и будущаго—то они перифрастическія. Но примѣчательно, что въ польскомъ языкѣ вспомогательный

глаголъ, такъ сказать, сросся съ корнемъ глагола (именно въ прошедшемъ времени). Разсмотримъ спряженіе вспомогательнаго глагола отдѣльно.

Вспомогательныхъ глаголовъ въ польскомъ языкѣ два—одинъ общій—być, другой—mieć (имѣть). Настоящее время глагола być образовалось посредствомъ срощенія третьяго лица наст. вр. (jest) съ остальными лицами. Спряженіе глагола być въ настоящемъ времени есть слѣдующее:

Ед. ч.	1. jestem	Мн. ч.	1. jesteśmy
	2. jesteś		jesteście
	3. jest		są

Безъ сомнѣнія, окончанія em, eś, eśmy, eście суть остатки спряженія глагола ѥсмь.

Для образованія прошедшаго времени берется форма był и къ ней прибавляются тѣже окончанія. И такъ прошедшее спрягается такъ: byłem, byłeś, był, byliśmy, byliście, byli (ж. р. były). Окончанія em, eś и проч. характеризуютъ прошедшее время всѣхъ глаголовъ, прибавляясь къ ихъ причастіямъ на ł. Будущее время отъ глагола być аналогично съ ц.-слав. и русскимъ и есть слѣдующее:

Ед. ч.	1. będę	Мн. ч.	1. będziemy
	2. będziesz		będziecie
	3, będzie		będą.

Другой вспомогательный глаголъ mieć употребляется для выраженія намѣренія (подобно греч. μέλλω) и спрягается такъ:

Настоящее время:

Ед. ч.	1. mam	Мн. ч.	1. mamy
	2. masz		macie
	3. ma		mają

Прошедшее время:

Ед. ч.	1. miałem	Мн. ч.	1. mieliśmy
	2. miałeś		2. mieliście
	3. miał		3. mieli

Будущее время (1 и 2):

Ед. ч. 1. będę		
2. będziesz	1) mieć	
3. będzie	2) miał	
Мн. ч. 1. będziemy		
2. będziecie	1) mieć	
3. będą	2) mieli	

Слѣд. прошедшее время глагола mieć есть ничто иное, какъ прошедшее причастіе miał, соединенное съ окончаніемъ em (метаморфоза *есмь*).

Глаголъ mam до такой степени употребителенъ въ польскомъ языкѣ, что во многихъ случаяхъ его невозможно перевести нашимъ *имѣю*, тѣмъ болѣе, что въ русскомъ языкѣ это глаголъ самостоятельный, а не вспомогательный, какъ въ польскомъ. Напр. on miał przyjść—онъ хотѣлъ придти; miałem zrobić—я хотѣлъ сдѣлать.

Мы замѣтили, что характеристикой польскаго прошедшаго времени служитъ окончаніе em, такъ: отъ siadam прош. время siadałem, отъ płynąć—płynąłem. Въ женскомъ родѣ *е* замѣняется *а*: miałam, miałaś и т. д. Что окончаніе em есть остатокъ вспомогательнаго глагола ѥсмь, это доказывается еще и тѣмъ, что это em можетъ переноситься къ другому слову, что составляетъ замѣчательную особенность польскаго языка, напр. jam płynął вм. ja płynąłem; wyście zrobili вм. wy zrobiliście; myśmy chcieli вм. my chcieliśmy и т. д. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится:

Wszak samaś tego żądała (вм. sama żądałaś)
Samaś temu winna była (вм. sama byłaś)...

Другой примѣръ: czegom cię prosił (вм. czego prosiłem), nie zrobiłeś.

Будущее время во всѣхъ польскихъ глаголахъ выражается посредствомъ będę и mam. Особенность этого времени состоитъ въ томъ, что вспомогательные глаголы могутъ соединяться или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ или съ прошедшимъ причастіемъ, какъ и въ хорутанскомъ

языкѣ: będę mówić (futurum simplex) и będę mówił (futurum exactum).

Перейдемъ къ причастіямъ. Причастіе настоящаго времени оканчивается собственно на -ąсу, -ąса, -ąсе (жшти): czytać—czytającу, -jąca, -jące. Но польскій языкъ можетъ употреблять это причастіе и безъ окончаній у, а, е, и тогда происходитъ родъ дѣепричастія; напр. kobieta niosąc brzemię.

Окончаніе прошедшаго причастія есть ł, ła, ło; замѣтимъ только, что предъ этими окончаніями корневыя окончанія не выпадаютъ, какъ въ русскомъ: отъ paść прич. прош. padł, wieść—wiódł (у насъ выпадаетъ: *палъ*, *велъ*).

Причастіе страдательнаго залога оканчивается обыкновенно на ony, ona, ono: widzieć — widzony; иногда окончаніе ony можетъ превращаться въ any: widzieć—widział—widziany.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ страдательное причастіе можетъ оканчиваться на ty, ta, to: bić—bity, bita, bito; gnąć—gnięty, żąć—żęty.

Есть форма дѣепричастія прошедшаго на -szy или -wszy: niósł—niósłszy, padł—padłszy, czytał—czytawszy.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній касательно неизмѣняемыхъ частей рѣчи польскаго языка. Изъ нихъ замѣтимъ только тѣ, которыя для насъ не совсѣмъ ясны.

Нарѣчія: lepiej—лучше, gorzej—хуже, bardzo (ц.-слав. връзо, болг. бóрго)—очень, весьма; owszem—конечно, такъ; według (въ длину — по), сообразно, między—между, pono—можетъ быть, вѣроятно, chyba—развѣ, tanio—дешево и проч.

Союзы польскіе интересны болѣе потому, что нѣкоторые изъ нихъ явно доказываютъ свое происхожденіе отъ мѣстоименій: iż, że — что, ut (вѣроятно отъ п.-слав. иже), quod; aby — чтобы, bo, bowiem — но; acz — аще, если, хотя; lecz — но; ale — но, однакожъ.

Pieśń o Sawie.

Był pan Sawa w Niemirowie
Na pańskiem obiedzie,
Smutny siedział, choć nie wiedział
O swej blizkiej biedzie.
  Wrócił Sawa już do chatki,
  Pierś mu wzbiera wzdychać;
  Wita, pyta i czeladzi:
  Co tu w domu słychać?
—„Po staremu, po dawnemu,
A jest i nowina:
Pani nasza, żona wasza
Powiła wam syna“.
  Poza stołem z tęsknem czołem
  Sawa listy pisze,
  A Sawina tuli syna
  Na rękach kołysze.
Czyta listy poza stołem
Sawa z tęsknem czołem,
Nie wesoła i Sawina
Przepowija syna.
  Pójdź no chłopcze! utocz wódki
  Wypić żony zdrowie;
  Starka spędzi z serca smutki,
  Rozjaśni mi w głowie.
Pójdź no chłopcze! pójdź no mały!
Utocz piwa w sklepie;
Za dzieciątko, niemowlątko,
Siły me pokrzepię.

Przynieś chłopcze! mi starego
Miodu stuletniego,
Ciężko w sercu, chociem zdrowy,
Wznieść nie mogę głowy.
Jeszcze chłopiec, jeszcze mały
Nie wrócił z piwnicy,
Aż jak maki Hajdamaki
Zakwitły w świetlicy.
Czołem, czołem, panie Sawo!
Jakże Jego Mości?
Czem przyjmować, czem częstować
Będziesz nas, twych gości?
Co mam, z duszy na stół ruszy
Naczczo nie wyjdziecie;
Chrzciny sprawim, dzionek strawim,
Pan Bóg dał mi dziecię.
Oj już nie czas, panie Sawo
Chrzciny ci sprawować;
Nas przysłano, nam kazano
Wziąść cię, dom zrabować.
Sawa śmiele karabelę
Biegł zdjąć, gniew chamował;
Wróg nań zdradnie z tyłu wpadnie,
Ramiona krępował.
Sawa skoczy, na dwór kroczy
Przez kozactwa chmurę,
Ci spisami za progami
Wynieśli go w górę.
Upadł Sawa, upadł Sawa,
Ziemia zajęczała,
Krew go broczy, ćmią się oczy,
Nogi, dłań ztężała.

VII. Лужицкія нарѣчія.

Мы должны теперь перейти къ нарѣчіямъ, принадлежавшимъ группѣ племенъ, которыя занимали огромное пространство между Эльбою, Балтійскимъ моремъ и Одеромъ и которыя ученые называютъ *Полабскими Славянами.* Вслѣдствіе политическихъ переворотовъ они должпы были уступить Нѣмцамъ, которые и поселились въ ихъ земляхъ, тамъ, гдѣ нынче герцогство Ольденбургское, Мекленбургскія и др. Отпрыски этого важнаго въ филологическомъ отношеніи рода остались еще и понынѣ, въ предѣлахъ между Саксоніей и Пруссіей, по рѣкѣ Одеру. Эти отпрыски принадлежали нѣкогда группѣ народа, называемаго Сербами, и даже въ настоящее время они называютъ свою землю Serbska źemja. Но такъ какъ они и понынѣ живутъ въ странахъ лѣсисто-низменныхъ, а такія урочища назывались въ старину **лѫгами** (слово, сродное новогреческому λόγγος—лѣсъ), то землю, занимаемую ими, называютъ *Лужицею.* Нѣмцы же, которые стали обладателями этихъ земель, измѣнили это названіе, превративъ *у* въ двугласное au (какъ напр. изъ „Budišin“ сдѣлали „Bauzen“) и называютъ ее Lausitz.

Собственно говоря, лужицкія земли (Lausitz) находятся во владѣніяхъ прусскихъ, примыкая къ Силезіи, и въ саксонскихъ, составляя восточную часть Саксоніи, и окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами. Поселеніе Лужичанъ идетъ съ сѣвера по рѣкѣ Шпревѣ (Spree) отъ шпревскихъ болотъ, южнѣе Франкфурта на Одерѣ; на западъ оно достигаетъ рѣки Ольстры (Oelster), гдѣ Дрезденъ; съ востока до рѣки Ниссы (Neisse) и вообще предѣловъ Силезіи; на югъ доходитъ до горъ Крушныхъ (Erzgebirge)

и горъ Крконошскихъ (Riesengebirge). Всѣхъ Лужичанъ около 200,000.

Мы сказали, что лужицкія земли находятся частію въ Саксоніи, частію въ Пруссіи: и эти земли какъ по нарѣчію, такъ и по самому географическому положенію можно раздѣлить на два отдѣла: *Верхними Лужицами* (Oberlausitz, Horni Lužičane) называются земли, лежащія въ Саксоніи: они болѣе или менѣе гористы; земли же, примыкающія къ Силезіи, носятъ названіе *Нижнихъ Лужицъ* (Niederlausitz, Dolni Lužičane). Чтобы еще скорѣе узнать мѣстность, занимаемую Верхними и Нижними Лужицами, укажемъ на нѣкоторые города: а) въ Верхнихъ Лужицахъ: Budišin (Bauzen), Luben, Zhořelic (Görlitz); б) въ Нижнихъ Лужицахъ: Gubin, Žarow (Sorau), Łukow (Lukau), Khotbuš.

Какъ по своему географическому положенію, такъ и по языку эти Славяне, хотя и немногочисленные, дѣлятся на два отдѣла; и языкъ ихъ, слѣдственно, составляютъ два нарѣчія: *верхне-лужицкое* и *нижне-лужицкое* (хотя нѣкоторые ученые находятъ въ немъ три, даже четыре поднарѣчія). Въ нашемъ обозрѣніи мы будемъ показывать параллельно главныя свойства того и другаго.

Главная особенность лужицкихъ нарѣчій, послужившая основаніемъ нашему дѣленію, есть произношеніе звука **г**: у Верхнихъ Лужичанъ, въ Саксоніи, находящихся ближе къ Чехамъ, господствуетъ h, у Нижнихъ же, въ Силезіи, находящихся ближе къ Полякамъ, господствуетъ g. Оба лужицкія нарѣчія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно поставить въ параллель одно съ другимъ, имѣютъ свойство языковъ, лишенныхъ органическаго развитія вслѣдствіе долгаго застоя въ письменности, отъ чего языкъ Лужичанъ потерялъ всю свою энергію, и самые звуки, такъ сказать, *пошатнулись*: гласные и согласные до такой степени смѣшиваются у Лужичанъ, что нужно много опытности и времени, чтобы угадать настоящее значеніе многихъ словъ этого языка.

И такъ, первая характеристическая черта лужицкихъ нарѣчій есть *шаткость гласныхъ и согласныхъ.* Есть, правда, нѣкоторые общіе признаки, которые могли бы намъ служить указаніями къ этой разгадкѣ словъ; но эти признаки слишкомъ мелочны и ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать ихъ точными. Посмотримъ теперь на эти особенности.

h, j, ł, w. Примѣчательно, что эти четыре звука въ лужицкомъ языкѣ чередуются между собою болѣе, чѣмъ другіе. Правда, и тутъ видна какая-то случайность, но за то здѣсь есть причина органическая: всѣ эти звуки смѣло можно назвать придыханіями; такъ ł есть придыханіе въ малорусскомъ и хорутанскомъ языкахъ, и оно можетъ переходить въ v: był и byv. До какой степени чередованіе этихъ четырехъ звуковъ—h, j, ł, w, — дошло въ лужицкихъ нарѣчіяхъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: hołb, hojb (голубь); hriwa, riha (грива); twaroh, twarow (творогъ); hižom, južom (уже), а также: lina (глина), łosy (вм. włosy—волосы), hisče—еще и проч. Это доказываетъ, что согласныя h, j, ł, w суть ничто иное какъ придыханія, тѣмъ болѣе, что Лужичанинъ можетъ ихъ вставить тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ наприм.: hokno вм. okno; huzda вм. uzda; woko вм. oko и т. п. Сверхъ того, замѣчательно, что эти четыре звука очень часто въ тѣхъ словахъ, гдѣ они необходимы, напр. въ корнѣ, выпадаютъ: это-то свойство обоихъ лужицкихъ нарѣчій и есть главная причина ихъ шаткости.

И такъ, мы сказали о трехъ важныхъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій: 1) шаткость или чередованіе гласныхъ и согласныхъ; 2) вставка звуковъ h, j, ł, w тамъ, гдѣ они не нужны и 3) опущеніе этихъ звуковъ тамъ, гдѣ они необходимы. Покажемъ еще все это на примѣрахъ:

ladać—глядѣть	nać—гнать
ladki—гладкій	ra—игра (польск. gra)
łobǫki—глубокій	rib—гриб
łowa, wowa—голова	riwna—гривна

rod—городъ
romada—громада
rozny—грозный
ruby—грубый
łod—голодъ
wiezda—звѣзда (поль. gwiazda
du—иду
stwa—изба
rocić—коротить
rona—ворона
sy—всѣ
čera—вчера
čola—пчела
rečeno—веретено
rota—ворота
so—все
za (вм. łza)—слеза
wulo (вм. wuhlo)—уголь
sceno—стегно (вм. scehno)
žica—лжицл, ложка
khom—холмъ
mody—молодой (вм. młody)
mon—молнія
mowić—говорить и мн. др.

Все, что мы сказали до сихъ поръ, все это составляетъ общія свойства лужицкихъ нарѣчій, т. е. относится какъ къ верхнему, такъ и къ нижнему нарѣчію. Теперь перейдемъ къ тому, какъ именно оба нарѣчія относятся между собою, а ужъ потомъ будемъ говорить объ отношеніи ихъ къ церковно-словянскому языку.

Получивъ отъ Лютеранъ въ XVI в. переводъ Св. Писанія, написанный какою-то странною смѣсью латинскаго алфавита съ нѣмецкимъ, Лужичане выражали свою ороографію посредствомъ извѣстныхъ комбинацій, заимствованныхъ съ нѣмецкаго. Въ послѣднее время въ ихъ языкъ внесена, какъ самая легкая и удобная, ороографія чешская.

Касательно ударенія нужно замѣтить, что верхне-лужицкій языкъ имѣетъ его постоянно на первомъ слогѣ, какъ и въ чешскомъ яз.; въ нижнемъ же оно непостоянно. Сверхъ того, въ нижне-лужицкомъ нарѣчіи замѣчаемъ одно свойство, которое находимъ также и въ мало-русскомъ: это — переходъ *о* въ *у* и *і*. Причину этого свойства въ лужицкомъ языкѣ пояснить довольно трудно; у Малороссовъ же оно объясняется, такъ какъ въ этомъ языкѣ видно постепенное паденіе гласныхъ. Впрочемъ, мы объяснимъ такое странное явленіе и въ лужицкихъ нарѣчіяхъ, когда допустимъ, что *о*, вѣроятно, встарину было

произносимо какъ оу; послѣ же мы увидимъ, что оу гораздо ближе чѣмъ *о* подходитъ къ и. Особенно такое произношеніе замѣтно близь мѣстности города Боркова: въ борковскомъ нарѣчіи *і* (у) всегда стоитъ вмѣсто *о*: ħyra (гора), ħyla (пашня) вм. ħola и проч.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: оба лужицкія нарѣчія находятся между собою во взаимной связи вслѣдствіе усиленія смягченія согласныхъ; такъ, звукъ ть въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи=ć, въ нижнемъ=ś: dać—daś, wrócić—wróciś и т. п.

Вотъ и вся общая характеристика лужицкихъ нарѣчій. Не смотря, однакожъ, на внутреннее свое разстройство, лужицкія нарѣчія сохранили въ себѣ много древнѣйшихъ формъ языка ц.-словянскаго. Такое заключеніе выводится изъ того, что 1) лужицкія нарѣчія *удержали двойственное число,* хотя нѣсколько измѣнили его окончанія; 2) сохранили прошедшее время нд ch: dach, ħudzech. Въ употребленіи даже синтаксическомъ встрѣчаются такія свойства, о которыхъ можно думать, что они нѣкогда были присущи и церковно-словянскому языку. Такъ, окончанія падежей во всѣхъ древнихъ языкахъ были такъ выразительны, что не нужно было никакихъ признаковъ, по которымъ бы мы могли отличить падежъ: такъ напр. изъ выраженія „ibo Romam" ясно видно, что окончаніе падежа am въ латинскомъ языкѣ было гораздо сильнѣе всякаго предлога. Тоже самое и у Лужичанъ. Въ сербскомъ языкѣ мы замѣтили употребленіе дательнаго падежа вмѣсто предложнаго съ предлогомъ: лужицкій языкъ сохранилъ это по отношенію къ предложному падежу. Извѣстно, что и въ старомъ русскомъ языкѣ было это свойство: *я живу Кыевѣ*; *Остромірь посадникъ бѣ Новѣ-городѣ.* Но у Лужичанъ употребленіе мѣстнаго падежа безъ предлоговъ распространяется не только на имена собственныя, но относится ко всѣмъ именамъ, напр. на вопросъ: dje ħěše? Лужичанинъ отвѣчаетъ zagrodě (въ саду); также всѣ книги, издаваемыя у Лужичанъ, имѣютъ, напр., такого рода надписи: „Budišině, Zhořelicach" и т. п. Слѣдующія выраженія еще

лучше покажутъ намъ, до какой степени распространена въ лужицкихъ нарѣчіяхъ эта самостоятольность, безпредложность падежей: piwě hromichom (т. е. въ то время, какъ пили пиво...); wině rejowali (т. е. въ то время, какъ пили вино, танцовали); swaśbě rejowali (танцовали на свадьбѣ).

Сказавъ объ общихъ свойствахъ лужицкихъ нарѣчій, приступимъ теперь къ аналогіи ихъ съ церковно-словянскимъ языкомъ. Нечего и говорить, что наши замѣчанія будутъ ограниченны, благодаря шаткости звуковъ этихъ нарѣчій, непозволяющей опредѣленно сказать, какой именно звукъ лужицкій отвѣчаетъ извѣстному церковно-словянскому.

Объ ъ и ь можно сказать то, что въ обоихъ нарѣчіяхъ они могутъ переходить во всѣ гласныя.

ѫ въ обоихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ звуку u (оу). Примѣчательно, что лужицкія нарѣчія хотя и потеряли ринезмы, но все-таки въ первообразѣ ихъ—полабскомъ языкѣ они были; по всѣмъ признакамъ можно думать, что произношеніе ринезма ѫ въ полабскомъ языкѣ было an.

ѧ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ нарѣчіи выражается черезъ *e*, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ переходить и въ *i*: knez—кънѧѕь; и этотъ ринезмъ въ полабскомъ языкѣ выражается чрезъ an: мѧсо—manso, ѕѧть—zantik.

Звукъ ѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ выражается чрезъ je. Звукъ є въ нижне-луж. нар. во многихъ словахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ онъ смягчается, переходитъ въ ja, какъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: nja imam (вм. nje imam), jaden (вм. jeden) и проч.

ы. Звукъ этотъ сохранился въ обоихъ нарѣчіяхъ, хотя выговоръ его не такъ твердъ, какъ, напр., въ русскомъ яз. (ы) и въ польскомъ (y). Но вслѣдствіе шаткости какъ вокализма, такъ и консонантизма, вмѣсто ы (y) часто употребляется звукъ *o*: młyn, młon (mwon, mon).

Въ отношеніи къ согласнымъ мы также должны ограничиться не многими замѣчаніями, какъ и при обозрѣніи гласныхъ. Кромѣ того, что мы сказали о придыханіяхъ h, j, ł, w, надобно еще замѣтить, что звукъ χ въ нижн.-луж. произносится какъ kh (кх'): chory (хворый) — khory; cholm—kholm (оттуда нѣм. названіе города Kulm).

тj. Если этотъ звукъ переходитъ въ **шт**, то онъ въ обоихъ нарѣчіяхъ замѣняется звукомъ с (ц): noc, moc. Если же это **тj** остается неизмѣняемымъ, то есть не переходитъ въ ц.-слав. яз. въ **шт**, какъ напр. въ неопредѣленномъ наклоненіи (**ть, ти**), то въ верхне-лужицкомъ ему отвѣчаетъ ć (ць) въ нижнемъ—ś: pić—piś, dać—daś. Но не только въ неопред. наклоненіи, а и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только есть смягченное **т**, въ нижн.-луж. можно допустить произношеніе ś: ciele — śele (**тела**); pieć—pieś и т. п.

Звукъ **жд**, столь важный для характеристики всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ верхне-луж. нарѣчіи имѣетъ выраженіе dž, въ нижне-луж.—ź (зь) примѣры:

верхне-луж. dźiwco — нижне-луж. źowco

„ rodžon „ roźen.

Относительно звука **рь** (rj) замѣтимъ, что въ обоихъ лужицкихъ нарѣчіяхъ ему отвѣчаетъ звукъ š: kšydlo — крыло, pšed—предъ; но часто rj удерживается и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и русское **рь**: rjany—рьяный, rjedki—рѣдкій. Другими словами, rj послѣ твердыхъ согласныхъ p, k, t можетъ переходить въ š; въ прочихъ случаяхъ отвѣчаетъ церковно-слов. **рѣ**.

Вотъ возможная аналогія лужицкой фонетики съ ц.-словянскою, основанная если не на всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ на очень многихъ словахъ; но какъ она шатка, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: bza = łza, za (слеза); pšytko (все, польск. wszystko); swarba — свадьба, bez (вм. mez)—между, sturnia (вм. studnia) — колодезь и мног. друг.

Поговоримъ теперь о грамматическихъ формахъ лужицкихъ нарѣчій. Для перехода звуковъ въ склоненіяхъ представимъ слѣдующую таблицу окончаній:

Ц.-слов.	нижн.-луж.	верхн.-луж.
оу	u, ou, oju	ej
ъмь	em	em
ѣ	ej, e	ej, e
а	aj	aj
ъ (род. мн. ч.)	ow	ow
є	o	e
и (им. мн. ч.)	e, y	e, y, ojo

Въ прочихъ случаяхъ соблюдается болѣе или менѣе аналогія съ русскими или церковно-словянскими формами.

Для примѣра склоненія возьмемъ слова: dub, nan (отецъ).

Единственное число.

	нижн.-луж.	верхн.-луж.
И.	dub, nan	dub, nan
Р.	duba, nana	duba, nana
Д.	duboju, nanu (oo, oju)	dubej, nanej
В.	dub, nana	dub, nana
Т.	dubem, nanem	dubem, nanem
П.	dubě, naně	dubě, naně

Множественное число.

	нижн.-луж.	верхн.-луж.
И.	dube, nane	duby, nany
Р.	dubow, nanow	
Д.	dubom, nanom	
В.	duby, nanow	
Т.	dubami, nanami	
П.	dubach, nanach.	

Нѣкоторыя имена во мн. ч. вмѣсто *y* имѣютъ *e*, особенно же тѣ, которыя оканчиваются на смягченную согласную. Имен. пад. множ. ч. можетъ также имѣть окончаніе ojo: muž—mužojo. Но самое важное, что особенно характеризуетъ лужицкія нарѣчія, есть *двойственное число:*

Нижн.-луж. дв. ч. И. В. З. duba, nana
Р. П. dubowu, nanowu
Д. Т. duboma, nanoma
Верхн.-луж. дв. ч. И. В. З. dubaj, nanaj
Р. П. dubow, nanow
Д. Т. dubomaj, nanomaj.

Изъ этихъ примѣровъ склоненія нужно замѣтить слѣдующія окончанія:

а) въ нижн.-луж. нарѣчіи: дат. п. ед. ч. на oju и дв. ч. на a, owu, oma.

б) въ верхн.-луж. нарѣчіи: дат. пад. ед. ч. на ej, чѣмъ этотъ падежъ и отличается отъ предложнаго на e; двойств. ч. на aj, ow, amaj.

Возьмемъ теперь существительное женскаго рода ryba. Въ нижн.-луж. нарѣчіи оно склоняется такъ:

Ед. ч. И.	ryba	Множ. ч.	rybe (y)
Р.	ryby		rybow
Д.	rybej		rybam
В.	rybu		rybow
Т.	rybo		rybami
П.	rybe		rybach

Дв. ч. И. В. З. rybe
Р. П. rybowu
Д. Т. ryboma.

Въ верхне-лужицкомъ ед. и мн. ч. будутъ точно также; только двойственное число имѣетъ слѣдующія формы: rybe, rybow, rybomaj.

Слѣдовательно, въ обоихъ лужицкихъ нарѣчіяхъ мы должны замѣтить окончаніе род. пад. мн. ч. женскаго рода ow и двойственное число, совершенно сходное съ окончаніями двойственнаго числа мужескаго рода. Самая же важная особенность есть, безъ сомнѣнія, употребленіе окончанія ow въ род. пад. множ. ч. женск. рода какъ именъ существительныхъ, такъ прилагательныхъ, что совершенно не въ духѣ слав. языка. Другая особенность лужицкихъ склоненій состоитъ въ прибавленіи къ нѣкоторымъ гласнымъ звукамъ j: dubej, dubaj, dubomaj.

Имена средняго рода склоняются точно такъ же, какъ и мужескаго. Перейдемъ къ прилагательнымъ.

Лужицкія имена прилагательныя въ отношеніи склоненія аналогичны съ церковно-словянскими; отступленія если и бываютъ, такъ только въ тѣхъ падежахъ, гдѣ усиливается гласная, именно въ дательномъ и предложномъ, Что касается до окончаній, то нужно замѣтить, что въ лужицкихъ нарѣчіяхъ господствуетъ полное окончаніе, т. е. род. пад. кончится на ego (eho), дат. — emu и т. д. Общій видъ этихъ окончаній слѣдующій:
Ед. ч. муж. р. prawy, женск. р. prawa, средн. р. prawe (o)
Мн. ч. муж. и жен. р. prawi prawe.

Имена числительныя болѣе или менѣе сходны между собою во всѣхъ славянскихъ языкахъ: разница только въ одной фонетикѣ; такъ, въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи числительныя суть: jeden, dwaj, tši, petśo, šeść, dźeweć и т. д.; въ нижне-лужицкомъ смягченіе простирается еще далѣе: jadno, dwa, tsi, čtiri, pieś, šeś, wośem, źeweś, zaseś (zašeś) и т. д.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о мѣстоименіяхъ. Естественно, что лужицкія нарѣчія должны имѣть общія съ прочими славянскими нарѣчіями мѣстоименія *личныя*; въ самомъ склоненіи они не представляютъ ничего особеннаго. Вотъ эти мѣстоименія: ja, ty, on, ona, ono. Но примѣчательно, что Лужичане и въ мѣстоименіяхъ совершенно одинаково сохранили двойств. число; и это тѣмъ болѣе интересно, что оно и въ церк.-слав. яз. начало упадать. Формы этого двойственнаго числа слѣд.: moj, woj; naju, waju; nama, wama; они очень важны, потому что лежатъ въ основаніи двойственнаго числа глаголовъ.

Личное мѣстоименіе 3-го лица, или лучше *указатель-*

ное, есть—on, ona, ono; но мы уже замѣтили, что Лужичане любятъ употреблять h, j, ł, w тамъ, гдѣ эти звуки совершенно не нужны, и особенно въ словахъ, начинающихся съ гласной: такъ, изъ on. ona, ono они сдѣлали won, wona, wono. Другое указательное мѣстоименіе есть ton (ц.-слов. **тъ**, польск. и чешск. ten), которому иногда придаютъ значеніе члена; это встрѣчается и въ хорутанскомъ яз., но рѣдко; у Лужичанъ же оно возобладало до такой степени, что его употребляютъ въ значеніи нѣмецкаго члена: der, die, das; напр. ton knez—der Herr.

Вопросительныя мѣстоименія: kdo (khdo)? čto? kotri? kajki? ki? — Изъ всѣхъ этихъ вопросительныхъ мѣстоименій можно сдѣлать и *относительныя* посредствомъ прибавки къ нимъ ž (какъ въ хорутанскомъ яз. r): kdož и пр. Такимъ же образомъ въ ц.-слов. языкѣ изъ й произошло **иже**. — *Неопредѣленное* мѣстоименіе: necht—нѣкто; притяжательныя: moj, twoj, swoja, twoja, moja и т. д. Эти мѣстоименія склоняются подобно прилагательнымъ именамъ и не представляютъ ничего особеннаго.

Глаголы. Точно также, какъ мы поступали при обозрѣніи всѣхъ предъидущихъ нарѣчій, мы и здѣсь удержимъ дѣленіе глаголовъ на шесть отдѣльныхъ классовъ; притомъ здѣсь мы будемъ разсматривать эти классы глаголовъ съ показаніемъ различій одного нарѣчія отъ другаго въ произношеніи.

I. Сюда принадлежатъ глаголы, оканчивающіеся въ настоящ. времени непосредственно на u, въ неопредѣленномъ на ć (верхн.-луж.) и ś (нижн.-луж.): nes-u, nes-ć (nes-ś).

II. Вставка n, nu: wuk-n-u, wuknuć (в.-л.), wuknuś (н.-л.).

III. Вставка y въ неопр. накл.: lež-u, lež-y-ć (в.-л.), lež-y-ś (н.-л.).

IV. Вставка i въ неопр. накл.: słuž-u, słuž-i-ć (в.-л), słuž-i-ś (н.-л.).

V. Вставка a: syp-a-m, syp-a-ć (в.-л.), sypaś (н.-л.).

VI. Вставка uj, owa: kup-uj-u, kup-owa-ć (в.-л.), kup-owa-ś (н.-л.).

Отсюда видимъ, что 1-ое лице настоящаго времени кончится на u, исключая V-го спряженія; неопредѣленное наклоненіе въ верхне-лужицкомъ кончится на ć, въ нижнемъ на ś. Сверхъ того, нижне-лужицкое нарѣчіе любитъ оканчивать настоящее время на om (nesom).

Будемъ теперь спрягать настоящее время, и тутъ увидимъ, что различіе спряженія въ обоихъ нарѣчіяхъ зависитъ только отъ измѣненія *e* въ *o*. Возьмемъ для примѣра глаголъ 1-го спряженія wedu:

Верхне-луж.:

Ед. ч.	wedu	Дв. ч.	wedžemoj (maj)	Мн. ч.	wedžemy
	wedžeš		wedžetaj		wedžeće
	wedže		wedžetaj		wedu.

Нижне-луж.:

Ед. ч.	wedu	Дв. ч.	weźomoj (mej)	Мн. ч.	weźomy
	weźoš		weźotaj (tej)		weźośe
	weźe		weźotaj (tej)		wedu.

Слѣдовательно въ обоихъ нарѣчіяхъ отпали полныя окончанія ц.-слав. ть въ третьемъ лицѣ; тоже самое мы встрѣчали и въ другихъ разсмотрѣнныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Двойственное число у Лужичанъ въ большомъ употребленіи; говоря о мѣстоименіяхъ, мы замѣтили между прочимъ, что окончанія дв. ч. личныхъ мѣстоименій важны для дв. ч. глаголовъ; изъ примѣровъ это прямо слѣдуетъ, причемъ мы видимъ, что лужицкое дв. ч. тоже самое, что и въ ц.-слов. языкѣ: только здѣсь окончанія усиливаются гласною j.

Отъ глагола du (**идж**), котораго неопредѣленное наклоненіе ić, iś часто черезъ перестановку словъ имѣетъ форму dźiaś, настоящее время будетъ:

Верхне-луж.:

Ед. ч.	du	Дв. ч.	dźemaj	Мн. ч.	dźemy
	dźeš		dźetaj		dźeće
	dźe		dźetaj		du

Нижне-луж.:

Ед. ч. dom	Дв. ч. domaj	Мн. ч. domy
doš	dotaj	dośe
do	dotaj	du.

Лужицкія нарѣчія сохранили оба прошедшія; и странно, какъ не истерлись въ этихъ языкахъ фонетическія правила, все таки imperfectum какъ нельзя болѣе аналогиченъ съ церк.-словянскимъ. Отъ глагола beru imperfectum будетъ:

Верхне-луж.:	Нижне-луж.:
berach, berachmy	berach, berachmy
beraše, berachce (ašće)	berašo, beraśćo
beraše, berachu	berašo, berachu
berachmoj	berachmej
beraštaj, beraštaj	beraštej, beraštej

Аористъ всегда требуетъ вида, т. е. извѣстнаго сокращенія: такъ, отъ beru аористъ будетъ brach:

Верхне-луж.:	Нижне-луж.:
brach, brachmy	brach, brachmy (o)
bra, brašće	bra, brašćo
bra, brachu	bra, brachu
brachmoj	brachmej
braštaj	braštej
braštaj	braštej

Примѣч. Можно эти обѣ формы назвать общимъ именемъ прошедшаго, различаемаго глагольнымъ видомъ.

Слѣд., отличіе imperfect'а отъ аориста есть большею частію видовое; а нужно замѣтить, что лужицкій языкъ болѣе чѣмъ всѣ другіе обращаетъ вниманіе на это видовое отличіе: отъ nesu imperfectum будетъ nošach, аор. nosich, мн. ч. impf. nošachu аор.nosichu.

Однимъ словомъ, лужицкія нарѣчія находятся уже на пути смѣшиванія аориста съ imperfect'омъ, но только они выдерживаютъ видъ, что препятствуетъ этому смѣшенію. Нельзя, однакожъ, думать, что Лужичане въ самомъ дѣлѣ

смѣшиваютъ ту и другую форму: напротивъ, въ ихъ синтаксисѣ обѣ онѣ отличаются какъ нельзя болѣе одна отъ другой.

Подобно другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, нарѣчія лужицкія также имѣютъ перифрастическія времена: такъ, perfectum спрягается въ немъ съ помощію вспомогательнаго глагола *есмь*, спряженіе котораго есть слѣдующее:

Настоящее время:

Верхне-луж.:		Нижне-луж.:	
Ед. ч. jsym	Мн. ч. jsme	Ед. ч. jsom	Мн. ч. jsmy
jsy	jsće	jsy	jsćo
je	jsu	jo	jsu
Дв. ч. jsmoj (ej)		Дв. ч. jsmej	
jstaj, jstaj (stej)		jstej, jstej.	

Слѣд. въ верхне-луж. языкѣ спряженіе настоящаго времени глагола *есмь* близко подходитъ къ чешскому.

Imperfectum отъ глагола jsym въ обоихъ нарѣчіяхъ есть bech, 3-е лицо мн. ч. котораго есть bechu. *Аориста* въ этомъ глаголѣ уже потому не можетъ быть, что въ 3 лицѣ imperfect'а нѣтъ окончанія še и вмѣсто его chu, слѣд. не было бы никакого видоваго отличія. Но за то, что всего интереснѣе, Лужичане могутъ сдѣлать imperfectum еще отъ глагола *буду*; именно:

Верхне-луж.:	Нижне-луж.:
budžech, budžemy	buźoch, buźochmy
budžeše. budžeće	buźoše, buźošće
budžeše, budžechu (budu)	buźoše, buźochu
budžechmaj	buźochmoj
budžestaj (stej)	buźostej
budžestaj (stej)	buźostej.

Будущее время есть тоже самое, что и у насъ: budu. Только у Лужичанъ оно измѣняется въ обоихъ нарѣчіяхъ сообразно съ ихъ фонетическимъ характеромъ; такъ въ верхне-луж. будетъ: budu, budžeš и т. д. 3-е лицо мн. ч. budža; въ нижне-луж. budu, budźoš и т. д.

Лужичане имѣютъ также всѣ причастія: причастіе настоящаго времени, употребляемое болѣе какъ прилагатель-

ное, имѣетъ окончанія асу и есу: wedacy, stojecy (какъ въ ц.-слов. женскій родъ кончится на жшти и ꙗшти: веджшти, стоꙗшти). — Причастіе прошедшаго времени кончится на ł: wuknył, słušeł; въ страд. залогѣ на ny: wukneny, nošeny. Сверхъ того въ лужицкихъ нарѣчіяхъ встрѣчается такая форма причастія: wedžo, pijo, которая употребляется, впрочемъ, болѣе какъ наше дѣепричастіе *(ведя, пія)*. Скажемъ теперь нѣсколько словъ касательно неизмѣняемыхъ частей рѣчи.

Лужицкія нарѣчія, рано отдѣлившись отъ другихъ соплеменныхъ языковъ, въ inflexibiles должны были или получить другія формаціи, или ужъ до такой степени измѣнить ихъ, что совсѣмъ нельзя ихъ узнать. Приведемъ изъ нихъ самыя замѣчательныя:

Нарѣчія: hisče (еще), ledym (едва), hižo (уже), wacy (ꙗштє), netk (теперь), hewak (когда-либо) и пр.

Союзы: ha (а) употребляется и въ значеніи *и* (muž ha žena); здѣсь же замѣтимъ, что всѣ союзы, начинающіеся съ гласной, принимаютъ аспирацію: habo (малорусск. *або*), hani—ни (hani mać, hani nan—ни мать, ни отецъ), hač—нежели, аще (ja jsym wěłši hač ty—я больше тебя), dy—когда; pak—же; žo—что, да; borne—хотя бы, даже; kakž-takž—какъ-такъ; rune-tola—такъ-какъ; dre—же: duž, dyž—когда.

Еще въ самомъ началѣ обозрѣнія лужицкихъ нарѣчій мы сказали, что Лужичане принадлежали нѣкогда къ большой группѣ народа, называемаго *Полабами*, которые въ XIII в. были истреблены. Объ этомъ истребленномъ племени напоминаютъ намъ нѣкоторые остатки ихъ письменности, гдѣ употребленъ старинный полабскій языкъ, служащій къ поясненію свойствъ церковно-словянскаго. На бѣду, собиратели этихъ остатковъ были Нѣмцы: почти совсѣмъ не зная славянскаго языка, они вздумали однакожъ

взяться за объясненіе найденныхъ отрывковъ и, какъ можно было ожидать, надѣлали бездну ошибокъ. Такимъ образомъ, многія изъ записанныхъ ими словъ, передѣланныя на нѣмецкій ладъ, сдѣлались или очень трудно объяснимыми для насъ, или совершенно непонятными, и потому мы не можемъ правильно судить, каковы именно были свойства этого потеряннаго для насъ языка.— Изъ отрывковъ, до насъ дошедшихъ, особенно сохранились въ одномъ сочиненіи „Historia linguae latinae", Эксгардта, извѣстнаго филолога и богослова XVII в. молитва Господня и одна народная пѣсня, которая есть какъ бы сатира на нѣкоторыя современныя ей лица. Этотъ отрывокъ былъ записанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жили Древляне, и записки эти мы называемъ остатками языка *древлянскаго*. Изъ нихъ видно, что въ полабскомъ языкѣ былъ въ употребленіи ринезмъ an (франц. an или en), что было двойственное число и что, наконецъ, употреблялось прошедшее на ch. Но эта пѣсня написана такъ неясно, что требуетъ многихъ поясненій, которыми занимался у насъ не одинъ ученый. Представимъ здѣсь въ примѣръ начальныя строки этой пѣсни:

„Katy mejs nenka bejt?
—Nenka bejt telka mejs bejt..
Katy mejs zantik bejt?..."

Такія странныя слова служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ эту пѣсню внесены были новѣйшіе элементы. Содержаніе пѣсни заключается въ томъ, что птицы составляютъ между собою совѣтъ, кто будетъ зятемъ извѣстной особы, кто невѣстой и т. д. Подобное содержаніе у насъ имѣютъ нѣкоторыя народныя пѣсни. Укажемъ на толкованіе словъ:

katy—**къть**, кто (здѣсь y есть разрѣженное *o*, звукъ *a*=ъ); mejs отъ нѣм. müssen, или, какъ объясняетъ Гильфердингъ, форма отъ **имамъ**; nenka — невѣста; если же производить это слово отъ nan (отецъ), отъ котораго мы имѣемъ женскій родъ—*нянька*, измѣнившійся въ значеніи (въ малорусск. нарѣчіи *ненька* значитъ „мать"), то въ та-

комъ случаѣ слово nenka не значитъ ли „посажёная мать“? bejt—быть, telka—такъ должно полагать—есть уменьшительное отъ слова tel (такъ еще до сихъ поръ называютъ сову на сѣверѣ Саксоніи); zantik—ꙁать (ринезмъ ѫ выраженъ здѣсь звукомъ an).

Въ заключеніе нашего обозрѣнія приведемъ нѣсколько лужицкихъ народныхъ пѣсенъ:

I. *Для нижне-луж. нарѣчія:*

1.

Maś [1]) to żywćo [2]) głaźašo [1])
Żywćo welgin [4]) płakašo.
„Woćga [5]) płačoš żywcyšćo,
Woćga tužyš zješe myje? [6])“
—„Kaga płakaś ne debu [7]),
Kaga tužyś neśmeju:
Zinś [8]) mje głaziś nebuźoš,
Stawjaś wjenašk sljedni [9]) raz
Wče jog weźeś nebuźoš.

2.

Welika nuza [10]).

Doma je nuza
Na poli dwje;
Khtož *njama* [11]) chljeba
Tomu je zlje.

II. *Для верхне-луж. нарѣчія:*

Lubość jenička [1]).

Hołbek [2]) dwje bielej nožcy ma,

I. [1]) мать; [2]) дѣвица; [3]) гладить, ласкать; [4]) вельми; [5]) объ чемъ; [6]) мое; [7]) dyrbu, debu—долженъ, -а, -о (страннымъ образомъ созвучно съ лат. debeo); [8]) дьнесь; [9]) послѣдній; [10]) нужда; [11]) вм. njema—не имѣетъ.

II. [1]) единая; [2]) дѣвица.

Holčik [3]) dwje rjanej [4]) lubcy [5]) ma
Dyž won z tej jenej ryčese [6]),
Da só [7]) ta druha njewaše [8]).
„Ne njewaj so ty, holečo [9])
Šak [10]) tebe ja tejž lubo mam:“
—„Wo taiku lubość njerodžu [11])
Dyž tebe sama nekrydnu [12]).

—

A zatoj staj [13]) so za ručku,
A wedłoj staj so pšez łučku [14]);
Do poł staj łučki ne pšistoj
A dwaj staj rodaj [15]) nadejstaj.
Nietklej [16]) mi powež [17]), holečo,
Kotrymž [18]) ty rodže bydleć čcš [19]),
Bydlu, moj luby, kotrymž je
Symli jenož [20]) pšce [21]) pši tebe.

---

[3]) парень, юноша; [4]) красивый; [5]) любезная; [6]) говорилъ; ([7] сѧ; [8]) njew — гнѣвъ; [9]) дѣвица; [10]) вѣдь, всякъ, все-таки; [11]) не стою; [12]) krydnuć—получать (ср. нѣм. kriegen); [13]) двойственное ч.—взялися; [14]) лужокъ; [15]) замокъ (градъ); [16]) никакъ; [17]) скажи; [18]) самостоятельный мѣстн. падежъ—въ которомъ; [19]) хочешь пребывать, жить; [20]) единственно, только; [21]) pšce или wšce—всегда.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Кіевская Старина за 1883 г., NN 1—10.

Текущій годъ Кіевской Старины можетъ похвалиться только очень ограниченнымъ количествомъ дѣльныхъ статей; все же остальное содержаніе журнала не представляетъ большого интереса. Къ лучшимъ статьямъ относятся: „Смѣна народностей въ Южной Россіи“ — Житецкаго; „Куплетныя формы народной Южно-Русской пѣсни“ — Неймана; „Печерскіе антики“ — Лѣскова; „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка“ — Костомарова; „Задунайская Сѣчь“ — Кондратовича.

Статья „Куплетныя формы народной Южно-Русской пѣсни“ — представляетъ много интересныхъ наблюденій и выводовъ. Г. Нейманъ отчасти пополняетъ пробѣлъ, который у насъ ощущался при изученіи народной поэзіи. Онъ обращаетъ главное вниманіе на музыкальный мотивъ пѣсни и находитъ, что форма пѣсни вполнѣ подчинена послѣднему. Тамъ, гдѣ размѣръ не согласуется съ мотивомъ, является измѣненіе обычнаго ударенія слова, какъ напр. дивчи́на, те́бе.

Провѣривши музыкальные мотивы и текстъ пѣсень, г. Н. нашелъ, что послѣднія записывались весьма неисправно, съ пропусками, отчего и кажется, что въ нихъ не соблюдается правильный послѣдовательный размѣръ. По размѣру пѣсни бываютъ двоякаго рода: безстопныя и стопныя. Первыя принадлежатъ къ древнему складу, вторыя— къ новому. Древнимъ складомъ отличаются: колядки, щедривки, веснянки, купальныя, обжиночныя и вообще обря-

довыя пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ части стиха, соотвѣтствующія логическому ударенію, опредѣляются музыкальною фразою; здѣсь приведены 3-хъ фразные, 4-хъ фразные и 6-ти фразные куплеты. „Шестифразные древніе куплеты свойственны пѣснямъ серьезнымъ съ широкимъ размашистымъ напѣвомъ; это куплетъ эпическій, бытовой". (Авг. 612). Можно также подмѣтить, что чѣмъ длиннѣе стихъ, тѣмъ серьезнѣе содержаніе, тѣмъ размашистѣе мелодія, напр.

„Ой зійшла зоря | вечіровая, | надъ Почаівомъ стала;
„Ой выступило | турецьке військо, | якъ та чорная
[хмара". (613).

Древніе стихи могутъ быть или риѳмованные, или бѣлые; послѣднее встрѣчается рѣже. Риѳма здѣсь двухъ родовъ: въ концѣ частей стиха, напр.

„Ой въ полі, полі, | близько дороги,
Могила сяе, | військо гуляе.
Иванко прийшовъ, | ладъ війську найшовъ";—

риѳма въ концѣ стиховъ куплета, напр.

„А пожаръ ніжки | дай поджигае;
А кровъ слідочки | дай залівае". (стр. 616).

Пѣсни новаго склада имѣютъ уже стопное построеніе. „Ритмъ стопный, говоритъ г. Н., безспорно присущъ южно-русскому куплету, имѣетъ свой народный типъ и характеръ". (617). Народная стопа отличается отъ литературной тѣмъ, что въ ней „центръ тяжести стопнаго построенія переносится со словъ на музыку; стопный ритмъ имѣетъ свое основаніе въ мелодіи". (ibid.). „Южно-русская пѣсня вообще отличается спокойствіемъ, мелодичностью и плавнымъ однообразнымъ теченіемъ мелодій; рѣзкихъ переходовъ отъ одного темпа къ другому встрѣтить трудно. Этотъ характеръ южно-русской музыки, въ силу ея сильной связи съ словесными звуками, отразился на характерѣ стопнаго построенія словесныхъ куплетовъ.— Спокойное теченіе мелодіи съ хорейнымъ или амфибрахическимъ ритмомъ рѣзко отличается отъ ритма ямбоваго или анапестнаго" (621). Преобладающій размѣръ въ млр.

пѣсняхъ хорейный; чистый амфибрахическій или анапестный размѣръ встрѣчается рѣдко, и никогда не бываетъ чистаго ямба. Часто пѣсни отличаются смѣшаннымъ ритмомъ, какъ напр.

⏑ – | ⏑ – | – ⏑ | – ⏑ || ⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ –

„Ой ты-жъ казавъ, вражий сыну, | що гарбузъ не дорігъ!
Якъ я-жъ тобі учепила, | то ты ледво донісъ“. (268).

Г. Н. не вездѣ вѣрно опредѣлилъ размѣръ, какъ въ пѣснѣ: „Не ходи, не люби, не носи грошей“ (627). Здѣсь выдерживается анапестъ съ хореемъ въ концѣ.

Куплеты бываютъ о 3-хъ, 5, 7, 8 и 10 музыкальныхъ фразахъ. — Риѳма составляетъ непремѣнную принадлежность южно-русскихъ стиховъ.

Свадебная мелодія болѣе однообразная и не пріурочена къ какой-нибудь опредѣленной пѣснѣ. „Всѣ напѣвы свадебные имѣютъ всѣ свойства обрядовой музыки, представляющей небольшія музыкальныя формулы, весьма податливыя, способныя для сокращеній, модуляцій и варіацій сообразно съ словеснымъ содержаніемъ“. (стр. 637—8).

Г. Нейманъ, на основаніи достаточнаго количества разобраннаго матеріала, приходитъ къ тому заключенію, что стойное построеніе свойственно южно-русскимъ пѣснямъ. „Форма южно-русской поэзіи весьма богата, разнообразна и при всей своей безъискусственности чрезвычайно осмысленная и художественная“. (стр. 636).

Статья Житецкаго: „Смѣна народностей въ Южной Россіи“, NN 5 и 7, написана по источникамъ и съ большой эрудиціей; но мы надѣемся, что ей посвящена будетъ особая замѣтка спеціалиста.

Костомаровъ называетъ Малороссію *классической страной жидотрепанія*. (N 1, стр. 1). Въ своей статьѣ: „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в.“ онъ дѣлаетъ историческій очеркъ того, какъ проявлялись вспышки противъ жидовъ съ XI по XVIII в. Уже въ концѣ XI в. жиды, пользуясь своимъ вліяніемъ на князя Святополка — Михаила, отягощали народъ; такъ что по смерти его произошла въ Кіевѣ первая жидотрепка. XVI вѣкъ, а въ особенности XVII в., эпоха

Богдана Хмельницкаго, изобилуетъ озлобленіемъ противъ іудеевъ и избіеніемъ послѣднихъ. Вспышка противъ жидовъ въ XVIII в. имѣла причину, аналогичную съ современнымъ намъ Тисса-Эйсларскимъ дѣломъ въ Венгріи. Дѣло это, воспроизводимое Костомаровымъ по архивнымъ источникамъ, началось съ подозрѣнія евреевъ въ томъ, что они замучили студента Кіевской Коллегіи Миколу Сохно. Послѣдній отличался необыкновенными способностями, и изучилъ въ совершенствѣ латинскій и еврейскій языки. Онъ нашелъ въ талмудѣ явныя свидѣтельства того, что іудеи ненавидятъ христіанъ, и кромѣ того былъ убѣжденъ въ существованіи у нихъ тайнаго обряда умерщвлять христіанскихъ дѣтей и источать изъ нихъ кровь.

Однажды, въ трубный день, заѣхалъ Сохно въ селѣ Жуковцахъ къ жиду Шмулю, гдѣ въ это время гостилъ львовскій цадикъ Соломонъ Грековичоръ и гдѣ по этому случаю было приличное собраніе евреевъ. Сохно вступилъ въ пререканія съ цадикомъ и рѣзко порицалъ всѣхъ евреевъ. Раздраженный цадикъ далъ порученіе двумъ жидамъ, живущимъ въ одномъ селѣ съ Сохно, упрятачь послѣдняго. На канунѣ праздника Рождества Хр. Городненскій корчмарь Давидъ явился и объявилъ Сохно, что онъ желаетъ креститься; только надобно еще убѣдить жену. Сохно отправляется въ корчму; но уже домой не возвращается. Жиды замучили его и тѣло подбросили къ одному поселянину. Но все таки слѣды открылись, и жиды подъ пыткой показали слѣдующее: „Мы Сохна связали и у сохи за руки и за шею повѣсили на перекладинѣ и, привязавъ къ сохѣ, языкъ у него мотузкомъ вытянули и отрѣзали, потомъ уши понарѣзовали и въ платокъ завертѣли, а на нозѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мякишъ, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платкомъ обтеръ, а его умучивъ, съ перекладу снявъ и на овинъ тѣло встянувъ, съ своякомъ своимъ Яковомъ въ солому схоронилъ, которое двумя днями оттуду вывезъ ночью передъ свѣтомъ за гумно христіанина Хорогвинецка“. (N 2, 490).

„Печерскіе антики“ Лѣскова представляютъ рядъ кар-

типокъ изъ жизни Кіева 50-хъ годовъ, въ то время, когда самъ авторъ былъ студентомъ Кіевскаго Университета. Лучше всего удались ему типы Печерскаго кесаря и раскольничьяго старца Малафея Пимыча. — Кесарь Степановичъ Берлинскій является современнымъ богатыремъ—героемъ на Печерскѣ. Это своеобразный типъ убѣжденнаго мечтателя. Такъ какъ онъ имѣлъ чинъ достаточный—полковника, и пользовался вліяніемъ, да еще въ десятеро преувеличивалъ свое значеніе, то про него сложились въ народѣ цѣлыя легенды.

Старецъ Малахія—раскольничій батька съ престрогими, хотя и лишенными всякой разумности, правилами. Онъ дошелъ до экзальтаціи и пророчества при освященіи Кіевскаго желѣзнаго моста, но и жестоко осрамился съ этимъ пророчествомъ. Тенденція Лѣскова при изображеніи этого старца—выставить тяжесть и вредъ раскольничьихъ правилъ. Самъ отрокъ Гіезій, прислуживавшійся этому старцу, не выдержалъ всей строгости и перешелъ въ православіе, замѣчая: — „если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Боль одна!“ (N 3, 527).

Г. Марковъ въ своей статьѣ: „Квитка Основяненко“ мало прибавляетъ новаго къ тому, что уже извѣстно объ этомъ малорусскомъ писателѣ. Здѣсь есть только общая характеристика направленія Квитки; и представлено отношеніе къ нему современной ему критики.

Такъ какъ авторъ поясняетъ, что его статья — историко-литературный очеркъ, то можно было ожидать, что онъ представитъ постепенное развитіе таланта Квитки и разборъ, по крайней мѣрѣ, выдающихся его произведеній. Ничего подобнаго нѣтъ въ этой статьѣ.

„Новыя свадебныя малорусскія пѣсни“ — въ дѣйствительности не новыя, а представляютъ варіанты къ изданнымъ уже въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи“, т. IV. Замѣчается даже смѣшеніе въ обрядности малорусской свадьбы и группировкѣ пѣсенъ (N 2, 390—

394). Пѣсни, приведенныя здѣсь, относятся не къ первому дню свадьбы, а къ слѣдующимъ, къ т. н. *перезвѣ.*

Въ N 3 помѣщены три письма Гоголя къ В. В. Тарновскому. Это письма молодости Гоголя, отъ 1833 года. Здѣсь обнаруживается веселость Гоголя и его участіе къ судьбѣ товарищей.

Можно еще отмѣтить странность: сообщаются самыя обыкновенныя, а подъ часъ и ничего незначащія пѣсни— съ такими громкими заглавіями: „Украинская злополучница“, „Украинская гетера“ (N 1, стр. 215—218).

X. Ящуржинскій.

Смѣна нардностей въ южной Россіи (историко-этнографическія замѣтки) Ир. Житецкаго.

Весьма интересная статья Ир. Житецкаго, заглавіе которой нами только что приведено, помѣщается въ Кіевской Старинѣ. Хотя до сихъ поръ напечатано только начало статьи (до-историческій и лѣтописный періоды), но важность темы, до сихъ поръ спеціально еще не разработанной въ русской ученой литературѣ, и основныя точки зрѣнія автора дѣлаютъ статью, даже въ неоконченномъ видѣ, заслуживающею особеннаго вниманія читателей. Во введеніи авторъ, указавъ на трудность при современномъ состояніи русской этнографіи точно опредѣлить предѣлы поселеній малорусской народности, обращается къ даннымъ статистикм и на основаніи ихъ опредѣляетъ территорію занятую южно-руссами слѣдующимъ образомъ: отъ Донецкаго горнаго кряжа и устья Дона на востокѣ, до Карпатскаго хребта и теченія Днѣстра на западѣ и отъ сѣверныхъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей на югѣ, до Чернигово-пинско-волынскаго полѣсья на сѣверѣ. Въ этомъ пространствѣ (приблизительно около 597,459 кв. в.) живетъ около 21,126,500 душъ обоего пола, изъ нихъ Малороссовъ 16,455,000 (78% общаго числа), а прочихъ народностей 4,671 т. (12%) д., въ числѣ которыхъ пер-

вое мѣсто по количеству занимаютъ Евреи (1,700 т.) и и Великороссы (1300 т.). Кромѣ того внѣ предѣловъ указаннаго района живетъ (по счету Житецкаго) 1,394 т. Малоруссовъ, такъ что всѣхъ Малоруссовъ можно считать болѣе 17,840 т. Приводимыя Житецкимъ цифры, касающіяся малорусскаго населенія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы соотвѣтствующими дѣйствительности, потому что авторъ во многихъ случаяхъ пользовался слишкомъ устарѣлыми статистическими данными, извлеченными изъ относящихся къ началу 60-хъ годовъ сочиеній Бобровскаго, Защука, Шмидта и др., и не пользовался нѣкоторыми новѣйшими, болѣе основательными исчисленіями, напр., сочин. Головацкаго (Чт. Имп. О. Ист. и Др. 1876 г. II т.) и Столпянскаго 9 губ. Зап. Кр. [1]).

Послѣ общаго вычисленія населенія южно-русской территоріи авторъ распредѣляетъ все это населеніе между 6 географическими полосами, по характеру группировки въ нихъ разныхъ раціональностей. Итоги этого распредѣленія не сходятся съ выше приводимыми цифрами населенія, и хотя авторъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что при составленіи второй таблицы руководствовался только Риттихомъ, а при составленіи первой имѣлъ въ виду и другіе источники, но всетаки остается непонятнымъ, почему Поляковъ по первой таблицѣ оказывается всего 211 т., а по второй 902,775. Самый высокій процентъ малорусское населеніе даетъ въ такъ называемой авторомъ центральной полосѣ, т. е. въ Полтавской и Черниговской губ. (95%); далѣе отъ центра къ периферіямъ процентъ его падаетъ обратно пропорціонально возрастанію Великороссовъ къ сѣверу, Бѣлоруссовъ — къ сѣв.-западу, Поляковъ и Ев-

---

[1]) Конечно, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и цифры касательно другихъ племенъ, населяющихъ южно-русскій край; напр. Чеховъ въ Волынской губ. считается теперь болѣе 30 тысячъ, Нѣмцевъ тоже болѣе, чѣмъ у Житецкаго, да и процентъ Великороссовъ нѣсколько увеличился послѣ возвращенія Измаильскаго уѣзда. *Ред.*

реевъ къ западу. Общіе выводы автора касательно населенія южн. Россіи слѣдующіе: 1) Татары, Армяне и Евреи живутъ совмѣстно съ Малороссами; 2) Сербы, Чехи, Болгеры, Нѣмцы, Румыны, Греки живутъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ; 3) поселенія Бѣлоруссовъ, Великоруссовъ и Поляковъ бываютъ перваго и втораго типа съ преобладаніемъ отдѣльныхъ поселеній.

Постоянное взаимодѣйствіе разныхъ живущихъ вмѣстѣ народностей дѣлаетъ необходимымъ при этнографическомъ изученіи края не ограничиваться кореннымъ населеніемъ, но касаться и прочихъ національностей, имѣющихъ своихъ представителей на постоянномъ жительствѣ въ странѣ; но для полнаго пониманія и объясненія современныхъ этнологическихъ особенностей наблюдаемаго населенія — этого мало: необходимо еще прослѣдить историческую измѣняемость даннаго національнаго типа, вліяніе на него разныхъ факторовъ его исторической жизни: „національные типы должны быть изучаемы во всей своей исторіи, и исходная точка для ихъ опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые ихъ слѣды". Съ этими мыслями нельзя не согласиться, но далѣе авторъ, указывая на молодость у насъ этнографической науки, совершенно ошибочно причисляетъ Соловьева къ представителямъ враждебной этнографіи теоріи государственности въ исторической наукѣ; ошибочно также главную заслугу постановки принципа народности въ русской исторической наукѣ признаетъ за такъ называемою имъ „федеративно-областною" школою, главнымъ представителемъ которой онъ считаетъ Костомарова, за которымъ слѣдуетъ „многочисленная и свѣтлая плеяда ученыхъ областниковъ"; открытіе въ русской исторической наукѣ несуществующей „федеративно-областной" школы слишкомъ смѣло, такъ точно какъ и названіе 6 перечисленныхъ г. Житецкимъ ученыхъ „многочисленною и свѣтлою плеядою ученыхъ областниковъ" тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ 6 послѣдователей Костомарова помѣщены два галицкіе у-

ченые—Зубрицкій и Шараневичъ, труды которыхъ явились гораздо ранѣе появленія изслѣдованій Костомарова, и два молодые кіевскіе ученые гг. Багалѣй и Голубовскій, отъ которыхъ мы только можемъ ожидать трудовъ, оправдывающихъ помѣщеніе ихъ именъ въ „свѣтлой плеядѣ“ рядомъ съ именами Костомарова и Антоновича.

Упрекнувъ „областниковъ“ въ томъ, что они исключительно занимаются малорусскимъ простонародіемъ и упускаютъ изъ виду прочія сословія и народности, живущія среди Малоруссовъ, авторъ переходитъ къ рѣшенію вопроса, какія народности обитали во весь періодъ, доступный наукѣ, въ предѣлахъ теперешней Южн. Россіи (отъ VI в. по первую половину XIX).

Разсматривая доисторическій періодъ, авторъ приводитъ данныя, касающіяся ю. Россіи, которыя находятся у Геродота, Птоломея, Плинія, Прокопія и др. древнихъ писателей, причемъ, указывая географическія мѣстности, гдѣ жили разныя, упоминаемыя этими писателями племена, безъ всякой критики пользуется гипотезами Шафарика, Бруна и Забѣлина. Всѣ народности, жившія въ Ю. Россіи отъ Геродота до Нестора онъ дѣлитъ на слѣдующія племенныя группы: 1) греко-итальянская, 2) алтайская (Скифы, Сарматы, Гунны, Авары); 3) германская (Даки (?), Готы); 4) народности — аборигены Ю. Россіи, къ которымъ онъ относитъ Славянъ. Вліяніе народовъ греко-италійской вѣтви касалось только ближайшихъ ихъ сосѣдей (Даки, Таврическіе Скифы) и едва коснулось страны, ставшей впослѣдствіе малорусской территоріей; алтайскія народности — кочевники, выбравшіе ареною своей дѣятельности южную степную половину Малороссіи, въ большинствѣ случаевъ пребывали въ первобытномъ, дикомъ состояніи и, превращая туземное населеніе въ своихъ данниковъ, подчинялись ассимилирующему ихъ вліянію, пока наплывъ новой азіатской орды не уничтожалъ совсѣмъ предшествующую; при этомъ часть побѣжденныхъ кочевниковъ ассимилировалась окончательно съ аборигенами страны и въ этомъ привнесеніи своихъ свойствъ въ типъ послѣднихъ

заключалось этнологическое вліяніе народовъ алтайской группы. Народы германскаго племени не были кочевниками, но, представляя изъ себя ряды военныхъ дружинъ, спустились въ предѣлы Ю. Россіи изъ Балтійскаго Поморья, завладѣли главнымъ торговымъ путемъ и основали обширное готское царство. Всѣ перечисленныя народности были только пришельцами въ предѣлахъ нынѣшней Южн. Россіи, становившимися или во враждебныя, или въ дружескія отношенія къ туземному населенію — Славянамъ. Къ Славянамъ авторъ относитъ всѣхъ тѣхъ Скиѳовъ, которые по условіямъ природы занимались земледѣліемъ, т. е. кромѣ Скиѳовъ-земледѣльцевъ и Скиѳовъ-Пахарей Геродота — Алазоновъ, Алатирсовъ, Невровъ, Будиновъ и др. Коренное земледѣльческое населеніе Ю. Россіи—Славянъ г. Житецкій видитъ и въ Бастарнахъ, Бесахъ, Карпіанахъ, Тирогетахъ, Роксоланахъ, Саверахъ и другихъ племенахъ, упоминаемыхъ Птоломеемъ. Венеды, Анты и Споры, которые являются въ этой мѣстности съ V в. по Р. Хр. несомнѣнно Славяне. Въ видѣ доказательства своего мнѣнія, кромѣ тождества въ названіяхъ (Невры, Навары, Нериваны, Будины—Будіаны и т. д.) и въ топографіи поселенія народовъ, раздѣленныхъ между собою цѣлыми столѣтіями, авторъ приводитъ ту мысль, что населеніе страны, достигшее той высоты культуры, которая характеризуется присутствіемъ земледѣлія, теряетъ обыкновенно потребность и даже способность къ массовому передвиженію и разстается съ своей родиной лишь побуждаемое какой нибудь особой катастрофой природы; даже политическія перемѣны, напр., завоеванія рѣдко сопровождаются переселеніемъ — скорѣе земледѣлецъ дѣлается рабомъ побѣдителей. Въ переселеніи Славянъ въ V, VI и сл. вѣкахъ изъ первоначальнаго гнѣзда славянскаго племени—Россіи цѣлыми массами на Балканскій полуостровъ авторъ видитъ доказательство своего предположенія, что Славянское племя уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. достигло громаднаго количественнаго роста и переполнило территорію русской равнины. Всѣ соображенія приводятъ автора къ мысли при-

знать наиболѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, которое считаетъ историческимъ пунктомъ, когда Славянъ можно признавать обитателями Ю. Россіи, V вѣкъ до Р. Хр.

Во второй главѣ своего сочиненія авторъ переходитъ къ такъ называемому имъ „лѣтописному періоду“. Въ актахъ византійскихъ писателей онъ видитъ Славянъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ, т. е. Славянъ южно-русскихъ. Крайняя воинственность антскаго племени, обнаруживаемая постоянными походами противъ Византіи, заставляетъ предполагать въ немъ соотвѣтствующую его дѣятельности организацію; у Іорнанда упоминается антскій князь Booz nomine и его вельможи: г. Житецкій видитъ въ нихъ своего рода древлянскаго Мала и его лучшихъ мужей. Къ антамъ авторъ относитъ нѣкоторыя частныя названія южно-русскихъ племенъ, по его мнѣнію, случайно попавшія въ лѣтописи и другіе историческіе источники — Бужане, Дулебы, Хорваты, переселившіеся въ VII в. въ Далмацію, какъ онъ утверждаетъ, были антскія племена. Перечисливъ далѣе 7 южно-русскихъ племенъ, упоминаемыхъ въ нашей первоначальной лѣтописи, авторъ указываетъ ихъ географическое положеніе. Отношенія между племенными названіями—Волыняне, Бужане и Дулѣбы авторомъ не хорошо выяснены: вопросъ этотъ, какъ намъ кажется, вѣрнѣе всего разрѣшенъ пр. Ключевскимъ, который объясняетъ эти отношенія слѣдующимъ образомъ: „Дулѣбы—имя плеиени, бывшаго во главѣ союза колѣнъ; сосредоточіемъ его былъ городъ Волынь, и всѣ союзныя племена по нему назывались Волынянами; когда союзъ распался и самое племя Дулѣбовъ разбилось отъ выселеній и перемѣшалось съ другими, за обитателями Побужья утвердилось имя Бужанъ, какъ Кривичи по Полотѣ стали зваться Полочанами „рѣчки ради“. Значитъ, Дулѣбы—имя племенное, Волыняне—терминъ политическаго происхожденія, Бужане — географическаго“ (Русск. М. 1880 г. IV—37 ст.). Отождествляя Волынянъ съ Антами, г. Житецкій къ нимъ относитъ все то, что говорится у Масуди о племени Валинана; упоминаемаго имъ Маджака или Махака

(и не Мажека, какъ у г. Житецкаго) онъ считаетъ княземъ Волынянъ, между тѣмъ какъ по изслѣдованiямъ пр. Дринова (Засел. Балк. пол. 110 стр.) и Гаркави, въ этомъ Маджакѣ скорѣе всего можно видѣть вождя карпатскихъ Славянъ Мусокiя, котораго Прискъ взялъ въ плѣнъ въ Дакiи въ 593 г., и извѣстiе о которомъ при посредствѣ греческихъ писателей могло дойти до Масуди. Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ сочиненiи Житецкаго нерѣдко поражаетъ читателя незнакомство автора съ нѣкоторыми весьма важными изслѣдованiями: напр., мусульманскихъ писателей онъ цитируетъ не по Горкави, а ссылается на Симашкевича (Истр. Оп. Под. Еп.); весьма важное для исторической этнографiи Россiи сочиненiе Н. П. Барсова (Очерки историческ. геогр. Россiи) извѣстно автору только настолько, насколько его скопировалъ въ своей диссертацiи г. Багалѣй, на котораго г. Житецкiй и ссылается. Въ первую половину лѣтописнаго перiода славяно-русскiя племена занимали всю почти сѣверную половину Ю. Россiи; жили они по преимуществу по теченiю рѣкъ, которыя указывали имъ направленiе для дальнѣйшаго распространенiя и колонизацiи. По аналогiи съ XVII, XVIII в. г. Житецкiй предполагаетъ, что колонизацiя распространялась посредствомъ мелкихъ поселенiй — хуторовъ, соотвѣтствовавшихъ сѣверно-русскимъ починкамъ. Города были укрѣпленными пунктами, въ которыхъ поселенiе жило временно, лишь въ экстра-ординарныхъ случаяхъ. Южно-русское населенiе занималось по преимуществу земледѣлiемъ и скотоводствомъ. Примитивный характеръ земледѣлiя, скотоводство, охота и рыбный промыселъ вызывали легкость передвиженiя населенiя съ одного мѣста на другое.

Въ IX и X вв. славянское населенiе сплошь покрывало страну въ указанныхъ границахъ и всегда представляло однородную этнографическую массу. Чуждые элементы (преимущественно алтайскiе кочевники) быстро всасывались общею массою и ассимилировались съ Славяно-Руссами. Только въ торговыхъ центрамъ и то въ незначительномъ количествѣ встрѣчались инородцы иного типа

(Греки, Евреи, Нѣмцы и др.). Но, начиная съ X в., въ слав.-русск. населеніи можно замѣтить зарожденіе новой жизни, начало новыхъ отношеній туземнаго и инородческаго населенія. Великій водный путь „изъ Варягъ до Греки“ и сухопутный путь изъ Азіи въ Европу съ переправой черезъ Днѣпръ ниже устья Десны — оба проходили черезъ землю Полянъ, и вслѣдствіе этого Полянская земля, особенно центръ ея Кіевъ, ранѣе другихъ русскихъ земель естественно не могла сохранить въ населеніи характеръ однородности. Кіевъ сталъ промышленнымъ и торговымъ центромъ и по выраженіи Забѣлина „представлялъ колонію людей, пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ“. Ляхи, Жиды, Греки и Варяги не только временно проживали здѣсь, но часто селились на постоянное жительство. Вліяніемъ инородцевъ, особенно Варяговъ, г. Житецкій объясняетъ измѣненіе характера Полянъ, развитіе среди нихъ воинственныхъ наклонностей, благодаря которымъ ихъ страна становится землею козаковъ, но, какъ кажется, воинственность эта вѣрнѣе можетъ быть объяснена тѣмъ фактомъ, что земля Полянъ, лежавшая почти въ центрѣ славяно-русскихъ поселеній, къ этому времени, благодаря наплыву кочевниковъ, становится украинною областью земли Русской. Новыя условія жизни, явившіяся подъ вліяніемъ новаго культурнаго фактора—государственности, видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствуютъ на типы слав.-русскаго населенія. Русь начала покрываться искусственно созданными городскими центрами, населенными сначала путемъ насильственнаго сведенія (города Владиміра), а потомъ путемъ прилива (построеніе Холма). Иногда заселяются города военно-плѣнными, которые вообще даютъ значительный контингентъ для заселенія края (выведено было населеніе Искоростеня, Минска, Друцка и др.). Такимъ образомъ вливались въ среду южныхъ Славяно-Руссовъ— Дреговичи, Кривичи, Торки, Половцы, Яссы и Косоги, Поляки, Угры, Литва, Чехи и др. Однородное вліяніе на населеніе страны, хотя и въ меньшей степени, оказывала организація войска, наборъ дружины и браки князей.

Княжеское ополченіе представляло изъ себя обыкновенно пестрый этнографическій конгломератъ; оно часто располагалось въ странѣ „на покормъ“ и разумѣется, вслѣдствіе этого оставляло болѣе или менѣе глубокіе слѣды па типѣ населенія. Еще болѣе была сложна по своему составу княжеская дружина, находившаяся въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ туземнымъ населеніемъ. Нѣкоторое вліяніе на этнологическія измѣненія населенія Ю. Руси имѣли браки князей, а за ними дружинниковъ и прочаго населенія съ инородцами. Непосредственныя политическія и торговыя сношенія Ю. Россіи съ З. Европою конечно вызывали появленіе множества иноземцевъ — торговцевъ, жившихъ въ большихъ центральныхъ пунктахъ (Кіевъ, Львовъ, Владиміръ Волынскій) и особенно, благодаря близкому сосѣдству, въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ. Иноземные элементы проникали и съ задачами культурными, особенно съ принятіемъ христіанства, когда постоянно являлось на Руси инородческое духовенство. На ряду съ культурнымъ по преимуществу вліяніемъ европейскихъ инородцевъ, происходило физіологическое вліяніе азіатскихъ кочевыхъ народовъ, цѣлыми массами являвшихся въ страну и въ большинствѣ случаевъ ассимилировавшихся съ туземнымъ населеніемъ.

Соціальныя и политическія условія исторической жизни Южно-Руссовъ въ лѣтописный періодъ имѣли то значеніе, что во второй его половинѣ значительно стираются тѣ этнографическія дробленія, на которыя распался южнорусскій край въ IX, X в.; прежнія племенныя названія исчезаютъ и населеніе группируется по административнымъ центрамъ, хотя районы административныхъ единицъ опредѣляются не безъ вліянія этнографическихъ особенностей. Всѣ русскія племена вошли въ составъ новыхъ подраздѣленій, за исключеніемъ Тиверцевъ и Угличей, которые, какъ предполагаетъ г. Житецкій, исчезли съ историческаго горизонта, подвинувшись подъ вліяніемъ кочевниковъ на югъ – въ Болгарію. Къ концу лѣтописнаго періода начинаютъ образовываться новыя этнографическія группы,

напр., жители Посемья, Поросяне, Бродники, Больховцы и т. д. Этнографическое дробленіе до X вѣка высказывалось и въ томъ, что для Слав.-Руссовъ не было общаго названія, но начиная со второй половины удѣльнаго періода имена русскіе и Русь начинаютъ служить объединяющимъ названіемъ для всей южной Россіи, причемъ послѣдняя противополагается сѣверной.

Въ противоположность прежнему періоду, когда славянскія племена двигались по преимуществу на западъ, въ лѣтописный періодъ общее движеніе Южно-Руссовъ тянется болѣе всего на востокъ. Изъ земли Галицкой и отчасти Волынской колонизація идетъ по Днѣстру, Пруту къ Дунаю; на сѣверѣ колонизуются низовья зап. Буга (Брестъ, Каменецъ, Бѣльскъ, Холмъ и др.) и земли Ятвяговъ. На востокѣ славянское населеніе спускается по Донцу къ Дону, гдѣ образуется воинственное населеніе, извѣстное подъ именемъ Бродниковъ. Изъ сѣверской земли поселенцы шли въ Муромскую область, и сѣверянамъ авторъ приписываетъ колонизацію финскихъ земель на юв. Россіи.

Въ разбираемый періодъ славянскаго населенія нельзя указать лишь только въ предѣлахъ Новороссійскаго края, въ ю.-в. части Подольской губ., въ южн. половинѣ Харьковской и Воронежской губ. Эти незанятыя Южно-Руссами области были достояніемъ кочеваго азіатскаго населенія. Съ VI по XIII в. Ю. Русь принимала послѣдовательно орды Болгаръ, Аваровъ, Угровъ, Хозаръ, Печенѣговъ, Половцевъ и, наконецъ, Монголовъ. Одни изъ нихъ только проходили черезъ страну (Болгары, Авары, Угры), другіе же осѣдали въ ней (Хозары, Печенѣги, Половцы, Монголы). Послѣднимъ народомъ, успѣвшимъ помѣститься въ предѣлахъ Зап. Европы и потому только перекочевавщимъ черезъ Россію, были Угры. Слѣдующіе потоки кочевыхъ массъ, разбившись о западныя преграды, заселили собою Ю. Русь, которая съ этого времени одна выноситъ на себѣ послѣдствія сожительства съ кочевниками. Къ концу VIII в. Хозары съ хвалынскаго поморья передвинулись въ южно-русскія степи; въ историческій періодъ

они занимаютъ Подонье и, по всей вѣроятности, изъ смѣси ихъ съ Сѣверянами образовались „бродники“. Долгое сожительство Хозаръ съ Славяно-Руссами, одинаковость торговыхъ и промышленныхъ интересовъ и близость культурнаго развитія обоихъ народовъ даютъ основаніе заключать, по аналогіи съ Печенѣгами, о томъ, что значительная часть Хозаръ ассимилировалась съ сл.-русскимъ населеніемъ на восточной окраинѣ Ю. Руси; другая же половина Хозаръ, проживавшая въ степи, вѣроятно была поглощена Печенѣгами, явившимися въ X в. и занявшими все пространство отъ Дона до Дуная. Приходъ въ XI в. Половцевъ приблизилъ Печенѣговъ къ Сл.-Руссамъ: тогда названіе Печенѣговъ теряетъ свой общій смыслъ, а вмѣсто него является общимъ именемъ „черные клобуки“ (Торки, Берендѣи, Турпѣи, Коуи, Каспичи, Бастьева чадь и т. д.). Поселенія ихъ шли на правой сторонѣ Днѣпра по Роси, а на лѣвомъ берегу по Сулѣ. Подъ вліяніемъ сосѣдства съ Русскими съ конца XI в. Черные клобуки начинаютъ входить въ южно-русскую жизнь и, сливаясь постепенно съ туземцами, составили часть ю.-русской народности, внеся, конечно, въ этнологическія особенности южно-русскаго Славянина не мало нравственныхъ чертъ и бытовыхъ отличій. Въ половинѣ XI в. сначала въ придонскихъ степяхъ, а потомъ до Днѣпра появились Половцы. Несмотря на постоянные опустошительные набѣги Половцевъ на Русскую землю, замѣчается сближеніе Южно-Руссовъ съ Половцами черезъ совмѣстные походы и браки — Половцы подчиняются культурному вліянію Южно-Руссовъ, а на послѣднихъ отражается обратное вліяніе Половцевъ, какъ вольныхъ наѣздниковъ и болѣе опытныхъ воиновъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ кочевниковъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Славяно-Руссами стояли Ясы и Касоги, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи Костомарова, что часть ясскаго племени вошла въ составъ южныхъ Слав.-Руссовъ.

Менѣе важны въ этнографическомъ отношеніи другія инородческія поселенія, существовавшія въ разсматривае-

мый періодъ въ южн. Россіи, именно греческія, итальянскія, еврейскія, нѣмецкія, польскія, венгерскія и литовскія. Вліяніе Грековъ, усилившееся съ принятіемъ христіанства, уменьшилось къ концу XII в., когда торговое значеніе ихъ перешло въ руки Генуэзцевъ и Венеціанцевъ. Евреи, которые въ большомъ количествѣ стали являться на Руси съ IX в., когда ихъ вліянію подпало Хазарское царство, являются въ качествѣ постояннаго населенія въ Кіевѣ и др. городахъ (напр. въ Владимірѣ на Клязьмѣ). Нѣмецкое населеніе мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ и особенно въ Галицкой Руси въ видѣ наемныхъ военныхъ отрядовъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Польскому вліянію подчинилась по преимуществу Галицкая земля, гдѣ являются и Ляхи—бояре, и войско ляшское, и Ляхи—торговцы, и Ляхи—ремесленники; въ Галицкой же землѣ появляются и Угры. На сѣв.-зап. въ предѣлахъ южн. Россіи въ началѣ XIII в. населенія Ятвяговъ были еще около Берестья, Дорогичина и во всей Холмщинѣ, но съ второй половины XIII в. здѣсь водворяется русское населеніе, которое, вѣроятно, проникло до сѣверной половины нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ.

К. З-скій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ.

Изданіе глаголическихъ памятниковъ.

Послѣ напечатанія кириллицей Синайскаго глагольскаго требника (въ 1882 г.), академикъ *Гейтлеръ* тоже кириллицей напечаталъ Синайскую глагольскую псалтирь: Psalterium, Glagolski spomenik manastira Sinai brda, V Zagrebu 1883. Въ предисловіи издатель говоритъ о вѣкѣ написанія рукописи (конца X или начала XI в.), о палеографическихъ и фонетическихъ особенностяхъ ея.

Въ текущемъ же году академикъ *Ягичъ* издалъ на средства Петербургской Академіи Наукъ—*Памятникъ глагольской письменности, Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями.* (СПб. 1883 г. ц. 5 р.).

Это четвероевангеліе пріобрѣтено В. И. Григоровичемъ на Аѳонѣ и вывезено имъ оттуда около сорока лѣтъ тому назадъ. Въ предисловіи издатель повѣствуетъ о судьбѣ рукописи въ славянской литературѣ со времени путешествія Григоровича на Аѳонъ. Самая рукопись издана цѣликомъ въ кирилловской транскрипціи съ добавленіями недостающихъ листовъ изъ Дечанской рукописи и изъ Зографскаго евангелія. Къ концу приложено: а) отмѣтки при текстѣ, б) о палеографическихъ особенностяхъ памятника, в) о грамматическихъ особенностяхъ его и г) словоуказатель. Какъ самое изданіе, такъ и примѣчанія къ нему можно считать образцовыми. О времени и мѣстѣ написанія на 410 стр. говорится: онъ (памятникъ) долженъ быть написанъ гдѣ нибудь въ предѣлахъ тѣхъ странъ, гдѣ въ XI в. жили Хорваты и Сербы, по всей вѣроятности, гдѣ нибудь въ Босніи или южнѣе, и на стр. 425: памятникъ былъ написанъ въ предѣлахъ штокавскаго нарѣчія сербохорватскаго языка. О судьбѣ рукописи на 411 стр.: Еще въ концѣ XIII в. читали наше евангеліе интересовавшіеся его переводомъ, снабжали его многочисленными отмѣтками, но уже кирилловскими буквами, какъ письмомъ болѣе употребительнымъ; на стр. 413: имѣется свидѣтельство, что нашъ памятникъ уже въ XIV столѣтіи былъ на Аѳонѣ, въ монастырѣ, или скитѣ Богородицы.

XXXII т. Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (СПб. 1883 г.) заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго, составленъ Я. К. Гротомъ.

2) Пожаръ зимняго дворца 17 дек. 1837 г. Записка В. А. Жуковскаго.

3) Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій Я. К. Грота съ приложеніемъ документовъ, относящихся къ празднованію 50-лѣтняго юбилея Я. К. Грота.

4) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха: VI Духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи Румынъ, приложенія: а) Румынское сказаніе о происхожденіи табака, б) Греческіе заговоры отъ трясавицъ; VII Румынскія, славянскія и греческія колядки: а) языческій элементъ колядокъ, б) святочныя маски и скоморохи, в) христіанскіе мотивы колядокъ, г) бытовые мотивы колядокъ, д) балладные эпическіе мотивы колядокъ; VIII Илья—Илій (Геліосъ); IX Праведный Михаилъ изъ Потуки. А. Веселовскаго.

5) Письма Сопикова къ Калайдовичу, сообщилъ Шляпкинъ.

6) А. Н. Радищевъ—авторъ путешествія изъ Петербурга въ Москву—акад. Сухомлинова.

7) Замѣтки по литературѣ и народной словесности: а) Эпизодъ о южной царицѣ въ Палсѣ; б) Древнерусская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и такъ называемыя видѣнія Даніила; в) Къ сказанію о преніи жидовъ съ христіанами; г) Къ вопросу объ апологахъ Кирилла, д) Повѣсть о Василіи Королевичѣ златовласомъ Чешскія земли и народныя сказки, е) Изъ мѣстныхъ преданій: Анты и Чудь; ж) Молитва св. Сисинія и евангелистая пѣснь. А. Веселовскаго.

8) Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883 г.), собралъ С. И. Пономаревъ.

9) Въ приложеніяхъ къ протоколамъ напечатана замѣтка архимандрита Леонида: По поводу спорнаго выраженія въ спискѣ книгъ пророческихъ, писанномъ Упиремъ Лихимъ въ 1047 г. („исъ кѵриловицѣ“ = и + съ кѵрилоцѣ, кѵрилъ, курилекъ—типъ, первообразъ).

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества начали выходить съ 1-го октября 1883 г., книжками въ два листа ежемѣсячно. Въ текущемъ году выйдетъ только три книжки. Въ настоящее время вышли два первые номера: октябрь и ноябрь. Содержаніе ихъ слѣдующее: N 1: I. Дѣйствія С-Петерб. Слав. Благотв. Общества и другихъ славянскихъ обществъ; II. Славянское обозрѣніе: а) С-Петербургъ—А. Кирѣева, б) Изъ поѣздки къ Лужичанамъ—К. Г., в) Юбилей Миклошича—Ѳ. Истомина, г) Славистика въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, д) Славянская лѣтопись; III. Славянскія библіографическія извѣстія—П. Кулаковскаго, б) Мелкія библіографическія замѣтки, в) Списокъ славянскихъ газетъ и журналовъ. N 2: I. Дѣйствія СПб. Слав. Благотв. Общества; II. Славянское обозрѣніе: а) Отвѣтъ на вопросъ о Польшѣ—А. Кирѣева; б) Воспоминанія объ Ив. Ив. Петровѣ—В. Д.; в) Нѣкоторыя историческія справки по поводу 200-лѣтней годовщины побѣды Собѣсскаго надъ Турками—проф. Кояловича; г) Археологическое изслѣдованіе Босніи и Герцеговины—М. С.; д) Славистика въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; е) Преподаваніе славянскихъ языковъ въ Чешскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Прагѣ; ж) Къ юбилею Миклошича—Ѳ. Истомина; г) Югославянская академія наукъ въ Загребѣ—Ѳ. Истомина; III. Славянскія библіографическія извѣстія: а) Сербскія библіограф. изв.—П. Кулаковскаго, б) Archiv für Slavische Philologie—Ѳ. Истомина, в) Codex Marianus—изданіе И. Ягича, замѣтка Ѳ. И., г) Императорское Общество Любителей древней письменности: библіографическій очеркъ—И. Шляпкина.

Цѣна изданія — два рубля въ годъ съ пересылкой. Подписчики на 1884 г. получатъ безплатно и первые три номера 1883 г. Адресъ Редакціи: СПб. Площадь Александринскаго театра, д. N 7.

А. И. Соболевскій началъ печатать въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (октябрь 1883) „*Очерки изъ исторіи русскаго языка*“ *Часть 1-я. І. Галицко-Волынское нарѣчіе въ XII—XV вѣкахъ.* Напечатано пока только начало (24 стр.). По нему видно, что авторъ намѣренъ сгруппировать наличные матеріалы для исторіи нарѣчій русскаго языка: перечисляются памятники, относящіеся къ данному нарѣчію, съ подробнымъ указаніемъ ихъ фонетическихъ особенностей. Жаль только, что памятники, хранящіеся не въ Россіи, характеризуются по описаніямъ, очень неполнымъ.

По всей вѣроятности, въ связи съ этимъ трудомъ находится и сообщеніе, прочитанное тѣмъ же авторомъ въ Обществѣ лѣтописца Нестора о томъ, *какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV ст.* Объ этомъ сообщеніи мы узнали изъ Кіевлянина (N 252, 1883 г.). Г. Соболевскій говоритъ, что въ Кіевскомъ говорѣ XIV и XV ст. не было малорусскихъ особенностей, и что онъ былъ великорусскимъ. Особенности малорусскаго говора встрѣчаются въ XII—XV в. только въ рукописяхъ, писанныхъ въ Галицко-Волынской землѣ, въ четырехъ же рукописяхъ Кіевскихъ, дошедшихъ до насъ отъ XIV и XV ст., нѣтъ ни одной изъ этихъ особенностей малорусскаго говора.

Вѣстникъ Европы 1883 г. Статьи, имѣющія отношеніе къ нашему изданію:

Анненковъ. Идеалисты тридцатыхъ годовъ (мартъ).

Висковатый. Неизданныя стихотворенія В. А. Жуковскаго (февр.).

Д. К. А. В. Мацѣевскій—некрологъ (мартъ).

Некрасова. Гоголь и Ивановъ (дек.).

Пушкинъ А. С. Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина (янв.).

Пыпинъ. Новѣйшія изслѣдованія русской народности (февр., мартъ, іюнь, авг., окт., ноябрь).

С. М. Столѣтній юбилей рожденія Жуковскаго (янв.).

Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева (окт.). Похороны И. С. Тургенева (ноябрь).

Въ Литературномъ обозрѣніи:

А. С. Пушкинъ въ его поэзіи—Незеленова; В. Кіевская старина 1882 г.; Юбилейныя изданія Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ (янв.); Сочиненія Пушкина, изданіе 8-е — Н. (февр.); Альбомъ Московской Пушкинской выставки—Поливанова (мартъ). Исторія русской церкви Макарія, митр. Моск. т. XII; Жуковскій и его произведенія, сочиненіе Загарина (апр.). Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ, кн. II — Страхова; Западное вліяніе въ новой русской литературѣ — А. Веселовскаго (май). А. Н. Радищевъ—Сухомлинова (іюнь). Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности—Кояловича (іюль). Стихотворенія Н. А. Некрасова; И. С. Тургеневъ „Муму“; Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ—А. Ремезова (авг.). В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ Петербургѣ 29 и 30 января 1883 г., изданіе Стояновскаго (окт.). Забѣлинъ — Домострой А. Н. (дек.).

Сырку. Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. СПб. 1883 г. ц. 1 р. 25 к.

Будде. Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ въ исторіи русской народной словесности. Воронежъ 1883 г. ц. 30 к.

Микуцкій. Матеріалы для корневаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Вып. IV. Варшава 1883 г. ц. 40 к.

Сырку. Рупаланы и рупци. Замѣтка по болгарской діалектологіи. Воронежъ 1883 г. ц. 25 к.

Пыпинъ. Сводный старообрядческій Синодикъ. СПб. 1883. ц. 1 р.

Поповъ А. Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго

народа и въ частности на народную словесность въ древній доисторическій періодъ. Казань 1883. ц. 2 р. 50 к.

Якушкинъ И. Сочиненія. Съ портретомъ и біографіей. ц. 4 р. 30 к.

Кантеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст. Введеніе. Москва—третій Римъ. Соборное утвержденіе царскаго вѣнчанія Ив. В. Грознаго константинопольскимъ патріархомъ (Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ. N 9 и 10, 1883 г.).

Гротъ К. Я. Вступительная лекція, чптанная въ Варшавскомъ Университетѣ 16 окт. 1883. (Нѣсколько мыслей объ исторіи литературы южныхъ Славянъ). Варшава 1883.

Кулаковскій П. Праздникъ „Слава“ у Сербовъ. (Изъ Русск. Вѣст. 1883 г.).

О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію. Замѣтки Данилевскаго и К. Грота. (Изъ Извѣстій Имп. Р. Геогр. Общества. 1883).

Гротъ Я. К. Основанія фонетики проф. Сѣверса (статья изъ Ж. М. Н. Пр. 1883 г.).

Дестунисъ. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. СПб. 1883 г.

Александровъ. Дѣтская рѣчь. Варшава 1883. ц. 50 к.

Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Варшава 1883 г.

Указатель новыхъ книгъ.

Александровъ В. Уроки и задачи изъ русской грамматики. Москва 1883. ц. 45 к.

Орестейя — Трилогія Эсхила со введеніемъ и примѣчаніями, переводъ Котелова. СПб. 1883. ц. 3 р. 75 к.

Антигона—Трагедія Софокла, переводъ Котелова. СПб. 1884. ц. 1 р.

Вѣнокъ на гробъ И. С. Тургенева. Рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Одесскаго славянскаго общества въ сент. 1883 г. Одесса, ц. 40 к.

Лессингъ. Гамбургская драматургія. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ, примѣчаніями разныхъ комментаторовъ и алфавитнымъ указателемъ. Москва 1883 г. ц. 3 р.

На память о Тургеневѣ. Одесса 1883. ц. 15 к.

Библіографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Достоевскаго. СПб. 1883. ц. 5 р.

Русаковъ. Карманный орѳографическій словарь съ обозначеніемъ переноса словъ. Болѣе 40000 русскихъ и иностранныхъ словъ сомнительныхъ въ правописаніи. Москва 1884 г. ц. 1 р. 50 к.

Невзоровъ. И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія. Ст. въ пр. и Кл. Мил. Казань 1883 г.

Плисскій. И. С. Тургеневъ. Біографическій очеркъ. СПб. 1883. ц. 25 к.

Рыбаковъ. Русская грамматика. Москва 1883. ц. 50 к.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

2-е прибавленіе къ X тому 1883 года.

РАЦІОНАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ

ОБУЧЕНІЯ ПИСЬМЕННОМУ ИЗЛОЖЕНІЮ МЫСЛЕЙ.

Въ предыдущей статьѣ своей [1]) я, надѣюсь, доказалъ, что вся нынѣшняя методика обученія письменному изложенію мыслей сводится къ разнообразнымъ пріемамъ исправленія ученическихъ упражненій. Собственно же объ обученіи нѣтъ и помину. Наши педагоги даже какъ будто чувствуютъ нѣкоторый суевѣрный страхъ къ этого рода обученію. „Въ сочиненіяхъ, кромѣ знанія языка, грамматики, кромѣ умѣнья распоряжаться словеснымъ и умственнымъ богатствомъ, выражается еще *внутренній міръ* ученика, его умственное развитіе, его нравственное направленіе и наконецъ все его *міросозерцаніе*“ [2]). Какъ же въ самомъ дѣлѣ, возможно учить человѣка излагать на бумагѣ свой внутренній міръ? Или кто изъ образованныхъ педагоговъ отважится посягнуть на чужое міросозерцаніе? Вѣдь это — святотатство. Позволительно только вызывать

---

[1]) „Нѣсколько мыслей о нынѣшней постановкѣ письменныхъ упражненій по русскому яз. въ средн. уч. заведеніяхъ“. Р. Ф. В. 1883 г. N 1.

[2]) Записки по методикѣ русскаго яз. Солонины. III. § 52.

человѣка на обнаруженіе своего міросозерцапія, и затѣмъ, если онъ обнаружитъ его безграмотно и безтолково, можно исправить стиль и орѳографію, не затрогивая — Боже сохрани!—*внутренняго міра*.

Возможно ли вообще учить дѣтей письменно излагать свои мысли? Если возможно, то когда и какъ къ этому приступить? Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ вести самыя занятія?—Отвѣты на всѣ эти вопросы, въ совокупности своей, представятъ методъ обученія письменному изложенію мыслей, который я называю раціональнымъ не по убѣжденію, конечно, въ его безукоризпеппости и совершенствѣ, по въ увѣренности, что я напалъ на правильпый путь. Предупреждаю, что методъ мой не заключаетъ въ себѣ ничего ни новаго, ни мудренаго; онъ не вычитанъ изъ нѣмецкихъ книжекъ и не выдуманъ въ кабинетѣ. Но въ немъ много страннаго и повидимому, даже совсѣмъ несообразнаго... Поэтому я постараюсь изложить его исторически, чтобъ видно было, какъ и почему я долженъ былъ прійти къ такому именно, а не другому методу. Исторія будетъ довольно длинная, но, полагаю, не безъинтересная для многихъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ я велъ письменныя упражненія такъ, какъ ведутъ ихъ донынѣ всѣ и какъ того требуютъ печатныя руководства къ веденію сочиненій, именно: начиналъ съ списыванья съ книги, потомъ переходилъ къ диктовкѣ и составленію примѣровъ на правила грамматики, далѣе слѣдовало изложеніе *своими словами* прочитаннаго или разсказаннаго, затѣмъ уже — самостоятельныя описанія, повѣствованія, характеристики и т. д. Правильно списывать съ книги дѣти не умѣли; пришлось ихъ учить. Но перейдя затѣмъ къ диктовкѣ, я замѣтилъ, что тѣ самыя слова, которыя при списываніи съ книги дѣти писали много разъ и совершенно правильно, подъ диктовку пишутъ ошибочно. Пришлось снова ихъ учить. Когда дѣти научились писать почти безошибочно подъ диктовку, я переходилъ къ изложенію „своими словами“. Но здѣсь повторилось тоже самое: излагая „своими слова-

ми", дѣти дѣлали невѣроятныя ошибки въ тѣхъ самыхъ словахъ, которыхъ подъ диктовку они никакъ не могли бы написать неправильно, напр. *вдуше, светъ* и т. п. Это меня заинтересовало, и я сталъ доискиваться причины подобнаго явленія. Грѣшный человѣкъ,—сначала и я думалъ было такъ, какъ думаетъ объ этомъ и теперь г. Солонина, именно, что причиною всему—небрежность и невнимательность дѣтей (Записки по методикѣ рус. яз. 1878 г. III § 47); но факты скоро заставили меня бросить такое мнѣніе и искать объясненія столь страннаго явленія въ психологическомъ ученіи о навыкахъ. Между списываніемъ съ книги и письмомъ подъ диктовку разницу понять нетрудно: тамъ впечатлѣнія глаза, а здѣсь впечатлѣнія слуха. Рука, навыкшая дѣйствовать сообразно съ ощущеніями зрѣнія, работала бы такъ же правильно и подъ впечатлѣніями слуха лишь въ томъ случаѣ, еслибъ навыкъ ея былъ собственный, самостоятельный, независимый ни посредственно, ни непосредственно отъ какихъ либо центральныхъ или периферическихъ возбужденій. Но этого на дѣлѣ нѣтъ. Слѣдовательно рука не обладаетъ самостоятельнымъ навыкомъ... Но какъ же быть съ писарями? Въ то время въ педагогической литературѣ много толковали о писаряхъ, которые, постоянно списывая съ правильнаго текста, выучивались писать грамотно, вовсе не зная грамматики [1]). Не сама ли тутъ рука привыкаетъ къ правильному начертанію словъ?— Но дальнѣйшія наблюденія и опыты не подтвердили этого. Случалось, что уже довольно грамотныя дѣти писали иногда такъ: *соволѣй пелъ* вм. соловей пѣлъ. Явленіе это извѣстно подъ именемъ метатезиса или перестановки буквъ. Какъ его объяснить? Перестановка согласныхъ въ первомъ словѣ понятна: и та и другая согласная слѣдуетъ за одной и той же гласной *о: ол—ов*; поэтому послѣ перваго *о* написать *в*, а послѣ втораго—*л* рука могла сама собою. Точно также и *ѣ* послѣ

---

[1]) Письменныя упражненія — Гаврилова. СПб. 1872 г. стр. 21.

л могло явиться подъ вліяніемъ чисто механическаго навыка, такъ какъ *ѣ* послѣ *л* встрѣчается во многихъ весьма употребительныхъ словахъ: лѣто, лѣсъ, слѣпой, клѣтка, лѣнь, лѣвый и т. п. Но откуда взять е въ словѣ *пѣлъ*? Вѣдь такихъ буквосочетаній не много: пеленка, пепелъ, перепелъ, да и тѣхъ дѣтямъ, пожалуй, вовсе не случалось писать прежде. Между тѣмъ слово *пѣлъ* въ другихъ мѣстахъ того же самаго упражненія написано правильно. Что за причина? Едва ли рука могла напутать такъ сама собою. Наблюдая далѣе случаи перестановки буквъ, я замѣтилъ, что перестановка случается не только между сосѣдними слогами и словами, но и черезъ слово, а иногда и черезъ два. При томъ же если въ томъ же самомъ упражненіи дѣтямъ придется писать то же самое слово или тѣ же самыя слова вторично, то перестановка, обыкновенно, не повторяется. Ясно, что работа эта — не машинальная.

Чтобъ окончательно убѣдиться, можетъ ли рука написать хоть двѣ-три буквы сама по себѣ, какъ заведенная машина, я произвелъ нѣсколько опытовъ. Такъ, я научился было бѣгло писать лѣвою рукою и старался добиться того, чтобъ правая рука писала одно слово, а лѣвая въ то же самое время—другое. Но этотъ опытъ мнѣ не удался. Тогда я обратился къ другому опыту; сталъ писать на лоскуткахъ бумаги свою фамилію безконечное число разъ и въ то же время старался вести разговоръ, или читать книгу. Пока чтеніе или разговоръ касался предметовъ, не требующихъ напряженія вниманія, я подписывался правильно, но коль скоро сталъ увлекаться разговоромъ, рука дѣлала ошибки; въ случаѣ же внезапнаго поглощенія вниманія вопросомъ или фразой книжки, рука тотчасъ останавливалась, или, при желаніи непремѣнно кончить, ставила двѣ-три точки, непохожія ни на какую букву, и затѣмъ дальнѣйшія движенія все-таки прекращались, не докончивъ фамиліи.

Такимъ образомъ я пришелъ къ выводу, что рука сама по себѣ, въ силу, такъ сказать, инерціи, не можетъ

написать ни одной буквы, почему и надежда на образованіе у дѣтей механическаго навыка путемъ списыванія съ книги—должна была исчезнуть. Списываніе съ книги пришлось вычеркнуть изъ числа упражненій по языку и отнести къ урокамъ чистописанія. Остались, слѣдовательно, диктовка и сочиненія.

Чѣмъ же объяснить тотъ поразительный фактъ, что ученики, пишущіе подъ диктовку почти безукоризненно, въ самостоятельномъ изложеніи рѣшительно игнорируютъ всякую ороографію и возвращаются къ первобытной безграмотности?—Въ педагогической литературѣ я не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ, да и о самомъ фактѣ этого рода первое печатное заявленіе появилось гораздо позже, именно, если не ошибаюсь, въ 1880 г. въ Журн. Министерства Нар. Пр. за Апрѣль, стр. 81 и 82. Вотъ я и началъ разсуждать приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Внимательно наблюдая процессъ письма, легко замѣтить, что между рѣшимостію написать такое-то слово и самымъ написаніемъ его всегда есть нѣкоторый промежутокъ времени. Списывая, напр., съ книги, мы сперва посмотримъ, какое слово слѣдуетъ писать, а затѣмъ во время самаго письма смотримъ уже не въ книгу, а на то, что пишемъ; точно также и во время диктовки сперва услышимъ слово, а потомъ пишемъ. И въ томъ, и въ другомъ, да и во всякомъ случаѣ моментъ побужденія къ писанію того, а не другаго слова остается въ *прошедшемъ* относительно самаго акта писанія. Слѣдовательно мы пишемъ *по памяти*. А если такъ, то самое написаніе обусловливается и сопровождается предварительно образовавшимся въ умѣ „представленіемъ" написуемаго слова, ибо память—на то и память, чтобъ воспроизводить не объективный фактъ, а лишь субъективный противень его. Значитъ, *правильное* письмо должно бы обусловливаться предварительно образовавшимися въ умѣ *вѣрными* и *прочными* „представленіями" словъ.

Представленія словъ, по числу внѣшнихъ чувствъ, которыми они возбуждаются, бываютъ двоякія: слуховыя

и зрительныя, или акустическія и оптическія. Мы либо *слышимъ* слово, либо *видимъ* его написаннымъ или напечатаннымъ. Вѣрность какъ тѣхъ, такъ и другихъ представленій зависитъ отъ вѣрности и свѣжести воспріятій: если мы хорошо разслышали только что сказанное слово, то мы и произнесемъ его вѣрно; если мы хорошо разсмотрѣли слово въ книжкѣ, то можемъ тотчасъ и написать его правильно. Но это качество представленій имѣетъ для нашей цѣли мало значенія. Преподавателю рѣдко встрѣчается надобность учить дѣтей произносить новыя для нихъ слова; равнымъ образомъ, если дѣти не умѣютъ правильно списывать съ книги, то вовсе не трудно показать имъ, какъ это слѣдуетъ дѣлать, чтобъ не было ошибокъ. Для цѣлей преподаванія несравненно важнѣе, чтобъ представленія словъ были *прочны*, т. е., удерживались въ памяти надолго. При какихъ же условіяхъ представленія дольше сохраняются въ памяти?

По ученію психологіи представленіе тѣмъ прочнѣе запечатлѣвается въ памяти, чѣмъ большимъ числомъ нитей оно скрѣплено въ сознаніи, т. е., чѣмъ съ бо́льшимъ числомъ другихъ представленій оно вошло въ соотношеніе и связь. Примѣняя этотъ эмпирическій законъ къ представленіямъ слова, мы найдемъ, что слуховыя представленія безсознательно, въ періодъ ранняго дѣтства, соединяются съ воспроизведеніемъ слышаннаго посредствомъ органовъ рѣчи, такъ что между слуховыми ощущеніями и движеніями этихъ органовъ тогда же устанавливается прочная связь (рефлексъ). Поэтому дѣти безъ труда произносятъ слышанное слово и относительно дольше помнятъ его. Но съ чѣмъ въ сознаніи могутъ связаться зрительныя представленія написанныхъ словъ? Повидимому, всего естественнѣе имъ войти въ связь съ слуховыми представленіями и тѣмъ самымъ укрѣпиться. Такъ думаютъ всѣ психологи и педагоги и на этомъ основаніи считаютъ списываніе съ книги и диктовку „самыми дѣйствительными“ средствами для выработки грамотнаго письма, т. е., прочныхъ оптическихъ представленій словъ. Дѣйствительно,

и тѣ, и другія представленія неизмѣнно сходятся въ одномъ пунктѣ, именно, въ воздѣйствіи на органы рѣчи: зрительныя ощущенія возбуждаютъ къ дѣятельности органы рѣчи совершенно такъ же, какъ и слуховыя, и при нѣкоторомъ навыкѣ въ чтеніи мы нисколько не затрудняемся прочитать слово, хотя бы никогда прежде не слыхали его въ произношеніи другихъ. Но эта, скорѣе физіологическая, чѣмъ психологическая, связь зрительныхъ представленій съ слуховыми идетъ цѣликомъ въ пользу послѣднихъ, а не первыхъ, въ пользу рѣчи, а не письма. То слово, которое мы 1) слышали, 2) сами произносили, и 3) прочитали въ книжкѣ, дольше, конечно, удержится въ памяти, чѣмъ слово—только слышанное и произнесенное. Связь эту можно выразить въ слѣд. формулѣ:

1) Слуховыя представленія. Рефлексъ — *движеніе органовъ рѣчи, рѣчь.*

2) Зрительн. представленія. Рефлексъ — *движеніе органовъ рѣчи, рѣчь.*

А на долю движеній руки, на долю письма такъ ничего и не остается. Если даже и насильно прибавить сюда еще и собственноручное написаніе прочитаннаго слова, то результатъ будетъ опять въ пользу рѣчи, ибо выгоды, получаемыя въ данномъ случаѣ рѣчью, равняются $4^1/_2$ („слышать“—„произнести“—„видѣть“—„произнести“ и половина отъ „написать“; допускаю только половину), а выгода для письма равна всего $^1/_2$, которая и поглощается превозмогающею массою. Движенія руки никогда не связываются ни съ слуховыми, ни съ зрительными представленіями такъ прочно, какъ движенія органовъ рѣчи: сравнительно съ произношеніемъ письмо—слишкомъ искусственная и слишкомъ длинная манипуляція, чтобъ взойти на степень рефлекса. Единственное исключеніе бываетъ при списываніи съ печатнаго. Здѣсь зрительныя ощущенія печатной буквы, повидимому, возбуждаютъ въ мускулахъ руки соотвѣтственныя движенія для начертанія той же самой буквы письменнымъ шрифтомъ. Но это касается изображенія отдѣльныхъ буквъ и къ правильному письму цѣ-

лыхъ словъ не имѣетъ отношенія. Впрочемъ явленіе это не было мною достаточно провѣрено и изслѣдовано.

Итакъ ассоціація зрительныхъ представленій съ слуховыми при посредствѣ органовъ рѣчи не оказываетъ вліянія на усиленіе первыхъ и укрѣпляетъ лишь послѣднія. Теперь посмотримъ, не могутъ ли войти въ связь эти представленія при двойномъ посредствѣ—органовъ рѣчи и движеній руки. Для этого прежде всего необходимо, чтобъ между движеніями органовъ рѣчи и движеніями руки существовало полное соотвѣтствіе, т. е., чтобъ одни и тѣже движенія органовъ рѣчи сопровождались всегда одними и тѣми же движеніями руки. Тогда обѣ дѣятельности мало-по-малу могли бы такъ связаться, что помимо нашей воли одна вызывала бы другую, а зрѣнію и слуху оставалось бы съобща контролировать обѣ дѣятельности. Въ каждый моментъ письма непрерывно совершался бы тогда слѣдующій психо-физіологическій круговоротъ:

1) Зрительныя или слуховыя возбужденія.
2) Движенія органовъ рѣчи.
3) Движенія руки.
4) Возбужденія зрѣнія.
5) Сличеніе зрительн. представленій съ слуховыми и, какъ результатъ сличенія,—чувство согласія или разлада.

Но къ установленію неразрывной связи между движеніями органовъ рѣчи и работою руки встрѣчается важное препятствіе въ недостаткѣ соотвѣтствія между произношеніемъ и письмомъ. Во первыхъ, по условіямъ нашей, да и всякой другой графики, на письмѣ мы изображаемъ не окрашенные оттѣнками личнаго произношенія звуки, а *типы* звуковъ, слѣдовательно уже нѣчто отвлеченное сравнительно съ произносимымъ звукомъ. Во вторыхъ, буквы въ нашей письменности очень рѣдко идутъ параллельно звукамъ, иногда же по требованію орѳографіи мы пишемъ слова совсѣмъ не такъ, какъ произносимъ ихъ. Однимъ словомъ, наше письмо не звуковое... Куда ни кинь, все клинъ. Выходитъ, какъ будто нѣтъ физической возможности нау-

чить грамотному письму. Можно въ отчаяніе прійти. Но исчерпаны ли уже процессы рѣчи и письма? Нѣтъ ли еще какихъ нибудь рессурсовъ?

До сихъ поръ я разсматривалъ слова, какъ сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ или какъ ряды написанныхъ буквъ — не болѣе. Но слово сверхъ того есть еще орудіе мысли, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ оно только и получаетъ свое право бытія. Существуетъ ли какая нибудь связь между письмомъ (зрительными представленіями словъ) и мышленіемъ? Безъ сомнѣнія, существуетъ. Вотъ, напр., сейчасъ я написалъ „безъ сомнѣнія", а не „бѣсъ сомнѣнія". Если бы даже по разсѣянности я написалъ „бѣсъ сомнѣнія", то глазъ мгновенно замѣтилъ бы неправильность. Равнымъ образомъ если бы я вмѣсто „народъ" написалъ „на родъ" или „на ротъ", то неправильное начертаніе сейчасъ же претило бы глазу, хотя тѣмъ же самымъ начертаніемъ въ фразѣ „родъ возсталъ на родъ" глазъ вполнѣ доволенъ. Но не потому ли глазъ такъ быстро замѣчаетъ ошибку, что я знаю грамматику? Едва ли. Когда я писалъ „безъ сомнѣнія", я вовсе не думалъ о томъ, что здѣсь „безъ" предлогъ, а не имя существ., точно такъ же какъ, говоря „дай воды", я не думаю, что ставлю „воды" въ родит. падежѣ, а говоря „дай книгу", опять не думаю, что ставлю „книгу" въ винительномъ . . . Возникаетъ вопросъ: какое участіе принимаетъ этотъ новый факторъ въ процессѣ письма, и какое мѣсто принадлежитъ ему въ составленной выше формулѣ письменнаго процесса?

Побужденіе къ употребленію рѣчи какъ устной, такъ и письменной исходитъ главнымъ образомъ изъ потребностей мышленія (разумѣю не первоначальныя побужденія къ произнесенію перваго слова — у малыхъ дѣтей, или къ изображенію звуковъ посредствомъ буквъ — у начинающихъ учиться писать). Мы думаемъ словами и, какъ показываютъ наблюденія надъ маленькими дѣтьми, думать мы начинаемъ раньше, чѣмъ даже говорить, а не то что писать. Слова въ свою очередь являются, смотря по обстоя-

тельствамъ, или въ формѣ произносимыхъ членораздѣльныхъ звуковъ (рѣчь), или въ видѣ условныхъ начертаній (письмо). Между устною и письменною рѣчью неизмѣнно существуетъ только такое отношеніе, что обѣ онѣ служатъ для обнаруженія мыслей. Значитъ, мышленіе является естественнымъ возбудителемъ какъ говорного, такъ и письменнаго процесса въ одинаковой мѣрѣ, и въ указанной формулѣ нужно поставить его на первомъ мѣстѣ.

Далѣе: прежде чѣмъ написать слово, непремѣнно ли нужно произнести его хоть мысленно? Кажется, такой необходимости нѣтъ. Дѣти, учась писать, правда, шепчутъ тѣ — особенно длинныя — слова, которыя имъ приходится выводить буква за буквой, но по мѣрѣ навыка въ писаніи надобность въ томъ уменьшается и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ совсѣмъ исчезнуть особенно при несовершенно звуковомъ письмѣ; но есть еще письмо идеографическое, при которомъ уже никакого произношенія не требуется. Слѣдовательно процессъ письма можетъ совершаться совсѣмъ особо и независимо отъ процесса рѣчи. Поэтому оба процесса могутъ быть изображены параллельно въ слѣд. видѣ:

Мышленіе

Слуховыя представленія	Зрительныя представленія
Движенія органовъ рѣчи (рѣчь)	Движенія руки (письмо).

Но процессы на этомъ не кончаются. Когда мы говоримъ или пишемъ, то всегда наблюдаемъ, то ли говоримъ, что хотимъ сказать, и то ли пишемъ, что слѣдуетъ. Кто случайно обмолвится, тотъ очень часто самъ замѣчаетъ свою обмолвку и по собственному побужденію поправляется; равнымъ образомъ и во время письма мы очень часто предупреждаемъ не состоявшіяся еще покушенія руки начертить не ту букву, или не то слово, которое слѣдуетъ. Откуда мы знаемъ, что обмолвились, или ошиблись? Очевидно, во время движеній органовъ рѣчи или руки совершается непрерывный обратный токъ къ первоначальному возбудителю, который контролируетъ эти движенія. Въ та-

комъ случаѣ формула процесса въ законченномъ видѣ будетъ такова.

Мышленіе

Слуховыя представленія	Зрительныя представленія
Движенія органовъ рѣчи (рѣчь)	Движенія руки (письмо)
Слуховыя представленія	Зрительныя представленія

Мышленіе

Признавъ, что процессъ письма параллеленъ процессу рѣчи и можетъ совершаться независимо отъ послѣдняго, лишь въ соотвѣтствіи съ нимъ, я сдѣлалъ тѣмъ для себя весьма важное открытіе. Если оба процесса соотвѣтственны другъ другу, то это соотвѣтствіе нужно распространить и на способы и пріемы обученія тому и другому. Процессъ рѣчи — естественный процессъ, письмо — процессъ искусственный. Незадолго передъ тѣмъ я много читалъ о *природосообразности* въ обученіи, да и самъ по себѣ всегда былъ того мнѣнія, что педагоги слишкомъ усердствуютъ, слишкомъ много придумали затѣйливыхъ искусственныхъ пріемовъ, не освѣтивъ ихъ философскою мыслію и не связавъ единствомъ принципа. „Нужно учиться учить у природы",—слова Коменскаго. Но природа писать никого не учитъ, письмо выдумали люди, а не природа. За то природа научила людей говорить, а рѣчь аналогична съ письмомъ. Аналогія самая полная. Поэтому нужно посмотрѣть, какъ маленькія дѣти учатся говорить и сообразно съ тѣмъ вести обученіе письму.

Прежде всего бросается въ глаза тотъ общеизвѣстный фактъ, что дѣти въ короткое сравнительно время безъ мучительныхъ усилій и даже безъ всякаго труда усвояютъ невѣроятное количество словъ и оборотовъ, усвояютъ, такъ сказать, цѣлый языкъ, а иногда и два. Отчего это происходитъ? Вѣдь ни на комъ не лежитъ спеціальная обязанность учить дѣтей говорить. Няньки и бонны не для того къ нимъ приставлены. А въ школѣ требуется длинный рядъ лѣтъ, чтобъ тѣже самыя дѣти совладали съ какою нибудь буквою ѣ. Тамъ дѣтей никто не учитъ, нѣтъ

тамъ ни поощреній, ни наказаній (наказываютъ скорѣе за употребленіе нѣкоторыхъ словъ, а не за неумѣнье произносить слова), — и успѣхи изумительные; здѣсь же патентованные учителя, вооруженные наукою и безконечною лѣстницею поощреній и дисциплинарныхъ взысканій, бьются по цѣлымъ годамъ и если достигаютъ кое-какихъ успѣховъ, то вѣдь и капля воды долбитъ камень. Отчего такая несоразмѣрность? Говорятъ: „дѣти по наслѣдству получаютъ предрасположеніе къ употребленію языка, это природная потребность, а письмо — не даръ природы". Допустимъ, что письмо вдвое — втрое труднѣе рѣчи. Каждый даже самыхъ посредственныхъ способностей ребенокъ на четвертомъ—пятомъ году жизни вполнѣ овладѣваетъ языкомъ, а каждый ли умѣетъ на десятомъ году ученія письменно излагать мысли? Должно быть въ самомъ способѣ нашего ученія кроются причины столь невообразимой медленности успѣховъ... Послѣ долгихъ размышленій, наблюденій и даже опытовъ я пришелъ къ убѣжденію, что главная причина быстраго усвоенія дѣтьми разговорной рѣчи заключается, помимо прочихъ благопріятныхъ условій, въ томъ, что понятія у нихъ предшествуютъ словамъ, и рѣчь возникаетъ въ силу потребности выразить готовую уже, напередъ сформировавшуюся мысль; слова связываются съ понятіями и уясняютъ ихъ въ сознаніи, понятія образуютъ системы мыслей, переплетающіяся между собою тысячами нитей. Такимъ образомъ между рѣчью и мыслями устанавливается естественное, не нарушаемое постороннимъ вмѣшательствомъ взаимодѣйствіе, которое способствуетъ органическому развитію и возрастанію обоихъ дѣятелей. Оттого-то слова такъ крѣпко и держатся въ дѣтской памяти, что имъ есть за что держаться; они не одиноки, они не отдѣлимы отъ понятій, а понятія, ими обозначаемыя, въ свою очередь ассоціируются въ сознаніи со всѣмъ наличнымъ міросозерцаніемъ ребенка. Съ такой точки зрѣнія дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему дѣти не затверживаютъ словъ и фразъ и не нуждаются ни въ какихъ мнемоническихъ фокусахъ, къ которымъ обыкновенно

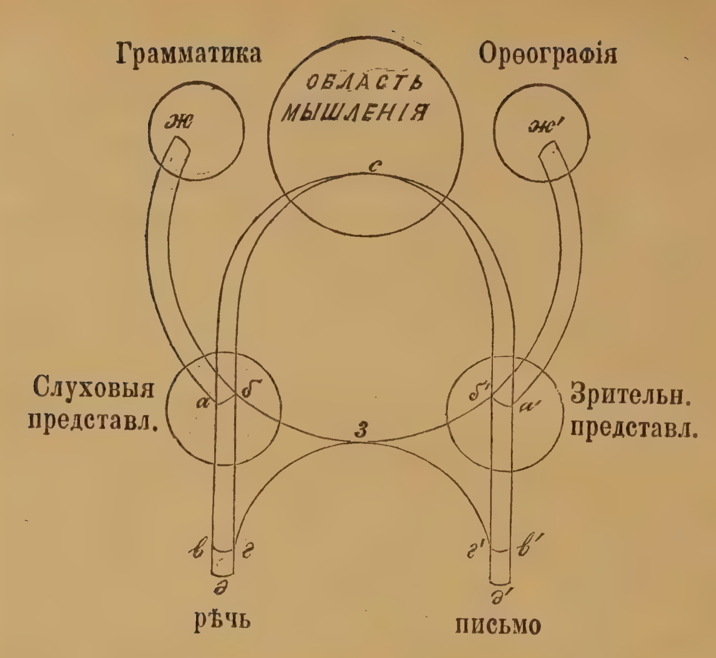
прибѣгаютъ школьники для удержанія въ памяти строптивыхъ названій, въ родѣ Гогенштауфенъ, Давалагири и т. п.

Въ дѣлѣ обученія письму ничто такъ не аналогично съ указанными сейчасъ условіями усвоенія рѣчи, какъ *письменное изложеніе учащимися собственныхъ мыслей*. И тамъ, и здѣсь слова связываются съ выражаемыми ими понятіями, съ тою лишь разницею, что въ процессѣ письма отдѣльность словъ обозначается ясно, тогда какъ въ говорномъ процессѣ слова сливаются въ рѣчь и отдѣльно могутъ быть не сознаваемы. Около 1874 года я сдѣлалъ первый опытъ такого обученія [1]). Не смотря на весьма неблагопріятныя обстоятельства, опытъ тѣмъ не менѣе удался, и 9—10-ти лѣтнія дѣти къ концу перваго года обученія могли сами изложить довольно правильными предложеніями небольшую статейку повѣствовательнаго содержанія. Перешелъ я затѣмъ къ диктовкѣ и уже не встрѣтилъ никакихъ неожиданностей: дѣти вовсе не впадали въ такія ошибки, какихъ они не сдѣлали бы въ самостоятельномъ изложеніи. О списываніи съ книги нечего и говорить.

Такимъ образомъ странное явленіе, что ученики, пищущіе подъ диктовку правильно, въ самостоятельныхъ упражненіяхъ дѣлаютъ грубыя ошибки, объясняется удовлетворительно. Если процессъ обученія письму начатъ съ диктовки, то въ сознаніи учениковъ слова связываются съ понятіями *не такъ*, какъ при самостоятельномъ употребленіи. Для наглядности представляю говорной и письменный процессы въ слѣд. схемѣ:

---

[1]) Порядокъ и самый способъ веденія дѣла описанъ мною позже въ статьѣ „О начальномъ обученіи письменному изложенію мыслей“, напечатанной въ Циркулярѣ по Варш. учебн. Округу за 1881 г. NN 11 и 12-й. Ранѣе этого, въ 1877 году я писалъ о томъ же въ оффиціальномъ отчетѣ, который напечатанъ не былъ.

Объясненія къ чертежу.

1) Нормальный процессъ громкой рѣчи совершается по линіи *савдгбс*. Линія отъ возбудителя къ исполнителю —*савд*— представляетъ путь *пассивный*, обратная же *дгбс*—путь *активный* или *контрольный*. Пассивность перваго пути и активность второго можетъ быть доказана фактами, извѣстными каждому? Удачно употребленное слово, или ловкая фраза, кстати сказанная нами, часто для насъ самихъ бываетъ неожиданностію; точно также часто мы остаемся недовольны собственной фразой и нерѣдко ясно сознаемъ, что она какъ бы нечаянно сорвалась съ языка. Слабость и медленность контрольнаго тока обусловливаетъ весьма распространенное, но къ сожалѣнію мало изслѣдованное психическое явленіе, извѣстное подъ именемъ „задняго ума“, которымъ, по пословицѣ, такъ крѣпокъ русскій человѣкъ.

2) Въ соотвѣтствіи съ процессомъ рѣчи нормальный процессъ письма будетъ въ оба конца *са'в'д'г'б'с*. Токъ пассивный будетъ *са'в'д'*, токъ контрольный *д'г'б'с*.

3) Для шопота — линія короче, именно, *савгбс*; рав-

нымъ образомъ *мнимое* письмо (на такой поверхности или такимъ орудіемъ, которыя не оставляютъ слѣдовъ начертаній, напр., на водѣ, на пескѣ, или пальцемъ на стеклѣ) обозначено линіею *са'в'г'б'с*.

4) Путь *сабс* означаетъ рѣчь въ умѣ, или мышленіе посредствомъ словъ; путь *са'б'с*—письмо въ умѣ, или воображаемое начертаніе словъ.

5) Чтеніе письма съ чисто звуковой ороографіей обозначено линіей *б'зд*; по мѣрѣ же удаленія письма отъ типа звуковаго чтеніе происходитъ по линіи *б'збгд*; разборъ іероглифовъ и вообще идеографическихъ начертаній требуетъ длиннаго пути *б'сабгд* и обратно.

6) Писаніе подъ диктовку, при вполнѣ звуковой ороографіи, можетъ совершаться по пути *дзг'д'*, историческая же ороографія требуетъ предварительнаго оптическаго представленія слова, почему для писанія здѣсь нуженъ путь *бзб'г'д'*.

7) Токъ, идущій отъ возбудителя къ исполнителю по одному пути, встрѣчаясь съ какимъ нибудь другимъ путемъ, производитъ сотрясенія по всѣмъ направленіямъ этого послѣдняго пути, только сотрясенія эти бываютъ безконечно разнообразной степени. Такъ во время чтенія или письма подъ диктовку совершенно непонятныхъ словъ мы сознаемъ хоть то, что они непонятны; поэтому нельзя сказать, чтобъ чтеніе или письмо такихъ словъ вовсе не затрогивало сферы мышленія или такъ называемой самодѣятельности. Возбуждаясь въ пунктахъ *б*, *б'* и направляясь главнымъ теченіемъ по линіямъ *бзг'* или *б'зг*, нервный токъ отдается слабой волной по направленію отъ *б* или *б'* къ *с*. Степени субъективнаго пониманія слышимаго или читаемаго неисчислимы. Извѣстно, что не только одну и туже фразу каждый понимаетъ по своему, но одинъ и тотъ же человѣкъ одну и туже рѣчь въ одно время понимаетъ такъ, въ другое — иначе; у дѣтей же очень часто бываетъ и такъ еще, что имъ кажется, будто они понимаютъ, а въ сущности — вовсе не понимаютъ. Поэтому, разсматривая на нашемъ чертежѣ какое либо упражненіе

по языку, необходимо всегда имѣть въ виду, что теченіе процесса отдается болѣе или менѣе слабыми сотрясеніями по всѣмъ направленіямъ встрѣчаемыхъ путей.

8) Грамматическія понятія и орѳографическія свѣдѣнія составляютъ особыя сферы, выработываемыя искуственно, путемъ обученія. Отдѣльность этихъ сферъ отъ сферы мышленія, обнимающей реальное содержаніе словъ, не подлежитъ сомнѣнію, ибо нѣтъ никакой возможности во время самаго процесса рѣчи сознавать всѣ грамматическія свойства произносимыхъ словъ. Если мы изучимъ какой нибудь иностранный языкъ только теоретически, по книжкамъ, то объясняться на немъ будемъ медленно и съ трудомъ до тѣхъ поръ, пока не усвоимъ его практически, т. е., пока не перестанемъ нуждаться въ постоянныхъ грамматическихъ справкахъ, затрудняющихъ и замедляющихъ теченіе рѣчи. Болѣе объ этихъ сферахъ будетъ сказано ниже.

Поставимъ теперь различные, чаще всего употребляемые роды письменныхъ упражненій лицомъ къ лицу съ природными упражненіями въ изустной рѣчи.

А. *Простое списываніе съ книги.* На нашемъ чертежѣ работа эта выполняется по линіи *а'в'д'г'б'*. Соотвѣтствующая въ говорномъ процессѣ линія *авдгб* представляетъ повтореніе за кѣмъ нибудь словъ, напр., нянька говоритъ, а ребенокъ за ней повторяетъ. Существуетъ ли такой пріемъ обученія рѣчи? — Конечно, нѣтъ. Во-первыхъ, еслибъ и нашлась ученая нянька, которая вздумала бы такимъ способомъ учить дѣтей говорить, то всѣ старанія ея заставить годичнаго ребенка повторять за нею слова остались бы напрасными: ребенокъ просто бы молчалъ или продолжалъ бы дѣлать свое, не обращая никакого вниманія на требованія няньки. Во-вторыхъ, хотя дѣти, только что начинающія говорить (что обыкновенно бываетъ въ концѣ перваго и въ началѣ втораго года жизни), весьма охотно и много болтаютъ, повторяя нерѣдко безъ всякаго сознанія, обрывки кѣмъ либо тутъ же произносимыхъ словъ и фразъ, но такое повтореніе есть не что иное, какъ слѣд-

ствіе отраженія слуховыхъ ощущеній на органахъ рѣчи,— отраженія, не имѣющаго никакого отношенія къ мышленію: словъ этихъ и фразъ дѣти не помнятъ ни одной минуты и по произнесеніи мгновенно забываютъ. Я знаю это изъ неоднократнаго личнаго наблюденія надъ маленькими дѣтьми. Слѣдовательно списываніе съ книги будетъ простое отраженіе зрительныхъ возбужденій въ движеніяхъ руки, и въ этомъ качествѣ оно лишено всякаго орѳографическаго, а тѣмъ болѣе стилистическаго значенія.

Б. *Диктовка*. Операція письма подъ диктовку начинается съ точки *б* и совершается по пути *бгг'д'* или по линіи *бзб'г'д'*; производя болѣе или менѣе слабыя сотрясенія по направленію къ *с*. Это чисто искусственное упражненіе, которому нѣтъ соотвѣтствующаго въ естественномъ говорномъ процессѣ. Параллельно съ нимъ стоитъ громкое чтеніе по книгѣ *(б'згд)*, которымъ не могутъ пользоваться дѣти, начинающія говорить. — Если письмо точно передаетъ звуки произносимой рѣчи, то диктовка безполезна, ибо въ гимназію поступаютъ мальчики уже грамотные, т. е. умѣющіе читать и писать; если же письмо расходится съ выговоромъ (какъ наше) и въ дѣлѣ начертаній часто подчиняется соображеніямъ логическаго характера, то диктовка положительно вредна, особенно такъ называемая повѣрочная орѳографическая диктовка. Путь ея будетъ *бзб'ж'а'в'д'* въ соединеніи съ другимъ путемъ *бгг'д'*. Но пути эти часто приходятъ въ столкновеніе (произношеніе съ правописаніемъ) и ведутъ между собою ожесточенную борьбу, стараясь увлечь нервный токъ каждый на свою сторону. Равнодѣйствующей на нашемъ чертежѣ нѣтъ, но въ дѣйствительности для каждаго написаннаго дѣтьми слова она получается въ видѣ совершенно необъясненныхъ ошибокъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ начертаній. Мнѣ случалось наблюдать, что ученики, вовсе незнакомые съ орѳографіей, пишутъ гораздо грамотнѣе, пока соображаются съ однимъ произношеніемъ, но коль скоро вкусятъ отъ древа правописанія, становятся мудры, какъ зміи, и вмѣсто „Бога" пишутъ „Баво", а вмѣсто

„снова" пишутъ „снаго" и т. п. Главный воротило, центръ *c*, безмолвствуетъ и пассивно воспринимаетъ еле докатывающуюся до него въ видѣ легкой зыби нервную волну, которая проходитъ черезъ точки *б'* и *a'*. Значеніе же грамматики тутъ ровно ничего не помогаетъ. Гдѣ ужъ ребенку помнить во время писанія и части рѣчи, и падежи, и окончанія, и все прочее, когда и сами мы, весь свой вѣкъ учившіеся и учившіе другихъ, всего этого одновременно не можемъ помнить. Да это и физически невозможно. Значитъ, диктовка въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуетъ отъ дѣтей того, что превышаетъ не только силы человѣка, но и вообще силы природы. Требовать примѣненія правилъ орѳографіи отъ дѣтей, не умѣющихъ письменно излагать своихъ мыслей,—то же самое, что требовать знанія грамматики отъ субъекта, не умѣющаго говорить. Научите попугая или годичнаго ребенка грамматикѣ (линія *ажбгд*), и я тогда повѣрю, что диктовка полезна для орѳографическихъ и стилистическихъ цѣлей.

В. *Писаніе заученнаго наизусть*. Это упражненіе есть не что иное, какъ письмо подъ диктовку собственной памяти. „Предлагая писать заученное наизусть", — совѣтуетъ г. Ольшамовскій, — „преподаватель долженъ заранѣе сказать ученикамъ, чтобъ они дома обратили вниманіе на правописаніе словъ и разстановку знаковъ препинанія. *Въ противномъ случаѣ большинство учениковъ надѣлаетъ много ошибокъ*". (Руководство къ веденію письменныхъ упражненій въ гимназіяхъ. 1880 г. стр. 18). Такимъ образомъ въ „писаніи заученнаго наизусть" какъ бы соединяются оба предшествующія упражненія: диктовка и списываніе съ книги, при чемъ разница состоитъ лишь въ промежуткѣ времени, какое проходитъ между чтеніемъ статьи и списываніемъ ея. Прежде ученики списывали по одному слову, а теперь—по цѣлой статейкѣ; прежде у нихъ книга была тутъ же подъ руками, а теперь книга оставлена дома, и ученики пишутъ по памяти. На нашемъ чертежѣ операція „писанія заученнаго наизусть" совершаетъ путь *б(г)зб'г'д'*, — путь очень извилистый и обставленный слиш-

комъ многими условіями. Въ естественномъ процессѣ рѣчи ему будетъ соотвѣтствовать поставленное ребенку требованіе повторить слова, сказанныя кѣмъ либо нѣсколько часовъ тому назадъ, съ добавленіемъ въ придачу какихъ нибудь затѣйливыхъ условій, въ родѣ, напр., воспроизведенія ужимокъ или интонаціи говорившаго и т. п. (линія *бзб'згд)*. Польза отъ подобной дрессировки дѣтей весьма сомнительна.

Г. *Списываніе съ книги съ измѣненіями текста. Амплификаціи. Составленіе примѣровъ на правила грамматики.*

Перечисленныя сейчасъ упражненія ведутся обыкновенно въ связи съ прохожденіемъ грамматики, безъ которой они, разумѣется, были бы не мыслимы. Но имъ придается также и другое значеніе, именно: амплификація, по словамъ г. Ольшамовскаго, „способствуетъ развитію дара слова и творческой дѣятельности ума“ (?) (Руководство— стр. 18). Разсуждая a priori, можно доказать все, что угодно, особенно, если дѣло касается такого сложнаго и таинственнаго явленія, какъ психическій организмъ человѣка. Поэтому и развитіе творческой дѣятельности ума не трудно поставить въ зависимость отъ такихъ, напр., упражненій, какъ пріискиваніе сказуемаго къ данному подлежащему и т. п. Я же съ своей стороны твердо убѣжденъ, что грамматическія упражненія не только ничего подобнаго не развиваютъ, но и не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ мышленію. Вотъ мои основанія.

Каждый преподаватель языка въ низшихъ классахъ, особенно же въ приготовительномъ, вѣроятно замѣчалъ, что дѣти, пріискивая примѣры на данныя правила грамматики, нисколько не стѣсняются логикой и даже удивляются, если учитель указываетъ имъ на явную логическую несообразность придумываемыхъ ими фразъ. Сказать, напр.: „домъ домостроителенъ“, „братъ течетъ громко“, или какую нибудь другую нелѣпость въ томъ же родѣ — имъ ни по чемъ. Нѣкоторые же совсѣмъ не въ состояніи что либо придумать, хотя совершенно ясно понимаютъ правила

и условія задачи. Многіе испытываютъ страшныя муки, желая добросовѣстно выполнить требованіе и въ то же время, не находя въ своей головѣ ни одной здравой мысли, хоть сколько нибудь подходящей къ условіямъ задачи [1]). Очевидно, сфера мышленія и сфера грамматическихъ понятій совершенно различны. Операція придумыванія всякаго рода грамматическихъ примѣровъ производится по линіи *жабж*, при чемъ впослѣдствіи, съ развитіемъ навыка въ работѣ, можетъ болѣе или менѣе задѣваться и путь, ведущій къ *с*.

Но, можетъ быть, путемъ упражненія можно связать обѣ эти сферы такъ, что возбужденіе въ пунктѣ *ж* мгновенно будетъ отдаваться въ сферѣ *с*, вызывая тамъ соотвѣтствующія ассоціаціи? — Нѣтъ сомнѣнія, что у филологовъ и вообще у людей, занимающихся языкомъ, связь между сферой грамматики и сферой мышленія несравненно сильнѣе, чѣмъ у лицъ, никогда серьёзно не учившихся языку; но эта связь—чисто внѣшняя, не органическая. Достаточно на нѣкоторое время прекратить занятія филологіей, чтобъ она значительно ослабѣла или же и. совсѣмъ порвалась. Ассоціація грамматическихъ свѣдѣній съ данными языка есть ассоціація *словъ*, а не понятій. Она очень напоминаетъ своеобразныя упражненія старинныхъ нашихъ начетчиковъ въ изученіи свящ. писанія. — „Приведи“, говоритъ одинъ, „свидѣтельство изъ свящ. писанія на счетъ города Тулы?“ — „Стрѣлы въ *тулѣ* сострѣляти во мрацѣ“, отвѣчаетъ другой. — „А скажи свидѣтельство на Часть (полицейскую)?“ — „Нынѣ разумѣю *отчасти*, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ“. Нѣчто подобное продѣлываетъ и учитель русскаго языка, съ тою лишь разницею, что уче-

[1]) Объ этомъ я уже имѣлъ случай упоминать въ статьѣ „Замѣтки о методѣ и пріемахъ веденія ученическихъ сочиненій“, помѣщенной въ N 1 Циркуляра по Варш. У. О. за 1881 годъ. У меня есть нѣсколько свободныхъ экземпляровъ оттисковъ какъ этой, такъ и прежде упомянутой статьи, которые я могу желающимъ высылать безплатно. Мой адресъ: г. Липно, Плоцкой губ.

нику приходится „приводить свидѣтельство“ не изъ ограниченнаго круга словъ какой нибудь одной книжки, а изъ всей доступной ему массы языка (въ обыкновенномъ употребленіи служащаго при томъ же совсѣмъ для другой цѣли), такъ что самая обширная память нерѣдко отказывается служить въ подобныхъ случаяхъ.

Грамматика есть теорія языка письменнаго по преимуществу. Народамъ, не имѣющимъ письменности, и людямъ неграмотнымъ безусловно чужды всякія грамматическія обобщенія. Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не имѣлъ случая произвести одинъ важный опытъ, именно, попробовать, можно ли научить неграмотнаго человѣка грамматикѣ. Но, кажется, можно и a priori допустить, что одно знаніе грамоты, т. е., умѣнье кое-какъ читать и писать, еще не есть знаніе языка настолько обширное, чтобъ его достаточно было для производства грамматическихъ обобщеній. Грамотныя дѣти читаютъ и пишутъ только чужія слова и Фразы, самостоятельно же письменнымъ языкомъ не пользуются и слѣдовательно вовсе не знакомы съ нимъ. Такимъ дѣтямъ преподаваніе теоріи языка едва ли пойдетъ въ прокъ. Отчасти это будетъ похоже на то, какъ если бы мы деревенскаго парня, умѣющаго пѣть пѣсни, научили переписывать и пожалуй даже называть ноты, а затѣмъ приступили съ нимъ къ изученію контрапункта.

Д. Прочіе виды письменныхъ упражненій, какъ то: переложенія, пересказы, извлеченія, сокращенія, описанія, повѣствованія, разсужденія и т. п., еще болѣе не натуральны, чѣмъ грамматическія упражненія. Свой взглядъ на нихъ я отчасти высказалъ уже въ предыдущей статьѣ (Р. Ф. В. 1883 г. I) и въ „Замѣткахъ о методѣ и пріемахъ веденія ученическихъ сочиненій“ (Цирк. по В. У. О. 1881 N 1). Здѣсь же прибавлю, что всѣми этими упражненіями имѣется въ виду создать *органически-единый*, хотя и весьма сложный навыкъ — умѣнье писать — посредствомъ механическаго напластованія отдѣльныхъ составляющихъ его элементовъ. Безспорно, что въ умѣнье вообще писать входятъ слѣдующія частныя умѣнья: пересказывать

чужую мысль съ дополненіями или сокращеніями, описывать, повѣствовать, разсуждать и т. п. Но если обучать каждому изъ этихъ частныхъ умѣній порознь, то общее умѣнье можетъ остаться не достигнутымъ, какъ изъ механическаго соединенія органическихъ клѣточекъ не получится живой организмъ. Для поясненія возьмемъ аналогичное явленіе — искусство играть на скрипкѣ. Оно можетъ быть разложено на слѣдующія элементарныя умѣнья: умѣнье держать скрипку, умѣнье держать смычекъ, умѣнье быстро бѣгать пальцами лѣвой руки по струнамъ, умѣнье водить смычкомъ по струнѣ, не задѣвая сосѣднихъ струнъ, умѣнье читать ноты и т. д. Что если бы нашелся учитель музыки, который методически сталъ бы учить сперва *только* держать скрипку, потомъ *только* держать смычокъ, потомъ *только* бѣгать пальцами по струнамъ и т. д. и т. д.? Получилось ли бы въ концѣ концовъ умѣнье играть на скрипкѣ и какъ скоро получилось бы?

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Школьное обученіе языку слѣдуетъ начинать съ обученія дѣтей письменному изложенію ихъ собственныхъ мыслей. Легко это сказать, но какъ это сдѣлать?

Во-первыхъ, какія же у дѣтей собственныя мысли? Какъ ихъ узнать, а главное какъ въ школѣ учить излагать ихъ? У каждаго ученика могутъ быть *свои* мысли, которыхъ онъ вовсе не расположенъ обнаруживать передъ учителемъ, а тѣмъ болѣе выставлять на позорище цѣлаго класса, сдѣлавъ ихъ предметомъ гласной работы подъ руководствомъ учителя. Какъ же найти такой предметъ, о которомъ ученики громко могли бы высказывать *свои* мысли, совѣтуясь съ учителемъ только на счетъ правильнаго ихъ изложенія? По всей вѣроятности, такого предмета найти нельзя, да если бы и удалось, то занятія надо было бы вести съ каждымъ ученикомъ порознь, ибо объ одномъ и томъ же предметѣ каждый ученикъ можетъ думать по-своему. Оставалось одно: учить учениковъ письменно излагать не то, что каждый изъ нихъ *думаетъ* о предметѣ, а то, что онъ *знаетъ* о предметѣ, другими словами, изла-

гать свои не *мнѣнія*, которыя могутъ быть разнообразны до безконечности, а фактическія *знанія*, которыя могутъ быть одинаковы у всѣхъ. Качественная разница между знаніями, пріобрѣтаемыми непосредственно, путемъ личнаго наблюденія или опыта, и знаніями, получаемыми изъ разсказовъ другихъ, не существенна. И тѣ и другія одинаково могутъ быть переработаны въ неотъемлемую духовную собственность познающаго. Поэтому хорошая книжка — лучшій источникъ свѣдѣній для учащихся и лучшій поставщикъ матеріала для первыхъ упражненій въ письменномъ изложеніи.

Во-вторыхъ, какъ учить самостоятельному письменному изложенію, когда дѣти не умѣютъ устно выражаться какъ слѣдуетъ? Вѣдь устныя упражненія, по единодушному убѣжденію всѣхъ педагоговъ, непремѣнно „должны предшествовать каждому виду письменныхъ упражненій“. (Руководство—Ольшамовскаго, стр. 1). „Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ученикъ, не умѣющій пересказать анекдотъ, не будетъ въ состояніи изложить на бумагѣ содержаніе этого анекдота“. (ibid.). Это — аксіома. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть иначе, и въ цѣломъ мірѣ найдется ли хоть одинъ педагогъ, который бы хоть случайно обмолвился и высказалъ предположеніе о возможности обученія письменному изложенію прежде устнаго? У педагоговъ по профессіи нечего о томъ и спрашивать. Я обратился къ педагогамъ-любителямъ. Одинъ изъ нихъ, величайшій русскій писатель, временно интересовавшійся школой [1]), пробовалъ учить дѣтей безъ всякихъ предварительныхъ устныхъ упражненій не только письменному изложенію готовыхъ знаній, но „сознательному творчеству“ искусству „поэтически сочинять“. Результаты своего опыта онъ подробно описалъ въ статьѣ: „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ?“ гдѣ, между прочимъ, онъ пришелъ къ слѣд. выводу: „*Все, что мы можемъ сдѣлать, это нау-*

---

[1]) Графъ Л. Н. Толстой.

чить ихъ (дѣтей), *какъ браться за сочинительство*". (Соч. Л. Н. Толстого. Ч. IV, стр. 250). Я ухватился за этотъ выводъ тѣмъ охотнѣе, что это была не соломинка, за которую хватается утопающій. Условія, среди которыхъ я въ то время работалъ, были таковы, что предварительныя устныя упражненія въ связномъ разсказѣ, какъ переходная ступень къ письменному изложенію, были рѣшительно невозможны, потому что мои ученики совсѣмъ не умѣли говорить порусски. Если бъ я сталъ ждать, пока они научатся сколько нибудь складно разсказывать, то до письменныхъ упражненій очередь, пожалуй, и не дошла бъ: курсъ былъ короткій, а принимались въ школу дѣти, еле могущія кое-какъ читать и писать порусски. Нельзя было и думать о томъ, чтобъ ученики *писали*, какъ *говорятъ*, скорѣе можно было достигнуть, чтобъ они *говорили*, какъ *пишутъ*. Началъ я учить ихъ писать, а они дѣйствительно научились и говорить складно. Всему этому трудно повѣрить. Мнѣ и самому какъ-то не вѣрилось, но я вынужденъ былъ спасовать передъ очевидностію. Когда фактъ предсталъ во-очію, тогда пришли въ голову и разныя отвлеченныя соображенія, объясняющія не только возможность, но и законность его. Теперь мнѣ кажется страннымъ противное: какъ можно научить мальчика плавно и литературно говорить, если онъ писать совсѣмъ не умѣетъ...

Въ концѣ перваго года ученія я могъ приступить уже къ грамматикѣ, не покидая однако упражненій въ изложеніи изъ опасенія, чтобъ дѣти, — какъ это всегда бываетъ,—занявшись грамматикой, не забыли языка. Въ три слѣдующіе года вся программа, положенная по уставу заведенія, была выполнена, и въ выпускномъ, IV-мъ классѣ нерѣдко случалось такъ, что надо было придумывать, чѣмъ бы заниматься на урокахъ русскаго языка. Ученики писали классныя упражненія въ $1^1/_2$—2 страницы въ теченіе часа, безъ черновыхъ и большею частію безъ всякихъ помарокъ. Грамматика была исчерпана до дна, прихвачено было немного даже корнесловія. Правильность и гладкость

рѣчи, какъ устной, такъ и письменной, превосходила всякія ожиданія. Видѣть отсутствіе орѳографическихъ ошибокъ въ тетрадкахъ подчасъ было даже досадно.

Оставалось убѣдиться, не случайность ли все это, не зависятъ ли тутъ успѣхи отъ счастливаго состава учащихся. Но прошло два три года, составъ учащихся мѣнялся, а результаты получались одинаковые. Тогда стала обуревать меня нескромная мысль: а что если такіе успѣхи происходятъ исключительно отъ моего умѣнья вести дѣло, отъ моей личности? Разсѣять подобныя сомнѣнія или самомнѣнія оказалось труднѣе. По близости не нашлось охотника дѣлать опыты по моимъ указаніямъ, обнародовать же путемъ печати свой способъ обученія и пригласить другихъ испробовать его — я не рѣшался главнымъ образомъ потому, что не взирая на всевозможныя психологическія основанія, все-таки не былъ увѣренъ, въ методѣ ли тутъ сила, или въ случайныхъ пріемахъ обученія. Къ тому же мнѣ казалось, какъ и теперь кажется, что самыя подробныя описанія не дадутъ яснаго понятія о томъ, какъ въ дѣйствительности ведется дѣло; для этого нужно побывать въ классѣ и *видѣть*, а главное — проникнуться тѣми психологическими воззрѣніями и опытами, на которыхъ мой методъ основанъ. Наконецъ—таки въ прошломъ году мнѣ удалось окончательно убѣдиться, что каждый толковый начальный учитель, слѣдуя моимъ указаніямъ, въ состояніи сдѣлать то же самое, т. е., въ короткое время научить дѣтей писать порусски почти безукоризненно.

Учитель образцоваго начальнаго училища при Вымыслинской учительской семинаріи Я. М. Келлеръ въ началѣ прошлаго учебнаго года далъ своимъ ученикамъ десять уроковъ письменнаго изложенія. Затѣмъ помощь его оказалась ненужною, и ученики принялись писать сочиненія самостоятельно. Успѣхи были такъ поразительны, что учитель своимъ глазамъ не вѣрилъ, обыскивалъ учениковъ въ классѣ, давалъ имъ внезапныя темы и заставлялъ писать тутъ же при себѣ — и все-таки не могъ освободиться отъ подозрѣнія, не пользуются ли ученики какъ-нибудь

помощью со стороны. Разъ, когда ученики были распущены по домамъ для приготовленія къ экзамену, учитель неожиданно собралъ ихъ въ школу 10 іюня и не говоря имъ ни слова, зачѣмъ они собраны, явился ко мнѣ съ просьбою—дать имъ для письменнаго изложенія какую нибудь такую тему, чтобъ за автора никто другой не могъ написать на нее сочиненія. Я предложилъ, чтобъ каждый написалъ исторію своего авторства подъ заглавіемъ: „Мое жизнеописаніе". Я. М. Келлеръ принялъ всѣ мѣры къ пресѣченію и предотвращенію какихъ либо сообщеній класса съ остальнымъ міромъ и самъ оставался въ классѣ все время, пока ученики всѣ до одного не подали сочиненій. Вотъ что написалъ о себѣ съ художественною откровенностію ученикъ Ф.

„Я родился въ деревнѣ Суминѣ, Липповскаго уѣзда, отъ родителей крестьянскаго происхожденія, Осипа и Викентія Ф. Отецъ на пропитаніе наше заработываль и заработываетъ рыболовствомъ. Родители мои стараются, чтобъ я чему нибудь научился. Когда мнѣ было еще четыре года отъ роду, то ужъ родители обучали меня азбукѣ, а для того, чтобъ я имѣлъ больше страсти къ наукѣ, родители показывали мнѣ картинку, на которой была изображена башня, а на ней птичка, держащая что-то въ клювѣ. Родители говорили, что она держитъ хлѣбъ, и если я буду хорошо учиться, то получу его отъ ней; а иногда клали мнѣ, когда я спалъ, кусокъ хлѣба подъ голову.

Однакожъ родители мои и братья, не имѣя достаточнаго образованія, не могли меня многому научить; притомъ я лѣтомъ пасъ гусей, такъ не много оставалось времени къ наукѣ; вдобавокъ мнѣ еще немножко и не хотѣлось учиться.

Наконецъ родители вознамѣрились отдать меня въ семинарію. Съ этою цѣлью стали меня посылать въ Образцовое училище. И вотъ я первый разъ въ жизни поступилъ въ прошломъ году въ школу и первый разъ, въ томъ же году, сталъ писать сочиненія".

Въ этомъ сочиненіи бросилось учителю въ глаза упо-

требленіе точки съ запятой, о чемъ въ классѣ никогда не было рѣчи. Очевидно, авторъ самъ почувствовалъ, что принятыхъ въ школѣ трехъ знаковъ препинанія (запятой, точки и двоеточія) недостаточно для обозначенія разнообразнаго отношенія мыслей и предложеній. Фактъ назидательный для тѣхъ педагоговъ, которые думаютъ научить употребленію точки съ запятой при помощи ясно формулированныхъ правилъ.

Тема „Жизнеописаніе“ довольно проста и сравнительно легка. Но въ году давались весьма сложныя и трудныя темы, какъ напр. „Празднованіе Духова дня въ дер. Вымыслинѣ“. На праздникъ этотъ, по здѣшнему отпустъ, стекаются съ разныхъ сторонъ десятки тысячъ богомольцевъ, такъ что небольшое село и его окрестности буквально наполняются ими,—яблоку упасть негдѣ. Казалось бы, мальчикъ, подавляемый массою разнообразныхъ впечатлѣній, долженъ стать въ тупикъ, съ чего начать и въ какомъ порядкѣ описывать такое многолюдство. Но многіе нашлись очень ловко. Напр., одинъ раздѣлилъ все описаніе праздника на нѣсколько картинъ и обнаружилъ нѣкоторое притязаніе даже на художественность. Вотъ отрывокъ изъ сочиненія ученика Станислава М.

„Вотъ раздался звонъ колокола, который созываетъ людей къ вечернѣ. Толпы народа начали идти и вскорѣ церковь наполнилась ими. Священникъ и четыре мальчика въ бѣлыхъ рубахахъ вышли къ алтарю. Священникъ запѣлъ пѣсню и всѣ люди начали пѣть, а органистъ игралъ. Мальчики звонили въ колокольчики подлѣ священника. Вдругъ всѣ перестали пѣть и мальчики звонить. Одинъ только органистъ продолжалъ играть на органахъ. Священникъ въ это время молился на молитвенникѣ. — Настала тишина, только священникъ на амвонѣ говоритъ проповѣдь. Народъ слушаетъ все съ вниманіемъ. Какъ вдругъ раздался плачъ людей, которые сердечно жалѣли о томъ, что много нагрѣшили. Священникъ, оканчивая проповѣдь, велѣлъ помолиться за Папу римскаго, а самъ ушелъ.

„Какой-то человѣкъ началъ раздавать свѣчи людямъ. Они ихъ брали и всѣ становились въ два ряда. Священникъ шелъ въ серединѣ, а мужчины держали надъ нимъ балдахинъ. Самъ священникъ имѣлъ въ рукахъ св. Таинство. Передъ нимъ шли мальчики въ красныхъ платьяхъ,— а поверхъ платьевъ были на нихъ бѣлыя короткія рубашки, — и звонили въ колокольчики. Вскорѣ кончился крестный ходъ. Перестали пѣть и звонить, только священникъ началъ пѣсню и народъ опять сталъ пѣть. По окончаніи вечерни народъ началъ выходить изъ церкви.

„На дворѣ много людей и нищихъ, такъ что негдѣ пройти. Женщины покупаютъ дѣтямъ разныя игрушки. Тамъ слѣпой проситъ подаянія. Тамъ опять толпа куявяковъ прогуливается. Въ рощѣ на кладбищѣ передъ Божіей Матерью на колѣняхъ молится сирота о помощи. Вотъ смерклось! А еще больше народа въ рощѣ, въ церкви, передъ церковью и куда только взглянешь, увидишь толпы людей“. И т. д.

Что дѣлать съ такими учениками дальше? Чему ихъ учить? Зарыться въ филологическое буквоѣдство и грызть корни словъ? Писать ли длинныя, фразистыя разсужденія на отвлеченныя темы въ родѣ „праздность — мать всѣхъ пороковъ“, „старость—не радость“, или: „прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды, почетнѣе меча“? Чѣмъ же наполнять классное время на урокахъ русскаго языка въ теченіе остальныхъ четырехъ лѣтъ гимназическаго курса?— Вопросы эти, признаюсь, давно угнетали меня.—По естественному ходу вещей слѣдовало бы дальше приступить къ чтенію образцовыхъ произведеній нашей литературы; изученіе этихъ произведеній дало бы неисчерпаемый матеріалъ для разнообразныхъ письменныхъ упражненій. Но у насъ дѣло это поставлено какъ-то странно. Ученики читаютъ отрывки, помѣщенныя въ христоматіи, и затѣмъ пишутъ: „Критическій очеркъ литературной дѣятельности Пушкина“, или: „Взглядъ на значеніе „Горя отъ ума“ въ ряду другихъ литературныхъ произведеній того же време-

ни“, или: „Характеристика графа Льва Толстого, какъ математика“ и т. п. А безсмертныя творенія этихъ геніевъ, имѣющія всемірное значеніе и составляющія гордость и славу русской земли, остаются не только не изученными, но даже не прочитанными.

Вымыслинъ. 1 Сентября 1883 г.

И. Соломоновскій.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНІИ ЯЗЫКА.

ГРАММАТИКА.

Даръ слова не вырабатывается изученіемъ формальной стороны языка; для этого нужно вліяніе семьи и общества, чтеніе книгъ. Въ распоряженіи школы только *чтеніе книгъ*; оно можетъ быть такъ направлено, что сдѣлается могущественнымъ средствомъ для развитія ума, чувства и воли, и, параллельно съ этимъ, дара слова; въ распоряженіи школы это единственное средство человѣка сдѣлать человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, развить гармонически всѣ силы его души.

Грамматика, какъ она поставлена теперь, въ развитіи дѣтей играетъ скромную роль: 1) она можетъ развивать формальное мышленіе (наравнѣ съ математикой); но, если ученики не будутъ обогащаться познаніями, независимо отъ нея, то мышленіе уйдетъ въ схоластику; 2) грамматика учитъ говорить и писать, но учитъ только орѳографіи и построенію обыденно-правильной фразы.

Но есть возможность поставить грамматику иначе: она можетъ сдѣлаться прекраснымъ подспорьемъ чтенію; въ такомъ случаѣ чтеніе не должно подчиняться цѣлямъ грамматическимъ.

О вредѣ, происходящемъ отъ подчиненія чтенія грамматическимъ цѣлямъ, прекрасно говоритъ г. Дробописцевъ (Семья и шк. 1882 г. N 6 и 7. О преп. русскаго яз. въ мл. кл. ср. уч. зав.): „Попробуемъ представить положеніе дѣтей приготовительнаго класса нашихъ гимназій. Они уже читаютъ, нѣкоторыя и бойко. Вотъ они читаютъ, напр., „Чижъ и голубь“; у нихъ составляются представленія по

тому же естественному, прирожденному человѣку закону, какъ и у взрослыхъ. Они и прежде до поступленія въ гимназію читали и уже привыкли къ тому, что читаемое вызываетъ тотъ или другой образъ, то или другое представленіе. Прочитали бы и теперь всю басню до конца. Каждый бы изъ нихъ представилъ себѣ, непремѣнно по своему, какъ чижъ попалъ въ западню, какъ ему бѣдному вдругъ стало худо, какъ онъ бился, хотѣлъ вылетѣть, какъ голубокъ надсмѣхался надъ бѣднымъ чижомъ и хвастался, что съ нимъ бы этого не сдѣлали, какъ онъ и самъ запутывается въ силокъ. Иной бы пожалѣлъ чижа, подосадовалъ на голубя; другому и голубка стало бы жалко; въ фантазіи дѣтей явились бы и картинки: какъ ловятъ чижей, какія клѣтки дѣлаютъ; для чего ихъ ловятъ, какая птичка лучше поетъ, зачѣмъ на голубей силки ставятъ и т. д. Дѣло это такое простое и ясное, что трудно прибавить что-нибудь; нужно дѣтей оставить: пусть они сами дорисовываютъ и чижа въ западнѣ, и голубя въ силкѣ, или помочь имъ въ этомъ. Но нѣтъ,—это не такъ, это не по современному; а вотъ какъ надо: прочитай предложеніе, а тамъ и пойдутъ: о комъ? кого? съ кѣмъ? гдѣ? и т. д., и вплоть до полученія аттестата эти безконечные: чему? куда? о чемъ? И что же этимъ достигается? а то, что образъ чижа исчезаетъ,—не затемняется, а совсѣмъ исчезаетъ; вниманіе дѣтей сосредоточивается не на образѣ, даже не на словѣ, а на вопросѣ. Нужно эти вопросы подбирать; какъ бѣдныя дѣти тутъ путаются, сбиваются, какъ не могутъ привыкнуть ни къ вопросу, ни къ отвѣту; какъ они долго, иногда даже и въ первомъ, и во второмъ классѣ, не могутъ понять, что въ предложеніи: „Чижа захлопнула злодѣйка — западня“ — говорится не о чижѣ, а западнѣ. Гдѣ же тутъ представленіе, образъ чижа?“.

Но такъ ли у насъ поставлено дѣло? не утрируетъ ли г. Доброписцевъ? Обратимся къ проф. Буслаеву, и посмотримъ, какъ онъ ставитъ преподаваніе отечественнаго языка: „Дитя механически прочло, напр., слѣдующее предложеніе: „Богъ сотворилъ небо и землю“. Учитель спра-

шиваетъ: кто сотворилъ небо и землю? потомъ: что говорится о Богѣ? послѣ надо дать объясненіе вещественное, т. е. опредѣлить значеніе словъ: Богъ, сотворилъ, небо, земля"... „Только послѣ этакихъ упражненій можно будетъ уже приступить собственно къ грамматикѣ и разбору грамматическому" (О преп. отеч. яз. 1867. Стр. 195 и 196). Отсюда ясно, что не грамматика служитъ подспорьемъ для пониманія прочитаннаго, а чтеніе подготовляетъ къ изученію грамматики. Что чтеніе должно предшествовать грамматикѣ, съ этимъ мы согласны, тѣмъ болѣе, что о грамматикѣ мы раздѣляемъ мнѣніе Бена, который приравниваетъ ее, по трудности и отвлеченности, къ алгебрѣ: грамматику слѣдуетъ начинать не раньше 3-го класса; грамм., по нашему мнѣнію, должна выполнить роль герменевтики, когда чтеніе сдѣлается серьезнымъ, когда потребуется глубоко, всесторонне анализировать языкъ; Буслаевъ же предполагаетъ съ самаго начала омертвить чтеніе для грамматики; для грамматики нарочно изобрѣтаются нелѣпые разсказы (для смысловаго согласованія). Пр. Буслаевъ рекомендуетъ упражненія голландскаго педагога: „Учитель предварительно говоритъ, чтобы ученики внимательно разсудили, чему въ слѣд. разсказахъ можно вѣрить и чему нѣтъ.

Двѣ собаки гнались за зайцемъ, а заяцъ обернулся назадъ, искусалъ собакъ да и прогналъ ихъ.

Разборъ. Двѣ собаки гнались за зайцемъ: о комъ говорится? что сказано о двухъ собакахъ? сколько было собакъ? за кѣмъ гнались собаки? сколько было зайцевъ? Если дѣти отвѣтили на эти вопросы, значитъ—поняли предложеніе. — А заяцъ обернулся назадъ: о комъ здѣсь говорится? что же сдѣлалъ заяцъ? куда онъ обернулся? — Искусалъ собакъ да и прогналъ: кто? что сдѣлалъ? кого искусалъ и кого прогналъ?— Можно ли этому повѣрить? почему нѣтъ? здѣсь выступаетъ разборъ вещественный: ибо дѣти *отличаютъ собаку отъ зайца*. Учитель опять спрашиваетъ: могутъ ли собаки *летать*? стало быть собаки и зайцы не птицы? что же они такое? Такимъ образомъ до-

сти дѣтей до того, чтобы они сказали, что собаки и зайцы звѣри“.

Такихъ разсказовъ у пр. Буслаева 15 — и всѣ они составлены какъ будто въ томъ предположеніи, что учащіеся идіоты; всѣ эти разсказы направлены къ тому, чтобы объяснить дѣтямъ, что изъ одного яйца не выходитъ 15 цыплятъ, что левъ не летаетъ, что алмазы не растутъ на деревьяхъ и проч. Это значитъ издѣваться надъ дѣтьми! За всѣми этими разсказами слѣдуетъ катехизація: кто? что сдѣлалъ? и т. д. все направляется, чтобы подготовить къ грамматикѣ. Этимъ дѣло не ограничивается: „сначала учитель спрашиваетъ. ученики отвѣчаютъ; потомъ одинъ ученикъ спрашиваетъ, другой отвѣчаетъ; одинъ разскажетъ, другой объяснитъ, почему въ разсказѣ неправда; третій ложный разсказъ передѣлаетъ на правильный“ (тамъ-же стр. 190—196). Да Богъ съ ней и съ грамматикой! „Этими разсказами, продолжаетъ г. Буслаевъ: дѣти нечувствительно (по нашему очень чувствительно) приготовляются къ чтенію *басенъ и сказокъ*“ (!). И опять пойдутъ вопросы: „Жилъ старикъ со своей старухой у самаго синяго моря“; о комъ мы прочли? кто жилъ? съ кѣмъ жилъ старикъ? чья была старуха? гдѣ жилъ старикъ со старухой? какое море—красное или черное? *что такое море?*“... Такимъ образомъ у пр. Буслаева разбирается вся сказка — и все это служитъ только подготовкою къ грамматикѣ; но можно ли не шутя быть убѣжденнымъ, что для пониманія сказки нужна катехизація въ такихъ размѣрахъ?

Г. Ушинскій ведетъ дѣло подобнымъ образомъ (Родное сл. III гл.) и разбираетъ ту же сказку; но за каждымъ предложеніемъ онъ немедленно сообщаетъ свѣдѣнія изъ грамматики и къ этому направляетъ всѣ вопросы. У г. Ушинскаго ясно, что грамматика — цѣль, чтеніе — средство. По нашему мнѣнію, грамматика должна помочь чтенію, а не наоборотъ.

Говоря, что грамматика должна служить чтенію, мы вовсе не желаемъ уменьшить значеніе ея: направляя грамматику къ тому, чтобы она давала средство глубже ана-

лизировать читаемое со стороны языка, мы тѣмъ самымъ указываемъ только задачу грамматики, мы хотимъ сказать о томъ, какою грамм. *должна бы* сдѣлаться когда-нибудь. Мы ставимъ слѣдующія двѣ цѣли:

1) Говорятъ, напр.: „больно ногѣ“ и „больно ногу“, „межъ хладныхъ финскихъ скалъ“ и „межъ хладными финскими скалами“ и проч. Которое выраженіе нужно считать болѣе правильнымъ? гдѣ критерій правильности выраженія? Обыкновенно критеріемъ ставятъ употребленіе; но вѣдь употребленіемъ освящены, напр., выраженія: „а ты кто, чтобы меня такъ дерзко позорить?“ „отъ насъ требуютъ съ имѣньемъ быть“ — и мы все-таки считаемъ эти выраженія варваризмами: синтаксисъ долженъ быть критерій. Задавшись этимъ, грамматика должна объяснить смыслъ *флексій и суффиксовъ*.

2) Въ „Руководствѣ къ преп. по Р. слову“ на стр. 10 г. Уминскій говоритъ: „Когда доходитъ дѣло до учителя, то дитя уже обладаетъ громаднымъ сокровищемъ, даже превышающимъ дѣтскія потребности. У шестилѣтняго дитяти уже гораздо больше словъ и оборотовъ для выраженія чувствъ и мыслей, чѣмъ самыхъ чувствъ и мыслей. Онъ во многомъ, только по врожденной человѣку переимчивости, перенимаетъ языкъ взрослыхъ, но самъ еще не выросъ до этого языка, такъ что множество словъ и оборотовъ, уже усвоенныхъ дитятею въ видѣ слѣдовъ механической памяти, въ видѣ нервныхъ привычекъ, еще не сдѣлалось вполнѣ его духовнымъ достояніемъ“... „Наставникъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы дитя все болѣе и болѣе вступало въ духовное обладаніе тѣми сокровищами роднаго слова, которое оно усвоило подражаніемъ, полусознательно, а иногда и вовсе безсознательно, механически, почему и употребляетъ ихъ иногда некстати, не зная настоящаго точнаго значенія употребляемыхъ имъ словъ и оборотовъ. Чрезвычайно ошибочно было бы думать, что это можетъ быть достигнуто легко и скоро. Вникнувъ въ дѣло глубже, мы найдемъ, что во всѣхъ насъ и во всю жизнь продолжается такое, болѣе или менѣе дѣятель-

ное, духовное усвоеніе языка, которымъ уже обладаетъ наша память. И не смотря на это постоянное усвоеніе, самый развитой человѣкъ можетъ убѣдиться, что онъ все же употребляетъ множество словъ и оборотовъ, строгое значеніе которыхъ не вполнѣ имъ сознано". Мы прибавимъ къ этому, что у насъ всѣ слова стали символами понятій и представленій, звукомъ, съ которымъ мы, какъ будто, *условились* соединять то или другое значеніе; большая часть названій могла бы замѣниться номерами — и номера имѣли бы не меньшее значеніе, чѣмъ слова, потому что слова потеряли свое живое отношеніе къ предметамъ. Кто, напр., со звукомъ „рѣка" нераздѣльно соединяетъ представленіе о текущемъ, рѣющемъ? кто понимаетъ слово „столъ" (отъ стелю), „лукавый" (отъ лукъ) и проч.? Языкъ для насъ мертвъ: его нужно оживить возстановленіемъ первоначальнаго значенія словъ, объясненіемъ значенія корней; тогда мы наядемъ интересъ въ изученіи языка, и поймемъ ту глубину, о которой говоритъ г. Уминскій: „Находя въ языкѣ много глубокаго философскаго ума, истинно-поэтическаго чувства, изящнаго, поразительно вѣрнаго вкуса, слѣды труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости къ тончайшимъ переливамъ въ явленіяхъ природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высокихъ духовныхъ порывовъ и зачатки идей, до которыхъ съ трудомъ добирается потомъ великій поэтъ и глубокомысленный философъ,—мы почти отказываемся вѣрить, чтобы все это создала эта грубая, сѣрая масса" . . . „Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, ея горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы, — весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства, голосъ родной природы" (Собр. пед. соч. Уш. стр. 200—201).

Въ настоящее время разработка предмета не даетъ возможности поставить русскій языкъ такъ, чтобы пони-

мать всю глубину языка, но стремиться къ этому слѣдуетъ, даже начальную грамматику нужно поставить такъ, чтобы фраза представлялась *органическимъ цѣлымъ*, чтобы всѣ части этого организма были вполнѣ понятны, чтобы и слово представлялось организмомъ, имѣющимъ тоже свои части: корень, суффиксъ, флексію, приставку; эти части должны представляться также *живыми членами*, а не мертвыми частями.

Здѣсь будетъ рѣчь только о начальной грамматикѣ.

Грамматика должна изучать не слова, а предложенія, разлагая ихъ на слова, слова на морфемы и морфемы на отдѣльные звуки. Теперь, кажется, всѣ такъ стали смотрѣть на грамматику, отчего появились учебники, начинающіеся ученіемъ о предложеніи и его частяхъ (напр. Говорова, Антонова, Поливанова — краткій и др.). Но во всѣхъ учебникахъ есть невыдержанность: начавъ предложеніемъ и сдѣлавъ краткій переходъ отъ частей предложенія къ частямъ рѣчи, составители забываютъ, зачѣмъ они начали съ предложенія, и толкуютъ уже объ отдѣльныхъ словахъ: объ имени существительномъ со всѣми подраздѣленіями и образцами склоненій и т. д. даже слова склоняются не въ предложеніяхъ, а отдѣльно. Но какой смыслъ такъ склонять слова? Пусть бы сами составители сказали, какой падежъ — „исторіи“—род., дат., предложн. единств. ч. или имен., вин. множ. числа? Какой смыслъ могутъ имѣть предлоги отдѣльно отъ склоняемыхъ словъ? Какимъ образомъ въ этимологіи можно говорить о союзахъ? По видимому пр. Буслаевъ болѣе другихъ держится на почвѣ предложенія (О преп. от. яз.), и какъ будто все выводитъ изъ предложенія: „всего легче и естественнѣе, говоритъ онъ: передать первыя понятія о частяхъ рѣчи въ связи съ понятіями о предложеніи и частяхъ его“. Но, познакомивши дѣтей только съ подлежащимъ и сказуемымъ, пр. Буслаевъ торопится перейти къ имени существительному, при чемъ, вырвавши изъ предложенія существительное, нацѣпляетъ къ нему множество другихъ существ. и толкуетъ уже объ *отдѣльныхъ* словахъ, а не о словахъ

въ предложеніи: связь частей рѣчи съ предложеніемъ порвана.

Почти также поступаетъ г. Ущинскій: на стр. 12—14 онъ уже знакомитъ дѣтей съ именами существительными, прилагательными, числительными и мѣстоименіями, а о глаголѣ говоритъ только на 17 стр., между тѣмъ раньше у него встрѣчается множество предложеній со сказуемымъ — глаголомъ, и прежде глагола онъ говоритъ о многомъ несущественномъ, напр. о буквѣ *ѣ* въ окончаніяхъ, *прежде склоненій*, только потому, что разбираемая сказка выдвинула слово „въ землянкѣ". Г. Ушинскій своею грамматикой болѣе всего преслѣдуетъ орѳографію, отъ этого выходитъ, что орѳографія у него стоитъ особнякомъ отъ грамматики, постоянно забѣгаетъ впередъ и потому для нея г. Ушинскій часто употребляетъ пріемы, не имѣющіе общаго съ тѣми грамматическими свѣдѣніями, которыя сообщаются. Г. Ушинскій не признаетъ возможнымъ тѣсно связать этимологію съ синтаксисомъ: „По разъясненіи состава предложенія, говоритъ онъ: многіе первоначальные учебники, желая соблюсти послѣдовательность, стараются выводить изъ предложенія же этимологическія понятія частей рѣчи. Этотъ пріемъ совѣтуетъ и г. Буслаевъ въ своемъ „Руководствѣ къ первонач. преп. русскаго языка". Но не трудно убѣдиться, что этотъ пріемъ ведетъ и учебникъ и наставника къ большимъ нераціональностямъ. Такъ напр., г. Буслаевъ, стараясь вывести понятіе о глаголѣ изъ понятія о сказуемомъ, говоритъ: „Сказуемымъ обыкновенно бываетъ *глаголъ*. Глаголъ есть старинное реченіе и значитъ то-же, что слово: стало быть, глаголъ есть все то, что говоритъ, что *сказываетъ* о предметѣ: потому-то глаголъ и бываетъ *сказуемымъ*". Но развѣ прилагательное, существительное и нарѣчіе не могутъ точно говорить о предметѣ и не бываютъ точно также сказуемымъ? И наоборотъ, развѣ глаголъ не бываетъ дополненіемъ и подлежащимъ?" Это возраженіе г. Ушинскаго намъ кажется недостаточно убѣдительнымъ: глаголъ, за исключеніемъ существительной формы (неопр. накл.), ни-

чѣмъ инымъ не можетъ быть, какъ только сказуемымъ; если сказуемымъ бываютъ существительныя, прилагательныя и нарѣчія, то они принимаютъ видъ глагола, выражаютъ время, наклоненіе, число, лицо, напр.: онъ *будетъ добръ, будь добръ,* мнѣ *было страшно, будь человѣкомъ*; эти сказуемыя также спрягаются, какъ глаголъ въ прошедшемъ времени: я ходилъ, ты ходилъ . . . я добръ, ты добръ и т. д. Намъ кажется, что отсутствіе связи синтаксиса съ этимологіей у г. Ушинскаго не достоинство, а недостатокъ: у него въ одной грамматикѣ три науки—орѳографія, этимологія и синтаксисъ; эти три науки ведутся одновременно, но не соединяются органически. Главный недостатокъ Роднаго слова — отсутствіе единства, отсутствіе центра, около котораго можно бы было сгруппировать весь грамматическій матеріалъ; въ частностяхъ его руководство превосходно.

Какъ пр. Буслаевъ, такъ и г. Ушинскій близко подходили къ мысли объ органической связи всѣхъ частей предложенія со сказуемымъ, но этого шага они не сдѣлали. Пр. Буслаевъ, выясняя формальную связь сказуемаго съ подлежащимъ, говоритъ: „Въ рѣчи мы принуждены отдѣлять предметъ отъ его дѣйствія или движенія; а на самомъ дѣлѣ, въ природѣ, дѣйствіе нераздѣльно съ предметомъ, въ немъ и при немъ находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы названіе дѣйствія произносить въ одно время съ названіемъ предмета. Можно ли это? скажите въ одно время: и дерево и растетъ. (Ученики, смѣясь, пробуютъ). Написать это можно бы, да только то бѣда, что буквы одного слова смѣшиваются съ буквами другаго: Др—Еа—Рс—Ете—втъ—о.

Впрочемъ природа избавила насъ отъ такого неудобства, давъ нашей рѣчи способъ для соединенія подлежащаго со сказуемымъ гораздо простѣйшій: чувствуемъ, что „дерево растемъ“—нескладно, а „дерево растетъ“—складно: вся разница въ окончаніяхъ, слѣдов. окончаніемъ глаголъ связывается съ подлежащимъ“.

Прибавимъ отъ себя: 1) Опредѣленное слово тѣмъ бо-

лѣе должно бы соединяться въ одномъ словѣ съ опредѣляемымъ, да на самомъ дѣлѣ часто такъ и бываетъ: добрый чаловѣкъ=добрякъ. 2) Обстоятельство должно бы писаться вмѣстѣ съ глаголомъ—и опять природа дала намъ простѣйшій способъ; примѣры возьмемъ у пр. Буслаева—(стр. 216): „Можно ли сказать: завтра были деньги, вчера будутъ деньги?" Мы видимъ, что съ глаголомъ соединяется только извѣстное обстоятельство: значитъ—обстоятельство вызывается такимъ-то элементомъ глагола, оно органически связываетси съ глаголомъ. Въ данномъ случаѣ обстоятельство времени вызывается показателемъ времени; обстоятельство образа вызывается показателемъ *вида*; нельзя сказать—„хаживалъ одинъ разъ". Въ глаголѣ бываетъ также и показатель мѣста: *от*шелъ, *до*шелъ и проч. 3) Дополненіе тоже должно бы писаться слитно съ глаголомъ, но и здѣсь есть такой же простѣйшій способъ: Нельзя сказать — „ты любишь товарищу", а слѣдуетъ — „ты любишь товарища". Здѣсь дополненіе вызывается показателемъ залога: когда говоримъ слово „любишь", у насъ невольно рождается вопросъ: кого или что любишь? Если бы само слово „любишь" ни на кого не указывало, то откуда могъ придти намъ въ голову вопросъ: кого или что? Суффиксъ залога *и*—есть ничто иное, какъ указывающее мѣстоименіе; говоря: „люб-и-шь", мы уже суффиксомъ—*и* указали, сказали „его"; вотъ отсюда и является вопросъ: кого же, именно—*его*? Подлежащее, дополненіе и обстоятельство уже заключаются въ сказуемомъ—глаголѣ, пишутся съ нимъ слитно (суффиксы, флексіи, приставки); но они неопредѣленны: современный *точный* языкъ прибавляетъ къ нимъ поясненія, и то не всегда: „Пишу мои вирши"—здѣсь ни время, ни лицо не пояснены.

Къ этой мысли г. Ушинскій подходитъ очень близко: на стр. 5 „Роднаго слова" (III г.) онъ говоритъ: „Сказуемое въ предложеніи стоитъ безъ всякаго вопроса, всѣ же *объяснительныя* слова и самый предметъ рѣчи стоятъ по какимъ-нибудь вопросамъ". Второстепенныя части только *объясняютъ* сказуемое, значитъ — дѣлаютъ яснымъ то, что

не ясно въ сказуемомъ; подлежащее поставлено на ряду съ объяснительными словами. Далѣе г. Ушинскій беретъ нѣсколько сказуемыхъ, къ которымъ дѣти должны по вопросамъ подобрать подлежащее и объяснительныя слова. Сказуемыя: пилитъ, ловитъ (удитъ), куетъ — съ картинками. Это прекрасный пріемъ, лучшій во всемъ руководствѣ. Еслибы г. Ушинскій послѣ этого былъ послѣдователенъ, то онъ долженъ бы сказать, что въ предложеніи одна главная часть — сказуемое, что сказуемымъ вызываются всѣ остальныя части предложенія, не исключая и подлежащаго. На картинкѣ ученикъ видитъ, что *кто-то* пилитъ; на основаніи сказуемаго „пилитъ" ученикъ отвѣтитъ на слѣдующіе вопросы: кто? что? чѣмъ? когда? онъ скажетъ: столяръ теперь пилою пилитъ доску; если бы не было дѣйствія „пилитъ", а было бы, предположимъ, „мелъ", то явилось бы другое подлежащее, дополненіе и обстоятельства: ученикъ узналъ и подлежащее и объяснительныя слова по сказуемому. Переходъ отъ сказуемаго къ подлежащему мы дѣлаемъ такъ быстро, что кажется (напр. пр. Буслаеву), будто подлежащее и сказуемое являются одновременно (примѣръ пр. Буслаева: дерево растетъ), другимъ представляется, что является прежде подлежащее, а потомъ подыскивается сказуемое (какъ будто мы говоримъ только для того, чтобы подбирать примѣры къ грамм. правиламъ!). На второй картинкѣ изображено — удитъ; намъ можетъ показаться, что при взглядѣ на эту картинку прежде является подлежащее — мальчикъ; на самомъ же дѣлѣ до подлежащаго „мальчикъ" мы добираемся цѣлымъ рядомъ сказуемыхъ; мы всматриваемся: молодъ (сказуемое), одѣтъ въ курточку (другое сказ.), удитъ (3 сказ.) — и тогда только можемъ рѣшить, кто это. Еслибы было изображено другое дѣйствіе — читаетъ, то подлежащимъ могло явиться слово „ученикъ". Представимъ себѣ, что далеко-далеко, чуть видно, происходитъ движеніе: *кто-то* наклоняется, выпрямляется; приближаемся, видимъ — рубитъ; тогда является вопросъ — кто? до рѣшенія этого вопроса мы можемъ добраться цѣлымъ рядомъ сказуемыхъ: одѣтъ по-

мужицки, носитъ бороду и т. п. Всего этого процесса наблюденій мы не замѣчаемъ, оттого только и явилось мнѣніе, что подлежащее является прежде сказуемаго или одновременно, неопредѣленно. Мы можемъ прослѣдить у Гоголя процессъ исканія предмета рѣчи: „У одного изъ строеній Чичиковъ замѣтимъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телегѣ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины: „ой баба!“ подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: „ой нѣтъ!“— „Конечно, баба!“ рѣшилъ онъ“ . . . Но оказывается, что вопросъ о подлежащемъ еще не рѣшенъ: „Взошла та же самая ключница . . . но тутъ онъ увидѣлъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу“... Вотъ какой долгій процессъ отыскиванія предмета рѣчи! Кто-то стоитъ у строенія: кто это? баба... нѣтъ, не баба... баба. Вздоритъ съ мужикомъ: значитъ—ключница; можетъ быть, это сама барыня? нѣтъ, одѣта не побарски. Брѣетъ бороду: не ключница, а ключникъ. Выраженіе: „ой баба!“ можетъ показаться цѣлымъ предложеніемъ: „это—баба“, т. е. это—подлежащее, баба—сказуемое; но раньше представляется нѣсколько сказуемыхъ: стои-*тъ*, вздори-*тъ*; у нихъ флексія „тъ“, означающая—тотъ, та, то, или—этотъ, эта, это: выраженіе: это—баба равняется: „тъ“—баба.

Г. Ушинскій признаетъ двѣ главныя части: сказуемое и *предметъ рѣчи* (не подлежащее); предметъ рѣчи, по Ушинскому, бываетъ и не въ именительномъ падежѣ: такія предложенія г. Ушинскій называетъ *косвенными*. „Въ предложеніи: *денегъ нѣтъ у меня, а хлѣбъ есть*, говоритъ г. Ушинскій: предметомъ рѣчи будутъ деньги; а въ предложеніи — *у меня нѣтъ денегъ, а у него много* — за предметъ рѣчи скорѣе принять можно мѣстоименіе меня“ (Ру-

ководство къ преп. по Родному слову, стр. 45). Такимъ образомъ у г. Ушинскаго предметъ рѣчи не то, что подлежащее (подлежащее—одинъ изъ видовъ предмета рѣчи); это дополненіе, на которомъ фразное удареніе. „Нѣтъ денегъ у меня, но еслибы и были, не далъ бы“, здѣсь фразное удареніе на словѣ „нѣтъ“: здѣсь не окажется и предмета рѣчи. Г. Ушинскій, допустивъ предметъ рѣчи въ косвенныхъ падежахъ, тѣмъ самымъ эту часть приравниваетъ къ дополненію (только съ удареніемъ). Устранивъ одну непослѣдовательность, онъ впадаетъ въ другую—и все изъ желанія отстоять *двѣ* главныя части предложенія.

Для насъ не важно, двѣ главныхъ части предложенія, или одна; а важно то, что всѣ части предложенія отвѣчаютъ на вопросы, которые ставятся при сказуемомъ: значитъ — всѣ части предложенія служатъ къ объясненію сказуемаго. Важно для насъ, что отъ сказуемаго можно развивать предложеніе, а такимъ образомъ оно представляетъ центръ, около котораго группируются всѣ части предложенія, то и всѣ части рѣчи. Глаголъ представляется намъ самою совершенною формою сказуемаго: съ него мы и начнемъ.

Первый концентръ.

Замѣчаніе. Мы предполагаемъ къ каждому параграфу подобрать группу предложеній: составить задачникъ. Каждое предложеніе разбирается синтаксически и этимологически; кромѣ того *сопоставленіемъ* отдѣльныхъ словъ одного корня должно быть показано значеніе корня, по возможности, каждаго слова; насколько позволяетъ возрастъ учениковъ, будетъ указано значеніе суффиксовъ и флексій; наконецъ будетъ внесенъ звуковой разборъ съ цѣлію изученія фонетики и ороографіи. Всего этого здѣсь мы не представляемъ по двумъ причинамъ: 1) на это дѣло потребуется не менѣе года при усидчивомъ трудѣ, 2) здѣсь мы желаемъ только показать, какъ этимологію и синтаксисъ сгруппировать около сказуемаго—глагола.

Мы не вносимъ въ первый концентръ подраздѣленій существительныхъ, прилагательныхъ и проч., чтобы не дѣлать отступленій и не терять изъ виду органической связи предложенія. Залоги мы внесли *всѣ*, но думаемъ, что это излишне, и, вѣроятно, это будетъ измѣнено. При каждомъ § мы приводимъ одинъ — два примѣра, но задачникомъ на каждый случай будетъ дана *группа* примѣровъ, да и самые примѣры должны быть посодержательнѣе (пословицы, изреченія авторовъ). Особенно мало примѣровъ на падежи: нѣтъ прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ. Въ нѣкоторыхъ параграфахъ примѣръ поставленъ въ серединѣ или концѣ правила; но нужно имѣть въ виду, что каждое правило должно выводиться изъ примѣра. *Точныхъ* опредѣленій мы нигдѣ не даемъ: это дѣло самихъ учениковъ въ старшихъ классахъ.

§ 1. Сижу и читаю. Слово „сижу" означаетъ мое состояніе, „читаю"—дѣйствіе; такія слова называются *глаголами*. Каждое изъ этихъ словъ выражаетъ цѣлую мысль, составляетъ предложеніе. Два предложенія здѣсь соединены словомъ—*и*, которое называется союзомъ. По окончаніямъ словъ понятно, *кто* сидитъ и читаетъ: *я* сижу, *я* читаю. При словахъ: сидишь, читаешь—нужно поставить не *я*, а *ты*, потому что окончанія словъ измѣнились. Измѣнимъ еще окончанія: сидитъ, читаетъ; здѣсь ужь нужно сказать—онъ, она или оно.

§ 2. По *окончанію* глагола мы узнаемъ, о комъ говорится, можемъ обозначить отдѣльными словами: я, ты, онъ, она или оно. *я* — это лицо говорящее, первое лицо; съ кѣмъ говорятъ — второе лицо, *ты*; лицо постороннее считается третьимъ лицомъ—*онъ*, *она*, *оно*. Если говорится не объ одномъ лицѣ, а о нѣсколькихъ, то окончанія глагола опять измѣняются: сидимъ, читаемъ; сидите, читаете; сидятъ, читаютъ. Поставивъ при этихъ словахъ вопросы: кто? что? мы можемъ узнать лица, о которыхъ говорится: мы, вы или они. Мы—первое лицо, вы—второе, они третье. Если окончаніе глагола указываетъ на одно

лицо, то глаголъ въ *единственномъ числѣ*; если разомъ указывается нѣсколько лицъ — *множественное число.*

§ 3. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ и выдѣлимъ окончанія, указывающія на лица, иначе: личныя окончанія или флексіи глагола:

Единственное число.

Ид-у,	чита-ю,	слыш-у,	виж-у
Иде-шь,	читае-шь,	слыши-шь,	види-шь
Иде-тъ,	читае-тъ,	слыши-тъ,	види-тъ

Множественное число.

Иде-мъ,	читае-мъ,	слыши-мъ,	види-мъ
Иде-те,	читае-те,	слыши-те,	види-те
Ид-утъ,	чита-ютъ,	слыша-тъ,	вид-ятъ

§ 4. Каждый изъ приведенныхъ глаголовъ составляетъ цѣлое предложеніе; такъ какъ глаголъ показываетъ, что *сказывается* въ предложеніи, то его можно назвать *сказуемымъ.* Окончаніемъ показывается лицо, о которомъ говорится, но лицо можно обозначить и отдѣльнымъ словомъ: я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они; эти отдѣльныя слова будутъ *подлежащими.*

§ 5. Слова: я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они — только *указываютъ* на лица, но это не имена; такія указывающія слова называются *мѣстоименіями.*

При сказуемомъ 1-го и 2-го лица окончаніями или мѣстоименіями — я, ты, мы, вы — ясно указывается лицо. При сказуемомъ 3-го лица иногда бываетъ недостаточно окончанія, а также мѣстоименія: тогда подлежащимъ бываетъ названіе *предмета* или, какъ обыкновенно называютъ, *имя существительное.* Возьмемъ сказуемое „встаетъ“; кто или что встаетъ? онъ, она или оно; но это не ясно: лицо яснѣе обозначается *именемъ существительнымъ*: встаетъ купецъ. Купецъ—имя существительное.

§ 6. Мальчикъ пишетъ. Здѣсь подлежащее имя существительное — мальчикъ (подлежащее ищется отъ сказуемаго, но мы останавливаемъ вниманіе на этомъ словѣ; такъ будетъ дѣлаться и дальше). Кто такой мальчикъ? че-

ловѣкъ; какой человѣкъ? маленькій. Мальчикъ — обозначаетъ и предметъ, и этимъ же словомъ показывается, *какой* предметъ. Что означаютъ слова: добрякъ, толстякъ, старуха? Иногда однимъ словомъ нельзя обозначить и предметъ и его качество, тогда къ имени существительному прибавляется *имя прилагательное*, которое показываетъ, какой предметъ: шумитъ *бурное* море. Здѣсь двумя словами названъ *одинъ* предметъ съ его качествомъ; имя прилагательное „бурное" обозначаетъ тотъ же предметъ, который обозначается и словомъ „море", но только прилагательное точнѣе *опредѣляетъ* этотъ предметъ и потому въ предложеніи считается за *опредѣленіе*.

§ 7. Мальчикъ удитъ. Мальчики удятъ. Первое сказуемое — удитъ, глаголъ въ единственномъ числѣ – и подлежащее „мальчикъ" въ единственномъ числѣ. Второе сказуемое—удятъ—во множественномъ числѣ: подлежащее измѣнило окончаніе и стало во множественномъ числѣ. Если говоримъ — мальчикъ удитъ, разумѣемъ только одного мальчика; въ предложеніи — мальчики удятъ — разумѣемъ „нѣсколько мальчиковъ", а сколько, именно — неизвѣстно. *Пять* мальчиковъ удятъ. Когда мы прибавили слово „пять", стало извѣстно, сколько мальчиковъ, именно — пять. Число предметовъ мы можемъ показать окончаніемъ имени существительнаго (а также мѣстоименія), но точнѣе показывается отдѣльными словами: одинъ, два, три, четыре и т. д.; такія слова называются *именами числительными*. Имена числительныя точнѣе *опредѣляютъ*, сколько предметовъ: они въ предложеніи *опредѣленія*.

Замѣчаніе. Терминъ — опредѣленіе, а также дополненіе и обстоятельство мы (согласно съ г. Ушинскимъ) считаемъ излишними; выраженіе: „числительныя точнѣе *опредѣляютъ*" — достаточно показываетъ значеніе числительнаго въ предложеніи.

§ 8. Ученикъ стоитъ. Стоитъ кто или что? ученикъ—подлежащее, отвѣчаетъ на вопросы: кто или что? — Учитель не видитъ ученика. Учитель не видитъ учениковъ. При сказуемомъ — глаголѣ „не видитъ" кромѣ под-

лежащаго, отвѣчающаго на вопросы: кто или что? еще стоитъ другое слово, отвѣчающее на вопросы: кого? чего? „не видитъ“ кого, чего? *ученика, учениковъ*. На вопросы: кто? что? отвѣчаетъ *именительный падежъ*; то-же слово (ученикъ), измѣнивъ окончаніе, отвѣчаетъ на вопросы: кого? чего? учени*ка*, учени*ковъ* — это родительный падежъ. Ученика—род. пад. единств. числа, учениковъ — род. пад. множеств. числа. Пять мальчиковъ удятъ: при словѣ „пять“ поставлено сущ. „мальчиковъ“ въ род. падежѣ.

§ 9. Тучи носятъ воду, вода поитъ землю, земля плодъ приноситъ. Въ первомъ предложеніи сказуемое — глаголъ „носятъ“; подлежащее „тучи“. Когда говорится: „тучи носятъ“, то мы понимаемъ, что носятъ кого-то, что-то; спросивъ: кого или что? получимъ отвѣтъ — „воду“. То, что въ глаголѣ не ясно, яснѣе указывается именемъ существительнымъ—воду: это слово *дополненіе* къ глаголу. Если слово отвѣчаетъ на вопросы: кого? что? то значитъ оно поставлено въ *винительномъ падежѣ*.

Если при сказуемомъ „носятъ“ поставимъ отрицаніе— не, то приведенное предложеніе приметъ такой видъ: тучи не носятъ *воды*. Не носятъ кого или чего? воды — родительный пад.; это тоже дополненіе къ глаголу.

Мальчикъ несетъ *воду*, т. е. всю, сколько было. Мальчикъ несетъ *воды́*, т. е. часть. При одномъ и томъ же глаголѣ дополненіе можетъ быть то въ винит. пад., то въ родит. — Когда? Такіе глаголы называются глаголами *дѣйствительнаго залога*.

§ 10. Я мою *себя*—короче: мою*сь*. Ты моешь *себя*— ты моеш*ься* и т. д. Себя — винительный падежъ, мѣстоименіе. Если дополненіемъ должно быть мѣстоименіе „себя“, то вмѣсто его употребляется частица „ся“ или „сь“. Такіе глаголы называются глаголами *возвратнаго залога*. Красное солнышко *улыбается*; въ сказуемомъ—улыбается—частица „ся“ не имѣетъ значенія дополненія: нельзя сказать: улыбаетъ кого или что? себя —это не будетъ имѣть никакого смысла. Улыбается—глаголъ *общаго залога*.

§ 11. Мальчикъ даетъ книгу товарищу. При сказуе-

момъ „даетъ“ можно поставить вопросы винительнаго падежа: кого? что? (книгу); но можно сверхъ того спросить такъ: даетъ кому или чему? *товарищу,* — это *дательный* падежъ, второе дополненіе къ глаголу дѣйствительнаго залога – даетъ. — Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ: не даетъ кого или чего? (рогъ) и кому или чему? (коровѣ). При нѣкоторыхъ глаголахъ дѣйствительнаго залога, кромѣ винительнаго или родительнаго падежа, можетъ стоять еще дательный падежъ.

Замѣчаніе. Залоговой суффиксъ здѣсь отыскивать еще рано.

§ 12. Поле заливается водою. Домъ строится плотниками. Въ первомъ предложеніи сказуемое—заливае-*тъ-ся,* *ъ* передъ согласною не пишется: заливае-т-ся. Въ этомъ сказ. окончаніе „тъ“ — 3-го лица и прибавлена частица „ся“. Поле—подлежащее, но поле ни себя, никого и ничего не заливаетъ, оно не производитъ дѣйствія, а само принимаетъ на себя дѣйствіе воды: поле заливается кѣмъ или чѣмъ? водою. Во второмъ предложеніи: домъ строится кѣмъ или чѣмъ? подлежащее—домъ—принимаетъ на себя дѣйствіе; кѣмъ же дѣйствіе производится или чѣмъ? плотниками — это дополненіе къ глаголу. На вопросы: кѣмъ? чѣмъ? отвѣчаетъ *творительный* пад. Глаголы, при которыхъ дѣйствующій предметъ въ творительномъ падежѣ, *страдательнаго залога.*

§ 13. Наступаю *на камень.* Столы дѣлаются *изъ дерева.* Я пишу письмо *къ брату.* Я мирюсь *съ товарищемъ.* Я знаю сказку *о лисицѣ.* Кромѣ именительнаго падежа, при всѣхъ остальныхъ можетъ стоять частица, называемая *предлогомъ.* Предлогъ можно поставить съ вопросомъ какого-нибудь падежа: наступаю *на* кого или что? значитъ— на — требуетъ винительнаго падежа; *изъ* кого, изъ чего? изъ—требуетъ родит. пад.; *къ* кому, *къ* чему? къ — требуетъ дательн. пад. Мирюсь *съ* кѣмъ или *съ* чѣмъ? съ—требуетъ творит. пад. *О* комъ или *о* чемъ я знаю сказку? о лисицѣ; эти послѣдніе вопросы нельзя сказать безъ предлога (комъ, чемъ—нѣтъ смысла): это вопросы *предложна-*

го падежа, который употребляется только съ *предлогомъ.*

Я мирюсь съ товарищами: мириться нужно непремѣнно съ кѣмъ-нибудь или съ чѣмъ-нибудь; такіе глаголы называются *взаимнаго залога.*

Всѣхъ падежей шесть: именительный, родит., дат., винит., творительный и предложный.

§ 14. Сравнимъ: 1) я читаю, 2) буду читать и 3) я читалъ. Читаю—значитъ *теперь*; буду читать, т. е. *послѣ когда-то*; читалъ — *когда-то прежде*: глаголы, измѣняясь, могутъ показывать времена: настоящее, будущее и прошедшее.

Здѣсь слѣдуетъ образецъ спряженія всѣхъ временъ глагола (несоверш. вида): изъявит. наклоненія.

§ 15. Въ настоящемъ времени, какъ мы уже видѣли, дѣйствующее лицо указывается окончаніемъ глагола; точно такія же окончанія въ будущемъ времени принимаетъ глаголъ „буду“, который называется *вспомогательнымъ*, потому что онъ *помогаетъ* образованію будущаго времени, напр. буду ходить. Измѣняется только глаголъ „буду“, а „ходить“ не можетъ измѣняться; такая форма называется неопредѣленнымъ *наклоненіемъ.*

Глаголъ въ прошедшемъ времени, напр. ходилъ, своимъ окончаніемъ ясно не обозначаетъ лица: ходилъ я, ты или онъ; ходилъ я, ты или она; ходили мы, вы или они. Окончаніемъ прошедшаго времени обозначается число, а въ единственномъ числѣ и родъ. Родовъ три: мужескій—ходилъ, женскій—ходила, средній—ходило.

§ 16. Хотя глаголъ самъ по себѣ показываетъ время, но время точнѣе можно означить отдѣльными словами: читаю *теперь*, ты читалъ *вчера*, буду читать *вечеромъ*; слова: теперь, вчера, вечеромъ — показываютъ *обстоятельство времени*; а такъ какъ это неизмѣняемыя слова, то они называются *нарѣчіями.* Онъ читалъ *цѣлую ночь*: здѣсь обстоятельство времени „цѣлую ночь“ выражено именемъ сущ. съ прилагат., винительнымъ пад.

§ 17. Встань, проснись, подымись, на себя погляди. Здѣсь въ каждомъ предложеніи выражено *желаніе* говоря-

щаго: глаголы поставлены въ *повелительномъ наклоненіи*. При каждомъ сказуемомъ можно поставить подлежащее— ты: значитъ—здѣсь 2 лицо единственнаго числа. Встаньте—2 лицо множ. числа. Повелѣніе 3-му лицу выражается при помощи слова „пусть“: пусть встанетъ, пусть встанутъ. 1-го лица въ повел. н. нѣтъ.

§ 18. Здѣсь слѣдуютъ образцы спряженія глаголовъ въ трехъ наклоненіяхъ, причемъ объясняется, чѣмъ выражено время, число съ лицомъ.

§ 19. 1) Ты колешь. Ты кололъ. Ты будешь колоть.

2) Ты прокололъ. Ты проколешь.

3) Ты кольнулъ. Ты кольнешь.

4) Ты калывалъ.

Ты прокололъ. Сказ. прокололъ: *какъ* это дѣйствіе совершилось? Прокололъ—это значитъ —*совсѣмъ, окончательно*. Этотъ отвѣтъ мы вывели изъ самаго глагола: если мы отбросимъ отъ глагола предлогъ „про“, выйдетъ — кололъ: это уже не значитъ—*совсѣмъ, окончательно*. Предлогъ, пишущійся слитно съ глаголомъ, измѣняетъ нѣсколько значеніе глагола, переводитъ его въ другой *видъ*: кололъ— называется глаголомъ *несовершеннаго вида*, прокололъ—*совершеннаго вида*. Ты кольнулъ—какъ, сколько разъ? *быстро* и *одинъ разъ*: это глаголъ *однократнаго вида*; здѣсь видъ показанъ слогомъ „ну“. Ты калывалъ—сколько разъ? многократно: калывалъ — *многократнаго вида*; видъ показанъ звукомъ „*ыва*“. Употребляя глаголъ въ разныхъ видахъ, мы тѣмъ самымъ показываемъ, *какъ* дѣйствіе совершается или *сколько разъ*, т. е. показываемъ *образъ дѣйствія*; но образъ дѣйствія можно выразить и отдѣльнымъ обстоятельственнымъ словомъ — или нарѣчіемъ, или именемъ существительнымъ. *Весело* я лажу борону и соху. Накормлю *досыта*, напою *водою*.

Замѣчаніе. Здѣсь слѣдуютъ спряженія всѣхъ видовъ. По будущему времени ученики научатся различать виды несовершенный и совершенный; однокр. и многокр. различаются по суффиксамъ.

§ 20. Туча пронеслась. Изъ деревни донеслась пѣсня. Въ сказуемомъ „пронеслась“ предлогъ „про“ указываетъ на все пространство неба, находящееся надъ головой, указываетъ *мѣсто.* Во второмъ предложеніи сказуемое „донеслась“, приставленный предлогъ указываетъ мѣсто *неопредѣленно*—можно обозначить опредѣленнѣе отдѣльнымъ словомъ: донеслась *до уха.* Существительнымъ съ предлогомъ: до уха—здѣсь обозначено *мѣсто,* на которомъ дѣйствіе кончается; но въ этомъ же предложеніи указано мѣсто, съ котораго дѣйствіе началось: *изъ деревни.*

Приставки—предлоги показываютъ, какъ мы видѣли, видъ глагола, но могутъ указывать и *мѣсто*; мѣсто опредѣленнѣе указывается отдѣльными обстоятельственными словами. Чѣмъ они выражены?

§ 21. *Съ радости—веселья* хмѣлемъ кудри вьются. Мертвецъ внизъ поплылъ снова *за могилой и крестомъ.* Иногда нужно показать не мѣсто начала дѣйствія, а причину его; также дѣйствіе можетъ кончиться, достигнувъ цѣли, или можетъ стремиться къ этой цѣли. *Съ радости—веселья*—обстоятельство причины, *за могилой и крестомъ*—обстоятельство цѣли. Чѣмъ выражены?

Чтобы поставить грамматику *педагогически,* нужно подобрать *матеріалъ,* надъ которымъ ученики могли бы методически *потрудиться,* безъ насилованія, и тѣмъ развивали бы свои силы: вопросъ распадается на три: о подборѣ матеріала, о сообщеніи его и о развитіи мышленія.

1) Тотъ матеріалъ, который обыкновенно дается нашими грамматиками, не представляетъ ничего, надъ чѣмъ бы ученики могли поработать: грамм. правила требуютъ почти только усилія памяти, а не переработки. Дѣтямъ нужно дать въ руки не грамматику, а задачникъ, представляющій собраніе всѣхъ возможныхъ формъ выраженія. Каждый примѣръ долженъ заключать въ себѣ вопросъ, который ученики должны рѣшить. Формы выраженія, т. е. предложенія, должны представлять сначала самые простые способы выраженія, потомъ постепенно вводятся характер-

ныя выраженія авторовъ, пословицы. Цѣлыя статейки на *первой* ступени вносить нельзя, потому что въ нихъ, кромѣ тѣхъ выраженій, которыя нужны для анализа, много другихъ, разбирать которыя преждевременно; на слѣдующихъ ступеняхъ уже можно подбирать цѣлыя статейки. На одной изъ высшихъ ступеней задачникъ долженъ дать матеріалъ для *историческаго изученія языка.*

2) Трудъ производителенъ, если дѣти сами проходятъ, такъ сказать, „путь открытій“; а это возможно при задачникѣ и при разумной *формѣ обученія.* Для того, чтобы дѣти шли „путемъ открытій“, нужна *евристическая* форма обученія; *акроаматически* сообщается очень немногое. *Катехизація* пройденнаго необходима при всякой формѣ обученія. Обыкновенно говорятъ, что, начиная грамматику, необходимо многое сообщать акроаматически, но намъ кажется—очень мало. Прежде группированія матеріала около сказуемаго (нашего 1-го концентра) нужно научить учениковъ отдѣлять предложеніе отъ предложенія: берется, напр., одно изъ выученныхъ учениками стихотвореній; учитель заставляетъ сказать первую мысль, вторую и т. д. Ученики скоро привыкаютъ отдѣлять мысль отъ мысли, даже привыкаютъ отличать мысль отъ желанія и чувствованія (повѣствов., повелительныя и восклиц. предл.). Далѣе учитель спрашиваетъ: сколько словъ для выраженія мысли—первой, второй? . . . Сколько слоговъ въ первомъ, во второмъ . . . словѣ? (Если ученики не понимаютъ слово „слогъ“, то поймутъ „складъ“). Далѣе—сколько буквъ въ каждомъ слогѣ? Одинаково ли ясно выговаривается каждая? Сначала учитель называетъ „ясная буква“, „неясная буква“, а потомъ прибавляетъ: ясная, т. е. гласная, неясная т. е. согласная. Послѣ этого: чѣмъ выражена каждая мысль? словами. „Мысль, желаніе или чувствованіе, выраженное словами, называется предложеніемъ“. Что говорится въ первомъ предложеніи? о комъ или о чемъ говорится? Послѣ такого разбора нѣсколькихъ предложеній учитель начинаетъ употреблять термины: сказуемое, подлежащее, начинаетъ употреблять, не давая опредѣленій, ко-

торыя ни къ чему не ведутъ. Это самый трудный шагъ въ преподаваніи грамматики; послѣ этого можно начинать первый концентръ.

3) Предполагая преподаваніе грамматики по задачнику, мы имѣемъ въ виду дать матеріалъ, надъ которымъ ученики могли бы поработать: работа развиваетъ; но для развитія мышленія есть особое средство—возбужденіе двухъ ходовъ мышленія: индукціи и дедукціи (въ томъ смыслѣ, въ какомъ возможно это при обученіи). Задачникъ въ этомъ случаѣ цѣлесообразенъ.

Изъ *одного — двухъ* примѣровъ индуктивно выводится *общее* правило; чтобы вывести правило, нужно анализировать примѣръ, и такимъ образомъ при посредствѣ анализа мы открываемъ явленіе, а индукція это явленіе возводитъ въ законъ, въ *общее* правило. Но этотъ законъ или правило допущены пока гипотетически: нужна еще дедукція, чтобы доказать всеобщность правила. Когда индуктивно выведено правило, мы остальные примѣры (данное въ задачникѣ) разбираемъ и дедуктивно показываемъ, что данный примѣръ вытекаетъ изъ общаго правила, имъ объясняется. Когда дедуктивнымъ ходомъ мышленія выяснены всѣ случаи, ученики могутъ найденное изложить синтаксически: сказавъ правило, пополненное и провѣренное дедукціей, они могутъ его выяснить примѣрами, подобранными такъ, чтобы они подтверждали *вполнѣ* данное правило. Синтезъ — это сведеніе всего, найденнаго индукціей и дедукціей.

А. Барсовъ.

статьи по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго образованія. III. Педагогика, методика и общеобразовательныя и научныя статьи. IV. Семейно-воспитательный отдѣлъ. V. Исторія народнаго образованія и литературы. VI. Педагогическая хроника русская и иностранная. VII. Отчеты о засѣданіяхъ и съѣздахъ. VIII. Литературное обозрѣніе, библіографія и критика. Новыя книги, вышедшія въ Россіи и заграницей. IX. Смѣсь, учебныя пособія. X. Отвѣты редакціи и частныя объявленія.

Журналъ въ одинаковой степени слѣдитъ за воспитаніемъ въ семьѣ и школѣ и за ходомъ учебнаго дѣла, какъ въ народной школѣ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ. Характеръ журнала—общественно-педагогическій, общеобразовательный и практическій. Въ наступающемъ году будетъ помѣщенъ рядъ научныхъ статей и популярныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ знанія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (исключая іюня и іюля) въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками въ объемѣ 4—6 листовъ въ каждой.

Подписная плата въ годъ 3 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой.

Отъ Университета св. Владиміра въ Кіевѣ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммисіонеру Университета Н. Я. Оглоб-

лину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, N 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка Извѣстій, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II — юридическій; отдѣлъ III — физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій; отдѣлъ V—научная хроника, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—критико-библіографическій. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ прибавленіяхъ къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Подписка на историческій журналъ

Кіевская Старина,

издаваемый въ городѣ Кіевѣ.

1884-й годъ (третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и

пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южнорусской старины.

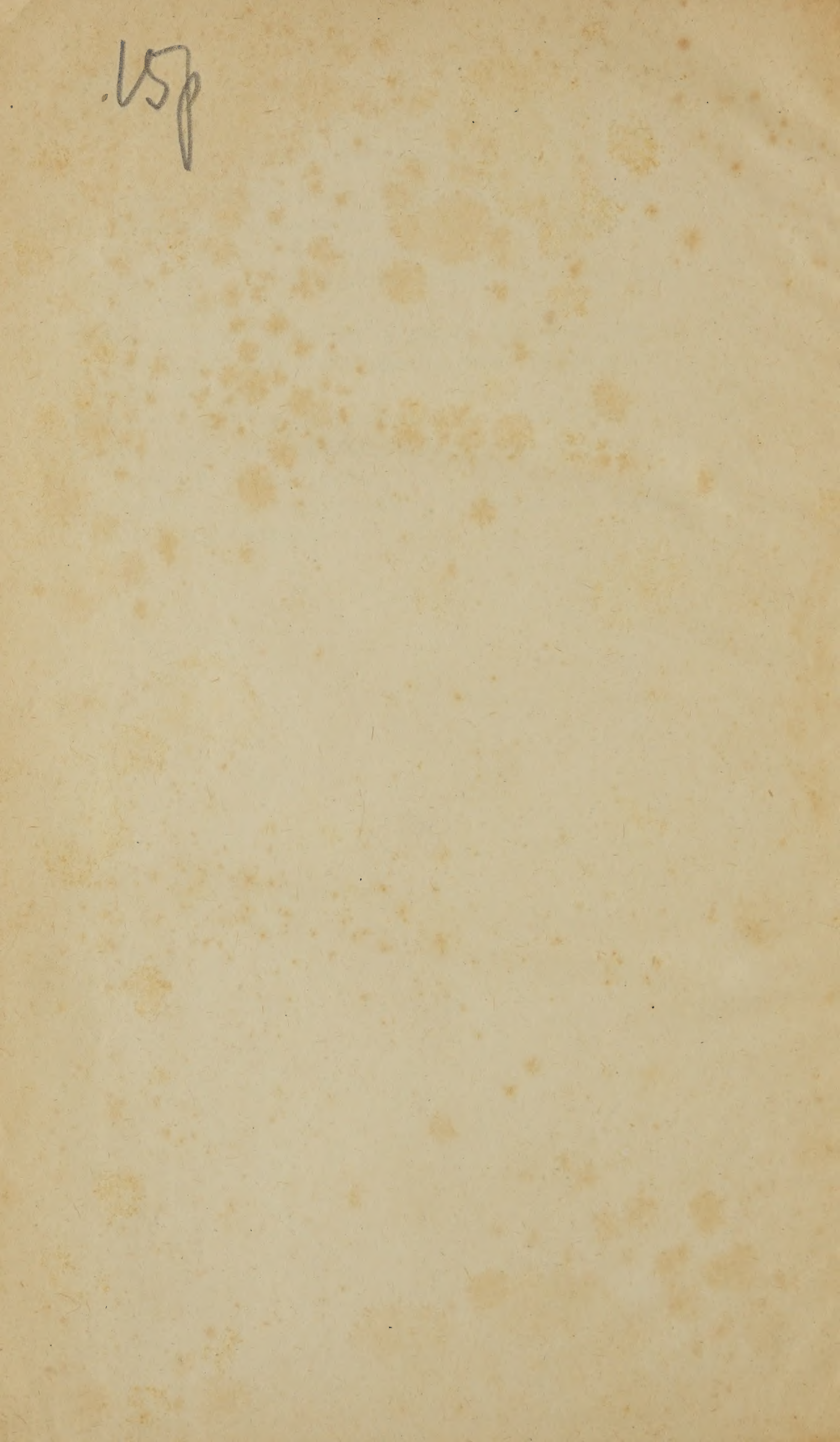
Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 рубль. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб. Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

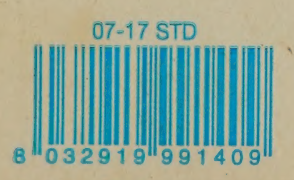
Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Софійская площадь, д. N 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Г. Лебединцевъ.*

СОДЕРЖАНІЕ X т. Р. Ф. ВѢСТНИКА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

07-17 STD
8 032919 991409

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042824620